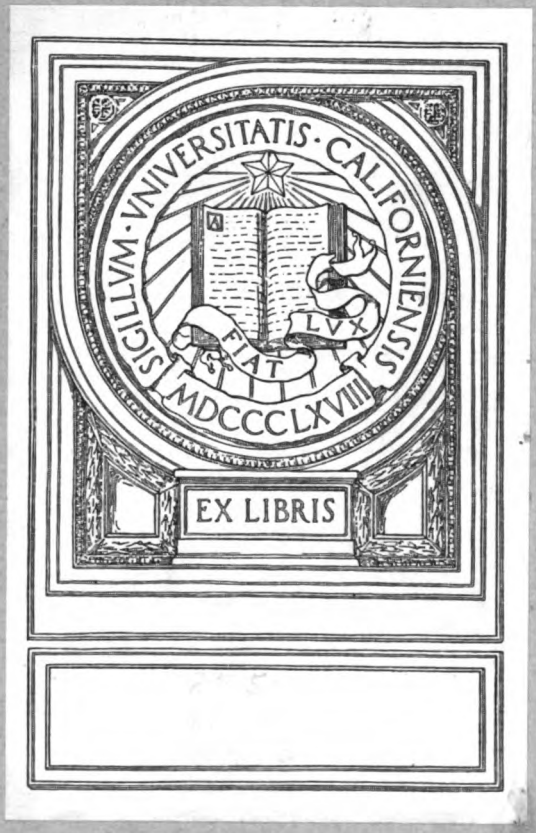

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ IX-й. № 5-й.

UNIV. OF CALIFORNIA

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

М А Й

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1900.

Printed in Soviet Union

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр.
1	ДЖУЛІО ВАНИНИ. (Изъ исторіи европейской культуры). Евг. Тарле	1
2.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЕСЕННІЕ МОТИВЫ. Галины.	29
3.	БЕЗДОМНЫЕ. Повѣсть Стефана Жеромскаго. Переводъ съ польскаго М. Троповской.	31
4.	АЛЬПІЙСКІЕ ЛЕДНИКИ. Прив.-доц. Николая Иванцова	73
5.	БОРЬБА СЪ БЕЗРАБОТИЦЕЙ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ. Проф. Н. Рейхесберга	91
6.	МИЛОСЕРДІЕ. Романъ Уилльяма Д. Гоуэллса. Перев. съ англ. С. А. Гулишамбаровой. (Продолженіе).	107
7.	СТИХОТВОРЕНІЯ. ИЗЪ СТАРОЙ ТЕТРАДИ. А. Колтоновскаго.	141
8.	ПРЕДѢЛЪ СКОРБИ. (Повѣсть изъ жизни прокаженныхъ). Вацлава Сѣрошевскаго. Съ польскаго. Перев. автора. (Окончаніе).	143
9.	НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ ВЪ ПАРИЖѢ. П. Кулакова.	180
10.	ВОСКРЕСШІЕ БОГИ. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. Романъ. Д. С. Мережковскаго. (Продолженіе)	195
11.	ЕСТЬ ЛИ ПОЭТЫ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНІИ? Евгенія Дегена.	224
12.	ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. (Продолженіе). П. Милюкова	251

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13.	КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ «Альма», трагедія изъ современной жизни, г. Минскаго. — Характеръ пародіи, написанной серьезнымъ тономъ. — Странное пониманіе индивидуализма авторомъ.—«Бракъ», драма г. Ярцева.—Спутанность мысли автора.—Симптоматическое значеніе обѣихъ драмъ. — «Сократъ», историческія сцены, г. Сергѣенко.—Суздальское художество. — Отсутствіе характеровъ и извращеніе исторіи.— Сборникъ стихотвореній г. Тана.—Существенные недостатки его стихотвореній.—Общественное значеніе его поэзіи	1
14.	РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. На ремесленномъ съѣздѣ.— Городскія попечительства въ Москвѣ. — Проектъ народнаго дома въ Екатеринославѣ.—Къ характеристикѣ церковно-при-	

НОВОЕ ИЗДАНІЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

М. Туганъ-Барановскій.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ КРИЗИСЫ.

Очеркъ изъ соціальной исторіи Англіи.

2-е, совершенно переработанное изданіе. Цѣна **2 р. 25 к.**

СОДЕРЖАНІЕ: Теорія и исторія кризисовъ. Основныя причины кризисовъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Причины періодичности кризисовъ. Вліяніе промышленнаго цикла на народную жизнь. Чартизмъ. Хлопковый голодъ. Новѣйшія движенія безработныхъ. Соціальное значеніе кризисовъ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ О. Н. ПОПОВОЙ.

ИЗДАНІЕ Н. М. ГЛАГОЛЕВА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВУЮ КНИГУ:

Проф. Герхартъ фонъ Шульцъ-Говерницъ.

„Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи".

Перев. съ нѣм. подъ ред. *П. П. Румянцева*, съ предисловіемъ *П. Б. Струве.*

Содержаніе: Введеніе. — Русскій меркантилизмъ. — Хлопчатобумажная промышленность центральной Россіи.—Выгодныя и невыгодныя стороны фабричнаго труда въ средней Россіи. — «Европеизація» строя русскихъ фабрикъ. — Славянофилы. — Народники. — Новѣйшее теченіе международнаго характера. — Торговая политика 80-хъ годовъ.—Аграрныя отношенія въ Россіи.—Аграрное законодательство.—Къ вопросу о денежной реформѣ. — Финансовыя основы денежной реформы. — Платежный балансъ Россіи. — Торговый балансъ Россіи.— Заключеніе.

Цѣна по подпискѣ 2 рубля, съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Подписка принимается до 15-го мая текущаго года въ *Петербургѣ*: въ книжномъ магазинѣ акціонернаго общества «Издатель» (Невскій, 68), въ конт. журналовъ: «Научное Обозрѣніе» (Стремянная, 12) и «Книжныя Новости» (Садовая, 13); въ *Москвѣ*: въ книжныхъ магазинахъ: «Трудъ» (Тверская), «Книжное Дѣло» (Моховая, д. Бенкендорфа) и журнала «Русская Мысль» (Б. Никитская, д. Вельтищевой).

Книга печатается и цѣна книги по выходѣ въ свѣтъ будетъ повышена

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ:

„Программы чтенія для самообразованія".

Третье, вновь переработанное и дополненное изданіе.

Изданіе Отдѣла для содѣйствій самообразованію въ Комитетѣ Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній. Спб. Ц. **40** к.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича.
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 линія, 28.

„ПАРИЖСКАЯ ГАЗЕТА".

Русское ежедневное политическое и литературное изданіе съ иллюстраціями въ текстѣ.

I. Оффиціальный отдѣлъ: Дѣйствія и распоряженія русскаго правительства. — II. Циркуляры и распоряженія по всемірной выставкѣ и по русскому отдѣлу. — III. Ежедневныя телеграммы и корреспонденціи изъ крупнѣйшихъ центровъ Европы и изъ главнѣйшихъ городовъ Россіи отъ собственныхъ корреспондентовъ. — IV. Политическое обозрѣніе. — V. Обзоры русской и иностранной печати. — VI. Хроника русской столичной и провинціальной жизни. — VII. Хроника иностранной жизни. — VIII. Судебный отдѣлъ. — IX. Театръ и музыка. — X. Фельетонъ: научное обозрѣніе, беллетристика. — XI. Всемірная выставка: описанія русскаго и иностранныхъ отдѣловъ. — XII. Спортъ. — XIII. Биржевой бюллетень. — XIV. Библіографія. — XV. Справочныя свѣдѣнія. — XVI. Объявленія.

Отдѣльные номера въ Парижѣ по 15 сантимовъ.

Подписка принимается съ 1-го и 15-го каждаго мѣсяца.

ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

	1 мѣсяцъ	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во всѣ города Россіи	3 р.	8 р.	15 р.	28 р.
Въ остальные города почтоваго союза ...	7 франк.	17 фр.	35 фр.	70 фр.
Въ Парижѣ и въ Д-тѣ Сены и Уазы ...	5 фр.	13 фр.	25 фр.	50 фр.
Въ остальной Франціи	6 фр.	15 фр.	30 фр.	60 фр.

Объявленія (для Россіи) { На 1-ой стр. по 5 франковъ (2 р.) за строку петита
На 4-ой стр. по 1 фр. 50 сант. (60 к.) » »

Подписка и объявленія принимаются:

въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ «ПАРИЖСКОЙ ГАЗЕТЫ», Парижъ, 18, бульваръ Монмартръ.

(Administration de la «PARIJSKAYA GAZETA» Paris, 18, boulevard Montmartre);

въ отдѣленіи конторы на всемірной выставкѣ; въ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ заграницы и Россіи; въ книжныхъ магазинахъ т-ва Вольфа, Мелье, въ Петербургѣ и «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ; въ Москвѣ: въ конторѣ Ф. Згодинскаго (отдѣленіе конторы «Русскаго Листка»), Петровка, д. Грачева; въ Москвѣ и Петербургѣ: въ конторѣ торговаго дома Л. и Э. Метцль и К° и въ Агентствѣ Парижской Прессы Віоле; въ Одессѣ: въ книжныхъ магазинахъ Руссо, Москетти, Распопова, Штадельмайера и въ газетномъ кіоскѣ Свистунова; въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Идзиковскаго.

Отдѣльные номера продаются въ кіоскахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ.

Годъ IX-й. № 5-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

65
М63

МАЙ

1900 г.

Инв. 1924

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1900.

Дозволено цензурою. 26 апрѣля 1900 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ДЖУЛІО ВАНИНИ. (Изъ исторіи европейской культуры). Евг. Тарле 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЕСЕННІЕ МОТИВЫ. Галины. 29
3. БЕЗДОМНЫЕ. Повѣсть Стефана Жеромскаго. Переводъ съ польскаго М. Троповской. 31
4. АЛЬПІЙСКІЕ ЛЕДНИКІЙ. Прив.-доц. Николая Иванцова . . . 73
5. БОРЬБА СЪ БЕЗРАБОТИЦЕЙ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ. Проф. Н. Рейхесберга 91
6. МИЛОСЕРДІЕ. Романъ Уилльяма Д. Гоуэллса. Перев. съ англ. С. А. Гулишамбаровой. (Продолженіе). 107
7. СТИХОТВОРЕНІЯ. ИЗЪ СТАРОЙ ТЕТРАДИ. А. Колтоновскаго. 141
8. ПРЕДѢЛЪ СКОРБИ. (Повѣсть изъ жизни прокаженныхъ). Вацлава Сѣрошевскаго. Съ польскаго. Перев. автора. (Окончаніе). 143
9. НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ ВЪ ПАРИЖѢ. П. Кулакова. 180
10. ВОСКРЕСШІЕ БОГИ. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. Романъ. Д. С. Мережковскаго. (Продолженіе) 195
11. ЕСТЬ ЛИ ПОЭТЫ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНІИ? Евгенія Дегена. 224
12. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. (Продолженіе). П. Милюкова 251

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ «Альма», трагедія изъ современной жизни, г. Минскаго. — Характеръ пародіи, написанной серьезнымъ тономъ. — Странное пониманіе индивидуализма авторомъ. — «Бракъ», драма г. Ярцева. — Спутанность мысли автора. — Симптоматическое значеніе обѣихъ драмъ. — «Сократъ», историческія сцены, г. Сергѣенко. — Суздальское художество. — Отсутствіе характеровъ и извращеніе исторіи. — Сборникъ стихотвореній г. Тана. — Существенные недостатки его стихотвореній. — Общественное значеніе его поэзіи . . . 1
14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. На ремесленномъ съѣздѣ. — Городскія попечительства въ Москвѣ. — Проектъ народнаго дома въ Екатеринославѣ. — Къ характеристикѣ церковно-при-

384323

стр.

ходскихъ школъ. — Земскіе начальники и крестьянское самоуправленіе. — Спичечныя фабрики. — Саратовское общество книгопечатниковъ. 13

15. БЕЛЬГІЙСКІЙ РАБОЧІЙ ВЪ РОССІИ. А. Новино. 25

16. Изъ русскихъ журналовъ. «Русское Богатство». — «Русская Мысль».—«Вѣстникъ Европы» 41

17. За границей. Событія французской жизни.—Пьеса Альфонса Додэ въ американскомъ судѣ. — Изъ области женскаго движенія.—Лондонскій союзъ помощи работницамъ.—Голодъ въ Индіи.—Эпизодъ изъ современной исторіи Германіи.—Брюссельскій научный клубъ.—Народныя школы у буровъ. . . . 48

18. Изъ иностранныхъ журналовъ. «The Humanitarian». — «Nineteenth Century».—«Revue pédagogique».—«National Review». 59

19. КАРЛЪ КАУТСКІЙ ОБЪ АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНѢ. М. Рафаилова. 64

20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Физіологія. О нормальномъ присутствіи и значеніи мышьяка въ организмѣ человѣка и животныхъ.—Ботаника. О нѣкоторыхъ необычныхъ случаяхъ передачи наслѣдственныхъ свойствъ.—Медицина: 1) О вредѣ, причиняемомъ озогеновыми лампочками; 2) о солнечномъ ударѣ. Д. Н.—Геологія. Къ вопросу о происхожденіи нефти.—Техника: 1) Новое пластическое вещество целлюлитъ; 2) большой каналъ въ Чикаго. — Статистика. Къ парижской выставкѣ 1900 г.—Географія и путешествія. Восхожденія на Монъ-Бланъ прежде и теперь. Н. М. — Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго. 69

21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія литературы.—Исторія всеобщая. — Политическая экономія.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 84

22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 116

23. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ЭЛЕОНОРА. Романъ миссисъ Гёмфри Уордъ. Перев. съ англ. 47

25. ТРАНСФОРМИЗМЪ И ДАРВИНИЗМЪ. Эрнста Геккеля. Переводъ съ девятаго нѣмецкаго изданія В. Вихерскаго 53

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ДЖУЛІО ВАНИНИ.

(Изъ исторіи европейской культуры).

I.

«Всѣ люди, которые пытались безъ оружія въ рукахъ созерцать истину жалко погибали». Эта горькая фраза, сказанная триста лѣтъ тому назадъ человѣкомъ, который былъ убѣжденъ, что онъ видитъ истину, пріобрѣтаетъ особенно трагическій смыслъ, если вспомнить, что языкъ, произнесшій эти слова, былъ вырванъ щипцами палача, а самъ «созерцатель истины» сгорѣлъ на кострѣ. Тѣмъ скорѣе фраза Ванини должна была облетѣть Европу и тѣмъ убѣдительнѣе могла показаться, что этотъ шестнадцатый вѣкъ видѣлъ борьбу и «вооруженныхъ», и «невооруженныхъ» людей съ однимъ и тѣмъ же врагомъ: сравненія и выводы напрашивались сами собою. Католическая догма терпѣла непоправимые удары отъ реформаціи; она же испытывала нападенія отъ гуманистовъ и свободныхъ мыслителей. Никогда, можетъ быть, со временъ Арія католичество не выдерживало такой страшной борьбы. Вначалѣ дѣло, казалось, было не въ гуманистахъ и свободныхъ мыслителяхъ: защитники католицизма даже, повидимому, не боролись съ ними, а отмахивались отъ нихъ, не высылали противъ нихъ армій, а поручали альгвазиламъ арестовывать ихъ, не вели съ ними дипломатическихъ переговоровъ, а только старались изловить ихъ на своей или чужой территоріи. Это были невооруженные враги, тѣмъ болѣе досадные, что явились какъ разъ когда колоссальная война съ реформаціей была въ разгарѣ. За гуманистами и отрицателями не пошелъ ни одинъ народъ, ни одна провинція не встала на ихъ защиту: это сразу, повидимому, должно было рѣшить ихъ участь. Даже съ врагами своего врага, съ реформаторами—эти люди не заключали и не могли заключить союзовъ: среди сплошного военнаго лагеря, которымъ была тогдашняя Европа, они одни оставались безоружными и беззащитными. Но съ тою удивительною остротой зрѣнія, съ тѣмъ глубокимъ пониманіемъ могущества пера и чернилъ, съ тѣмъ широкимъ и глядящимъ впередъ идеализмомъ, который всегда его отличалъ, римскій католицизмъ вполнѣ

постигъ, что эти одинокіе и разбросанные противники тѣмъ опаснѣе, чѣмъ труднѣе опредѣлить географически сферу ихъ вліянія. О Фридрихѣ Великомъ разсказывали, что когда ему докладывали о какомъ-нибудь писателѣ, какъ о человѣкѣ небезопасномъ, король шутливо спрашивалъ: «а сколько у него пушекъ?» Защитники католицизма никогда не забывали, что за пушками скрыты канониры, которые въ рѣшительный моментъ могутъ отказаться стрѣлять или повернуть жерло не туда куда нужно; и вотъ почему они всегда говорили и дѣйствовали гораздо послѣдовательнѣе потсдамскаго философа.

Вооруженные враги Рима послѣ самыхъ страшныхъ и неожиданныхъ атакъ остаются за своими позиціями, невооруженные быстро и безъ всякаго матеріальнаго сопротивленія гибнутъ въ тюрьмахъ и на эшафотахъ. Но если здѣсь есть громадная разница въ усиліяхъ со стороны Рима побѣдить тѣхъ и другихъ, то заслуживаетъ вниманія самый фактъ этой двойственной борьбы.

Врагъ—англійскій флотъ королевы Елизаветы, но такой же врагъ Джіордано Бруно, врагъ—возставшій чешскій народъ, но онъ не заставляетъ забывать о другомъ врагѣ—Джуліо Ванини, врагъ—Саксонія, но врагъ и Этьенъ Долэ. Это разностороннее вниманіе, это уваженіе къ силѣ мысли, безпрерывная и пристальная бдительность, обнаруженныя католицизмомъ въ критическую для него эпоху, даютъ понять, почему онъ и теперь умѣетъ пріобрѣтать новыхъ и новыхъ союзниковъ и парировать тайные мины и подкопы, приготовляемые для него тамъ, гдѣ никто ихъ не подозрѣвалъ.

Разъ фактъ такого разносторонняго вниманія вождей католической обороны былъ на лицо, «жалкая гибель» ихъ единичныхъ, разсѣянныхъ и безоружныхъ противниковъ сдѣлалась лишь вопросомъ времени. Хладнокровная и сосредоточенная травля съ одной стороны, безпрерывное бѣгство и прятанье—съ другой—вотъ во что должны были обратиться взаимныя отношенія Рима и свободныхъ мыслителей. Тутъ была обоюдная и сознательная ненависть, обоюдное пониманіе того, что имъ обоимъ нѣтъ мѣста на землѣ, такъ какъ человѣческая совѣсть была тѣмъ конечнымъ призомъ, изъ за котораго они боролись, завоеваніе ея—тою высшею радостью, о которой они мечтали. Географически раздѣлиться можно было съ лютеранами, кальвинистами и язычниками, но со свободными мыслителями дѣлиться было и безполезно, и невозможно, потому что, не имѣя силы отвоевать десять аршинъ земли, они въ то же время, такъ же непоколебимо, какъ римскій католицизмъ, претендовали на весь земной шаръ. Это столкновеніе двухъ разумныхъ, вполнѣ сознательныхъ силъ, двухъ противниковъ, насквозь видѣвшихъ другъ друга, высоко интересно для тѣхъ далекихъ временъ. Забытая трагедія, которую мы попытаемся напомнить, иллюстрируетъ до извѣстной степени ту борьбу, въ которой зарождалась и крѣпла современная цивилизація.

II [1]).

Ванини родился въ 1585 году въ семьѣ фермера, около Таурозано, недалеко отъ Неаполя и первые годы жизни провелъ въ родной семьѣ. Съ дѣтства онъ почувствовалъ особое влеченіе къ книжкамъ духовнаго содержанія, учебникамъ и житіямъ святыхъ, т. е. къ той литературѣ, которая была ему доступна въ домѣ отца. Отецъ его, судя по отзывамъ сына [2]), былъ человѣкъ добрый и честный, его смерть произвела сильное впечатлѣніе на мальчика. Оцѣнивъ наклонности сына, старый фермеръ отправилъ его въ Римъ для изученія философіи и богословія. Здѣсь онъ поступилъ въ обученіе къ двумъ монахамъ кармелитскаго монастыря, о которыхъ онъ отзывается въ своихъ произведеніяхъ съ восторгомъ, какъ о людяхъ, разъяснившихъ ему доктрину Аверроэса и «научившихъ его клясться именемъ» арабскаго философа. Римъ принесъ ему еще ту пользу, что онъ превосходно выучился тамъ латинскому языку, безъ котораго нельзя было шагу ступить человѣку, отдавшемуся наукѣ.

Въ Римѣ же онъ познакомился впервые съ ученіями Кардануса и Помпонацци [3]); почитателемъ послѣдняго Ванини остался до конца. Неаполь въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го столѣтія оставался тѣмъ городомъ наукъ и искусствъ, которымъ его знали еще средніе вѣка; Ванини разомъ предался изученію какъ умозрительныхъ наукъ, такъ и опытныхъ, — даже преимущественно занимался экспериментами, которыми сопровождались лекціи по физикѣ и медицинѣ. Отецъ его умеръ, не оставивъ ему никакого состоянія, и трудолюбивому студенту пришлось много бѣдствовать. «Для тѣхъ, которые любятъ науку,—гово-

---

[1]) Краткая характеристика источниковъ, какъ изданныхъ, такъ и рукописныхъ, будетъ приводиться въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Въ основу работы я положилъ записки Грамонда, рукопись нѣкоего Эскироля, источникъ довольно цѣнный, книгу Марина Марсенна («In Genesim», 1623 г.), мемуары Нисерона (т. 26), трактатъ іезуита Шрамма («De vita et scriptis famosi athaei Julii Caesaris Vanini» (Custini 1709), книгу Дюрана «La vie et les sentiments de Lucilio Vanini» (Rotterdam 1717), замѣчательный трактатъ іезуита Гарасса: «La doctrine curieuse», написанный черезъ 4 года послѣ казни Ванини (Paris MDCXXIII) и какъ источникъ побочный и второстепенный— четвертый фоліантъ словаря Шоффпье (Chauffepié, «Nouveau dictionnaire historique et critique», Amsterdam MDCCLVI). Для характеристики ученія я пользовался современнымъ автору латинскимъ изданіемъ (Lyon 1615 и 1616) его сочиненій, изрѣдка французскимъ (изд. Rousselot, 1841, изданіе неполное и небрежное). Подробнѣе см. ниже при ссылкахъ.

[3]) См. «Amphitheatrum» (Lyon; 1615), стр. 153.

[2]) Schram, «De vita et scriptis famosi Athaei Julii Caesaris Vanini» (Custrini, 1701) стр. 6. Эта книжка іезуита Шрамма весьма пристрастна, но замѣчательно хорошо освѣдомлена; авторъ имѣлъ въ рукахъ документы, доступные для него по его положенію, и теперь исчезнувшіе. Весьма вѣроятно, что тулузскіе собратья по ордену доставили ему эти свѣдѣнія. На Шрамма охотно ссылаются другіе біографы, вродѣ Дюрана.

*

ритъ онъ въ своихъ «Діалогахъ», все — тепло; развѣ я въ рваномъ и легкомъ платьѣ не переносилъ самыхъ жестокихъ холодовъ въ Падуѣ, исключительно одушевляемый страстью къ ученію?» Дѣйствительно, въ Падуѣ, куда онъ перешелъ изъ Неаполя, ему пришлось оканчивать курсъ среди самыхъ неблагопріятныхъ условій. Въ Падуѣ, какъ и во всей сѣверной Италіи, сохранились традиціи послѣ преподаванія Помпонацци; всего два поколѣнія смѣнилось между тѣмъ временемъ, когда авторъ «Безсмертія души» сошелъ въ могилу, и тѣмъ годомъ, когда Ванини явился въ этотъ священный для него городъ, городъ «великаго учителя». Вѣроятно, именно въ Падуѣ Ванини могъ и скорѣе достать трактаты Помпонацци, сожженные въ городахъ средней и южной Италіи тотчасъ послѣ появленія, и окончательно усвоить себѣ основные принципы помпонацціевскаго отрицанія. Каково было его отношеніе къ церкви въ эту эпоху—сказать довольно затруднительно; въ знаменитомъ трактатѣ франциссканца Мерсенна [1]) прямо говорится, что Ванини согласился съ 12 товарищами еще на студенческой скамьѣ распространять атеизмъ по всему свѣту и что они тогда же раздѣлили между собою сферу дѣйствій: Ванини досталась Франція. Мерсенъ утверждаетъ, что самъ Ванини признался въ этомъ четыре года тому назадъ передъ смертью; но это утвержденіе мало убѣдительно. Такъ или иначе, Ванини послѣ окончанія курса наукъ со степенью доктора гражданскаго и каноническаго права, пустился въ продолжительное путешествіе по Европѣ.

Подобно Джіордано Бруно, онъ или не находилъ, или не искалъ нигдѣ покоя и утойчиваго положенія. Мы его видимъ одинъ годъ въ Германіи, другой годъ—въ Голландіи, третій—во Франціи, четвертый—въ Швейцаріи, пятый — въ Англіи, потомъ снова на континентѣ... Путешествовать ради удовольствія онъ не могъ, такъ какъ у него не было ни гроша въ карманѣ; попытокъ устроиться онъ не дѣлалъ. По-видимому, онъ былъ еще большимъ космополитомъ, чѣмъ его соотечественникъ, также неаполитанецъ—Джіордано Бруно: того въ концѣ концовъ потянуло въ Италію, гдѣ онъ и нашелъ свой ужасный конецъ, а Ванини не вспоминаетъ никогда въ своихъ произведеніяхъ о родинѣ и не дѣлаетъ попытки вернуться туда. Человѣкъ онъ былъ нрава веселаго, жизнерадостнаго, ума пытливаго, причемъ самая эта пытливость и безпрерывное ея удовлетвореніе могли поддерживать бодрый взглядъ на жизнь. По крайней мѣрѣ, нигдѣ онъ на судьбу не жалуется. Франція ему особенно понравилась; въ Ліонѣ онъ остановился нѣсколько

---

[1]) Этотъ любопытнѣйшій фоліантъ, направленный противъ «всѣхъ атеистовъ» и принадлежащій перу «Марина Мерсенна, ничтожнѣйшаго изъ людей, раба Божія и брата ордена св. Франциска» вышелъ черезъ 4 года послѣ смерти Ванини, отчего онъ такъ и драгоцѣненъ (Marini Mersenni «In Genesim», 1613, изв. въ Парижѣ, in folio). Ванини, какъ современнику, посвящено особенно много мѣста (относительно излагаемаго факта см. стр. 679 этого изданія).

больше, нежели въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь онъ занялся преподаваніемъ философіи. Какъ онъ преподавалъ, мы не знаемъ, извѣстно лишь то, что его изгнали изъ города за атеистическія идеи. Нужно замѣтить, что Франція тогда считалась страною, кишащей атеистами [1]); охранители вѣры на время отвратились отъ гугенотовъ и изыскивали способы борьбы съ этимъ новымъ зломъ. Правительство, какъ бы желая загладить впечатлѣніе, произведенное нантскимъ эдиктомъ на умы католиковъ, всячески помогало духовенству преслѣдовать людей, одинаково враждебныхъ обѣимъ большимъ религіознымъ партіямъ. Время послѣ 1598 года было для свободныхъ мыслителей несравненно опаснѣе, чѣмъ, напримѣръ, до него: тогда на первомъ планѣ стояли гугеноты, и на нихъ обращалось наиболѣе сильное оружіе клира, теперь же ихъ мѣсто заняли «безбожники и богохульники». Въ такое-то время Ванини и вздумалъ заняться пропагандою въ Ліонѣ; конечно, изгнаніе его отсюда было еще сравнительно весьма мягкимъ исходомъ. Переплылъ Ванини море и очутился въ Англіи; здѣсь его весьма скоро засадили въ тюрьму, гдѣ онъ и просидѣлъ около 50 дней. Любопытнѣе всего, что въ Англіи его преслѣдовало англиканское правительство перваго Стюарта, именно какъ католика. Оставивъ эту страну, онъ продолжалъ блуждать по Европѣ. Интересно, что то въ Богеміи ему приходится защищать католицизмъ противъ какого-то анабаптиста, то въ Амстердамѣ онъ споритъ съ атеистомъ, то въ Женевѣ [2]) съ другимъ невѣрующимъ. Но по ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что противники Ванини устраиваютъ ему такія засады и ловушки, такъ ловко подводятъ силлогизмы и такъ неожиданно изобрѣтаютъ новые и новые аргументы, что нашъ философъ теряется и начинаетъ весьма слабо и неувѣренно парировать удары враговъ. Насколько ярки, сильны и убѣжденны передаваемыя имъ рѣчи его оппонентовъ, настолько блѣдно и неудачно то, что онъ придумываетъ въ защиту католической доктрины. Какъ увидимъ, эта манера писанья осталась для него любимѣйшей. Но только временно его произведенія могли такимъ путемъ спастись отъ цензуры, обмануть бдительныхъ и умныхъ охранителей правовѣрія. «И писалъ онъ книги противъ атеистовъ, полныя атеизма», съ негодованіемъ восклицаетъ черезъ три года послѣ его смерти, іезуитъ Гарассъ [3]). Это по существу невѣрно; Ванини вовсе не былъ атеистомъ: онъ былъ только сомнѣвающимся въ римской догмѣ; но ясно лишь то, что противукатолическій духъ автора былъ разгаданъ, не смотря на всѣ маскированья.

Въ 1614 году мы опять видимъ Ванини въ Италіи, но не на родинѣ,

---

[1]) Францисканцы насчитывали ихъ больше 60.000 въ началѣ XVII вѣка («In genesim» 671). Точность цифры остается на совѣсти францисканскаго ордена.

[2]) См. его «Dialog IIb», стр. 328. Въ «Діалогахъ» описаны всѣ эти споры.

[3]) «La Doctrine curieuse» (Paris, 1623) in 4°, стр. 1009. Эта книга драгоцѣнна, какъ свидѣтельство современника; написана обстоятельно.

а въ Генуѣ, гдѣ ему удалось собрать нѣсколько учениковъ. Онъ преподавалъ имъ доктрину Аверроэса, котораго, какъ истинный почитатель Помпонацци, любилъ и уважалъ чрезмѣрно, но его преподаваніе и здѣсь окончилось изгнаніемъ за «нечестіе и безбожіе». Тотчасъ же онъ вернулся въ Ліонъ, гдѣ въ 1615 году и появилось въ свѣтъ его основное сочиненіе подъ страннымъ названіемъ: «Амфитеатръ вѣчнаго провидѣнія». Эта книга была счастьемъ и несчастьемъ его жизни; въ ней онъ высказался весь; она же одна составила главнымъ образомъ его славу и привлекла на него общее вниманіе.

III.

Въ предисловіи къ своей книжкѣ Ванини говоритъ, что онъ написалъ ее въ «защиту моисеева и христіанскаго закона противъ физиковъ, астрономовъ и политиковъ». Цѣлыхъ восемнадцать главъ, по словамъ автора, посвящено восхваленію тридентскаго собора и борьбѣ съ атеистами [1]). Говоря о борьбѣ съ этими лицами, Ванини не можетъ удержаться, чтобы не упомянуть о «могучихъ герояхъ воинствующей церкви» [2]), отцахъ іезуитахъ, которые одинаково заботятся о спасеніи какъ души, такъ и тѣла христіанъ, почему они и могутъ назваться якоремъ спасенія всего міра [3]).

Съ первыхъ же строкъ своей книги Ванини ставитъ вопросъ о существованіи Бога и рѣшаетъ его утвердительно. Раньше, чѣмъ говорить, какими аргументами подкрѣпляетъ онъ свое мнѣніе, замѣтимъ слѣдующее. Всѣ философы, такъ или иначе примыкавшіе къ Аверроэсу, подобно арабскому мыслителю, доказываютъ существованіе Бога двумя коренными положеніями Аристотеля; такъ какъ это необходимо, чтобы понять истинный духъ произведеній Ванини, приведемъ аристотелевскіе тезисы.

«Невозможно, говоритъ Аристотель [4]), чтобы движеніе рождалось или прекращалось, такъ какъ оно вѣчно. Время также не можетъ ни начаться, ни окончиться. Прибавимъ, что движеніе такъ же безпрерывно, какъ время... Но откуда [5]) же сможетъ явиться движеніе, если нѣтъ причины, которая его производитъ? Конечно, не сама матерія заставляетъ себя двигаться». Чтобы объяснить причину движенія, Аристотель допускаетъ существованіе Бога, вѣчной движущей силы. Это—одинъ его аргументъ. Другой заключается въ томъ, что всякое конечное существо уже самымъ фактомъ своего бытія предполагаетъ безконечное, создавшее его. Ванини рѣшительно (хотя безъ

---

[1]) «Amphitheatrum aeternae providentiae» (Lugduni 1615), стр. 5-я предисловія.

[2]) Fortissini heroes Ecclesiae militantis, l. c., стр. 4-я.

[3]) Totuis universitatis anchorem, l. c., p. 6.

[4]) «Τῶν μετὰ τὰ φυσικὰ», кн. XII, гл. 6-я.

[5]) Та же глава, пунктъ 5-й.

всякихъ доводовъ) отвергаетъ первое аристотелевское положеніе и принимаетъ лишь второй аргументъ [1]) о Богѣ, какъ необходимой причинѣ всѣхъ причинъ. Больше рѣшительно никакихъ доказательствъ Ванини не допускаетъ. Уже изъ всего построенія первыхъ двухъ главъ книги читатель можетъ разглядѣть затаенную мысль автора: обсолютно невозможно для «теолога», какъ называетъ себя Ванини, въ особенности для теолога начала XVII-го вѣка, такъ быстро и небрежно справляться съ подобными капитальными вопросами. До дикости немыслимо отрицать на протяженіи одной странички общепринятый тезисъ Аристотеля, принять другой его тезисъ и все это безъ всякой попытки мотивировать свои соображенія. Если бы даже читатель «Амфитеатра» не зналъ ничего изъ біографіи его автора, онъ долженъ былъ бы неминуемо заподозрить или скрытыя цѣли, или удивительное, подчеркнутое легкомысліе.

Но дѣло разъясняется съ каждой главой. Рѣшивъ все-таки, хотя бы на основаніи одного только аргумента, что должна быть причина всѣхъ причинъ, называемая Богомъ; Ванини задаетъ себѣ отъ имени читателя слѣдующій вопросъ: [2]) «Ты спрашиваешь у меня, что такое Богъ? Но еслибъ я это зналъ, я самъ былъ бы Богомъ... Мы можемъ познавать Его по Его дѣламъ, подобно тому какъ разглядываемъ лучи солнца за тучами». Ванини послѣ признанія, что онъ не освѣдомленъ относительно Верховнаго существа, все же пытается описать Его. «Оно есть все, выше всего, внѣ всего, во всемъ, независимо отъ всего, прежде всего, послѣ всего,—все». Помимо этого разъясненія Ванини остерегается нѣсколько конкретнѣе оформить свою идею и вмѣсто того обращается къ разсмотрѣнію чужихъ мыслей объ этомъ предметѣ. Ѳома Аквинатъ говоритъ: Провидѣніе есть конечный смыслъ всего порядка вещей. «Это весьма нелѣпо (perabsurde est)», замѣчаетъ Ванини [3]). Переходя (безъ доказательствъ) къ мнѣнію философа Людовика Вива, что Провидѣніе—есть воля, всѣмъ управляющая, Ванини съ обычною рѣшительностью отвергаетъ и такое опредѣленіе. Наконецъ (и, по нашему, это одно изъ характерныхъ мѣстъ для пониманія всей дѣятельности Ванини) авторъ намекаетъ, что и самое слово Провидѣніе не вполнѣ точно: Богъ не предвидитъ, а *видитъ*, такъ какъ онъ разомъ существуетъ и въ прошломъ, и въ настоящемъ, и въ будущемъ.

Мысль Ванини проясняется: онъ придаетъ все болѣе и болѣе пантеистической окраски своему понятію о Божествѣ. Онъ отвергъ аргументъ Аристотеля о движущей силѣ Божества; отвергаетъ и мнѣнія о Немъ, какъ о верховной волѣ и разумѣ. Его пантеистическое воззрѣніе, много разъ выражаемое настойчивымъ и многозначительнымъ утвержденіемъ:

---

[1]) Amphith, стр. 2-я.

[2]) Amphith., стр. 8-я Quaeris a me, quid Deus sit? etc.

[3]) «Amphitcheatr», стр. 11.

Богъ есть все, не мирится съ понятіемъ о Высшей справедливости. Здѣсь методъ Ванини высказывается чрезвычайно ярко. Діагоръ говоритъ: «Если бы Провидѣніе управляло міромъ, то каждый получалъ бы мзду по своимъ заслугамъ и одинаково справедливая рука надѣляла бы добрыхъ людей благами, а злыхъ наказаніями. Но такъ какъ на свѣтѣ дѣла идутъ не такъ, то я не вижу въ мірѣ Провидѣнія». Ванини подхватываетъ это возраженіе и отвѣчаетъ на него. Самый фактъ приведенія цитаты изъ Діагора можетъ, въ сущности, показаться довольно загадочнымъ. Этотъ Діагоръ былъ, повидимому (хотя это не доказано окончательно), ученикомъ Демокрита и жилъ въ концѣ V-го вѣка до Р. Х. Никогда и никакимъ вліяніемъ онъ не пользовался; вслѣдствіе нѣсколькихъ насмѣшливыхъ словъ, которыя были ему приписаны потомствомъ и особенно благодаря словамъ Цицерона, что Діагоръ отрицалъ боговъ,—за нимъ утвердилась репутація атеиста. Въ полемической и теологической литературѣ XVI вѣка намъ *ни разу* не пришлось встрѣтить это имя человѣка, извѣстнаго только лишь по отзывамъ и воспоминаніямъ (изъ которыхъ отзывъ схоліаста Аристофана и вышеприведенное мнѣніе Цицерона—главные). Но почему-то Ванини вспомнилъ и привелъ забытыя слова забытаго товарища Алкивіада. Онъ не признаетъ ихъ вѣрными и переходитъ къ мнѣнію стоиковъ. Стоики, въ свою очередь, говорили, что на самомъ дѣлѣ добродѣтельный человѣкъ счастливъ однимъ сознаніемъ своей добродѣтели, а порочный—несчастенъ сознаніемъ своей испорченности, и поэтому, значитъ, каждый получаетъ по заслугамъ. Ванини и съ этимъ не согласенъ. Его идеи относительно высшей справедливости таковы: дѣйствительно, добродѣтельные люди часто угнетаются бѣдами и несчастіями,—но это только возвышаетъ и укрѣпляетъ ихъ душу, слѣдовательно, можетъ быть сочтено за проявленіе милости съ стороны Неба. Если же порочные люди и счастливы, то самый избытокъ ихъ счастья дѣлаетъ ихъ требовательными, избалованными, недовольными и такимъ образомъ выходитъ, что Богъ ихъ караетъ этимъ преувеличеннымъ благополучіемъ. Не найдя ничего другого въ пользу доказательства своего мнѣнія, Ванини продолжаетъ: «священное писаніе учитъ насъ, что наказанія и награды раздаются людямъ по справедливости на томъ свѣтѣ». Но, замѣчаетъ онъ съ негодованіемъ: «атеисты не признаютъ этого аргумента годнымъ, ибо они осмѣливаются отрицать Писаніе».

Разсуждая о чудесахъ, Ванини беретъ ихъ подъ покровительство противъ отрицателей вродѣ Макіавелли. «Николай Макіавелли,—говоритъ нашъ авторъ [1]),—думаетъ, что чудеса были изобрѣтены начальниками, чтобы держать въ уздѣ своихъ подданныхъ, и духовными лицами, чтобы добывать себѣ почести и уваженіе». Ванини рѣзко

[1]) «Amphitheatrum», глава VIII вся.

протестуетъ противъ этого и приводитъ чудеса св. Франциска и св. Доминика въ доказательство лживости мнѣнія Макіавелли. Дѣло въ томъ, что въ средѣ монаховъ различныхъ орденовъ далеко не одинаково было воззрѣніе на чудеса этихъ двухъ святыхъ XIII вѣка. Были злостные укоры, было острое соперничество, были подозрѣнія и насмѣшки. Беря дѣянія Франциска и Доминика вмѣстѣ, въ видѣ примѣра чудесъ, да еще такихъ чудесъ, которыми можно доказать существованіе Провидѣнія, Ванини переносилъ вопросъ на деликатнѣйшую и неудобнѣйшую почву, какую только можно себѣ представить. Нисколько, поэтому, не надо удивляться, что именно смыслъ этого пункта былъ такъ скоро отгаданъ [1]). Далѣе Ванини превозноситъ часто до небесъ Помпонацци, у котораго онъ дѣйствительно много позаимствовалъ (построеніе своей книжки, мнѣнія о высшей справедливости). Но, приведя слова Помпонацци, что нерѣдко чудеса можно объяснить сильнымъ воображеніемъ людей, которые говорятъ, что видѣли ихъ, Ванини рѣзко обрываетъ своего учителя: [2]) «Римская церковь, которая есть краеугольный камень истины, не возводитъ вѣдь на степень чудесъ грезы растроеннаго воображенія, но только факты, превосходящіе силы природы». Непосредственно за этимъ Ванини опять возвращается къ Діагору, причемъ передаетъ (кромѣ уже упомянутаго сужденія его объ отсутствіи справедливости) все, что только знаетъ о мелосскомъ мыслителѣ. Ѣхалъ разъ Діагоръ на кораблѣ, когда вдругъ разразилась буря и матросы съ негодованіемъ набросились на философа, говоря, что боги послали на нихъ бурю въ наказаніе за принятіе на бортъ безбожника. Діагоръ, смѣясь, отвѣчалъ, указывая на тонувшія кругомъ суда: «Неужели на каждомъ изъ этихъ суденъ сидитъ по одному Діагору?» Еще Діагоръ привелъ въ доказательство случайности судебъ человѣческихъ тотъ фактъ, что тиранъ Діонисій, ограбивъ храмъ, преспокойно уплылъ домой и никакая буря его не тронула.

«О густая завѣса, о мракъ, окутывающій божественныя предначертанія,—восклицаетъ по этому поводу Ванини,—я христіанинъ, понимаю это! Повѣрьте, что Діонисій не даромъ ощутилъ послѣ своего грабежа милость Провидѣнія: вѣдь онъ ограбилъ языческій, лживый храмъ (хотя самъ былъ язычникомъ), и этимъ снискалъ благоволеніе истиннаго Божества!»

Вопросъ о свободѣ воли—одинъ изъ коренныхъ вопросовъ всякаго философскаго построенія—не особенно занимаетъ Ванини. Онъ высказываетъ свои мысли объ этомъ предметѣ, переплетая ихъ съ возраженіями противъ Эпикура.

---

[1]) См., напримѣръ, «Durand'a въ его Vie et sentiments», (Rotterdam 1717) стр. 107. негодованіе по поводу этого выбраннаго Ванини примѣра чудесъ.

[2]) «Amphitheatrum» стр. 70, (та же VIII гл.).

Эпикуръ говоритъ слѣдующее: если Божество занимается нами, оно не можетъ быть вполнѣ счастливо. Но вѣдь Оно—блаженно, вполнѣ счастливо: значитъ оно не занимается нами. Привести эти слова—Ванини приводитъ, но совершенно на нихъ не возражаетъ [1]), а непосредственно высказываетъ свое воззрѣніе: «Богъ не можетъ не заниматься людьми, подобно тому какъ огонь не можетъ не грѣть». На этомъ онъ и покончиваетъ съ Эпикуромъ по вопросу о свободѣ воли, но сейчасъ же встрѣчается съ нимъ, когда заходитъ рѣчь о безсмертіи души.

Въ пятнадцатомъ вѣкѣ и во времена Помпонацци вопросъ о безсмертіи души былъ тѣмъ главнымъ пунктомъ, вокругъ котораго ломалось много копій и въ философскихъ трактатахъ и на диспутахъ, и въ университетѣ на лекціяхъ и собесѣдованіяхъ. Но времена, когда папа самъ устраивалъ диспуты по этому поводу, когда человѣкъ могъ объявить (какъ это сдѣлалъ Помпонацци), что безсмертія души не существуетъ, и остаться цѣлымъ и невредимымъ, эти времена прошли и быльемъ поросли. Между Ванини и Помпонацци лежала эпоха Лютера безпощадной борьбы за жизнь и за власть. Обсуждать догматъ открыто и всесторонне сдѣлалось абсолютно невозможно; оставался только тотъ эзоповскій тонъ, которымъ Ванини тщетно старался замаскироваться; но то, что годилось въ другихъ случаяхъ, здѣсь было примѣнимо лишь съ большимъ трудомъ. Вотъ почему Ванини—ученикъ и послѣдователь Помпонацци—не посвятилъ этому вопросу трактата, какъ сдѣлалъ его учитель, а ограничился нѣсколькими строчками. «Основаніе,—пишетъ онъ [2]),—на которомъ покоится ученіе Эпикура—есть смертность души. Нѣкоторые христіанскіе ученые спорили въ этомъ съ атеистами, но съ такимъ легкомысліемъ и неосновательностью, что читая комментаріи самыхъ великихъ теологовъ, чувствуешь, что начинаются сомнѣнія. Я признаю, что безсмертіе души не можетъ быть доказано физическими законами, ибо это—догматъ вѣры, такъ какъ мы вѣримъ въ воскресеніе плоти. Но вѣдь тѣло не воскреснетъ безъ души, а какъ же душа могла бы воскреснуть, если бы она не была безсмертна. Я, христіанинъ и католикъ, если бы не научился этому у церкви, которая намъ вѣрно и непогрѣшимо указуетъ истину, съ трудомъ бы могъ повѣрить въ безсмертіе души. Я далекъ отъ того, чтобы стыдиться этого признанія: я горжусь имъ, ибо я исполняю наставленіе св. Павла, удерживая умъ свой подъ властью вѣры».

Вопросъ о безсмертіи души снова сталкиваетъ Ванини съ уже оставленною проблемою о свободѣ воли. Онъ разрѣшаетъ его совершенно въ духѣ своего вѣка. Ужъ если Помпонацци и Карданусъ, люди во

---

[1]) Вовсе не «répond d'une manière triomphante»: Cousin, 690, «Revue des deux Mondes» 1843, Octobre. это не возраженіе, а противуположеніе своего взгляда

[2]) Amphitheatrum», стр. 163.

много разъ болѣе сильные, чѣмъ Ванини, вѣрили во вліяніе звѣздъ на людскія дѣла и судьбы, то не отъ двадцати-девятилѣтняго странствующаго философа, оригинальнаго не въ идеяхъ, а въ ихъ выраженіи, мы могли бы ожидать свободы отъ астрологическихъ предразсудковъ. «Наши дѣйствія,—пишетъ онъ,—не подчинены непосредственно звѣздамъ, они проистекаютъ отъ единой нашей воли, которая будучи не матеріальной, не можетъ зависѣть отъ небесныхъ тѣлъ. Онѣ не обусловливаютъ нашихъ дѣйствій; все, что можно сказать, это, что онѣ вліяютъ на нихъ такимъ путемъ: наша воля предполагаетъ разумъ, разумъ зависитъ отъ чувствъ, чувства же прямо подчинены звѣздамъ». Вліяніе Помпонацци на эти разсужденія несомнѣнно; справедливость требуетъ замѣтить, что Ванини придаетъ этимъ астрологическимъ выкладкамъ гораздо меньше значенія, чѣмъ болонскій философъ; онъ бѣгло и неохотно возвращается къ нимъ: во всемъ «Амфитеатрѣ» мы насчитывали всего четыре фразы, такъ или иначе пріуроченныя къ вопросу о роли звѣздъ въ человѣческой жизни. Послѣднія главы книги трактуютъ о созданіи міра и, противорѣча собственному признанію, Ванини дѣлаетъ попытку опредѣлить сущность Божества. Пантеистическое представленіе его о Богѣ выступаетъ здѣсь съ полною очевидностью. «Одушевляемая божественнымъ дыханіемъ,—такъ кончаетъ Ванини свое произведеніе [1]),—моя воля поднимаетъ мой разумъ: онъ хочетъ летѣть по невѣдомой дорогѣ на крыльяхъ Дедала. Онъ хочетъ познать неизъяснимое Божество, которое не имѣетъ ни начала, ни конца и заключить его въ тѣсную рамку нѣсколькихъ словъ. Причина и конецъ всѣхъ вещей, причина, источникъ и начало себя самого,—Богъ есть своя цѣль и свой конецъ, не имѣя ни начала, ни конца. Онъ всегда въ покоѣ и вездѣ онъ есть, во всѣ времена и во всякомъ мѣстѣ, распредѣленъ повсюду (partes in omnes distributus) и всегда и всюду нераздѣлимъ. Онъ во всякомъ мѣстѣ, но не заключенъ ни въ какія границы; разсѣянный во всемъ пространствѣ, онъ свободно тамъ движется. Его воля есть всемогущество, его дѣйствія же суть *неизмѣнная воля*; *онъ великъ безъ количества, благъ—безъ качества.* Онъ видитъ все, проникаетъ во все, *онъ есть все* и въ своей вѣчности онъ видитъ что есть, было, будетъ. Онъ собою наполняетъ все свое созданіе, поддерживаетъ, движетъ и обнимаетъ мірозданіе... Ты одинъ всѣмъ обладаешь, все всѣмъ даешь, въ тебѣ всѣ все находятъ. Ты есть мѣра, вѣсъ, число и правило, украшеніе и любовь, здоровье и жизнь, наслажденіе съ его нектаромъ и амброзіей. Ты источникъ истинной мудрости, ты истинный свѣтъ» [2]). Пантеистическій духъ и тонъ вѣютъ отъ этой тирады; нужно всегда помнить, что внѣшнія условія заставляли Ванини быть осторожнымъ, и подмѣнить въ приведенной

---

[1]) Это мѣсто изложено въ подлинникѣ стихами (см. «Amphitheatrum», 334).

[2]) Остальныя строфы—таутологія сказаннаго.

цитатѣ слово Divinitas словомъ natura онъ не посмѣлъ бы, еслибъ даже этого хотѣлъ. Но хотя «Амфитеатръ» главнымъ образомъ и составилъ славу Ванини, хотя онъ и берется обыкновенно, какъ полное profession de foi этого философа, намъ кажется, что только разсмотрѣвъ другое дошедшее до насъ произведеніе Ванини (такъ называемые «Діалоги») можно выяснить себѣ совокупность его убѣжденій.

Чтобы покончить съ «Амфитеатромъ», приведемъ еще любопытныя слова автора: «Противорѣча атеисту, я привелъ ему пятьдесятъ стиховъ изъ Писанія; но эти люди, по несчастью, не вѣрятъ ничему и обращаютъ на ссылки такое вниманіе, какъ я—на басни Эзопа, на сны женщинъ и суевѣрія Корана».

Не потому ли Ванини отчаялся въ обращеніи своихъ оппонентовъ на путь истинный и сталъ приводить ихъ выраженія безъ всякихъ почти замѣчаній? Правовѣріе свое Ванини простираетъ до того, что заявляетъ: «не хотѣлъ бы я навлечь на себя гнѣвъ инквизиторовъ, которые суть вѣрные стражи виноградника Господня». Опасныя шутки шутилъ нашъ авторъ; Помпонацци въ другую, гораздо болѣе благопріятную эпоху позволялъ себѣ иногда тонкую иронію, такъ какъ разгадка ея вызывала улыбку эстетическаго удовольствія при самой римской куріи; Джіордано Бруно, не любившій ироніи, наполнялъ свои книги жестокими сарказмами, откровенными и безпощадными, какъ бываютъ всѣ сарказмы по своей природѣ: онъ жилъ во времена Ванини, но зато писалъ изъ безопасныхъ мѣстъ и потому до поры, до времени оставался безнаказаннымъ. Дѣлать же изъ своей иронія броню для личной безопасности, разсчитывать, что преслѣдователи не поймутъ того, что предназначалось для пониманія читателей, являлось предпріятіемъ необдуманнымъ. Поколѣніе воинствующихъ католиковъ, къ которому принадлежали кардиналъ Беллярминъ и папа Павелъ V, слишкомъ искусилось въ борьбѣ, чтобы сразу не охватить истиннаго духа книги. «Амфитеатръ» много читался, если мы примемъ въ соображеніе, что главнымъ образомъ эта книга, а не «Діалоги», поминается въ полемическихъ трудахъ Мерсенна [1]) и Гарасса [2]).

Преслѣдованія не начались тотчасъ же; не дошла ли книжка сразу до наблюдающихъ круговъ, обманула ли цензурная помѣтка и одобреніе ліонскихъ цензоровъ, но Ванини продолжалъ спокойно жить въ Ліонѣ. Подобно своему старшему современнику, Джіордано Бруно, Ванини въ свободное отъ литературы время занимался частными уроками и лекціями. «Подъ предлогомъ философіи, — пишетъ его біографъ Шраммъ [3]),—развращалъ Ванини ліонское юношество» и соблазнялъ его на невѣріе. Но и это занятіе какъ-то сходило нашему философу съ

[1]) In Genesim (изд. 1623).

[2]) «Doctrine curieuse» (изд. 1623); хотя у Гарасса удѣлено вниманіе и «Діалогамъ» (стр. 716, 785, 651).

[3]) «De vita et scriptis», изд. 1709 г., Custrini, стр. 75.

рукъ: вѣрно, здѣсь ему легче было маскироваться и этотъ пріемъ могъ привести къ болѣе надежнымъ результатамъ. Впрочемъ, не долго Ванини засиживался на одномъ мѣстѣ: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по выходѣ въ свѣтъ «Амфитеатра» мы видимъ его уже въ Парижѣ, гдѣ онъ издаетъ (въ 1616 г.) свое второе и послѣднее изъ дошедшихъ до насъ произведеній. Эта книжка обыкновенно, для краткости, называется «Діалогами», хотя мы нигдѣ не нашли такого заглавія въ самомъ трактатѣ. Назвалъ его Ванини такъ: «Четыре книги Юлія Цезаря Ванини, неаполитанца, богослова, философа, доктора обоихъ правъ объ удивительныхъ таинахъ природы, царицы и богини смертныхъ... [1]).

Оканчивая разборъ «Амфитеатра», мы пришли къ заключенію, что въ пантеистической концепціи Ванини слово «Divinitas» могло бы, не нарушая стройности опредѣленій быть замѣнено словомъ «natura»; здѣсь въ «Діалогахъ» авторъ уже отбрасывая предосторожности, прямо говоритъ о *богинѣ* Природѣ. Какъ увидимъ, эти «Четыре книги» вообще написаны несравненно смѣлѣе, чѣмъ первый трактатъ; можетъ быть, безнаказанность отчасти и способствовала этому. Построеніе «Четырехъ книгъ» таково: два лица: Юлій Цезарь,—подъ которымъ очевидно, надо понимать автора, любившаго это имя,—и Александръ, его другъ, бесѣдуютъ о всевозможныхъ предметахъ: и о космогоніи, и о человѣческомъ характерѣ, и о Богѣ. Бесѣды расположены довольно прихотливо; вдругъ въ разговоръ о вращеніи небесныхъ свѣтилъ вторгается, ни съ того, ни съ сего, размышленіе какого-либо изъ собесѣдниковъ о женской любви; мысли о вѣчности моря прерываются споромъ о чувствѣ вкуса и пр. Такая наивная и неловко выкроенная литературная амальгама была, вообще, въ большомъ ходу во Франціи и Италіи до той поры, пока классицизмъ XVII вѣка не положилъ ограниченій этой манерѣ писанья. Въ трактатѣ Ванини мы имѣемъ курьезный образчикъ—одинъ изъ послѣднихъ, правда—той свободной распущенности литературной формы, которая такъ характеристична для Ренесанса. «Четыре книги», по нашему мнѣнію, гораздо любопытнѣе и содержательнѣе «Амфитеатра» и, не преувеличивая, начиная съ заглавія до послѣдней срочки, вся работа представляетъ рядъ характерныхъ мыслей.

Начнемъ съ посвященія. Посвященъ трактатъ Бассомпьеру. Кто же этотъ Бассомпьеръ? Человѣкъ, носившій это имя, принадлежалъ къ высшей придворной аристократіи временъ Генриха IV и Людовика XIII. Это была личность того же типа, какъ, напримѣръ, Брантомъ въ предшествовавшемъ поколѣніи или герцогъ Роганъ въ послѣдующемъ. Кутила, неотразимый красавецъ и побѣдитель, весе-

---

[1]) «Julii Caesaris Vanini Neapolitani, theologi, philosophi et juris utriusque doctoris, de admirandis naturae reginae deaeque mortalium Arcanis libri quatuor» (изд. Paris, 1616 in 12°).

лый, остроумный, блестящій Франсуа де-Бассомпьеръ — рѣшительно непонятно когда—успѣвалъ вести дневникъ. Этотъ дневникъ изданъ полностью Шантенакомъ въ колекціи «Société de l'histoire de France [1]); если мы обратимся туда за справками, то увидимъ, что *ни единаго разу* имя Ванини или хотя бы намекъ на него не попадается въ мемуарахъ маршала; увидимъ также, что Бассомпьеръ былъ вполнѣ свободенъ отъ какихъ бы то ни было научныхъ и литературныхъ интересовъ. Спрашивается, чего ради, по какой ассоціаціи Ванини пришелъ къ заключеніе о необходимости посвятить этому лицу свой трактатъ? Не разрѣшивъ этой загадки, изслѣдователь сталкивается съ новою странностью; мы уже сказали, что Бассомпьеръ былъ красавцемъ, Ванини подчеркиваетъ въ своемъ посвященіи эту черту и говоритъ [2]): «не только твоя красота привлекаетъ къ тебѣ тысячи героинь прекраснѣе Елены (жены Менелая), но также она (красота твоего лица) побѣждаетъ упорство атеистовъ, усмиряетъ ихъ нахальство, отражаетъ злостныя покушенія: ибо они, созерцая твою величавую и блестящую красоту, не могутъ утверждать, что Богъ не создалъ человѣка «по своему образу и подобію». Сдѣлавъ веселаго маршала, такимъ образомъ, ходячимъ аргументомъ противъ атеистовъ, Ванини хвалитъ Бассомпьера за щедрость ко многимъ философамъ [3]) проситъ въ свободную отъ занятій минуту почитать его книжку. Послѣднее замѣчаніе можетъ навести на мысль, что Бассомпьеръ покровительствовалъ Ванини; но тогда непонятенъ слишкомъ развязный и прозрачно-ироническій тонъ посвященія. Можетъ быть, все посвященіе понадобилось для шутовскаго замѣчанія объ опроверженіи атеистовъ физіономіей Бассомпьера... Впрочемъ, это вопросъ второстепенный. Переходимъ къ содержанію трактата.

IV.

Удивительнѣе всего можетъ показаться изслѣдователю дѣятельности Ванини, что именно «Амфитеатръ» остался неразлучно связаннымъ съ этимъ именемъ, а «Діалоги» какъ-то весьма быстро были забыты. Второй трактатъ несомнѣнно не только ярче, но и содержательнѣе перваго со всѣхъ точекъ зрѣнія. Мало того, тонъ «Діалоговъ» гораздо увѣреннѣе, чѣмъ тонъ «Амфитеатра». Тутъ мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, совершенно очевидно считающимъ себя признаннымъ и призваннымъ учителемъ. Эта увѣренность, повидимому, зависитъ отъ того, что Ва-

[1]) «Journal de ma vie, mémoires de Bassompierre», (изданіе по рукописямъ) par M. de Chantenac 4 vols (Paris, 1877). Единственное, идеально полное и хорошее изданіе.

[2]) «Julii Caesaris Vanini libri quatuor» (Paris, 1616), стр. 4-я предисловія. Quando non modo, etc.

[3]) Quot philosophi etc., l. c. стр., 6-я предисловія.

нини, наконецъ, вполнѣ созналъ и опредѣлилъ свои убѣжденія. По крайней мѣрѣ, чѣмъ, какъ не спокойствіемъ философа, нашедшаго послѣ долгихъ поисковъ «истину», можно объяснить слѣдующій эпизодъ: одинъ изъ собесѣдниковъ въ «Діалогахъ», Александръ, спрашиваетъ [1]) другого, Юлія Цезаря (подъ этимъ именемъ Ванини понималъ себя), почему онъ въ «Амфитеатрѣ» говорилъ нѣчто другое, противуположное тому, что говоритъ теперь. На это Ванини отвѣчаетъ [2]): «много я въ этой книгѣ (т.-е. въ «Амфитеатрѣ») написалъ такого, чему я самъ не вѣрю». Можетъ быть, эти слова—единственное прямое и правдивое объясненіе Ванини съ читателемъ, потому что въ остальномъ тотъ же методъ ироніи, но еще въ сильнѣйшей степени, даетъ себя чувствовать на всемъ протяженіи «Діалоговъ».

Содержаніе этой книжки еще болѣе разбросано и хаотично, чѣмъ содержаніе «Амфитеатра». Нѣсколькихъ выдержекъ будетъ достаточно, чтобы оцѣнить все разнообразіе сюжетовъ, затронутыхъ Ванини. Въ XVI-мъ «Діалогѣ» Ванини говоритъ [3]): «Соломонъ полагаетъ, что рѣки берутъ свое начало изъ морей, но мнѣ случилось говорить недавно объ этомъ съ однимъ атеистомъ, который считаетъ подобную теорію «росказнями толпы». Вообще отрицатели временъ Возрожденія и реформаціи съ меньшею опаскою отзывались о Ветхомъ, чѣмъ о Новомъ Завѣтѣ; дѣло въ томъ, что поклоненіе и почитаніе Библіи, или,—какъ тогда выражались «библіолатрія»,—было одною изъ коренныхъ чертъ реформаціоннаго движенія. Можно даже было бы установить такое обобщеніе: чѣмъ рѣзче то или иное реформаціонное ученіе расходилось съ римскою церковью, тѣмъ настойчивѣе и положительнѣе оно старалось привести себя въ связь съ Ветхимъ Завѣтомъ; здѣсь дѣйствовала извѣстная реакція противъ христологіи, первенствовавшей въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Въ ученіи пуританъ эта реакція нашла себѣ, какъ извѣстно, наиболѣе яркое выраженіе. Если не ошибаемся, Вальтеръ-Скоттъ гдѣ-то говоритъ объ одномъ изъ своихъ персонажей, пуританскомъ проповѣдникѣ, который за особую доблесть считалъ въ теченіе всей своей жизни не упомянуть ни разу о лицахъ и событіяхъ Новаго Завѣта. Итакъ, при подобномъ положеніи дѣлъ, вольнодумцы, писавшіе въ католическихъ странахъ, могли, естественно, разсчитывать на большее снисхожденіе за выходки противъ Ветхаго Завѣта, чѣмъ противъ Евангелія. У Помпонацци, человѣка, писавшаго до реформаціи, мы этихъ тонкостей не замѣчаемъ, но у Ванини онѣ очевидны. Кромѣ оцѣнки Соломона, мы находимъ въ «Діалогахъ» еще разговоръ о злыхъ духахъ. Александръ спрашиваетъ, есть ли злые духи? Ванини отвѣчаетъ: нѣтъ. «Какъ же, если

[1]) «Dialogi» (Lutetiae MDCXVI), стр. 428. Imo tu etc.
[2]) Ibid.
[3]) «Dialogi» (ed. cit.), стр. 91. (De fluviorum generatione).

ихъ нѣтъ, маги египетскаго фараона могли производить свои чудеса?»— «Философы, которые отрицаютъ существованіе злыхъ духовъ, пренебрегаютъ еврейскими сказками». Тѣ же самые миѳическіе атеисты, съ которыми Ванини приходилось будто бы возиться всю жизнь, рискуютъ утверждать, что «дѣти, рождающіяся слабоумными, весьма способны стать хорошими католиками»—и философъ пропускаетъ эти слова безъ опроверженія, хотя обыкновенно пытается слабо возражать. Относительно мученичества авторъ уже самъ высказывается такъ: «мученичество— дѣло весьма умное, такъ какъ цѣною страданій въ теченіе нѣсколькихъ дней куплено безсмертіе имени». «Папа благословилъ святую воду и надѣлилъ ее безчисленными привилегіями и поэтому я не хочу отрицать ея могущество, но какъ философъ, я имѣю возраженія». Здѣсь мы видимъ заимствованное у Аверроэса ученіе о двойной истинѣ: «коранъ говоритъ одно, разумъ—другое, какъ магометанинъ вѣрю, какъ философъ отвергаю». Можетъ быть, этотъ пріемъ позаимствованъ непосредственно изъ латинскихъ переводовъ «великаго комментатора», а можетъ быть Ванини познакомился съ нимъ изъ сочиненій Помпонацци, о которомъ всегда говоритъ съ такимъ восторгомъ. Но ученіе о двойной истинѣ, строго проводимое Помпонацци, для Ванини служитъ лишь случайнымъ, резервнымъ, такъ сказать, прикрытіемъ. Онъ имъ не пользуется нисколько въ самыхъ многозначительныхъ мѣстахъ своей книги, опираясь все на тѣ же маскированья и недомолвки. Такъ, касаясь на 452 страницѣ [1]) вопроса о воскресеніи мертвыхъ онъ сразу и безусловно соглашается съ мнѣніями римской церкви и даже самъ начинаетъ подъискивать примѣры для подтвержденія справедливости этихъ мнѣній. Примѣры онъ заимствуетъ у Лукіана, Эзопа, Плинія, среди разсказовъ и преданій Рима, среди миѳовъ языческой Греціи. О Геркулесѣ онъ говоритъ такъ, какъ если бы рѣчь шла, напр., о Карлѣ V или другой несомнѣннѣйшей, чуть не вчера существовавшей исторической личности. Сказку о Заклѣ египтянинѣ, однимъ дыханіемъ воскрешавшемъ мертвыхъ, Ванини ставитъ во главѣ своихъ аргументовъ...

Чтобы видѣть, обманулъ ли Ванини своихъ противниковъ, предоставимъ слово іезуиту Гарассу, писавшему черезъ 3½ года послѣ смерти нашего философа [2]): «Этотъ проклятый атеистъ написалъ одинъ діалогъ, который носитъ названіе: о воскресеніи мертвыхъ. Въ этомъ діалогѣ, какъ и въ другихъ, онъ притворяется, что остается вѣрнымъ сужденію церкви; но, насколько можетъ, онъ разрушаетъ это таинство (va ruinant ce Mystère)... Первый способъ разрушенія тотъ, что онъ разсказываетъ безконечное количество (une infinité) воскре-

---

[1]) «Dialogi», 452, De resurrectione mortuorum.

[2]) «La doctrine curieuse des beaux esprits de ce temps ou pretendus tels», par Garassuse, in 4° (Paris, MDCXXIII), стр. 302 и 303.

шеній, выдуманныхъ и притворныхъ, которыя считались вѣрными у язычниковъ — и все это онъ (авторъ) дѣлаетъ затѣмъ, чтобы потомъ сказать (pour dire par après), что и тѣ воскрешенія, которыя мы считаемъ истинными, также «ложны». Нужно сказать, что въ «Діалогахъ» Ванини еще чаще, нежели въ «Амфитеатрѣ» торопится въ сомнительныхъ случаяхъ доказать свое правовѣріе, но даже въ эти формулы вкладываетъ нѣкоторую довольно ощутимую дозу иронiи: напримѣръ, кончая одинъ изъ своихъ діалоговъ, въ которомъ сильно разошелся съ господствующими ученіями, Ванини говоритъ: «Но оставимъ это ученымъ сорбонскимъ старцамъ» [1]). Подобныя оговорки сопровождаютъ, напримѣръ, разговоръ Александра и Юлія о демонахъ. Всего три человѣка за все время Ренессанса (т.-е. съ XIV по конецъ XVI-го столѣтія) отрицали безусловно ихъ существованіе: Помпонацци, Кардануст и Агриппа; Ванини былъ четвертымъ. Люди, не вѣрившіе ни въ безсмертіе души, ни въ Бога, тѣмъ не менѣе религіозно вѣрили въ нечистую силу, и быть въ *этомъ* вопросѣ отрицателемъ казалось дѣломъ наиболѣе труднымъ. Ванини считаетъ «такъ-называемыхъ одержимыхъ бѣсомъ» просто помѣшанными людьми. Переходя прямо отъ этого предмета къ вопросу о чудесномъ, онъ говоритъ: «суевѣріе и легковѣріе (superstitio ac credulitas) составляютъ главное во всякой тайнѣ и во всякомъ чудѣ».

Раціонализмъ, проникающій всѣ «Діалоги» съ перваго до послѣдняго, не помѣшалъ, однако же, ихъ автору подробно развить свою пантеистическую систему. Собственно, слово «система» намъ кажется слишкомъ пышнымъ въ примѣненіи къ тѣмъ космогоническимъ наброскамъ, которыми ограничился Ванини. Природа, разумная и благодѣтельная сила, разлитая во всемъ живущемъ, правитъ міромъ и людьми. Тѣ аттрибуты, которыя въ «Амфитеатрѣ» приписаны Богу (см. предшествующую главу), здѣсь должны характеризовать природу. Только въ этихъ мѣстахъ, посвященныхъ восхваленію «царицы смертныхъ», и замѣтна живость Ванини и энтузіазмъ, котораго такъ много въ первомъ трактатѣ, потому что въ остальномъ на «Діалогахъ» лежитъ печать глубокой меланхолiи. Читая трактаты іезуита Гарасса и францисканца Мерсенна, мы сначала не могли понять, почему, собственно, эти критики называютъ Ванини на каждой страницѣ «проклятымъ ипохондрикомъ», hippochondriaque maudit? Только ознакомившись съ «Діалогами», можно придти къ заключенію, что, за вычетомъ энергичнаго прилагательнаго, этотъ эпитетъ довольно вѣренъ. Грусть и разочарованность проскальзываютъ весьма часто въ разговорахъ двухъ дѣйствующихъ лицъ «Діалоговъ». «Этотъ міръ,— говоритъ устами одного изъ нихъ авторъ, — есть темница, наполненная сумасшедшими». Замѣтивъ, впрочемъ, что это обобщеніе за-

[1]) Sed, quaeso, haec doctis Sorbonae senibus relinquamus.

ключаетъ въ себѣ по самому смыслу своему массу дерзостей, Ванини спѣшитъ прибавить: «за исключеніемъ владѣтельныхъ особъ и папъ». Taedium vitae, прорывающаяся въ «Діалогахъ» особенно сказалась въ моральныхъ ученіяхъ, изложенныхъ въ этой книгѣ. Здѣсь мы видимъ самое откровенное признаніе, что жизнь дана только и исключительно для чувственныхъ удовольствій, до такой степени исключительно, что Ванини считаетъ долгомъ процитировать, какъ безусловно справедливые, слѣдующіе стихи: «потеряно все то время, которое не тратится на любовь» [1]).

Но совершенно ошибочно было бы думать, что циническія откровенности, разсѣянныя [2]) въ книжкѣ, имѣютъ, что-нибудь общее съ шутками Боккаччіо или Рабле: трудно себѣ представить болѣе странную амальгаму какого-то усталаго цинизма съ полнымъ разочарованіемъ въ жизни и въ то же время съ поспѣшнымъ выкладываніемъ предъ читателемъ своихъ обширныхъ эротическихъ познаній. Зачѣмъ все это попало въ книжку — неизвѣстно. Основной тонъ моральнаго ученія Ванини—довольно смутное различіе между добромъ и зломъ, и, повторяемъ, возведеніе чувственныхъ удовольствій на степень главной цѣли и высшей награды человѣческой жизни. Но справедливость требуетъ замѣтить, что этическая часть въ общемъ, все-таки, занимаетъ меньше всего мѣста въ трактатѣ. Философскіе, метафизическіе вопросы заслоняютъ ее совершенно, и если мы упомянули объ этикѣ Ванини, то для двухъ цѣлей: во-первыхъ, чтобы показать, до какой степени рѣзко онъ разошелся въ этомъ со своимъ учителемъ Помпонацци, который считалъ добродѣтель наградою самой себѣ и исполненіе долга—основной задачей существованія; можно сказать, что нравственныя ученія Помпонацци и Ванини—два полюса. Во-вторыхъ, упомянуть объ этой сторонѣ трактата не безполезно потому, что, какъ увидимъ, она съиграла свою роль въ трагическомъ концѣ молодого философа.

Въ общемъ нужно признаться, что эта вторая работа Ванини, которой суждено было стать и послѣдней, при всей своей содержательности, обличаетъ утомленную мысль, вялую даже тамъ, гдѣ, повидимому, были всѣ шансы для нея пріобрѣсти энергію, живость или раздраженіе. Авторъ толкуетъ о предметахъ религіознаго обожанія большинства его современниковъ такъ, какъ если бы все это были вещи, давно сданныя въ архивъ, относительно которыхъ можно только ограничиться двумя-тремя колкостями и пройти далѣе.

И, главное, не изъ-за страха цензуры поступалъ онъ такъ, потому что именно эти двѣ-три колкости и были въ цензурномъ отношеніи гораздо опаснѣе, чѣмъ длинное разсужденіе, растянутое на нѣсколько страницъ: просто, какая-то усталость препятствовала болѣе живой и

---

[1]) Интереснѣе всего, что эти стихи на *самой послѣдней* страницѣ («Dialogi», 495).
[2]) Стр. 185, 186, 187, 189.; стр. 493, 4, 5.

широко поставленной работѣ. Была ли эта усталость временной, случайной, или Ванини уже сказалъ все, что могъ сказать и потому печать истощенія легла на его книжку, особенно на послѣднія главы ея? Мы этого не знаемъ, потому что судьба раздавила его почти непосредственно вслѣдъ за выходомъ только что разобраннаго трактата. Но раньше, чѣмъ перейдемъ къ описанію конца карьеры философа, коснемся еще одного довольно любопытнаго пункта. Ни въ одной изъ работъ во всей скудной литературѣ о Ванини [1]) не говорится о томъ, какъ посмотрѣлъ на дѣятельность этого человѣка первоклассный философскій умъ XVII-го вѣка Декартъ. Вотъ почему намъ казалось бы нелишнимъ привести здѣсь, относящіяся сюда наиболѣе характерныя выдержки изъ произведеній этого мыслителя и тѣмъ восполнить указанный пробѣлъ.

V.

Между безчисленными нападками, обвиненіями и донесеніями, которыя посыпались на Декарта послѣ появленія «Discours de la méthode», особенною яростью выдавались памфлеты нѣкоего Воэта. Мы не знаемъ болѣе типичнаго протестанскаго Торквемаду, чѣмъ этотъ человѣкъ. По нетерпимости, ожесточенію, догматизму этотъ утрехтскій профессоръ теологіи нисколько не уступаетъ великому инквизитору, но такъ какъ Голландія XVII-го вѣка слишкомъ рѣзко отличалась по своимъ общественнымъ условіямъ отъ Испаніи Фердинанда Католика, то Гизберту Воэту пришлось ограничиться литературной полемикой и только въ минуты особенно обостренныхъ диспутовъ прибѣгать къ содѣйствію свѣтскихъ властей. Читая изъ всѣхъ его произведеній только статьи, направленныя противъ Декарта, мы не можемъ судить съ достаточною компетентностью о Воэтѣ, какъ о теологѣ-теоретикѣ, но несомнѣненъ тотъ фактъ, что въ исторіи голландскаго протестантизма онъ съигралъ свою роль: такъ называемое «воэтистское» теченіе было довольно сильно въ Нидерландахъ еще въ прошломъ вѣкѣ (между прочимъ, воэтисты требовали замѣны празднованія воскресенья празднованіемъ субботы). Впрочемъ, для насъ это теперь не важно. Достаточно знать, что Воэтъ былъ человѣкомъ вліятельнымъ, нападалъ на Декарта въ печати, доносилъ на него утрехтскому суду, и французскій философъ, вѣроятно, поэтому, счелъ нужнымъ отвѣчать своему врагу. Больше всего ненавидѣлъ Воэтъ двѣ породы людей: іезуитовъ и атеистовъ. Безъ неприличныхъ до нецензурности эпитетовъ онъ не можетъ говорить ни о первыхъ, ни о вторыхъ. Нужно же было случиться такому недоразумѣнію, что онъ счелъ Декарта разомъ и іезуи-

[1]) Ни у Schrader'a «De Vita Vanini» (Custrini, 1709), ни у Arpe'a («Apologia»), ни въ новѣйшихъ статьяхъ Cousin'a («Revue des deux Mondes», 1843. Oct.), и Оуэна («The Skeptics»).

томъ, и атеистомъ! Какъ онъ пришелъ къ такому странному и противорѣчивому выводу—неизвѣстно, но разъ Декартъ поднялъ перчатку Воэта, онъ долженъ былъ считаться съ этимъ двойнымъ обвиненіемъ непремѣнно. Въ 1643 году въ Амстердамѣ Декартъ напечаталъ свое «Письмо Гизберту Воэту», въ которомъ послѣдовательно защищается отъ нападеній профессора. Вотъ, въ этомъ-то письмѣ мы и нашли нѣсколько мѣстъ, прямо относящихся къ Ванини [1]).

Въ своей книжкѣ Воэтъ, между прочимъ, писалъ: «Въ Утрехтѣ еще есть люди, которые не потерпятъ, чтобы шайка богохульствующихъ нечестивцевъ (послѣдователей Декарта) оскорбляла своею подлостью и лживостью истинное благочестіе». Выразивъ эту надежду, Воэтъ вспоминаетъ, что Декартъ «атеистъ и проповѣдуетъ атеизмъ подобно Ваннни». Даже въ методѣ Декарта Воэтъ усматриваетъ подражаніе автору «Амфитеатра» и «Діалоговъ». Вотъ слова обвинителя: «Ванини писалъ противъ атеистовъ, а самъ между тѣмъ былъ ихъ отцомъ, начальникомъ ихъ всѣхъ; то же самое дѣлаетъ Декартъ. Ванини говорилъ, будто хочетъ побѣдить атеистовъ аргументами, противъ которыхъ не устоитъ ихъ упрямство; то же дѣлаетъ Декартъ. Ванини на самомъ дѣлѣ замышлялъ замѣнить вульгарныя доказательства, которыми они (*атеисты*) пользуются, своими собственными: той же цѣли добивается Декартъ. Наконецъ, возраженія, которыя представлялъ Ванини атеистамъ, по внимательномъ разсмотрѣніи, оказываются безъ силы и значенія,—разсужденія Ренэ (Декарта) во всѣхъ отношеніяхъ суть то же самое. Посему, развѣ несправдливо сравнить Декарта съ Ванини, самымъ тонкимъ и хитрымъ защитникомъ атеизма; ибо онъ работаетъ тѣми же средствами, чтобы воздвигнуть въ сердцахъ невѣждъ тронъ атеизма». Декартъ отвѣчаетъ на это, что если такъ разсуждать, то придется даже о св. Ѳомѣ Аквинатѣ сказать, что онъ скрытый атеистъ, такъ какъ онъ по мѣрѣ силъ боролся съ безбожіемъ при помощи аргументовъ, которые его врагами отвергались. «Нельзя поэтому только сравнивать его съ Ванини», пишетъ Декартъ [2]), косвенно тѣмъ самымъ признавая мнѣніе Воэта объ этомъ философѣ правильнымъ. Но Воэтъ предвидѣлъ возраженія и торопится изложить ихъ, развивая дальше свою параллель; мы приведемъ эту полемику, потому что она лучше всего покажетъ, какова была репутація Ванини въ ближайшія десятилѣтія послѣ его смерти, когда его вліяніе можно было прослѣдить еще прямо, а не косвенно. «Не важно,—восклицаетъ Воэтъ,—что многіе люди лучшаго мнѣнія о Декартѣ, чѣмъ о Ванини, и что Декартъ публично исповѣдуетъ римско-католическую религію: это самое дѣлалъ и ловкій Ванини. Ни къ чему не послужатъ также увѣ-

---

[1]) Цитаты «Письма» Декарта всюду дѣлаются мною по изданію Кузена («Oeuvres de Descartes, publiées par Victor Cousin», Paris, 1826, т. 11-й, отъ 1 до 198 стран.).

[2]) «Oeuvres», цит. изд., XI, стр. 183.

ренія, что онъ борется со мною, Воэтомъ, какъ съ врагомъ своей религіи: подобнымъ образомъ объясняися и Ванини». «Многіе простодушные люди,—продолжаетъ онъ,—считаютъ Декарта противникомъ атеистовъ, какъ раньше они считали тѣмъ же Ванини; эти люди не искусны, значитъ, въ распознаваніи хитростей дьявола». Декартъ на это отвѣчаетъ [1]): «Вы вооружились однимъ только именемъ Ванини, и этимъ страшнымъ сравненіемъ хотите уничтожить противника». Декартъ уличаетъ затѣмъ Воэта въ томъ, что тотъ по наслышкѣ знаетъ Ванини, такъ какъ даже не умѣетъ правильно написать его имени: пишетъ Vaninius вмѣсто Vaninus. Но это, конечно, аргументъ не важный, такъ какъ латинская транскрипція «вульгарныхъ» фамилій есть дѣло довольно произвольное. По существу же Декартъ нигдѣ не протестуетъ противъ опредѣленій Ванини, какъ атеиста; въ этомъ онъ согласенъ съ Воэтомъ; но, защищаясь самъ отъ опасныхъ сближеній и сопоставленій, Декартъ, съ явнымъ сочувствіемъ въ тонѣ, хотя съ сочувствіемъ по понятнымъ причинамъ сдержанномъ, говоритъ о своемъ молодомъ предшественникѣ. Значитъ, и Декарта не обманули оговорки и намеки «Амфитеатра» и «Діалоговъ», какъ не обманули они ни іезуита Гарасса, ни францисканца Мерсенна, писавшихъ черезъ $3^1/_2$—4 года послѣ смерти Ванини. Близкое потомство поняло Ванини всецѣло; болѣе далекое было введено въ заблужденіе какъ разъ тѣми военными хитростями, которыя были разсчитаны не для него, отдаленнаго потомства, а для современныхъ поколѣній. Брукеръ [2]) говоритъ, что Ванини былъ легкомысленъ, но атеистомъ не былъ; Буле держится почти того же мнѣнія; Риттеръ опредѣленно не высказывается.

Слѣды Ванини, повторяемъ, болѣе замѣтны въ первое время послѣ его смерти, чѣмъ впослѣдствіи; судьба не дала ему такого таланта, которому не страшно время и который на разстояніи столѣтій даетъ себя чувствовать; своей дѣятельностью и смертью онъ усилилъ и углубилъ тѣ чувства и мысли, которыя не имъ начались и не имъ окончились. Но какъ всѣ второстепенные факторы, его личное, индивидуальное вліяніе на европейское скептическое движеніе можетъ быть съ трудомъ распознано и еще съ большимъ трудомъ выдѣлено. Впрочемъ, вопросъ еще, мыслимо ли вообще такое выдѣленіе?.. Кончая эти вводныя замѣчанія о мнѣніяхъ Декарта, мы приведемъ слѣдующія слова этого мыслителя [3]): «...не за то погибъ Ванини, что онъ написалъ свои сочиненія: хотя они содержатъ и слабые аргументы (противъ атеистовъ) и, можетъ быть, имѣютъ двойственное и скрытое предназначеніе, но они его не подвергали никакой опасности; онъ былъ осужденъ за частныя дѣйствія и *рѣчи*, которыя были обнаружены при помощи свидѣтелей».

---

[1]) l. c. 184.

[2]) «Historia critica philosophiae», Bruckeri, vol. IV, pars II, стр. 678.

[3]) «Oeuvres», ed. cit., T. XI, стр. 185.

Эти слова, написанныя черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ смерти Ванини, прямо приводятъ насъ къ конечному вопросу біографіи: что его погубило?

VI.

Вопросъ этотъ затрудняется самымъ роковымъ препятствіемъ, какое только можетъ встрѣтиться на пути историка: скудостью источниковъ. Въ виду того, что печатные источники даютъ мало, мы попробовали поискать рукописныхъ; но, перерывъ все, что такъ или иначе касается Тулузы начала XVII-го вѣка мы нашли всего одинъ документъ: замѣтку въ частномъ дневникѣ нѣкоего Эскироля [1]), члена соборнаго капитула города Тулузы; въ этой замѣткѣ говорится о послѣднихъ минутахъ Ванини и она разрѣшаетъ, какъ увидимъ, одинъ вопросъ, бывшій до сихъ поръ спорнымъ. Что касается до другихъ источниковъ, то здѣсь первую роль играетъ, конечно, «Исторія Галліи послѣ смерти Генриха IV», принадлежащая перу Грамонда. Грамондъ былъ однимъ изъ совѣтниковъ тулузскаго парламента и видѣлъ собственными глазами и слышалъ собственными ушами все, что касается конца Ванини; на старости лѣтъ Грамондъ написалъ уже названное сочиненіе [2]), удивительно интересное во всѣхъ отношеніяхъ. Въ этомъ сочиненіи содержится полный отчетъ о процессѣ Ванини. Авторъ ненавидитъ философа, это совершенно ясно, однако приходится прежде всего прибѣгнуть къ этимъ показаніямъ очевидца, хотя бы и пристрастнаго. Далѣе, францисканецъ Мерсенъ [3]) и іезуитъ Гарассъ, писавшіе до Грамонда, передаютъ кое-что объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ гибель философа; но эти замѣчанія, конечно, нуждаются въ весьма сильной фильтраціи, такъ какъ они прямо до стилистической неясности уснащаютъ свой разсказъ ругательствами. Вотъ, можно сказать, коренные источники, на основаніи которыхъ написана эта глава [4]). Разсказы и анекдоты Нисерона [5]) имѣютъ второстепенное значеніе такъ же, какъ ни въ какомъ смыслѣ незамѣчательная «Apologia Vanini», написанная Арномъ въ 1710 году.

Безпокойный духъ, гнавшій Ванини съ мѣста на мѣсто всю его жизнь, не позволилъ ему по напечатаніи «Діалоговъ» оставаться въ Парижѣ. Все было тихо; за книжку его, дѣйствительно, никто покамѣсть не преслѣдовалъ. Но вдругъ онъ снялся съ мѣста и поѣхалъ въ Ту-

---

[1]) Хранится въ архивѣ Національной библіотеки въ Парижѣ; fonds francais, nouv. acquis. № 472; рукопись съ рисунками.

[2]) «Historiarum Galliae ab excessu Henrici IV», libri XVIII. Tolosae 1643 in folio.

[3]) Уже цитир. «In Genesim», 1623.

[4]) Отрывки изъ записокъ другого очевидца Мальанфана и изъ архива тулузскаго капитула слишкомъ кратки, чтобы можно было сравнить ихъ, по вѣрности, съ разсказомъ Грамонда.

[5]) «Mémoires». T. 26-й (изд. Paris. 1724). 371—385.

лузу. Если бы онъ нарочно придумывалъ наиболѣе неподходящее и опасное для себя мѣсто во Франціи, то не могъ бы выдумать ничего хуже Тулузы. Намъ, привыкшимъ къ современному единству государственной политики и правительственной мысли, странно наблюдать тотъ хаосъ и переплетъ мнѣній, чувствъ и страстей, которые характеризуютъ политику отдѣльныхъ общинъ, провинцій и городовъ XVI—XVII вв. Каждая административная единица тогдашней Франціи (и, конечно, въ еще большей степени — Италіи, Испаніи и Германіи) имѣла свои политическія и религіозныя традиціи и пристрастія; гугенотъ, путешествующій по Франціи, чувствовалъ себя въ Ларошели—членомъ господствующаго класса, въ Парижѣ—почти полноправнымъ гражданиномъ, въ Тулузѣ — подозрѣваемымъ человѣкомъ, все это время не покидая территоріи, подчиненной французскому королю. Правда, въ XVII вѣкѣ самодержавіе было уже настолько упрочено, что о серьезной оппозиціи центральному правительству по кореннымъ причинамъ государственнаго характера общины не думали, но въ ежедневной жизни встрѣчалась цѣлая масса, такъ сказать, нейтральныхъ вопросовъ, которые въ разныхъ мѣстахъ различно разрѣшались. Въ Парижѣ итальянскіе доктора («шарлатаны», какъ ихъ называли) предавались своей дѣятельности вполнѣ безнаказанно, а въ Бретани ихъ время отъ времени вѣшали за ноги на оградѣ кладбища; въ Ліонѣ давали мужу и женѣ разводъ по такимъ поводамъ, по какимъ не давали его, напримѣръ, въ Реймсѣ; въ Руссильонѣ испанцевъ принимали радушно, а въ Наваррѣ многократно и торжественно изгоняли вонъ изъ страны. Ни въ чемъ, можетъ быть, эти отличія и индивидуальныя черточки не бросались такъ въ глаза, какъ въ вопросахъ, касающихся религіи. Мы не говоримъ уже объ антагонизмѣ гугенотовъ и католиковъ, который ослаблялся въ иныхъ мѣстахъ и обострялся въ другихъ; но прежде всего свободные мыслители должны были на себѣ почувствовать эти различія. Вѣдь за гугенотомъ стояли милліоны гугенотовъ, которые на репрессаліи противъ своего единовѣрца въ католическихъ общинахъ, могли отвѣтить репрессаліями противъ католиковъ у себя. А кто отвѣтитъ за человѣка, одинаково, если не прямо ненавистнаго, то подозрительнаго обѣимъ религіознымъ партіямъ? Ясно, что его существованіе точно такъ же виситъ на волоскѣ, никѣмъ и ничѣмъ не прикрыто и вполнѣ зависитъ отъ благодушія или суровости провинціальныхъ властей, какъ, напр., существованіе хоть тѣхъ же итальянскихъ шарлатановъ, которыхъ угощали сидромъ въ одномъ мѣстѣ и вѣшали за ноги въ другомъ. Расправа съ «безбожникомъ» именно и являлась нейтральнымъ изъ нейтральныхъ вопросовъ, до котораго никому не могло быть дѣла. При такомъ положеніи вещей, не дремавшая и неутомлявшаяся католическая охрана ложилась на вѣсы рѣшающей гирей: если всѣмъ было все равно, что станется съ вольнодумцемъ, то ей было не все равно, и ея вліяніе пускалось въ ходъ, чтобы уничтожить врага, за котораго некому было

заступиться. Тулуза съ давнихъ поръ, съ начала XVI вѣка была строго католическимъ городомъ, находившимся, къ тому же, подъ прямымъ вліяніемъ Гизовъ и испанскаго двора; тулузскій парламентъ славился своими ужасными приговорами по дѣламъ о вѣрѣ.

Вотъ, въ этотъ-то городъ и счелъ нужнымъ переселиться Ванини. Онъ уже не писалъ здѣсь; онъ преподавалъ естественныя науки, философію и теологію. Учениковъ собиралось къ нему очень много, и уроки были весьма живы и интересны. Живой, неосторожный человѣкъ, Ванини, повидимому, принадлежалъ къ тому типу общительныхъ парадоксалистовъ, которые и парадоксы свои говорятъ больше для возбужденія спора, чѣмъ по другимъ причинамъ. Жизнь Ванини велъ разгульную; тѣ эпизоды изъ «Діалоговъ», которые мы должны были отказаться привести, показываютъ, что онъ за свои тридцать лѣтъ пожилъ много, широко и неряшливо. «Онъ довелъ свое озлобленіе до того, что перенесъ его въ кабаки и тайные притоны», пишетъ Гарассъ [1]). Такъ это было или не такъ, но ничего невозможнаго нѣтъ въ томъ, что иногда, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ Ванини могъ впасть въ утрированную и опасную откровенность. Съ своимъ даромъ слова, діалектическимъ талантомъ, наконецъ, разнообразными познаніями, Ванини вращался въ самыхъ различныхъ кругахъ, въ низшемъ, среднемъ и аристократическомъ.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его прибытія въ Тулузу. Лѣтомъ 1618 года явился въ этотъ городъ одинъ молодой человѣкъ, весьма знатный и благочестивый [2]), какъ отзывается о немъ Гарассъ. Его тотчасъ же познакомили пріятели съ Ванини; философъ мало-по-малу сталъ откровененъ съ новымъ знакомымъ и началъ выкладывать предъ нимъ свою душу. Франконъ, такъ звали знатнаго и благочестиваго юношу, сначала поражался и восхищался остроуміемъ, шутками, разсказами и свѣдѣніями Ванини, но понемногу сталъ пугаться его дерзкихъ рѣчей и однажды почувствовалъ даже, что его волосы стоятъ дыбомъ отъ выходокъ собесѣдника. Когда волосы Франкона начали становиться дыбомъ, ихъ обладателю пришла въ голову [3]) мысль—неожиданно какъ-нибудь заколоть Ванини кинжаломъ, когда тотъ не будетъ этого ожидать и не сможетъ защищаться. Но тутъ возникло препятствіе: убить философа въ присутствіи слушателей нельзя, потому что они бросятся выручать его, и дѣло можетъ окончиться цѣлымъ рядомъ непріятностей; съ другой стороны, заколоть его, когда они будутъ съ глазу на глазъ также неудобно, потому что потомъ Франкона обвинятъ въ убійствѣ и могутъ не повѣрить ему и не оцѣнить его побужденій. Пришлось подѣлиться съ другими честью

---

[1]) «Doctrine curieuse» (изд. указ.), стр. 801.

[2]) «Doctrine», стр. 145.

[3]) Ibid., 146.

искорененія безбожника: Франконъ явился къ первому президенту тулузскаго парламента и подалъ ему доносъ на Ванини, какъ на человѣка, занимающагося пропагандою атеизма. Ванини былъ немедленно арестованъ.

Итакъ, мы видимъ, что пока, относительно ареста, слова Декарта справедливы: не печатныя произведенія, а устныя слова повлекли гибель философа, не книги, а люди предали его. Бываютъ аресты, до тождества сходные со смертью, и къ нимъ принадлежалъ арестъ Ванини.

Онъ погибъ съ первой минуты слѣдствія, и вся процедура суда явилась только формальностью. Въ чемъ обвиняли его? Повидимому, не только въ атеизмѣ, но и въ ереси. Вотъ что говоритъ Грамондъ, свидѣтель и очевидецъ процесса [1]): «Большая часть людей смотрѣла на него, какъ на ересіарха, но я смотрю на него, какъ на атеиста, ибо отрицать Бога не значитъ быть ересіархомъ». Изъ этого же важнѣйшаго и, въ сущности, единственнаго обстоятельнаго источника для исторіи процесса, мы узнаемъ, что Ванини, какъ выяснилось предъ судомъ—«не признавалъ Бога, приписывалъ все случаю, былъ совратителемъ съ пути истиннаго неопытной молодежи [2]) и осмѣливался называть природу богиней». Послѣднія слова, опирающіяся, конечно, на заглавіи «Діалоговъ« (см. IV главу), показываютъ, что Декартъ, говоря объ осужденіи Ванини только за разговоры, а не за книги, былъ не вполнѣ точенъ: если арестъ обусловился доносомъ Франкона, то ужъ слѣдствіе и судъ воспользовались всѣмъ, что только могло привести къ осужденію философа, и книги его безъ вниманія оставлены не были. Когда было оформлено это важнѣйшее обвиненіе—въ пропагандѣ атеизма среди тулузской молодежи, «которая его охотно слушала», Ванини не призналъ себя виновнымъ. Тогда произошла очная ставка съ Франкономъ. Франконъ повторилъ главнѣйшія положенія своего доноса и настаивалъ на томъ, что Ванини, довѣряя ему, насмѣхался надъ католическими догматами. Опять Ванини вызвали въ засѣданіе суда и потребовали, чтобы онъ публично изложилъ, въ чемъ состоитъ его вѣра. Ванини сказалъ, что онъ вѣритъ въ Бога и въ Троицу. У него потребовали, чтобы онъ *доказалъ*, что онъ вѣритъ въ Бога.

Ванини, въ отчаяніи озираясь кругомъ, вдругъ увидѣлъ на полу около себя соломинку [3]). Онъ мгновенно поднялъ ее и сказалъ слѣдующее: «Вотъ эта соломинка заставляетъ меня вѣрить въ Бога. Зерно, брошенное въ землю, умираетъ и гніетъ; затѣмъ бѣлѣетъ, зеленѣетъ, выходитъ изъ земли, питается утренней росою и дождемъ, вооружается колючими остріями, которыя отгоняютъ птицъ, округлѣваетъ, покрывается листьями, желтѣетъ, опускаетъ голову и снова умираетъ; его

[1]) Historiarum Galliae «(указ. изд.)» стр. 208.

[2]) ...inventutis incautae seductor..., ibid.

[3]) «Historiarum Galliae» (изд. указ., 209).

срѣзаютъ, плодъ отдѣляютъ отъ стебля, и первымъ питаются люди, а вторымъ, соломою и сѣномъ, животныя, созданныя на потребу людямъ. Если сказать, что природа создала это первоначальное зерно, то кто же создалъ природу? Богъ».

Но религіозный процессъ XVII вѣка, не былъ бы религіознымъ процессомъ XVII вѣка, если бы ко всѣмъ прочимъ обвиненіямъ онъ не примѣшалъ обвиненія подсудимаго въ колдовствѣ. Когда, по доносу Франкона, Ванини былъ арестованъ, то во время обыска на его квартирѣ была найдена огромная жаба въ сосудѣ съ водою. Судъ пришелъ къ заключенію, что это животное служило Ванини для чародѣйства. Подсудимый объяснялъ, что онъ хотѣлъ приспособить жабу для естественно-научныхъ и медицинскихъ опытовъ; но такое оправданіе, въ свою очередь, показалось подозрительнымъ: судьи приняли къ свѣдѣнію, что Ванини не довольствовался обыкновенными познаніями, а осмѣливался выпытывать у Провидѣнія Его скрытые пути. Впрочемъ, и доказательства бытія Божія посредствомъ соломинки не понравились судьямъ, которые, подъ вліяніемъ подробныхъ показаній доносчика Франкона, склонялись къ мысли, что всѣ доводы обвиняемаго одно притворство.

Обнаружилось [1]) мы не знаемъ чьими показаніями, изъ источниковъ это не видно,—что Ванини по два раза въ недѣлю читалъ тайнымъ образомъ лекціи своимъ пріятелямъ, «которыхъ приводилъ въ восторгъ», что во время этихъ лекцій и частныхъ разговоровъ онъ то смѣялся надъ католичествомъ, то приводилъ возраженія атеистовъ и «слабо на нихъ отвѣчалъ» [2]). Совѣтникъ тулузскаго суда Катэль явился самымъ пылкимъ сторонникомъ осужденія Ванини. На нѣкоторыхъ судей философъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе, и они предлагали просто изгнать его изъ Франціи, но Катэль стоялъ за смертную казнь. Пока Ванини сидѣлъ въ тюрьмѣ, онъ такъ привязалъ къ себѣ своего тюремщика, что тотъ вслухъ увѣрялъ, что его заставляютъ сторожить святого человѣка. «Вотъ какъ онъ умѣлъ притворяться!» съ негодованіемъ по этому поводу восклицаетъ одинъ изъ присутствовавшихъ на судѣ, Мальанфанъ [3]).

Катэль взялъ на себя веденіе дѣла. Онъ объявилъ судьямъ, что Ванини виновенъ въ атеизмѣ, въ пропагандѣ безвѣрія и безнравственности [4]), въ отвращеніи молодыхъ душъ отъ истиннаго Бога; обвиненіе подчеркнуло также пантеистическія теоріи Ванини, хотя, насколько можно замѣтить, дальше заглавія «Діалоговъ», гдѣ природа названа богиней, дѣло не пошло; но это ужъ было все равно.

Ничего не могло спасти Ванини. Какъ скептикъ и отрицатель, онъ

---

[1]) См. записки другого очевидца процесса Malenfant'a. Изданы Кузеномъ («Rev. d. d. M.» 1843, vol. 58, стр. 718—719 источникъ достовѣрный, но бѣглый

[2]) Ces responses estoient faibles... Записки Malenfant'a, стр. 718.

[3]) ibid. 718.

[4]) Упомянутыя мѣста «Діалоговъ», являлись въ этомъ случаѣ роковыми для подсудимаго.

продолжалъ дѣло Помпонацци и Бруно, какъ діалектикъ, онъ окончательно похоронилъ схоластическій методъ мышленія, какъ предшественникъ Декарта и Спинозы, онъ расчищалъ для нихъ путь и поддерживалъ умы на той высотѣ напряженнаго философскаго интереса, при наличности которой общество скорѣе охватываетъ широкія философскія системы. Онъ былъ чернорабочимъ, второстепеннымъ дѣятелемъ, который на своихъ плечахъ вынесъ непрерывность философской традиціи, начавшейся Аверроэсомъ и кончившейся энциклопедистами. Но судьба заставила его жить въ самый глухой и безнадежный моментъ, въ разгаръ католической реакціи, между Варѳоломеевской ночью и тридцатилѣтней войной, да еще привела его въ Тулузу, главную цитадель французскаго католицизма... Вотъ почему его жребій и не могъ быть другимъ, чѣмъ онъ былъ. Повторимъ еще разъ то, что было сказано въ началѣ этой работы: противники видѣли другъ друга насквозь, и не доказательствами на соломинкѣ можно было обмануть обвинителей Ванини. Если они не оцѣнили (а они въ свое время и не могли бы оцѣнить) роли философа во всей ея исторической полнотѣ, то коренная черта его дѣятельности, единственно для нихъ важная, была ясна вполнѣ. Приговоръ сталъ дѣломъ времени. Что-то сильно затягивало процессъ; шесть мѣсяцевъ длился онъ. Среди судей былъ нѣкій Лемазюрье, дѣтямъ котораго Ванини давалъ уроки, и который поэтому лучше другихъ къ нему относился; но и онъ ничего сдѣлать не могъ.

Каждый разъ, когда Ванини приводили изъ тюрьмы, его наружность обращала на себя общее вниманіе [1]): это былъ человѣкъ худой, высокій, на видъ лѣтъ около 30 (ему и было въ 1619 году 33 года), съ каштановыми волосами, блестящими глазами. Въ концѣ процесса говорили уже только и исключительно о частныхъ разговорахъ его и устныхъ лекціяхъ. Съ 5-го августа 1618 года, когда онъ былъ арестованъ до 9-го февраля 1619, когда былъ вынесенъ приговоръ, онъ не переставалъ настаивать на своей невинности, но ни разу и ни въ одномъ пунктѣ судъ ему не повѣрилъ. Всѣ оправданія его приписывались, какъ говоритъ Грамондъ [2]), страху и притворству.

Наконецъ, проэктъ приговора, написанный Катэлемъ, былъ утвержденъ тулузскимъ парламентомъ. Вотъ этотъ приговоръ: «Ванини будетъ привезенъ въ клѣткѣ къ церкви; здѣсь будетъ раздѣтъ до рубахи, въ руки ему будетъ вложенъ горящій факелъ, на шею надѣтъ обручъ. Его поставятъ на колѣни посреди церковной паперти, гдѣ онъ испроситъ прощеніе у Бога, короля, правосудія,—и затѣмъ будетъ отведенъ на площадь Салэнъ, гдѣ его привяжутъ къ столбу, отрѣжутъ ему языкъ, задушатъ, а тѣло сожгутъ и превратятъ въ пепелъ».

Тотчасъ послѣ приговора, какъ говорятъ многіе свидѣтели [1]) и какъ положительно подтверждаетъ найденная нами замѣтка въ рукописи Эски-

---

[2]) Historiarum Galliae. ed. cit. 209.

роля [2]), очевидца всего происшедшаго въ этотъ день, Ванини сбросилъ маску и твердо и прямо заявилъ, что онъ католичества не признаетъ и умираетъ вѣрный своимъ убѣжденіямъ. Что касается до приговора, то замѣчательно нѣкоторое добавленіе къ обычному наказанію: Ванини долженъ былъ предварительно потерять языкъ, linguam sacrilegam, богохульственный языкъ, по выраженію Грамонда [3]). Здѣсь мы видимъ проявленіе своеобразнаго пенитенціарнаго символизма, прежде общаго всѣмъ законодательствамъ, теперь же (въ смягченныхъ формахъ) удержавшагося кое-гдѣ въ обычномъ правѣ: поражался тотъ органъ тѣла, который былъ непосредственнымъ орудіемъ совершенія преступленія. Ванини богохульствовалъ языкомъ, и языкъ у него долженъ быть отрѣзанъ. Въ послѣдній разъ въ исторіи европейскихъ народовъ это наказаніе оффиціальнымъ образомъ было, насколько намъ извѣстно, примѣнено въ 1743 году, въ Россіи, когда двумъ придворнымъ дамамъ, Лопухиной и Бестужевой, отрѣзали языки за произнесеніе мятежныхъ словъ противъ императрицы Елизаветы и за другія преступленія, въ которыхъ ихъ обвиняли. Но въ XVII вѣкѣ наказанія такого характера были повсемѣстно въ ходу.

Подтвердивъ тотчасъ послѣ приговора свои убѣжденія въ присутствіи суда и произнеся еще, какъ говорятъ Гарассъ и Мерсеннъ, нѣсколько богохульствъ, Ванини былъ отведенъ въ тюрьму и тотчасъ же изъ тюрьмы выведенъ на казнь. Онъ шелъ весело, бодро, высоко поднявъ голову, съ улыбкой повторяя: «ну, пойдемъ, пойдемъ умирать по философски!» Кроткій францисканскій духовный отецъ тщился, по словамъ Мальанфана и Грамонда, наблюдавшихъ за этой сценой, обратить душу осужденнаго на путь истинный, но Ванини оттолкнулъ монаха, оттолкнулъ распятіе и «жестокое сердце его упорствовало до послѣдней минуты въ заблужденіяхъ». Капитулъ Тулузскаго собора говоритъ, что онъ шелъ на казнь, какъ свирѣпый и упрямый тигръ, и ни за что не хотѣлъ слушать словъ истины. Когда привели его на мѣсто казни, онъ отказался высунуть языкъ палачу, который стоялъ тутъ же съ ножницами. Палачъ силой просунулъ щипцы въ ротъ осужденнаго и отрѣзалъ ему языкъ. Затѣмъ, его положили на костеръ и сожгли живого, а не удушили сначала, какъ бы слѣдовало по приговору. Большая толпа спокойно наблюдала за всѣмъ происходившимъ, и какъ только костеръ потухъ, разошлась по домамъ.

Евг. Тарле.

---

[1]) Гарассъ, Мерсеннъ, за ними Шраммъ.

[2]) См. рукописный дневникъ f. fr. nouv, acq. № 472 (арх. Нац библ.).

[3]) Hist. Gal., стр. 210.

ВЕСЕННІЕ МОТИВЫ.

* * *

Вотъ она, первая ласка весенняя—
Блѣднаго сѣвера греза неясная,
Бѣлая ночь—вся мечта и томленіе,
Свѣтлая ночь цѣломудренно-страстная.
Что-то печальное, грустное, нѣжное
Въ этомъ разцвѣтѣ красы затуманенной,
Съ слабой улыбкою неба безбрежнаго,
Съ сѣрою тучкой, зарей зарумяненной.
Это не южныя краски блестящія,
Это родимой весны обаяніе,
Милые образы, сердце щемящіе
Сладкою болью любви и страданія.

* * *

Предо мной семья лѣсная
Елей, сосенъ и березъ!..
Къ нимъ иду я, забывая
Слезы пѣсенъ, пѣсни слезъ...

Здѣсь весна прошла, цѣлуя
Первыхъ ландышей цвѣты;
И проснулся лѣсъ, ликуя
Мощью свѣжей красоты.

Здѣсь толпой ведутъ березки
Пересмѣшливую рѣчь,
И горятъ на солнцѣ блестки
Золотыхъ сосновыхъ свѣчъ...

Здѣсь веселье свѣтлымъ шумомъ
Распахнуло грудь мою...
Мѣста нѣтъ унылымъ думамъ,
И о счастьи я пою!..

* * *

Ночь идетъ!.. Земли коснулся
Край сіяющей одежды.
Грустный мѣсяцъ улыбнулся,
И сомкнуло солнце вѣжды,

И бѣжитъ отъ поцѣлуя
Ласки жаждущей царицы...
Ночь блѣднѣетъ... и, тоскуя,
Посылаетъ вслѣдъ зарницы,

Какъ безсильные укоры:
Златокудрый богъ далеко!..
И печально снявъ уборы,
Ночь проходитъ одиноко...

Галина.

БЕЗДОМНЫЕ.

Повѣсть Стефана Жеромскаго.

Переводъ съ польскаго М. Троповской.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Гл. I.

Венера милосская.

Томашъ Юдымъ возвращался черезъ *Елисейскія Поля* изъ Булонскаго лѣса, куда ѣздилъ изъ своего квартала передаточной желѣзной дорогой. Шелъ онъ медленно, шагъ за шагомъ, чувствуя отъ жары все большую тяжесть своей куртки и шляпы. Все пространство было залито яркимъ солнечнымъ блескомъ. Вдали, надъ громадами зданій, тянувшихся отъ тріумфальной арки, стояла розоватая пыль, которая уже начинала въѣдаться, какъ ржавчина, въ прелестные, ярко-зеленые весенніе листочки деревьевъ, даже въ цвѣточки паулёніи. Отовсюду несся запахъ акаціи; весь воздухъ, казалось, былъ полонъ имъ. На пескѣ, вокругъ пней, подъ строеніями, въ канавахъ валялись ея бѣлые цвѣточки съ красноватыми, словно окровавленными отъ укола смерти, тычинками внутри. Безжалостная пыль незамѣтно засыпала ихъ.

Приближался часъ великосвѣтской прогулки и на *Поляхъ* уже начиналось непрерывное движеніе колясокъ. По деревянной мостовой раздавался безконечный, однообразный стукъ, какъ-будто отдаленный шумъ большой фабрики. Проносились красивые, стройные кони, сверкала упряжь, кузова, спицы легкихъ экипажей, и безконечной вереницей мелькали весенніе наряды женщинъ, вызывая своими чистыми, разнообразными, роскошными красками чудное впечатлѣніе какъ бы дѣвственной природы. Иногда изъ потока проѣзжающихъ вдругъ выдѣлялось лицо тонкое, нѣжное, такой невѣроятной красоты, что видъ его ласкалъ взоры и нервы. Невольный вздохъ вырывался изъ груди, но прелестное видѣніе исчезало мгновенно, какъ мимолетное счастье.

Юдымъ нашелъ подъ развѣсистымъ каштаномъ свободное мѣстечко на скамейкѣ и съ большимъ удовольствіемъ присѣлъ подлѣ какой-то

старой, усатой няньки съ двумя дѣтьми. Онъ снялъ шляпу и, глядя на несшуюся передъ нимъ посреди улицы рѣку экипажей, медленно освѣжался отъ зноя въ тѣни. На тротуарахъ появлялось все больше и больше изящной публики, въ лоснящихся цилиндрахъ, въ свѣтлыхъ пальто и жакеткахъ. Какая-то старуха съ хитрыми глазками вмѣшалась внезапно въ эту нарядную толпу, ведя за собой молодого козлёнка съ бѣлоснѣжною шерстью. Толпа дѣтей сопровождала козлёнка, выражая свое восхищеніе жестами, взглядами и тысячами восклицаній. Порой высокій оборванецъ, съ краснымъ раскрытымъ ртомъ, пробѣгалъ мимо, какъ сумасшедшій, хриплымъ голосомъ выкрикивая результатъ послѣднихъ скачекъ. И снова спокойно, ровно, чарующе плыла людская рѣка по тротуарамъ, а посрединѣ, какъ бѣшеный, несся ея быстрый потокъ, сверкая на солнцѣ пѣной тканей—дивныхъ, легкихъ, казавшихся издали небесно-зелеными.

На бѣломъ щебнѣ изъ круглыхъ камешковъ ясно отражались темные контуры вѣтвей и листочковъ. Эти тѣни медленно передвигались по площади, словно маленькая стрѣлка по бѣлому циферблату часовъ. Всѣ скамейки были уже заняты, а, между тѣмъ, на той, которую занималъ Юдымъ, освѣжающая тѣнь уступила мѣсто знойнымъ лучамъ солнца. Не видя вокругъ никакого другого прибѣжища, докторъ волей-неволей принужденъ былъ встать и поплелся дальше къ площади *Согласія*. Переждавъ, пока можно было пробраться на другую сторону черезъ настоящій омутъ каретъ, фаэтоновъ, дрожекъ, велосипедовъ и пѣшеходовъ на поворотѣ главной волны, направлявшейся отъ бульваровъ къ *Елисейскимъ полямъ*, онъ, наконецъ, остановился подъ обелискомъ и пошелъ въ глубь сада *Тюльери*. Тамъ почти никого не было. Только надъ мутными прудиками играли блѣдныя дѣти и въ главной аллеѣ нѣсколько мужчинъ безъ сюртуковъ и жилетовъ играли въ *лаунъ-теннисъ*. Пройдя садъ, Юдымъ направился было къ рѣкѣ съ намѣреніемъ пробраться подъ тѣнью стѣнъ на площадку передъ *церковью* Saint-Germain l'Auxerrois и потомъ занять себѣ спокойно мѣсто на *императорѣ* конки. Но въ эту минуту въ его воображеніи встала его пустая холостая квартира на *Бульварѣ Вольтера*, гдѣ онъ ужъ цѣлый годъ только ночевалъ, со всей непригляднстью ея пустыхъ стѣнъ, банальной мебели, со всей непреоборимой скукой, которой вѣяло изъ всѣхъ ея угловъ, и чувство отвращенія наполнило его. Работать ему не хотѣлось, идти въ клинику—ни за что на свѣтѣ.

Онъ очутился на *Набережной Лувра* и, съ пріятнымъ ощущеніемъ въ спинѣ и въ плечахъ, остановился подъ тѣнью перваго каштана. Его заспанный взглядъ скользилъ по мутной, почти черной поверхности Сены. И вдругъ въ немъ загорѣлась мысль, какъ-бы извнѣ проскользнувшая внутрь головы:

— Отчего бы мнѣ, чортъ возьми, не сходить теперь въ этотъ самый Лувръ?..

Онъ повернулся и вошелъ въ большой дворъ. Идя въ тѣни, которую бросала толстая стѣна, онъ дошелъ до главнаго входа и вскорѣ очутился въ холодныхъ залахъ перваго этажа. Сохранившіяся съ незапамятныхъ временъ статуи боговъ, однѣ величины необыкновенной, другія—натуральной и почти всѣ съ безбожно обезображенными носами и руками, стояли вокругъ. Юдымъ не обращалъ никакого вниманія на этихъ павшихъ властелиновъ міра. Изрѣдка только онъ останавливался передъ которымъ-нибудь изъ нихъ, когда его поражало какое-нибудь особенно курьезное изуродованіе божественныхъ формъ. Его больше всего привлекало желаніе отдохнуть и освѣжиться въ прохладѣ этихъ большихъ комнатъ, вдали отъ шума парижскихъ улицъ. Онъ искалъ не столько произведеній искусства, сколько скамьи, на которой могъ бы присѣсть. Наконецъ, ему удалось найти ее, послѣ долгихъ странствованій изъ залы въ залу, въ одномъ изъ угловъ, соединявшемъ двѣ длинныя галлереи, предназначенномъ для статуи Милосской Венеры.

Въ этомъ углу, образующемъ какъ бы небольшую комнатку, освѣщенную однимъ окномъ, стоитъ на невысокомъ пьедесталѣ бѣлоснѣжный торсъ Афродиты. Обтянутая краснымъ плюшемъ веревка окружаетъ ее, не позволяя слишкомъ близко подойти къ ней. Юдымъ уже однажды видѣлъ эту цѣнную статую, но обратилъ на нее мало вниманія, какъ и на всякія произведенія искусства. Теперь, помѣстившись въ тѣни у стѣны на удобной скамеечкѣ, онъ принялся, чтобы какъ-нибудь убить время, глядѣть на лицо мраморной красавицы. Голова ея была обращена въ его сторону, на лицо падалъ свѣтъ изъ окна; мертвые глаза ея, казалось, пытливо всматривались во что-то и брови напряженно сдвинулись. Юдымъ, въ свою очередь, смотрѣлъ на нее—смотрѣлъ и вдругъ увидѣлъ у нея на лбу маленькую, едва замѣтную складку между бровями; въ этой складкѣ таится символъ мысли: эта голова, эта, въ сущности, каменная глыба—думаетъ. Она пытливо вглядывается въ разстилающійся вокругъ нея мракъ и разсѣеваетъ его своимъ свѣтлымъ взглядомъ. Она заглянула въ самые глубокіе тайники жизни и чему-то улыбается. Своимъ неограниченнымъ чистымъ разумомъ она постигла все, она видѣла безконечные трудовые дни на землѣ, видѣла слезы, что проливаются во мракѣ ночей. Но еще не успѣла исчезнуть печать глубокаго раздумья съ ея бѣлоснѣжнаго чела, и вотъ уже что-то радостное, счастливое озарило ея дѣвичье лицо, ея губы полуоткрылись въ восхитительной улыбкѣ. Въ этой улыбкѣ богини—послѣднее слово преклоненія... Преклоненія предъ счастливой любовью... Предъ участіемъ свободнаго духа и свободнаго тѣла въ жизни безгрѣшной природы... Предъ всеобъемлющей мощью наслажденія, котораго еще не притупили ни труды, ни заботы. Богиня своей чарующей улыбкой привѣтствуетъ кого-то. Она полюбила смертнаго, красавца-Адониса. Чудныя грёзы первой любви пышно распустились въ ея душѣ, какъ семираменный цвѣтокъ Амариллиса. Ея узкія, тонкія,

круглыя плечи поддались впередъ. Страстный, трепетный вздохъ вырывается изъ ея молодой груди. Длинный рядъ вѣковъ, успѣвшій отломать ей руки, изуродовать ея тѣло, начиная отъ грудей, и изрѣзать трещинами ея прелестныя плечи, не въ силахъ былъ подавить его. Такъ стояла она въ полумракѣ, эта божественная *Anadiomenę*, зажигающая любовь. Волосы ея были связаны назади въ прелестный узелъ, *krobylos*. Овальное, нѣжное лицо дышало дивной красотой.

Все внимательнѣе и внимательнѣе вглядываясь въ это задумчивое лицо, Юдымъ, наконецъ, понялъ, что передъ нимъ, дѣйствительно, сама богиня, та Афродита, которая родилась изъ пѣны морской. И невольно приходила на память нескромная легенда о причинѣ этой пѣны, о ея виновникѣ Уранѣ. А между тѣмъ это не была Пандемосъ, это не была ни жена Гефеста, ни любовница Анхиза, это былъ лишь свѣтлый, прекрасный символъ жизни, дочь неба и дня...

Юдымъ весь утонулъ въ своихъ мысляхъ и не обращалъ никакого вниманія на проходившихъ мимо него посѣтителей. Впрочемъ, ихъ на этотъ разъ было очень мало. Онъ очнулся только тогда, когда изъ сосѣдней залы до него вдругъ донеслось нѣсколько словъ, произнесенныхъ по-польски. Онъ съ неудовольствіемъ повернулъ голову въ ту сторону, увѣренный, что это кто-нибудь изъ «колоніи», что къ нему сейчасъ подойдутъ, сядутъ и отымутъ у него минуты раздумья о прекрасной Венерѣ. Онъ былъ, однако, пріятно удивленъ, увидѣвъ совершенно незнакомыя «не-парижскія» лица. Ихъ было четверо. Впереди шли двѣ барышни-подростки, изъ которыхъ старшей было лѣтъ семнадцать, а младшей года на два меньше. За ними съ трудомъ тащилась довольно толстая, пожилая дама, съ сѣдыми волосами и большимъ, но еще сохранившимъ слѣды красоты лицомъ. Рядомъ съ этой матроной шла дѣвушка лѣтъ двадцати пяти, прелестная, стройная брюнетка съ голубыми глазами. Онѣ всѣ остановились передъ статуей и молча разсматривали ее. Слышно было только тяжелое, сдерживаемое дыханіе старой дамы, шуршаніе шелка, раздававшееся съ каждымъ движеніемъ подростковъ, да шелестъ страницъ Бедекера, который перелистывала старшая дѣвушка.

— Все это прекрасно, душа моя,—произнесла матрона, обращаясь къ послѣдней,—но я должна присѣсть. Ни шагу не могу больше! Да притомъ стоитъ посмотрѣть, какъ слѣдуетъ, эту госпожу. Да... вотъ тутъ какъ разъ и скамейка.

Юдымъ поднялся съ своего мѣста и медленно отступилъ на нѣсколько шаговъ въ сторону какъ будто бы для того, чтобы осмотрѣть статую съ другой стороны. Посѣтительницы вопросительно переглянулись между собой и стали говорить тише. Только самая старшая изъ дѣвушекъ, занятая Бедекеромъ, не видала Юдыма. Толстая бабушка энергично присѣла на скамейку, вытянула впередъ ноги и отвѣчала шепчущимъ ей что-то молодымъ спутницамъ тоже шопотомъ, который

у старухъ обыкновенно обладаетъ тѣмъ свойствомъ, что, въ случаѣ надобности, онъ можетъ замѣнить телефонированіе на извѣстномъ разстояніи.

— А не все-ли мнѣ равно, полякъ онъ или французъ, испанецъ или турокъ. Дай ему Богъ здоровья за то, что онъ убрался отсюда. Совсѣмъ ужъ у меня ноги отняло... А теперь глядите-ка объ на эту барыню, это не пустяковина. Ужъ я ее разъ видала когда-то давно. Какъ-то иначе она, кажется, тогда выглядѣла.

— Потому что это, вѣроятно, другая,—произнесла самая младшая.

— Нечего тебѣ тамъ раздумывать, та или другая, а лучше смотри хорошенько. Спросятъ потомъ гдѣ-нибудь въ обществѣ, а ты ни бе, ни ме...

Другая барышня сама разсматривала Венеру какимъ-то довольно страннымъ образомъ. Это была темная блондинка съ матовымъ смуглымъ лицомъ. Лобъ у ней былъ нѣсколько узкій, носъ прямой, губы тонки и сжаты. Полузакрывъ глаза, она какъ будто спала или замечталась; по первому взгляду нельзя было опредѣлить, хороша она собой или нѣтъ.

Это лицо заинтересовало Юдыма; онъ остановился и незамѣтно слѣдилъ за нею. Она какъ-будто равнодушно глядѣла на мраморную богиню, и въ то же время казалось, будто она пожираетъ ее взорами, будто старается запечатлѣть въ своей памяти. Отъ времени до времени ея узкія и плоскія ноздри слегка расширялись отъ быстраго вздоха. Разъ только Юдымъ замѣтилъ, какъ ея благоговѣйно и скромно опущенныя рѣсницы медленно поднялись и взглядъ ея, обращенный прежде на одну Венеру, на мгновеніе остановился и на немъ. Но это было одно мгновеніе: прежде чѣмъ онъ успѣлъ подмѣтить цвѣтъ этихъ глазъ, они уже спрятались за рѣсницами.

Между тѣмъ, старшая изъ дѣвушекъ уже успѣла прочитать весь отдѣлъ объ исторіи этой статуи и подошла къ плюшевому шнурку. Положивъ на немъ свои руки, она стала разсматривать статую съ любопытствомъ, энтузіазмомъ и увлеченіемъ, свойственными только женщинамъ. Она, можно сказать, въ эту именно минуту приступила къ осмотру Милосской Венеры. Ея глаза не видѣли ничего, кромѣ статуи, они старались, силились подмѣтить всѣ красоты, всѣ отличительныя черты рѣзца Скопаса, о которыхъ говоритъ Бедекеръ, запомнить ихъ, въ систематическомъ порядкѣ умѣстить въ головѣ, какъ чистое бѣлье въ дорожной корзинѣ. Это были удивительно выразительные, до наивности искренніе глаза. Въ нихъ, какъ и во всемъ ея лицѣ, отражались тончайшіе оттѣнки проходившихъ въ ея мозгу мыслей, отзывались, какъ вѣрное эхо, всѣ отзвуки души, они говорили сами все, безъ утайки, не заботясь, слѣдитъ ли кто-либо или нѣтъ за ихъ выраженіемъ.

Не спуская съ этого лица глазъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ,

Юдымъ пришелъ къ убѣжденію, что если бы красавица даже и хотѣла вполнѣ искренно утаить свои впечатлѣнія, то все равно глаза тотчасъ бы выдали ихъ. Онъ сталъ въ тѣни и началъ наблюдать игру чувствъ, смѣнявшихся на этомъ открытомъ лицѣ. Вотъ только что пробуждающееся любопытство... Вотъ уже первый оттѣнокъ испытаннаго впечатлѣнія скользитъ по бровямъ, прикрываетъ рѣсницы и тянется дальше къ губамъ, чтобы вызвать на нихъ пріятную улыбку. Тѣ самыя ощущенія, которыя Юдымъ за минуту передъ тѣмъ испытывалъ самъ, онъ видѣлъ теперь на прекрасномъ лицѣ незнакомки. Это было ему очень пріятно. Онъ охотно подошелъ бы спросить, не ошибается ли онъ и съ удовольствіемъ послушалъ бы, какъ эта красивая дѣвушка стала бы передавать ему свои впечатлѣнія. Еще никогда въ жизни у него не являлось такого сильнаго желанія заговорить съ кѣмъ-нибудь объ искусствѣ и внимательно, съ интересомъ послушать, что думаетъ объ этихъ мимолетныхъ впечатлѣніяхъ другой человѣкъ...

Между тѣмъ, этотъ другой человѣкъ, поглощенный созерцаніемъ статуи, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія ни на изслѣдованіе, которому подвергался, ни на самого изслѣдователя.

— Вспоминается мнѣ, — заговорила пожилая дама, — еще какая-то мраморная группа. Это, кажется, была одна сцена изъ миѳологіи. Какой-то крылатый геній или амурчикъ цѣлуетъ прелестную дѣвушку. Для васъ, сороки мои, это, можетъ, и не совсѣмъ подходяще, но эта группа такъ прекрасна, такъ восхитительна, такъ *agréable*, такъ *sensible*...

Старшая изъ дѣвушекъ подняла голову, внимательно прослушала все, что сказала дама, и, перелистывая книжку, произнесла.

— Я что-то тутъ видѣла... *L'amour et Psyché... Antoine Canova...* Не это ли?

— А можетъ и Психея. Только вотъ, право, не знаю, показать ли вамъ,—тише прибавила она.

— Въ Парижѣ! Вѣдь мы въ Парижѣ! Мы должны же омочить наши уста въ кубкѣ разврата, — прошептала старой дамѣ брюнетка такъ, чтобы ея не слышали дѣвочки.

— До тебя-то мнѣ какое дѣло? Ты себѣ хоть всѣ глаза высмотри на всякихъ амурахъ, и на рисованныхъ и на мраморныхъ, да вотъ эти-то...

— Бабушка думаетъ, что мы тутъ хоть что-нибудь понимаемъ, — съ презабавнымъ видомъ произнесла самая младшая. — Не понимаю даже къ чему тратить столько времени на разсматриваніе всѣхъ этихъ корридоровъ съ картинами, когда въ этомъ Парижѣ такая роскошь на улицахъ!

— Что ты, Ванда!..—ахнула брюнетка.

— Ну, вы себѣ, можетъ быть, понимаете, а я ровно ничего! Что тутъ интереснаго? Всѣ эти ваши музеи и галлереи похожи на мертвецкія и даже еще отвратительнѣе. Ну, напримѣръ... *Клюни*. Какія-то ямы, пещеры, обвалившіяся стѣны, кирпичи, ноги, руки, кости.

— Что ты говоришь такое?

— А, можетъ, нѣтъ? Ну, такъ возьмемъ Carnavalet... Какія-то кости, скверныя, запыленные трупы, какой-то старый хламъ изъ-подъ церквей. Вдобавокъ ко всему нужно еще вокругъ всего этого ходить съ какой-то торжественной, надутой миной, простаивать около каждой вещи по четверть часа, притворяясь, что смотришь. Или вотъ какъ тутъ: картины, картины, картины безъ конца. И еще эти фигуры...

— Дитя мое,—перебила ее бабушка,—вѣдь это, такъ сказать, величайшія произведенія искусства...

— Знаю, знаю... величайшія произведенія. Но когда всѣ эти картины похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды: какія-то отполированныя деревья и голыя женщины съ такими тутъ...

— Ванда!—въ ужасѣ крикнули всѣ три женщины въ одинъ голосъ, оглядываясь вокругъ.

Юдымъ не зналъ, что ему съ собою дѣлать. Онъ отлично понималъ, что ему слѣдовало бы уйти отсюда, чтобы не подслушивать разговора людей, которые не подозрѣваютъ, что онъ полякъ, но ему очень не хотѣлось уходить. Ему не только хотѣлось вмѣшаться въ этотъ разговоръ, но онъ чувствовалъ даже, что, въ концѣ концовъ, навѣрное, рѣшится на это. Но покуда онъ какъ-то безпомощно стоялъ на мѣстѣ, уставившись глазами куда-то въ пространство.

— Ну, такъ идемте къ этому Амуру и Психеѣ...—сказала старая дама, подымаясь со скамейки.—Да, только разбери тутъ, гдѣ это...

— Не забывай, бабушка,—мы хотѣли сегодня еще разъ побывать въ томъ, настоящемъ Луврѣ.

— Тише! Погодите-ка... Гдѣ-жъ это этотъ Канова? Я помню, мы были тамъ съ Януаріемъ... Шли мы какъ-то... Погодите, сейчасъ...

— Если позволите, я покажу вамъ, какъ ближе всего пройти къ Амуру... то есть Антонію Кановѣ,—промолвилъ д-ръ Томашъ, снимая шляпу и подходя къ дамамъ.

Внезапно услышавъ въ его устахъ польскую рѣчь, всѣ три дѣвушки машинально подбѣжали къ старой дамѣ, словно ища у ней защиты отъ разбойника.

— Ага...—произнесла бабушка, подымая голову и обводя довольно небрежнымъ взглядомъ молодого человѣка.—Спасибо, спасибо...

— Вы меня простите, когда услышишь... Въ Парижѣ, дѣйствительно... очень, очень рѣдко...—заплетался Юдымъ, чувствуя, что и языкъ, и ноги отказываютъ ему въ послушаніи.

— Вы... въ Парижѣ живете?—рѣзко спросила она.

— Да. Я живу тутъ уже годъ. Больше, чѣмъ годъ, мѣсяцевъ пятнадцать... Меня зовутъ... Юдымъ. Въ качествѣ доктора, я изучаю тутъ нѣкоторыя... То есть, собственно говоря...

— Такъ вы говорите, что въ качествѣ доктора?

— Да, да,—говорилъ Юдымъ, хватаясь за предметъ для разго-

вора, несмотря на то, что онъ вызывалъ вопросы, касающіеся его особы, которыхъ онъ не выносилъ.—Я окончилъ въ Варшавѣ медицинскій факультетъ, а въ настоящее время я работаю здѣсь въ клиникахъ по хирургіи.

— Очень пріятно познакомиться. — довольно холоднымъ тономъ заговорила дама.—А мы вотъ, какъ видите, вояжируемъ вчетверомъ... изъ угла въ уголъ. Невадзкая... Это мои внучки, сироты, Оршенскія, а это ихъ, а также моя милая пріятельница панна Іоанна Подборская.

Юдымъ еще отвѣшивалъ барышнямъ неуклюжіе поклоны, какъ вдругъ госпожа Невадзкая съ оживленіемъ воскликнула:

— Ахъ, я, кажется, знала—да, да, навѣрно я кого-то знала такой фамиліи, не помню, господина Юдыма или барышню Юдымъ на Волыни... если только... Да, кажется, такъ, на Волыни. А вы откуда родомъ?

Д-ръ Томашъ съ удовольствіемъ притворился бы, что не слышалъ этого вопроса. Но госпожа Невадзкая смотрѣла прямо на него, и онъ принужденъ былъ отвѣтить:

— Я родомъ изъ Варшавы, изъ самой Варшавы. И изъ совсѣмъ простыхъ Юдымовъ...

— Почему такъ?

— Отецъ мой былъ сапожникомъ и, надо прибавить, плохимъ сапожникомъ съ *Теплой* улицы. Съ *Теплой* улицы...—повторилъ онъ съ какимъ-то злобнымъ удовольствіемъ. Онъ радъ былъ, что сошелъ, наконецъ, съ шаткой почвы и освободился отъ изысканныхъ приличій: онъ въ нихъ былъ не совсѣмъ твердъ и всегда, даже черезчуръ, боялся за себя въ этомъ отношеніи. Женщины смолкли и медленно, ровно подвигались впередъ, шурша своими платьями.

— Я очень, очень рада,—заговорила спокойно Невадзкая,—что случай позволилъ мнѣ завязать такое пріятное знакомство. Такъ вы, вѣроятно, знакомы тутъ со всевозможными произведеніями искусства? Я думаю, разъ вы живете въ Парижѣ... Мы вамъ очень обязаны.

— Амуръ и Психея, вѣрно, совсѣмъ въ другомъ зданіи,—сказала панна Подборская.

— Да, въ другомъ... Вотъ мы выйдемъ на дворъ...

Когда они были уже на дворѣ, пани Невадзкая обратилась къ Юдыму и съ принужденной любезностью заговорила:

— Вы такъ рѣзко назвали ремесло вашего отца, что мнѣ, право, неловко. Повѣрьте, спрашивая васъ о какомъ-то тамъ родствѣ, я не имѣла ни малѣйшаго намѣренія причинить вамъ какую бы то ни было непріятность. Просто привычка старой бабы, которая ужъ много жила на свѣтѣ и много людей на своемъ вѣку видала. Правда, всегда очень пріятно встрѣтить человѣка, который вспоминаетъ былые годы, былыхъ людей, знакомыхъ, но еще гораздо пріятнѣе, гораздо... пріятнѣе...

— Вашъ отецъ, этотъ сапожникъ, дѣлалъ дамскую обувь или штиблеты?—вдругъ перебила ее, щуря глаза, младшая Оршенская.

— Ботинки, только ботинки, и то въ довольно рѣдкія минуты трезваго состоянія, а чаще всего онъ производилъ въ пьяномъ видѣ скандалы, гдѣ ни случится.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я рѣшительно не могу постигнуть, какимъ чудомъ вы сдѣлались докторомъ, да еще—въ Парижѣ!

Панна Подборская кинула на говорившую взглядъ, полный отчаяннаго стыда.

— Въ томъ, что вы намъ разсказали о себѣ,—заговорила старая барыня,—я вижу много, много смѣлости. Право, мнѣ въ первый разъ въ жизни это встрѣчается. Я, докторъ, старуха и разныхъ людей на своемъ вѣку видывала. Но всегда, когда мнѣ случалось встрѣчаться съ... индивидуумами, не принадлежащими къ свѣту, съ личностями... однимъ словомъ, съ людьми, происходящими изъ тѣхъ сословій, которыя — справедливо или нѣтъ, этого я разбирать не стану — называются вообще простонародьемъ, то всегда эти господа тщательно старались скрывать свое происхожденіе. Правда, я знавала и такихъ,— продолжала она какъ бы въ раздумьи,—которые въ извѣстномъ періодѣ своей жизни, обыкновенно въ молодости, какъ-то особенно восторженно открывали свое мужицкое происхожденіе, или тамъ еще какое, а потомъ эта ихъ демократически-чванная правдивость не только улетучивалась невѣдомо куда, но даже смѣнялась какими-то гербами, прилѣпленными къ дверцамъ кареты, если только фортуна соблаговолила поставить ее передъ подъѣздомъ ихъ квартиры.

Юдымъ иронически усмѣхнулся и, пройдя нѣсколько шаговъ въ безмолвіи, вдругъ обратился къ паннѣ Подборской съ вопросомъ:

— Какое впечатлѣніе произвела на васъ Венера Милосская?

— Венера...—промолвила брюнетка, какъ будто просыпаясь отъ какого-то непріятнаго сна. Яркій румянецъ на мгновеніе залилъ ея лицо, но быстро исчезъ и остался только на прелестныхъ губахъ, которыя чуть-чуть вздрагивали.

— У ней вся спина такъ исполосована, какъ будто бы кто-нибудь четыре дня подрядъ поролъ ее нагайкой, — категорически заявила панна Ванда.

— Прелесть...—вполголоса произнесла панна Наталія, повернувъ къ Юдыму свои матовые глаза. Докторъ снова могъ заглянуть въ эти глаза, и снова какое-то непонятное волненіе на одно мгновеніе охватило его душу. Во взглядѣ этой дѣвушки было что-то такое, что напоминало холодный, туманный блескъ луны, когда она прячется за облаками надъ сонной землей.

— Какъ она хороша! Какъ она вѣрна!—оживленно заговорила панна Подборская, и на лицѣ ея тотчасъ отразилось внутреннее волненіе.— Еслибъ я жила въ Парижѣ, я приходила бы къ ней... ну, милліонъ, не милліонъ, но, по крайней мѣрѣ, каждую недѣлю, чтобъ налюбоваться. Греки вообще создали такой чудный міръ боговъ... Гете...

При словѣ Гете Юдыму стало какъ-то не по себѣ; онъ изъ произведеній этого поэта читалъ только кое-что, да и то давно ужъ.

Къ счастью, какъ разъ въ въ это время они очутились въ вестибюлѣ, ведущемъ въ залу Амура и Психеи, и старая дама, остановившись, вопросительно взглянула на Юдыма своими большими, поблекшими глазами. Подойдя къ этой гладкой группѣ, къ этой картинѣ, вырисованной въ бѣломъ мраморѣ, всѣ смолкли. Юдымъ съ сожалѣніемъ думалъ, что роль его собственно кончилась. Онъ чувствовалъ, что теперь, послѣ того какъ онъ вдругъ выскочилъ съ сообщеніемъ о своемъ папенькѣ съ *Теплой* улицы, онъ не смѣетъ болѣе навязываться этимъ дамамъ и продолжать съ ними знакомство. Въ головѣ его опять промелькнула его комната «на Вольтерѣ» и старая, отвратительная жена *консьержа* со своими вѣчными безсмысленными вопросами. Какъ разъ въ ту минуту, когда онъ находился въ особенно затруднительномъ положеніи, не зная, что дѣлать и какъ попрощаться, пани Невадзкая, словно угадавъ его мысли, сказала вдругъ:

— Мы собираемся еще посѣтить Версаль. Мы бы хотѣли посмотрѣть окрестности, побывать по дорогѣ въ *Севръ*, въ *Сенть-Клу*... Эти сумасбродки день и ночь бѣгали бы съ мѣста на мѣсто, но я буквально падаю отъ усталости. Вы бывали въ Версалѣ? Какъ удобнѣе туда ѣхать, по желѣзной дорогѣ? Я тутъ слыхала о какомъ-то пневматическомъ трамваѣ. Что это лучше, чѣмъ поѣздъ?

— Я былъ въ Версалѣ два раза и ѣздилъ именно этимъ трамваемъ. Я нахожу его очень удобнымъ. Правда, онъ идетъ медленно, можетъ быть, вдвое медленнѣе, чѣмъ поѣздъ, но зато даетъ возможность обозрѣть окрестности и Сену.

— Ну, значитъ, ѣдемъ трамваемъ!—объявила Ванда.

— А въ которомъ часу онъ выходитъ отсюда?

— Я не помню; но только это очень легко узнать. Главная станція тутъ вотъ сейчасъ, около Лувра. Если вамъ угодно...

— О, мы не смѣемъ васъ утруждать.

— Ну, такъ что, если докторъ узнаетъ, что тутъ такого, бабушка? Онъ вѣдь здѣшній, парижанинъ... декламировала Ванда чуть чуть пародируя тонъ голоса Юдыма.

Юдымъ поклонился и бѣгомъ побѣжалъ къ станціи трамваевъ на *Набережной Лувра*. Въ одинъ мигъ онъ отыскалъ кондуктора, затвердилъ всѣ часы и минуты и, ежеминутно выпрямляясь и поправляя свой галстухъ, возвратился къ своимъ дамамъ... Когда онъ объяснилъ имъ росписаніе и сдѣлалъ нѣкоторыя указанія, какъ ориентироваться въ Версалѣ, Ванда вдругъ выпалила:

— Ну, значитъ, ѣдемъ въ Версаль! Нечего толковать—прямо въ Версаль... Поѣдемъ этимъ какимъ-то трамваемъ, и вы съ нами, докторъ.

И прежде чѣмъ Юдымъ успѣлъ опомниться, она добавила:

— Уже бабушка объявила, что *malgré tout*—вы можете ѣхать...

— Ванда!—чуть не въ отчаяніи воскликнула пани Невадзкая, краснѣя, какъ дѣвушка. Черезъ минуту она обратилась къ Юдыму и, стараясь вызвать любезную улыбку на еще дрожащія губы, произнесла:

— Вы видите, что это за бѣсенокъ, хоть ужъ длинное платье пора одѣть...

— Вамъ, дѣйствительно, было бы угодно, чтобъ я сопровождалъ васъ въ Версаль?

— Я не смѣю васъ просить, вы, быть можетъ, заняты, но намъ было бы очень пріятно...

— Нисколько... Я буду весьма счастливъ... Такъ давно... — лепеталъ Юдымъ.

— Помните, въ десять часовъ! — сказала ему Ванда, подымая кверху указательный палецъ и дѣлая многозначущіе взгляды.

Докторъ уже любилъ эту милую дѣвушку, какъ добраго товарища, съ которымъ можно безконечно болтать о всевозможныхъ вещахъ, и еще о нѣкоторыхъ. Остальныя дамы сохраняли неловкое молчаніе. Юдымъ чувствовалъ, что онъ навязался въ общество, онъ отлично сознавалъ, что ниже ихъ по общественному положенію, сознавалъ и то, что онъ въ эту самую минуту и сынъ сапожника, и претендентъ на «свѣтскаго человѣка». Онъ превосходно различалъ въ себѣ эти двѣ субстанціи и до крови кусалъ себѣ нижнюю губу.

Осмотрѣвъ медальоны Давида д'Анжера, которые сообщили зрительницамъ какое-то благочестивое настроеніе, онѣ вышли, наконецъ, изъ музея на дворъ, а оттуда на улицу.

Старуха съ барышнями сѣла въ фіакръ и поѣхала съ ними по магазинамъ. Юдымъ откланялся съ изяществомъ, которое онъ въ этотъ моментъ проявилъ первый разъ въ жизни, и, забравшись въ омнибусъ, предался глубокимъ и сложнымъ размышленіямъ. То, что съ нимъ только что случилось, было въ его жизни такимъ капитальнымъ событіемъ, какъ бываетъ полученіе аттестата или первое самостоятельное прописываніе рецепта. Онъ никогда еще такъ близко не встрѣчался съ такими женщинами. Онъ видалъ ихъ нерѣдко на улицѣ, въ экипажахъ и тайно мечталъ о нихъ съ неугасимой тоской. Еще ученикомъ и студентомъ онъ такъ завидовалъ лакеямъ, которые имѣютъ право быть вблизи этихъ существъ, хоть такихъ же тѣлесныхъ, какъ всѣ, но такъ похожихъ на чудные цвѣты, сокрытые въ волшебномъ саду. Ему вспомнились его женщины: родственницы, знакомыя, любовницы... Своими движеніями, инстинктами, простотой каждая изъ нихъ болѣе или менѣе походитъ на мужчину. Эта мысль наполнила его такимъ отвращеніемъ, что онъ закрылъ глаза и съ наслажденіемъ вызвалъ въ своей памяти тотъ шелестъ платьевъ, который еще звучалъ въ его ушахъ. Ихъ гармоничныя движенія, нѣжный лоскъ ихъ прелестныхъ пелеринокъ, перчатокъ, сборокъ вокругъ шеи вызывали въ немъ какое-то особенное, не столько страстное, сколько эстетическое волненіе.

На слѣдующій день онъ всталъ ранѣе обыкновеннаго и тщательно позаботился о своемъ туалетѣ. Въ девятомъ часу онъ вышелъ изъ дому и, имѣя впереди еще цѣлый часъ, рѣшилъ идти пѣшкомъ.

Пробираясь черезъ толпу, онъ представлялъ себѣ, какимъ разговоромъ онъ будетъ занимать своихъ дамъ, составлялъ мысленно цѣлые, удивительно красивые діалоги, онъ въ своемъ воображеніи даже флиртовалъ съ ними, что до этой минуты считалъ прямо гадостью. На станціи не было никого. Юдымъ остановился подъ однимъ изъ деревьевъ и съ нетерпѣніемъ сталъ поджидать своихъ вчерашнихъ знакомыхъ. Ежеминутно раздавался свистъ пароходовъ, плывущихъ по водамъ Сены, да стукъ омнибусовъ на мостахъ и сосѣднихъ улицахъ. По ту сторону рѣки гдѣ-то ясно пробило десять часовъ. Юдыму казалось, что въ этихъ звукахъ онъ слышитъ торжественное увѣреніе въ томъ, что эти прелестныя существа не придутъ, что онѣ не придутъ именно потому, что онъ ихъ ждетъ здѣсь, онъ Томапъ Юдымъ, Томко Юдымъ съ *Теплой* улицы.

Онъ стоялъ, глядя на сѣрую, тяжелую поверхность рѣки, и шепталъ про себя:

— *Теплая* улица, *Теплая* улица...

Онъ чувствовалъ себя въ какомъ-то глупомъ положеніи, какая-то горечь и непріятное чувство наполняли его. Мимолетное воспоминаніе рисовало картину грязнаго дома...

Онъ поднялъ голову и встряхнулся. Мимо него сновали прохожіе всевозможнаго типа, между прочимъ и странствующій *герольдъ Intransigeant*, несущій на высокомъ шестѣ содержаніе послѣдняго нумера газеты, приклеенной къ поперечной доскѣ. Въ данный моментъ разносчикъ поставилъ шестъ на землю, оперся на него и разговаривалъ съ какимъ-то знакомымъ. Названіе газеты смѣшалось въ мозгу Юдыма со всевозможными мыслями, въ числѣ которыхъ мелкало это противное, надоѣдливое, почти мучительное: *Теплая* улица, *Теплая* улица...

Его родня, условія, въ которыхъ она живетъ, представлялись ему въ эту минуту чѣмъ-то такимъ далекимъ, чуждымъ, какъ бы какое-нибудь мѣщанское семейство, которое влачило свое жалкое существованіе въ царствованіе короля Яна Казиміра. Эти женщины, которыхъ онъ вчера видѣлъ первый разъ, сдѣлались вдругъ для него такими близкими, родными, благодаря лишь изысканному изяществу своихъ платьевъ, манеръ и рѣчи. Ему досадно было, что онѣ не приходятъ; мысль, что онѣ могутъ совсѣмъ не прійти, была прямо невыносима. Если такъ-таки и будетъ, то только потому, что онъ ведетъ свою «родословную» отъ сапожниковъ.

Онъ рѣшилъ поѣхать въ Версаль, поклониться имъ издали и пройти мимо. Какое ему, въ сущности, дѣло до какихъ-то барышень—аристократокъ, «или тамъ еще какихъ»? Ему бы только хотѣлось хоть разокъ еще посмотрѣть на нихъ, посмотрѣть, какъ онѣ ходятъ, какъ любопытными глазками разсматриваютъ всякую картину.

«Понятно,—думалъ онъ, глядя на воду,—понятно, я хамъ, объ этомъ и говорить нечего... Развѣ я умѣю пріятно проводить время, развѣ я хоть когда-нибудь подумалъ объ этомъ. Грекъ половину своей жизни отдавалъ удовольствіямъ и веселью, средневѣковой итальянецъ усовершенствовалъ искусство бездѣлья, и эти женщины тоже... Я бы, пожалуй, повеселился на прогулкѣ, да только съ кѣмъ? Съ женщинами моего круга, съ какими-нибудь «городскими» дѣвицами, со студентками, однимъ словомъ, со всякимъ что называется бабьемъ. Но съ такими! Да вѣдь онѣ передо мною все равно, что девятнадцатый вѣкъ, въ то время какъ я со своими прапрадѣдушками живу еще въ началѣ восемнадцатаго. Я и говорить-то съ людьми не умѣю. Ну, вотъ точно сельскій экономъ, которому вздумалось бы вдругъ составлять діалоги à la Lukan только на основаніи того, что онъ умѣетъ писать... Я бы вовсе и не наслаждался, а все только бы и думалъ, какъ бы не выкинуть чего-нибудь, какъ сапожникъ... А можетъ быть такъ и лучше... Ахъ, какъ это странно... Сколько живого интереса въ каждой изъ этихъ женщинъ, даже въ этой старухѣ, это существо новаго вѣка, представительница того, что мы зовемъ культурой. А я, что я такое... жалкій сапожникъ...

— Аґа, не говорила я вамъ, что докторушка будетъ уже насъ ждать!—раздался вдругъ позади него голосъ Ванды.

Юдымъ быстро обернулся, передъ нимъ были всѣ вчерашнія знакомыя. Онѣ были веселы и оживлены. Весело разговаривая, барышни взобрались на имперьялъ трамвая, Юдымъ помогъ подняться бабушкѣ. Передъ ними внизу открывались кипучія воды Сены. Какъ истомленная, задыхающаяся, натрудившаяся до изнеможенія невольница, ворочающая своими слабыми руками тяжелые жернова, она бѣжала межъ гранитныхъ береговъ, и какъ-то грустно глядѣли ея грязныя, сгустившіяся, бурыя, почти черныя воды, неся на себѣ безчисленное множество судовъ.

— Какая она маленькая, узкая,— говорила панна Іоанна.

— Фи... она выглядитъ, какъ внучка Вислы!

— Настоящая каррикатура Изары,—сказала Наталія.

— Правда, правда! Панна Нетка, вы помните нашу Изарку, Изуню, свѣтло-зеленую, чистую, какъ слеза...—быстро говорила Ванда.

— Э, какъ слеза...—замѣтилъ Юдымъ.

— Что, вы не вѣрите? Бабушка, господинъ докторъ формально признался, что не вѣритъ въ чистоту Изары.

— Дѣйствительно, ужасная вода!—сказала бабушка, стараясь, очевидно, поскорѣй затушевать послѣднія слова Ванды, которыя, невѣдомо почему, вызвали минутный румянецъ на лицо панны «Нетки».

Юдымъ уже намѣревался произнести какой-то статистически-ученый трактатъ о водѣ Сены, но въ это время трамвай протяжно загудѣлъ и, выгибая на поворотахъ свои вагоны, точно члены какого-то огромнаго тѣла, побѣжалъ вдоль берега черной рѣки. Вѣтви каштановъ съ

длинными листьями качались почти надъ самыми головами ѣдущихъ. Сажа и городская пыль уже въѣлись въ ярко-зеленые мягкіе листья и покрыли ихъ какъ бы ржавчиной. День былъ пасмурный. Темныя облака ежеминутно проносились надъ землей, утренній воздухъ былъ сѣръ и мраченъ. Но никто не обращалъ на это вниманія: взоры всей группы привлекали къ себѣ домики изъ розоваго камня на улицахъ предмѣстья.

— Что это за камни? Что за камни, слушайте, слушайте?—приставала къ доктору Ванда. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить, она уже оставила его и съ улыбкой повернулась въ другую сторону. Тамъ сбѣгали къ рѣкѣ по обрыву сады, наполняя весь воздухъ чуднымъ, упоительнымъ ароматомъ розъ... Кое-гдѣ между деревьями видны были широкія грядки, пестрѣвшія изъ-за зеленой завѣсы яркими пунцовыми и желтыми цвѣтами. Юдымъ наблюдалъ за лицами своихъ дамъ. Всѣ, не исключая и старушки, были какъ бы зачарованы. Онѣ невольно поворачивались къ источнику дивнаго аромата и, закрывъ глаза, съ улыбкой наслажденія, впитывали его въ себя. Особенно лицо Наталіи приковывало къ себѣ его вниманіе. Упиваясь благоуханіемъ розъ, она сама казалась какъ бы какимъ-то свѣтлымъ мотылькомъ, для котораго были созданы эти цвѣты, который одинъ имѣлъ на нихъ какое-то таинственное право.

Среди садовъ торчали тамъ и сямъ почернѣлыя стѣны и трубы фабрикъ, похожія на отвратительное туловище и члены какого-то паразита, который въ грязи родится и ею живетъ. Далеко вдоль берега тянулись простые, бѣдные, маленькіе дома предмѣстья. Гдѣ-то передъ глазами вдругъ открылся, какъ пасть, складъ угля, обвѣвающій своимъ чернымъ дыханіемъ сосѣднія стѣны, двери и окна. Вдалекѣ окутанный туманомъ виденъ былъ лѣсъ Медонъ.

— Что же вамъ больше всего понравилось въ Парижѣ?—обратился Юдымъ къ Наталіи, которая сидѣла съ нимъ рядомъ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые онъ приготовилъ еще вчера и заучилъ наизусть.

— Въ Парижѣ?—сказала она, растягивая это слово и улыбаясь.— Мнѣ здѣсь нравится, то-есть доставляетъ удовольствіе все... Это движеніе, жизнь... Точно буря! Вотъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ вокзала *Сентъ-Лазаръ*—не помню, какъ эта улица называется—когда ѣдешь въ экипажѣ и смотришь на людей, бѣгущихъ по тротуарамъ, настоящія волны. Какъ какое-то грозное наводненіе... Я однажды ужасное наводненіе видала у дяди, въ горахъ. Вода поднялась вдругъ. Такъ и хотѣлось ей крикнуть: выше, быстрѣе, бѣги! Тутъ то же...

— А вамъ?—спросилъ Юдымъ Ванду.

— Мнѣ... то же самое,—быстро заговорила она,—и еще, кромѣ того, *Лувръ*. Только не тотъ, что съ картинами. Фе! Знаете, тотъ, другой. А теперь вы, разумѣется, съ тѣмъ же вопросомъ обратитесь

къ «тетенькѣ» Іоасѣ, хотя, собственно, съ нея-то вамъ и нужно было начать, потому что она наша учительница и наша голубушка. Вотъ видите, сударь, — пустякъ, кажется, а стыдно вамъ. Ну, такъ вотъ я вамъ скажу. Паннѣ Іоасѣ нравится *primo* «Рыбакъ», *secundo* «Мысль», *въ-третьихъ* «Венера», *въ-четвертыхъ*... Впрочемъ, намъ всѣмъ ужасно нравится и «Рыбакъ», и «Мысль»... Бабушкѣ...

— Что-жъ это за мысль такая?

— Такъ вы даже и не знаете! Ну, вотъ что... «Мысль» нарисованная, въ новой ратушѣ. Худая, молодая, съ закрытыми глазами, по моему, совсѣмъ некрасивая.

— Ахъ, въ ратушѣ...

— Въ ратушѣ, ахъ... А «Рыбакъ» въ этой галлереѣ — какъ ее тамъ?..

— Вотъ, вотъ, именно въ какой? Скажи-ка, сударыня? Этого намъ только и нужно... въ какой...—замѣтила бабушка.

— Сейчасъ, сейчасъ... Ты думаешь, бабушка, что я такой глупости не буду знать... Ахъ, извините, пожалуйста, господа... За Сеной, въ томъ саду, гдѣ есть озеро и эти утки съ хохлами...

— Люксембургскомъ,—подсказала ей Наталія.

— Въ Люксембургскомъ саду!

— Вы видали «Рыбака» Puvis de Chavannes? — спросила панна Подборская.

— «Рыбака?» Не припомню...

— Хорошій же вы знатокъ и парижанинъ!—засмѣялась надъ нимъ Ванда, презрительно надувая губы.

— Да какой же я знатокъ и парижанинъ? Я просто самый обыкновенный хирургъ.

Въ эту минуту ему представилась картина, о которой шла рѣчь. Онъ видѣлъ ее годъ тому назадъ и, пораженный невыразимой силой этого произведенія, запечатлѣлъ его въ своей памяти. Съ теченіемъ времени всѣ аттрибуты картины, какъ то—особенная легкость красокъ, контуры фигуръ и пейзажа, простота средствъ и вся какъ бы фабула произведенія ступевались подъ наплывомъ другихъ впечатлѣній, и въ головѣ осталось одно лишь сознательное впечатлѣніе какого-то несказаннаго страданія. Воспоминаніе о ней отдавалось въ мозгу, какъ какое-то смутное эхо чьего-то несчастія, какого-то ужаснаго позора, въ которомъ мы сами ничуть не виноваты, но который, тѣмъ не менѣе, взываетъ къ намъ потому только, что мы были его свидѣтелями. Панна Іоанна, задавшая вопросъ о «Рыбакѣ», сидѣла на краю скамейки, за бабушкой и обѣими сестрами. Въ ожиданіи отвѣта, она немного наклонилась впередъ и смотрѣла на Юдыма своими свѣтлыми глазами. Подъ возбуждающимъ вліяніемъ этихъ глазъ, во взглядѣ которыхъ таилось столько восхищенія, что передъ нимъ являлось совершенно излишнимъ какое бы то ни было описаніе произведенія Puvis

de Chavannes'a, онъ сталъ припоминать даже краски, даже пейзажъ. Этотъ восхищенный взглядъ, казалось, подсказывалъ ему содержаніе картины, возобновлялъ въ его головѣ давно затершееся впечатлѣніе. Да, онъ вспомнилъ... Предъ нимъ опять стоялъ, съ запущенной въ воду сѣтью, этотъ исхудалый человѣкъ, даже собственно не человѣкъ, а вѣрнѣе антропоидъ изъ предмѣстья великой столицы, весь обросшій густыми волосами, въ старой, расползающейся рубахѣ, въ портахъ, изъ-за которыхъ торчали кости бедръ. Его глаза, кажется, смотрятъ на дуги, поддерживающія сѣть, а между тѣмъ они видятъ каждаго, кто ни подходитъ. Они не ищутъ сочувствія, они не жалуются и не плачутъ. «Вотъ какова вамъ вся польза отъ всѣхъ моихъ силъ, отъ духа моего», какъ будто говорятъ углы его впалыхъ глазъ. Такъ стоитъ онъ, этотъ представитель міровой культуры, ужасающій продуктъ человѣчества. Юдымъ припомнилъ даже то чувство удивленія, съ которымъ онъ видѣлъ и слушалъ впечатлѣнія другихъ людей передъ этой картиной. Важныя дамы, стройныя и благоухающія дѣвицы, мужчины, «одѣтые въ мягкія одѣянія», стекались къ ней толпою. И толпа эта вздыхала, и слезы струились по лицамъ тѣхъ, что пришли сюда въ золотѣ и бархатѣ, добытомъ цѣною человѣческихъ жертвъ. Повинуясь власти безсмертнаго искусства, они на одну минуту, передъ этой картиной, сознавали и чувствовали, какъ они живутъ и что создаютъ на землѣ.

— Да,—произнесъ Юдымъ,—правда, я видѣлъ эту картину Puvis de Chavannes'a въ Люксембургской галлереѣ.

Панна Іоанна снова спряталась за плечо пани Невадзкой. Передъ докторомъ мелькнулъ только ея бѣлый лобъ, обрамленный темными волосами.

— Какъ тамъ панна Нетка ревѣла, еслибъ вы только знали... Какъ она ревѣла! — почти на ухо прошептала Юдыму Ванда.—Впрочемъ, и мы-то... У меня самой слезы лились, такіе большіе, какъ горохъ съ капустой.

— У меня нѣтъ такого обыкновенія,—улыбнулась Наталія.

— Нѣтъ? — переспросилъ докторъ, обводя ее томнымъ взглядомъ.

— Мнѣ было очень жаль этого человѣка, особенно его жену и дѣтей... Всѣ они такіе худенькіе, точно палочки, точно вотъ сухія хворостинки на пастбищахъ,—говорила она, краснѣя и въ то же время съ улыбкой закрывая глаза.

— Этотъ «Рыбакъ» совсѣмъ похожъ на Іисуса Христа, ну, совсѣмъ, совсѣмъ, какъ двѣ капли воды. Неправда ли бабушка?

— «Рыбакъ»? Да, да, въ самомъ дѣлѣ,—сказала старушка, занятая разсматриваніемъ пэйзажа.

Трамвай въѣхалъ въ улицу мѣстечка Севръ и остановился передъ какимъ-то одноэтажнымъ домомъ. Пассажирамъ съ имперіала было видно все, что дѣлается въ номерахъ остеріи. Какой-то пьяный сол-

дать, въ кепи на бекрень, обнявшись съ безобразной дѣвушкой, высунулся изъ окна, и оба дѣлали публикѣ какія-то дурацкія гримасы— картина, для барышень совсѣмъ не подходящая. Къ счастію, трамвай вскорѣ двинулся дальше. Едва онъ обогнулъ послѣдніе дома мѣстечка и выѣхалъ въ открытое поле, какъ вдругъ потемнѣло. Пронесся рѣзкій вѣтеръ. Ближайшій лѣсъ окутался сѣрымъ сумракомъ, и вскорѣ крупныя капли дождя закапали на землю. Въ вагонахъ поднялась суматоха. Дождь съ боковъ врывался подъ крышу, заливая скамейки. Спутницы Юдыма сбились въ одну кучку и, какъ могли, старались заслониться отъ дождя, а онъ истинно по-рыцарски заслонялъ ихъ своей фигурой. Вдругъ взглядъ его упалъ на чью-то ножку, высунувшуюся впередъ изъ-за массы платьевъ. Ступня въ плоской, лакированной туфелькѣ на высокомъ каблукѣ опиралась на желѣзную проволоку балюстрады, открывая стройную ногу въ черномъ, шелковомъ чулкѣ. Юдыма заинтересовалъ вопросъ, кто обладательница этой прелестной ножки, но считая это съ ея стороны случайной неосторожностью, онъ не рѣшался поднять глазъ и только изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ позволялъ себѣ совершать это предумышленное преступленіе со взломомъ. Поѣздъ въѣхалъ въ огромную Версальскую аллею. Развѣсистыя, вѣковыя деревья нѣсколько заслонили пассажировъ отъ дождя. Дамы кое-какъ отряхивали и разглаживали свои платья. Прелестная ножка не исчезала. Капли дождя падали на блестящую кожу, смывая легкую пыль, насѣвшую на короткомъ передкѣ туфли, и впитывались въ мягкій шелкъ. Юдымъ уже зналъ, чья она. Онъ посмотрѣлъ на Наталію и почувствовалъ, какъ наслажденіе пронизываетъ его какимъ-то холодомъ. У ней, по обыкновенію, рѣсницы были опущены, и только порою ея брови, двѣ дугообразныя линіи, чуть-чуть подымались кверху, словно желая потащить за собою непокорныя вѣки. Губы ея, изъ которыхъ нижняя была слегка отогнута, улыбались какой-то необъяснимой, ѣдкой и шаловливой улыбкой.

Ахъ, вотъ какъ, думалъ Юдымъ, глядя на это оригинальное лицо.

Наталія почувствовала его взглядъ. Щеки ея стали блѣднѣе, улыбка растаяла на губахъ. И еще синѣе стали круги около ея закрытыхъ глазъ и острѣе линіи носа.

Трамвай быстро въѣхалъ на площадь передъ Версальскимъ дворцомъ, и пассажиры торопливо покидали промокшую верхнюю платформу. Докторъ позаботился устроить своихъ дамъ въ небольшой станціонной будкѣ, куда набралось столько народу, что буквально невозможно было пошевельнуть рукой. Докторъ Томашъ стоялъ за спиной Іоанны и Наталіи; въ будкѣ было такъ тѣсно отъ спасавшейся отъ дождя публики, что Наталія своимъ тѣломъ почти прижималась къ его груди. Ея лицо было такъ близко отъ него, что бѣлокурые волосы ея, растрепанные по модѣ и отъ дождя, щекотали его лицо, губы, глаза, вызывая сладкую дрожь во всемъ тѣлѣ. Всѣ молчали; только тяжелое дыханіе ка-

кого-то страдающаго одышкой толстяка нарушало глубокую тишину. Дождь непрерывными струями съ плескомъ стекалъ съ крыши и какъ бы темной завѣсой заслонялъ входъ.

Какъ-то Наталія попыталась было пошевельнуться и еще тѣснѣе прижалась лѣвымъ плечомъ къ плечу Юдыма, и тонкій профиль ея лица еще яснѣе обрисовался передъ его разгорѣвшимися глазами. Она хотѣла было что-то сказать, но только быстро улыбнулась. Разъ она подняла свои вѣчно опущенныя рѣсницы и одинъ моментъ смѣло, пытливо, съ какимъ-то упоеніемъ смотрѣла ему прямо въ глаза.

Пани Невадзкая стояла у самой двери. Несмотря на то, что у нея было воздуху больше, чѣмъ у всѣхъ, она тяжело дышала и вся раскраснѣлась.

— Знаете, дѣвицы вы мои,—промолвила она своимъ громкимъ шепотомъ,—что я предпочла бы лучше мокнуть на дождѣ, чѣмъ глотать дыханія этихъ «маршандевеновъ».

— Бабушка, откуда ты знаешь, что это marchands de vin?

— Вотъ еще!—сказала старушка, сверкая выпуклыми глазами.—Дышутъ мнѣ прямо въ лицо двѣ винныя бочки, а она еще спрашиваетъ, откуда я знаю.

Юдымъ разслышалъ этотъ разговоръ бабушки съ Вандой и, несмотря на то, что у него самого не было ни малѣйшаго основанія предпочесть дождь тѣснотѣ, онъ, однако, обратился къ Невадзкой и по-польски произнесъ:

— Мы, въ самомъ дѣлѣ, могли бы быстро пройти эту площадь, а тутъ уже близко... Но вы промокнете... У насъ ни одного зонтика...

Говоря это, онъ нѣсколько поддался впередъ, какъ бы съ намѣреніемъ помочь старушкѣ выйти, и все его тѣло прильнуло къ тѣлу Наталіи. Онъ чувствовалъ его теплоту черезъ тонкую, легкую ткань платья и пылающими глазами впился въ холодныя, каменныя черты блѣднаго лица съ закрытыми глазами.

Дождь понемногу уменьшался и только изъ водосточной трубы сосѣдняго дома съ громкимъ, непрерывнымъ шумомъ стекала струя воды. Нѣсколько мужчинъ, вооруженныхъ зонтами, вышло изъ будки. Сдѣлалось просторнѣе, но, несмотря на это, Наталія еще нѣсколько минутъ не измѣняла своего положенія. Наконецъ, она двинулась впередъ, вслѣдъ за младшей сестрой, которая все высовывала свои руки на воздухъ, чтобъ убѣдиться, не прошелъ ли дождь. На мгновеніе засіяло яркое солнце. Камни покатой площади засверкали, какъ будто обсыпанные разбитымъ стекломъ, и при видѣ этого прелестнаго зрѣлища всѣхъ потянуло прочь изъ тѣсной конуры. Юдымъ подалъ бабушкѣ руку, и все общество отправилось во дворецъ. Въ большихъ длинныхъ залахъ оно какъ бы распалось: каждый отдался своимъ впечатлѣніямъ, разсматривая, каждый на свой манеръ, украшавшія стѣны перваго этажа историческія картины. Но скоро онѣ стали надоѣдать.

Юдыму казалось, будто онъ идетъ по какимъ-то длиннымъ, длиннымъ аллеямъ, которымъ не видно конца, и какое-то непріятное чувство наполняло его. Впрочемъ, онъ ужъ былъ въ Версалѣ, а потому ни королевскія комнаты, ни зеркальная зала не могли его такъ сильно интересовать. Онъ медленно шагалъ рядомъ со старой дамой, которая ежеминутно останавливалась и, прикладывая къ глазамъ лорнетъ на длинной черепаховой ручкѣ, какъ будто съ интересомъ разсматривала картины. Рядъ наполеоновскихъ битвъ, войска, театральныя лица и движенія вождей, дикіе, бѣшеные кони — все это мелькало въ глазахъ доктора, какъ бы ряды далекихъ, юношескихъ мечтаній. Гдѣ-то дальше все общество остановилось передъ бѣлой, мраморной статуей умирающаго корсиканца, и когда оно возвращалось оттуда и снова проходило мимо изображающихъ всевозможныя битвы картинъ, старая дама вдругъ приблизилась къ паннѣ Іоаннѣ и, обнимая ее, сказала:

— Мы теперь далеко, далеко, въ мірѣ героевъ. Мы мечтаемъ, мечтаемъ...

— Совсѣмъ нѣтъ... какое... не думаю даже!.. Я только такъ себѣ...— вся въ смущеніи и густо краснѣя, отнѣкивалась Іоанна.

И съ этой минуты, несмотря на то, что Юдымъ совсѣмъ незамѣтно слѣдилъ за нею, она держалась на сторожѣ и силилась утаивать испытываемыя впечатлѣнія. Съ особеннымъ интересомъ дамы осматривали королевскіе аппартаменты. Когда пани Невадзкая съ особенно торжественнымъ видомъ выслушала уже все, что ей разсказывалъ сопровождавшій ихъ швейцаръ, и когда, оглядѣвъ и маленькія залы, общество уже собралось выходить, Ванда вдругъ оглянулась назадъ и сказала:

— Панна Нетка, мы идемъ уже!

Юдымъ тоже оглянулся. Панна Іоанна, опершись на одно изъ креселъ, обитыхъ блѣдно-голубымъ дамà, задумчиво смотрѣла въ окно. Выраженіе ея лица поразило Юдыма, онъ невольно остановился и подошелъ къ ней.

— Вы задумались о Маріи Антуанетѣ?—тихо сказалъ онъ. Этотъ вопросъ былъ въ связи съ тѣмъ, что за минуту передъ этимъ разсказывалъ швейцаръ.

Она вздрогнула и въ замѣшательствѣ, какъ бы застигнутая на мѣстѣ преступленія, взглянула на него.

— Вотъ, черезъ это окно,—заговорила она колеблющимся голосомъ,—виденъ большой дворъ и ворота оттуда... Оттуда ворвалась толпа... пьяныя женщины, мужчины съ ножами... Марія Антуанета увидѣла ихъ изъ этого окна! Я такое странное ощущеніе испытала. Вся эта остервенѣлая толпа кричала: «смерть австріячкѣ»! И черезъ вотъ эту дверь она убѣжала.

— Панна Іоася, панна Іоася...—звали ее.

— Вы что-то говорили о странномъ ощущеніи...

— Да... это ощущеніе... — сказала она, опуская глаза и еще больше блѣднѣя.—Вы не знаете, докторъ, какія мы боязливыя. Мы боимся не только на яву, но и въ такъ называемыхъ мечтахъ. Я ужасно вдругъ испугалась этой черни, о которой думала.

— Черни?—спросилъ Юдымъ.

— Да... То-есть, ихъ крика... Я испугалась, сама не знаю отчего...

Она подняла на него свои невинные глаза, съ выраженіемъ какого-то не то страха, не то страданія. И въ послѣдній разъ окинувъ полнымъ сожалѣнія взглядомъ эти маленькія комнатки, она быстро вышла вслѣдъ за своими спутницами.

На возвратномъ пути изъ Версаля въ Парижъ, поѣздъ желѣзной дороги остановился въ Сентъ-Клу. Крикъ восхищенія вырвался у всѣхъ барышень, когда онѣ глянули съ возвышенія внизъ. У ногъ ихъ, простираясь въ даль и теряясь въ густомъ туманѣ, расположилась огромная каменная пустыня. Это былъ Парижъ. На краснова-томъ, какъ будто рыжемъ фонѣ этой пустыни кой-гдѣ вдругъ причудливо выскакивали темныя очертанія тріумфальной арки, башни Эйфеля или купола собора Богоматери. Гдѣ-то далеко, далеко подымались въ воздухѣ клубы голубоватаго дыма: тамъ, едва-едва виднѣясь въ туманѣ, торчали фабричныя трубы, похожія издали на какіе-то огромные бичи. Эти бичи подгоняютъ ростъ пустыни. Туда не доходили отголоски ея жизни. Казалось, она вся застыла и замерла, какъ огромная, неровная каменная глыба. Глядя на нее, невольно испытывалось какое-то странное волненіе. Такъ глядишь обыкновенно только на какое-нибудь великое явленіе природы: когда находишься въ горахъ, среди ледниковъ или надъ моремъ.

Юдымъ сидѣлъ рядомъ съ Наталіей, но какъ будто совершенно забылъ это. Онъ весь былъ поглощенъ созерцаніемъ Парижа. Въ головѣ его мелькали безсвязныя, почти безсознательныя мысли, особенныя, свои, нераздѣльныя: такихъ мыслей человѣкъ не въ состояніи передать другому. И вдругъ среди нихъ ясно выдѣлился вопросъ:

— «Почему это она сказала, что испугалась, выглянувъ изъ окна спальни Маріи Антуанеты?»

Онъ оторвалъ свой взглядъ отъ города: ему захотѣлось еще разъ присмотрѣться къ паннѣ Іоасѣ. Теперь только онъ хорошо разсмотрѣлъ, какой у нея профиль. Подбородокъ у ней, нѣсколько выдвигавшійся впередъ, былъ чисто сарматскаго или кавказскаго типа, и между нимъ и нижней линіей носа образовалась какъ бы прелестная парабола, въ глубинѣ которой цвѣли алыя губки. Какъ только на лицѣ ея появлялось отраженіе какого-нибудь впечатлѣнія, эти губки сейчасъ начинали играть живую, дѣятельную роль: выраженіе ихъ то измѣнялось, то дышало какой-то силой, то слабѣло, но всякій разъ отъ него вѣяло чѣмъ-то особенно правдивымъ, искреннимъ. При взглядѣ на это лицо, въ голову настойчиво закрадывалась мысль, что даже

преступный импульсъ отразился бы на немъ съ такою же искренностью, какъ радость при видѣ цвѣтущихъ ирисовъ, свѣтлаго пейзажа, художественныхъ произведеній и просто при видѣ всякихъ предметовъ. Видно было, что все, что предстаетъ предъ этими глазами, встрѣчается ими какъ хорошее и естественное явленіе. Порою только къ этому ясному чувству примѣшивалось выраженіе какой-то усталости, какой-то утраченной веселости, но и въ этомъ было что-то дѣтски-наивное, мимолетное.

Какъ въ выраженіи лица, такъ и въ движеніяхъ панны Іоанны было что-то... необыденное. Когда она хотѣла передать словами что-нибудь такое, что она живо, сильно чувствовала, она быстро, на одинъ мигъ, подымала руки или хоть только брови, словно этимъ хотѣла какъ бы заставить замолкнуть все, что могло нарушить мелодію ея мыслей, словъ, улыбки и жестовъ.

«Кого это она мнѣ напоминаетъ?—думалъ докторъ, глядя на ея лобъ и глаза.—Не видалъ ли я ее когда-нибудь въ Варшавѣ?»

И въ ту же минуту ему пришло въ голову пріятное, хоть и нелогичное *notabene*, что вѣдь это онъ ее видѣлъ вчера предъ этой бѣлой улыбающейся статуей.

На вокзалѣ Сентъ-Лазаръ ему пришлось разстаться съ туристками. Бабушка сообщила ему, что на слѣдующій день она съ своей «бандой» выѣзжаетъ изъ Парижа въ Трувиль, а оттуда онѣ отправятся въ Англію.

Юдымъ съ изысканной вѣжливостью распрощался съ ними и немного усталый вернулся въ свою коморку.

ГЛАВА II.

Въ потѣ лица.

Черезъ годъ, въ одинъ изъ послѣднихъ дней іюня Юдымъ проснулся въ Варшавѣ. Было десять часовъ утра. Въ комнату черезъ полуоткрытыя окна врывался шумъ съ улицы, тотъ шумъ варшавскихъ дрожекъ, стучавшихъ о камни мостовой, который такъ былъ ему знакомъ. Съ узкаго двора, на который выходила большая часть оконъ меблированныхъ комнатъ, уже тянулись вверхъ тонкіе пары. Юдымъ быстро поднялся съ постели и подошелъ къ окну: черезъ щель между его половинками онъ увидѣлъ фигуру дворника съ мѣдной бляхой на шапкѣ, который, съ свойственнымъ дворникамъ грубостью, что-то объяснялъ какой-то старухѣ въ черной мантильѣ. Докторъ чувствовалъ себя бодро, свѣжо, молодо, чувствовалъ въ себѣ какую-то скрытую силу, какъ человѣкъ, который, стоя у подножія высокой горы, дѣлаетъ первый шагъ, чтобы подняться на ея далекую вершину, и знаетъ, что взойдетъ. Онъ только вчера пріѣхалъ въ Варшаву и остановился въ этихъ меблиро-

ванныхъ комнатахъ на улицѣ *Видокъ* и еще не совсѣмъ оправился отъ утомленія, но онъ до того еще весь былъ полонъ тѣхъ пріятныхъ ощущеній, которыя испыталъ наканунѣ, что совершенно забылъ объ угольной сажѣ, которой весь былъ пропитанъ. Глядя изъ оконъ вагона на открывавшійся пейзажъ, на деревни съ ихъ бѣлыми избами, на необъятныя поля, на колосившіяся нивы—онъ не видѣлъ большой разницы между своимъ краемъ и французской землей. Кое-гдѣ встрѣчались странныя зданія фабрикъ, и въ ясное небо подымались клубы дыма. Въ вагонъ то и дѣло садились крестьяне и ничуть они не были глупѣе французскихъ, а подчасъ между ними были и такіе умники, что просто прелесть; ремесленники и работники были тоже такіе же, какъ и французы. Вслушиваясь въ ихъ рѣчи, онъ все думалъ:

«Да неужто это правда, что мы варвары, полуазіаты!—Неправда!—Мы совершенно такіе же, какъ и всѣ... Валимъ впередъ—и баста! Вотъ посадить бы тутъ и тѣхъ, и другихъ, посмотрѣли бы мы, смогли ли бы они хоть такъ-то со всѣми своими конституціями».

Съ такимъ пріятнымъ, оптимистическимъ впечатлѣніемъ, сладкимъ, какъ свѣжій запахъ родныхъ полей, пріѣхалъ Юдымъ въ городъ. Ночь онъ проспалъ превосходно и теперь первымъ взглядомъ привѣтствовалъ свою родную, старую Варшаву.

Ему тутъ же вспомнились его родственники и онъ почувствовалъ необходимость повидаться съ ними, не только по обязанности, но прямо ради того, чтобъ увидать знакомыя, родныя лица. Онъ вышелъ изъ гостиницы и вскорѣ смѣшался съ толпой, которая двигалась по *Маршалковской* улицѣ. Все его радовало: и деревянныя мостовыя, и разросшіяся деревья, которыя уже откидывали хоть небольшую тѣнь, новые дома, воздвигшіеся на мѣстѣ старыхъ лачугъ.

Миновавъ садъ и площадь за желѣзными воротами, онъ очутился въ своемъ родномъ районѣ. По узкимъ проходамъ между лавочками и будками онъ, наконецъ, добрался до *Крохмальной* улицы. Знойные лучи солнца заливали эту улицу, напоминавшую скорѣе канаву, чѣмъ улицу. Изъ узкаго прохода между площадью и *Теплой* улицей несся смрадъ, какъ съ кладбища. Тамъ по прежнему, какъ въ муравейникѣ, копошилось еврейское населеніе. По прежнему сидѣла на тротуарѣ старая, больная еврейка, продающая вареные бобы, фасоли, горохъ и косточки тыквы. Тамъ и сямъ сновали продавцы содовой воды, съ висѣвшими съ боку ведерками и съ стаканами въ рукахъ; одинъ видъ этихъ стакановъ, облѣпленныхъ застывшимъ сиропомъ, въ грязной рукѣ жалкаго еврея могъ вызвать дурноту. У стѣны стояла какая-то полуоборванная еврейка, съ мертвенно-желтымъ лицомъ, она тоже продавала воду. Она стояла на самомъ припекѣ, въ разсчетѣ, что проходившіе тутъ люди испытываютъ сильнѣйшую жажду. Въ рукѣ у ней были двѣ бутылки съ какой-то красной жидкостью, вѣроятно съ какимъ-то сокомъ. Ея бѣлыя губы что-то шептали,—можетъ быть, приглашеніе напиться,

можетъ быть, имя Его, Адонаи, котораго не смѣютъ произнести уста смертнаго, или же, какъ червякъ, зародившееся въ грязи и нуждѣ,— проклятіе солнцу и жизни...

Справа и слѣва стояли крохотныя лавчонки, точно ящики, выклеенные внутри бумагой. На деревянныхъ полкахъ лежали коробочки съ папиросами, которыхъ всего было, можетъ, рубля на три, а у самой двери взоры прохожихъ привлекали къ себѣ вареныя яйца, копченыя селедки, шеколадъ въ табличкахъ и въ заманчивой формѣ конфетокъ куски сыру, морковь, чеснокъ, лукъ, крендели, рѣдька, стручки гороха, сосуды съ кошерными сосисками и банки съ малиновымъ сокомъ для воды.

Въ каждой изъ этихъ лавокъ на полу лежала куча грязи, которой не въ силахъ бываетъ высушить самый сильный зной. По ней ползали грязные дѣти, въ грязныхъ лохмотьяхъ. Въ каждой такой канурѣ постоянно вертѣлось нѣсколько человѣкъ, которые проводили время въ болтовнѣ и бездѣльи. Въ глубинѣ обыкновенно сидѣлъ отецъ семейства, какой-нибудь меланхоликъ съ зеленоватымъ лицомъ, который вѣчно торчитъ на одномъ мѣстѣ и, поглядывая на улицу, раздумываетъ о разнаго рода гешефтахъ.

Нѣсколькими шагами дальше черезъ раскрытыя окна можно было заглянуть во внутрь мастерскихъ, гдѣ подъ низкими потолками коротаютъ свою жизнь сгорбленные мужчины и женщины. Въ одномъ мѣстѣ мастерская сапожника напоминала какую-то темную пещеру, наполненную страшнымъ смрадомъ и духотой, въ другомъ—въ грязныхъ комнатахъ сидѣли блѣдныя, желтыя, безсмысленныя дѣвушки, сами не мытыя, не чесанныя, и трудились надъ раздѣленіемъ прядей волосъ, приготовляя парики, которые носятъ набожныя еврейки. Такихъ парикмахерскихъ заведеній было нѣсколько подрядъ... Отовсюду изъ оконъ, изъ дверей, даже съ крышъ, крытыхъ жестью и черепицами, гдѣ торчали окна мезониновъ, выглядывали больныя, худыя, зеленыя лица съ длинными носами, съ красными, слезливыми глазами, потерявшими всякій блескъ и смыслъ, съ глазами, въ которыхъ застыло одно лишь желаніе смерти, избавленія отъ вѣчныхъ заботъ и нужды. У какихъ-то воротъ Юдымъ наткнулся на одну торговку, таскавшую въ обѣихъ рукахъ тяжелыя корзины съ овощами и фруктами. Она представляла ужасное зрѣлище. Парикъ у нея сбился на бокъ, и оголенное темя бѣлѣлось, какъ лысина. Ея выпуклые, безжизненные глаза смотрѣли впередъ съ выраженіемъ какого-то застывшаго, спокойнаго страданія, въ надувшихся на лбу и шеѣ жилахъ, казалось, громко стучала кровь. На порогѣ одной лавчонки сидѣлъ старый, сгорбленный еврей, носильщикъ. Посреди улицы стояли два шкапа, связанныхъ веревками, которые онъ притащилъ сюда, а онъ медленно доѣдалъ сырой огурецъ, закусывая его кускомъ хлѣба.

Юдымъ быстро шелъ впередъ, что-то бормоча про себя. Вотъ ужъ показались передъ нимъ ряды домовъ со стѣнами грязно-мѣднаго цвѣта. *Теплая*... Тѣ же грязные, изломанные тротуары, та же мостовая съ ямками

межъ камней. Здѣсь ужъ нельзя было встрѣтить ни одного прохожаго въ цилиндрѣ, рѣдко-рѣдко попадалась дама въ шляпкѣ. Людъ былъ все простой, въ рабочихъ костюмахъ, даже безъ воротничковъ. Случайно проѣзжавшія дрожки обращали на себя всеобщее вниманіе. Юдымъ уже издали замѣтилъ ворота своего дома и, по мѣрѣ приближенія къ нему, у него все больше наростало непріятное чувство такъ называемаго «ложнаго стыда». Приходилось встрѣтиться съ людьми низкаго общественнаго положенія и теперь, по возвращеніи изъ-за границы ему это было непріятнѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ быстро вошелъ въ ворота съ безсознательнымъ стремленіемъ избѣгать постороннихъ... Дворъ расходился въ три стороны. Въ одной находилась какая-то шумящая фабричка, которая для Юдыма была новостью, въ другой былъ по прежнему складъ угольевъ, въ третьей подымался флигель въ нѣсколько этажей. Туда-то Юдымъ направилъ свои шаги. Очутившись въ грязныхъ, какъ аппартаменты Люцифера, сѣняхъ, онъ услыхалъ снизу, изъ подвала, знакомый лязгъ: это «сосѣдъ», Домбровскій, работалъ у себя въ слесарной. Юдымъ сошелъ по ступенькамъ внизъ и заглянулъ въ сѣнцы, налѣво отъ двери слесаря. Тамъ чернѣлся открытый входъ въ ту квартиру, гдѣ онъ когда-то жилъ. Чѣмъ-то кислымъ, холоднымъ повѣяло оттуда, и Юдымъ невольно отшатнулся. Изъ слесарной вышелъ маленькій, запачканный мальчуганъ и сталъ съ любопытствомъ разсматривать гостя. Юдымъ быстро взбѣжалъ наверхъ. Миновавъ первый и второй этажъ, онъ очутился на чердакѣ и остановился. Передъ нимъ было маленькое окошечко безъ стеколъ, что-то въ родѣ бойницы. Кирпичъ, замыкавшій это отверстіе снизу, былъ такъ изглаженъ дѣтьми, которые тамъ играли, что принялъ овальную форму. Сколько разъ онъ самъ, бывало, лазилъ черезъ это окошко наружу и свѣшивался изъ него! Въ углу, у стѣны, былъ общій водопроводъ, который распространялъ сырость на всю стѣну. Надъ нимъ до самаго потолка тянулось пятно отъ копоти керосиновой лампочки. Отъ темныхъ стѣнъ вѣяло гробовымъ унынiемъ.

Послѣднія ступеньки вели въ мрачныя сѣни, тянувшіяся вдоль чердака. Юдымъ вошелъ въ глубину ихъ и, остановившись предъ дверью, постучалъ. Никто не отвѣтилъ ему. Онъ постучалъ еще разъ—ни звука. Онъ постучалъ въ третій разъ: сосѣдняя дверь отворилась и въ ней показалась дѣвочка лѣтъ тринадцати. Она окинула его взглядомъ опытной, взрослой кокетки и сама спросила:

— Кого вамъ нужно?

— Тутъ живетъ Викторъ Юдымъ?

— Тутъ.

— Не знаете, есть кто-нибудь дома?

— Только что вотъ была тетка; должно быть, дома... А, впрочемъ, можетъ, на дворъ сошла съ дѣтьми.

Она вышла изъ квартиры и смѣло засматривала Юдыму въ глаза.

Въ эту минуту изъ комнаты послышался какой-то страшный шумъ, ругательства, грубыя проклятья и какія-то безсвязныя слова, похожія на ревъ звѣря. Юдымъ удивленно прислушался и, наконецъ, тихо спросилъ дѣвушку, что это такое.

— Это моя бабушка, сумасшедшая,—отвѣтила она, кокетливо улыбаясь.

— Сумасшедшая? И вы ее держите дома?

— Извѣстно, дома. А то гдѣ же держать?

Онъ отклонилъ дѣвочку въ сторону и заглянулъ внутрь. Въ углу у печи сидѣла какая-то старуха, похожая скорѣе на призракъ, чѣмъ на человѣческое существо. Руки и ноги ея были привязаны къ толстому крюку, торчащему изъ пола. Сѣдыя космы волосъ покрывали ея голову и плечи, какіе-то обтрепанные лохмотья висѣли на тѣлѣ. Порою исподлобья сверкали, какъ мечи, два страшные, горящіе глаза, и цѣлый потокъ ужасныхъ проклятій срывался съ устъ безумной. Юдымъ инстинктивно отшатнулся назадъ и снова обратился къ дѣвочкѣ съ разспросами.

— Отчего вы не отдадите ее въ больницу?

— А я знаю, отчего! Нельзя отдать.

— Отчего нельзя?

— А оттого, что мѣстъ нѣту. Да и откуда намъ взять денегъ, чтобы за нее платить.

— Такъ отчего вы ее такъ привязали?

— Ба! Отчего? А вотъ схватитъ топоръ, ножъ, рѣзакъ да и убьетъ дѣтей, отца, маму, всѣхъ. Это такая злая шельма, не приведи Богъ!

— Она давно больна?

— Развѣ она больная? Сумасшедшая, а не больная. Если бы я была такая здоровая, какъ она. Какъ придется отцу ее связывать, такъ умаются оба такъ, что страсть! Отецъ и самъ не калѣка, а и то съ этой чертовкой еле справится...

Юдымъ махнулъ рукой и убѣжалъ внизъ. На дворѣ, у стѣны фабрики онъ увидалъ цѣлую толпу рѣзвящихся, бѣгающихъ и скачущихъ ребятишекъ. На кучѣ обожженныхъ досокъ сидѣла тетка Пелагея, ужъ нѣсколько лѣтъ живущая на хлѣбахъ у своего племянника, брата Юдыма, Виктора. Это была худая, болѣзненная, ворчливая старуха. Никто отъ нея никогда не слыхалъ добраго слова, а сколько отъ нея ребятамъ колотушекъ доставалось — не перечесть. Юдымъ медленно подходилъ къ ней, съ трудомъ преодолѣвая въ себѣ то непріятное чувство полуотвращенія, которое пробивалось въ немъ сквозь оболочку сожалѣнія, составлявшаго суть его родственнаго чувства. Ему было страшно досадно, что приходится здороваться съ нею на виду у всѣхъ жильцовъ и зѣвакъ. Тетка Пелагея повернула голову и увидѣла его, но не тронулась съ мѣста. Когда онъ подошелъ и коснулся носомъ ея грязнаго рукава, она быстро наклонилась и чмокнула его издали въ волосы.

— Когда жъ это ты пріѣхалъ, Томка? Мы ничего не знали.. — произнесла она со свойственной ей сухостью.

— Только вчера вечеромъ. Какъ ваше здоровье, тетушка?

— Э... какое тамъ мое здоровье... Такъ живу кое-какъ. Теперь, покуда тепло, такъ я тутъ все сижу, а какъ зима придетъ, такъ, можетъ, и будетъ конецъ.

— Эхъ, не люблю я такихъ...

— Знаю, знаю...

— Вы совсѣмъ недурно выглядите. Ну, а что слыхать у Виктора? Что онъ?

— А что ему? Какъ былъ Викторъ, такъ и есть.

— Ну?

— Служитъ тамъ на фабрикѣ.

— У Милера?

— Гдѣ тамъ! Тоже въ желѣзной, только при сталелитейнѣ.

— При сталелитейнѣ!—удивился Юдымъ.

— Да, да.

— Почему такъ?

— Перешелъ. Говоритъ, что лучше. Ну, и впрямь, пожалуй, легче будетъ... эти... Да все ты виноватъ, никто иной...—равнодушно сказала она, оправляя свою юбки.

— Я виноватъ, что Викторъ перешелъ?

— Понятно, ты виноватъ, что ему переходить вздумалось. Какъ былъ онъ глупымъ олухомъ, такъ и работалъ, сколько влѣзетъ. А какъ взялся ты тутъ ему мудростями разными башку набивать, такъ ужъ ему работать и не хочется. Взялся не за свое. Книжки читаетъ. А какъ же... Вѣдь онъ у насъ теперь ученый!—насмѣшливо улыбнулась она, открывая бѣлые зубы.

Юдымъ равнодушно слушалъ ее.

— А много онъ зарабатываетъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, немного. И она должна была на работу пойти: нужда настала.

— Гдѣ же она?

— На табачной фабрикѣ. Съ утра они оба расходятся, а мнѣ нужно дѣтей стеречь, кушанье готовить, въ домѣ за всѣмъ присмотрѣть. Гдѣ-жъ ты, Томка, жить станешь? Здѣсь, или гдѣ въ иномъ городѣ?—спросила она съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Самъ еще не знаю, только что вернулся.

Разговоръ оборвался. Юдымъ смотрѣлъ исподлобья на кусокъ асфальта, случайно какъ бы попавшій въ это мѣсто и очутившійся тамъ, среди камней, будто по чьей-то разсѣянности, на деревцо, выросшее прямо изъ-подъ этого асфальта. Тутъ же вблизи лежала рѣшетка надъ сточной трубой, на которой еще виднѣлась кучка отбросовъ. Было жарко. Въ тѣни высокой стѣны фабрики играла группа

дѣтей. Одни изъ нихъ были такъ худы и блѣдны, что на ихъ прозрачныхъ лицахъ можно было различить синія жилки; у другихъ на солнцѣ загорѣли не только ихъ лица, руки и шеи, но и колѣни, обнаженныя большими дырами. Какой-то малышъ съ безобразно искривленными ногами и со слѣдами оспы на худенькомъ личикѣ ползалъ по землѣ. Вся эта банда производила впечатлѣніе грязнаго мусора, выброшеннаго на дворъ, или сухихъ листьевъ, которыми вѣтеръ мететъ изъ стороны въ сторону. Надъ всей этой крикливой ватагой командовалъ высокій мальчуганъ, лѣтъ восьми, безъ шапки, одѣтый въ отцовскіе штаны и материны башмаки. Онъ оралъ на весь дворъ, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ командира. Когда онъ пробѣгалъ мимо Юдыма на середину двора, Юдымъ узналъ въ немъ своего племянника.

— Это вѣдь Франэкъ!—сказалъ онъ.

— Франэкъ...—отвѣтила тетка.

Докторъ Томашъ задержалъ мальчика, чѣмъ вызвалъ на его физіономію выраженіе живѣйшаго неудовольствія. Изъ толпы вышла впередъ дѣвочка нѣсколько помоложе Франка и подошла къ теткѣ. Это была Королина, племянница Юдыма. Ея большіе черные глаза горѣли, какъ уголья, на блѣдномъ худомъ личикѣ, до половины почти закрытомъ длинной гривой. У этого ребенка было такое старое и хитрое лицо, такой упорный и пытливый взглядъ, какъ бываетъ у человѣка, который позналъ уже въ своей жизни всю горечь многочисленныхъ разочарованій и котораго ужъ не обманутъ никакія иллюзіи. Юдымъ притянулъ Кароль ку къ себѣ и поцѣловалъ ее. Она не сопротивлялась и только смотрѣла ему въ глаза своимъ упорнымъ, тяжелымъ взглядомъ, какъ будто спрашивая, что ей отъ этого можетъ быть за выгода. Франэкъ чмокнулъ «дяденьку» въ манжетъ и, пробормотавъ что-то неясное въ отвѣтъ на нѣсколько заданныхъ ему вопросовъ, торопливо удалился къ товарищамъ. Разговоръ съ теткой не клеился какъ-то, а вмѣсто того, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, Юдыму лѣзли въ голову свои, особенныя, новыя мысли, совершенно непригодныя для примѣненія ихъ въ этомъ разговорѣ. Эти ребятишки, бѣгающія по тѣсному двору, огражденному голыми высокими стѣнами, Богъ вѣсть почему, напоминали ему бѣлокъ, запертыхъ въ клѣткѣ. Ихъ рѣзкія движенія, прыжки и скачки требовали обширнаго пространства травы, воды, деревьевъ...

— Ты-бы, вѣрно, хотѣлъ поскорѣе увидѣться съ Викторомъ?—спросила тетка, никогда не любившая выказывать расположенія, если его у нея не было.

— Ну, да, разумѣется.

— Его теперь трудно дождаться. Иной разъ такъ его три дня, три ночи дома не видать.

— Гдѣ же онъ бываетъ?

— А кто его знаетъ? А, можетъ, впрочемъ, и придетъ какъ разъ нынче...

— Такъ я къ вамъ забѣгу сюда вечеркомъ, а покуда хотѣлъ бы съ невѣсткой повидаться. Можно къ ней на фабрику пройти, пустятъ меня?

— Можетъ статься, что и пустятъ. Попробуй. Вѣдь вамъ, господамъ докторамъ легче, чѣмъ намъ, простымъ людямъ...

— Гдѣ же эта фабрика?—спросилъ Юдымъ, котораго ужъ начиналъ тяготить этотъ разговоръ.

Тетка сказала ему адресъ и указала, какъ пройти.

Выйдя изъ воротъ, докторъ пошелъ въ сторону предмѣстья. Онъ опустилъ голову и только машинально искалъ глазами табачную фабрику. Все рѣже и рѣже стали встрѣчаться многоэтажные, каменные дома, а вмѣсто нихъ показались деревянныя, низкія, полуразвалившіяся строенія, не похожія ни на дома, ни на деревенскія хаты и въ то же время напоминавшія и тѣ, и другія.

Домишки эти были украшены пестрыми вывѣсками и забрызганы грязью, которая не пропускала любопытный взоръ проникнуть въ глубину квартиръ и вполнѣ успѣшно могла замѣнять жалюзи. Впрочемъ, фасадъ ихъ былъ занятъ преимущественно лавочками: въ одной продавались какія то жалкія колбасы, въ другой, еще болѣе бѣдной и грязной, простые гробы.

Кое-гдѣ, посреди этихъ городскихъ избъ, крытыхъ старыми черепицами или деревомъ, на которомъ ужъ тамъ и сямъ стала появляться зеленая плѣсень, вдругъ горделиво возвышался недавно выстроенный каменный домикъ, съ невидимой крышей, съ тремя глухими стѣнами и одной, вооруженной рядомъ оконъ, своимъ необычайнымъ видомъ служа какъ бы предвѣстникомъ новаго порядка вещей, обрекающаго на истребленіе эти зданія стариннаго, чуть ли не средневѣкового покроя, въ пользу развитія большого города съ его безпощадной, строгой прямолинейностью, съ его мостовой, съ его казенными, голыми, шероховатыми стѣнами. Еще чаще рядъ этихъ низкихъ домиковъ прерывался огромнымъ торсомъ фабрики съ толстыми стѣнами, широкими воротами и цѣлой батареей трубъ. Вдали на горизонтѣ крышъ только и видны были трубы да трубы.

Посреди улицы по испорченной мостовой медленно тащились возы, нагруженные кирпичами, разсыпая по воздуху розовую пыль; за ними плелись возницы, съ ногъ до головы обсыпанные ею, съ какими-то тупыми, безсмысленными, какъ эти самые кирпичи, лицами. Иногда со стукомъ проѣзжала большая телѣга съ завернутыми въ рогожи тюками. На самомъ верху сидѣлъ обыкновенно какой-нибудь уродливый еврей въ красномъ байковомъ кафтанѣ и, махая кнутомъ, оралъ во всю глотку на пару лошадей, которымъ каждый новый шагъ доставался съ неимовѣрнымъ усиліемъ. Одна изъ такихъ телѣгъ загородила Юдыму дорогу,

въѣзжая въ ворота большого зданія. Номеръ дома былъ какъ разъ тотъ самый, котораго искалъ Юдымъ. Сильный, непріятный запахъ табаку, которымъ былъ пропитанъ воздухъ на довольно значительномъ пространствѣ вокругъ, подтверждалъ, что это и есть именно табачная фабрика. Юдымъ вошелъ въ ворота и обратился къ дворнику съ вопросомъ, нельзя ли видѣть работницу Юдымъ. Сторожъ сперва было и слушать ничего не хотѣлъ, но подъ впечатлѣніемъ двугривеннаго, который онъ почувствовалъ въ своей рукѣ, мысли его усиленно заработали, и черезъ минуту онъ исчезъ и привелъ за собою какого-то человѣка, обсыпаннаго пылью. Послѣ довольно долгихъ дебатовъ тотъ, наконецъ, кивнулъ Юдыму пальцемъ и ввелъ его въ боковой флигель. Табачная пыль залѣзала въ носъ, въ ротъ, въ легкія, заставляя чуть не задыхаться. Въ первомъ этажѣ Юдымъ съ своимъ проводникомъ очутились въ большой залѣ, буквально биткомъ набитой толпою женщинъ, человѣкъ во сто. Всѣ эти женщины, въ довольно безцеремонныхъ туалетахъ, сидѣли, нагнувшись надъ длинными узкими столами, и свертывали сигары такими быстрыми движеніями, что съ перваго взгляда казалось, будто пальцы ихъ поддергиваются судорогами. Однѣ изъ нихъ нагибали головы и встряхивали плечами, какъ дѣлаютъ кухарки, раскатывая тѣсто, другія были заняты завертываніемъ толсто нарубленнаго табаку въ предварительно быстро и искусно нарѣзанныя для этого листья, третьи клали свернутыя сигары въ деревянные прессы. Спертый воздухъ низкаго и тѣснаго помѣщенія, весь пропитанный потомъ работницъ, наполненный пылью растертаго табака, казалось, раздиралъ внутренности, разъѣдалъ глаза и горло. За первой залой слѣдовала вторая, гораздо большихъ размѣровъ, въ которой точно такимъ же образомъ работало, по меньшей мѣрѣ, триста человѣкъ работницъ. Проводникъ Юдыма не позволилъ ему тутъ останавливаться и повелъ его дальше по узкой лѣстничкѣ, черезъ маленькія сѣнцы, мимо машинъ-сушилокъ для листьевъ, мимо мельницы для нюхательнаго табаку и машинъ, предназначенныхъ для рубленія разнаго рода курительнаго табаку, въ комнаты, гдѣ упаковывался готовый товаръ. Тамъ бѣшено кипѣла работа. Юдыму бросилась въ глаза дѣвушка, оклеивавшая пачки сигаръ бандеролью. Быстрота, съ которой двигались ея руки, поразила его: казалось, работница вытягиваетъ изъ стола непрерывную бѣлую тесьму и наматываетъ ее себѣ на пальцы. Готовыя пачки летѣли изъ ея рукъ въ корзину подъ столомъ такъ быстро, какъ будто бы ихъ выбрасывала машина. Чтобы понять смыслъ ея дѣйствій, необходимо было напряженно всматриваться и слѣдить, откуда начинается склеиваніе каждой пачки.

За этой комнатой открывался входъ въ другую полумрачную комнату, гдѣ именно и работала, по словамъ провожатаго, невѣстка Юдыма. Окна этой комнаты, обтянутые густыми проволочными сѣтками, были такъ засыпаны уличной пылью, что свѣтъ едва проникалъ сквозь нихъ,

но зато они воздерживали отъ эмиграціи наполнявшіе комнату міазмы. По угламъ лежали доски съ толсто нарѣзаннымъ табакомъ. Посреди комнаты стояло нѣсколько станковъ, на которыхъ укладывали товаръ; изъ каждаго такого станка выходила изогнутая трубка, а изъ нея горизонтально торчалъ длинный шипящій языкъ пылающаго газа. Вокругъ каждаго стола сидѣло четыре человѣка; у перваго Юдымъ узналъ свою невѣстку. Она сидѣла въ самомъ углу, подлѣ газоваго рожка. Съ другой стороны стоялъ или, вѣрнѣе сказать, шатался на ногахъ высокій человѣкъ съ мертвенно-желтымъ лицомъ. Дальше, на другомъ концѣ стола сидѣлъ старый еврей въ низко надвинутой на глаза шапкѣ, изъ-подъ которой видны были только его впалыя губы и длинная борода. Рядомъ съ Юдымовой, по лѣвую ея сторону, стояла дѣвушка, которая безпрерывно набирала изъ кучи горсть табаку, кидала ее на чашку вѣсовъ и, отвѣсивъ четверть фунта, подавала стоявшему работнику. Докторъ остановился у двери и сталъ присматриваться къ работѣ этой четверки, силясь уразумѣть всѣ эти манипуляціи. Видъ этихъ людей производилъ впечатлѣніе какихъ-то эпилептиковъ, мечущихся въ конвульсіяхъ, и при всемъ томъ онъ былъ полонъ симметріи, методичности и ритма. По поверхности стола, за которымъ работали эти люди, между Юдымовой и ея сосѣдомъ ежеминутно переходили изъ стороны въ сторону какіе-то два жестяныхъ сосуда, съ одной стороны расширенные въ формѣ четыреугольныхъ чашекъ, съ другой—имѣвшіе форму параллелопипеда. Внутри они были пусты. Юдымова хватала одинъ изъ нихъ лѣвой рукой, поворачивала широкимъ отверстіемъ внизъ и, поставивъ у себя на колѣняхъ, правой рукой брала со стола четвертушку бумаги съ наклеенной на ней этикеткой фабрики и, обернувъ ею край жестяной формы, загибала углы бумаги и заклеивала ихъ лакомъ, съ быстротою молніи нагрѣвая его на газовомъ рожкѣ. Едва только она успѣвала придавить пальцемъ загнутый уголъ, какъ сосѣдъ ея отбиралъ эту форму у ней изъ рукъ, а она брала другую, стоявшую передъ нимъ, для того, чтобы продѣлать ту же работу. Работникъ поворачивалъ жестянку отверстіемъ вверхъ, облѣпленный бумагой конецъ ея вставлялъ въ соотвѣтственное углубленіе въ станкѣ, бралъ изъ рукъ вѣшавшей табакъ дѣвушки чашку, всыпалъ четверть фунта въ открытый ящичекъ жестянки и жестомъ, соотвѣтствующимъ формѣ сосуда, выравнивалъ его содержаніе. Устроивъ это, онъ вынималъ форму изъ наполненной табакомъ бумажной пачки и брался за новую, которую уже пока приготовила для него Юдымова. Третій работникъ вынималъ пачку изъ углубленія и заклеивалъ ее съ другой стороны, разогрѣвая лакъ на огнѣ такъ же быстро, какъ его товарка, сидѣвшая напротивъ.

Работники одного стола упаковывали въ теченіе рабочаго дня тысячу фунтовъ въ эти четверть-фунтовыя пачки, такъ что, значитъ, они успѣвали приготовлять ихъ всего четыре тысячи; на одну пачку

у нихъ уходило времени не больше, чѣмъ десять секундъ. Быстрыя и неутомимыя, согласныя движенія ихъ всегда стремились къ извѣстному пункту и вмигъ отлетали оттуда, какъ упругія тѣла. Юдымъ воочію видѣлъ въ данномъ случаѣ именно то, что крестьяне называютъ «сноровкой»: пріемъ, испробованный долгимъ, кровавымъ трудомъ, рядъ причудливыхъ средствъ, ведущихъ къ кратчайшему, легчайшему выполненію данной работы между двумя конечными ея пунктами. Вспомнились ему его собственныя средства, употребляемыя имъ въ клиникѣ, въ операціонной палатѣ и еще глубже привлекли его вниманіе къ труду находившихся передъ нимъ людей. Въ глубинѣ комнаты стоялъ станокъ совершенно такой же, какъ и первый; за нимъ, околорожка, работала женщина въ красномъ платкѣ на головѣ. Платокъ совершенно закрывалъ ея волосы и позволялъ видѣть только большой, выпуклый лобъ. Жилы у ней на вискахъ и на шеѣ были вздуты. Закрытые глаза открывались каждый разъ, когда нужно было приклеить уголъ бумаги, и сверкали однообразнымъ блескомъ. На ея вытянутомъ, землистаго цвѣта лицѣ отъ времени до времени запекшіяся, безобразныя губы искривлялись въ молчаливую усмѣшку, и въ этой усмѣшкѣ, казалось, сосредоточились, въ нее, казалось, невольно выродились вздохи впалой, вѣчно лишенной воздуха чахоточной груди. Вся ея дѣятельность, съ этимъ блескомъ въ натруженныхъ глазахъ, съ этой странной усмѣшкой напоминала бѣшеное вращеніе машиннаго колеса, на окружности котораго въ одномъ какомъ-то мѣстѣ что-то сверкаетъ, какъ огонекъ.

Когда Юдымова увидѣла шурина, руки у ней дрогнули и не сразу попали съ лакомъ въ пламя рожка; двѣ крупныя слезы скатились изъ ея глазъ прежде, чѣмъ съ устъ сорвалось слово радостнаго привѣта. Она перестала работать и полными слезъ глазами смотрѣла на гостя.

Работникъ, наполнявшій табакомъ пачки, не видѣлъ Юдыма. Не получивъ въ привычный моментъ формы, онъ взглянулъ на Юдымову такимъ взглядомъ, какимъ, пожалуй, если бы могло, посмотрѣло бы одно колесо машины на другое, если бы то вдругъ остановилось на полномъ ходу.

Юдымъ подошелъ къ невѣсткѣ, кивнулъ ей привѣтливо головой и сказалъ, что будетъ поджидать ее на фабричномъ дворѣ въ двѣнадцать часовъ. До полудня оставалось не болѣе четверти часа, и онъ, выйдя изъ фабрики, остановился въ сѣняхъ у выхода. Внизу, въ какихъ-то черныхъ ямахъ, сидѣли старыя бабы и молча раскадывали табачные листья. Засыпанныя табачнымъ порошкомъ, исхудалыя, жалкія, съ красными глазами, эти уродливыя старухи напоминали собой миѳическихъ Парокъ, свершающихъ свое великое таинство. Глаза этихъ странныхъ существъ съ такимъ суровымъ, зловѣщимъ выраженіемъ смотрѣли изъ глубины своихъ орбитъ на Юдыма, стоявъ-

шаго, въ ожиданіи невѣстки, у дверей, что онъ не могъ этого перенести и невольно повернулся къ нимъ спиной.

Какъ только позвонили на обѣдъ, Юдымова первая сбѣжала съ лѣстницы. За нею посыпалась цѣлая толпа женщинъ. Возможность похвастаться передъ всѣми своимъ шуриномъ, очевидно, доставляла невѣсткѣ доктора не малое удовольствіе.

— Когда-жъ это вы, братецъ, пріѣхали? Что у васъ, братецъ, слыхать? Были вы, братецъ, у насъ на *Теплой*?—ежеминутно громко повторяла она.

Ея грязное, изможденное лицо сіяло удовольствіемъ и гордостью. Она радостно улыбалась, показывая рѣдкіе, зеленые зубы. Глаза ея горѣли, какъ уголья. Она вышла съ Юдымомъ изъ воротъ фабрики и, спѣша на обѣдъ, по обыкновенію, быстро бѣжала по улицѣ. Докторъ ея не останавливалъ и самъ торопливо шелъ за нею. Только когда они уже очутились на *Теплой* улицѣ у воротъ ея дома, Юдымова вдругъ остановилась и, ударивъ себя по лбу, воскликнула:

— Ахъ ты, Господи! И что же это я, словно ослица, бѣгу! Ишь, на какой кусище васъ обогнала-то.

— Ничего, ничего, зато больше времени у насъ будетъ для разговора. Что Викторъ дома будетъ?

Ея лицо омрачилось.

— Гдѣ тамъ! Онъ обѣдаетъ у Вайсовъ, тоже какіе-то съ его фабрики—на *Черняковской*.

— Ну, тогда онъ правъ. Нельзя же требовать, чтобъ онъ такъ далеко ходилъ.

— Да и онъ такъ говоритъ...—быстро промолвила она.

Когда они взбирались на лѣстницу, до обонянія Юдыма донесся запахъ поджариваемой на салѣ говядины, тотъ запахъ, который онъ хорошо еще помнилъ со временъ дѣтства. Изъ открытыхъ дверей кухни, выходившихъ въ сѣни, несло такимъ жаромъ и духотой, что, казалось, рѣшительно нельзя было выдержать. Виктора на было. Тетка готовила обѣдъ. Она теперь совершенно не замѣчала Юдыма, да и онъ не старался лѣзть ей на глаза и охотно перешелъ изъ первой комнатки, служившей одновременно и кухней и квартирой тетки, въ другую, спальню Юдымовъ. Она была подъ самой крышей, такъ что легко было достать до потолка головой. Тамъ стояли двѣ кровати, до верху заваленныя постелью, а между ними небольшой комодъ покрытый вязанной скатертью. Надъ кроватями висѣли фотографическія карточки родственниковъ въ сюртукахъ (а между ними, какъ разъ посрединѣ, фотографія доктора въ студенческомъ мундирѣ), всѣ въ деревянныхъ выпиленныхъ рамкахъ. Гдѣ-то въ углу стучали часы съ длинными гирями. Докторъ окинулъ взглядомъ все убранство комнаты; многое было ему тутъ знакомо: онъ видалъ эти предметы въ подвалѣ родителей.

Викторъ не приходилъ, и Юдымъ, не будучи въ состояніи больше выдерживать адской жары и духоты, ушелъ, обѣщая прійти еще разъ вечеромъ. Желая укрыться отъ зноя, онъ зашелъ въ Саксонскій садъ и тамъ, присѣвъ въ одной изъ боковыхъ аллей, незамѣтно весь ушелъ въ мечты. Ужъ давнымъ-давно, съ той поры, какъ онъ началъ учиться и почувствовалъ жажду знаній, въ головѣ у него не переставали мелькать нѣкоторыя смутныя идеи изъ области химіи, физіологіи... Въ своемъ воображеніи онъ уже видѣлъ какой-то могучій свѣтъ, въ тысячу разъ сильнѣе электричества, благодаря которому взоры медиковъ сумѣютъ проникнуть внутрь легкихъ чахоточнаго. Онъ дѣлалъ колоссальныя открытія въ области терапіи золотухи, онъ строилъ такіе госпитали, какихъ еще не видывалъ свѣтъ. Второй химерой, которая преслѣдовала его, было эксплоатированіе нечистотъ въ большихъ городахъ; третьей—изобрѣтеніе какого-нибудь новаго средства передвиженія, благодаря которому уничтожился бы неимовѣрный ростъ фабричныхъ городовъ и который разсѣялъ бы эти сборища кирпичей и людей по всей странѣ. Смутныя мечты ученика обратились потомъ въ сильную, страстную жажду открытій. Сколько часовъ онъ потратилъ надъ своимъ новымъ двигателемъ! Въ его студенческой комнатѣ одинъ уголъ былъ весь заставленъ различными банками и ретортами, въ которыхъ, казалось, скрывались великія тайны. Съ теченіемъ времени тотъ яркій свѣтъ, который, какъ ореолъ, освѣщалъ молодость бѣднаго студента, нѣсколько угасъ подъ вѣяніемъ критики, но его мистическій блескъ все еще вспыхивалъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Мѣстомъ, которое долженствовали осчастливить эти великія открытія, всегда была его старая, родная Варшава. Съ той минуты, когда были бы построены новыя желѣзныя дороги его, Юдымова, изобрѣтенія, должна была начаться для нея пора необыкновеннаго развитія. И въ разгоряченномъ мечтами воображеніи доктора вставала огромная, простирающаяся на десятки миль Варшава, съ сосновыми парками, вся утопающая въ зелени деревьевъ, гдѣ разъ навсегда были уничтожены всѣ сырые подвалы и душные чердаки, гдѣ были искоренены золотуха, оспа, тифъ...

И вотъ теперь снова предстали предъ нимъ прежнія видѣнія. Какіе-то неуловимые замыслы, очертанія, самыя близкія къ сущности изобрѣтенія, ясно и смѣло вставали въ мозгу, словно яркими линіями освѣщая его.

Садъ былъ полонъ людей. Юдымъ не успѣлъ оглянуться, какъ стало вечерѣть. Въ садъ начали стекаться чуть ли не цѣлыя орды евреевъ. По всѣмъ аллеямъ ходили толпы гуляющихъ. Съ трудомъ приходилось пробираться между ними, многіе даже оставались на улицѣ или ограничивались тѣмъ, что дѣлали нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ. Вся эта толпа была пестро одѣта. Наряды женщинъ изобиловали яркими, модными цвѣтами: красныя и свѣтло-голубыя кофточки,

фіолетовыя и красныя шляпки, украшенныя птичьими крылышками или цвѣтами, которые качались съ каждымъ движеніемъ головы. Мужчины довели фасонъ модныхъ костюмовъ до вульгарности, преувеличенія и абсурда. Въ прекрасномъ паркѣ стало ужасно душно. Казалось, листья и травы вянутъ и нѣжный запахъ левконіи замираетъ, не въ силахъ побороть людской духоты.

Были уже сумерки, когда Юдымъ вышелъ изъ сада и направился къ Театральной площади. На *Банковой* уже зажигали фонари, и яркій блескъ ревербера упалъ какъ разъ на тротуаръ, ведущій къ Электоральной улицѣ. При этомъ свѣтѣ ясно видно, какъ толпы людей, словно волны, безпрерывной чередой уходятъ за темный силуетъ банка и пропадаютъ тамъ, словно въ какомъ-то огромномъ мрачномъ сосудѣ. Юдымъ пріостановился. Эти черныя массы головъ и туловищъ, шевелящіяся, точно муравьи, пробудили въ немъ вдругъ чувство физическаго отвращенія. Ему чудилось, будто передъ нимъ ползутъ какія-то безчисленныя массы гадкихъ насѣкомыхъ. И смѣшаться съ этой толпой, что живетъ тамъ, за площадью?—О, никогда! Никогда!

Онъ повернулъ назадъ, твердо рѣшивъ повидаться съ братомъ когда-нибудь въ другой разъ, и вошелъ въ первоклассный ресторанъ.

На слѣдующій день онъ всталъ въ пять часовъ утра и немедленно отправился къ брату. Когда онъ входилъ въ ворота, солнце освѣщало верхнія части флигеля, сообщая даже этимъ бѣднымъ грязно-розовымъ стѣнамъ свои чары. И чудилось, что эти жалкія окна, за которыми таится грязь и нищета,—это какъ будто усталые глаза больного, подорваннаго нуждою, дома, вѣчно лишенные свѣта, и будто только теперь въ одинъ этотъ мигъ они открываются и, глядя въ небеса, радуются ясному солнцу. На стукъ Юдыма въ дверь ему отворилъ самъ Викторъ, уже одѣтый. Это былъ высокій, рослый мужчина, съ блѣднымъ, не загорѣвшимъ, но какъ будто пропитаннымъ чѣмъ-то чернымъ лицомъ, обрамленнымъ густой и длинной бородой, которую онъ подстригалъ лопатой. Когда онъ увидѣлъ брата, его глаза прояснились и засмѣялись, какъ у ребенка, хотя тонъ его словъ звучалъ почти холодно-оффиціально:

— Какъ поживаешь, Томэкъ...

— Что-жъ у тебя слыхать? — произнесъ докторъ Томашъ, тоже безъ всякихъ нѣжностей здороваясь съ братомъ.

— Да такъ... живемъ помаленьку...

— Я провожу тебя.

— Ладно...—отвѣтилъ Викторъ, беря жестянку.

Очутившись на улицѣ, они шли нѣсколько времени рядомъ совершенно молча, просто не зная, съ чего начать разговоръ.

— Въ Парижѣ былъ?—началъ, наконецъ, Викторъ.

— Былъ.

— А теперь тутъ останешься?

— Кажется, придется тутъ оставаться. Посмотрю, еще самъ ничего не знаю. Хотѣлъ бы я тутъ быть, да только не знаю, устроюсь ли.

— Ну, вотъ еще! Послѣ столькихъ лѣтъ ученія да еще-бъ не устроился!—съ недовѣріемъ и съ оттѣнкомъ иронiи улыбнулся Викторъ.

— Да, тебѣ такъ это кажется!

— Извѣстно, мнѣ кажется. Что-жъ мы-то могимъ знать?

Это «могимъ» покоробило Юдыма. Разговоръ опять прекратился. Улицы были почти совсѣмъ пусты. Иногда проѣзжалъ возъ съ зеленью или съ хлѣбомъ. Съ необыкновеннымъ грохотомъ и трескомъ промчались дрожки, везя какого-то соннаго пассажира съ утренняго поѣзда. Стукъ шаговъ идущихъ на работу людей отдавался о стѣны домовъ. Разъ мимо братьевъ прошелъ старый еврей, таща на спинѣ въ огромной корзинѣ двѣ туши мяса. Дворники сметали на мостовой сухую пыль и грязь.

— Тетка говорила мнѣ, что ты опять перешелъ...—началъ докторъ.

— Ну, да, перешелъ. Съ Рачкомъ, мастеромъ тамъ однимъ, поругался. А, впрочемъ, чортъ съ нимъ!..

— За что это?

— За что? А за то, что терпѣть мы одинъ другого не могли и все тутъ. Не въ работники-бы мнѣ, говоритъ, потому молъ я въ башмакахъ, въ пиджакѣ хожу, при галстукѣ... Это, говоритъ, не того... А ему, чортову сыну, какое дѣло до моихъ башмаковъ! На работу, какъ всякій, иду, въ такой рубахѣ и въ такихъ портахъ...

— Это такъ, но все-таки чего драться изъ-за каждаго пустяка?

— Изъ-за пустяка! Э, да мы то хорошо знали, за что деремся...—сказалъ Викторъ, сплевывая.—Онъ, дрянь, только придирался ко мнѣ, знаю я. Потому, кой ему чортъ до меня! Хоть бы мнѣ вздумалось въ праздникъ колпакъ бумажный на голову надѣть и въ аллеи въ немъ гулять пойти, и тогда никакого ему дѣла нѣтъ, и нечего ему мѣшаться, халую. Взялъ это я, да разругалъ его хорошенько разъ, другой—ну, и пришлось вонъ убираться.

— Ну, а теперь какъ же тебѣ, хорошо?

— Спервоначалу-то оно не совсѣмъ вольготно было, ну да тутъ какъ разъ завели эту «грушу» Бессемера, или тамъ какъ его, такъ сходнѣй какъ-то стало. Работа, правда, тяжелая, глаза выѣдаетъ, да все-таки тутъ лучше.

— Но, видишь ли, я хочу тебѣ сказать, что тебѣ-то оно, пожалуй, можетъ быть, и лучше, да вотъ Теосѣ-то тоже пришлось за работу взяться. Я вѣдь былъ вчера въ этой норѣ, куда она ходитъ.

— Да я ее не неволилъ.

— Хорошо, ты то не неволилъ, да нужда приневолила. Я долженъ тебѣ сказать, что она долго работать тамъ не можетъ. Это для нея слишкомъ тяжелый трудъ.

— Да гдѣ ты теперь на свѣтѣ легкій-то трудъ найдешь?—хладно-

кровно замѣтилъ Викторъ.—Что-жъ мнѣ было дѣлать? Вѣдь я не сижу, сложа руки.

— Да я и не упрекаю тебя, только жаль мнѣ бабу твою.

— И мнѣ ее жаль, да что-жъ тутъ подѣлаешь...—ироническимъ тономъ произнесъ Викторъ, искоса поглядывая на брата.—Ты-то вышелъ въ люди, а мы, какъ были, такъ и остались. Ты... «мою бабу» жалѣешь... И я ее жалѣю... Но хоть ты тутъ жалѣй и пережалѣй, а ничего изъ этого не будетъ. Ужъ, кажись, больше нельзя стараться, какъ я стараюсь, чтобъ въ люди выбиться...

— Неужели ты думаешь, что тебя должно оскорблять, что про тебя скажетъ этакой Рачекъ!

— А что-жъ, не обидно? Вотъ велѣлъ бы я тебѣ одѣть грубые сапожищи, да дерюгу простую, вонъ какъ всякій мужикъ при канализаціи, что изъ деревни притащился... Посмотрѣли бы мы тогда...

— Нельзя судить о человѣкѣ по одеждѣ...—сказалъ докторъ, чувствуя въ то же время, что говоритъ такую фразу, въ которой нѣтъ ничего общаго съ жалобами Виктора.

Послѣдній не отвѣтилъ ни слова, но, пройдя нѣсколько шаговъ, вдругъ повернулся къ Томашу и рѣзко произнесъ:

— Видишь-ли: ты теперь баринъ, а я такой себѣ простой человѣкъ, не лучше, пожалуй, одѣтый, чѣмъ покойный отецъ нашъ. Взяла тебя тетка изъ дому, держала у себя, образовала, въ школу отдала — ну и хорошо, очень хорошо. Это меня, по совѣсти тебѣ говорю, очень радуетъ. Твоя жизнь была, ровно розочка въ саду, а моя, видишь-ли... Какъ ты ни станешь одѣваться, никакого, то есть, ни малѣйшаго мнѣ до этого дѣла нѣтъ, хотя ты такую свою одежду и носишь по той причинѣ, что тебя, видишь ли, тетка взяла. Безъ этого чѣмъ же бы ты былъ? А вотъ коли я себѣ куплю пинжакъ, такъ я до этого пинжака своими собственными пальцами дошелъ, ровно-бы его изъ стѣны когтями выскребъ. Понимаешь-ли?

Эти слова кольнули доктора.

— Тебѣ представляется,—сказалъ онъ,—будто моя жизнь была, какъ розочка въ саду. Если бы ты зналъ...

— Да откуда-жъ я могу что знать!—почти крикнулъ Викторъ.—Нешто ты для меня братомъ былъ! Помню, пріѣхала разъ къ намъ тетка, какъ мы съ тобой босикомъ по канавамъ шлялись. Взяла она тебя, потому мордочка твоя посмазливѣй была—и баста. Забѣгалъ ты, помнится, къ намъ порой на часокъ какой-нибудь, да ужъ такой былъ принаряженный, а потомъ еще и въ мундирѣ, что и смотрѣть на меня, оборванца, не хотѣлъ...

— Что ты...

— Ну, ну, не попусту я говорю! Вотъ только, какъ пошелъ ты въ университетъ, тогда мы сошлись, да это дѣло другое и, впрочемъ...

— Я теткѣ многимъ обязанъ,—говорилъ докторъ, опустивъ глаза.—

Если бы не она, я бы всегда оставался на нашемъ дворѣ. Не спорю. Она меня вывела въ люди, но зато-жъ сколько я и перестрадалъ изъ-за нея!

— Ты страдалъ?

— Вѣдь ты знаешь, кто была наша тетка.

— Извѣстно, знаю.

— Она, вѣроятно, была когда-то чудной красавицей. Потому-то она не удержалась въ нашемъ подвалѣ и рано пошла въ жизнь...

— Да чего тебѣ такъ скромничать? «Въ жизнь пошла»—тере-фере... Она была вѣдь чуть ли не первая грандесса въ Варшавѣ! Баринъ одинъ, которому отецъ—покойникъ сапоги шилъ, такъ такое про нее старику разсказывалъ, что, сказать тебѣ, графы—не графы...

— Ну, ладно, ладно!—съ досадой перебилъ его Томашъ.

— Не любишь?—грубо засмѣялся Викторъ.

— Я хочу тебѣ разсказать, какъ все это было. Ты заговорилъ объ этомъ, а самъ ничего не знаешь. Скопила она себѣ кучу денегъ, наняла квартиру во второмъ этажѣ: четыре комнаты... У нея была чудная мебель. Чего-чего только тамъ не было!

— Первый шикъ, надо полагать!

— Таково было ея положеніе, когда она взяла меня къ себѣ. Она уже была тогда не такъ молода, ужъ не вела прежней жизни, но все-таки у ней всегда собиралась масса знакомыхъ. Въ карты играли, пили... Приходили всевозможные люди, молодыя женщины и старухи. Среди нихъ-то я росъ, какъ розочка въ саду...—онъ горько улыбнулся.—Первые годы я у ней бѣгалъ на посылкахъ, полы натиралъ, мылъ въ кухнѣ горшки, кострюли, самовары ставилъ, а больше всего по цѣлымъ днямъ, безъ передышки, бывало, бѣгалъ то туда, то сюда. Я хорошо еще помню этотъ домъ, эту черную лѣстницу!.. Сколько мученій я... Года черезъ два тетка сдала одну комнату съ отдѣльнымъ входомъ какому-то студенту. Онъ платилъ ей немного, но зато на немъ лежала обязанность учить меня и приготовить въ гимназію. Занимался онъ со мной хорошо и старательно. Радекъ его звали... Сталъ я ходить въ школу. Тетка за меня платила исправно, жаловаться не могу, но зато ужъ и выматывала она изъ меня, сколько могла. Потомъ, когда я постарше сталъ, я узналъ, что она много проиграла въ карты. А тогда я совсѣмъ ничего не понималъ, что тамъ творилось. Я только на своей собственной шкурѣ чувствовалъ съ каждымъ днемъ все больше, что тетка становится все скупѣй и злѣй. Ну, буквально, какъ вѣдьма, злюкой стала. На нее порой нападало такое бѣшенство, что она, какъ сумасшедшая, бѣгала по комнатѣ. Не дай Господи попасть ей тогда въ руки! Спалъ я всегда въ передней, на сѣнникѣ, который мнѣ можно было притащить изъ темнаго прохода за спальней тетки только тогда, когда уже разошлись всѣ гости. Я ложился очень поздно, а вставать долженъ былъ раньше всѣхъ. Съ теченіемъ времени гости стали загля-

дывать все рѣже, но зато она сдала три комнаты жильцамъ. И я не смѣлъ лечь спать прежде, чѣмъ не вернется послѣдній изъ этихъ противныхъ полуночниковъ. Я долженъ былъ вставать, когда всѣ еще спали. Брани и колотушекъ доставалось мнѣ отъ всѣхъ, кому только было угодно: отъ тетки, отъ кухарки, отъ жильцовъ, даже дворникъ и тотъ потчивалъ меня если не тумакомъ, такъ, по крайней мѣрѣ, словцомъ, да такимъ, что подчасъ похуже кулака. Апеллировать было некуда. Уроки мои, когда Радекъ послѣ окончанія уѣхалъ, я приготовлялъ въ кухнѣ, на столѣ, заваленномъ картошками и кастрюлями. А сколько разъ тетка меня выгоняла вонъ за всякую глупость! Сколько разъ я долженъ былъ просить у ней на колѣняхъ, чтобы она приняла меня обратно въ свой «домъ»! Иногда, въ порывѣ хорошаго настроенія, она дарила мнѣ свои старые башмаки, и въ нихъ я долженъ былъ ходить въ гимназію, къ великой радости всѣхъ учениковъ. Случалось, выпадала зима, когда приходилось щеголять въ прюнелевыхъ туфляхъ съ высокими каблуками, а то и такая, когда на снѣгу оставались всегда слѣды моихъ босыхъ ногъ, хотя подъ ними съ виду и было что-то вродѣ подошвъ. Какъ только я дотащился до пятаго класса, я удралъ оттуда прочь. Но все мое дѣтство, всѣ мои первые молодые годы прошли въ вѣчномъ, несказанномъ страхѣ, въ глухой нуждѣ, которую я только теперь понимаю. А впрочемъ, впрочемъ... что говорить...

— Вотъ такъ тетка!—смѣялся Викторъ.—Покойникъ-отецъ о ней, о теткѣ-то, говорить не любилъ, но зато, бывало, какъ нахлещется, такъ ее такъ ругалъ, такъ отдѣлывалъ, сколько влѣзетъ.

Томашъ махнулъ рукою и молчалъ.

Улицы были уже залиты солнечнымъ свѣтомъ. Возлѣ нѣкоторыхъ домовъ, обсаженныхъ деревьями, стлались фіолетовыя, пахучія тѣни.

Томашъ и Викторъ уже приближались къ фабричной части; они пріостановились на возвышеніи, откуда она вся была видна, какъ на ладони. Изъ глубины отдаленныхъ стѣнъ выплывала Висла и широкой, серебристой полосой, пылая яснымъ блескомъ утренняго солнца, изгибаясь, тянулась въ даль. Взоры жадно ловили картину этой свободной рѣки, зеленыхъ луговъ, синихъ лѣсовъ, туманными очертаніями исчезавшихъ въ пространствѣ. Нѣсколько ближе надъ Вислой чернѣлись группы развѣсистыхъ деревьевъ.

Братья присѣли на травѣ подъ заборомъ и молча глядѣли на открывавшійся передъ ними видъ. Снизу отъ массы глухихъ стѣнъ безъ оконъ, отъ узкихъ, продолговатыхъ зданій доносился неумолчный стукъ желѣза. Черезъ тонкія трубы выходили клубы пара, сверкая, какъ серебро, въ лучахъ солнца, и—странно!—доктору чудилось, что эти звонкіе удары молотовъ, звучащіе, словно стопы разбиваемыхъ цѣпей, издаетъ именно этотъ паръ, клубящійся надъ деревянными закопченными крышами. Ему чудилось, что этотъ дикій, сдавленный, какъ будто задыхающійся отъ быстроты, грохотъ машинъ принимаетъ рельефныя

очертанія, что вотъ онъ виденъ въ этихъ огромныхъ клубахъ бураго дыма, непрерывными полукругами носящихся надъ трубами. Чистый воздухъ былъ уже весь пропитанъ и зараженъ этимъ дымомъ, и клубы его шли внизъ, бродили надъ домами и наполняли улицы, словно сѣрымъ туманомъ, въ которомъ совершенно терялись очертанія домовъ, фонарей, телѣгъ и людей. Отъ времени до времени раздавались два, одинъ вслѣдъ за другимъ, громовые удары парового молота, заставлявшіе дрожать землю на нѣсколько шаговъ кругомъ. По разбитой мостовой тащились телѣги, запряженныя огромными лошадьми; телѣги состояли изъ двухъ соединенныхъ бревенъ, лежащихъ на толстыхъ осяхъ, и служили для перевозки чугунныхъ плитъ, похожихъ на застывшія глыбы земли, желѣзныхъ полосъ, прямыхъ или свернутыхъ въ трубку, какъ ленты, рельсъ, шестовъ, громадныхъ частей мостовъ, рѣшетокъ, машинъ. Грохотъ ихъ часто разносился даже на сосѣдней улицѣ. На одной телѣгѣ двѣ длинныя, кованныя желѣзныя полосы, выдвинувшись краями далеко за заднія колеса, при малѣйшемъ сотрясеніи ударялись одна о другую, издавая при этомъ ужаснѣйшій лязгъ. Казалось, это какое-то обезумѣвшее адское чудовище, скованное цѣпями, въ дикомъ бѣшенствѣ мечется изъ стороны въ сторону, испуская въ мучительной агоніи свои послѣдніе вздохи.

Докторъ и Викторъ еще сидѣли на своемъ мѣстѣ, съ напряженными нервами выжидая, пока проѣдетъ одинъ изъ самыхъ шумныхъ транспортовъ, какъ вдругъ съ противоположной стороны улицы кто-то закричалъ:

— Юдымъ!.. Чего ты тамъ сидишь... Юдымъ?

Братья не сейчасъ услышали этотъ крикъ. Но вотъ Викторъ повернулся и тотчасъ поднялся съ мѣста. Съ другой стороны къ нимъ подходилъ молодой человѣкъ высокаго роста, блондинъ, съ свѣтлой, небольшой бородкой и голубыми глазами. На лицо его фабрика уже успѣла наложить печать блѣдности, но еще не согнала съ красивыхъ губъ улыбки и здоровой краски. На немъ были изношенные брюки и ситцевая рубаха, на головѣ—большая широкополая шляпа.

— Это нашъ новый помощникъ того инженера, что первый у насъ «грушу» ставилъ,—сказалъ Викторъ.

Молодой человѣкъ подошелъ къ нимъ и заговорилъ съ Викторомъ, ежеминутно бросая быстрые, пытливые взгляды на Томаша.

— Это мой братъ,—произнесъ Викторъ,—докторъ. На дняхъ вернулся изъ Парижа.

Техникъ протянулъ доктору руку и неясно, какъ обыкновенно бываетъ при представленіяхъ, назвалъ какую-то фамилію.

Всѣ трое, разговаривая, медленно сходили внизъ по улицѣ. Викторъ, довольный, что можетъ похвастаться такимъ братомъ, хоть онъ и старался не обнаруживать этого, былъ особенно оживленъ, много говорилъ и, наконецъ, не спросившись Томаша, обратился къ молодому

инженеру съ вопросомъ, нельзя ли было бы брату осмотрѣть заводъ, особенно же сталелитейню. Тотъ сперва было заколебался, но потомъ обѣщалъ оказать свою протекцію. Они прошли въ узкую уличку, образовавшуюся между высокими голыми стѣнами фабрикъ, и очутились у маленькой калитки. Былъ ужъ, вѣрно, седьмой часъ. На дворѣ Томашъ былъ почти оглушенъ безпрерывнымъ грохотомъ молотовъ и глухимъ ворчаніемъ динамо-электрическихъ машинъ силою въ тысячу лошадей. Викторъ куда-то исчезъ, и докторъ остался одинъ съ молодымъ техникомъ, который повелъ его по огромнымъ помѣщеніямъ завода; въ одномъ мѣстѣ выглаживались желѣзныя полосы, длиною въ нѣсколько десятковъ аршинъ, въ другомъ просверливали въ нихъ буравами дыры, въ третьемъ—простыя съ виду машинки въ мгновеніе ока пробивали въ плитахъ, толщиною въ два пальца, большія отверстія, производя это съ удивительной легкостью, точно когда пальцемъ продѣлываешь дыру въ пластинкѣ меду. Тутъ спаивали рѣшетки посредствомъ винтовъ, раскаленныхъ до бѣла, тамъ ножницами рѣзали желѣзныя полосы, какъ полотно. Изъ этихъ помѣщеній, наполненныхъ всякаго рода машинами, Юдымъ прошелъ въ пустой залъ, гдѣ работало всего нѣсколько человѣкъ. Тутъ спаивали рельсы.

Докторъ съ интересомъ сталъ наблюдать за этой работой. Машины тутъ почти бездѣйствовали, но зато почти исключительно работали человѣческіе мускулы, да еще молоты съ длинными рукоятками. Въ углу надъ чѣмъ-то возился работникъ; его исполинскій ростъ, его могучіе мускулы поразили Юдыма: ему казалось, что передъ нимъ какое-то еще невиданное человѣческое существо. Подобное сложеніе ему приходилось иногда встрѣчать, но только на картинахъ или въ мраморѣ. Казалось, стоитъ только этой рукѣ подняться и треснуть кулакомъ объ стѣну и отъ стѣны останутся одни обломки. И когда силачъ поднялъ свой молотъ и вмѣстѣ съ товарищемъ сталъ ударами спаивать два раскаленные края рельсъ — зрѣлище было такъ грандіозно, что докторъ не могъ оторвать глазъ. Ему не хотѣлось уходить: онъ съ живымъ интересомъ смотрѣлъ на силача, оглядывая его съ ногъ до головы и обрисовывая себѣ его мускулы. Видъ этого кузнеца-великана доставлялъ ему невыразимое наслажденіе.

— Вотъ тоже сильный парень!—произнесъ его спутникъ.

— Кто?

— А вотъ этотъ...

Подлѣ силача-кузнеца стоялъ, повернувшись бокомъ, молодой парень, лѣтъ двадцати восьми, такой красавецъ, что Юдымъ, взглянувъ на него, остановился, какъ вкопанный. Худое, съ острыми, правильными чертами, лицо было словно выточено изъ кости, маленькіе, черные усики оттѣняли верхнюю губу. Онъ былъ тонокъ и почти худъ, но какъ-то удивительно красиво сложенъ; всѣ его движенія были не быстрыя, но увѣренныя, твердыя и гармоничныя.

— Неужели это тоже кузнецъ?—тихо спросилъ Юдымъ.—Въ сравненіи съ тѣмъ геркулесомъ онъ выглядитъ какъ жукъ.

— Ну, положимъ, и онъ не такъ плохъ,—улыбнулся техникъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, когда пришла его очередь, худой работникъ взялъ свой молотъ и сталъ ударять по желѣзу. Тутъ только Юдымъ увидѣлъ нѣчто поразительное. Молотомъ кузнецъ дѣлалъ огромный кругъ и ударялъ по желѣзу съ оглушительной силой. Голыя руки отбрасывали молотъ вправо и назадъ и наносили по рельсу ударъ сбоку, но съ наростающимъ отъ самой земли напряженіемъ. Весь корпусъ работника держался твердо и прямо, точно не принималъ въ этой работѣ никакого участія, только бедра подымались равномѣрнымъ, минимальнымъ движеніемъ, служившимъ какъ бы указателемъ степени самой силы, и только мускулы на лопаткахъ надували рубаху. Снопы искръ, какъ голубыя и золотыя звѣздочки, летѣли изъ-подъ молота и окружали величественную фигуру героя словно яркимъ ореоломъ, какого достойны были его могучая сила и дивная красота. Сдѣлавъ послѣдній ударъ, молодой кузнецъ мелодическимъ движеніемъ отошелъ въ уголъ и, опершись на рукоятку молота, посвистывалъ себѣ сквозь зубы. Капли пота выступили на его лбу и катились по почернѣлому лицу.

Изъ кузницы Юдымъ съ своимъ проводникомъ прошелъ въ литейную желѣза и стали. Это были какъ будто какія-то мрачныя, могильныя подземелья. Душный, неестественный воздухъ былъ весь пропитанъ дымомъ и запахомъ всевозможныхъ кислотъ. Изрытая, неровная земля дымилась и жгла ноги; черныя, облупленныя, какъ бы покрытыя ранами, стѣны тряслись, точно отъ боли. Въ одномъ концѣ огромнаго помѣщенія стоялъ какой-то приборъ, имѣвшій форму груши, основаніе его было широкое, кверху онъ все суживался и заканчивался небольшимъ отверстіемъ. Эта огромная реторта вращалась на горизонтальной, полой внутри, оси, посредствомъ которой внутрь прибора входилъ нагрѣтый воздухъ изъ вѣтряной машины. Весь этотъ приборъ можно было нагибать и такимъ образомъ въ извѣстное время выливать черезъ верхнее отверстіе его содержимое. Когда Юдымъ вошелъ, «грушка» стояла вертикально, наполненная слоями чугуна и кокса. Въ нее пустили воздухъ температурой въ восемьсотъ градусовъ; врываясь снизу и раздуваясь съ невѣроятной силой, онъ нагрѣваетъ чугунъ; изъ верхняго отверстія начинаетъ подыматься черная копоть, въ которой отъ времени до времени сверкаютъ огненныя искры. Темные клубы дыма наполнили все строеніе, выходя черезъ огромныя ворота. Дымъ все быстрѣй и быстрѣй подымался вверхъ, становился все бѣлѣе и тоньше. Отъ времени до времени милліарды искръ вылетали изъ его глубины. Когда коксъ весь выгорѣлъ, изнутри прибора стало подыматься, треща и ярко вспыхивая, длинное красное пламя; оно все блѣднѣло, блѣднѣло, стало голубымъ и, наконецъ, приняло какой-то ослѣпительный цвѣтъ. Почти у самаго огня, подлѣ груши, стояло нѣ-

сколько человѣкъ, и во главѣ ихъ молодой техникъ. Искры прожгли поля его шляпы и попортили его одежду. Лицо его было обращено прямо къ огню, налившіеся кровью глаза напряженно слѣдили за пламенемъ, чтобы по цвѣту его узнать, готовится ли уже сталь.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ отдалъ приказаніе вбросить въ отверстіе прибора кремнезему (silicium), который при температурѣ 1.400 градусовъ механически ассимилируется съ желѣзомъ.

Пламя бушевало. Съ глухимъ шипѣніемъ вырываясь изнутри, оно узкимъ, какъ обоюдоострый мечъ, столбомъ взвивалось вверхъ. Казалось, вотъ-вотъ оно сорвется съ мѣста и, вздымаясь, метнется кверху. Яркій блескъ, освѣтившій мрачное зданіе, слѣпилъ глаза.

Въ это время, съ другой стороны, на галереѣ съ желѣзной балюстрадой, на половинѣ высоты огня, но, какъ казалось, въ самомъ огнѣ, какъ саламандра, показалась чья-то черная фигура.

Докторъ жадно впился въ нее глазами и слѣдилъ за ея движеніями.

Работникъ, держа въ рукѣ какой-то длинный инструментъ, похожій на метлу трубочистовъ, погрузилъ его въ брызгающую во всѣ стороны искрами жидкость расплавленнаго чугуна.

Докторъ узналъ въ этой черной фигурѣ своего брата—и что-то вспыхнуло въ его сердцѣ, какъ будто его зажгла одна изъ этихъ искръ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

АЛЬПІЙСКІЕ ЛЕДНИКИ.

Если бы мы могли заставить капли воды, содержащейся, положимъ, въ стаканѣ, разсказать свои исторіи, все то, что испытали онѣ со времени своего рожденія, то-есть съ тѣхъ поръ, какъ на землѣ возникли условія, благопріятныя для существованія воды въ жидкомъ видѣ, послѣ того, какъ раскаленная поверхность нашей планеты охладилась въ достаточной мѣрѣ,—мы получили бы безконечный рядъ самыхъ разнообразныхъ повѣствованій. Если бы даже одна капля написала свои воспоминанія, то, конечно, всѣ библіотеки міра не вмѣстили бы ея безконечныхъ разсказовъ о странствіяхъ изъ моря въ воздухъ, далѣе вмѣстѣ съ вѣтромъ на вершины горъ въ видѣ облака, какъ она упала потомъ дождемъ и скатилась водопадомъ, какъ текла въ волнѣ многоводной рѣки, какъ снова поднялась туманомъ, пала росой на землю и напоила растеніе, вмѣстѣ съ растеніемъ попала въ животное и далѣе въ человѣка, и снова въ растеніе, и снова въ море, и снова въ воздухъ и такъ далѣе въ безконечномъ странствіи въ теченіе сотенъ тысячъ вѣковъ.

Но какъ ни разнообразны были бы эти повѣствованія, въ нихъ былъ бы одинъ общій смыслъ, такъ что всѣ они являлись бы варіаціями на одну общую тему. Чтобы выразить этотъ общій смыслъ, мы могли бы поставить эпиграфомъ ко всему этому безконечному разнообразію повѣствованій слова являющагося Фаусту духа земли:

Въ бурѣ дѣяній, въ волнахъ бытія
Я поднимаюсь,
Я опускаюсь.

Исторія всякой капли воды есть длинный рядъ послѣдовательныхъ поднятій и опусканій. Въ видѣ облака поднимается она изъ моря вверхъ, затѣмъ сгущается и снова падаетъ внизъ и течетъ къ морю, чтобы затѣмъ снова подняться, и снова пасть и такъ до безконечности. Это есть то же волненіе, въ которомъ облачные гребни волнъ вздымаются выше Эвереста. Разница только въ путяхъ, проходимыхъ той или другой каплей воды при своихъ поднятіяхъ и особенно опусканіяхъ. Этотъ путь можетъ быть совсѣмъ короткимъ и можетъ быть

чрезвычайно длиннымъ. Капля воды, поднявшись изъ моря въ видѣ облака, можетъ снова спуститься дождемъ или туманомъ въ тоже море, и, быть можетъ, много есть капель, которыя никогда не покидали моря. Или же облако можетъ быть далеко унесено вѣтромъ, и капля воды будетъ долго скитаться, прежде чѣмъ снова вернется въ свою родную стихію. Быть можетъ, есть капли, которыя, въ незапамятныя времена поднявшись изъ волнъ океана, еще до сихъ поръ странствуютъ по бѣлому свѣту; быть можетъ, есть и такія капли, которыя, впервые упавши дождемъ на земную поверхность, еще не качались въ волнахъ океана. Что такое все разнообразіе человѣческихъ жизней въ сравненіи съ разнообразіемъ жизней капель воды?

Эти капли нѣмы для обыкновеннаго смертнаго. Только наука можетъ до нѣкоторой степени заставить ихъ разсказать свои исторіи; только ученый умѣетъ доводить природу до признанія въ ея тайнахъ, прибѣгая для этого къ тѣмъ же средствамъ, что и средневѣковые инквизиторы—подслушиванію, пыткамъ, доносамъ. Ибо что такое наши научные инструменты, какъ не орудія пытки, которыми мы исторгаемъ признаніе у природы, а наши лабораторіи, какъ не застѣнки, гдѣ мы ее пытаемъ? «При обыкновенныхъ сношеніяхъ людей между собою,—говоритъ Франциск Бэконъ,—лучшій способъ узнать характеръ и внутреннія чувства каждаго человѣка—это наблюдать его въ минуту смущенія и душевнаго безпокойства. То же самое должно сказать и о природѣ; она легче обнаруживаетъ свои тайны, когда ее мучитъ и, такъ сказать, пытаетъ наука, нежели въ томъ случаѣ, когда она предоставлена своему естественному теченію и полнѣйшей свободѣ».

Мало того, что вся жизнь каждой капли воды представляетъ собою длинный рядъ послѣдовательныхъ поднятій и опусканій,—эти поднятія и опусканія подчинены одному общему закону, которому подчинены вообще всякія поднятія и опусканія.

Чтобы поднять какую-либо тяжесть на извѣстную высоту, я долженъ затратить извѣстное количество силы, которое можно измѣрить весьма точно, и которое является строго опредѣленнымъ. Это количество силы выражается произведеніемъ вѣса тѣла на высоту поднятія. По какому бы пути я тѣло ни поднималъ, будетъ ли этотъ путь длиннымъ или короткимъ, прямымъ или обходнымъ, количество силы, затрачиваемой собственно на поднятіе, одно и то же. Чтобы бросить кирпичъ на четвертый этажъ строящагося дома, нужно затратить ровно такое же количество силы, сколько нужно, чтобы внести его туда по лѣсамъ. На первый взглядъ это можетъ показаться страннымъ. Никто, строя домъ, кирпичей не бросаетъ, а встаскиваетъ ихъ съ трудомъ и медленно, да и не найдется человѣка, который могъ бы бросить кирпичъ до четвертаго этажа. Но въ томъ и дѣло, что силы человѣка, которыми онъ можетъ располагать въ каждый данный моментъ, весьма

ограничены, и онъ, не будучи въ состояніи сразу развить силу, необходимую для быстраго поднятія тяжести, прикладываетъ къ ней въ каждый моментъ сравнительно небольшую силу, но зато втеченіи долгаго времени. Онъ дѣлаетъ съ своей силой то же самое, что дѣлаетъ съ своими деньгами, подписываясь на дорогое изданіе въ разсрочку.

Если теперь, поднявъ какой-либо предметъ на извѣстную высоту, мы его отпустимъ—онъ упадетъ внизъ. Падая, тяжесть развиваетъ извѣстную силу, которую также не трудно измѣрить, и она оказывается равной какъ разъ той силѣ, какую необходимо было затратить для поднятія тяжести на ту высоту, съ которой она упала. Она также равна произведенію вѣса тѣла на высоту паденія и также не зависитъ отъ пути, по которому тѣло падаетъ, отъ того, падаетъ ли оно отвѣсно, или скатывается по наклону, падаетъ ли безостановочно, или съ задержками. Камень, брошенный на гору, можетъ скатываться съ нея втеченіи десятковъ лѣтъ, но та сила, которую онъ разовьетъ за все это время въ ряду своихъ короткихъ паденій, та сумма силъ, съ которыми онъ ударяетъ при своихъ безконечныхъ толчкахъ, будетъ равна какъ разъ той силѣ, какую необходимо затратить, чтобы поднять камень на вершину горы и съ какою онъ ударился бы о землю, упавши сразу.

Это есть одно изъ частныхъ проявленій общаго закона сохраненія силы, согласно которому сила, однажды затраченная, не исчезаетъ безслѣдно, какъ намъ это иногда кажется, но только переходитъ въ иное, незамѣтное для насъ состояніе, чтобы при благопріятныхъ условіяхъ обнаружиться вновь какъ разъ въ томъ же самомъ количествѣ.

Этому общему закону сохраненія силы или энергіи подчинены въ своихъ безконечныхъ поднятіяхъ и опусканіяхъ и капли воды. Для того, чтобы поднять воду въ видѣ облака и перенести ее далеко къ сѣверу, требуется затратить извѣстное количество силы, и на своемъ возвратномъ пути къ морю вода вновь отдастъ тоже самое количество силы.

По второй мы можемъ судить о первой.

Эту вторую силу, силу паденія, мы знаемъ: мы знаемъ ее въ силѣ текущихъ рѣкъ, приводящихъ въ движеніе наши мельницы и фабричныя машины, въ силѣ, гонящей весною огромные плоты вдоль по рѣкамъ и размывающей ихъ берега, срывающей плотины во время разлива, ворочающей огромные камни въ горныхъ потокахъ и такъ далѣе. Значительная часть воды, упавшей въ видѣ дождя, течетъ, кромѣ того, не по поверхности земли, но далеко въ глубинѣ ея, въ видѣ подземныхъ рѣкъ, еще болѣе могущественныхъ, чѣмъ надземныя, которыя также совершаютъ по пути свою работу, тратя на нее свои силы. Наконецъ, мы знаемъ, что всякое треніе, а слѣдовательно и треніе падающаго дождя о воздухъ, треніе рѣки о берега и волны о волну, развиваетъ теплоту, и на это тратится громадная часть силы.

Во всѣхъ этихъ явленіяхъ происходитъ расходованіе той силы, которая была затрачена, чтобы поднять воду въ видѣ облака, и которая такимъ образомъ должна быть неизмѣримо громадна.

Но что же это за сила?

Вода поднимается изъ моря вслѣдствіе испаренія, а для того, чтобы вода испарялась, она должна нагрѣваться. Чѣмъ сильнѣе вода нагрѣвается, тѣмъ быстрѣе она испаряется. Слѣдовательно, вода поднимается вверхъ дѣйствіемъ тепла. Теплота обращаетъ воду въ паръ, который легче воздуха и потому поднимается въ его верхніе слои, чтобы унестись затѣмъ далеко вѣтромъ, который и самъ есть дитя того же тепла,—слѣдствіе неравномѣрнаго нагрѣванія воздуха на различныхъ мѣстахъ земной поверхности. Чтобы опредѣленное количество воды нагрѣть и обратить въ паръ, необходима затрата строго опредѣлен-

Рис. 1. Гранъ-Мюле. Облака при закатѣ солнца.

наго количества тепла, которое физики измѣряютъ весьма точно. На нагрѣваніе всей массы воды, обращающейся въ паръ и уносимой изъ океана вѣтромъ, затрачивается ровно столько тепла, сколько силы развовьетъ далѣе падающая вода на своемъ пути обратно къ морю. Носясь въ видѣ облака высоко надъ вершинами горъ, вода обладаетъ опредѣленнымъ запасомъ силы, сообщенной ей нагрѣваніемъ, и всю послѣдующую работу она производитъ на счетъ этого запаса.

Мы знаемъ ту силу, которая нагрѣваетъ воду и превращаетъ ее въ облако. Это есть сила солнца, источника всякой силы и движенія на землѣ. Такимъ образомъ, и та сила, которую далѣе развиваетъ вода при своемъ разнообразномъ паденіи, есть по своему началу сила солнца. Это солнце сбрасываетъ лавины со склоновъ горъ, движетъ ледники, катитъ волны въ рѣкахъ и вертитъ жернова нашихъ мельницъ, превращая въ муку тотъ хлѣбъ, который оно же произростило.

Мы прослѣдимъ здѣсь самые первые шаги поднявшейся изъ моря въ видѣ облаковъ воды въ ея обратномъ паденіи къ морю, шаги менѣе извѣстные для большинства публики, но едва ли не самые величественные.

Поднятая солнцемъ въ видѣ облаковъ, вода несется вѣтромъ въ страны болѣе холодныя и здѣсь падаетъ дождемъ или снѣгомъ. Нерѣдко одна и та же туча, разражаясь ливнемъ въ долинахъ, падаетъ снѣгомъ на высокіе склоны горъ. Вода, выпавшая дождемъ, стекаетъ далѣе внизъ потоками, ручьями и рѣками. Исторія воды, выпавшей на склоны горъ снѣгомъ, представляется болѣе сложной.

На извѣстной высотѣ, различной для различныхъ горъ, снѣгъ никогда не стаиваетъ вполнѣ. Хотя мы и не знаемъ такой высоты, равно какъ и такой широты, гдѣ бы снѣгъ не таялъ совершенно, хотя бы въ короткіе лѣтніе дни, но на извѣстной высотѣ снѣга въ теченіе года выпадаетъ такъ много, что онъ никогда не успѣваетъ стаять совершенно. На извѣстной высотѣ горъ существуетъ такъ называемая снѣжная линія, выше которой ихъ склоны покрыты снѣгомъ весь годъ.

Высота этой линіи стоитъ въ зависимости отъ различныхъ условій. Прежде всего, она, понятно, въ нашемъ полушаріи тѣмъ ниже, чѣмъ данная мѣстность сѣвернѣе, то-есть холоднѣе. Въ полярныхъ странахъ она весьма близка къ уровню моря, между тѣмъ какъ въ тропическихъ поднимается очень высоко. Далѣе для мѣстностей одной и той же широты, или лучше сказать одинаковой годичной температуры (такъ какъ годичная температура мѣстностей той же широты бываетъ не всегда одинакова, находясь въ зависимости отъ направленія вѣтровъ, теплыхъ теченій и другихъ метеорологическихъ условій), она тѣмъ ниже, чѣмъ болѣе снѣга выпадаетъ втеченіи года. Въ малоснѣжныхъ, хотя бы и очень высокихъ, областяхъ немногихъ теплыхъ лѣтнихъ дней достаточно, чтобы растопить весь выпавшій въ теченіе зимы снѣгъ, между тѣмъ какъ въ горахъ, гдѣ снѣгъ идетъ часто, даже и болѣе жаркаго и продолжительнаго лѣта для этого бываетъ недостаточно. Далѣе на высоту снѣговой линіи оказываетъ весьма важное вліяніе направленіе и сила вѣтровъ. Среди горцевъ Швейцаріи сложилась пословица, что «ни всемогущій Богъ, ни золотое солнце не одолѣютъ снѣга, если нѣтъ фёна», какъ они называютъ теплый южный вѣтеръ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ фёнъ дуетъ чаще, и снѣговая линія, понятно, поднимается. Вообще, высота снѣговой линіи стоитъ въ зависимости отъ весьма различныхъ условій. Такъ какъ эти условія не остаются постоянными, но измѣняются изъ года въ годъ, то и высота снѣговой линіи также измѣняется — въ одни годы она поднимается выше, въ другіе спускается ниже. Въ центральныхъ Альпахъ высота снѣжной линіи лежитъ между 2.730 и 2.800 метровъ, а въ группѣ Монблана между 2.860 и 3.100 метровъ. Этна въ Сициліи, имѣющая 3.313 метровъ, къ концу лѣта уже совершенно освобождается отъ снѣга.

Если бы наши горы были достаточно высоки, этой нижней снѣговой линіи соотвѣтствовала бы еще вторая, верхняя снѣговая линія. Въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ поднятія въ верхніе слои атмосферы воздухъ становится все рѣже и рѣже. Уже на высотѣ Монблана онъ имѣетъ всего половину своей обыкновенной плотности. Облака, какъ бы они ни были нагрѣты, могутъ подниматься только до опредѣленной высоты, тѣмъ болѣе, что по мѣрѣ своего поднятія они охлаждаются и становятся тяжелѣе. На Альпахъ выше 3.300 метровъ выпадаетъ уже сравнительно очень небольшое количество снѣга. Съ высокихъ горъ вы видите обыкновенно облака далеко подъ собою, словно волнующееся море подъ вашими ногами, и издали слышите шумъ дождевого ливня, между тѣмъ какъ надъ вами разстилается чистое небо. Большая часть снѣжныхъ облаковъ складываетъ свою ношу по склонамъ горъ на вы-

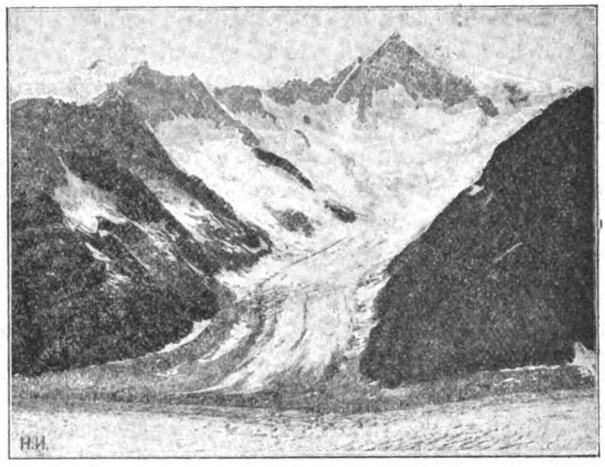


Рис. 2. Средній Алечъ. Фирновыя поля. Слiянiе боковыхъ моренъ въ серединную.

сотѣ около 2.500 метровъ. На высотѣ 15.000 или 20.000 метровъ снѣга должно выпадать уже такъ мало, что незначительной теплоты нагрѣваемыхъ въ лѣтніе дни скалъ должно было бы быть совершенно достаточно, чтобы растопить его тонкій покровъ. Приблизительно на этой высотѣ должна лежать верхняя снѣговая линія, за которой должны были бы уходить въ заоблачную высь голыя, лишенныя всякой растительности, холодныя скалы. Изъ нашихъ горъ, однако, ни одна не достигаетъ такой высоты.

На гребень Альпъ выпадаетъ ежегодно, по крайней мѣрѣ, 10 метровъ снѣгу. Если бы этотъ снѣгъ скоплялся, то онъ, даже слеживаясь, долженъ былъ бы увеличивать высоту алпійскихъ вершинъ, по крайней мѣрѣ, метровъ на 1.000 въ тысячелѣтіе. За все время ихъ существованія наши горы уже давно успѣли бы достигнуть верхней снѣговой линіи и представляли бы огромное снѣжное плато съ ровной поверх-

ностью. Этого, однако, нѣтъ, такъ какъ снѣгъ не остается на вершинахъ горъ навсегда.

Если мы съ вершины какой-либо высокой горы взглянемъ на разстилающееся подъ нашими ногами море горъ, то увидимъ, что большинство горныхъ вершинъ и кряжей остается голыми. Они по большей части такъ круты, что снѣгъ на нихъ не можетъ держаться и сказывается внизъ уже въ силу естественной тяжести. Только сравнительно очень немногія изъ нихъ вѣнчаются снѣговымъ куполомъ, какъ куполъ Монблана.

Вѣтеръ, солнце и дождь помогаютъ скатыванію и сползанію снѣга съ горныхъ склоновъ въ мѣста болѣе пологія. Каждый порывъ сильнаго зимняго вѣтра сноситъ съ вершинъ высокихъ горъ цѣлые милліоны кубическихъ метровъ снѣга; подъ его ударами горы словно дымятся

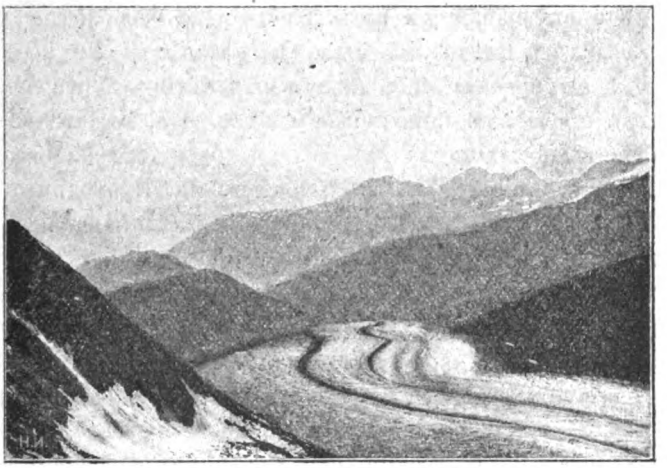


Рис. 3. Большой Алечъ. Срединныя морены. Краевыя трещины.

бѣлымъ дымомъ. «Монбланъ закурилъ свою трубку», говорятъ въ такихъ случаяхъ про него мѣстные жители. Но что происходитъ въ это время тамъ наверху, нѣкоторое слабое понятіе о томъ могутъ дать намъ развѣ только наши зимнія мятели.

Мнѣ пришлось однажды на себѣ испытать такую мятель, и я прошу позволенія у читателей нѣсколько отвлечься въ сторону по этому поводу.

Въ іюлѣ 1897 года я дѣлалъ переходъ съ однимъ проводникомъ черезъ Альпхубельёхъ, снѣжный перевалъ изъ Зермата въ долину Зассъ на высотѣ 3.802 метровъ. Все предвѣщало хорошую погоду. Мы переночевали въ небольшой гостиницѣ недалеко отъ Зермата, гдѣ мое вниманіе, помню, привлекла книга, заведенная для записи туристовъ. Года за два передъ этимъ въ этой хижинѣ застала непогода партію путешественниковъ различныхъ національностей и продержала ихъ нѣсколько

сутокъ. Не разсчитывая на столь долгое пребываніе, они украсили книгу обычными записями. Затѣмъ слѣдовалъ подробный протоколъ ихъ невольнаго заключенія. Сначала они весело пили и пѣли французскія пѣсни, чередовавшіяся съ «Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt». Бывшій среди нихъ аббатъ украсилъ книгу латинскими виршами. Затѣмъ настроеніе становилось все болѣе и болѣе мрачнымъ. За латинскими виршами и французскими шансонетками слѣдуетъ глубокомысленное замѣчаніе, что спускъ къ кухнѣ представляетъ такія опасности, что не долженъ быть предпринимаемъ безъ горнаго топора и веревки. Далѣе слѣдуютъ выраженія чуть не полнаго отчаянія, тѣмъ болѣе, что вино было все выпито и провизія съѣдена, завершающіяся выраженіями радости по случаю освобожденія. Я со смѣхомъ читалъ тогда эту юмористическую запись, нисколько не подозрѣвая, что черезъ нѣсколько часовъ насъ ждало нѣчто гораздо болѣе худшее. Въ часъ ночи мы вышли въ путь. Небо было безоблачно, но вѣтеръ замѣтно усилился. Когда мы были на разсвѣтѣ уже не далеко отъ высшаго пункта перевала, небо заволокло, и вѣтеръ перешелъ въ вьюгу. Онъ жестоко продувалъ наше легкое платье, и я, кажется, никогда не испытывалъ такого холода. Мы сплошь были облѣплены снѣгомъ и обмерзли, превратившись въ какія-то сосульки. Проводникъ предостерегалъ, чтобы не останавливаться, такъ какъ, оставаясь безъ движенія на мѣстѣ, легко въ такихъ случаяхъ отморозить ноги и тогда гибель неминуема. Такъ какъ съ этимъ проводникомъ я нѣсколько дней тому назадъ дѣлалъ восхожденіе на Монъ-Розу, и онъ былъ увѣренъ въ моихъ силахъ, то мы не вернулись, а продолжали идти далѣе, тѣмъ болѣе, что все-таки надѣялись на измѣненіе погоды къ лучшему; къ тому же мы были уже недалеко отъ вершины перевала. Но вѣтеръ все крѣпчалъ. Онъ взметалъ цѣлыя кучи снѣга, который шелъ какъ-будто изъ бездны снизу. Кругомъ въ нѣсколькихъ шагахъ не было ровно ничего видно, такъ что я едва различалъ своего проводника. Все вокругъ представлялось однообразно бѣлымъ, и вверху, и внизу, и крутилось въ одномъ снѣжномъ вихрѣ, который рѣзалъ лицо и залѣплялъ глаза. Мы нѣсколько разъ теряли настоящій путь, и проводникъ находилъ нужное направленіе только по тому, какъ скоро отдавали далекія скалы эхо его крика. Переваливъ черезъ сѣдло между вершинами Альпхубель и Меллихенгорнъ, мы должны были спускаться по леднику, изрѣзанному трещинами. Но трещины были занесены снѣгомъ и только самыя большія изъ нихъ зіяли ужасными жерлами. Переходъ черезъ это мѣсто, особенно только для двоихъ, представлялся весьма опаснымъ. Во многихъ мѣстахъ намъ приходилось переползать черезъ занесенныя сверху снѣгомъ трещины на животѣ поочереди, между тѣмъ какъ другой стоялъ на краю и поддерживалъ ползущаго на веревкѣ на случай провала. Однако, все обошлось благополучно. Миновавъ изрытый трещинами ледникъ, намъ пришлось спускаться по крутому снѣжному спуску,

который не представлялъ уже особенныхъ опасностей, такъ какъ здѣсь трещинъ болѣе не было. Непогода, однако, продолжала неистовствовать. Мой проводникъ спускался почти бѣгомъ, такъ что мнѣ, менѣе привычному къ горнымъ экскурсіямъ, было трудно за нимъ слѣдовать. Я просилъ его идти нѣсколько медленнѣе. «Идите, идите, услышалъ я, или мы тутъ останемся», и въ голосѣ его былъ такой ужасъ, что только тогда я понялъ, какой мы опасности подвергались. Лишь около девяти часовъ утра мы вышли изъ міра снѣговъ и спустились въ прелестную долину Зассъ, зеленѣвшую свѣжею зеленью подъ тающимъ снѣгомъ и озаренную привѣтливыми лучами солнца, между тѣмъ какъ предательская туча, которая поступила съ нами такъ жестоко, уже разорванными клочьями уносилась вдаль *).

Рис. 4. Ледники де Боссонъ. Сераки.

Вѣтеръ сметаетъ снѣгъ съ горныхъ кряжей и нагромождаетъ его въ мѣстахъ болѣе пологихъ. На склонахъ одинаковой крутизны снѣгъ сдувается съ подвѣтренной стороны, скопляясь на сторонѣ, защищенной отъ вѣтра, слеживаясь и смерзаясь здѣсь настолько, что хорошо выдерживаетъ ногу. Эти склоны бываютъ часто настолько круты, что трудно понять даже, какъ снѣгъ можетъ на нихъ держаться.

Но даже на болѣе пологихъ скатахъ снѣгъ долго не залеживается. Накопляясь, онъ скатывается въ видѣ лавинъ, оставляя слѣды въ формѣ продольныхъ дорожекъ по склонамъ горъ. Съ тѣнистой лѣсной дороги, ведущей на Флежеръ, противъ остроконечныхъ пиковъ цѣпи

*) Этотъ проводникъ (его звали Эліасъ Фурреръ, изъ Штальдена) погибъ нынѣшнимъ лѣтомъ (1899. 28 Авг.) при восхожденіи на Данъ-Бланшъ (4364 м.), одну изъ самыхъ опасныхъ вершинъ въ Швейцаріи, вмѣстѣ съ туристомъ англичаниномъ и двумя другими проводниками, сорвавшись со скалы.

Монблана, со станціи Малаго Шейдега противъ серебряной вершины Юнгфрау, во многихъ другихъ мѣстахъ Швейцаріи вы часто можете видѣть, какъ на высокомъ склонѣ горы показывается бѣлое облачко, которое затѣмъ катится внизъ, все увеличиваясь въ своихъ размѣрахъ, весь склонъ горы клубится серебрянымъ дымомъ, и нѣсколько секундъ спустя раздается словно громъ пушечныхъ выстрѣловъ. Это скатилась лавина. По различнымъ описаніямъ тѣхъ бѣдствій, которыя лавины причиняютъ ежегодно, мы привыкли считать ихъ чѣмъ-то случайнымъ, но лавины составляютъ такое же необходимое и постоянное явленіе въ природѣ, какъ падающій дождь или текущія рѣки. Это, если угодно, особый родъ періодическихъ горныхъ снѣжныхъ потоковъ. Масса ежегодно скатывающагося такимъ образомъ снѣга громадна. Въ одной цѣпи С.-Готарда масса снѣга, ежегодно скатывающагося съ высоты горныхъ склоновъ, равняется, согласно приблизительнымъ вычисленіямъ, 325 милліонамъ кубическихъ метровъ. Такъ какъ эти лавины отличаются обыкновенно правильностью въ своемъ паденіи, то человѣкъ привыкъ съ ними считаться, и онѣ не причиняютъ большихъ бѣдствій. Но бываютъ лавины исключительныя, подобныя громаднымъ разливамъ рѣкъ и горныхъ потоковъ. Иногда, напримѣръ, послѣ продолжительной снѣжной, но безвѣтряной погоды, на склонахъ горъ скопляются огромныя массы снѣга. Равновѣсіе такихъ снѣжныхъ массъ крайне неустойчиво. Достаточно слабаго дуновенія вѣтра, достаточно, чтобы пробѣжала серна или свалился камень, достаточно иногда даже звука эхо, и вся эта масса снѣга срывается и съ шумомъ и грохотомъ летитъ внизъ, все разрушая по своему пути, засыпая нивы и селенія, съ корнемъ вырывая деревья, запруживая рѣки, убивая все встрѣчное и причиняя огромный вредъ населенію. Весною, особенно когда весна наступаетъ быстро, массы слежавшагося за зиму снѣга подтаиваютъ, отдѣляются отъ почвы и съ возрастающей быстротою скользятъ внизъ. Вычислено, что масса снѣга, льда и камней въ лавинѣ, раздавившей въ 1819 г. деревню Ранда въ кантонѣ Валлиса и на пять дней остановившей теченіе рѣки Вьежа, равнялась 1.300.000 куб. метровъ.

Но кромѣ таянія и испаренія снѣга, кромѣ скатыванія лавинами, есть еще иной еще болѣе величественный, хотя и болѣе мирный, способъ освобожденія отъ него горныхъ вершинъ. Снѣгъ стекаетъ по ихъ склонамъ огромными ледяными рѣками, носящими названіе ледниковъ или глетчеровъ. Сходство этихъ ледяныхъ рѣкъ съ нашими обыкновенными рѣками часто поразительно. Вы видите такой же широкій потокъ, покрытый нерѣдко ледяными волнами, то спокойно текущій по долинѣ, то каскадомъ падающій съ горъ, образующій на своемъ пути озера и принимающій боковые притоки. Но только движеніе этихъ ледяныхъ рѣкъ до такой степени медленно, что замѣчается лишь въ большіе промежутки времени.

На первый взглядъ можетъ показаться, однако, страннымъ, какимъ образомъ ледъ, тѣло весьма твердое, можетъ течь. Для этого мы должны познакомиться съ явленіями постепеннаго превращенія снѣга въ ледъ и физическими свойствами, сообщающими послѣднему до нѣкоторой степени свойства жидкости. Мы должны подняться для этого вверхъ по леднику къ самымъ его истокамъ. Печальный видъ представляютъ эти снѣжныя поля, лишенныя всякой жизни. Однообразной бѣлой пеленою, кое-гдѣ изрытой провалами и трещинами, простираются они вплоть до окаймляющихъ ихъ горныхъ утесовъ.

Остается ли выпавшій на горы снѣгъ на мѣстѣ или скатывается съ крутыхъ склоновъ въ мѣста болѣе пологія, гдѣ онъ образуетъ снѣжные бассейны, онъ постепенно измѣняется и превращается въ зернистый ледъ, или фирнъ, а затѣмъ въ глетчерный ледъ. Снѣгъ

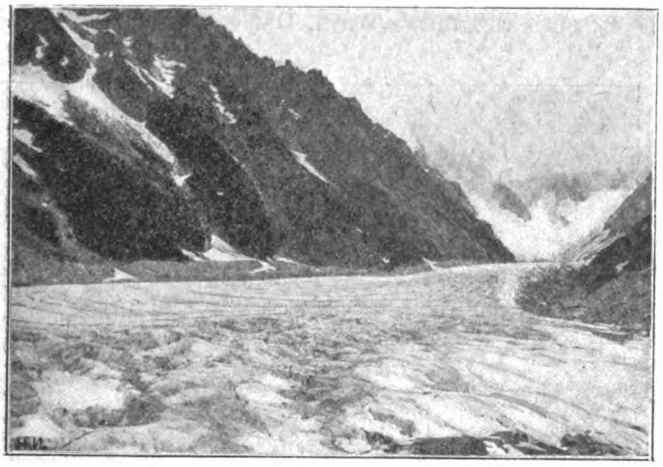


Рис. 5. Ледяное море. Радіальныя трещины.

постепенно слеживается и уплотняется, особенно въ слояхъ болѣе глубокихъ, подъ давленіемъ выше лежащихъ массъ. Онъ остается рыхлымъ на своей поверхности зимою, но первое дуновеніе весны растапливаетъ его верхніе слои, которые, замерзая вновь, покрываютъ его поверхность тонкой искристой ледяной коркой.

Чѣмъ болѣе тепло вступаетъ въ свои права, тѣмъ сильнѣе таетъ снѣгъ. Если снѣгъ, насыпанный слоемъ на тарелку, внести въ теплую комнату, то мы замѣтимъ, что снѣжинки, тая, собираются въ капли. Если эти капли вновь замерзнутъ, то онѣ превратятся въ шарики. Это простое, всѣмъ знакомое явленіе даетъ намъ первое объясненіе того, какимъ образомъ на горныхъ высотахъ снѣгъ постепенно превращается въ зернистый снѣгъ, или фирнъ. Какъ скоро тепло проникаетъ толщу рыхлаго снѣга, его снѣжинки таютъ и собираются въ капли, которыя частію стекаютъ въ нижніе слои снѣга, частію поддер-

живаются не растаявшимъ снѣгомъ. Когда такой начавшій таять снѣгъ замерзнетъ вновь, онъ превратится въ зернистую массу. Фирнъ образуется, слѣдовательно, прежде всего, изъ замерзанія обыкновеннаго, начавшаго таять, снѣга. Когда затѣмъ, положимъ, на слѣдующее утро, лучи солнца вновь согрѣютъ снѣжную поверхность, капли растаявшей воды будутъ просачиваться внизъ и здѣсь частію будутъ превращать въ фирнъ болѣе глубокіе слои снѣга, отдавая ему свое тепло, частію будутъ замерзать, встрѣчая слои болѣе холодные, и образовать ледяную оболочку вокругъ готовыхъ уже фирновыхъ зеренъ, увеличивая ихъ объемъ до горошины и даже орѣха и спаивая ихъ въ одну плотную массу. Частію вслѣдствіе слеживанія, частію вслѣдствіе просачиванія воды изъ этой массы вытѣсняется постепенно воздухъ, и она становится все болѣе и болѣе плотной и прозрачной. Словомъ, со снѣгомъ происходитъ то же самое, что дѣлаютъ съ нимъ дѣти, играя въ снѣжки или лѣпя изъ него снѣжныхъ бабъ. Они также придаютъ снѣгу боль-

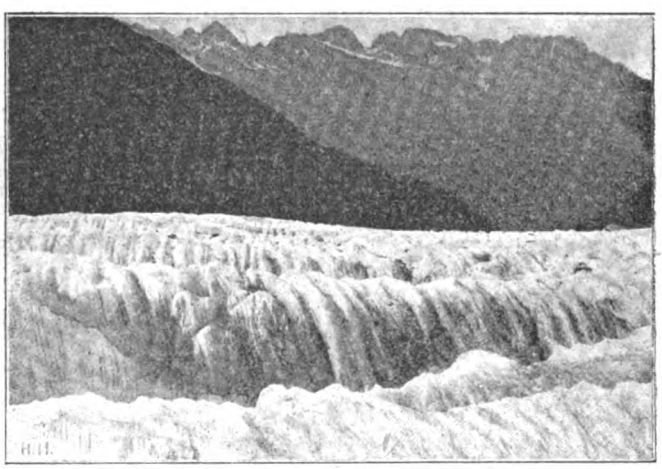


Рис. 6. Ледяное море. Трещины и пластинчатое строеніе глетчернаго льда.

шую плотность частію давленіемъ, частію заставляя его пропитываться водою, образующейся отъ теплоты рукъ, которая затѣмъ вновь замерзаетъ и скрѣпляетъ собою отдѣльныя снѣжныя зерна. Фирнъ значительно плотнѣе и тверже снѣга. Въ то время, какъ кубическій метръ свѣжаго рыхлаго снѣга вѣситъ въ среднемъ 85 килограммовъ, точно такой же объемъ фирна вѣситъ уже 500 или 600 килограммовъ.

Рядомъ точно такихъ же измѣненій, то-есть вслѣдствіе уплотненія подъ дѣйствіемъ давленія и послѣдовательнаго таянія и новаго замерзанія, фирнъ, имѣющій полупрозрачный молочный цвѣтъ, превращается въ прозрачный голубой или зеленоватый ледъ, вѣсящій уже 900—960 килограммовъ на кубическій метръ.

Ледъ отличается отъ снѣга только тѣмъ, что въ немъ частицы

твердой воды прилежатъ плотно другъ къ другу. Отъ этого снѣгъ бѣлъ, а ледъ прозраченъ. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно прозрачныхъ тѣлъ не существуетъ. Въ самыхъ прозрачныхъ тѣлахъ, напримѣръ во льду или зеркальномъ стеклѣ, значительная часть падающихъ лучей проходитъ насквозь, но часть отражается отъ ихъ поверхности. Если мы за одной прозрачной пластинкой поставимъ другую, то отъ поверхности второй пластинки также отразится значительное количество лучей, и количество отраженнаго свѣта будетъ возрастать тѣмъ болѣе, а соразмѣрно этому тѣмъ болѣе будетъ уменьшаться количество проходящаго свѣта, чѣмъ болѣе будетъ отражающихъ поверхностей. Раздробляя ледъ или стекло, мы превращаемъ ихъ въ бѣлый порошокъ, отличающійся отъ обыкновеннаго снѣга только формой своихъ мельчайшихъ частичекъ. Черезъ раздробленіе мы въ дѣйствительности

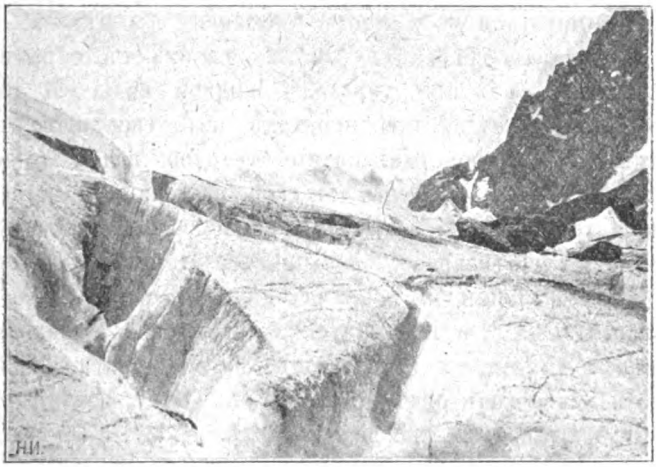


Рис. 7. Ледяное море. Ледниковыя мельницы и стаканы.

безконечно увеличиваемъ отражающую поверхность, и отъ этого ледъ становится бѣлымъ. Наоборотъ, сдавливая частицы снѣга до соприкосновенія и вытѣсняя изъ него такимъ образомъ раздѣляющій ихъ воздухъ, легко превратить снѣгъ въ прозрачный ледъ.

Эти огромныя залежи снѣга на горахъ, постепенно превращающагося въ фирнъ и ледъ, носятъ названіе снѣжныхъ или фирновыхъ полей, фирновыхъ бассейновъ или снѣжниковъ.

Если мы будемъ разсматривать глетчерный ледъ въ разрѣзѣ, напримѣръ на краяхъ большой трещины, то замѣтимъ, что онъ неодинаковъ во всей своей толщѣ, но имѣетъ слоистость. Слои льда или фирна лежатъ другъ на другѣ подобно слоямъ извѣстняка. Голубыя и прозрачныя прослойки чередуются со слоями менѣе прозрачными и иногда грязными. Эти слои ничто иное, какъ слои послѣдовательно выпавшаго снѣга. Такъ какъ каждый слой, прежде чѣмъ на него

осядетъ другой, успѣваетъ обыкновенно покрыться пылью, мелкими камушками и оледѣнѣлой коркой, то отсюда и возникаетъ эта слоистость, которая въ однихъ ледникахъ выражена болѣе рѣзко, въ другихъ менѣе.

Теперь мы должны обратить вниманіе на одну весьма важную особенность воды, слѣдствіемъ которой является окончательное превращеніе снѣга въ чистый прозрачный ледъ, и которая имѣетъ весьма важное значеніе для объясненія движенія ледниковъ.

Это свойство извѣстно каждому какъ нѣкоторое исключеніе изъ общаго физическаго закона, согласно которому тѣла при нагрѣваніи расширяются, а при охлажденіи сжимаются. Вода при замерзаніи расширяется и вслѣдствіе этого ледъ удѣльно легче, чѣмъ вода, и плаваетъ на ея поверхности. Всякому извѣстно, конечно, также, что если наполнить водою бутылку и затѣмъ, плотно закупоривъ ее, заморозить, то вода при замерзаніи разрываетъ бутылку.

Этотъ весьма важный фактъ или законъ имѣетъ обратное приложеніе. Въ самомъ дѣлѣ при переходѣ жидкой воды въ твердое состояніе она расширяется, при переходѣ изъ твердаго въ жидкое она сжимается. Обратно сдавливаніе твердой воды, то-есть льда, способствуетъ переходу его въ жидкое состояніе и онъ плавится при меньшей температурѣ, чѣмъ обыкновенно; при растяженіи льда, наоборотъ, точка его плавленія повышается. Опыты показываютъ, что при каждомъ повышеніи давленія на одну атмосферу точка плавленія льда понижается на $^{75}/_{10.000}$ градуса стограднаго термометра. При обыкновенномъ давленіи ледъ плавится, какъ извѣстно, при температурѣ 0; если подвергать ледъ давленію на одну атмосферу больше, то онъ будетъ плавиться уже не при нулѣ, а на $^{75}/_{10\,000}$ градуса ниже нуля. При давленіи въ 133 атмосферы ледъ будетъ плавиться при — 1° (холода).

Въ глубинѣ фирновыхъ полей и ледниковъ, и особенно у основанія крутыхъ склоновъ, ледъ находится подъ громаднымъ давленіемъ всей массы выше лежащихъ слоевъ, и здѣсь указанная особенность льда производитъ весьма важныя явленія.

Температура снѣга на высокихъ вершинахъ горъ бываетъ довольно низка. На глубинѣ всего нѣсколькихъ дюймовъ ниже поверхности снѣгъ на вершинѣ Монблана даже лѣтомъ имѣетъ температуру всего около 10 градусовъ холода. Такъ какъ снѣгъ и ледъ плохіе проводники тепла, то эта температура мало измѣняется отъ нагрѣванія солнцемъ и остается въ теченіе года болѣе или менѣе постоянной. При такой температурѣ давленіе всей массы фирноваго поля недостаточно для таянія снѣга. Но чѣмъ ниже мы спускаемся, тѣмъ температура льда все болѣе повышается и весьма скоро приближается къ нулю, лишь зимою и то въ видѣ исключенія понижаясь до —2 градусовъ. Колебанія наружной атмосферы, вслѣдствіе дурной теплопроводности

льда, передаются всего на незначительную глубину. Спускающіяся ледяныя массы давятъ другъ друга съ силою совершенно достаточною для превращенія льда въ воду при этой температурѣ. Такимъ образомъ почти на всемъ протяженіи ледника указанный законъ вступаетъ въ свои права. Посмотримъ, что вслѣдствіе этого должно произойти.

Представимъ себѣ фирнъ, состоящій изъ тѣсно сплоченныхъ ледяныхъ зеренъ, промежутки между которыми заполнены воздухомъ, отчего онъ и имѣетъ мутный, молочно-бѣлый цвѣтъ. Подвергнемъ теперь этотъ ледъ давленію. Давленіе очевидно, будетъ всего сильнѣе тамъ, гдѣ зерна соприкасаются другъ другомъ. Здѣсь, если давленіе будетъ достаточно, ледъ расплавится, его зерна тѣснѣе сдвинутся другъ къ другу и примутъ многогранную форму, а вытѣсненная вода разольется по пространствамъ между зернами, вытѣсняя, въ свою оче-

Рис. 8. Ледяное море. Ледниковые столы.

редь, воздухъ. Но такъ какъ въ этихъ пространствахъ вода уже не подвергается повышенному давленію, то при температурѣ ниже нуля она не можетъ находиться въ жидкомъ состояніи и сейчасъ же снова замерзнетъ въ ледъ. Такимъ образомъ, ледяныя зерна все тѣснѣе спаиваются или смерзаются другъ съ другомъ, воздухъ вытѣсняется изъ промежутковъ между ними все болѣе и болѣе, и ледъ дѣлается все прозрачнѣе. Віоле-ле-Дюкъ имѣлъ случай изучать явленія смерзанія и просачиванія воды въ ледниковой массѣ, провалившись въ трещину ледника на Шварценбергѣ. На глубинѣ 12 метровъ его задержала, къ счастью, ледяная глыба, которая скатилась передъ нимъ, и только благодаря ей онъ избѣгъ вѣрной смерти въ бездонной ледяной пропасти. Въ этомъ опасномъ положеніи онъ провелъ цѣлыхъ четыре часа, ожидая избавленія, и такъ какъ не потерялъ храбрости и самообладанія, то могъ наблюдать здѣсь массу интересныхъ подробностей, про-

исходящихъ во внутренней жизни ледника. Температура воздуха въ трещинѣ была на 5 градусовъ выше нуля; тѣмъ не менѣе вода, просачивавшаяся изнутри на поверхность стѣнокъ трещины, тотчасъ же замерзала, принимая самыя разнообразныя формы, смотря по тому, падала ли она сверху внизъ, текла ли горизонтально, или била снизу вверхъ. Чтобы вода, охлажденная до такой степени, что замерзаетъ моментально, попадая на стѣнки трещины, могла тѣмъ не менѣе оставаться въ ледниковой массѣ въ жидкомъ видѣ, необходимо, чтобы она находилась подъ сильнымъ давленіемъ, которое и разгоняло эту воду по безчисленнымъ прожилкамъ.

Теперь мы можемъ перейти къ самому интересному явленію, обнаруживаемому горнымъ льдомъ—движенію ледниковъ.

Ледники или глетчеры представляютъ собою ледяныя рѣки, которыми ледъ, скопившійся на куполообразныхъ вершинахъ горъ или въ котловинахъ между горными кряжами, стекаетъ въ долины. Если бы этого не было, высота снѣжныхъ горъ, не смотря на слеживаніе и уплотненіе льда, должна была бы постоянно увеличиваться и уже давно достигла бы высоты второй снѣжной линіи. На самомъ дѣлѣ, однако, этого нѣтъ. Высота снѣжныхъ горъ остается приблизительно постоянной. Это не значитъ, что онѣ покрыты всегда однимъ и тѣмъ же снѣгомъ. Каждый годъ выпадаетъ новый слой снѣга, который только отчасти стаиваетъ и сносится вѣтромъ или скатывается лавинами. Самыя снѣжныя лавины скатываются обыкновенно въ обширныя котловины между кряжами и должны были бы постепенно ихъ заполнить, если бы снѣгъ не имѣлъ выхода. Но по мѣрѣ того, какъ ложатся новые слои снѣга, слои нижележащіе слеживаются, становятся плотнѣе, превращаются въ фирнъ и ледъ, и далѣе вытѣсняются, такъ сказать выдавливаются всей огромной тяжестью выше лежащихъ массъ снѣга и льда въ стороны, стекая потоками по бокамъ горы. То же самое происходитъ и въ котловинахъ, гдѣ скопляется снѣгъ. На вершинѣ Монблана, при постройкѣ обсерваторіи Жансена, не могли найти твердой опоры на глубинѣ 50 метровъ. Толщина наиболѣе массивныхъ ледниковъ достигаетъ до полуверсты, и надо полагать, такой же, если не большей толщины достигаетъ ледъ и въ горныхъ котловинахъ, изъ которыхъ обыкновенно ледники берутъ свое начало. Столбъ льда вышиною въ 10 метровъ оказываетъ давленіе приблизительно въ одну атмосферу. Такимъ образомъ, снѣгъ на вершинѣ Монблана уже на той глубинѣ, до которой могли дорыться, находится подъ давленіемъ нѣсколькихъ атмосферъ, а въ особенно массивныхъ толщахъ горнаго льда его нижніе слои подвергаются страшному давленію, котораго болѣе чѣмъ достаточно, чтобы ледъ получилъ всѣ свойства тѣла пластическаго и приспособлялся къ формѣ своего ложа, точно также какъ при опытахъ со сдавливаніемъ льда въ деревянныхъ формахъ онъ воспроизводитъ формы послѣднихъ. Съ высоты равномѣрно поло-

гихъ во всѣ стороны горъ ледъ долженъ стекать, или вѣрнѣе сказать отдавливаться книзу, растекаясь равномѣрно во всѣ стороны. Но такъ какъ бока горы никогда не бываютъ ровны, а изрыты продольными рытвинами, высокими горными долинами, то ледъ и течетъ по этимъ долинамъ въ видѣ ледяныхъ рѣкъ. Точно такъ же по долинамъ въ видѣ ледниковъ онъ вытекаетъ и изъ ледниковыхъ бассейновъ. Это и есть то, что собственно называютъ глетчерами или ледниками.

Ледники имѣютъ различные размѣры въ зависимости отъ величины питающихъ ихъ бассейновъ. Послѣдніе, въ свою очередь, зависятъ какъ отъ мѣстныхъ метеорологическихъ условій, такъ и отъ конфигураціи горъ. Однѣ горы представляютъ большія удобства для скатыванія снѣга въ видѣ лавинъ, другія, наоборотъ, для образованія ледниковъ. Вообще тѣ горы представляются наиболѣе удобными для образованія ледниковъ, которыя при обиліи выпадающаго снѣга имѣютъ высокія котловины, открывающіяся долинами, служащими стоками для накопившагося льда. Самые ледники имѣютъ весьма различные размѣры, и ихъ обыкновенно раздѣляютъ на двѣ группы—ледники перваго порядка и второго. Ледниками перваго порядка называютъ такіе, которые имѣютъ всѣ формы рѣкъ, заполняютъ горные цирки, принимаютъ въ себя боковые притоки и спускаются своими нижними концами до обработанныхъ полей. Ледники второго порядка или вершинные имѣютъ несравненно менѣе значительные размѣры и словно прилѣплены къ скатамъ горъ, часто столь крутымъ, что трудно понять, какъ они тамъ держатся. Однако, такая классификація представляется совершенно искусственной, такъ какъ обѣ формы ледниковъ связаны рядомъ промежуточныхъ формъ. Въ Альпахъ насчитываютъ всего болѣе 240 ледниковъ перваго порядка и болѣе 900 второго. Нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ исполинскихъ размѣровъ. Алечъ въ Бернскомъ нагорьѣ простирается въ длину на 23 километра. Ледяное море въ Шамуни—12 километровъ. Ширина большихъ ледниковъ бываетъ около одного километра, толщина, какъ уже было упомянуто, вычисленная приблизительно по наклону ложа или по камнямъ, бросаемымъ въ ихъ трещины, при чемъ отмѣчается время, когда послышится ихъ ударъ о дно, доходитъ до полукилометра. Питающіе ледники бассейны, снѣжники, достигаютъ 5, а нѣкоторые даже 40 километровъ. Вычислено, что въ Альпахъ ледъ покрываетъ въ общемъ поверхность въ 3.500 кв. к. Насколько велико количество всего глетчернаго льда, можно видѣть изъ того, что, по разсчету Гейма, одинъ Алечскій ледникъ заключаетъ въ себѣ около 10.800 милліоновъ кубическихъ метровъ льда. Эта цифра ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу. Но вотъ какъ можно сдѣлать ее наглядной. Если бы изъ этого льда сдѣлать полосу въ 250 квадратныхъ метровъ въ площади сѣченія, слѣдовательно около 16 метровъ по сторонѣ квадрата, то ею можно было бы опоясать всю землю по экватору.

Наклонъ ложа, по которому течетъ ледникъ, точно также какъ и наклонъ рѣчныхъ руслъ, имѣетъ весьма различную покатость. Самый большой изъ альпійскихъ ледниковъ, Алечъ, имѣетъ уклонъ всего въ 4 градуса, Ледяное море въ Шамуни въ среднемъ 5 — 6 градусовъ, но въ своей нижней части, гдѣ оно носитъ названіе ледника де-Буа, гораздо круче, ледники Монъ-Розы 10—20 градусовъ, верхній Гриндельвальдскій ледникъ около 27 градусовъ, въ вершинныхъ же ледникахъ второго порядка, равно какъ въ крутыхъ мѣстахъ ледниковъ перваго порядка, въ такъ называемыхъ ледопадахъ, уклоны достигаютъ 30 и даже 50 градусовъ.

Прив.-доц. Николай Иванцовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

БОРЬБА СЪ БЕЗРАБОТИЦЕЙ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

I.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ почти во всѣхъ большихъ городахъ Швейцаріи рабочіе, находящіеся на службѣ у городскихъ правленій, добивались установленія путемъ закона минимальной заработной платы въ размѣрѣ 4—5 франковъ. Депутаты или гласные, защищавшіе это требованіе рабочихъ въ городскихъ совѣтахъ, указывали, между прочимъ, на то, что городу приличествуетъ подавать примѣръ частнымъ предпринимателямъ, что ему приличествуетъ давать своимъ рабочимъ, по крайней мѣрѣ, такую плату, которая давала бы имъ возможность хоть сколько-нибудь сносно жить. Отсюда, очевидно, слѣдуетъ, что частные предприниматели за ту же работу платятъ обыкновенно еще меньше. Но и 4—5 франковъ въ день врядъ ли можно считать сколько-нибудь достаточнымъ заработкомъ. Въ городскомъ совѣтѣ города Берна городской директоръ финансовъ при обсужденіи вопроса объ установленіи минимальной заробатной платы указалъ на то, что по его разсчету семья, состоящая изъ четырехъ человѣкъ, должна располагать заработкомъ по крайней мѣрѣ въ 1.300 франковъ въ годъ. Такимъ образомъ минимальная рабочая плата въ 4 франка при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, т.-е. если глава семьи былъ бы въ состояніи работать въ теченіе всѣхъ 300 рабочихъ дней въ году, оказывается недостаточной для удовлетворенія самыхъ примитивныхъ потребностей *). Безъ прибавочнаго заработка другихъ членовъ семьи, послѣдняя должна терпѣть нужду въ полномъ смыслѣ этого слова.

Извѣстный своими трудами по рабочему законодательству швейцарскій фабричный инспекторъ перваго округа составилъ въ 1893 году статистику заработной платы рабочихъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ находящагося подъ его вѣдомствомъ участка. Приводимъ изъ этой прекрасно составленной статистики слѣдующія данныя **), подтверждающія все-

---

*) «Berner Tagwacht» 1898, № 74.

**) Dr. med *F. Schuler*. «Die Arbeitslöhne in den industriellen Betrieben des ersten schweizerischen Fabrik-Inspektionskreises». «Zeitschrift für Schweizerische. Statistik». 1895. 1 Heft. 123.

цѣло вышесказанное. Въ текстильной промышленности работало въ означенномъ году 52.166 человѣкъ; фабричному инспектору удалось собрать точныя свѣдѣнія относительно заработной платы 41.968 рабочихъ. Оказывается, что изъ этого числа получаютъ заработную плату въ размѣрѣ до 1-го франка 990 человѣкъ, что̀ составляетъ 2,4% всего числа рабочихъ; свыше 1-го и до 3-хъ фр. 33.148 чел. или 78,9%; свыше 3-хъ и до 4-хъ фр. 5.735 или 13,7%; свыше 4-хъ и до 5-ти франковъ 1.559 или 3,7%; свыше 5 фр. только 536 чел. или 1,3%. Такимъ образомъ въ текстильной промышленности Швейцаріи, принадлежащей къ самымъ цвѣтущимъ отраслямъ швейцарскаго производства, въ промышленности, гдѣ, по словамъ того же фабричнаго инспектора, нерѣдко ощущается даже недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, подавляющее большинство рабочихъ, а именно не меньше 95% всего числа рабочихъ, получаетъ весьма скудную заработную плату въ размѣрѣ не свыше 4-хъ франковъ.

Не лучше обстоитъ дѣло въ другихъ отрасляхъ промышленности. Даже въ машинномъ производствѣ, гдѣ заработная плата сравнительно выше, нежели въ большинствѣ другихъ отраслей, не меньше 55,2% всего числа рабочихъ, занятыхъ въ этой отрасли промышленности на фабрикахъ и заводахъ названнаго фабричнаго округа, получаетъ заработную плату не свыше 4-хъ франковъ. Вообще же изъ всего числа рабочихъ различныхъ отраслей промышленности только 16,5% находится въ «счастливомъ» положеніи, получая заработную плату въ размѣрѣ свыше 4-хъ франковъ.

II.

Конечно, безработица была извѣстна и въ прежнія эпохи историческаго существованія человѣчества. Однако, безработица нашего времени во многомъ значительно отличается отъ безработицы прежнихъ временъ. Она въ настоящее время приняла характеръ, свойственный исключительно текущей эпохѣ.

Въ настоящее время во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ встрѣчаются главнымъ образомъ три различныхъ вида безработицы: *безработица хроническая, острая и періодическая.*

Тенденція современнаго способа производства заключается въ томъ, что, съ одной стороны, различнаго рода ремесла, въ которыхъ работа производится при помощи незатѣйливыхъ орудій, мало-по-малу уступаютъ мѣсто фабрикамъ съ механическими двигателями и машиннымъ производствомъ, а съ другой—крупная промышленность, располагающая большими капиталами, неудержимо поглощаетъ болѣе мелкую.

Исчезновеніе съ лица земли различнаго рода ремеслъ совершается въ общемъ исподоволь, незамѣтно. То то, то другое ремесло начинаетъ чувствовать невозможность конкурировать съ фабрикой, начав-

шей производить тѣ же продукты. Ремесло начинаетъ сокращаться; сначала оно пытается еще улучшить свой способъ производства, концентрируется на производствѣ только нѣкоторыхъ сортовъ и видовъ соотвѣтственнаго товара; но въ концѣ концовъ борьба оказывается непосильной. То же самое можно сказать о борьбѣ мелкихъ промышленниковъ съ болѣе крупными.

Отъ совершенно иныхъ причинъ зависитъ такъ называемая *острая* безработица. Современная промышленность, въ отличіе отъ прежнихъ формъ производства, работаетъ для всемірнаго рынка, потребности котораго не могутъ быть съ точностью заранѣе установлены. Сюда присоединяется то обстоятельство, что, въ виду конкуренціи, господствующей между различными предпринимателями, послѣдніе часто прибѣгаютъ ко всевозможнымъ спекуляціямъ, не имѣющимъ солиднаго основанія. Вслѣдствіе этого на всемірномъ рынкѣ отъ времени до времени появляются несмѣтныя количества товаровъ, не имѣющихъ сбыта. Дешевизна продуктовъ не имѣетъ въ этомъ случаѣ никакого значенія, такъ какъ при томъ распредѣленіи богатствъ, которое существуетъ въ современномъ обществѣ, большія слои населенія лишены всякой покупательной способности. Отсутствіе возможности сбыть произведенные продукты производитъ тотъ феноменъ, который извѣстенъ подъ названіемъ экономическаго кризиса. Многіе предприниматели видятъ себя вынужденными сократить или даже совершенно прекратить на время производство. Фабрики, заводы и другія связанныя съ ними учрежденія, закрываются; рабочіе цѣлыми толпами отставляются; они теряютъ на болѣе или менѣе продолжительное время свой заработокъ, свои средства къ жизни. Смотря по тому, распространился ли данный кризисъ на всѣ отрасли производства или только на нѣкоторыя, и безработица принимаетъ большіе или меньшіе размѣры.

Что касается, наконецъ, *періодической* безработицы, то она имѣетъ мѣсто главнымъ образомъ въ тѣхъ отрасляхъ производства, въ которыхъ въ силу природы вещей работа не можетъ вестись безпрерывно въ теченіе всего года, гдѣ, напротивъ, приходится сообразоваться съ условіями, зависящими отъ перемѣны температуры, погоды и т. п. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства, какъ, напримѣръ, въ строительномъ дѣлѣ, продолженіе работы въ зимніе мѣсяцы большею частью является совершенно невозможнымъ; приготовленіе фруктовыхъ консервовъ, напротивъ, начинается только осенью, послѣ созрѣванія плодовъ; соломенныя издѣлія приготовляются главнымъ образомъ зимой; и т. д. Сюда же принадлежатъ и такъ называемые сезонные промыслы, сообразующіеся съ потребностями различныхъ сезоновъ и работающіе вслѣдствіе этого въ одно время года очень интенсивно, въ остальныя же весьма вяло; есть и такія производства, въ которыхъ кампанія продолжается только 3—4 мѣсяца въ году. Во всѣхъ этихъ случаяхъ происходятъ какъ бы періодическіе приливы и отливы рабо

чихъ рукъ. Во время хода производства рабочіе данныхъ отраслей промышленности находятъ въ большемъ или меньшемъ числѣ заработокъ; съ наступленіемъ же вялаго періода большинство изъ нихъ вынуждено оставить работу и поступить въ ряды безработныхъ.

Послѣдняго рода безработица имѣла, конечно, мѣсто и въ прежнія времена; но при господствѣ цехового строя подмастерья содержались хозяиномъ и въ тѣ времена, когда заказовъ не получалось.

Еще сравнительно недавно существованіе массовой безработицы многими учеными и государственными дѣятелями совершенно отрицалось. На безработнаго рабочаго смотрѣли, какъ на человѣка, не желающаго работать, какъ на лѣнтяя, которому пріятнѣе проводить время въ бездѣльи, пользуясь подачками одураченныхъ имъ сантиментальныхъ благотворителей, нежелали искать честнаго заработка. Однако, дѣйствительность оказалась сильнѣе всякихъ теорій; она создала факты, которые насильно открыли глаза даже тѣмъ, которые не хотѣли видѣть, что вокругъ нихъ происходитъ. Вопросъ о безработицѣ мало-по-малу сдѣлался злобой дня, и нынѣ нѣтъ страны въ Западной Европѣ, гдѣ общество не удѣлило бы особаго вниманія этому вопросу и не заставило бы властей вступить въ борьбу съ этимъ общественнымъ бѣдствіемъ. На форму и направленіе этой борьбы имѣли большое вліяніе результаты, добытые наукой при изученіи современныхъ формъ безработицы. Наука признала, что современная безработица самымъ тѣснымъ образомъ связана съ господствующимъ способомъ производства; что послѣдній по природѣ своей долженъ порождать отъ времени до времени болѣе или менѣе интенсивную массовую безработицу; и что, слѣдовательно, до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать этотъ способъ производства, не можетъ быть и рѣчи о совершенномъ уничтоженіи безработицы; все, что можетъ сдѣлать современное общество, это—постараться смягчить послѣдствія появленія этого грознаго спутника капиталистическаго строя. Соотвѣтственно съ этимъ мѣры, принимаемыя въ настоящее время противъ безработицы, не направлены на уничтоженіе источника этого зла, а имѣютъ исключительною цѣлью залѣчивать язвы появляющіяся то на томъ, то на другомъ мѣстѣ общественнаго организма

Однако, подобныя мѣры были принимаемы самими рабочими еще задолго до того, какъ другіе слои населенія заинтересовались вопросомъ о безработицѣ. Въ особенности въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ, напр., въ Англіи, рабочимъ удалось создать болѣе или менѣе сильные и устойчивые союзы (trade-unions), помощь товарищамъ на случай безработицы была организована самымъ прекраснымъ образомъ. Къ сожалѣнію, не вездѣ на Западѣ существуютъ подобнаго рода союзы рабочихъ, а гдѣ они и существуютъ, они охватываютъ весьма незначительную долю пролетаріата данной страны. Въ виду этого возникшія въ послѣднее время попытки борьбы съ безработицей, основанныя на участіи всѣхъ слоевъ общества въ этой борьбѣ, заслуживаютъ, по нашему мнѣнію,

особаго вниманія того, кому дороги интересы трудящагося населенія. Если эти попытки и не въ состояніи разъ навсегда уничтожить возможность появленія массовой безработицы, то они все же могутъ привести къ тому, что безработица менѣе чувствительно отразится на матеріальномъ и общественномъ положеніи своихъ несмѣтныхъ жертвъ.

III.

Въ Швейцаріи вопросъ о безработицѣ интенсивнѣе сталъ занимать общественное мнѣніе лишь съ конца 70-хъ годовъ. Поводомъ къ этому послужило, съ одной стороны, то обстоятельство, что къ этому времени бродяжничество приняло почти по всѣхъ швейцарскихъ кантонахъ угрожающіе размѣры, а съ другой—то, что въ концѣ 70-хъ годовъ во многихъ большихъ городахъ Швейцаріи стали изъ года въ годъ повторяться демонстраціи большихъ или меньшихъ скопищъ безработныхъ, требовавшихъ отъ городскихъ властей работы или поддержки въ какой-либо иной формѣ.

По свидѣтельству пастора Гонценбаха, которому «Швейцарское общеполезное общество» поручило выработать докладъ «о бродяжничествѣ въ Швейцаріи и средствахъ борьбы съ нимъ», полиціи удалось задержать въ теченіе десятилѣтія отъ 1870 до 1880 года только въ пяти кантонахъ (въ Аргау, Глярусѣ, Ст.-Галленѣ, Тургау и Цюрихѣ) не менѣе 90 тысячъ бродягъ *). Если принять во вниманіе, что, какъ увѣряетъ тотъ же пасторъ Гонценбахъ, полиція склонна видѣть во всякомъ, не имѣющемъ документовъ безработномъ, рѣшившемся обратиться за помощью къ частной благотворительности, бродягу **), то нельзя сомнѣваться, что среди задержанныхъ «бродягъ» большое число должно быть отнесено къ разряду не могшихъ найти заработка. Къ этому заключенію приводитъ насъ еще и то обстоятельство, что число задержанныхъ «бродягъ» гораздо больше въ зимніе мѣсяцы, когда обыкновенно труднѣе найти заработокъ, нежели въ лѣтніе; кромѣ того, статистика показываетъ, что изъ упомянутаго выше числа задержанныхъ бродягъ не менѣе 60% принадлежало къ сословію мастеровыхъ, т. е. именно къ тому сословію, на которомъ больше всего отразилось вліяніе господствующаго въ настоящее время способа производства.

Установить сколько-нибудь точно размѣръ безработицы въ Швейцаріи является въ данное время вещью совершенно невозможной. Статистики безработныхъ, которая охватила бы, по крайней мѣрѣ, всѣ большіе города Швейцаріи, до сихъ поръ не существуетъ ***). Въ раз

*) Pfarrer *A. Gonzenbach*. «Das Vagantenthum in der Schweiz». «Schweizerische Zeitschrift für Gemeinnützigkeit». XXI. 1882. Стр. 429.

**) Тамъ же. Стр. 433.

***) Извѣстно, что только въ Германіи была въ 1895 году сдѣлана попытка сосчитать общее число безработныхъ во всей странѣ.

личное время въ нѣкоторыхъ городахъ хотя и старались опредѣлить число безработныхъ, но въ виду различныхъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ въ виду отсутствія хорошо организованныхъ статистическихъ аппаратовъ, полученные результаты не могутъ считаться вполнѣ достовѣрными. По имѣющимся статистическимъ даннымъ можно составить себѣ такимъ образомъ только приблизительное представленіе о величинѣ безработицы въ Швейцаріи. Достовѣрно только то, что имѣющіяся цифры во всякомъ случаѣ далеко ниже дѣйствительныхъ, ибо въ большинствѣ случаевъ считались только тѣ безработные, которые сами, добровольно приходили въ коммиссію, которой было поручено установить число безработныхъ, съ заявленіемъ о томъ, что они въ данное время лишены заработка. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ число безработныхъ устанавливалось лишь по спискамъ лицъ, получавшихъ пособіе; если принять во вниманіе, что, съ одной стороны, не всѣ безработные обращались за пособіемъ и что съ другой—пособія выдавались подчасъ преимущественно мѣстнымъ жителямъ или даже только мѣстнымъ гражданамъ, то станетъ очевиднымъ, что даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ о размѣрѣ безработицы имѣются кое-какія статистическія данныя, дѣйствительность представляется намъ въ значительно болѣе неприглядномъ видѣ, чѣмъ объ этомъ позволяютъ судить полученныя цифры.

Въ началѣ 1893 года цюрихская коммиссія насчитывала 1.652 безработныхъ, а въ началѣ слѣдующаго 1894 года 885. Безработные принадлежали ко всевозможнымъ профессіямъ; больше всего къ строительному промыслу. Распредѣленное по возрастнымъ группамъ, число безработныхъ представляетъ собою слѣдующую картину: до 25-лѣтняго возраста 24% (въ 1893 году) и 25,3% (въ 1894), между 26—40-лѣтнимъ возрастомъ 40—39%, отъ 41—50 лѣтъ 19,9—18,9% и свыше 50 лѣтъ 15,4—16,8%. Весьма любопытны данныя относительно продолжительности безработицы у записавшихся безработныхъ: въ 1893 году изъ всего числа безработныхъ было лишено заработка на время до 30 дней 99 человѣкъ, при чемъ общая сумма безработныхъ дней составляла 2.460; до 60 дней 799 человѣкъ съ 38.862 безработными днями; до 90 дней 345 съ 27.015 днями; и, наконецъ, свыше 90 дней 1.477 съ 98.272 днями; продолжительность безработнаго времени у остающихся 175 человѣкъ не могла быть съ точностью установлена. Среднимъ числомъ, на каждаго безработнаго приходилось такимъ образомъ 66,5 безработныхъ дней, а въ слѣдующемъ 1894 году такихъ дней на каждаго человѣка изъ числа внесенныхъ въ списки приходилось 58,7, при чемъ оказывается, что среднее число безработныхъ дней у рабочихъ старшихъ возрастныхъ группъ (свыше 45 лѣтъ) значительно больше, нежели у принадлежащихъ къ болѣе молодому возрасту. Эти цифры надо однако считать минимальными, ибо коммиссія, прекращавшая каждый разъ свои дѣйствія 15 февраля, не могла, конечно, установить, сколько времени и у

скольких человѣкъ безработное время продолжалось еще послѣ означеннаго числа. Въ отчетѣ коммиссіи на это обстоятельство напирается съ особенной силою, при чемъ указывается на то, что ко дню закрытія дѣйствій коммиссіи только небольшое число безработныхъ опять получило свой обычный заработокъ.

На ряду съ установленіемъ приведенныхъ нами фактовъ коммиссія старалась составить себѣ также представленіе о матеріальномъ положеніи безработныхъ до потери заработка. Въ этомъ отношеніи прежде всего, конечно, важно было опредѣлить размѣръ заработка лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ профессіямъ. Полученныя данныя вполнѣ подтверждаютъ то, что нами было указано выше, а именно, что большое число рабочихъ въ Швейцаріи получаетъ заработную плату въ размѣрѣ, ни въ какомъ случаѣ не позволяющемъ вести болѣе или менѣе достойное человѣка существованіе. Изъ числа 765 человѣкъ, о высотѣ заработной платы которыхъ коммиссіи удалось получить достовѣрныя свѣдѣнія, 32 человѣка заработывали не свыше 60 франковъ въ мѣсяцъ (25 рабочихъ дней), 152 не свыше 80, 431 не свыше 100, 145 не свыше 120, свыше же 120 только 6 человѣкъ. Такимъ образомъ не свыше 100 франковъ въ мѣсяцъ, т.-е. не свыше 4 франковъ въ день получало 80,4% означеннаго числа рабочихъ. Средняя цифра заработной платы, однако, еще съ большей ясностью показываетъ, въ какой нуждѣ живутъ многіе рабочіе даже и во время присутствія заработка. Такъ средняя цифра заработной платы записавшихся въ 1893 г. въ списокъ безработныхъ составляла 82,7 франка въ мѣсяцъ, изъ которыхъ приходилось платить за одну квартиру, среднимъ числомъ, 22,7 франка, за каковую плату при дороговизнѣ квартиръ можно имѣть только одну комнату; въ 1894 году изъ 766 человѣкъ записанныхъ безработныхъ не менѣе 559 человѣкъ, т.-е. 72,6% всего числа, платило за квартиру не больше 240 фр. въ годъ и должно было такимъ образомъ пользоваться квартирами въ одну комнату; а среди этихъ безработныхъ было, какъ мы видѣли, большое количество семейныхъ, и на каждую семью приходилось среднимъ числомъ 2,8 дѣтей.

Число безработныхъ въ г. Ст.-Галленѣ достигаетъ зимой 1895—1896 года 430, а зимой 1896—1897 г.—510 человѣкъ, при чемъ надо замѣтить, что сюда не включены тѣ безработные, которые, не будучи по закону обязанными страховаться отъ безработицы, находили, конечно, лишнимъ вносить свои имена въ списки безработныхъ страховой кассы. Означенныя числа безработныхъ составляютъ, среднимъ числомъ 1,6% населенія города Ст.-Галлена (почти такое же отношеніе, какъ, въ Цюрихѣ, гдѣ въ 1893 году число безработныхъ составляло 1,47% населенія). По роду занятій безработные въ размѣрѣ 72,2% принадлежали къ сезоннымъ рабочимъ, при чемъ изъ всего числа безработныхъ рабочихъ этой категоріи 33% составляли поденщики. Средняя продолжительность безработицы въ г. Ст. Галленѣ ниже, не-

жели въ Цюрихѣ, хотя не слѣдуетъ упускать изъ виду, что касса страхованія выдавала пособія самое большее въ теченіе 60 дней, такъ что maximum внесенныхъ въ списки безработныхъ дней отдѣльныхъ членовъ кассы ни въ какомъ случаѣ не могъ превышать означеннаго числа; на дѣлѣ же безработица у многихъ длилась значительно бо́льшее количество времени. Въ 1895—1896 г. средняя цифра продолжительности безработицы составляетъ 35,29 дня; изъ всего числа безработныхъ отъ 6—30 дней безработныхъ имѣло 43,8%, а отъ 30—60 дней 56,2%; уже по этому одному видно, что средняя продолжительность безработицы была бы значительно больше, если бы не существовало упомянутаго ограниченія. Въ 1896—1897 году 396 женатымъ безработнымъ приходилось содержать слѣдующее количество человѣкъ, не бывшихъ въ состояніи самостоятельно заработывать на пропитаніе: женъ 123, дѣтей до 14-лѣтняго возраста 432, старшихъ, но больныхъ дѣтей 83 и другихъ неспособныхъ къ работѣ членовъ семьи 32 человѣка, въ общемъ 670 человѣкъ. Заработная плата ставшихъ безработными такъ же низка, какъ и въ другихъ городахъ; такъ, изъ числа сезонныхъ рабочихъ 28,6% получало заработную плату въ размѣрѣ не свыше 3 франковъ въ день, а изъ числа другихъ рабочихъ подобную плату получало даже 46%; свыше 3-хъ и до 4 хъ изъ числа первыхъ 58,3%, изъ числа вторыхъ 40,8%; свыше четырехъ франковъ только 13,1% и 12,8%.

Приведенные нами для примѣра факты говорятъ, не смотря на ихъ неполноту, сами за себя; они достаточны для того, чтобъ убѣдить каждаго въ томъ, что безработица существуетъ также въ Швейцаріи и что она въ послѣднее время приняла здѣсь очень большіе размѣры. Въ самой Швейцаріи въ настоящее время никто въ этомъ больше не сомнѣвается. Когда въ 1894 году въ весенней сессіи швейцарскаго національнаго собранія (швейцарскаго парламента) обсуждался вопросъ о помѣщеніи въ конституцію принципа о правѣ каждаго гражданина на трудъ, всѣ безъ исключенія ораторы, принадлежавшіе къ различнымъ политическимъ партіямъ и группамъ, высказывались въ томъ смыслѣ, что безработица въ Швейцаріи приняла угрожающіе размѣры и что съ этимъ зломъ необходимо такъ или иначе бороться *). Это мнѣніе, можно смѣло сказать, распространено среди всѣхъ слоевъ швейцарскаго общества, и соотвѣтственно съ этимъ всюду и вездѣ проявляется сильное сочувствіе ко всѣмъ мѣропріятіямъ и учрежденіямъ, могущимъ въ большей или меньшей степени облегчить участь пострадавшихъ отъ безработицы.

IV.

Познакомившись такимъ образомъ съ общимъ характеромъ и размѣромъ безработицы въ Швейцаріи, мы можемъ теперь приступить

*) Сравн. «Amtliches stenographisches Bülletin der Schweizerischen Bundesversammlung». 1893—1894. Стр. 583 и д.

къ разсмотрѣнію того, что̀ сдѣлано до сихъ поръ въ различныхъ городахъ страны для смягченія печальныхъ послѣдствій этого общественнаго недуга.

Остановимся сначала на тѣхъ случайныхъ средствахъ, которыя были приняты въ различныхъ мѣстахъ въ виду проявившейся сразу въ большихъ размѣрахъ безработицы.

Первый толчокъ къ такого рода мѣропріятіямъ былъ данъ въ Женевѣ *). Съ начала 70-хъ годовъ здѣсь стала проявляться безработица главнымъ образомъ среди рабочихъ ювелирныхъ и часовыхъ дѣлъ. Обращавшіеся за помощью къ городскимъ властямъ рабочіе получали изъ году въ годъ отвѣтъ, гласившій, что городское управленіе не имѣетъ-де возможности, за неимѣніемъ соотвѣтственныхъ городскихъ мастерскихъ, давать работу безработнымъ. Зимой 1878—1879 года безработица достигла однако въ Женевѣ такихъ размѣровъ, что городскія власти видѣли себя вынужденными что-нибудь предпринять. Съ этою цѣлью были открыты такъ называемыя «національныя мастерскія» (chantiers nationaux), гдѣ каждый безработный могъ получать поденную работу, за выполненіе которой ему назначалась небольшая плата; работы въ этихъ «національныхъ мастерскихъ» были исключительно земляныя. Вскорѣ однако эта система оказалась непрактичной, и городское управленіе рѣшило составить изъ числа безработныхъ нѣсколько артелей и передать имъ работы по сооруженію дорогъ, какъ государственныхъ, такъ и городскихъ. Вошедшіе въ составъ этихъ артелей рабочіе дѣйствительно вырабатывали гораздо больше, нежели рабочіе въ «національныхъ мастерскихъ», однако и это мѣропріятіе не могло устранить нужды у всѣхъ безработныхъ рабочихъ въ виду того, что, съ одной стороны, не всѣ безработные могли войти въ означенныя артели, а съ другой—не всѣ были способны къ такимъ тяжелымъ работамъ, которыя требуются при постройкѣ дорогъ. Это обстоятельство привело къ тому, что впослѣдствіи городское правленіе устроило еще мастерскія для приготовленія бумажныхъ фонарей, кошельковъ и простыхъ часовъ; больше 80 человѣкъ могли получить работу въ этихъ мастерскихъ **).

За Женевой послѣдовали въ ближайшее время Цюрихъ и Ст.-Галленъ, а затѣмъ и другіе города, въ которыхъ безработица проявилась въ большей или меньшей степени. Повсюду городскія власти старались такъ или иначе доставлять безработнымъ работу; не вездѣ однако эти старанія приводили къ желанному результату, въ виду того что во многихъ мѣстахъ при всемъ желаніи властей нельзя было найти подходящихъ работъ въ достаточномъ количествѣ.

Нѣсколько иной характеръ имѣютъ мѣропріятія, къ которымъ при-

*) *Steimann-Bucher.* «Die Arbeitslosigkeit». 1882.

**) *Bösch.* «Haben die Arbeitslosen ein Recht, vom Staate oder der Gemeinde Arbeit zu verlangen»? 1882.

бѣгли въ Цюрихѣ въ 1893 году *). |Въ январѣ означеннаго года въ Цюрихѣ образовалась коммиссія для помощи безработнымъ, въ составъ которой вошли предсѣдатель мѣстнаго союза рабочихъ, представители городского управленія и члены различныхъ благотворительныхъ обществъ. Коммиссія эта прежде всего обратилась къ обществу съ воззваніемъ, въ которомъ она, указывая на сильную нужду большого числа безработныхъ, приглашала его помочь послѣднимъ путемъ предложенія работы или путемъ денежныхъ пожертвованій. Первый шагъ коммиссіи увѣнчался успѣхомъ: въ теченіе нѣсколькихъ дней ею было получено отъ частныхъ лицъ денежныхъ пожертвованій на сумму больше 14 тысячъ франковъ; кромѣ того, городской совѣтъ вотировалъ въ пользу коммиссіи кредитъ въ 5.000 франковъ, а городское управленіе предоставило въ ея распоряженіе 800 связокъ дровъ. Съ такими средствами въ рукахъ коммиссія приступила къ дѣйствію. Для выдачи пособій она установила слѣдующіе принципы: во-1-хъ, выдавать пособія только женатымъ безработнымъ и, во-2-хъ, пособія эти выдавать главнымъ образомъ натурой; для выполненія послѣдняго намѣренія она рѣшила, между прочимъ, открыть спеціальную столовую, гдѣ и неженатые могли два раза въ день получить положеныя на каждаго безработнаго порціи; женатые же могли получать свою пищу на домъ, при чемъ имъ выдавалось столько порцій, сколько членовъ семьи имъ приходилось прокормить. Изъ 1.652 человѣкъ, лишившихся въ ту зиму заработка, могло быть доставлено работы у частныхъ лицъ на сравнительно короткое время только 250; 100 человѣкъ было нанято городомъ для канализаціонныхъ работъ; изъ этого числа многіе однако вскорѣ отказались въ виду непосильности для нихъ этого труда, другіе 250 человѣкъ работали въ теченіе нѣсколькихъ дней по найму у кантона, при чемъ оказалось, что большинство не въ силахъ было выполнять требуемую работу (ломка льда на рѣкѣ Sihl),— «при скверномъ питаніи и почти прозрачной одеждѣ, безъ силъ и дрожа отъ холода, они до того страдали отъ непосильной работы, что на нихъ жалко было смотрѣть» **).

Всѣ эти мѣры, какъ уже сказано выше, имѣютъ чисто случайный характеръ. Само учрежденіе комитетовъ, составъ ихъ, точно такъ же, какъ и имѣющихся у нихъ средствъ зависятъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ отъ мѣстныхъ и временныхъ условій. Притомъ дѣятельность этихъ коммиссій, даже въ томъ случаѣ, когда организація послѣднихъ находится въ рукахъ городскихъ властей, ужъ слишкомъ явно носитъ на себѣ печать простой благотворительности, а это обстоятельство у многихъ безработныхъ вызываетъ нежеланіе обращаться за помощью къ такого рода коммиссіямъ. Однако, не смотря

*) *Merk.* «Die Arbeitslosigkeit in Zürich in den Wintern von 1892—1893 und 1893—1894 etc.» 1894.

**) *A. Merk.* «Die Arbeitslosikgeit in Zürich» и т. д. стр. 316.

на это, нельзя отрицать, что существующія почти во всѣхъ большихъ городахъ Швейцаріи коммиссіи принесли не мало пользы своею благотворною и безкорыстною дѣятельностью: имъ удалось облегчить нужду многихъ сотенъ и тысячъ рабочихъ въ самую тяжелую пору жизни послѣднихъ, а многихъ несчастныхъ они несомнѣнно прямо-таки спасли отъ неминуемой гибели.

V.

Во многихъ отношеніяхъ интереснѣе являются другія учрежденія поставившія себѣ ту же задачу, какъ и охарактеризованныя выше коммиссіи, но отличающіяся отъ послѣднихъ прежде всего тѣмъ, что благотворительный характеръ ихъ дѣятельности сравнительно мало бросается въ глаза. Сюда принадлежатъ прежде всего кассы для страхованія рабочихъ отъ безработицы, затѣмъ такъ называемыя продовольственныя станціи и справочныя бюро, служащія посредниками между ищущими и предлагающими работу.

Начнемъ съ продовольственныхъ станцій, какъ учрежденій болѣе раннихъ и больше всего распространенныхъ въ Швейцаріи.

Подъ продовольственной станціей (Naturalverpflegungsstation) понимаютъ въ Швейцаріи учрежденіе, имѣющее цѣлью оказывать помощь странствующимъ безработнымъ мастеровымъ путемъ предоставленія мѣста для ночлега или же путемъ прокормленія въ теченіе опредѣленнаго количества времени или же, наконецъ, путемъ того и другого вмѣстѣ. При возникновеніи этого института означенная помощь оказывалась совершенно безвозмездно; съ теченіемъ времени однако многія станціи въ видахъ уничтоженія явно благотворительнаго характера учрежденія, отталкивавшаго многихъ нуждающихся, стали требовать взамѣнъ оказываемой ими помощи выполненія нѣкоторыхъ работъ, какъ, напр., пилить или колоть дрова, помогать на кухнѣ, топить печи и т. п.

Институтъ продовольственныхъ станцій ведетъ свое начало въ Швейцаріи съ середины 80-хъ годовъ *). Поводомъ къ организаціи этого института послужило упомянутое выше чрезмѣрное увеличеніе количества задержанныхъ полицейскими властями нищихъ и «бродягъ». Повсюду стали доискиваться причинъ этого печальнаго явленія и обдумывать средства для борьбы съ нимъ. Органы печати того времени почти единогласно высказывали мнѣніе что среди «бродягъ» безспорно существуетъ большое множество лицъ, вынужденныхъ силой

*) До этого времени институтъ продовольственныхъ станцій существовалъ только въ Вюртембергскомъ королевствѣ, гдѣ первыя попытки введенія этого института были сдѣланы въ 1880 году, а затѣмъ еще въ Прусскомъ королевствѣ. Сравн. Dr. med. *Christen*. «Die Naturalverpflegung der dürftigen Reisenden in der Schweiz». 1889. Стр. 14.

обстоятельствъ, перебираясь подаяніемъ, переходить съ одного мѣста на другое, для отысканія работы и заработка. Времена стали хуже; во многихъ мѣстахъ чувствуется излишекъ рабочихъ рукъ; оставаться подолгу на одномъ мѣстѣ является въ виду этого часто дѣломъ невозможнымъ. Нельзя, поэтому, всѣхъ странствующихъ и прибѣгающихъ къ милосердію отдѣльныхъ лицъ подвести подъ общую рубрику «бродягъ», надо, наоборотъ, стараться поддержать этихъ несчастныхъ и дать имъ возможность въ концѣ концовъ опять очутиться въ болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ.

Подобныя соображенія и привели къ тому, что во многихъ мѣстахъ по иниціативѣ частныхъ лицъ стали учреждаться общества, поставившія себѣ цѣлью оказать помощь означеннымъ элементамъ среди бездольныхъ несчастныхъ, окрещенныхъ общимъ именемъ бродягъ.

Стремленіе этихъ обществъ съ самаго начала встрѣтило сочувствіе и дѣятельную поддержку среди тѣхъ слоевъ населенія, которые давно уже вели борьбу противъ нищенства по домамъ и на улицѣ. Уже давно во многихъ городахъ Швейцаріи существовали такъ называемые «Союзы противъ нищенства», задача которыхъ заключалась въ томъ, чтобы, по возможности, уничтожить съ незапамятныхъ временъ укоренившійся обычай хожденія нуждающихся по домамъ за собираніемъ падянія. Желающій отдѣлаться отъ «непріятности видѣть у своихъ дверей отъ времени до времени просящихъ милостыню» имѣлъ возможность добиться этого путемъ поступленія въ члены одного изъ этихъ обществъ. Внося опредѣленную сумму въ годъ въ кассу общества, онъ получалъ табличку, въ которой было указано, что ея обладатель состоитъ членомъ «Союза противъ нищенства», и что пожертвованія выдаются въ кассѣ общества тамъ-то и тамъ-то. Табличка эта вывѣшивалась у входныхъ дверей квартиры, и если вздумалось нищему когда-нибудь, не смотря на ясную рѣчь таблички, постучаться въ двери, то онъ, вмѣсто отвѣта на свою просьбу, получалъ безмолвное приглашеніе прочесть надпись на табличкѣ и понять ея смыслъ. Такимъ поистинѣ «милымъ» образомъ швейцарскій буржуа избавилъ себя отъ печальнаго вида нищаго, протягивающаго руку за милостыней, вида, способнаго подчасъ разстроить нервы и сытаго человѣка *). Что же касается нищенства на улицѣ, то объ устраненіи его позаботилась полиція. Вотъ почему, между прочимъ, нигдѣ въ Швейцаріи нельзя встрѣтить нищихъ, просящихъ подаянія, такъ что многіе незнакомые съ положеніемъ дѣла иностранцы нашли даже возможнымъ утверждать, что въ Швейцаріи нищихъ совершенно не существуетъ.

Какъ бы то ни было, но эти союзы оказали, безспорно, большую

*) Спѣшимъ оговориться, что описанный здѣсь способъ борьбы съ нищетой ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать съ попеченіемъ о бѣдныхъ, которое организовано въ Швейцаріи на почвѣ общинъ и кантоновъ самымъ лучшимъ и гуманнымъ образомъ.

поддержку тѣмъ лицамъ, которыя поставили себѣ упомянутую выше задачу—оказывать посильную помощь странствующимъ мастеровымъ. Поддержка эта заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что они либо предоставляли часть имѣющихся у нихъ суммъ въ распоряженіе этихъ лицъ, либо сами устраивали учрежденія въ смыслѣ и духѣ стремленія послѣднихъ.

Приступая къ описанію организаціи и дѣятельности швейцарскихъ продовольственныхъ станцій, мы находимъ нужнымъ обратить вниманіе на то, что въ нѣкоторыхъ городахъ Швейцаріи съ незапамятныхъ временъ существовалъ обычай нищихъ-перехожихъ оставлять на ночь въ спеціально устроенныхъ для этой цѣли ночлежныхъ пріютахъ и, накормивъ ихъ, отпустить на слѣдующее утро въ дальнѣйшее странствіе.

Эта форма помощи странствующимъ и послужила въ нѣкоторомъ смыслѣ образцомъ для той организаціи, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

Первые практическіе результаты этого новаго движенія проявились раньше всего въ кантонѣ Ст.-Галленѣ *). Въ этомъ пограничномъ швейцарскомъ кантонѣ, издавна страдавшемъ отъ наплыва иностранныхъ безработныхъ и нищенствующихъ элементовъ, собраніе представителей общинъ, имѣвшее мѣсто 9-го декабря 1881 года, рѣшило, по иниціативѣ кантональнаго президента, доктора Курти, устроить по мѣрѣ возможности во всѣхъ общинахъ кантона продовольственныя станціи. Въ январѣ слѣдующаго года правительство съ своей стороны обратилось къ общиннымъ управленіямъ съ воззваніемъ, въ которомъ было указано на важное значеніе для мѣстнаго населенія учрежденія подобныхъ станцій, имѣющихъ цѣлью освободить страну отъ «язвы нищенства и бродяжничества». Воззваніе это заканчивалось слѣдующими словами: «да почувствуетъ порочный бродяга, позорящій званіе мастерового, которымъ онъ пользуется только для своихъ неблаговидныхъ цѣлей, всю строгость полицейской власти безъ всякаго снисхожденія; ищущій же работы пусть встрѣтитъ теплое сочувствіе и дѣятельную поддержку во всѣхъ безъ исключенія общинахъ!»

Тотчасъ послѣ этого двѣ общины, Ст.-Галленъ и Флавиль, открыли продовольственныя станціи; въ 1883 году такихъ станцій было уже 14; въ слѣдующемъ году 19. Средства, необходимыя для содержанія станцій, составлялись частью изъ частныхъ пожертвованій, частью изъ суммъ, ассигнованныхъ на это дѣло общинными кассами.

Въ своемъ засѣданіи отъ 25-го мая 1888 года кантональный парламентъ принялъ рѣшеніе пригласить правительство высказать свое мнѣніе относительно того, не считаетъ ли оно полезнымъ и возможнымъ взять организацію продовольственныхъ станцій въ руки государства. Правительство не замедлило отозваться на приглашеніе кантональнаго парламента, предложивъ въ ближайшей сессіи на разсмо-

*) *W. Niedermann.* «Die Organisation der Naturalverpflegung in Kanton St.-Gallen». 1884.

трѣніе послѣдняго проектъ государственной организаціи продовольственныхъ станцій. 20-го ноября 1889 года соотвѣтственный законъ былъ принятъ парламентомъ, и вскорѣ послѣ того было приступлено къ его выполненію *).

Почти въ одно время съ Ст.-Галленомъ взялся за дѣло и Цюрихскій кантонъ **). Послѣ того, какъ двѣ деревни устроили у себя въ 1882 году продовольственныя станціи, а въ округѣ Дильсдорфѣ въ январѣ 1884 года образовался союзъ для организаціи таковыхъ станцій, 12-го іюня того же года въ Цюрихѣ собрались по иниціативѣ общеполезнаго общества округа Адельфингель делегаты различныхъ благотворительныхъ обществъ кантона съ цѣлью обсужденія мѣръ и изысканія средствъ для учрежденія сѣти продовольственныхъ станцій по всему Цюрихскому кантону. Результатомъ этихъ обсужденій было то, что уже въ слѣдующемъ году большинство округовъ имѣло подобнаго рода станціи, стоявшія подъ наблюденіемъ кантональнаго союза. На основаніи петиціи правленія этого союза цюрихскій кантональный парламентъ въ своемъ засѣданіи отъ 30-го ноября 1887 года пригласилъ правительство предложить общинамъ, не имѣвшимъ до того времени продовольственныхъ станцій, поспѣшить введеніемъ таковыхъ въ ближайшее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ парламентъ вотировалъ кредитъ въ пользу кантональнаго союза въ размѣрѣ 3.600 франковъ, каковую сумму онъ въ слѣдующемъ году увеличилъ до 5.000 франковъ.

Мы находимъ лишнимъ излагать здѣсь исторію возникновенія и развитія института продовольственныхъ станцій въ другихъ кантонахъ. Въ общемъ дѣло развивалось повсюду одинаковымъ образомъ; главная разница заключается въ томъ, что въ однихъ кантонахъ это дѣло и по сію пору находится въ рукахъ частныхъ благотворительныхъ учрежденій, въ то время, какъ въ другихъ оно съ теченіемъ времени перешло въ руки общинъ или даже государства.

Въ 1887 году образовался по иниціативѣ правленія станціи города Ольтена интеркантональный союзъ продовольственныхъ станцій, къ которому вскорѣ присоединились почти всѣ существовавшія въ то время соотвѣтственныя учрежденія ***).

Какъ видно изъ статутовъ союза, дѣятельность послѣдняго направлена главнымъ образомъ на заботу объ учрежденіи возможно большаго числа продовольственныхъ станцій, какъ и о раціональномъ ихъ распредѣленіи по всей швейцарской территоріи; союзъ устанавливаетъ модусъ продовольствія на станціяхъ и вырабатываетъ однородныя правила для продовольственныхъ пріютовъ; онъ руководитъ контролемъ

*) Kantonsstatistiker *E. Näf.* «Das Naturalverpflegungswesen in der Schweiz». «Zeitschrift für Schweiz. Statistik». 1892, стр. 32.

**) *Marty.* «Gang und Stand der Naturalverpflegung in Kanton Zürich in praktischer und organisatorisher Hinsicht». 1887.

***) Dr. med. *A. Christen.* «Die Naturalverpflegung» и т. д. Стр. 39.

надъ посѣтителями послѣднихъ и служитъ посредникомъ между участковыми и кантональными союзами.

Продовольственныя станціи не должны слишкомъ далеко отстоять другъ отъ друга, но и не должны быть расположены на слишкомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, во избѣжаніе злоупотребленій. На каждой станціи одинъ и тотъ же посѣтитель можетъ въ теченіе шести мѣсяцевъ только одинъ разъ переночевать и получить одинъ обѣдъ или ужинъ и завтракъ. Обѣдъ состоитъ, по меньшей мѣрѣ, изъ порціи супу и хлѣба, ужинъ и завтракъ изъ порціи кофе или супу и хлѣба; выдача водки ни въ какомъ случаѣ не допускается. Продовольствіемъ и ночлегомъ могутъ пользоваться только тѣ путешественники, у которыхъ всѣ документы оказываются въ порядкѣ. Для установленія послѣдняго на всякой станціи имѣется контрольное бюро (большинство этихъ бюро помѣщаются въ мѣстныхъ полицейскихъ правленіяхъ); вмѣстѣ съ удостовѣреніемъ объ исправности документовъ контрольное бюро выдаетъ посѣтителю марку, по предъявленіи которой послѣднему предоставляется соотвѣтственное пользованія станціей. Чтобъ устранить возможность пользованія одной и той же станціей чаще допускаемаго количества разъ или нѣсколькими станціями въ одинъ и тотъ же день, каждому посѣтителю, явившемуся въ первый разъ на швейцарской территоріи въ какой либо продовольственной станціи, выдается особая контрольная книжка, которая должна быть предъявлена на всѣхъ дальнѣйшихъ станціяхъ. При станціяхъ должны быть, по мѣрѣ возможности, устроены бюро, которыя помогали бы посѣтителямъ найти заработокъ въ данной мѣстности, точно также станціи должны заботиться по мѣрѣ силъ о томъ, чтобы посѣтители могли выполненіемъ какой-либо работы оказать соотвѣтственную пользу учрежденію. Пьяные, точно также какъ и лица, отказавшіяся исполнить предложенную имъ работу, изъ станціи удаляются. Не допускаются на станцію лица, бывшія больше трехъ мѣсяцевъ безъ всякой работы.

Таковъ въ общихъ чертахъ характеръ дѣятельности продовольственныхъ станцій; положенныхъ здѣсь основаній придерживаются всѣ, безъ исключенія, станціи, вошедшія въ составъ интеркантональнаго союза. Замѣтимъ еще то, что въ 1889 году между представителями швейцарскаго интеркантональнаго союза съ одной стороны и представителями продовольственныхъ станцій великаго герцогства Баденскаго—съ другой былъ заключенъ договоръ, регулирующій сношенія между пограничными станціями; согласно этому договору, пограничныя станціи не должны отстоять другъ отъ друга дальше, чѣмъ на разстояніи отъ 12—15 километровъ; контрольная книжка, выданная одной изъ договаривающихся странъ, признается также и другою *).

Что касается организаціи дѣла въ отдѣльныхъ кантонахъ, то ска-

*) *E. Nät.* «Das Naturalverpflegungswesen in der Schweiz». 1892 г. Стр. 25.

жемъ только то, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это дѣло находится въ рукахъ государства, сѣть станцій несравненно гуще, нежели въ кантонахъ съ добровольной организаціей: въ тѣхъ кантонахъ на общинахъ лежитъ *обязанность* принимать участіе въ устройствѣ продовольственныхъ станцій, между тѣмъ какъ въ этихъ кантонахъ такого обязательства не существуетъ.

Приведемъ въ заключеніе нѣсколько статистическихъ данныхъ, дающихъ понятіе о величинѣ пользы, оказываемой институтомъ продовольственныхъ станцій. Замѣтимъ, что эти данныя относятся только къ дѣятельности станцій, вошедшихъ въ составъ интеркантональнаго союза.

Въ 1890 году *) въ 14 кантонахъ (всего кантоновъ съ раздѣленными на двѣ половины—считается 25) было 183 станціи. Средства станцій составлялись изъ частныхъ пожертвованій въ размѣрѣ 15.874 франковъ, изъ суммъ, отпускаемыхъ общинами, въ размѣрѣ 101.573 франковъ, и кантоновъ въ размѣрѣ 32.219 франковъ—всего 150.666 франковъ; израсходовано было 135.215 франковъ. Пользовалось станціями 189.850 человѣкъ, въ томъ числѣ швейцарцевъ 111.723 человѣка; ночлегъ, ужинъ и завтракъ былъ предоставленъ 125.440 чел., обѣдомъ воспользовались 102.025 человѣкъ.

Припоминая все вышесказанное относительно института продовольственныхъ станцій, мы должны придти къ заключенію, что институтъ этотъ дѣлаетъ безспорно доброе дѣло. Тяжела участь безработнаго, еще тяжеле участь бездомнаго скитальца! Но если безработный рѣшился пуститься въ странствіе искать заработка, то онъ при существованіи описаннаго института увѣренъ, что онъ въ крайнемъ случаѣ найдетъ пристанища, куда онъ ни направилъ бы свои шаги.

Проф. Н. Рейхесбергъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

*) *E. Näf.* «Das Naturalverpflegungswesen in der Schweiz». 1892 г. Стр. 36.

МИЛОСЕРДІЕ.

Романъ Уилльяма Д. Гоуэллса.

Переводъ съ англійскаго **С. А. Гулишамбаровой.**

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Нортвикъ продолжалъ въ умѣ надувательство, начатое имъ при отъѣздѣ изъ Гатборо. Вплоть до станціи Понкуассэтской соединительной линіи онъ показывалъ видъ, что ему надобно оставить главную линію и пересѣсть на боковую вѣтвь, которая шла къ заводамъ. У него былъ пассажирскій билетъ на тысячу миль, а на багажномъ билетѣ его не было указано мѣсто назначенія; поэтому онъ могъ выйти гдѣ угодно и отправиться куда угодно. Сначала онъ заплатилъ кондуктору за разстояніе до Понкуассэтской станціи, а затѣмъ остался на томъ же поѣздѣ, подъ предлогомъ необходимости проѣхать до станціи Уилугби, посмотрѣть на свои каменоломни. Для большаго правдоподобія онъ завелъ разговоръ на эту тему съ кондукторомъ. Не такой человѣкъ былъ Нортвикъ, чтобы откровенничать съ кондукторами, но онъ считалъ своею обязанностью объяснить въ данномъ случаѣ перемѣну въ своихъ намѣреніяхъ. Онъ чувствовалъ себя какъ на иголкахъ, стараясь показать, что эта мысль явилась у него случайно, и мучился сомнѣніемъ, не было ли въ словахъ кондуктора особаго значенія, когда тотъ замѣтилъ ему въ отвѣтъ, что сегодня на такомъ холодищѣ не много наработаешь киркою въ каменоломнѣ. Нортвикъ улыбнулся, сказавъ: «Да таки пробираетъ холодокъ». Онъ подсматривалъ за кондукторомъ, но тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ пробивать щипчиками пассажирскіе билеты и, казалось, совсѣмъ забылъ о Нортвикѣ.

На слѣдующей станціи Нортвикъ пошелъ за нимъ на дебаркадеръ

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль

узнать, не отсылалъ ли онъ какой-нибудь телеграммы. Разъ давъ волю этой тревожной мысли,—хотя онъ отлично сознавалъ ея нелѣпость и несостоятельность,—онъ поддавался ея давленію на каждой станціи. Онъ бралъ съ собою чемоданъ всякій разъ выходя, изъ вагона, рѣшившись не возвращаться туда, если увидитъ, что кондукторъ посылаетъ телеграмму. Было очень холодно и, несмотря на раскаленную печь въ концѣ вагона, морозъ густо разрисовалъ окна. Поѣздъ скрипѣлъ, останавливаясь и приходя въ движеніе, словно наступая на слой сухого снѣга; шумъ колесъ по временамъ терялъ свою ритмичность и тогда у Нортвика занималось дыханіе отъ страха, что вотъ-вотъ одно изъ нихъ сломается.

Никогда еще не овладѣвала имъ такая боязнь несчастнаго случая; никогда еще жизнь не казалась ему такъ дорога, какъ теперь; онъ объяснялъ свои ощущенія необходимостью посвятить себя возстановленію своего прошлаго на новомъ поприщѣ, при новыхъ условіяхъ. Жизнь его, съ этой точки зрѣнія, не принадлежала ему; она являлась драгоцѣннымъ залогомъ, который онъ хранилъ, во-первыхъ, для своихъ дѣтей, а, во-вторыхъ, для тѣхъ, кого онъ долженъ былъ спасти въ концѣ концовъ отъ убытковъ вслѣдствіе его неудавшихся предпріятій. И снова онъ оправдывалъ себя въ томъ, что намѣревался сдѣлать. Его поступокъ представлялся ему самопожертвованіемъ, священнымъ долгомъ, который онъ обязанъ былъ выполнить. Все время онъ сознавалъ себя растратчикомъ, воспользовавшимся чужими деньгами, ввѣренными ему на храненіе, и поддѣлавшимъ оффиціальныя книги для сокрытія факта; сознавалъ, что нынѣ желаетъ скрыться и увозитъ съ собою большой кушъ денегъ, по совѣсти ему не принадлежащихъ.

На одной изъ станцій, гдѣ онъ вышелъ посмотрѣть, не телеграфируетъ ли кондукторъ, онъ замѣтилъ, что тотъ съ любопытствомъ покосился на его чемоданъ; онъ понялъ: кондукторъ подумалъ, что у него тамъ спрятаны деньги. Нортвикъ задрожалъ отъ удовольствія, что такъ ловко провелъ кондуктора; но ему хотѣлось внушить этому молодцу мысль, что деньги эти онъ везъ для разсчета съ рабочими въ своихъ каменоломняхъ.

Онъ нетерпѣливо ждалъ того момента, когда поѣздъ придетъ на станцію скрещиванія линій. Здѣсь кондукторъ мѣнялся. Нортвику рѣдко приходилось ѣздить по этой линіи далѣе станціи Уилугби и новый кондукторъ сдва ли зналъ его въ лицо. Онъ намѣревался пересѣсть на Новоанглійскую центральную дорогу, которая шла въ Монрэаль. Но онъ увидалъ, что кондукторъ прошелъ въ телеграфное отдѣленіе на станціи Уилугби, и внезапно ему показалось неудобнымъ ѣхать въ Монрэаль по такой прямой дорогѣ; у него не было ни малѣйшаго доказательства, что телеграмма кондуктора имѣла какое-нибудь отношеніе къ нему, но онъ не могъ отвязаться отъ этой мысли. Онъ попрощался съ кондукторомъ, когда тотъ прошелъ мимо, и вышелъ со стан-

ціи, со своимъ чемоданомъ, словно желая идти въ городъ. Онъ переждалъ, пока кондукторъ прошелъ въ сторону, затѣмъ вернулся и вскочилъ на поѣздъ, когда послѣдній уже двинулся со станціи. Онъ зналъ, что за нимъ никто не слѣдитъ, но сознаніе укрывательства было такъ мучительно, что ему казалось, будто за нимъ слѣдятъ и онъ долженъ сбить съ толку своихъ преслѣдователей.

Поѣздъ остановился для обѣда въ Блакбрукѣ; здѣсь никто не зналъ Нортвика и онъ съ жадностью поѣлъ. Это подкрѣпило и ободрило его. Онъ сталъ снова бороться съ обуявшимъ его страхомъ. Онъ понялъ всю его безсмысленность и нелѣпость. Кондукторъ не могъ никоимъ образомъ телеграфировать о немъ изъ Уилугби; пока еще на него не пало никакихъ подозрѣній и онъ можетъ отправиться куда ему угодно и по какой угодно дорогѣ.

Но поѣздъ Новоанглійской центральной дороги уже отошелъ, и ему оставалось только одно: проѣхать на Уэлуотэръ, гдѣ онъ разсчитывалъ присоединиться къ Бостонскому поѣзду, шедшему въ Монрэаль. Онъ вспомнилъ, что поѣздъ этотъ раздѣлялся въ Уэлуотэрѣ и нѣсколько вагоновъ шли прямо на Квэбэкъ. Онъ намѣревался отправиться изъ Монрэаля въ Квэбэкъ, но теперь подумалъ, не лучше ли отправиться туда прямо изъ Уэлуотэра. Но тутъ же онъ вспомнилъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ совершилъ путешествіе по этой дорогѣ, проведя всю долгую ночь безъ спальнаго вагона; онъ сказалъ себѣ, что при томъ разстроенномъ состояніи души, которое онъ испытывалъ, ему не слѣдуетъ подвергать себя такому тяжкому утомленію. Если онъ заболѣетъ или умретъ отъ этого, результатъ будетъ не лучше желѣзнодорожной катастрофы. Тутъ ему вспомнились слова Гилари, который обозвалъ его воромъ. Онъ покажетъ Гилари, былъ ли онъ воромъ или нѣтъ, пусть только дадутъ ему время; онъ заставитъ его отказаться отъ собственныхъ словъ. И Нортвику представилось, какъ Гилари беретъ свои слова назадъ и приноситъ ему свои извиненія въ присутствіи всего совѣта. Гилари извинился такъ хорошо, и Нортвикъ прощалъ его. Въ то же время у него мелькнула мысль, что ему слѣдуетъ уменьшить опасность желѣзнодорожныхъ несчастій до послѣдней степени, сокративъ время своего путешествія. Опасность переѣзда по океану уменьшилась благодаря сокращенію времени переѣзда,—самый скорый пароходъ является одновременно и самымъ благонадежнымъ. Если онъ можетъ проѣхать въ Монрэаль изъ Уэлуотэра въ четыри-пять часовъ, тогда какъ до Квэбэка ему пришлось бы ѣхать двѣнадцать часовъ, то, разумѣется, онъ обязанъ ѣхать въ Монрэаль. Прежде всего онъ долженъ оградить себя отъ всякихъ рискованныхъ случайностей. Онъ не долженъ даже слишкомъ утомлять себя. И вотъ онъ рѣшился телеграфировать въ Уэлуотэръ объ удержаніи для него мѣста въ спальномъ вагонѣ Пулмана по дорогѣ въ Монрэаль. Цѣлый день ему пришлось пробыть въ обыкновенномъ вагонѣ и онъ чувствовалъ себя совсѣмъ разбитымъ.

Внезапно ему пришло въ голову, что теперь онъ долженъ принять ложное имя; онъ сталъ обдумывать, что ему надо принять такое имя, которое имѣло бы сходство съ его собственнымъ, иначе ему трудно будетъ отвѣчать на него быстро и непринужденно. Онъ выбралъ себѣ имя «Уарвикъ» и старался запомнить, повторяя его про себя, между тѣмъ какъ писалъ депешу свою начальнику Уэлуотэрской станціи, прося его оставить ему кресло въ спальномъ вагонѣ Пулмана. Ему нравилось выбранное имъ имя; оно, походило въ разговорѣ на его собственное имя, а писалось совершенно иначе. Но радуясь своей сообразительности и находчивости, онъ сознавалъ, что въ его мышленіи происходило нѣчто несвязное, несообразное. Мозгъ его, казалось, работалъ неправильно; онъ могъ управлять имъ, но ему казалось, будто это нѣчто, стремящееся уйти изъ подъ его контроля, словно норовистая, артачливая лошадь. Сравненіе это вызвало представленіе жеребца, захромавшаго на одну ногу. Позаботится ли Элбриджъ о немъ? И онъ сталъ думать обо всѣхъ своихъ лошадяхъ. Его охватило мучительное чувство тоски по своему дому. Любовь къ своему положенію, къ своему дому, къ своимъ дѣтямъ, казалось, обратилась противъ него, она терзала его душу, заставляла сердце его истекать кровью, словно злой духъ въ бѣсовскомъ торжествѣ среди могилъ. Онъ чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ въ страстномъ желаніи увидѣть своихъ дѣтей, и подумалъ, что это должно отразиться на его лицѣ. Онъ сдѣлалъ видъ, будто ему надобно встать съ мѣста и поправить на себѣ платье, чтобы взглянуть на себя въ зеркало, находившееся въ концѣ вагона. На лицѣ его нельзя было ничего прочесть. Лицо это, какъ и всегда, было лицомъ благодушнаго, почтеннаго человѣка, лицомъ важнаго туза изъ финансоваго міра, лицомъ примѣрнаго гражданина. Онъ собралъ все свое мужество, всю силу, чтобы отогнать терзавшія его угрызенія. Если у него такой видъ, значитъ онъ такимъ и долженъ быть; онъ могъ оставить эти столь дорогія ему существа только ради какой-нибудь хорошей цѣли. Онъ снова повторилъ себѣ, что цѣль его была очистить имя, которое носили его дочери, отъ пятна, которое могло на него упасть; цѣль его была оправдать себя, спасти своихъ кредиторовъ отъ окончательнаго краха. То была хорошая цѣль, лучшей цѣли не могло быть у человѣка въ его положеніи. И онъ снова вспомнилъ, что ему надо беречь свою жизнь, свое здоровье, потому что онъ посвятилъ себя выполненію этой цѣли.

Онъ рѣшился постоянно помнить объ этой цѣли, ни на мгновеніе не покидать мысли о ней; она была его единственнымъ прибѣжищемъ. Затѣмъ имъ овладѣло новое безпокойство,—сомнѣніе, быстро обратившееся въ дѣйствительность: онъ подписалъ ту депешу именемъ Нортвика, а не Уарвика; онъ ясно увидалъ мысленно свою подпись на бланкѣ изъ желтой манильской бумаги. Теперь онъ увидалъ, какъ было глупо посылать какую бы то ни было депешу. Онъ выругался про себя и

тутъ же обратился къ Богу съ смиренной мольбой объ избавленіи его отъ бѣды. Отъ страха онъ считалъ несомнѣннымъ, что его арестуютъ, какъ только онъ пріѣдетъ въ Уэлуотэръ. Это была слѣдующая станція, кондукторъ сказалъ ему, когда онъ спросилъ у него мимоходомъ. Кондукторъ сказалъ ему, что они запоздали, и Нортвикъ зналъ по бѣшеному ходу поѣзда, что машинистъ старался наверстать потерянное время. Выскочить изъ вагона, значило бы идти на вѣрную смерть; а онъ не долженъ умереть, онъ не долженъ идти на рискъ. Въ молитвѣ онъ вступалъ съ Богомъ въ сдѣлку: если Богъ поможетъ ему убѣжать, онъ отдастъ всѣ помышленія, всю жизнь на возмѣщеніе убытковъ своихъ кредиторовъ. Онъ почти обѣщался вернуть деньги, захваченныя имъ съ собою и своими собственными силами, своими личными дѣловыми способностями вернуть потерянное на новомъ полѣ дѣйствій. Онъ рѣшилъ спрятаться, какъ только поѣздъ придетъ въ Уэлуотэръ; будетъ темно и онъ надѣялся, что, благодаря его согласшенію съ Провидѣніемъ, ему удастся увернуться отъ полицейскаго чиновника при выходѣ изъ вагона. А ну, какъ ихъ два, по одному у каждаго выхода изъ вагона?

Но полицейскихъ не оказалось; Нортвикъ вышелъ со станціи вмѣстѣ съ другими пассажирами, направлявшимися ужинать въ ближайшую гостинницу. При тускломъ свѣтѣ убывающаго дня и деревенскихъ фонарей онъ увидалъ съ какимъ-то удивленіемъ глубокій снѣгъ и его охватило ощущеніе суроваго, неподвижнаго холода сѣверной зимы. Повсюду бѣлѣли огромные снѣговые сугробы. Неясная гладь замерзшаго озера разстилалась вдали отъ гостинницы, словно снѣжное море. На берегу его лежалъ небольшой пароходъ для экскурсій, на которомъ когда-то давно Нортвикъ совершилъ лѣтнюю прогулку со своей семьей вокругъ озера.

Всего нѣсколько миль отдѣляли его отъ канадской границы. Теперь онъ снова ликовалъ, отдавшись уже испытанному чувству безопасности Онъ спокойно продолжалъ ѣсть послѣ того, какъ прокричали отходъ Монрэальскаго поѣзда; когда уже вся зала почти опустѣла, буфетчикъ подошелъ къ нему со словами:

— Вашъ поѣздъ сейчасъ отойдетъ, сэръ.

— Благодарю васъ, — отвѣчалъ онъ,—я отправляюсь въ Квэбэкъ.

Ему хотѣлось засмѣяться при мысли, какъ онъ обошелъ судьбу-индѣйку. Вѣдь, если его стали бы разыскивать, то это случилось бы либо на монрэальскомъ поѣздѣ, до его отхода, либо должно случиться на слѣдующей станціи, которая по этой линіи находилась въ предѣлахъ Америки. Въ поѣздѣ на Квэбэкъ, приходящемъ черезъ какіе-нибудь полчаса въ Станстэдъ, онъ будетъ въ полнѣйшей безопасности: никому даже въ голову не придетъ искать его здѣсь, благодаря его депешѣ насчетъ мѣста въ спальномъ вагонѣ Пулмана, отправляющемся въ Монрэаль. Поѣздъ на Квэбэкъ медлилъ отходомъ; но онъ не обращалъ

на это вниманія. Онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по платформѣ въ терпѣливомъ выжиданіи. Онъ больше не тревожился о долгой ночи, которую ему предстояло провести въ вагонѣ. Въ Станстэдѣ онъ распростился совершенно со своими мыслями о прошломъ. Теперь оно ему болѣе не угрожало. Онъ принялся составлять планы для будущаго. Приготовляясь къ этому ночному путешествію, онъ выпилъ въ Уэлуотэрѣ чашку крѣпкаго кофе и чувствовалъ себя вполнѣ бодрымъ и свѣжимъ. Мысль его работала теперь съ быстротою и отчетливостью; умъ его не уклонялся безпорядочно въ сторону, какъ это было съ нимъ въ теченіе дня, полнаго страха, лишившаго его обычнаго равновѣсія. Мысль, ясная и живая, повиновалась его волѣ, какъ часть ея. Онъ болѣе не ощущалъ въ себѣ той двойственности, которая такъ измучила его. Спокойно и осторожно взвѣсилъ онъ ту работу, которая ему предстояла. Онъ понималъ всю важность не сдѣлать какого-нибудь ложнаго шага. Онъ долженъ ежеминутно дѣйствовать съ полнымъ сознаніемъ, что онъ являлся только агентомъ другихъ, стараясь возмѣстить свои потери.

II.

Въ Станстэдѣ въ вагонъ сѣли три джентльмена и разговоръ ихъ тотчасъ же нарушилъ мечты Нортвика, сперва возбудивъ въ немъ досаду, какъ помѣха теченію его мыслей, а затѣмъ вызвавъ усиленное вниманіе съ его стороны, какъ дѣло, представлявшее для него личный интересъ. Они были превеселый народъ и сразу расположились въ вагонѣ, какъ у себя дома. Пассажировъ было мало. Они отправлялись въ Монрэаль, какъ онъ легко уловилъ изъ ихъ бесѣды, и къ нимъ должны были присоединиться нѣсколько друзей на слѣдующей станціи, чтобы отправиться вмѣстѣ съ ними. Они говорили, не стѣсняясь, о предпріятіи, которое имѣли въ виду наладить въ Монрэалѣ; они вполнѣ вѣрили въ его успѣхъ, лишь бы имъ удалось достать необходимый капиталъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ: «Займись этимъ дѣломъ янки, оно у нихъ давно было бы въ полномъ ходу».

— Что жъ, хорошо бы намъ подцѣпить богатаго растратчика въ Монрэалѣ,—замѣтилъ другой и всѣ трое дружно расхохотались.

Смѣхъ ихъ возмутилъ Нортвика, какъ нѣчто безнравственное. Хоть онъ и могъ прослыть за растратчика, но онъ помнилъ, что у него есть священный долгъ и высокая цѣль. Однако онъ усердно прислушивался къ ихъ бесѣдѣ. Если предпріятіе ихъ покажется ему самому дѣломъ подходящимъ, то счастливый случай, доставившій ему возможность быть при ихъ переговорахъ, является указаніемъ самого Провидѣнія, — преступно было бы отказаться отъ такого случая. Провидѣніе вняло его молитвѣ, дозволивъ ему, здраво и невредимо, переѣхать американскую границу и Нортвику не слѣдовало забывать объ исполненіи своей части договора. Канадцы взяли у рабочаго при тормазѣ фонарь и принялись изу-

чать карту, разложенную у нихъ на колѣняхъ. Одинъ изъ нихъ, казавшійся старше остальныхъ, указалъ пальцемъ на карту, говоря, что тутъ это мѣсто, какъ разъ за Чикутими. Тутъ всегда находили золото, но не въ достаточномъ количествѣ, чтобы съ выгодою заняться его добычей. Послѣдняя обходится дороже полученнаго золота. Но съ примѣненіемъ его новаго способа обработки отбросовъ, невозможно сомнѣваться въ результатѣ. Такое богатство не снилось самымъ алчнымъ искателямъ золота.

Нортвику пѣсня эта была знакома раньше. Онъ откинулся на спинку своего кресла съ улыбкой, быть можетъ, черезчуръ циничной для человѣка, готоваго вступить въ сдѣлку съ Провидѣніемъ, но вполнѣ естественной для такого опытнаго дѣльца. Онъ кое-что зналъ объ этихъ способахъ утилизаціи отбросовъ золотоносныхъ рудъ и достаточно заплатилъ за свое знаніе: если бы у него были въ рукахъ тѣ деньги, которыми онъ купилъ это знаніе, ему не надо было бы въ настоящую минуту идти въ изгнаніе и начинать жизнь подъ ложнымъ именемъ, въ чужой странѣ.

Потомъ онъ снова сталъ прислушиваться. Канадецъ сказалъ:

— Въ этой области масса строевого лѣса, который принесетъ прибыли въ два раза больше своей стоимости, если даже руда не дастъ ни гроша.

— Что жъ, можно отправиться посмотрѣть и на лѣсъ, — молвилъ тотъ изъ компаніи, который до сихъ поръ почти не сказалъ ни слова.— А затѣмъ можно также взглянуть и на мыльный камень Маркгама. Если только,—прибавилъ онъ, — намъ не понадобится рыть туннель глубиною въ сто футовъ чтобы добраться до этого камня.

— О нѣтъ, нѣтъ!—заявилъ тотъ, кого звали, повидимому, Маркгамомъ, съ радужной увѣренностью энтузіаста. — Объ этомъ нечего безпокоиться. Мы поставили нѣсколько лачугъ у отверстія углубленія, сдѣланнаго нами осенью, вы можете увидѣть углубленіе и нѣтъ нужды производить земляныя работы. По крайней мѣрѣ, вы могли бы увидѣть его въ началѣ января, когда я былъ тамъ.

— А это углубленіе все еще существуетъ?

— Оно существовало, когда мы оттуда уѣхали.

— Ну, это поднимаетъ мой духъ! Но, послушай, Маркгамъ, какимъ способомъ ты можешь добраться туда зимою?

— Да очень просто. Ничего не можетъ быть проще. Пропасть народу, торгующаго досками для бочекъ, всю зиму ѣздятъ туда. На саняхъ отъ Сэнтъ-Аннъ, двадцать миль ниже Квэбэка... Отъ Квэбэка туда можно ѣхать по желѣзной дорогѣ, либо на саняхъ, по желанію. Но я предпочитаю сани. Я люблю короткіе переѣзды и отправляюсь по длиннѣйшей дорогѣ: есть и кратчайшая, но разстояніе между остановками очень велико. Ты проѣзжаешь двадцать миль отъ Сэнтъ-Аннъ до Квэбэка—одни сутки; восемнадцать до Сэнтъ-Джоакимъ—вторыя сутки;

тридцать девять до бухты св. Павла—еще сутки; сорокъ до Тадуссака, а затѣмъ восемнадцать до Раки Маргариты. Такимъ манеромъ ты можешь ѣхать даже по только-что выпавшему снѣгу. А по льду изъ Сагнэ въ Гага-Бэй перегонъ въ 60 миль. Еще одиннадцать миль далѣе и ты въ Чикутими, прежде чѣмъ успѣешь оглянуться. Хорошій столъ, хорошая постель на всѣхъ станціяхъ. Ты хорошенько закутываешься и дѣло съ концомъ. Разумѣется,—замѣтилъ Маркгамъ въ заключеніе своей рѣчи,—климатъ тамъ, пожалуй, посуровѣе климата въ Станстэдѣ.

Онъ сказалъ это такъ серьезно, какъ будто климатъ въ Станстэдѣ былъ въ родѣ климата въ Сантъ-Августинѣ.

— Конечно, на словахъ это пустяки,—молвилъ самый разговорчивый изъ двухъ.—Но вѣдь ѣхать-то приходится цѣлую недѣлю.

— Что такое какая-нибудь недѣля на пути въ Голконду, если Голконда будетъ твоей, разъ ты добрался до нея? —сказалъ Маркгамъ.— Послушай, Уоткинсъ, молодыя сосны и тополи въ этой области сами по себѣ стоятъ въ два раза дороже того, что я прошу за все. За нѣсколько шиллинговъ можно установить заводъ для древесной массы на одной изъ этихъ великолѣпныхъ водяныхъ силъ и въ какое-нибудь лѣто вы всѣ сдѣлаетесь милліонерами.

— А что прикажешь дѣлать зимою, когда твоя великолѣпная водяная сила застынетъ въ ледяномъ покоѣ.

— Работать еще усиленнѣе, чѣмъ когда-либо, голубчикъ, и показать примѣръ трудолюбія всѣмъ этимъ лѣнивымъ туземцамъ. Ты можешь имѣть топливо за счетъ хвороста; знай только укладывай сосну да тополь, а на другомъ концѣ завода они будутъ превращаться въ бумажную массу.

Уоткинсъ и другой слушатель громко расхохотались горловыми звуками «гау-гау» надъ шутливымъ заявленіемъ Маркгама, а Уоткинсъ сказалъ:

— Послушай, Маркгамъ, ты, вѣроятно, родился по ту стороны дороги?

— Нѣтъ. Но отецъ мой былъ природный янки. И мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ оставался у себя на родинѣ. Я бы обошелъ всѣхъ капиталистовъ на Стэнной улицѣ, стараясь убѣдить ихъ вложить свои фонды въ мою копь, вмѣсто того, чтобы трепать свои штаны, стоя на колѣняхъ передъ вами, канадцами, умоляя васъ не отвергать вашихъ неистощимыхъ богатствъ.

Они снова загоготали всѣ разомъ, а въ Шербрукѣ пересѣли въ другіе вагоны.

Нортвику также надо было пересѣсть, но онъ не пытался занять мѣсто въ одномъ вагонѣ съ ними. Ему хотѣлось обдумать, обсудить въ своемъ умѣ тѣ мысли, которыя вызвала у него ихъ болтовня, для немедленныхъ и дальнѣйшихъ дѣйствій въ будущемъ. Онъ опасался запутаться въ своихъ соображеніяхъ и, можетъ быть, боялся придти въ

унынiе, продолжая слушать ихъ рѣчи. Ему казалось, что онъ узналъ теперь вполнѣ достаточно, что ему надобно дѣлать, и не желалъ сворачивать въ сторону съ намѣченнаго пути.

Ему страстно хотѣлось ѣхать далѣе, но онь не чувствовалъ нетерпѣнія. Онъ очень хорошо перенесъ двѣ долгія стоянки въ Шербрукѣ и въ Ричмондѣ. Но когда поѣздъ наконецъ вышелъ со станціи скрещиванія дорогъ на Квэбэкъ, онъ усѣлся на свое мѣсто съ чувствомъ большей благонадежности и большаго довольства, чѣмъ прежде, и далъ волю своему воображенію, создавая картины будущаго. Тормазчикъ жарко затопилъ печь на концѣ вагона и Нортвикъ не почувствовалъ холода, усилившагося за ночь на дворѣ, хотя на немъ не было ни теплой шубы, ни теплой обуви, какъ на другихъ пассажирахъ. Всѣ они были канадцы и говорили отъ времени до времени по-французски, растягивая гласныя, они спокойно входили и уходили на деревенскихъ станціяхъ. Вагонъ былъ старый и обтрепанный, и раскачивался ужасно. Но несмотря на всѣ неудобства, Нортвикъ сладко дремалъ въ теплѣ ярко пылавшей печи, а къ утру погрузился въ глубокій сонъ безъ сновидѣній.

Онъ проснулся, окрѣпшій и освѣженный, къ своему удивленію, увидавъ, что поѣздъ входитъ на станцію Пуантъ Леви. Солнце горѣло ровнымъ, мягкимъ свѣтомъ лампы сквозь окно вагона, покрытое густымъ слоемъ изморози; выйдя изъ вагона, онъ увидалъ передъ собою безоблачное небо и ослѣпительно-сверкавшую солнечнымъ блескомъ сплошную пелену снѣга. Огромный ландшафтъ, который онъ когда то лѣтомъ видѣлъ весь въ зелени, начиная отъ береговъ величественныхъ рѣкъ, вплоть до горныхъ вершинъ, тонущихъ въ далекой синевѣ, теперь, казалось, округлился и уменьшился, благодаря громаднымъ снѣжнымъ сугробамъ, заполнявшимъ его и скрывавшимъ ручьи и рѣки въ глубинахъ, подъ ледянымъ покровомъ почти равнымъ глубинамъ водяныхъ потоковъ подъ нимъ. Деревни канадскихъ фермеровъ искрились жестяными крышами и шпицами и передъ нимъ нырисовывался городъ на высокомъ утесистомъ берегу, окутанный перистымъ, серебристымъ дымомъ. Посреди замерзшихъ судовъ кипѣла дѣятельная жизнь, обратившая рѣку въ большія проѣзжія дороги, и пестрѣла широкую гладь, сіявшую бѣлизной отдѣльными фигурами и группами людей и лошадей.

Все это поражало зрѣніе яркостью и причудливостью красокъ, и Нортвика охватила какая-то ребяческая радость. Одну минуту онъ пожалѣлъ, почему ему ни разу не вздумалось пріѣхать ранѣе въ Квэбэкъ, зимою, со своими дочерьми. Онъ поманилъ соннаго извозчика съ коричневымъ лицомъ, стоявшаго вмѣстѣ съ другими по другую сторону станціи въ ожиданіи пассажировъ для перевоза черезъ рѣку, и бросилъ свой чемоданъ на дно маленькихъ санокъ. Онъ назвалъ одну изъ гостинницъ Верхняго Города; извозчикъ хлестнулъ своего выносли-

*

ваго, мохнатаго пони, и они понеслись по льду, гладкому, какъ стекло, а затѣмъ по крутому спуску Нагорной части города. Улицы представляли широкій санный путь, покрытый гладкимъ, упругимъ, толстымъ слоемъ перемерзлаго снѣга. Пѣшеходы, закутавшись въ мѣха по самыя уши, чтобы защитить себя отъ утренняго холода, сновали между экипажей посреди улицы, либо пробирались вдоль стѣнъ домовъ, держась къ нимъ какъ можно ближе, во избѣжаніе легкихъ обваловъ снѣга, выпавшаго за ночь и скатывавшагося то здѣсь, то тамъ съ отвѣсныхъ жестяныхъ крышъ.

Безпричинное довольство Нортвика росло съ каждымъ впечатлѣніемъ красоты и новизны. Оно вызывало въ душѣ его образы ранней юности и зимы среди родимыхъ горъ. Ему казалось, что жизнь могла быть очень пріятною въ этихъ мѣстахъ. Онъ отказался отъ мысли, которую по временамъ лелѣялъ втайнѣ, переселиться въ Южную Америку со своимъ семействомъ въ томъ случаѣ, если ему окончательно не удастся разсчитаться со своими компаньонами, чтобы получить возможность благополучно вернуться на родное пепелище. Онъ создавалъ планы на счетъ будущей жизни въ Квэбекѣ, гдѣ онъ могъ построить новый домъ для своихъ дѣтей, среди природы, которая не будетъ имъ вполнѣ чуждой. Эти мысли не отдалили его отъ твердо принятаго рѣшенія возстановить свое доброе имя, но онѣ вдохнули въ него надежду безконечно растяжимыхъ вѣроятностей. Онъ рѣшился привести въ исполненіе одно предпріятіе, задуманное имъ, и тотчасъ же послѣ завтрака занялся необходимыми приготовленіями.

III.

Гостинница, гдѣ онъ остановился, по воспоминаніямъ своихъ прежнихъ поѣздокъ въ Квэбэкъ, служила, повидимому, излюбленнымъ пріютомъ для небогатыхъ людей Стараго Свѣта. Онъ взялъ себѣ комнату и пробылъ въ ней довольно долго, чтобы пересчитать деньги, бывшія у него. Онѣ были всѣ налицо. Затѣмъ онъ взялъ одну изъ кредитокъ и отправился размѣнять ее у маклера.

Величина суммы, повидимому, поразила маклера; но онъ старался лишь удостовѣриться въ подлинности этого зеленаго банковаго билета, а затѣмъ, окинувъ проницательнымъ взглядомъ безукоризненно корректную физіономію Нортвика, уплатилъ ему слишкомъ тысячу долларовъ канадскими билетами.

— Мы имѣли обыкновеніе брать съ вашихъ соотечественниковъ лишекъ,—молвилъ онъ, улыбнувшись тому, что призналъ національность Нортвика.

— Да, теперь все это измѣнилось,—отвѣчалъ Нортвикъ.—Неужели я такъ сильно похожъ на американца?—спросилъ онъ.

— Какъ вамъ сказать,—отвѣчалъ маклеръ съ живой интонаціей

англичанина.—Я думаю, сходство это зависитъ отъ того, что на васъ такая жесткая шляпа, ну и все прочее. Мы здѣсь носимъ въ это время года мѣховыя шапки.

— А! вотъ такъ славная идея!—сказалъ Нортвикъ.

Онъ говорилъ непринужденно, но въ душѣ его мучило страстное желаніе заглянуть въ газету, лежавшую раскрытой на конторкѣ. Онъ увидалъ, что это была утренняя газета. Въ ней непремѣнно было что-нибудь о немъ! При этой мысли у него болѣзненно закружилась голова. Но онъ зналъ, что если въ этой газетѣ есть что-нибудь о немъ, слухи о его преступленіи, догадки насчетъ его бѣгства, ему не снести этого. Онъ могъ пребывать глухимъ и слѣпымъ по отношенію къ тому *я*, которое онъ оставилъ за собою, но онъ былъ не въ силахъ перенести что-нибудь худшее. Газеты, казалось, сами лѣзли ему въ руки; мальчишки-газетчики слѣдовали на улицахъ за нимъ по пятамъ; онѣ бросались ему въ глаза во всѣхъ лавкахъ и магазинахъ, куда онъ заходилъ купить себѣ мѣховую шапку и шубу, нижнее бѣлье и нѣсколько перемѣнъ верхняго платья, поясъ для денегъ. Эта огромная сумма, которую онъ не смѣлъ положить въ банкъ, должна быть при немъ; она не должна оставлять его ни ночью, ни днемъ; она должна лежать въ замшевомъ поясѣ, который онъ будетъ носить на себѣ постоянно, не снимая его даже для сна. Поясъ былъ сдѣланъ для золота, но сорокъ два билета, въ тысячу долларовъ каждый, легко могли въ немъ помѣститься.

Онъ вернулся въ гостинницу, переложилъ свои деньги въ поясъ и надѣлъ на себя. Послѣ этого онъ вздохнулъ съ облегченіемъ и пошелъ разспросить хозяина гостинницы насчетъ дороги, по которой хотѣлъ отправиться. Онъ узналъ,—какъ и ожидалъ,—что по этой дорогѣ постоянно ѣздятъ купцы, торгующіе лѣсомъ для всякихъ поддѣлокъ. Многіе изъ нихъ отправлялись изъ Квэбэка на саняхъ, но хозяинъ гостинницы посовѣтовалъ Нортвику проѣхать до Сэнтъ-Аннъ по желѣзной дорогѣ, такъ какъ оттуда предстояло не мало пути на саняхъ. Нортвикъ былъ того же мнѣнія, и отобѣдавъ въ гостинницѣ, сѣлъ на поѣздъ, отходившій въ Сэнтъ-Аннъ.

Онъ не чувствовалъ усталости. Онъ былъ удивительно бодръ и свѣжъ. Онъ разсчитывалъ уснуть дорогою, но сонъ не приходилъ и даже ночью онъ почти не спалъ. Онъ снова почувствовалъ то напряженное состояніе ума, словно нѣчто отдѣльное отъ него, не поддававшееся усиліямъ его воли. Гостинница въ небольшой туземной деревушкѣ была очень хороша. Ему дали отличный ужинъ и удобную постель. Но спалось ему плохо; онъ проснулся задолго до ранняго завтрака, который заказалъ для себя накапунѣ. Хозяинъ гостинницы старался убѣдить его, что ему не къ чему было такъ торопиться; до Сэнтъ-Джоакима, гдѣ была первая остановка, считалось всего восемнадцать миль, дорога прелестная и черезъ нѣсколько часовъ онъ бу-

детъ тамъ. Ему бы лучше остаться, зайти въ ихъ церковь, посмотрѣть на приношенія, которыя ежегодно оставляютъ больные здѣшней святой въ благодарность за исцѣленіе отъ болѣзней. Хозяинъ гостинницы высказывалъ сожалѣніе, что Нортвикъ ни разу не побывалъ здѣсь во время стеченія богомольцевъ; его соотечественники часто сюда пріѣзжаютъ. Нортвикъ понялъ, что, несмотря на мѣховую шапку и шубу, и громадные канадскіе сапоги, его легко признали за американца этотъ человѣкъ, хотя онъ, Нортвикъ, не могъ рѣшить съ достовѣрностью, французъ или ирландецъ хозяинъ его гостинницы, не зналъ онъ также, серьезно или въ насмѣшку тотъ совѣтовалъ ему обратиться къ святой Аннѣ за помощью въ горѣ, которое, быть можетъ, у него было на душѣ. Онъ нахмурился при этомъ намекѣ, а сердце его забило тревогу отъ сумасбродной мысли повѣсить этотъ поясъ съ деньгами на алтарь святой и освободиться такимъ образомъ отъ всѣхъ своихъ терзаній. Воображенію его представилась, полная уродливаго комизма, картина американскихъ растратчиковъ и расхитителей чужихъ денегъ, отправляющихся въ Канаду на поклоненіе мощамъ св. Анны и приносящихъ ей эмблемы ихъ нравственныхъ недуговъ: поддѣльные векселя, счетныя книги, составленныя для обморачиванія добрыхъ людей, ложные отчеты... Въ то же время онъ спросилъ у хозяина гостинницы, не слыхалъ ли тотъ о золотыхъ розсыпяхъ по рѣкѣ Чикутими, стараясь выдать себя за золотопромышленника янки, который отправляется на развѣдки этого близко знакомаго ему дѣла за свой рискъ и страхъ.

Хозяинъ гостинницы оказался очень милымъ и обязательнымъ молодымъ человѣкомъ. Онъ отнесся къ Нортвику съ веселой почтительностью юноши къ старику и, благодаря этому, Нортвикъ забылъ на время уколы, нанесенные его респектабельности, которые такъ больно грызли его за сердце при воспоминаніи о нихъ.

Хозяинъ гостинницы отыскалъ для него извозчика съ выносливой малорослой лошадкой туземной породы, который условился доставить его въ Чикутими черезъ Пеадусакъ.

Послѣ ранняго завтрака подъѣхалъ извозчикъ въ низкихъ санкахъ, на прочныхъ деревянныхъ полозьяхъ, тепло обложенныхъ внутри медвѣжьими полостями для колѣнъ и спины. День стоялъ тихій и солнечный, какъ и наканунѣ, а рѣзкій вѣтеръ, дувшій прямо въ лицо, во время быстраго движенія саней, искрился мелкою изморозью, которая иногда осыпала ихъ словно легкимъ мелкимъ дождемъ. Нортвикъ пріѣхавъ въ Сэнтъ-Джоакимъ въ полдень и рѣшилъ послѣ обѣда отправиться дальше, чтобы остановиться къ ночи на полупути отъ залива св. Павла. Хозяинъ гостинницы въ Сэнтъ-Джоакимъ одобрилъ его рѣшеніе.

— Этою ночью повалитъ снѣгъ, а завтра его намететъ вѣтромъ,— сказалъ онъ и далъ извозчику адресъ фермера, у котораго они могли заночевать.

Извозчикъ былъ молчаливъ и съ виду мраченъ. Нортвику подумалось, какъ легко этотъ человѣкъ могъ убить его на этой глухой дорогѣ и скрыться съ деньгами, лежавшими въ его поясѣ; вѣроятно, онъ бы сдѣлалъ это, знай, что такое богатство у него подъ рукою. Но извозчикъ не обращалъ на него никакого вниманія и только одинъ разъ повернулся въ его сторону, чтобы предостеречь его:

— Глядите за своимъ носомъ. Какъ разъ отморозите его.

Остальное время онъ разговаривалъ со своей лошадкой, которая была съ лѣнцою, и то и дѣло погонялъ ее впередъ: «Marche donc! Marche donc!», сокративъ въ концѣ концовъ свое воззваніе въ «Ch' donc, Ch' donc!», повторяя вновь и вновь эти два слова въ правильныхъ промежуткахъ, словно унылые звуки колокольчика...

Нортвикъ вздрогнулъ внезапно. Должно быть, онъ или сходитъ съ ума, или видѣлъ все это во снѣ. Можетъ быть, онъ замерзаетъ и это— начало его предсмертныхъ грёзъ. Но онъ чувствовалъ, какъ тепло ему въ его шубѣ, и понялъ, что «то былъ лишь сонъ». Онъ снова вернулся и подъѣхалъ къ дому своему въ Гатборо. Онъ увидалъ электрическіе огни изъ длиннаго ряда оконъ крытой веранды и опять повторилъ Эльбриджу свое замѣчаніе насчетъ подковъ этой лошади. Затѣмъ онъ услыхалъ рѣзкій лай, напоминавшій лай лисицы, и увидалъ, что его сани остановились у хижины того фермера, у котораго они должны были заночевать. Въ открытую дверь выглядывала толпа ребятишекъ; собаки свирѣпаго вида бросались на лошадь въ бѣшеномъ припадкѣ любопытства и подозрительности.

Нортвикъ проснулся освѣженный физически, но съ унынiемъ отчаянія въ сердцѣ. Ему приснился его домъ и это отняло у него все мужество. Но его внѣшнее самосознаніе заставило его отвѣтить на привѣтствіе человѣка съ трубкою въ зубахъ и съ чѣмъ-то въ родѣ синяго чулка на головѣ. Внутренняя обстановка хижины была бѣдная, но въ ней была своеобразная уютность и пріятность; въ хижинѣ было очень тепло отъ большой продолговатой печи во внутренней стѣнѣ, раздѣлявшей двѣ комнаты. Обѣдъ, поданный ему хозяйкою фермы, былъ хорошо и вкусно приготовленъ, но кусокъ не лѣзъ ему въ горло и онъ рано легъ спать. Онъ плохо понималъ по-французски и не могъ поддерживать разговоръ съ этими людьми, но слышалъ, что они говорили о немъ, какъ о старомъ человѣкѣ, и въ словахъ ихъ звучала удивленная жалость, что ему понадобилось очутиться здѣсь. Онъ и самъ испытывалъ это удивленіе и эту жалость. Ему казалось такимъ безумiемъ, такой жестокостью видѣть себя оторваннымъ отъ своего дома и отъ своихъ дѣтей въ его лѣта. И онъ старался выяснить себѣ, что было причиною этого.

Фермеръ уступилъ Нортвику свою лучшую постель въ самой большой комнатѣ, а самъ съ женою ушелъ въ другую, уведя съ собою двухъ или трехъ младшихъ дѣтей; остальные члены семьи устроились кое-какъ на чердакѣ. Каждый вѣжливо пожелалъ гостю спокойной

ночи. Прежде чѣмъ Нортвикъ заснулъ, хозяинъ отворилъ дверь и впустилъ нѣсколькихъ индійцевъ и извозчика. Всѣ они улеглись на полу у огня.

IV.

Утромъ Нортвику не хотѣлось вставать съ постели, но онъ принудилъ себя встать. Въ этотъ день онъ проѣхалъ остальную часть дороги до залива св. Павла. Шелъ снѣгъ, но Нортвикъ ѣхалъ безъ особенныхъ помѣхъ. На слѣдующій день, однако, снѣжные сугробы занесли дорогу, и онъ могъ проѣхать двадцать миль до Мальбэ только къ позднему вечеру. Онъ переносилъ это путешествіе лучше, чѣмъ ожидалъ. Ни разу онъ не почувствовалъ себя такимъ усталымъ, какъ въ первый день, когда выѣхалъ изъ Сэнтъ-Аннъ. Онъ и спалъ мало, но общее состояніе его было удовлетворительно. Хуже всего было то, что нарушеніе связи. между его волей и его мышленіемъ какъ будто становилось все полнѣе. У него было ощущеніе пробоины, которая, подобно безднѣ, разверзалась все дальше и дальше, отъ одной стороны къ другой. Сперва мысль его работала ясно, но непослушно; затѣмъ онъ сталъ замѣчать вялость въ постановкѣ цѣлей и мотивовъ. По временамъ онъ не могъ сказать, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ. Онъ съ трудомъ возвращался къ тому факту, что хотѣлъ какъ можно дальше уйти не только отъ преслѣдованія, но и отъ искушенія добровольно вернуться и отдать себя въ руки своихъ враговъ. Онъ зналъ, что не рискуетъ быть выданнымъ—это происходило до заключенія трактата; но онъ боялся, что подойди къ нему сыщикъ, онъ самъ себя отдастъ въ его руки и отправится назадъ, главнымъ образомъ потому, что не могъ постоянно помнить причины, мѣшавшія ему вернуться. Когда, по временамъ, причины эти ускользали изъ его головы, ему казалось, что съ нимъ не могло случиться ничего непріятнаго, если онъ вернется домой и возвратитъ товариществу увезенныя деньги. Необходимо было добровольное усиліе логики, чтобы доказать, что это частичное возмѣщеніе взятыхъ имъ суммъ не послужитъ ни къ чему... Что его арестуютъ и посадятъ на скамью подсудимыхъ. Ему не позволятъ жить по старому со своими дѣтьми, въ своемъ домѣ. Его оторгнутъ отъ нихъ и засадятъ въ тюрьму.

Онъ выѣхалъ рано утромъ въ Тадусакъ, послѣ безсонной ночи. Извозчикъ хотѣлъ сдѣлать сорокъ миль въ два перегона, но Нортвикъ не согласился. Снѣжные заносы были не такъ велики, какъ раньше, и они добрались сюда до наступленія ночи. Нортвикъ помнилъ эту мѣстность, потому что именно здѣсь пароходъ изъ Сагнэ долго останавливается, прежде чѣмъ подняться по рѣкѣ. Онъ узналъ въ неясномъ вечернемъ свѣтѣ очертанія небольшого залива, а надъ нимъ холмы съ разбросанными по нимъ деревушками. Двадцать лѣтъ тому назадъ, онъ

совершилъ это путешествіе вмѣстѣ съ женой, со смерти которой прошло почти столько же лѣтъ, но онъ вспомнилъ совершенно ясно эту мѣстность и лѣтній ея видъ. Повидимому, здѣсь было такъ же людно, какъ въ то лѣто. Лампы свѣтились изъ оконъ тамъ, гдѣ онъ ихъ тогда увидѣлъ, выйдя прогуляться послѣ ужина; въ деревенской лавкѣ собралось нѣсколько фермеровъ и метисовъ вокругъ печи, а на улицахъ было такъ же оживленно, какъ бывало въ это время года и въ этотъ часъ въ маленькой деревушкѣ Бѣлыхъ горъ, гдѣ прошла его юность. Здѣсь, повидимому, было вовсе не дурно. Если въ Чикутими не хуже, то онъ можетъ поселиться здѣсь, пока будетъ въ состояніи возстановить свое честное имя. И ему представилось, какъ онъ перевезетъ сюда свое семейство, когда его заводы пойдутъ успѣшно. Къ тому времени здѣсь, вѣроятно, поселится много посторонняго народу.

Онъ сытно поужиналъ, но спалъ опять плохо и всю ночь его мучила лихорадка. Онъ думалъ, какъ будетъ ужасно, если онъ захвораетъ здѣсь; вѣдь онъ можетъ умереть, прежде чѣмъ успѣетъ написать своимъ дѣтямъ и прежде чѣмъ они успѣютъ пріѣхать къ нему. Онъ раздумывалъ, не вернуться ли ему обратно въ Квэбэкъ; онъ отправится въ Европу, а дѣти его пріѣдутъ къ нему туда. Можно было продать Гатборское имѣніе и на вырученныя деньги да на тѣ, что имѣлись у него въ рукахъ, прекрасно устроиться гдѣ-нибудь, гдѣ жизнь не дорога и нѣтъ договора съ Соединенными Штатами о выдачѣ преступниковъ. Ему припомнилось, что онъ читалъ объ одномъ растратчикѣ, который отправился въ маленькую республику, называемую Санъ Марино, гдѣ-то въ Италіи, и тамъ зажилъ себѣ припѣваючи; онъ узналъ, что президентъ республики выжималъ сокъ изъ своего винограда; жизнь здѣсь почти ничего не стоила, хотя скука здѣсь была смертная. Изгнанникъ сталъ такъ сильно тосковать по родной сторонѣ, что вернулся назадъ и отдалъ себя въ руки правосудія. Ему казалось страннымъ, что онъ раньше не подумалъ объ этомъ мѣстѣ. Затѣмъ онъ вспомнилъ, что раньше мая изъ Квэбэка не можетъ тронуться ни одинъ пароходъ. Его арестуютъ во всякомъ американскомъ портѣ или въ Англіи. Ему припомнилось объявленіе о пароходныхъ рейсахъ между Квэбэкомъ и Бразиліей; онъ долженъ подождать, когда вскроется р. Св. Лаврентія, и отправиться въ Бразилію, а утромъ онъ долженъ вернуться въ Квэбэкъ.

Но утромъ онъ почувствовалъ себя настолько лучше, что рѣшился продолжать путь въ Чикутими. Ему была нестерпима мысль, что онъ будетъ открытъ въ Квэбэкѣ сыщиками и репортерами, которые наводнятъ прессу статьями о немъ. Онъ долженъ умереть для свѣта, для своей семьи, прежде чѣмъ у него явится надежда вновь вернуться къ нимъ.

Утро сіяло солнечнымъ свѣтомъ и ослѣпительный блескъ снѣга причинялъ боль его глазамъ. Онъ зашелъ въ лавку за консервами и купилъ кстати немного опія, чтобы принять на ночь, если его снова будетъ мучить безсонница. До Гага Бэ оставалось шестьдесятъ миль, но дорога

по замерзшей рѣкѣ была чудесная и онъ могъ сдѣлать большой конецъ. Отъ рѣки Маргариты ему придется ѣхать по льду Сагнэ; дорога будетъ ровная и легкая.

Весь ландшафтъ, казалось, сократился съ того далекаго лѣтняго времени, когда онъ впервые видѣлъ его. Вершины безконечныхъ снѣжныхъ пустынь, тянувшихся по обѣимъ сторонамъ рѣки, казались ниже, словно снѣгъ пригнулъ ихъ своею тяжестью къ землѣ, но несомнѣнно, въ его памяти онѣ являлись преувеличенно высокими. Онѣ утратили свой таинственный лѣтній видъ, когда онѣ застилались дождемъ или тонули въ туманѣ; всѣ ихъ очертанія вырисовывались теперь вполнѣ отчетливо, а лѣса, одѣвавшіе ихъ отъ берега вплоть до вершинъ, не представлялись нынѣ непрерывной темной полосой. Снѣгъ сверкалъ сквозь ихъ голые стволы, а черная рѣка, протекавшая у подножія ихъ, лежала теперь недвижной бѣлой скатертью. Санки Нортвика быстро скользили по ней и его охватило странное чувство собственнаго ничтожества и отчужденія. Ему вспоминался фотографическій снимокъ вида луны, который онъ видѣлъ когда-то въ очень увеличенныхъ размѣрахъ, и вспомнилась муха, случайно пролетѣвшая по бѣлому пространству между рядами угасшихъ вулкановъ.

Иногда береговые утесы были такъ круты, что снѣгъ не могъ на нихъ удержаться, и они выступали шероховатые и мрачные. Иногда потоки воды, бившей изъ нихъ ключемъ въ лѣтнюю пору, замерзали длинными ледяными сосульками. Видъ этихъ громадныхъ ледяныхъ сосулекъ, покрывавшихъ лицо скалъ, возбуждалъ въ душѣ Нортвика благоговѣйный ужасъ, котораго онъ еще нигдѣ не испытывалъ, исключая того момента, когда его извозчикъ пріостановилъ свои сани передъ огромными мысами Троицы и Вѣчности, молча указавъ на нихъ хлыстомъ. Становилось поздно. Дневная пустыня погружалась въ ночной мракъ. Во время ихъ остановки изъ лѣса, окаймлявшаго заливъ между мысами, раздался крикъ рыси; его повторило эхо, которое пронеслось черезъ всю ширь этой застывшей пустыни и замерло стономъ въ томъ мѣстѣ, откуда впервые крикъ этотъ прервалъ ночное безмолвіе.

Изрѣдка они проѣзжали мимо какой-нибудь лѣсопильни, гдѣ стояло нѣсколько бревенчатыхъ избъ и чувствовалось присутствіе человѣческой жизни въ дымѣ, медленно поднимавшемся изъ трубъ въ прозрачномъ, сухомъ воздухѣ, либо въ фигурахъ появлявшихся у дверей избъ, когда сани проносились мимо. У одной изъ такихъ избъ извозчикъ предложилъ Нортвику остановиться для ночлега. Нортвикъ согласился. Дорога въ конецъ его измучила, нервы его утомились словно подъ давленіемъ мертвой пустыни, черезъ которую онъ проѣхалъ, и подъ гнетомъ думъ его, подъ напряженіемъ его мечтаній. Помимо воли, мысли уносили его назадъ, къ его дѣтямъ. Въ это время, гораздо ранѣе этого времени, его дочери должны сходить съ ума отъ безпокойства

за него; теперь ихъ позоръ долженъ отравить ихъ горе. Онъ ясно сознавалъ все это и также ясно сознавалъ, что не можетъ, не долженъ придти къ нимъ на помощь. Онъ не долженъ возвращаться къ нимъ, если ему когда-либо суждено жить снова для нихъ. Но наконецъ онъ спросилъ себя, зачѣмъ жить ему, почему не умереть ему. Въ этомъ пузырькѣ достаточно опія, чтобы убить его.

Выйдя изъ саней на берегу рѣки по дорогѣ къ дверямъ хижины лѣсопильщика, онъ вынулъ пробку изъ пузырька и выплеснулъ ядъ. Убійственная жидкость потянулась за нимъ на нѣсколько шаговъ по снѣгу. Собака лѣсопильщика понюхала ее и сердито отбѣжала прочь. Эту ночь онъ опять не могъ заснуть; подъ утро, когда все въ домѣ храпѣло, онъ далъ волю рыданіямъ, разрывавшимъ его сердце. Онъ слышалъ, какъ спавшіе—люди и собаки—слегка пошевелились во снѣ; затѣмъ они успокоились и самъ онъ крѣпко заснулъ.

Ему дали хорошенько выспаться. Ему приснился сонъ, быть можетъ, вызванный пробужденіемъ сознанія, что вокругъ него ходили и двигались. Люди говорили о немъ и кто-то замѣтилъ, какъ онъ старъ; а другой посмотрѣлъ на его длинную сѣдую бороду, спустившуюся поверхъ одѣяла до самаго пояса. Онъ сказалъ имъ, что онъ отростилъ ее себѣ, чтобы его не узнали, когда онъ пріѣдетъ домой. И онъ показывалъ имъ, какъ по желанію могъ снимать ее и надѣвать. Онъ внезапно проснулся и увидѣлъ около себя своего извозчика.

— Ну что, выспались?

— Который часъ?—тупо спросилъ Нортвикъ, пристально вглядываясь въ него, чтобы убѣдиться въ его тожественности и стараясь вернуться къ чувству дѣйствительности.

— Девять часовъ,—отвѣчалъ извозчикъ и отошелъ въ сторону.

Нортвикъ всталъ съ постели. Домъ опустѣлъ, люди и собаки куда-то исчезли. Какая-то женщина, съ виду походившая на метиску, подала ему на завтракъ жареную дичь и кофе; ея ребенокъ уцѣпился за ея юбку и уставился глазенками на Нортвика. Онъ вспомнилъ о малюткѣ Эльбриджа, умершемъ на его глазахъ. Оба, казалось, были одного возраста. Онъ протянулъ ребенку шиллингъ; ребенокъ испуганно спряталъ свое личико въ платье матери. Извозчикъ замѣтилъ: «Еще не понимаетъ, что такое деньги». Но мать, повидимому, понимала. Она оскалила зубы и взяла деньги вмѣсто ребенка. Нортвикъ одну минуту сидѣлъ, думая о томъ, какъ странно не знать, что̀ такое деньги. Раньше онъ объ этомъ никогда не думалъ. И вотъ онъ задалъ самому себѣ вопросъ: Что же такое деньги? Мысль эта распалась на клочки,—какъ напечатанное слово, когда вы долго смотрите на него,—не имѣвшіе никакого значенія. Ему показалось забавнымъ и страннымъ, когда женщина взяла у него еще немного денегъ за столъ и помѣщеніе, словно то была дѣтская игра, гдѣ все дѣлается только для вида. Но ужъ на томъ свѣтъ стоитъ. За деньги можно достать все, что̀ угодно.

Это вопросъ спроса и предложенія; не больше. Онъ пробовалъ думать, при чемъ были деньги, когда онъ пошелъ взглянуть на больного сынишку Эльбриджа, когда Эльбриджъ оставилъ мертваго ребенка, чтобы отвезти его на вокзалъ. Тутъ было нѣчто другое. Но и *это*, и деньги одно и то же, что ни говори. Онъ доказалъ свою любовь къ дѣтямъ своимъ, наживая для нихъ деньги; не люби онъ ихъ такъ много, не сталъ бы онъ лѣзть изъ кожи, чтобы добывать такую массу денегъ и не пришлось бы ему очутиться тамъ, гдѣ онъ былъ теперь.

Мысли его пришли въ безпорядокъ, а сани между тѣмъ снова заскользили по замерзшей рѣкѣ. Было очень холодно, но полное солнце жгло его голову словно огнемъ. Вдобавокъ его ошеломлялъ яркій свѣтъ снѣжнаго покрова. Онъ ощущалъ страшную пустоту въ головѣ и однако не могъ ее поднять. Она постоянно падала ему на грудь и онъ пробуждался отъ дремы, не будучи увѣреннымъ, что спалъ.

Онъ намѣревался въ тотъ же день добраться въ Чикутими. Но онъ выѣхалъ такъ поздно, что ему казалось, имъ никогда не доѣхать въ Гага Бэ. Когда они пріѣхали туда поздно вечеромъ, у него исчезло всякое ощущеніе движенія впередъ; ему казалось, будто отъѣздъ и остановка слились въ одно или заключились въ одномъ и томъ же импульсѣ. То же самое было бы, если бы онъ проѣхалъ одиннадцать миль далѣе до Чикутими, но онъ не былъ въ состояніи чувствовать такъ въ началѣ. Желаніе его могло осуществиться только въ концѣ. Онъ сказалъ самому себѣ, что это было безразсудно.

Мысли эти промелькнули у него въ умѣ, въ присутствіи старика, суетившагося у дверей хижины, возлѣ которой остановились его сани. Хижина эта была просторнѣе большинства другихъ хижинъ въ этомъ мѣстечкѣ, которое Нортвикъ помнилъ съ удивительной ясностью. Помнилъ также онъ и этого человѣка; только въ тѣ дни его сѣдые усы, растянувшіеся до ушей, были блестящаго темнорусаго цвѣта, а его отвисшее лѣвое вѣко умѣло лукаво подмигивать. Но лицо его было такое же веселое, какъ прежде, и привѣтствіе его дышало такимъ искреннимъ радушіемъ, что Нортвикъ испугался, не узналъ ли его этотъ человѣкъ. Нортвикъ зналъ его за очень разговорчиваго канадца, который возилъ его съ женою по горамъ вокругъ залива въ то утро, когда пришла ихъ шлюпка, а затѣмъ онъ попросилъ ихъ къ себѣ въ избу и угостилъ свѣжимъ молокомъ. Женѣ Нортвика человѣкъ этотъ понравился; она говорила, что ей хотѣлось бы пожить въ такомъ домикѣ и въ такой мѣстности и ее вовсе не пугала зима, которая была ужасно сурова по его словамъ. Нортвику казалось, будто духъ его жены еще виталъ здѣсь. Но онъ рѣшилъ про себя, что человѣкъ этотъ не долженъ узнать его и онъ самъ не покажетъ вида, что видалъ его въ былое время. Это рѣшеніе стоило ему нѣкотораго усилія надъ собою, потому что онъ чувствовалъ такую душевную слабость и разбитость, что ему было бы пріятно заявить право на его доброе отно-

шеніе къ себѣ ради стараго знакомства. Ему ужасно хотѣлось спросить, все ли онъ продолжалъ ловить дикихъ животныхъ для выставокъ и хорошо ли идетъ его торговля; постоянно ли онъ жилъ въ Гага Бэ съ тѣхъ поръ, какъ они видѣлись? Но онъ укрѣпился въ своемъ рѣшеніи не упоминать объ ихъ прежнемъ знакомствѣ, потому что человѣкъ этотъ сразу обратился къ нему на англійскомъ языкѣ, признавъ его, повидимому, за янки. Быть можетъ, тутъ уже ранѣе его побывали другіе растратчики чужихъ денегъ. Быть можетъ, золотыя розсыпи привлекли сюда янки.

— Добраго утра, сэръ!—воскликнулъ канадецъ.—Радъ васъ видѣть! Позвольте пособить вамъ выйти, сэръ. Какъ пріятно поговорить съ кѣмъ-нибудь по-англійски! Англійскаго языка не услышишь тутъ съ осени, когда замерзаетъ рѣка. А въ этомъ году раненько пожаловали къ намъ. Надѣюсь, съ вашей легкой руки къ намъ пріѣдетъ много американцевъ. Они—жизнь нашей стороны. Безъ американцевъ намъ бы не прожить. Право слово, сэръ. Ни единаго денька. Пожалуйте, пожалуйте сюда. Ваша комната совсѣмъ готова для васъ, сэръ.

Нортвикъ недовѣрчиво отшатнулся.

— Развѣ вы меня ждали?—спросилъ онъ.

— Да ни чуточки!—вскричалъ тотъ, пожимая плечами и разставивъ руки.—Но всѣ путешественники останавливаются у Бёрда; тутъ двѣ комнаты; отопляются онѣ одной печью въ простѣнкѣ, и ихъ комната всегда ждетъ ихъ. Сдѣлайте одолженіе, войдите!

Онъ распахнулъ дверь и поклономъ пригласилъ Нортвика войти въ избу.

— Батистъ!—крикнулъ онъ извозчику черезъ плечо,—отведи лошадку свою въ конюшню.

Онъ дополнилъ свою англійскую рѣчь длиннымъ рядомъ фразъ на непонятномъ французскомъ языкѣ, а извозчикъ отвѣтилъ ему: «Ладно».

— Только я одинъ въ Гага Бэ говорю по-англійски,—повторилъ онъ тѣ же самыя слова, что и двадцать лѣтъ назадъ, когда представился Нортвику и его женѣ на ихъ пароходѣ и спросилъ, не пожелаютъ ли они прокатиться послѣ завтрака.—Да вы меня навѣрно знаете? Мое имя по-французски будетъ *Oiseau*? Бывали вы здѣсь прежде?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Нортвикъ одною ложью на всѣ вопросы. Этотъ живой, веселый старикъ былъ даже страшно близокъ ему. Нортвику показалось, что ничего не перемѣнилось въ обстановкѣ и убранствѣ комнаты. Вонъ то маленькое окошечко, онъ помнилъ, выходило въ бѣдный огородъ, гдѣ росла веретенообразная кукуруза да бобы для супа и кофе. Вонъ то кресло, на которое садилась его жена, чтобы посмотрѣть, что дѣлается въ огородѣ. Если бы стекло не было покрыто изморозью, онъ непремѣнно увидалъ бы и кукурузу, и бобы.

Онъ безсильно опустился въ кресло и сказалъ самому себѣ, что хорошо было бы умереть здѣсь. Онъ чувствовалъ себя ужасно ста-

рытъ и слабымъ. Онъ не снялъ съ себя теплой шубы, которая была на немъ дорогою. Ему хотѣлось бы, чтобы его такъ положили въ гробъ и похоронили.

V.

Бердъ расхаживалъ по комнатѣ взадъ и впередъ, продолжая болтать; онъ, казалось, совершенно обезумѣлъ отъ радости, что является возможность почесать языкъ, и словно боялся потерять даромъ минуту.

— Ну, сэръ, хотѣлось бы мнѣ сказать вамъ что-нибудь хорошенькое! Но я прожилъ здѣсь сорокъ лѣтъ, и такъ, и этакъ. Родомъ я изъ Квэбэка,—Портвикъ слушалъ разсѣянно и былъ увѣренъ, что человѣкъ этотъ говорилъ ему то же самое раньше, съ тѣмъ же самымъ взглядомъ, обращеннымъ куда-то въ сторону, ради вящаго эфекта своихъ словъ,—а я пріѣхалъ сюда, когда мнѣ было двадцать лѣтъ. Теперь мнѣ шестьдесятъ. Меня знаютъ всѣ американцы. Я съ ними хаживалъ въ лѣса на медвѣдя. Когда я пріѣхалъ сюда въ первый разъ, тутъ медвѣдей было тьма-тьмущая, а теперь почти совсѣмъ повывелись. У меня была охотничья собака, какой не сыскать. Но теперь я забросилъ охоту; слишкомъ старъ сталъ. Вотъ оно что. Мнѣ шестой десятокъ стукнулъ. А въ Гага Бэ я провелъ сорокъ зимъ. Знаете, почему это мѣсто зовутъ Гага Бэ? Отъ эхо. Ну, теперь что то мало слыхать *га-га* кругомъ этого залива. Но лѣтомъ здѣсь рай; да, настоящій рай Здѣсь куда лучше, чѣмъ въ Чикутими, и золота въ здѣшнихъ горахъ больше.

Онъ остановилъ на Нортвикѣ взглядъ своихъ смѣлыхъ веселыхъ глазъ, словно желая сказать, что ему вѣдомо, что привело сюда этого американца; и Нортвикъ пытался ухватиться за указанный имъ вещественный мотивъ его пріѣзда въ эти мѣста. Но мысль рвалась отъ него прочь, словно запальчивая лошадь, и онъ никакъ не могъ справиться съ нею. Его *я*, то, которое казалось обособленнымъ отъ его души, знало, что было бы очень хорошо заставить этого человѣка думать, что онъ забрался сюда для осмотра золотыхъ разсыпей; но было нѣчто другое, повидимому, совпадавшее съ этимъ намѣреніемъ; нѣчто въ родѣ желанія уйти отъ прошлаго въ такую даль и такъ всецѣло, чтобы никакіе отзвуки объ этомъ прошломъ не могли донестись къ нему, пока онъ не пожелаетъ этого; удалиться на долгіе годы отъ всѣхъ, кто его зналъ, чтобы, увидя его, никто изъ нихъ не могъ бы узнать его. Онъ былъ здѣсь не для того только, чтобы устроить заводъ для древесной массы, а для того, чтобы отростить себѣ бороду, что на самомъ дѣлѣ сдѣлаетъ его неузнаваемымъ. Онъ вспомнилъ, какой у него былъ видъ съ длинною бородою во снѣ; онъ провелъ рукой по своему подбородку, нащупавъ восьмидневную щетину, образовавшуюся здѣсь, и задумался надъ вопросомъ, во сколько времени можетъ отрасти у него длинная борода.

Бердъ продолжалъ говорить.

— Я знаю это Чикутимское товарищество. Я говорилъ съ Маркгамомъ насчетъ золота, когда онъ ходилъ здѣсь на медвѣдя. Онъ парень неглупый. Но въ этомъ дѣлѣ не знаетъ многаго. Вы думаете, это изобрѣтеніе принесетъ ему какую-нибудь выгоду? Едва ли. Здѣсь есть одно мѣстечко въ этихъ горахъ,—и Бердъ подошелъ къ Нортвику ближе и понизилъ свой голосъ,—гдѣ можно работать, не принимая въ разсчетъ отбросовъ. Я знаю это мѣстечко. Только что толку? И въ томъ, и въ другомъ случаѣ надобно имѣть большой капиталъ.

Онъ подошелъ къ полкѣ на стѣнѣ, надъ печью, и взялъ оттуда трубку, набилъ ее табакомъ, а затѣмъ вынулъ изъ печи нѣсколько горящихъ угольковъ, но прежде чѣмъ закурить ее, вѣжливо освѣдомился:

— Вы ничего не имѣете противъ куренія?

Нортвикъ сказалъ, что не имѣетъ ничего, а Бердъ продолжалъ:

— Здѣсь зимою вы можете дѣлать три вещи: курить трубку, рубить лѣсъ, ухаживать за дамами.

Нортвику вспомнилось, какъ онъ говорилъ эти слова и раньше и какъ они насмѣшили его жену.

— Я дѣлалъ всѣ эти три вещи. Теперь же курю трубку. Ну, разумѣется, когда молодъ, все хорошо, въ лѣсахъ превесело. Но я всегда тосковалъ по Квэбэку, нѣтъ-нѣтъ и затоскую. Вы знаете, что̀ значитъ тоска по родному пепелищу.

Слова эти проникли въ сознательное *я* Нортвика сквозь представленія бреда, заволакивавшія это *я* словно туманомъ, и серце его дрогнуло мучительною жалостью къ самому себѣ.

— Ну, вотъ я тосковалъ по родинѣ сорокъ лѣтъ, и самъ не знаю, почему. Отправился я обратно въ Квэбэкъ,—тамъ все теперь по другому... Теперь, мнѣ кажется, было бы тоскливо покинуть это мѣсто. Будь у меня капиталъ—этакъ десять. пятнадцать тысячъ долларовъ,—я вскрылъ бы эту розсыпь да вынулъ изъ нея сотенку-другую тысячъ долларовъ, а затѣмъ, прощай, хаха Бэ! Заставилъ бы я здѣшнее эхо похохотать такъ, какъ еще никогда оно не хохотало! Мнѣ было бы незачѣмъ заниматься разработкою отбросовъ своей розсыпи! Тутъ золота достаточно, чтобы и самому разбогатѣть, да и другому жить дать. А фермеровъ здѣшнихъ, я могу нанять дешево, имъ вся цѣна грошъ. Они народъ досужый, имъ времени дѣвать некуда. Кончатъ рубку лѣса и сидятъ по домамъ, баклуши бьютъ. Настала пора начать здѣсь какое-нибудь дѣло, какъ вы, американцы, говорите, пора приняться за дѣло.

Бердъ покурилъ нѣсколько минутъ въ молчаніи и затѣмъ, поводимому, впервые замѣтилъ, что Нортвикъ не снялъ съ себя теплой шубы.

— Надѣюсь, вы переночуете здѣсь у меня? — гостепріимно освѣдомился онъ.

— Благодарю васъ, я еще не рѣшилъ.—отвѣчалъ Нортвикъ.—Далеко ли до Чикутими?

Онъ зналъ, сколько миль оставалось до Чикутими, но задалъ свой вопросъ въ надеждѣ, что этотъ человѣкъ преувеличитъ разстояніе и тогда ему надобно будетъ остаться.

— Одиннадцать миль, но дорога плохая. Ее занесло снѣгомъ.

— Я подожду до завтрашняго дня,—отвѣчалъ онъ и принялся раскутываться и растегиваться, но руки у него дрожали отъ слабости и Бёрдъ замѣтилъ это.

— Позвольте мнѣ!—сказалъ онъ, отложивъ трубку въ сторону, и подошелъ, чтобы помочь ему. Движенія у него были мягкія и руки ловкія, какъ у женщины, но Нортвикъ почувствовалъ, какъ одна изъ нихъ прикоснулась къ сумкѣ его пояса, и отказался отъ дальнѣйшей помощи.

Онъ позволилъ Бёрду отнести свои два чемодана въ слѣдующую комнату, назначенную для него: чемоданъ, взятый имъ изъ дому, когда онъ притворялся, что уѣзжаетъ на день или на два, и чемоданъ, купленный имъ въ Квэбэкѣ для вещей, которыя онъ пріобрѣлъ тамъ же. Когда Бёрдъ поставилъ ихъ возлѣ его кровати, Нортвику сдѣлался невыносимъ видъ чемодана, взятаго изъ дому, и онъ отодвинулъ его подальше, чтобы не видѣть. Затѣмъ онъ повалился на кровать и натянулъ на себя медвѣжью полость, которая лежала на постели. Онъ скоро впалъ въ легкое забытье, мало отличавшееся отъ его грёзъ на яву. Онъ не зналъ, спалъ онъ или нѣтъ, когда Бёрдъ вернулся въ его комнату съ лампою.

— Соснули маленько?—спросилъ тотъ, весело взглянувъ на растерянное лицо Нортвика.—Ну, вотъ и чудесно! Скорехонько и ужинать теперь будемъ. Проголодались, э? Ну, черезъ полчасика все будетъ готово.

Онъ ушелъ, а Нортвику послѣ нѣкоторыхъ усилій удалось встать. Голова у него страшно болѣла, руки ныли, словно отъ жестокихъ ударовъ. Но послѣ того, какъ онъ умылъ лицо и руки теплою водою, принесенною вмѣстѣ съ лампою Бёрдомъ, ему стало немного лучше, хоть онъ все еще продолжалъ находиться въ состояніи какого-то тумана, не зная, спитъ онъ или бодрствуетъ. Онъ замѣтилъ на грубыхъ бѣлыхъ стѣнахъ нѣсколько картинъ: «Семь остановокъ Креста», раскрашенныя гравюры; литографія, изображающая индійцевъ сожигающихъ іезуита. У изголовья кровати висѣло хромолитографическое изображеніе Богородицы съ семью мечами, пронзающими Ея сердце, а возлѣ кровати было распятіе изъ терракотты.

Эти вещи производили на Нортвика впечатлѣніе чего-то страшно далекаго и чуждаго. Его простая, несложная натура, неспособная къ идеальнымъ представленіямъ, никоимъ образомъ не могла обрѣсти что-нибудь близкое въ этой чуждой ему вѣрѣ, въ этомъ чуждомъ ему языкѣ. До него донеслись нѣжные голоса женщинъ въ комнатѣ рядомъ; то были первые женскіе голоса, которые онъ услышалъ съ того

времени, какъ въ послѣдній разъ слушалъ голоса своихъ дочерей. Молодой дѣвическій голосъ, пѣвшій пѣсню, заглушался дверью, которая то запиралась, то отворялась, причемъ звуки пѣнія доносились на мгновеніе явственнѣе.

Но вернувшись въ слѣдующую комнату, Нортвикъ нашелъ въ ней только Бёрда.

— Ну теперь мы будемъ ужинать, какъ только придетъ отецъ Этіеннъ. Онъ у насъ здѣсь на должности священника... нашъ пасторъ... Онъ столуется у меня, хоть плохой онъ ѣдокъ. Я ему говорю, что ему бы слѣдовало имѣть мой аппетитъ, коли онъ желаетъ сохранить свою духовную силу. Тѣло есть основа души, не правда ли? Дайте этому основанію рухнуть, куда же тогда дѣнете вашу душу, э? Но отецъ Этіеннъ очень хорошо говоритъ по-англійски. Воспитывался въ Римѣ. Я единственный другой образованный человѣкъ въ Хаха Бэ. Можетъ, у васъ въ чемоданѣ найдутся газеты? французскія? англійскія? Все равно!

— Газеты? Нѣтъ! — отвѣтилъ Нортвикъ, охваченный ужасомъ и подозрѣніемъ.—Что такое въ газетахъ?

— Вотъ именно это я бы и хотѣлъ узнать,—молвилъ Бёрдъ, разставивъ руки и пожимая плечами.

Дверь съ улицы отворилась и вошелъ молодой человѣкъ въ длинной рясѣ священника. Бёрдъ представилъ его своему гостю и Нортвикъ пожалъ руку священнику, у котораго было гладкое лицо съ правильными чертами и прелестные глаза, невинные, какъ глаза молодой дѣвушки. Ему было двадцать восемь—двадцать девять лѣтъ; но у него было исхудалое лицо человѣка лѣтъ за тридцать, который ведетъ дѣятельную жизнь; черты его носили печать мысли и заботы о ближнихъ. Когда онъ улыбался, лицо его принимало дѣтское выраженіе. Его огромные кроткіе каріе глаза искрились свѣтомъ; все его лицо дышало привлекательной добротой, внушало довѣріе.

Нортвикъ почувствовалъ очарованіе этого лица съ какимъ-то страхомъ. Онъ держался въ сторонѣ отъ священника и за столомъ предоставилъ поддерживать разговоръ ему и хозяину дома. Они ужинали въ комнатѣ, выходившей на что-то въ родѣ крылечка; за нимъ находилась небольшая кухня, откуда пожилая женщина приносила кушанья и гдѣ та молодая дѣвушка, пѣніе которой Нортвикъ слышалъ, продолжала заливаться звонкими трелями, словно канарейка, подъ звуки жарившагося мяса.

Бёрдъ объявилъ, что женщина эта—его племянница, но затѣмъ не обращалъ на нее больше никакого вниманія. Онъ началъ развивать свои предположенія относительно дѣла Нортвика передъ священникомъ, словно предположенія эти были достовѣрнымъ фактомъ. Нортвику вообразилось, что въ своихъ выгодахъ ему надо оставить Бёрда его фантазіямъ. У нихъ зашла рѣчь о томъ, есть ли золото въ горахъ; моло-

дой батюшка считалъ этотъ вопросъ старою сказкою, потерявшей всякій интересъ, а Бёрдъ отстаивалъ его съ горячностью свѣжевозбужденныхъ надеждъ. Священникъ говорилъ о ничтожности добычи изъ розсыпей въ Шодіеръ, но Бёрдъ доказывалъ, что здѣсь было совсѣмъ иное дѣло. Нортвикъ не проронилъ ни слова: онъ слушалъ и наблюдалъ, словно эти двое людей сговорились между собою обойти его. Священникъ, повидимому, сильно желалъ свести вопросъ съ личной почвы въ область отвлеченнаго обсужденія и Нортвикъ счелъ это за хитрую уловку съ его стороны, чтобы отвести ему глаза и заставить его сдѣлать какую-нибудь неосторожность. Онъ порѣшилъ про себя уѣхать отсюда какъ можно раньше утромъ; онъ былъ увѣренъ, что здѣсь небезопасно оставаться.

— Очень хорошо!—вскричалъ священникъ по поводу одного замѣчанія.—Положимъ, у васъ есть необходимый капиталъ. И положимъ, вы извлекли все золото, которое, по вашему, здѣсь имѣется. Вы стали богачемъ. Что бы вы сдѣлали?

— Что я сдѣлаю?—Бёрдъ стукнулъ по столу кулакомъ.—Уѣду изъ Хаха Бэ завтра же утромъ!

— Куда же вы поѣдете?

— Куда? Въ Квэбэкъ, въ Лондонъ, въ Парижъ, въ Римъ, къ самому чорту въ гости! Знай себѣ разъѣзжай!

Молодой батюшка расхохотался такимъ же дѣтски-яснымъ смѣхомъ, какъ его глаза, и внезапно обернулся къ Нортвику, какъ бы прося его поддержки.

— Скажите мнѣ что-нибудь о богачахъ въ вашей странѣ милліонеровъ! Какъ обрѣтаютъ они счастье своей жизни? Въ чемъ оно заключается? Какую тайну утѣхъ купили они своими деньгами?

— Я не понимаю, что вы хотите сказать,—молвилъ Нортвикъ, еще глубже уходя въ себя послѣ перваго проблеска смущенія при этомъ вопросѣ.

— Гдѣ живутъ они?

Нортвикъ медлилъ отвѣчать, а священникъ опустилъ свою руку на плечо Бёрда, словно желая сдержать потокъ указаній, готовый вырваться у него.

— Полагаю, большинство изъ нихъ живетъ въ Нью-Іоркѣ.

— Все время?

— Нѣтъ. Обыкновенно у нихъ есть домъ на берегу моря, въ Нью-Портѣ или въ Баръ-Гарборѣ, для лѣтняго сезона, да домъ въ Леноксѣ или въ Туксэдо для осени. Они ѣздятъ на зиму во Флориду или въ Ниццу. Есть у нихъ также собственныя яхты.

— Земля недостаточно велика для ихъ неугомоннаго духа; они скитаются по морю. Сынъ мой, — обратился молодой священникъ къ старому охотнику,—вы можете имѣть все удовольствія богачей за счетъ фуры цыганскаго табора!

Онъ снова засмѣялся, дружески радуясь предполагаемому пораженію Бёрда, и слегка, деликатно прикоснулся къ нему.

— То же самое въ Европѣ; я видѣлъ то же и тамъ.

Бёрдъ хотѣлъ заговорить, но священникъ остановилъ его на минуту.

— А какъ вашимъ богачамъ достаются ихъ милліоны? Не такъ, какъ богачамъ въ Европѣ, по наслѣдству?

— Такихъ очень немного,—отвѣчалъ Нортвикъ, ощущая остатокъ гордости, которую онъ обыкновенно испытывалъ, констатируя этотъ фактъ, притаившійся гдѣ-то въ его сознаніи.—Они наживаютъ ихъ.

— Какъ? Извините за мою настойчивость!

— Фабриками и заводами, желѣзнодорожными спекуляціями, копями, увеличеніемъ поземельной цѣнности.

— А почему увеличивается цѣнность земли?

— Вслѣдствіе спроса на нее. Потребности.

— Ага! Вслѣдствіе нужды другихъ людей. И когда одинъ человѣкъ наживается, масса другихъ людей разоряется. Развѣ это не такъ? Развѣ фабриканты выплачиваютъ работникамъ весь ихъ заработокъ? Развѣ трудъ рабочихъ въ рудникахъ и копяхъ оплачивается хорошо, развѣ имъ живется хорошо? Я читалъ, что они влачатъ самое жалкое существованіе. Такъ ли это?

Нортвикъ зналъ хорошо, что есть основательныя и вѣскія возраженія на всѣ эти вопросы, которые священникъ задавалъ, повидимому, скорѣе для смущенія Бёрда, чѣмъ для выраженія своихъ личныхъ мнѣній. Но въ своемъ умопомраченіи Нортвикъ не могъ сыскать отвѣта.

Бёрда прорвало наконецъ.

— Эхма! Что его слушать! Онъ не отъ міра сего... ангелъ... чистѣйшій безумецъ... въ торговомъ дѣлѣ!

Священникъ откинулся на спинку кресла и снисходительно засмѣялся, показавъ свои прелестные зубы.

— Всѣ эти богатые люди даютъ вѣдь работу бѣднымъ. Будь у меня нѣсколько тысячъ долларовъ, чтобы вскрыть это мѣсто въ горахъ, я бы далъ работу и малому и старому въ Хаха Бэ... сотнямъ народу! Развѣ рабочіе въ рудникахъ несчастнѣе здѣшнихъ фермеровъ, э?

— Господь Богъ, повидимому, думаетъ такъ,—возразилъ серьезно священникъ.—По крайней мѣрѣ, Ему угодно было заключить золото въ эти скалы, такъ чтобы вамъ его не достать. Что дадите вы чорту, чтобы онъ пособилъ вамъ?—спросилъ онъ, улыбнувшись.

— Когда мнѣ надо договариваться съ чортомъ, я не иду къ вамъ за совѣтомъ, отецъ Этіеннъ. Я отправляюсь къ нотаріусу. Слыхали-ль вы когда нибудь, сэръ,—обратился Бёрдъ къ Нортвику, — объ этомъ нотаріусѣ въ Монрэалѣ...

— Я, кажется, пойду лечь въ постель,—прервалъ его Нортвикъ.—Мнѣ что-то нездоровится... то-есть, я очень усталъ.

Внезапно онъ потерялъ сознаніе, гдѣ онъ и что съ нимъ. Ему ка-

залось одновременно, что онъ здѣсь и въ Гатборо; что здѣсь въ сущности было два Нортвика, а третій Нортвикъ находился гдѣ-то въ пространствѣ; онъ-то и сознавалъ присутствіе этого двойника.

Этого третьяго Нортвика Бёрдъ и священникъ хотѣли уложить въ постель, но онъ отказался отъ ихъ услугъ. Онъ кое-какъ раздѣлся, между тѣмъ какъ до его слуха долетѣлъ разговоръ ихъ изъ другой комнаты. Они говорили по-французски, понизивъ голосъ. Споръ ихъ, повидимому, истощился. Немного погодя онъ услыхалъ, какъ захлопнулась дверь, словно за уходившимъ священникомъ. Потомъ, казалось, онъ вернулся назадъ.

VI.

Въ головѣ Нортвика всю ночь шелъ разговоръ между этими двумя французами, которые притворялись, будто не сходятся во взглядахъ, а на самомъ дѣлѣ сговорились одурачить его, чтобы онъ ухлопалъ свои деньги на эти розсыпи. Къ утру лихорадка его прошла. Но онъ былъ слабъ и не могъ управлять своей головой настолько, чтобы рѣшить, не произойдетъ ли чего дурного, если онъ переждетъ одинъ день, прежде чѣмъ отправиться въ Чикутими. Онъ пытался привести въ послѣдовательный порядокъ всѣ причины, заставившія его пріѣхать зимою въ такую глушь. Но, переходя отъ одной причины къ другой, онъ терялъ связь между ними.

Бёрдъ зашелъ къ нему, въ синемъ шерстяномъ колпакѣ на головѣ и съ трубкою въ зубахъ; онъ снялъ колпакъ съ головы и вынулъ трубку изо рта, чтобы спросить у Нортвика, не желаетъ ли онъ покушать; быть можетъ, ему угодно чаю и съ поджареннымъ хлѣбомъ.

Нортвикъ усердно схватился за это предложеніе и черезъ нѣсколько минутъ ему былъ поданъ чай молодою дѣвушкою, которую Бёрдъ называлъ Виржини. Онъ объяснилъ Нортвику, что она его двоюродная внучка. Онъ надѣется, что ея пѣніе не обезпокоило джентльмена; она распѣвала по цѣлымъ днямъ, остановить ее не было возможности; но она никому не желала дѣлать непріятнаго. Онъ остался самъ прислуживать Нортвику, а Нортвикъ старался отдѣлаться отъ подозрѣній, которыя возбуждала въ немъ доброта Бёрда. Онъ такъ сильно нуждался въ ласкѣ и добротѣ, что ему не хотѣлось сомнѣваться въ ихъ искренности. Все-таки, онъ внимательно наблюдалъ за Бёрдомъ, когда тотъ наливалъ молоко и клалъ сахаръ въ его чай, и слушалъ сдержанно, когда тотъ заговорилъ о священникѣ и принялся его расхваливать. Для образованнаго человѣка было наслажденіемъ—говорилъ Бёрдъ—обмѣниваться мыслями; отецъ Этіеннъ и онъ часто защищали противоположныя стороны какого-нибудь вопроса только ради прeнія; это было похоже на игру въ карты «на счетъ Шереметева»: ради изощренія своего ума.

Для Нортвика это была китайская грамота, а потому повѣрить этому онъ не могъ: всѣ его разговоры сводились на коммерческое дѣло.

Даже шутки въ томъ мірѣ, гдѣ онъ вращался, имѣли предметомъ то же дѣло.

— Значитъ, на самомъ дѣлѣ вы не находите золота въ этихъ горахъ?—спросилъ онъ не безъ лукавства.

— Честное слово, находилъ!—вскричалъ Бэрдъ.—Только, — прибавилъ онъ печально, — быть можетъ, игра-то не стоитъ свѣчъ. Я покажу вамъ, когда вы встанете. Не лучше ли вамъ не ѣхать сегодня въ Чикутими? Снѣгъ идетъ.

— Снѣгъ?—повторилъ Нортвикъ.—Ну, такъ я не могу ѣхать.

— Полежите-ка въ постели до обѣда. Это лучше всего, — посовѣтовалъ Бэрдъ.—Попробуйте немного заснуть. Сонъ—молодость. Просыпаясь, снова становишься старикомъ, а все-таки чуточку молодости остается у тебя въ кончикахъ пальцевъ. Не правда-ли?

Онъ весело улыбнулся и ушелъ, тихо притворивъ за собою дверь, а Нортвикъ уснулъ. Во снѣ къ нему снова пришелъ Бердъ съ образчиками изъ своей золотой розсыпи. Нортвикъ увидалъ, что желтый металлъ, вкрапленный въ кварцъ былъ просто-на-просто мѣдный колчеданъ, но онъ подумалъ, что лучше притвориться, будто онъ принялъ его за золото, такъ какъ Бердъ, стоя надъ нимъ съ лампой въ одной рукѣ, ощупывалъ другою пряжку пояса Нортвика, когда онъ сѣлъ на постель. Онъ проснулся въ испугѣ и страхъ не покидалъ его послѣ въ жару горячки, которая у него открылась. У него бывали свѣтлые промежутки, когда онъ сознавалъ, что его лѣчатъ какъ слѣдуетъ и нѣжно за нимъ ухаживаютъ, что его хозяинъ и всѣ его домочадцы были его преданными сидѣлками; въ эти промежутки онъ узнавалъ доктора и молодого священника, навѣщавшаго его. Но все это онъ сознавалъ смутно, словно между нимъ и фактомъ стояла какая-то плотная стѣна, между тѣмъ какъ призраки и бредъ были одни и тѣ же, сохраняя характеръ мучительной дѣйствительности. Затѣмъ наступило утро, когда онъ проснулся, бредъ прошелъ и онъ узналъ, гдѣ онъ и почему. Истина не постепенно озарила его сознаніе, а овладѣла имъ сразу. Первымъ его движеніемъ было пощупать поясъ. Онъ увидалъ, что поясъ исчезъ. Онъ глухо застоналъ.

Синій шерстяной колпакъ стараго охотника просунулся изъ открытой двери, съ трубкою подъ сѣдыми вѣтвистыми усами. Глаза обоихъ людей встрѣтились.

— Чудесно!—сказалъ Бердъ,—наконецъ-то вы пришли въ себя!

Нортвикъ не отвѣчалъ, но взглядъ его выражалъ вопросъ, котораго тотъ другой не могъ не понять. Онъ улыбнулся.

— Вамъ нуженъ вашъ поясъ?

Онъ исчезъ и затѣмъ снова появился и принесъ поясъ Нортвика.

— Вы думаете, что вы у какого-нибудь янки, распоряжающагося жимъ добромъ?—спросилъ онъ. Этимъ только и выразилось чувство обиды, вызванное у него сокрушеннымъ взглядомъ Нортвика. — Сосчитайте деньги. Мнѣ кажется, вы ихъ найдете въ цѣлости.

Но больной лежалъ, какъ пластъ, не пошевельнувъ рукой, чтобы взять поясъ, который Бёрдъ положилъ ему на грудь.

— Вы хотите,—сказалъ Бёрдъ—чтобы я сосчиталъ ихъ вмѣсто васъ?

Нортвикъ слабо кивнулъ головой. Бёрдъ сталъ надъ нимъ и сосчиталъ, одинъ за другимъ, тысячедолларные билеты, а затѣмъ обратно уложилъ ихъ въ сумку пояса.

— Теперь, я думаю, вы скоро выздоровѣете. Докторъ приказалъ показать вамъ ваши деньги прежде всего. Прикажете надѣть поясъ на васъ?

Нортвикъ взглянулъ на поясъ. Ему показалось, что ему будетъ больно отъ пучка этихъ билетовъ. Онъ попросилъ слабымъ голосомъ:

— Спрячьте ихъ пока у себя.

— Хорошо,—отвѣчалъ Бёрдъ и взялъ поясъ. Онъ вышелъ съ гордымъ видомъ, словно считая за честь довѣріе Нортвика, выраженное такъ ясно, и сѣлъ въ другой комнатѣ, готовый явиться на зовъ больного.

Нортвикъ поправлялся медленно, какъ пожилые люди. А къ тому времени, когда ему можно было выходить изъ дому, не опасаясь возврата болѣзни, въ воздухѣ и на землѣ появились признаки весны, которая въ этой сѣверной странѣ наступаетъ съ какою-то бѣшеною страстью. Голые холмы покрылись зеленою травою, какъ только снѣгъ сбѣжалъ съ нихъ. Распустившаяся листва, казалось, озарила деревья зеленымъ блескомъ; первое дыханіе южнаго вѣтра принесло съ собою птицъ. Сойки громко чирикали въ лѣсахъ; канадскіе соловьи пѣли вечеромъ и утромъ на зарѣ, когда онъ просыпался и думалъ о своемъ домѣ въ Гатборо, гдѣ уже въ это время молодые птенцы репеловъ почти выросли. Тамъ въ это время цвѣли яблони; въ его тоскующей душѣ вставало видѣніе волнующихся вершинъ его сада, усыпанныхъ бѣлорозовыми цвѣтами. Ему слышался запахъ яблокъ, когда они начинали падать въ августѣ на свѣжую солому, выстилавшую боковыя аллеи сада. Ему казалось, что если бы онъ могъ хоть на мгновеніе очутиться тамъ, онъ охотно согласился бы скоротать весь остатокъ жизни въ тюрьмѣ. А развѣ здѣсь онъ не былъ въ тюрьмѣ? Какъ ни были широки границы ея, онѣ отдѣляли его отъ дома. Ему былъ ненавистенъ просторъ половины міра, гдѣ онъ могъ двигаться спокойно, это рабство, прикрывавшееся такою полною свободою. Быть исключеннымъ извнѣ было одно и то же, что быть заключеннымъ внутри.

Въ первые дни своего выздоровленія, когда онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы выходить изъ комнаты, онъ строилъ массу плановъ своего возвращенія домой. Вотъ онъ возвращается туда тайкомъ, подъ прикрытіемъ бороды, которая у него отросла за время болѣзни, и онъ старался увидать, насколько борода измѣнила его наружность, но не замѣтилъ въ своемъ лицѣ ни малѣйшей разницы, оно было все то же, что въ ту ясную зимнюю ночь, когда онъ убѣжалъ изъ дому. Это ставило его втупикъ и приводило его въ уныніе, усиливая страстное желаніе его сердца дѣйствительно вернуться туда. Если бы ему

хоть на мгновеніе взглянуть на горе, которое онъ принесъ своимъ дѣтямъ, ему легче бы было переносить мысль объ этомъ. Онъ въ то же время лелѣялъ надежду, что въ дѣйствительности горе это могло быть менѣе ужасно, чѣмъ оно рисовалось его воображенію. Иногда, мучимый этимъ желаніемъ, онъ говорилъ себѣ ради успокоенія, что какъ только по рѣкѣ изъ Квэбэка поднимется первый пароходъ, онъ уѣдетъ на немъ, отдастся въ руки властей и броситъ борьбу.

Но по мѣрѣ того, какъ къ нему возвращалось здоровье, онъ началъ чувствовать, что то было необдуманное и глупое обѣщаніе: былъ, по его мнѣнію, гораздо лучшій выходъ изъ его несчастнаго положенія. Опять оно казалось ему невзгодой судьбы, а не его личною виною. Къ этому мнѣнію его вернуло отчасти почтеніе и уваженіе, которыми онъ пользовался въ этой деревушкѣ, напоминавшее ему его значеніе среди его рабочихъ на Понкуассэтскихъ заводахъ. Когда докторъ объявилъ ему, что опасность прошла, онъ сталъ принимать визиты вѣжливаго сочувствія главъ семействъ. Люди эти курили, усѣвшись вокругъ него вечеромъ, и предсказывали ему возвращеніе молодости, благодаря горячкѣ, отъ которой онъ такъ счастливо отдѣлался. Ихъ пророчества переводились ему Бердомъ или отцомъ Этіенномъ, когда съ тѣмъ или другимъ онъ ходилъ отдать визитъ своимъ гостямъ. Повсюду, обитатели этихъ незатѣйливыхъ чистенькихъ домиковъ принялись заранѣе прибирать ихъ къ пріѣзду дачниковъ, а сами готовились переселиться въ на-скоро сколоченныя хижины. И вездѣ Нортвика принимали съ тѣмъ трогательнымъ почтеніемъ, которое бѣдные оказываютъ тѣмъ, кто въ состояніи улучшить ихъ положеніе. Тайну денегъ, привезенныхъ имъ съ собою, вѣрно хранили докторъ, священникъ и Бердъ, открывшій ее вмѣстѣ съ ними. Но Бердъ не могъ скрыть отъ своихъ сосѣдей тотъ фактъ, что постоялецъ его большой американскій капиталистъ, пріѣхавшій сюда съ цѣлью дать движеніе минеральнымъ, земледѣльческимъ и фабричнымъ силамъ Хаха Бэ по американскому масштабу; обогатить всю здѣшнюю область, скупая землю у тѣхъ, кто желаетъ продать ее, давая работу тѣмъ, кто ея ищетъ. Если его и разбирало нетерпѣніе увидѣть со стороны Нортвика подтвержденіе этихъ обѣщаній, то онъ былъ слишкомъ вѣжливъ, чтобы приставать къ нему; онъ довольствовался лишь тѣмъ, что давалъ волю своему краснорѣчію передъ нимъ, какъ по поводу его. По всей вѣроятности у него было свое собственное мнѣніе о причинахъ, заставившихъ Нортвика хранить молчаніе обо всемъ, что касается его самаго; Бердъ зналъ изъ ярлычка, прикрѣпленнаго къ чемодану, купленному Нортвикомъ въ Квэбэкѣ, что имя его было Уарвикъ, а отъ самаго Нортвика онъ слышалъ, что тотъ былъ родомъ изъ Чикаго. Если же у него, помимо этого, и были предположенія, что Нортвикъ сталъ жертвою финансовыхъ ошибокъ, то онъ хранилъ свои догадки спокойно про себя и не сталъ бы своимъ вмѣшательствомъ портить Нортвику возможность сдѣлать добро своими деньгами, допытываясь, откуда онѣ у него взя-

лись. Въ воображеніи Берда американскій растратчикъ являлся какимъ-то героемъ; онъ слыхалъ очень часто объ этомъ типѣ; узнай онъ, что Нортвикъ былъ имъ въ сущности, такое открытіе нисколько не поразило бы его: онъ подыскалъ бы уважительныя причины казусу и оправдалъ бы его въ собственныхъ глазахъ, если бы въ томъ оказалась необходимость. Докторъ соблюдалъ молчаніе, подобающее его профессіи,— ему было дѣло лишь до тѣла Нортвика, а заботу о его душѣ онъ предоставилъ отцу Этіенну, который изъ чувства деликатности отступалъ передъ этой задачей, такъ какъ то была душа протестанта и чужестранца.

VII.

Молодому священнику понадобилось гораздо болѣе времени, чѣмъ его понадобилось бы человѣку одного языка и одной національности съ Нортвикомъ, чтобы открыть, что его благовоспитанность и степенная величивость обращенія прикрывали полнѣйшее незнакомство съ тѣмъ, что интересуетъ образованныхъ людей и что онъ просто-на-просто былъ торговымъ человѣкомъ, фиктивнымъ идеаломъ коммерческой цивилизаціи, обладая внѣ узкаго круга наживанія денегъ лишь самыми грубыми склонностями и честолюбивыми стремленіями.

Онъ узналъ, что Нортвикъ любилъ лошадей и домашній скотъ, а изъ вырвавшихся у Нортвика намековъ относительно его жизни у себя на родинѣ, что онъ ужасно любилъ свою ферму и свои теплицы съ рѣдкими растеніями. Но цвѣты представляли для Нортвика *имѣніе*, а не страсть; изъ его разговоровъ о нихъ не видно было, чтобы они доставляли ему какое-либо художественное или научное наслажденіе. Молодой священникъ узналъ также, что Нортвикъ «вложилъ» массу денегъ въ картины; но картины для него являлись, повидимому, помѣщеніемъ капитала, все равно, какъ акціи и торговыя обязательства. Онъ увидалъ, что этотъ курьезный американецъ не питалъ ни малѣйшей охоты къ чтенію англійскихъ книгъ, которыя Бёрдъ предложилъ ссудить ему изъ своей небольшой библіотеки, образовавшейся у него въ теченіе долгихъ лѣтъ, благодаря подаркамъ или случайной забывчивости прелестныхъ туристокъ либо разсѣянныхъ туристовъ. Отъ чтенія французскихъ книгъ, предложенныхъ ему отцомъ Этіенномъ, Нортвикъ отказался, сказавъ, что совсѣмъ не читаетъ на этомъ языкѣ. Къ музыкѣ онъ былъ совсѣмъ равнодушенъ; только пѣніе внучки Бёрда Виржини, чуточку нравилось ему. Священникъ подумалъ, что ему, быть можетъ хотѣлось бы узнать, что молодая дѣвушка пѣла баллады занесенныя первыми переселенцами ихъ Франціи въ эту дикую когда-то страну или возникшія изъ грустныхъ и радостныхъ впечатлѣній ихъ трудовой жизни, но Нортвикъ оставался совершенно безучастнымъ къ этому факту, и послѣдній скорѣе смущалъ его. Американецъ не могъ принимать участія ни въ одномъ изъ тѣхъ споровъ объ отвлеченныхъ вопросахъ, услаждавшихъ досугъ священника и стараго лѣсника,

въ которые они иногда пытались увлечь его. Повидимому, онъ рѣшительно не понималъ предмета ихъ бесѣдъ. Только переставъ смотрѣть на Нортвика, какъ на продуктъ уродливой цивилизаціи, искушающей лучшія стороны человѣческаго духа, отецъ Этіеннъ полюбилъ его какъ брата. Не имѣя возможности сдѣлать что-либо для умственнаго развитія Нортвика, онъ задумалъ спасти его душу. Онъ также слыхалъ объ американскомъ растратчикѣ, который пользуется въ Канадѣ своеобразною славою, дѣйствуя на различныхъ людей съ различныхъ точекъ зрѣнія и возбуждая подчасъ состраданія въ такихъ чистыхъ, чуждыхъ мірской суеты сердцахъ, какое билось въ груди отца Этіенна. Молодой священникъ не вполнѣ ясно понималъ сущность и форму преступленія, которое, по его догадкамъ, совершилъ этотъ увертливый и таинственный чужестранецъ; но онъ думалъ, что эта огромная сумма денегъ, которая, какъ онъ зналъ, была у него въ рукахъ, была нѣкоторымъ образомъ награбленнымъ добромъ и ему казалось, что нерѣшительность Нортвика сдѣлать изъ этихъ денегъ то или другое употребленіе служило доказательствомъ нечистой совѣсти ея обладателя

Зачѣмъ пріѣхалъ онъ въ эту глушь среди зимы съ такими большими деньгами? Почему оставлялъ онъ ихъ у себя вмѣсто того, чтобы положить ихъ въ банкъ? Отецъ Этіеннъ обсуждалъ эти вопросы съ Бёрдомъ и докторомъ и находилъ на нихъ лишь одинъ отвѣтъ. Онъ спрашивалъ себя, не долженъ ли онъ поговорить съ Нортвикомъ и деликатно предложить ему облегчить свою душу передъ такимъ другомъ, какимъ могъ быть только священникъ для грѣшника. Но отецъ Этіеннъ не могъ придумать, какъ ему приступить къ такому щекотливому предмету. Нортвикъ не былъ католикомъ и церковь не имѣла никакой власти надъ нимъ. Притомъ же, его обращеніе отличалось извѣстною прямотой и сдержанностью, что останавливало подозрѣнія, равно какъ и задушевныя изліянія, необходимыя для той пользы, которую отецъ Этіеннъ хотѣлъ принести этому одинокому и молчаливому человѣку. Въ эти дни Нортвикъ былъ очень занятъ—онъ что-то писалъ и всякій разъ тщательно запиралъ написанное въ чемоданъ, уходя изъ своей комнаты; онъ нѣсколько разъ переписывалъ черновикъ набѣло, а ненужные листки сжигалъ въ каминѣ, который замѣнилъ теперь печь, и растиралъ въ пепелъ обугленную бумагу, такъ что нельзя было разобрать ни одного словечка.

Изъ Тадусака пришелъ по рѣкѣ пароходъ, онъ принесъ вѣсть, что вся рѣка св. Лаврентія совершенно вскрылась.

— Ужъ теперь скоро къ намъ начнутъ съѣзжаться ваши соотечественники,—сказалъ Бёрдъ Нортвику. — Въ концѣ іюня пароходы станутъ приходить въ ХахаБэ.

На Нортвика слова эти не произвели желаннаго впечатлѣнія. Его загадачная сдержанность все болѣе и болѣе оскорбляла Бёрда. Правда Нортвикъ не говорилъ болѣе о своей поѣздкѣ въ Чекутими и повидимому, не намѣренъ былъ затрачивать свой капиталъ на предпріятіе

Маркгама, но онъ не выказывалъ никакого интереса къ открытію Бёрдомъ драгоцѣннаго металла въ ХахаБэ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того отецъ Этіеннъ получилъ письмо. Оно было отъ кюрэ изъ Римуски, гдѣ жили родные отца Этіенна. Въ немъ сообщалось, что мать его, хворавшая всю зиму, чувствуя приближеніе смерти, такъ сильно желала повидать своего сына, что его корреспондентъ просилъ духовное начальство позволить ему замѣстить отца Этіенна въ ХахаБэ, пока онъ будетъ гостить у матери. Позволеніе было дано и другъ отца Этіенна разсчитывалъ явиться скоро вслѣдъ за своимъ письмомъ.

— А гдѣ Римуски?—спросилъ Нортвикъ, оставшись со священникомъ наединѣ въ этотъ вечеръ.

— На рѣкѣ св. Лаврентія. Это послѣдній и первый пунктъ, куда пристаютъ пароходы, совершающіе рейсы между Квэбэкомъ и Ливерпулемъ,

Отецъ Этіеннъ плакалъ. Сердце его охватилъ приливъ нѣжности и слабости вслѣдствіе тревоги, которую онъ испытывалъ.

— Это моя родная деревня... я жилъ тамъ прежде, чѣмъ поѣхалъ учиться въ лавальскій университетъ. Я тамъ буду, какъ дома. Можетъ, мнѣ позволятъ остаться тамъ.—Онъ прибавилъ въ неудержимомъ порывѣ жалости и любви:—Я бы хотѣлъ, чтобы вы также поѣхали домой, мистеръ Уарвикъ!

— Хотѣлось бы и мнѣ!—молвилъ Нортвикъ съ тяжелымъ вздохомъ.—Но я не могу... еще.

— Здѣсь для васъ, что въ пустынѣ,—горячо продолжалъ отецъ Этіеннъ.—Я хорошо это понимаю. Я видѣлъ, какъ вы здѣсь одиноки.

— Да. Здѣсь пусто,—согласился Нортвикъ.

— Сынъ мой,—обратился молодой священникъ къ этому человѣку, который по своимъ лѣтамъ годился ему въ отцы, и положилъ свою руку на руку Нортвика, лежавшую у него на колѣняхъ. Они сидѣли одинъ возлѣ другого, у камина.—Нѣтъ ли у васъ чего на душѣ, что бы вы желали сказать мнѣ? Что-нибудь, въ чемъ я могъ помочь вамъ?

Въ это мгновеніе между ними все было ясно и они знали то, что хотѣлъ сказать каждый изъ нихъ.

— Да,—отвѣчалъ Нортвикъ. Въ немъ поднялось страстное желаніе довѣриться священнику. Но онъ тотчасъ же подавилъ его въ себѣ. Эта чистая душа была слишкомъ невинна, слишкомъ несвѣдуща въ дѣлахъ житейскихъ, чтобы понять его преступленіе и дать ему справедливую оцѣнку,—понять его такъ, какъ понималъ его самъ Нортвикъ, быть въ состояніи подыскать къ нему уважительныя причины и отпустить этотъ грѣхъ. Если вообще отецъ Этіеннъ и могъ понять это дѣло, оно возмутило бы его и онъ осудилъ бы его такъ же безжалостно, какъ родная дочь Нортвика, если любовь ея не защититъ его отъ неумолимаго приговора. Слѣдующимъ словомъ онъ положилъ конецъ этому проблеску откровенности между ними.

- У меня есть письмо... Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы взяли съ собой это письмо и отправили его изъ Римуски.

— Сдѣлаю это съ большимъ удовольствіемъ,—сказалъ священникъ, но въ тонѣ его голоса прозвучала печаль глубокаго разочарованія.

Нортвикъ также чувствовалъ себя обманутымъ въ своихъ ожиданіяхъ, почти оскорбленнымъ. Вѣдь, будь отецъ Этіеннъ болѣе грубымъ, болѣе заурядным человѣкомъ, Нортвикъ могъ бы разсказать ему все и облегчить свою душу этой исповѣдью.

Черезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда священника по Сагнэ пришелъ первый пароходъ изъ Квэбэка. Къ этому времени Бердъ потерялъ всякое терпѣніе. Нортвикъ по прежнему жилъ у него въ домѣ со всѣми этими деньгами, которыя лежали внунѣ, безъ всякаго употребленія. Того и гляди, деньги эти могли сдѣлаться опаснымъ предметомъ искушенія, если какимъ-нибудь образомъ добрые люди провѣдаютъ о нихъ. Нищіе бродяги, которыхъ благочестія ради мѣстные жители именовали своими братьями во Христѣ, вселяли ужасъ въ сердце Берда своими посѣщеніями, приходя днемъ за милостыней, въ которой никто не отказываетъ имъ; онъ считалъ себя обязаннымъ неусыпно смотрѣть за этимъ старымъ янки, который былъ не то мошенникъ, не то полуумный, а можетъ, то и другое вмѣстѣ, и оберегать его отъ всяческой бѣды. Ночью онъ не могъ уснуть, слыша шаги бродягъ, рыскавшихъ кругомъ домовъ, обшаривая у наружныхъ дверей, не оставили ли для нихъ какой подачки добрые люди. Старый охотникъ забросилъ свои капканы для дикихъ звѣрей и запустилъ свои дѣла. Но онъ страдалъ не отъ потери аппетита и не отъ безсонницы. Неудовольствіе противъ Нортвика, вызванное въ жителяхъ Хаха-Бэ обманутыми надеждами, коснулось и Берда, и ему стало казаться, что сосѣди смотрятъ на него косо, словно они думали, что отъ него зависѣло заставить Нортвика взяться за дѣло. А Нортвикъ самъ сталъ неспособнымъ на какое бы то ни было дѣло. Онъ жилъ въ какомъ-то нравственномъ оцѣпенѣніи. Дни шли за днями, а онъ не дѣлалъ никакой попытки къ осуществленію плановъ для поправленія своихъ обстоятельствъ, которыя привели его въ эту область.

Звукъ пароходнаго свистка былъ радостнымъ звукомъ для Берда. Онъ всталъ и прошелъ въ комнату Нортвика. Нортвикъ проснулся; онъ также услыхалъ свистокъ.

— Ну, мистеръ Уарвикъ или какъ тамъ васъ зовутъ,—сказалъ Бердъ, дрожа отъ страшнаго гнѣва,—вотъ и пароходъ. Я хочу, чтобы вы взяли свои деньги и оставили мой домъ. Да, сэръ. Такъ-то! Соберите свои вещи. Не ждите завтрака. Вы позавтракаете на пароходѣ. Уѣзжайте!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ СТАРОЙ ТЕТРАДИ.

I.

Отчего?

Ни волшебной красотою
Въ ней я не былъ ослѣпленъ,
Ни привѣтною душою
Не обласканъ, не плѣненъ...
Но не знаю: отчего же
Въ ней—отрада, жизнь и свѣтъ,
Никого мнѣ нѣтъ дороже,
Никого мнѣ краше нѣтъ?
Отчего въ груди ношу я
Вновь безумство юныхъ дней,
И блаженство поцѣлуя—
Всѣхъ мнѣ радостей милѣй?
Отчего безъ колебанья
Я за взглядъ ея отдамъ—
Все, достойное желанья,
Все, доступное мечтамъ?
Отчего за всѣ мученья
Проклинать я не хочу,
Отчего благословенья
Какъ молитвы ей шепчу?
Въ безнадежной тьмѣ кручины
Отчего разлука съ ней—
Лютой пытки и кончины
Мнѣ ужаснѣй и больнѣй?..

II.

Не спасай меня, не щади меня,
Ледяной струей не туши огня,
Чувству жгучему и мятежному
Дай къ концу идти неизбѣжному...
Не собрать того, что посѣяно,
Что въ мечтахъ любви мной взлелѣяно,
Вспоено грозой слезъ-рыданія
И взошло въ лучахъ обаянія...
Высоко шумятъ стебли крѣпкіе,
Глубоко лежатъ корни цѣпкіе...

О, не рви... смотри: отъ руки твоей
Кровь ручьемъ бѣжитъ изъ груди моей...

Счастье близкое—и далекое!..
Сердце нѣжное—и жестокое!
Отозвися мнѣ хоть ошибкою,
Приласкай меня хоть улыбкою.
Дай обнять тебя хоть украдкою...
Пусть истаю я мукой сладкою:
При тебѣ мнѣ смерть—гостья милая,
Безъ тебя мнѣ жизнь—тьма унылая...
Не бѣги-жъ, моя зорька ясная!
Истомитъ меня ночь ненастная,
Но въ душѣ моей не зальетъ огня,
Но разлукою не спасетъ меня...

III.

Прощанье.

Послѣдній поцѣлуй, послѣднее объятье
Подъ кровомъ темноты...
А завтра—взглядъ одинъ, одно рукопожатье,—
И вдаль уѣдешь ты.

И я не произнесу ни нѣжнаго названья,
Ни жалобъ, ни мольбы;
Не выдамъ трепета безумнаго желанья
И тайныхъ мукъ борьбы.

И ты не скажешь мнѣ, что такъ разстаться больно,—
Быть можетъ, до сѣдинъ...
Но блѣдность щекъ твоихъ и грусть, и вздохъ невольный
Пойму лишь я одинъ...

Прости... Я замолчу... Упьюсь волшебной сказкой:
Что ты—моя... моя!
О, затумань мнѣ умъ твоей прощальной лаской,—
Пусть въ ней забудусь я.

О, выпей всю любовь, всѣ силы безъ изъятья
И сердце зачаруй,—
И пусть сожгутъ его послѣднія объятья,
Послѣдній поцѣлуй!..

А. Колтоновскій.

ПРЕДѢЛЪ СКОРБИ.

(Повѣсть изъ жизни прокаженныхъ).

Вацлава Сѣрошевскаго.

Съ польскаго. Переводъ автора.

(*Окончаніе*).

VII.

На небѣ не было ни тучъ, ни тумана, но синева его, казалось, помутнѣла. Красный дискъ заходящаго солнца низко стоялъ надъ водою. Въ рыжемъ его свѣтѣ сѣрыя волны мѣрно плещущихся озеръ переливались, точно расплавленная желтая мѣдь. Шумъ лѣса, говоръ волненія, шорохъ колышущихся травъ мягко реяли надъ засыпающей землей. Въ нагрѣтомъ воздухѣ пролетали холодныя, рѣзкія дуновенія. Костеръ чуть горѣлъ; сѣдой дымъ его лѣниво таялъ въ воздухѣ. Немногочисленные, но жалящіе уже комары носились поодаль дыма надъ головами Грегорья и Анки, сидящихъ близко у огня.

— Никакъ придется сходить къ князю, Грегорѣй!.. Вижу, что придется, да боюсь, милый!.. Помню, я была маленькой, пришелъ къ намъ въ юрту однажды такой, какъ мы, хотѣлъ войти въ избу, отецъ поймалъ его вилами за шею и не пускалъ; онъ ревѣлъ и бился...

— А ты не входи къ нимъ въ юрты... Зачѣмъ тебѣ входить!? Ты такъ кричи имъ издали... Должны отдать тебѣ, вѣдь твой скотъ, вѣдь присудили тебѣ и Петручанъ держитъ его незаконно. Развѣ ты обѣщала ему что-нибудь?

— Нѣтъ, я не обѣщала ничего! Мой скотъ!..—вздохнула женщина.— Пеструха стельная осталась, а у Лысухи уже былъ теленокъ, красивый, жирный... Охъ!.. Нѣтъ совѣсти у безноса го урода! Все заграбилъ!.. И ящики съ платьемъ заграбилъ... все...

— Какая-такая бываетъ совѣсть у людей, которые насъ глазами не видятъ!?. Каждый думаетъ, что другому лучше...

— Вѣрно! Я тоже не думала, что здѣсь такъ худо!..

— Такъ ты жалѣешь?

Анка промолчала.

— Нѣтъ!—сказала она задумчиво,—не жалѣю! Зачѣмъ жалѣть, когда нельзя измѣнить? Только бы насъ эта вѣдьма оставила въ покоѣ.. Можетъ быть, Богъ пошлетъ намъ ребенка!? Проживемъ какъ-нибудь! А въ старости будутъ насъ дѣти беречь, какъ у... людей. Я долго останусь здорова. Возможно, что и дѣти наши останутся всю жизнь здоровыми... Вѣдь *госпожа наша* чудна, вѣдь иногда она щадитъ тѣхъ, кто близко, а беретъ издали... Тогда и здѣсь со временемъ зазвучали бы пѣсни и смѣхъ. Наполнились бы жилища, построились бы юрты, размножился бы народъ... Даже, если бы онъ умиралъ *нашей смертью*, то лучше, чѣмъ теперь, когда его нѣтъ... Не правда ли? Старость вездѣ скверна, вездѣ старики хвораютъ, а молодость веселится... Очень бы я, Грегорѣй, желала дѣтей!

— Пошто намъ теперь они?.. Безъ скота не будетъ народа! Отъ рыбы немного толку... Для рыбы, для звѣря, для промысла нужны крѣпость и ловкость... Еслибъ еще мы жили согласно — полъ-горя! Но теперь...

— И чего только ей нужно?.. Вѣдьма проклятая...

Якутка оборвала и обернулась въ ужасѣ, такъ какъ замѣтила въ взглядѣ Грегорья испугъ. Среди рѣчки стояла въ лодкѣ Мергень; красныя лучи заката, падая сзади, рѣзко оттѣняли ея стройную фигуру. Теченіе несло ея лодку прямо къ «городьбѣ». Она слегка правила длиннымъ весломъ и въ то же время внимательно обыскивала берега ястребинымъ взглядомъ. Она замѣтила ихъ, вскрикнула, присѣла и нѣсколькими крѣпкими ударами повернула лодочку, какъ волчекъ на мѣстѣ. Затѣмъ ловко погнала ее назадъ противъ теченія. У выхода въ озеро она оглянулась и погрозила имъ кулакомъ.

— Вотъ чортъ! И чего ей нужно?..—проговорилъ изумленно Грегорѣй.—Не пріѣдешь сегодня больше... можно лечъ спать! Ты домой пойдешь, Анка, или останешься? Ночью будетъ, думаю, холодно!

— Останусь! — рѣшила послѣ нѣкотораго раздумья Анка. — Если позволишь, останусь!

Уловъ рыбы въ рѣчкѣ оказался въ этомъ году сверхъ ожиданія обильнымъ. Попадались преимущественно большія изсѣра-зеленыя щуки съ красно-желтыми плавниками. Жители юрты весь день проводили за чисткой и приготовленіемъ впрокъ добычи. Каждую рыбу взрѣзывали вдоль на двѣ половины, очищали отъ костей и вялили на воздухѣ или коптили въ дымѣ. Даже Кутуяхсыть приползала на рѣчку, садилась у огня и на перебой съ Бытерхай жарила на угольяхъ и ѣла жирныя внутренности рыбъ, которыя уже негдѣ было дѣвать. Вечеромъ женщины вмѣстѣ съ Грегорѣемъ или Теченіемъ уносили часть запасовъ домой, гдѣ легче было ихъ спрятать отъ дождя и влаги. Кто-нибудь изъ мужчинъ оставался всегда караулить въ ночное. Мергень не показывалась. Разъ только они видѣли ее, какъ она проплывала

черезъ озеро такъ далеко, что казалась имъ вмѣстѣ съ лодкой небольшой черной мушкой, пролетающей въ голубомъ воздушномъ просторѣ.

Прошло нѣсколько дней. Количество рыбы не уменьшалось. Но зато невѣроятно возрасли тучи комаровъ. Пребываніе въ болотистой мѣстности надъ рѣчкой, превратилось въ пытку. Особенно въ тихіе, пасмурные дни насѣкомыя буквально душили людей. Они не позволяли имъ открыть рта, лѣзли въ носъ, въ глаза, больно кусали по всему тѣлу. Послѣднее покрылось волдырями и страшно зудѣло. Ночовки стали невозможны.

— Не придетъ! Сама, вѣрно, не знаетъ, куда отъ гвода дѣться!— утѣшали себя рыбаки.

Ежедневно кто-нибудь изъ мужчинъ шелъ осматривать «морды» и обязательно приносилъ корзину, полную рыбы. Бытерхай также обязательно поджидала его на плоской крышѣ юрты.

Идетъ, идетъ...
На спинѣ корзина,
А въ корзинѣ рыба...

пѣла она тоненькимъ голоскомъ, завидѣвши издали рыбака.

Но однажды она вбѣжала испуганная въ юрту.

— Нѣтъ!..

— Какъ—нѣтъ, когда слышно шаги на дорогѣ?

— Мергень...—пробормотала дѣвочка побѣлѣвшими губами.

Всѣ бросились къ дверямъ. Грегорій поднялъ по пути топоръ. Но на дорожкѣ никого не было, кромѣ Теченія. Правда, тотъ шелъ скоро, гнѣвно размахивалъ руками, пустая корзина болталась у него на спинѣ, но... вѣдьмы не было видно! Развѣ, что въ дѣло замѣшалось колдовство или она гналась за нимъ сзади, и дѣвочка видѣла ее сверху.

— Это ты, Теченіе?—спросили его предусмотрительно присутствующіе.

— Я! А что?.. Проклятая людоѣдка опять вырвала прясло въ городьбѣ и утопила «морду»... Даже найти ея не смогъ!..

Всѣ хлопнули себя въ досадѣ по ляжкамъ.

— И хочется ей, вѣдьмѣ, въ такой комаръ?!

— Что для нея комаръ? Сядетъ себѣ она въ лодку, на перекладинѣ повѣситъ котелокъ съ дымокуромъ и плыветъ въ дымѣ, точно въ палаткѣ... Не то, что мы! Громъ ее побей, проклятую!—ругался Теченіе.

Мужчины на-скоро вооружились и отправились отыскивать «морду» и починять «городьбу». Задача была не легкая... Хотя они обмахивались горящими головнями, комары темной тучей съ алчнымъ жужжаніемъ окружили ихъ. Вскорѣ ихъ лица и руки были искусаны въ кровь. «Морда» на этотъ разъ зацѣпилась за водоросли далеко посерединѣ рѣчки и имъ пришлось перетащить на другую сторону изгороди свой строевой плотикъ. Наконецъ, все было приведено въ порядокъ. Грегорѣй, какъ болѣе сильный и менѣе уставшій, остался на стражѣ. О онѣ,

конечно, не могло быть рѣчи. Якутъ въ защиту отъ комаровъ развелъ большой вѣнокъ огней въ нѣкоторомъ разстояніи отъ воды, чтобы не пугать рыбъ; самъ сѣлъ въ середину вѣнка и принялся варить ужинъ, напѣвая отъ скуки пѣсенку. Снаружи гудѣло бѣшено темное облако насѣкомыхъ; рыбакъ по временамъ умолкалъ и внимательно вслушивался въ отдѣльные таинственные звуки, неожиданно долетающіе къ нему изъ тайги сквозь жужжаніе комаровъ и шумъ бѣгущей рѣчки. Но это были обычные, таежные звуки и якутъ опять смиренно закрывалъ красные, заплывшіе слезою отъ дыма глаза и продолжалъ напѣвать пѣсенку, однообразную, какъ бурленіе кипящей въ его же котелкѣ воды. Вдругъ треснула по близости вѣтка, надавленная неосторожной ногой. Грегорѣй открылъ широко глаза и схватился за ножъ. Въ сѣромъ полумракѣ полярной ночи, освѣщенномъ вспышками огня, стояла Мергень.

— Убить меня собираешься, Грегорѣй?! Ты уже забылъ, какъ меня любилъ и ласкалъ!

— Ты тогда не была еще такой злюкой... Зачѣмъ пришла? Зачѣмъ губишь и мучишь насъ зря?..

— Эхъ! Ты всегда былъ глупъ, Грегорѣй! Пусти меня, хочу посидѣть съ тобою, какъ раньше, поѣсть съ тобой вмѣстѣ рыбы, поболтать... Скучно мнѣ... Не бойся!.. Ты вѣдь крѣпче меня... Оружія у меня нѣтъ! Хочешь, я сброшу платье, чтобы ты не подумалъ, что я что-нибудь спрятала!..

Она быстро скинула кафтанъ и нагая явилась въ дыму. Грегорѣй продолжалъ соображать, но она не дождалась его позволенія, шагнула къ нему сквозь огонь и подсѣла съ боку на разостланной оленьей кожѣ.

— Опять я съ тобою... Помнишь — годъ тому?.. Только въ этомъ году, смотри, Грегорѣй, я жирнѣе... Смотри, какъ тѣло мое выровнялось и наполнилось кровью...

— Пищи у меня пропасть!.. Я утащила сѣти кругомъ у сосѣдей. Много ихъ у меня теперь!.. Вы думаете, вамъ только пакощу?.. Ну, нѣтъ!.. Что вы? Вы бѣдные, слабые черви. Вамъ я мѣшала, затѣмъ, чтобы ты пришелъ... Я не одна желала уйти отъ васъ... Надоѣло мнѣ жить съ вами... надоѣли мнѣ ваши стоны и ваши раны... Грегорѣй, ты еще здоровъ, тѣло у тебя чистое, брось ихъ... Заживемъ чудесно!.. Поставимъ на островѣ круглый домъ, земляную «урасу»... Будешь сидѣть въ прохладѣ, въ сухости... я буду промышлять... Я знаю въ окрестности всѣ мѣста, всѣ рыбныя заимки, всѣ плёсы... Общество тоже дастъ мнѣ, чего пожелаю, только бы я ихъ не трогала... И скотъ дастъ, и сѣти...

— Ну, нѣтъ! Скота тебѣ не дадутъ, скорѣе убьютъ тебя... Вѣдь у тебя тамъ ничего не осталось.. Твой мужъ все продалъ, все увезъ съ собою въ губернію...

— И безъ скота будетъ намъ хорошо. Когда ты будешь со мною,

все найду... Въ мѣха дорогіе одѣну тебя... лисицъ, зайцевъ, волковъ и дикихъ оленей таскать, промышлять стану... Петли, западни, луки по всему лѣсу устрою... Иди ко мнѣ!.. Каждый день мясо ѣсть будешь, лучшіе куски жира отдамъ тебѣ, мозгъ костей... И добрая я стану... подобрѣю, смирюсь... Стану сладка, точно ягоды послѣ осеннихъ морозовъ, стану послушная, точно молодая телка... Я вѣдь оттого сердита, что одинока... Когда вспомню, что тамъ по бѣлу свѣту ходятъ, спятъ, размножаются, живутъ въ холѣ и теплѣ люди тѣ, что обидѣли меня... Бѣшеная кровь бросается мнѣ въ голову и я должна что-нибудь сдѣлать, что-нибудь сломать... Хочу я тогда, чтобы всѣ плакали и убивались... Но съ тобою я буду другая... Стану ходить тихо, говорить медленно...

Она прижималась къ нему все сильнѣе, дразнила его обнаженнымъ, горячимъ плечомъ, опираясь о его чуть прикрытое рубашкой тѣло.

— Былъ у тебя ребенокъ... Теперь жалуешься ты, что одинока... а съ нимъ что ты сдѣлала?—проговорилъ хрипло Грегорѣй.

Мергень вздрогнула и отодвинулась отъ него.

— Богъ свидѣтель, само умерло! — воскликнула она. — Да! Вотъ что! Ты, ты спрашиваешь меня!.. Ты даже глазомъ не повелъ, когда я мучилась, не посмотрѣлъ даже... Воды пить не подалъ... А теперь такъ ты требуешь?.. Ахъ разбойникъ!.. Не обманывай!.. Прямо скажи, что сытъ ты нашего бабьяго тѣла, что есть у тебя жена молодая... что она тебя держитъ... Не лги, не притворяйся... Что ты?! Ты все равно, что грязная тряпка... Развѣ ты когда-нибудь что-нибудь сдѣлалъ по собственной охотѣ?.. Кричать на тебя всегда приходится, все равно, на быка: Грегорѣй иди! Грегорѣй помоги! Грегорѣй сдѣлай!.. Ты мерзлякъ, ледяное чучело!.. Любила я тебя тогда, потому что другого не было, но Анка... Анка дура!.. Нашла сокровище...

Лицо Мергень налилось кровью, глаза засверкали дикимъ огнемъ, ротъ раскрылся и обнажились крупные, бѣлые зубы. Грегорѣй протянулъ впередъ руки.

— Уйди!.. Уйди ты, дьяволъ!. Ты еще большого человѣка когда-нибудь убьешь!..

Мергень привскочила, ударомъ ноги опрокинула котелокъ съ пищей и закричала въ изступленіи:

— Проклятый гнилушка!.. Язви тебя проказа по всему тѣлу съ завтрашняго дня! Помни, дуракъ, помни... Теперь ужъ я вамъ ничего не прощу, не пощажу васъ!.. Когда всѣ вы издохните, когда не будетъ васъ, найду себѣ парня молодого, хорошаго... воспитаю его... Не стара я еще, не дряхла я, еще я поживу... Думаешь ты, — повѣшусь, если не пойдешь?!. Нѣтъ... Эко сокровище?!. Сумасшедшая баба къ нему прибѣжала, такъ онъ вообразилъ, что вправду что-нибудь стоитъ! Пропади ты пропадомъ!.. Всѣхъ васъ изведу, всѣхъ, очищу округу... чтобы не осталось васъ на сѣмя, чтобы исчезло съ вами ваше проклятье... Тогда

уйду отсюда далеко, гдѣ не знаютъ меня и никто не заставитъ меня жить въ отравленныхъ мѣстахъ... Пропадайте вы, голодайте вы...

Грегорѣй вскочилъ. Въ глазахъ Мергень зажглись знакомыя ему, ужасныя искры; онъ предусмотрительно наступилъ ногой на топоръ, а рукою коснулся рукоятки ножа. Женщина замѣтила его движеніе и перепрыгнула на другую сторону костра.

— Что—испугался?!—разсмѣялась она.—Ухь сіэ! Богатырь, что позволитъ себя женщинѣ накрыть молочною ложкою!..

Она бросила въ него съ размаху головней и исчезла. Грегорѣй слушалъ нѣкоторое время, куда направилась она, взялъ даже горящее полѣно и, защищаясь имъ отъ комаровъ, пошелъ навѣдаться къ рѣчкѣ. Мергень тамъ не было. Гладкая лента бѣгущей воды тихо струилась, отражая по пути прибрежные кусты и травы. На озерѣ зато надъ бѣлой пеленой легкаго тумана чернѣли нѣкоторое время голова и плечи удаляющейся якутки, а внизу подъ ней скользило темное пятно ея лодки. Вскорѣ все это исчезло въ сѣдыхъ сумеркахъ лѣтней ночи.

— Наказаніе съ этой бабой!.. Совсѣмъ мужикъ-баба!.. Что жъ я могъ тутъ подѣлать?.. Дура!.. Пищу вылила, а «морду»-то еще не время смотрѣть... Какъ же быть?.. Громъ ее побей!.. Сказала, что боюсь ея... Конечно—боюсь! Развѣ не стану бояться такой вѣдьмы?!. Поцѣлуешь ее, а она тебѣ, пожалуй, губу откуситъ!.. Развѣ извѣстно, что съ ней можетъ случиться... Богъ ее знаетъ?!. Вотъ и теперь — пришла мириться, просила, чтобъ пустить ее, а затѣмъ пищу вылила... Адтоллеръ!—ворчалъ Грегорѣй, стараясь извлечь изъ золы и спасти куски полусваренной рыбы.

VIII.

Нѣсколько дней спустя у Грегорья открылась на рукѣ первая, болѣе крупная язва. Онъ самъ вѣрилъ безусловно и другихъ убѣждалъ, что это послѣдствіе колдовства Мергень.

— Откуда у меня могла оказатья сразу такая дыра? Еще вѣдь на нихъ не время?!. И сейчасъ чувствую во внутренностяхъ взглядъ этой вѣдьмы!.. Да и жечь меня стало раньше всего тамъ, гдѣ она коснулась головой!.. Охъ!.. грѣхи мои!.. Несчастье мое! — Онъ легъ, стоналъ и ничего не хотѣлъ дѣлать.

— Что же ты, Григорѣй, такъ сразу!.. Не поддавайся... крѣпись!.. Всѣ мы болѣемъ. И я, знаешь, не на здоровыхъ хожу ногахъ... Пропадемъ, если всѣ ляжемъ... Мергень опять сегодня «морду» осмотрѣла, рыбу унесла... Что станемъ дѣлать?!.—уговаривалъ его Теченіе.

— Пусть ее!.. Все черезъ васъ...

Между тѣмъ, Мергень, не встрѣчая больше Грегорья, все смѣлѣе и ближе подходила къ юртѣ. Прокаженнымъ казалось, что вотъ-вотъ откроются двери и она явится среди нихъ. Въ лѣсу она остановила Бытерхай, собиравшую хворостъ.

*

— Что случилось съ Грегорьемъ? Зачѣмъ его не видать... Что у васъ?

Дѣвочка смертельно перепугалась, побѣднѣла и уставилась широко открытыми глазами въ людоѣдку.

— Чего глаза пучишь? Отвѣчай, чертово отродье! Вѣдь, не съѣмъ тебя!—вскрикнула женщина и вдругъ насупилась, сплюнула, отвернулась и ушла.

— Сказала, что не съѣстъ меня теперь... Должно быть, зимою полагаетъ,—сообщала Теченію таинственно дѣвочка, разсказывая о происшествіи.

— Дай Богъ, чтобы другіе лѣтомъ не сдѣлали этого!—вздохнулъ Теченіе.—Что съ нами будетъ, ума не приложу! Сушеную рыбу въ это время года ѣсть, этого якуты испоконъ вѣку не дѣлывали. Чтоже будемъ ѣсть по осени? Объ этомъ никто не думаетъ... Или ты, Анка, пойдешь къ князю, или какъ? Должны тебѣ скотъ отдать... Твой онъ!..

— Какъ пойду теперь, въ такіе комары?

— Пустое! Скоро на Петровъ день комаръ совсѣмъ жало сломаетъ. Больше шумятъ они тогда, чѣмъ кусаютъ! Правда, дорога длинная, а все-таки въ вѣтеръ сходить можно, ничего!..

— Придетъ Петровъ, тогда и увидимъ! А теперь еще пища есть у насъ... Къ Петрову, можетъ быть, само общество на собраніи рѣшитъ и пошлютъ намъ скотъ... можетъ быть собранія и ждутъ для посылки?.. Вѣдь я сказала, что свое буду требовать!—объясняла неохотно Анка.

— Оставь ее! Придетъ время — пойдетъ! Она не такая, не обманетъ, сказала, такъ сдѣлаетъ! Теперь комаръ ее, правда, одолѣетъ,— защищалъ жену Грегорѣй. — Ты бы лучше «морду» стерегъ, авось урвешь что-нибудь у проклятой людоѣдки!..

— Тоже.. умникъ! Почему ты самъ не сходишь?

— Ну, вотъ Теченіе... Видишь, какой ты?!.. Что тебѣ терять... Тебя *она*, *хозяйка*, уже всего сквозь проѣла, а у меня пока есть одна маленькая ранка! Можетъ быть, еще заживетъ... Только я долженъ беречь себя, видишь, чтобы на меня эта вѣдьма больше не смотрѣла. Ты долженъ пожалѣть меня!..

— Да, будто долженъ!.. На постели валяться всякъ можетъ...—ворчалъ Теченіе, но, несмотря на то, отправлялся на рѣчку и проводилъ тамъ дни, лишь бы не отдать добычи Мергень. Однажды онъ вернулся чрезвычайно возбужденный.

— Отняла!.. Взяла на моихъ глазахъ... Причалила лодкой прямо къ «городьбѣ», влѣзла на мостикъ и отвязала «морду»! Кричу на нее: что ты! Ни гугу!.. Сталъ въ нее кидать палками, говоритъ: «ей, оставь, а то сойду на берегъ и поколочу тебя...»

— Что же ты ей?

— Ну, что я могу?!.. Стыдить ее сталъ; она смѣется... Стыда она, безстыжая, не знаетъ!.. «Морду» на мѣсто поставила... «Мое,—гово-

ритъ, не смѣйте трогать, а если ты, безногій, здѣсь будешь еще путаться, такъ я тебѣ въ конецъ твои копыта обломаю!» Такъ и сказала: обломаю! Слышали, милые люди: ей даже мои бѣдныя ноги мѣшаютъ!..—кричалъ разгнѣванный якутъ.—Нѣтъ, больше одинъ я не пойду... Довольно, и если Грегорѣй не хочетъ, то ты должна со мной ходить, Анка!..

Грегорѣй приподнялся на постели и взглянулъ на него внимательно.

— Если хочетъ, пусть идетъ! Я ей не мѣшаю. Я не пойду, я боленъ!..—сказалъ онъ мрачно.

— Нѣтъ, я лучше къ князю пойду, это вѣрнѣе! Вотъ только вѣтеръ подуетъ...—отвѣтила поспѣшно молодая женщина.

— Сходи, Анка!.. Непремѣнно сходи... Сѣти проси, лодку проси...—воскликнулъ торжественно Теченіе.

— Разскажи обществу, какъ бѣдствуемъ мы... Пусть общество знаетъ, что людоѣдка убить насъ хочетъ!—простонала Кутуяхсыть.

— Скота сколько-нибудь проси!—добавилъ Грегорѣй.—Должны дать! Вѣдь онъ нашъ собственный... Не дадутъ, такъ всѣ пойдемъ за нимъ, всѣ...—грозилъ онъ.

— Когда будемъ съ сѣтями, съ лодкой, тогда у насъ съ Мергень другой пойдетъ разговоръ,—продолжалъ мечтать Теченіе. — Тогда я ужъ найду такой на озерахъ уголъ, что самъ чортъ сѣтей не разыщетъ... Бьюсь объ закладъ, что вѣдьма ногу сломитъ, а не найдетъ... Пусть лопнетъ отъ злости, что нашлись поумнѣе ея... Да! Все-таки баба всегда останется бабой, куда ей тягаться съ мужикомъ... Съ сѣтьми совсѣмъ другой разговоръ, плыву я себѣ, куда хочу, гдѣ хочу, бросаю ихъ...

— Только я однако возьму съ собою... Бытерхай!...—начала робко Анка.—Страшно одной идти. Когда маленькая со мной будетъ, пожалуй, они пощадятъ меня... Некому будетъ съ ребенкомъ вернуться, побоятся они отвѣта... и пожалѣютъ скорѣе съ ребенкомъ...

— Что же, пойдешь, Бытерхай?

— Народъ увидишь, дѣтей увидишь... увидишь, какъ живутъ настоящіе якуты... Можетъ быть, самаго князя увидишь.

Дѣвочка спряталась за уголъ камина и не отвѣчала.

— Народъ увидишь... Иди, дитя, увидишь, какъ жили мы когда-то... увидишь веселыя, открытыя мѣста, собакъ увидишь, скотъ... конный и рогатый...—высчитывала Кутуяхсыть.

— Можетъ, по пути и для себя что-нибудь получишь?! Можетъ, дадутъ тебѣ колечко мѣдное или оловянныя серьги... А то бусъ дадутъ... Есть у нихъ бусы красныя, бусы желтыя, голубыя... Богатые живутъ въ той сторонѣ сосѣди...

— Какъ же пойду—такая?—шепнула дѣвочка, выставляя изъ темноты свою голую спинку.

— Такая и иди... Скорѣе пожалѣютъ тебя и насъ всѣхъ. Убѣдятся въ нуждѣ нашей...—вздохнула Кутуяхсыть.

— Сказывайте: комары заѣдятъ ее въ пути! Не дамъ ребенка!— вступился Теченіе.

— Конечно, заѣдятъ! Въ платокъ ее закутаю, что ли? А у людей можно будетъ снять платокъ...—совѣтовала Анка.

Согласно рѣшили всѣ, что объ онѣ пойдутъ въ первый вѣтреный день. Путь къ князю былъ не легкій; жилъ онъ верстъ за двадцать, если не больше, отъ прокаженныхъ; по дорогѣ часто попадались «палтусы» и трясины; приходилось «кружить» далеко въ обходъ. Встрѣчались тамъ и рѣчки, на которыхъ броды и переправы знакомы были Анкѣ только по наслышкѣ.

Мужчины старались научить ее, разсказывали ей возможно подробно всѣ нужныя свѣдѣнія, чертили ей грубыя карты на полу и повторяли невѣроятное число разъ:

— Направо — озеро, налѣво — лѣсъ... дальше — болото... Затѣмъ опять озеро налѣво, а направо — лѣсъ... березнякъ. Поняла!? Пойдешь по тропинкѣ...

— Пойду по тропинкѣ... понимаю!—вздыхала Анка. — Богъ поможетъ, не дастъ погибнуть... Пойду, пойду, пока не дойду... Понимаю...

Пришелъ ожидаемый вѣтреный день. Съ утра уже подувало, а когда солнце поднялось выше и пригрѣло, вѣтеръ превратился въ бурю. Изъ подъ чистаго, прозрачнаго неба полились на беззащитную землю стремительные воздушные водопады; отъ бѣшенаго ихъ напора на мелкихъ водоемахъ не могла подниматься волна, она сдувалась гладко и озера слегка только зыбились, хотя въ сущности дрожали и клокотали до дна. Зато на большихъ озерахъ вздымались огромныя волны, пѣнистые, косматые валы ихъ, покрытые сѣтью морщинъ, точно жилистыя члены бѣшено ревущихъ чудовищъ, гнались другъ за другомъ. Они не прыгали высоко, не топорщились, но съ какимъ-то змѣинымъ шипѣніемъ выскальзывали изъ подъ мощныхъ налетовъ вѣтра и вскакивали то другъ на друга, образуя свирѣпые водовороты, то на берегъ, въ который со стономъ и громомъ шлепали мѣдными гривами. Между тѣмъ далеко на пучинахъ поднимались все новыя водяныя горы и шли къ берегамъ вмѣстѣ съ жужжащими порывами вѣтра. Тщедушные лѣса колыхались подъ дыханіемъ бури, какъ травы, а травы легли плашмя и не шевелились. Буря хватала съ волнъ пѣнистые гребни и разбрасывала ихъ по воздуху въ видѣ тончайшей водяной пыли. На эти туманы снизу метущагося дождя солнце бросало причудливые радужные взоры.

Женщина и ребенокъ съ трудомъ брели сквозь эти воздушные и водяные буруны. Цвѣтные миражи то и дѣло затѣняли имъ и безъ того плохо замѣтную дорогу. То широкій поясъ радуги, мерцающей до боли глазъ, реялъ передъ ними, то набѣгала яркая туча оранжевая, красная или голубая и исчезали въ ея клокочущихъ нѣдрахъ и лѣса, и болота.

Холодный вѣтеръ пронизывалъ путешественницъ, мокрое платье стѣсняло ихъ движенія. Зато не было комаровъ.

— Много ихъ погибнетъ отъ этой непогоды... Сдуетъ ихъ въ озера, затопчетъ въ травахъ...—утѣшала прозябшую дѣвочку Анка.

— Пусть ихъ топчетъ!.. Пусть ихъ топчетъ!.. Только бы насъ пустилъ вѣтеръ, а то дуетъ ужасть... подъ платокъ забирается!..

— Нечего надѣть больше, дитя мое!.. Ужъ какъ-нибудь старайся, шевели ножками...

Путницы миновали одно, другое озеро, то которое, должно было «остаться направо», и даже то, которое «должно было остаться налѣво», давно уже «ихъ страна» подернулась солнечной мглою. Онѣ пробрались съ большимъ трудомъ черезъ рыжее болото и вскарабкались на небольшой лѣсистый бугоръ. Тысячи блѣдныхъ водяныхъ пятенъ заблестѣло передъ ними сквозь рѣдкій кустарникъ.

Многократныя наставленія Грегорья оказались совершенно безсильны передъ этимъ сонмомъ незнакомыхъ водъ.

— Ничего не разберу... Вернуться нельзя, а куда идти.—Богъ одинъ знаетъ!?. Вернуться нельзя!.. Вѣдьма совершенно насъ погубитъ!..—бормотала Анка.

— Пойдемъ... куда-нибудь пойдемъ... Отъ холода на мѣстѣ нельзя устоять...

— Но куда идти? Говорилъ Грегорѣй, помню, все на закатъ солнца... Да тамъ—смотрю—озеро, а кругомъ—тайга-тайгой, ни проходу тамъ нѣтъ, ни проѣзду...

По возможности уклоняясь къ западу, онѣ побрели дальше черезъ трясины, покрытыя мхами и поросшія мелкимъ, чахлымъ лѣсомъ. Влажная, сѣдая плѣсень и грязно-зеленыя лишайники скользили у нихъ подъ ногами, обнажая ледяную подпочву. Спутанныя корни деревьевъ хватали ихъ ступни въ свои сѣти. На открытыхъ «бадаранахъ» было еще хуже; тамъ онѣ вязли въ жидкое, холодное болото выше колѣнъ. Усталыя, много позже полудня добрались онѣ наконецъ до Большого озера, котораго крупныя желѣзно-черныя волны съ ужаснымъ ревомъ и всплескомъ вздымались и падали на низкій берегъ. Берегъ въ томъ мѣстѣ представлялъ топкую, узенькую гать, по другую сторону которой метались волны другого озера. Оглушенные несмолкаемымъ шумомъ и движеніемъ, путницы рѣшили здѣсь отдохнуть и согрѣться. Но вблизи озера вѣтеръ не позволилъ имъ зажечь костра и онѣ принуждены были вернутся назадъ, гдѣ укрылись подъ защитой небольшой возвышенности, сварили чай и поѣли немного вяленой рыбы.

Дальнѣйшій путь предстоялъ имъ вдоль Большого озера по узенькой, какъ ниточка, гати. Другой дороги здѣсь не было. Женщины вспомнили, что у Большого озера онѣ должны свернуть на югъ, и свернули туда, хотя часто гребни волнъ хлестали имъ черезъ дорогу и хватали ихъ за ноги. Дѣться имъ было некуда, вездѣ предстояло тоже.

Онѣ съ замираніемъ слѣдили всякій разъ, какъ вдали въ нарытой гребнями пучинѣ зарождалась великанъ волна, подкатывалась къ нимъ все ближе и ближе, подымалась все выше и выше, съ шипѣніемъ заворачивала пѣнистый свой чубъ, затѣмъ съ громомъ падала совсѣмъ близко отъ нихъ, точно поднявшійся на дыбы и затѣмъ упавшій сказочный многоголовый змѣй. И всякій разъ, когда лапы этого змѣя, чуть коснувшись ихъ, уходили назадъ, изъ груди путницъ вылеталъ облегчительный вздохъ. Такъ онѣ бѣжали все время межъ волнъ, прижимаясь другъ къ другу, ободряя и нашептывая взаимно себѣ попутныя указанія.

— Анка, я боюсь... Я не могу... Ты зачѣмъ меня взяла!

— Я сама боюсь, дитя мое!.. Но и тамъ за нами вѣрная смерть... Когда снѣгъ и ледъ покроютъ землю, когда прійдетъ распутица, что ѣсть станемъ мы... Развѣ съѣдимъ тебя, дѣточка моя!.. Берегись!.. Опять идетъ волна, не схватила бы тебя!.. Только бы добрести намъ до лѣсу.

— Развѣ тамъ есть люди?

— Не знаю, есть ли, нѣтъ ли!? Ничего я не знаю, дитя мое... Сердце не позволяетъ мнѣ думать, все оно трепещетъ... Я никогда въ жизни не ходила одна такъ далеко... Я женщина; родители мои были люди состоятельные, воспитывали меня въ береженіи, все я ѣздила на собакахъ, на оленяхъ или лошадяхъ...

— И на быкахъ ѣздила?

— И на быкахъ, дочь моя!..

— Если у насъ будетъ скотъ, то и я буду ѣздить на быкахъ...

— Будешь, дѣточка, будешь... только иди...

И онѣ шли, шли, а лѣсъ все какъ будто не приближался, все темнѣлъ онъ, также туманный и далекій. Грохотъ волнъ въ конецъ спуталъ ихъ мысли. Минутами разбирала ихъ охота лечь у воды и позволить себя слизать этимъ мощнымъ, пѣнистымъ языкомъ. По движенію обвисшихъ рукъ, по неровному ходу ребенка Анка угадывала, что и Бытерхай раздѣляетъ ея желаніе; тогда жалость просыпалась въ ней и она, съ стиснутыми зубами, съ зажмуренными глазами, тащила ребенка насильно все дальше по зыбкимъ топямъ. Изрѣдка необычное дуновеніе бури или крикъ застигнутой ими на плоской отмели чайки, приводилъ ихъ временно въ чувство; затѣмъ онѣ опять погружались въ полусознательный, мучительный, полный борьбы и напряженія, упорный бѣгъ.

Грязныя, мокрыя, невѣроятно уставшія, онѣ добрались наконецъ подъ вечеръ до лѣса.—Вѣтеръ притихъ, озера поменьше немного успокоились и только озеро-великанъ, кругомъ котораго онѣ брели съ полудня, все также ревѣло и било въ берега. Впрочемъ, и оно уже не бросало по прежнему на воздухъ холодной, дождевидной пыли.

Путницы передохнули.

— Слава Богу... не погибли мы... Людей не видно, а все-таки въ лѣсу теплѣе... Смотри, Бытерхай... не замѣтишь ли ты гдѣ огонька... Смотри хорошенько, глаза широко открывай!—сказала Анка ребенку.

— Зачѣмъ намъ сосѣди?.. Насъ не пустятъ, насъ еще собаками затравятъ и лошадьми затопчутъ... Теперь темно... ночь!

— И то правда! Такъ знаешь, разведемъ огонъ и проночуемъ въ лѣсу, а завтра двинемся дальше... Куда-нибудь да попадемъ!..

Но огня имъ не удалось развести; хлеставшія на нихъ въ пути съ озера волны промочили даже спрятанный въ кожаномъ мѣшечкѣ трутъ. Онѣ отдохнули немножко, согрѣлись, прижались другъ къ другу, поѣли вяленой рыбы и двинулись дальше. Озеро великанъ, береговъ котораго онѣ рѣшили держаться, все ревѣло и сверкало въ сумракѣ пѣною сердитыхъ, сѣдыхъ волнъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы путешественницы почувствовали подъ ногами болѣе твердую и гладкую почву. Вскорѣ во мракѣ померещилась имъ блѣдная прогалина лѣсной дорожки. Онѣ безъ труда отыскали ее и пошли по ней гусемъ. Маленькая якуточка опять стала дрожать всѣмъ тѣломъ, какъ раньше надъ озеромъ.

— Боюсь людей! Анка, позволь мнѣ держаться за платье... Когда тебя чувствую, не такъ страшно... Шибко боюсь... Что *они* сдѣлаютъ съ нами?

Дорожка вывела ихъ къ небольшому плѣшивому бугру съ видомъ, открытымъ на озеро. На вершинѣ ютилась небольшая юртенка. Изъ трубы ея струился дымъ, но свѣту въ окнахъ не было видно. Около юрты ни амбаровъ, ни изгородей; только у берега на откосѣ лежала вверхъ дномъ рыбачья лодка,

— Бѣдные... или... лѣтникъ! Ни скота, ни даже собакъ?!

Войти или нѣтъ?—размышляла вслухъ Анка.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Уйдемъ!..—противилась Бытерхай.

Жажда поѣсть теплой пищи, согрѣться, обсушиться преодолѣла страхъ. Анка перекрестилась и толкнула дверь.

— Кто тамъ?—загудѣлъ внутри голосъ.

— Мы—якуты-люди!

— А!..—а!.. зѣвнулъ спрашивающій.—Чего же ночью шляетесь... Откуда вы? Женщина, слышу...

— Да, мы идемъ издали, мы заблудились!..

— Эхъ! Джелликъ!.. вставай, парень, растопи огонь... Люди пришли, дорожніе...

Онъ принужденъ былъ нѣсколько разъ повторить приказаніе, пока заспанный подростокъ поднялся наконецъ съ кровати и бросилъ дровъ на тлѣвшіе угольи. Анка раздула огонь. Полымя стремительно вспыхнуло и яркій красноватый блескъ озолотилъ лицо, грудь, руки женщины и тщедушную фигурку не отступающей ни на шагъ Бытерхай.

— Откуда идете и куда?—разспрашивалъ старый якутъ, не вставая съ постели.

— Прости насъ, господинъ!.,—начала дрожащимъ голосомъ Анка. Въ лѣсу непогода, темно и холодно... Трутъ замокъ у насъ... Огня мы развести не смогли... Боимся змѣря... Не сердись, добрый господинъ... Мы... изъ проклятаго мѣста... оттуда. Но... мы еще не болѣемъ.., Не прогоняй насъ, умоляемъ тебя или, прогоняя, дай намъ головешку отъ твоего огня...

— Огня прохожимъ не дамъ! Не трогай огня!.. Да ты сама кто такая?!

— Я—Анка! Грегорья изъ рода Кылчасъ жена.

— А!.. Да, да! Знаю, слыхалъ... Та, что сама туда ушла?! Зачѣмъ ты пошла туда, если ты вправду здорова?

Анка не отвѣчала.

— Скверно вы сдѣлали, что вошли. Отойдите къ дверямъ!

— Отойдите къ дверямъ...—повторили еще голоса и остальные жители юрты вышли изъ темноты къ камину.

Оказалось ихъ трое: старикъ, старуха и парень. Бытерхай ужаснулась: у стариковъ не только волоса, но и глаза были бѣлые. Парень тоже руками впереди все щупалъ и уставлялся невпопадъ то туда, то сюда мутными, остановившимися глазами. Голые, исхудалые, морщинистые, они внимательно прислушивались ко всякому шороху, повернувши въ ихъ сторону широкія лица и страшные мертвые взоры. Дѣвочка чуть дышала. Она вспомнила всѣ ужасныя сказки Теченія.

— Господи, пришла кончина наша!..—шептала она.

— Ребенокъ съ тобой, слышу?—спросилъ старикъ.

— Да, дѣвочка.

— Чья? Твоя?!

— Нѣтъ. Неизвѣстно чья... Тамъ родилась!

— Крещеная по крайности?

— Эхъ!.. Кто ее крестилъ?.. Вѣдь насъ даже Богъ забылъ!

Старикъ сочувственно вздохнулъ.

— Бѣдняжки!... А только и мы не богатѣи... Худо попали вы! А какъ сюда вы пришли?.. Какимъ путемъ? И куда идете?

— Мы—къ князю!

Анка разсказала вкратцѣ о цѣли своего путешествія, разсказала о Мергень, о голодѣ, угрожающемъ имъ, о Петручанѣ, о своихъ коровахъ и скверномъ братѣ Грегорья, который присвоилъ себѣ весь ихъ достатокъ.

— Ну да! Я слышалъ. Князь приказалъ Безносому, чтобы онъ отдалъ... а брату не могъ велѣть; сильный онъ, самъ княземъ скоро будетъ. Не послушаетъ онъ общества!.. А нѣтъ ли у васъ съ собою посуды! Вы съ посудой должны ходить. А то какъ вамъ ѣсть подать? У насъ у самихъ посуды мало. Послѣ васъ разбить ее при-

дется. Какъ сдѣлаемъ мы?.. Останьтесь ужо, коли пришли. Лягте у дверей на скамьѣ... Ложитесь, запросто. Выварим скамью завтра, кипяткомъ вымоемъ! А впрочемъ на все Господня воля! Бѣдный — тоже прокаженный!.. Ничего то онъ не можетъ, ничего ему нельзя... Все равно, какъ мы... да вы... Спите... Парень вамъ завтра дорогу покажетъ!..

— Пусть вамъ Богъ пошлетъ здоровье... Пусть вамъ дастъ все лучшее!..—громко благословляла ихъ Анка.

Онѣ съ Бытерхай съѣли быстро и прожорливо поданную имъ пищу и крѣпко уснули на твердыхъ, голыхъ, но сухихъ доскахъ.

IX.

Буря затихла... Утромъ дулъ только слабый вѣтерокъ. Солнце весело бѣжало по безоблачной лазури. Свѣтъ и тепло обильно ниспадали на чуть плещущіяся воды.

Слѣпой парень велъ вчерашнихъ гостей своихъ по тропинкѣ, кругомъ того же Большого озера. Направо росъ необычно буйный для этой мѣстности лиственичный лѣсъ, налѣво зыбилась золотисто-голубая безпредѣльная гладь.

Слѣпой шагалъ размашисто впереди женщинъ и строго соблюдалъ, чтобы разстояніе между нимъ и прокаженными не уменьшалось.

— Очень вы надбавили дороги!..— бойко говорилъ онъ...— Надо было вамъ пройти по той сторонѣ озера,.. Отъ березняка—поворотъ... Прежнее озеро вы должны были оставить вправо...

— А ты откуда все это знаешь?

— Я-то?!—разсмѣялся самодовольно якутъ.—Я здѣсь все кругомъ знаю, всюду хожу. По всплеску волнъ, по шуму лѣса, по твердости почвы мѣстность узнаю... Здѣсь по близости нѣтъ дерева, котораго я бы не помнилъ, не обшарилъ руками... Ничего, что я слѣпой, а все могу. На лодкѣ плаваю, сѣти бросаю, рыбу добываю... Пятнадцать есть у насъ сѣтей. Сѣно и то кошу... Живемъ кое-какъ! Старики обѣщаютъ мнѣ въ этомъ году дѣвку купить... То же слѣпую. Зрячіе за насъ, за слѣпыхъ, не идутъ. Мы слѣпы вѣдь искони, изъ роду мы, отъ прадѣдовъ... Ну, дальше вы сами ступайте... Съ Богомъ... Мнѣ домой вернуться пора... Отсюда сосѣди близко... Идите все по той же тропинкѣ!.. И князь не особенно далеко... Вотъ въ той сторонѣ его дымъ!..

Онъ махнулъ рукою на дальній мысъ, надъ зеленымъ лѣсомъ котораго дѣйствительно носились столбы дыма.

— Отвелъ бы ты насъ къ сосѣдямъ... Ты добрый, а они, Богъ знаетъ, еще собакъ на насъ выпустятъ!—просила его Анка.

— Не могу. Старикъ запретилъ. Нужно сѣти смотрѣть. Вчерашняя буря вѣрно ихъ совсѣмъ спутала!

И женщины пошли дальше однѣ.

Берегъ подымался все выше, становился суше. Рослыя, богатыя листвою деревья, мало-по-малу, превратились въ чащу. Бытерхай забыла свой испугъ; она въ изумленіи оглядывалась кругомъ, порывалась все спрашивать, и только озабоченное лицо Анки удерживало ее отъ шумныхъ проявленій восторга. Но когда онѣ повстрѣчали неожиданно какихъ-то рогатыхъ чудовищъ, которыя выбѣжали изъ лѣса, лягаясь и размахивая вздернутыми вверхъ хвостами, дѣвочка не выдержала и схватила женщину за руку.

— Видѣла?!. Это что такое?

— Коровы, дитя мое!

— Такихъ ты просишь? Что-то онѣ сдѣлаютъ у насъ? Больно большія... Ногами лягаютъ... Еще намъ юрту разломаютъ... Шутка ли?!

— Не бось! Справимся!.. Пусть бы только дали,— грустно сказала Анка.

Тревога Анки видимо возрастала, по мѣрѣ того, какъ кругомъ возрастали признаки близости жилищъ, пни срубленныхъ деревьевъ, изгороди, коровій и лошадиный пометъ. Наконецъ, сверкнула въ кустахъ ясная, просторная поляна. На полянѣ зачернѣли строенія въ сѣдомъ туманѣ дымокуровъ.

Анка сняла платокъ съ дѣвочки.

— Послѣ опять накину, а теперь пусть они видятъ, что нѣтъ у тебя ничего...

Бытерхай въ то же время замѣтила, что губы и руки сильно дрожатъ у Анки, и сама стала страшно дрожать отъ холода и волненія.

— Ухуу!.. ху!.. Люди... люди!— кричала Анка, останавливаясь на краю поляны.

Черная, востроносая собака бросилась къ нимъ съ лаемъ.

— Ухуу!.. ху!.. Люди!.. — продолжала кричать женщина, медленно подвигаясь къ строеніямъ.

— Что за шумъ? Чего вамъ?.. Кто вы такія? — вскрикнулъ мальчикъ въ синей, дабовой рубахѣ. Онъ съ лопатой въ рукахъ выскочилъ изъ хлѣва, гдѣ, очевидно, выгребалъ навозъ.

— Мы... оттуда... мы издали... мы... прокаженные!..

Мальчикъ замеръ съ широко открытымъ ртомъ. Затѣмъ молча повернулся и стрѣлой понесся къ юртамъ. Анка стала на колѣни и руки молитвенно скрестила на груди. Спустя нѣкоторое время, двери открылись и на порогѣ появился старикъ, якутъ, съ лукомъ въ рукахъ; за нимъ сзади пугливо толпились женщины и дѣти.

— Почему вы сюда пришли, на какомъ такомъ основаніи?.. Знаете, что вамъ запрещено?!—началъ онъ грозно.

Анка сквозь слезы, съ трудомъ побѣждая волненіе, разсказала ему о причинахъ своего прихода, всю свою исторію.

— Такъ это ты, Анка?! Ты—Грегорья жена? Бѣдняжка!..—пробормоталъ старикъ сочувственно. Онъ приблизился къ нимъ, собрался не-

много щепокъ, сору и развелъ между ними и собою небольшой огонь. Тогда и женщины, и дѣти приблизились къ прокаженнымъ.

— Слушайте, князь далеко! Вы не той пошли дорогой. Не совѣтую ходить къ нему. Ты, Анка, сама,—слышалъ я,—умная, хорошая женщина, должна понять, что нельзя вамъ по всей землѣ разносить несчастіе... Должна пощадить людей! Ты сказываешь, что ты здорова, а все-таки нельзя. Первое, ты не знаешь, затѣмъ, ты въ платьи, въ волосахъ, въ прикосновеніи тѣла заразу ихъ, ихъ соки должно быть несешь... Вѣдь ты однимъ съ ними воздухомъ дышишь. Вѣдь ты ѣшь съ ними и пьешь?! Слушай, я тебѣ посовѣтую. Ты съ дѣвкой посиди здѣсь, а я съѣзжу къ князю и позову его. Онъ пріѣдетъ, непремѣнно пріѣдетъ, потому что опять нѣтъ такого закона, чтобы вы безъ пищи гибли...

— Энгъ! Живое вѣдь и они тѣло!—согласились дружно женщины.

— Смотрите, какъ тоща эта дѣвочка?.. Головка, какъ цвѣточекъ, а ручки ножки, какъ травинки...

— Только животъ большой!—замѣтилъ мальчуганъ.

— Должно быть, отъ худой пищи, отъ древесной коры, отъ заболони...

— Однако отъ коры!.. Одной заболонью вѣрно и кормятся,—подтвердила одна изъ женщинъ.

— А хорошенькая дѣвочка! Смотрите, какіе большіе у нея глаза!.. какія густыя и выгнутыя рѣсницы!..

— Ты чья?

— Говори!—шепнула ребенку Анка, дергая его за руку.

— Я—Теченія...

— Ха! ха!.. Теченія? Кто это такой?

— Тоже — прокаженный. Но это неправда. Она родилась раньше его прихода. Она неизвѣстно чья... Никто не знаетъ...

— Бѣдняжка! Рубашенки даже нѣтъ у нея!..

Старикъ якутъ передъ отъѣздомъ приказалъ накормить путницъ.

Имъ принесли большія чашки съ кислымъ варенымъ молокомъ. Благоговѣніе, съ какимъ прокаженныя принялись за это любимое якутское блюдо, глубоко взволновало присутствующихъ.

— Давно, должно быть, не ѣли... бѣдняжки! — вскричали многія. Посыпались подарки, платки, рубашки, даже обутки и теплое платье.

— Надѣнь, надѣнь!—кричали женщины и дѣти Бытерхай, которая восхищенная подаренной рубашкой, не знала, что съ ней дѣлать.

Наконецъ, къ огню подползъ неожиданно, крошечный мальчуганъ и бросилъ несчастнымъ украшенныя рѣзьбой и рогами деревянныя игрушки.

— Ай да, Мурунъ! И онъ тоже хочетъ что-нибудь подарить несчастнымъ... Возьми, Бытерхай, это для тебя, это коровы,—одобрили всѣ ребенка.

Бытерхай жадно схватила игрушки и спрятала за спину; глаза ея горѣли и чувствовала она себя, видимо, на седьмомъ небѣ.

Когда пріѣхалъ князь, женщина и ребенокъ—накормленныя, пріодѣтыя—сидѣли на томъ же мѣстѣ за огнемъ и весело разговаривали съ все увеличивающейся толпой любопытныхъ.

Пріѣздъ князя сразу напомнилъ Анкѣ о минувшихъ и ожидающихъ ее страданіяхъ. Искреннія слезы потекли у нея изъ глазъ, когда она вновь стала разсказывать про свои горести, про общую ихъ нужду.

— Слышалъ я уже это!—сурово сказалъ князь.—Жаловались мнѣ ваши сосѣди, что обижаете ихъ, что воруете сѣти, ломаете амбары.

— Это не мы... Это Мергены!.. Она и у насъ все уноситъ!..

— Такъ скажи ей, что мы на нее облаву устроимъ... Вѣдь она не только воруетъ, вѣдь она заразу по всей округѣ разноситъ... вѣдь она хуже дикаго звѣря... И вы тутъ больше не смѣйте шляться... Въ этотъ разъ прикажу вамъ выдать лодку и сѣти, а въ другой... берегитесь!

— И корову, господинъ, прикажи... Мой скотъ, что задержалъ неправильно Петручанъ Безносый...

— Такъ онъ еще не отдалъ? Я уже ему говорилъ. Долженъ отдать... одну! Онъ говоритъ, что ты должна осталась ему за содержаніе и люди это подтверждаютъ, что онъ скотъ твой всю зиму кормилъ, что онъ стогъ сѣна на нихъ убилъ...

— Господи, да вѣдь я все лѣто работала... Молоко, масло отъ скота онъ все поѣлъ... Нѣтъ у людей, вижу, совѣсти...

— На это, онъ сказываетъ, уговору не было... Молчи! Корову съ теленкомъ получишь... Опять скажу, чтобы не медля отослалъ, а теперь ступайте! Черезъ озеро перевезутъ васъ, сюда—ближе!

Плотный, мрачнаго вида якутъ ждалъ ихъ уже съ весломъ въ рукѣ на берегу. Тутъ же стояли двѣ лодки. Въ большую Анка положила подаренныя ей вещи, пищу, сѣти, посадила въ корму Бытерхай, а сама сѣла посерединѣ съ весломъ. Якутъ помѣстился въ свою лодку, причалъ ихъ лодки подвязалъ къ себѣ сзади и потащилъ ихъ. Легкая волна чуть покачивала ихъ, уходила изъ-подъ весла и, казалось, толкала прочь отъ берега. Собравшіеся у воды якуты кричали имъ слова утѣшенія и сочувствія.

По мѣрѣ того, какъ солнце пригрѣвало, вѣтеръ стихалъ. Пловцы быстро скользили по прозрачной, позлащенной солнцемъ зыби. Позади блѣднѣли, туманились, исчезали зеленые берега, гдѣ росли высокія стройныя деревья, гдѣ толпились «люди», гдѣ кипѣла жизнь, богатая и разнообразная. Анка обернулась, чтобы еще разъ взглянуть на нихъ, и увидѣла столбъ дыма, низко ползавшій вдоль берега. Это выжигали то мѣсто, гдѣ сидѣли онѣ.

Молчаливый проводникъ безъ словъ высадилъ ихъ на томъ берегу, показалъ, куда ѣхать дальше, и уплылъ. Въ виду поздняго времени онѣ рѣшили проночевать въ тайгѣ и добрались домой только на слѣдующій день въ полдень.

Необычный успѣхъ путешествія опьянилъ положительно всѣхъ.

— Ѣда... одежа... сѣти, лодка, даже—сахаръ, чай и соль!.. Знаешь, Анка, ты большая удачница!—восторгался Теченіе.—Еще сегодня вечеромъ сѣти поставлю. Только нужно лодку осторожно перетащить на озеро, чтобы «вѣдьма» не замѣтила. Князь, сказываешь, на насъ всѣхъ сердится. Я вѣдь давно говорилъ, что на насъ всѣхъ будутъ серчать за проклятую людоѣдку... Никто вѣдь не знаетъ... И какая ей польза разносить хворь по всему свѣту? Всѣ заболѣютъ и намъ только хуже будетъ, некому помогать будетъ... И вправду облаву на нее устроить!.. А то какъ?.. Какъ думаешь, Грегорѣй?

Грегорѣй глядѣлъ въ то время задумчиво на огонь, у котораго кипятились чайники и ничего не думалъ, но кивнулъ значительно головою.

На завтра уже у нихъ была свѣжая рыба. Несмѣтное количество комаровъ, сброшенныхъ въ воду бурей, которыя толстымъ на палецъ слоемъ покрывали нѣкоторые плёсы, привлекла къ берегамъ тучи серебристыхъ лососей. Хотя подаренныя обществомъ сѣти были плохи, но обиліе рыбы покрывало недостатки снастей. Теченіе ликовалъ. Мергень что-то подозрѣвала и возможно, что замѣтила лодку, потому что нѣсколько разъ подплывала къ берегу и, стоя въ лодкѣ съ ладонью козырькомъ у глазъ, долго всматривалась въ ихъ юрту. Ея смуглая, стройная фигура съ узкимъ только пояcомъ на голыхъ бедрахъ, рѣзко выдѣлялась на синевѣ спокойно спящихъ водъ.

— Смотритъ, воронъ!.. Высматриваетъ... Напрасно щуришь вѣки, воровка!.. Ничего не увидишь! Говорилъ вѣдь я: мужикъ всегда мужикъ и никогда бабѣ съ нимъ не сравняться!—хвасталъ Теченіе.

Впрочемъ, увѣренность его продолжалась не долго. Нѣсколько дней спустя онъ вернулся смущенный и злой.

— Нашла!..—сказалъ онъ у порога.

— Ну и что? Унесла?! Опять ничего нѣтъ?!—спросили всѣ хоромъ.

— Эхъ!.. Не такой я дуракъ... Сѣти у меня каждая въ другой тони... Одну взяла!

— Найдетъ и остальныя. Нѣтъ, надо съ этимъ покончить!—рѣшительно воскликнулъ Грегорѣй. Успѣхъ Анки, а главное, надежда на получку коровы опять вернули ему силы и воспламенили любовь къ женѣ. Рана на плечѣ перестала мѣшать и даже стала подживать.

— Поѣдемъ и заберемъ у нея лодку!—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.—Всему будетъ конецъ. Останется она плѣнницей на островѣ. Съ голоду не умретъ, запасы у нея вѣрно есть, кое-что мы ей свеземъ, если смирится...

— Какъ же?! Откуда мы возьмемъ?!—воспротивилась Кутуяхсытъ, но Теченіе не далъ ей окончить.

— Найдемъ! Если она не будетъ намъ пакостить, все будетъ! Сѣтей у насъ: разъ, двѣ, три... двѣнадцать, вмѣстѣ съ тѣми, что у нея, да «морда»... Будетъ рыбы прорва! Только знаешь, Грогорѣй, мой совѣтъ

застичь ее врасплохъ, ночью, во снѣ... Не отъ страха говорю, а отъ ума... Днемъ можемъ ея на островѣ не найти, уплыветъ куда-нибудь... Вѣдь, она шлюха! Тогда и лодки не будетъ и взять ее нельзя будетъ. Вѣдь когда нѣтъ, тогда взять нельзя. Что?.. Вѣрно говорю?!

— Вѣрно. Я самъ думалъ ночью. А только, если не удастся намъ застичь?!..

— Какъ не удастся?.. Силою она, думаешь, воспротивится? Тогда... конечно, оставимъ ее... Вѣдь мы не убить ее пойдемъ, а за лодкой... Замѣтитъ насъ, такъ мы мимо проплывемъ, а нѣтъ, такъ лодку подцѣпимъ... Не дастъ, такъ безъ лодки вернемся... Такъ-ли, сякъ-ли, а а все мы въ выигрышѣ... Хуже не будетъ!..

— Хуже не будетъ, это вѣрно!—согласился Грегорѣй.

Они не хорошо знали мѣсто осѣдлости Маргень и потому стали ждать луны, чтобы въ темнотѣ не попасть въ какую-нибудь ловушку. Наконецъ, въ одну тихую, теплую ночь они поплыли, старательно избѣгая мѣсячнаго свѣта, который легъ дрожащимъ серебрянымъ столбомъ по серединѣ озера. Осторожно, чуть касаясь веслами поверхности сонной, затуманенной воды, они двигались вдоль береговъ. Такимъ образомъ они подошли къ тому мѣсту, гдѣ удлиненная на водѣ тѣнь лѣсистаго острова Мергень далеко выбѣгала къ нимъ. Но между тѣнью, гдѣ прятались они, и тѣнью острова находилась свѣтлая полоса. Они были увѣрены, что Мергень не ожидаетъ ихъ съ той стороны, тѣмъ не менѣе разогнали лодку, проскочили стрѣлою опасное мѣсто и спрятались у острова раньше, чѣмъ сомкнулась серебряная зыбь, всколыхнутая ихъ пирогой.

— Ты ничего не слышалъ?

— Ничего. Все, кажется, хорошо! Смотри теперь осторожно. Здѣсь на водѣ за версту комара слышно!

Они плыли у самое земли, стараясь погружать и вынимать весла безъ малѣйшаго всплеска. Съ краю обрывистаго берега склонялись къ нимъ косматыя лиственицы, точно присматривались при свѣтѣ густо мерцающихъ на небѣ звѣздъ, что за незванные гости посѣщаютъ ихъ въ неурочный часъ. У поворота на мысу рыбаки увидѣли вдругъ въ чащѣ очень близко красный огонечекъ.

— Смотри: не звѣрь ли?—шепнулъ Теченіе, но Грегорѣй показалъ молча на струйки бѣлаго дыма, поднимавшагося тамъ же надъ верхушками деревьевъ и тающаго высоко въ темной синевѣ ночи. Сквозь чащу можно было различить очертанія конусообразной «урасы». Огонь свѣтился въ ея внутренности. Якуты сейчасъ же остановились, лодку свою вытащили до половины на мель и принялись потихоньку шарить на берегу. Лодки Мергень тамъ не оказалось. Тогда они, соблазненные удачею, рѣшились заглянуть въ кусты. Лодки и тамъ не оказалось.

— Должно быть, около дома спрятана она...—шепнулъ Теченіе.

Находились они въ разстояніи всего нѣсколькихъ шаговъ отъ

«Урасы» и сквозь открытый входъ ея могли видѣть догорающій огонь по серединѣ. Внутри ни кого не было. Любопытство побѣдило ихъ робость и они вошли туда.

— Нѣту!.. Можетъ быть, ѣздитъ по сосѣдямъ и воруетъ?! Смотри, какой порядокъ вездѣ... Одежа, рыба, посуда—все на мѣстѣ. Лошадь—не баба!—восхищался Теченіе.

— Страсть сердитая!—отвѣтилъ Грегорѣй, ощупывая постель, глубоко продавленную въ подстилкѣ изъ мха и вѣтокъ.

— Эхъ! Да еслибъ она была добрая... Слышалъ!?—вскрикнулъ Теченіе и дернулъ Грегорья за рукавъ.

— Слышалъ. Знаешь, я думаю, она тутъ недалеко. Постель совсѣмъ теплая!—замѣтилъ Грегорѣй.—Уйдемъ лучше.

— О, да! Уйдемъ лучше!.. Хотя что она въ сущности сдѣлаетъ намъ, если придетъ; скажемъ, въ гости пришли... Двое вѣдь насъ! Попробую я немного ея вяленой рыбы, важная, должно быть, у нея рыба...

Теченіе протянулъ руку къ вялившимся въ дыму пластамъ рыбы, какъ въ тотъ же мигъ зазвенѣла тетива и стрѣла съ зюзюканіемъ пронеслась мимо рыбака. Оба друга не медля упали ничкомъ на землю и поползли въ кусты. Оттуда опрометью бросились къ своей лодкѣ. Сзади за ними все время кто-то пронизывалъ воздухъ стрѣлами.

— Проклятая! И кто бы могъ подумать, оружіе есть у нея?! Украла его гдѣ-нибудь, должно быть!.. Подожди, и я себѣ сдѣлаю лукъ!—грозилъ ей издали Теченіе, налегая изо всѣхъ силъ на весло.

На берегу стояла Мергень; голое ея тѣло блестѣло въ лунномъ свѣтѣ, какъ бронза, въ рукахъ изгибался натянутый лукъ.

— Подожди, проклятая вѣдьма, князь сказалъ,—устроятъ на тебя облаву, спромышляютъ тебя, какъ дикаго звѣря!..

Въ отвѣтъ она пустила имъ стрѣлу и попала въ бортъ лодки. Большой кусокъ доски отлетѣлъ съ шумомъ въ воду.

— Бѣжите!?. О, мужчины... о воины, которыхъ можно сдуть въ воздухъ, поставивъ себѣ на ладони!..

— Не всѣ разбойники, какъ ты... Никого не жалѣютъ...—воскликнулъ Грегорѣй. Якутка злобно засмѣялась.

Два дня спустя исчезъ Теченіе. Испуганные жители юрты не знали, что и подумать. Грегорѣй предпринялъ розыски вдоль озера, предполагая, что рыбакъ утонулъ. Но ни тѣла, ни лодки не нашелъ, хотя была на озерахъ волна и ихъ бы гдѣ-нибудь непремѣнно выкинуло. Слѣдовъ медвѣдя тоже Грегорѣй не нашелъ.

— Убила его?—рѣшили они молча про себя, не смѣя подѣлиться другъ съ другомъ печальной догадкой.

Опять остались они безъ пищи и безъ средствъ добывать ее. Корову общество и не думало послать имъ. Въ отчаяніи Анка рѣшилась еще разъ сходить къ князю.

Въ этотъ разъ она прошла по хорошей дорогѣ и попала къ князю относительно быстро и безъ приключеній. Зато приняли ее тамъ совсѣмъ иначе. Князь кричалъ на нее, ругался, грозилъ сжатыми кулаками и навѣрное билъ-бы ее, еслибъ не опасался прикоснуться къ ней. Не дали ей подаянія, даже поѣсть не дали какъ слѣдуетъ. Якутъ верхомъ на лошади съ копьемъ въ рукахъ, погналъ ее обратно домой. Дрожащая, ослабѣвшая съ голоду и волненія, она чуть плелась. Только видъ коровы, которую всадникъ велъ привязанную за собою, да жалобные возгласы теленка, который навьюченный болтался въ корзинѣ съ боку сѣдла всадника, поддерживали ея силы и бодрость.

— Наконецъ... есть!..—шептала она спекшимися губами.

Въ половинѣ пути почувствовала Анка, что дальше идти не въ силахъ, и попросила своего стража, чтобы позволилъ ей покормить теленка и самой пососать немного молока изъ полнаго вымени коровы. Якутъ согласился, развелъ огонь, сварилъ себѣ чай и смотрѣлъ изъ-подлобья, какъ женщина все ласкаетъ, цѣлуетъ свою скотину.

— Жаль Божьяго созданія, сгніетъ, какъ и вы...—недружелюбно проворчалъ онъ.

X.

Бытерхай только теперь узнала, что такое настоящая дружба. Маленькій Бысъ, новый жилецъ юрты, былъ такой смѣшной, когда его заставляли перепрыгивать высокій порогъ! Онъ такъ своеобразно перебиралъ узловатыми ногами, оттопыривалъ неожиданно хвостъ, что смѣхъ то и дѣло брызгалъ изъ сжатыхъ губъ дѣвочки. Мало того, не разъ Бысъ вдругъ въ самый торжественный моментъ, когда его вели, напримѣръ, къ водопою, подымалъ такую неслыханную кутерьму, принимался до того стремительно бѣгать кругомъ Бытерхай, тащить изъ ея рукъ свою веревку, что заставлялъ ее такимъ образомъ вертѣться съ собою на мѣстѣ, какъ волчокъ, при чемъ черные волосы дѣвочки взлетали надъ ея головой точно вороньи крылья. Это были, по примѣру прежнихъ временъ, все еще единственныя вещи, которыя пока могли взлетать на воздухъ при движеніи хорошенькой Бытерхай. Рубашечку—красивую синюю рубашечку съ красными ластовками и воротникомъ, она сейчасъ же по возвращеніи отъ князя спрятала... къ большому празднику.

Были у Быса и другія любопытныя, своенравныя привычки. Случалось, среди самаго бѣшенаго бѣга, прыжковъ, ляганій, онъ вдругъ безъ всякой видимой причины останавливался, разставлялъ изогнутыя дугой ноги, настораживалъ уши лопатами, выпучивалъ круглые глаза и глядѣлъ удивленно въ совершенно пустое мѣсто... Надо полагать,—онъ тамъ видѣлъ нѣчто, но что это было такое, тщетно старалась узнать Бытерхай. Все, что она тамъ сама замѣчала, были совсѣмъ

обычныя, скучныя вещи. Поэтому она въ такихъ случаяхъ становилась около друга на колѣняхъ, забрасывала ему на теплую, морщинистую шею рученки, цѣловала въ мордочку и говорила:

— Глупый Бысъ! Тамъ нѣтъ ничего, пойдемъ домой, а то Анка скоро пригонитъ Лысанку... Нужно ихъ встрѣтить!..

Дружба ихъ постепенно выросла до того, что Бытерхай положила въ корыто Бысу «на всегда» свои разныя, «отъ людей» полученныя игрушки. Она не прочь была даже спать вмѣстѣ съ теленкомъ и навѣрно перешла бы съ пустой кровати Теченія въ темный и влажный уголокъ за каминомъ, еслибы этому не воспротивилась Анка.

— Нельзя!.. Даже ночью не оставишь въ покоѣ скотины... Еще ее испужаешь храпѣніемъ и задавится она на привязи... А то упадетъ и ногу сломаетъ... И коровѣ нужно свое время...

Бытерхай не настаивала. Она привыкла слушаться; къ тому же, по собственному опыту знала, что всякому нужно и пріятно имѣть «свое время.» Особенно съ появленіемъ Лысанки этого времени оставалось у нея все меньше и меньше. Къ обязанностямъ дѣвочки носить воду, подметать избу, таскать хворостъ, собирать щавель, коренья, ягоды, присоединилась теперь забота, чтобы знать постоянно, гдѣ находится и что дѣлаетъ корова. Взрослые сказали ей разъ на всегда, что если она замѣтитъ скотину въ опасномъ мѣстѣ на бадяранѣ, у обрыва, надъ озеромъ, то она должна прогнать ее въ другое мѣсто или увѣдомить объ этомъ старшихъ. Если дѣвочка не была въ состояніи замѣтить коровы съ плоской крыши юрты, то должна была отправляться за ней въ поиски въ кусты, на «калтусъ», гдѣ все еще много было комаровъ и овода. Огромный ростъ животнаго, его горячее дыханіе, длинный хвостъ, блестящіе рога, хлюпающія копыта, красный языкъ, большущіе, выпуклые глаза, нетерпѣливыя, быстрыя движенія—все это возбуждало въ ребенкѣ неимовѣрный ужасъ, съ которымъ даже любовь къ Бысу безсильны были бороться.

— Вѣдь это его мама!.. — успокаивала она самое себя. Несмотря на это, когда приходилось ей гнать заблудившееся животное домой, дѣвочка отыскивала самую большую, какую только въ состояніи была поднять, хворостину и, осторожно выглядывая изъ за деревьевъ, покрикивала издали: «Хоть! хоть!..»

Корова обыкновенно оглядывалась нѣкоторое время изумленно, отыскивая, кто такой на нее кричитъ, затѣмъ степенно направлялась домой и протяжнымъ мычаніемъ вызывала легкомысленно забытаго среди веселыхъ луговъ и сладкихъ травъ теленка.

Это мычаніе, трескъ ломающихся подъ тяжестью животнаго кустовъ, топотъ его ногъ, сопѣніе и запахъ его, когда поставленное ночью въ юртѣ оно пережевывало жвачку или переступало неспокойно съ ноги на ногу во время доенія—невыразимо пріятно щекотали слухъ прокаженныхъ.

*

— Глаза мои еще увидѣли Божью тварь... Ноздри мои еще дышутъ его запахомъ... А не думала я, что удостоюсь передъ смертью... Вотъ Салбанъ, бѣдняжка, не дождался...—говорила частенько Кутуяхсытъ.

Жизнь ихъ потекла съ тѣхъ поръ болѣе сильной струей, въ сердцахъ народились несбыточныя мечты; вернулись къ нимъ старыя привычки. Грегорѣй весь день напролетъ косилъ сѣно, Анка перетряхивала и сгребала его. Чего, впрочемъ, не принялась теперь дѣлать эта женщина? Съ того дня, когда она крайне измученная, но веселая, вернулась со скотиной домой, съ тѣхъ поръ, когда мысль ея была въ состояніи хоть на чемъ-либо положительномъ опереться, Анка сгорала въ лихорадкѣ труда. Подобно полевой мышкѣ, она шныряла по тайгѣ и тащила домой все съѣдобное или годное къ употребленію. Черную смородину, щавель, дикій чеснокъ, сладкіе коренья, «ѣду озеръ», какіе то пахучіе листья и молодые побѣги — все, все несла она и бросала въ большой деревянный чанъ, куда сливались молочные остатки. Тамъ все закисало и превращалось въ питательный студень, изъ котораго Анка умѣла приготовлять великолѣпную похлебку, подбавляя воды и древесной заболони. Такимъ образомъ домашніе даже не чувствовали, какъ дѣлаются въ молокѣ огромныя сбереженія. У нихъ всегда было молоко и по утру, и вечеромъ къ чаю изъ сушеныхъ пахучихъ травъ, было даже масло, конечно, къ праздникамъ... Все у нихъ было, правда, было немного, потому что одна корова куда какъ немного даетъ молока, но было все, что бываетъ «у людей» тамъ на міру! А это главное!

— На будущій годъ опять Лысуха отелится... Тогда будетъ у насъ уже три штуки... Бычекъ подростетъ, станемъ по немногу возить на немъ кладь, дрова, рыбу... Сколько теперь трудовъ, сколько времени уходитъ на тасканіе вещей... И насъ, можетъ, Богъ дастъ, прибудетъ!—говорила со вздохомъ молодая женщина, брала за руку мужа и прикладывала его ладонь къ своему лону, гдѣ билась уже новая жизнь. Всякій разъ, когда видѣла Анка, что Грегорѣй мраченъ, безсмысленно и вяло глядитъ въ огонь, она подсаживалась къ нему, глядѣла въ лицо и ободряла.

— Не тужи! не думай!.. Забудь о болѣзни... Всякъ, кто родился, умретъ. Скажи лучше, успѣешь или нѣтъ набить завтра новые обручи на разсохшуюся бочку подъ кислое молоко. Скоро нужна будетъ. Прежняя уже полная.

— Уже полная?—удивлялся мужъ.

— Полная,—отвѣчала Анка съ гордостью.—Ахъ, еслибъ ты поправилъ на рѣчкѣ городьбу и «морду»... Что-то теперь не видно Мергень. Авось, оставитъ она насъ!.. Совѣсть, можетъ быть, проснулась въ ней послѣ того, какъ загубила неповинную душу...

— Такъ ты думаешь, что это она?..

— Кому же больше? Иначе вѣтеръ хоть бы лодку пригналъ!..

— Видѣлъ я ее вчера...—мрачно проговорилъ Грегорѣй.

Анка, чтобъ скрыть безпокойство, поправила порывисто платокъ на головѣ.

— Гдѣ?—спросила она, погодя.

— Плыла по озеру на востокъ.

— Видишь: въ другіе теперь направилась углы. Попробуй, поправь городьбу! Я помогу тебѣ...

Побуждаемый ею, Грегорей мало-по-малу втянулся въ привычный ему трудъ рыбака и скотовода. Все рѣже посѣщала его хандра и онъ не разъ громко напѣвалъ, отбивая бойко косу. Городьбу и «морду» онъ поправилъ и вставилъ послѣднюю въ окно городьбы. Только перемѣнилъ направленіе жерла, такъ какъ близилась осень и рыба стремилась теперь въ обратную сторону изъ мелкихъ тучныхъ, но быстро охладѣвающихъ ночью водъ въ глубокіе, обширные омуты. Опять на жердяхъ сушилки на плоской крышѣ юрты появились распластанныя, въ прокъ вялящіяся рыбы.

Никто не мѣшалъ имъ, не пакостилъ. Наоборотъ: однажды, по утру къ большому своему удивленію, они нашли на берегу озера старую свою лодку, весло и три сѣти. Въ носу лодки за его поперечинку заткнутъ былъ маленькій деревянный крестикъ. Случай этотъ неимовѣрно взволновалъ всѣхъ и страшно напугалъ Анку. Она не показала этого, только избѣгала говорить о происшествіи и не любила, когда говорили объ этомъ другіе при ней. Кутуяхсыть какъ-то въ ея отсутствіе не выдержала и спросила неожиданно Грегорья:

— А, что бы ты сказалъ, если бы вдругъ она... вернулась?!.

— Эхъ, не вернется. Богата—все у нея теперь есть!

— И кто бы подумалъ, что Теченіе тогда не утонулъ...

Никому не пришло даже въ голову, что она... его... Вотъ вѣдьма-то!

— Кто его знаетъ, а можетъ, онъ и утонулъ, а она только лодку да сѣти нашла, да и отдала намъ...

— Берегись все-таки, Грегорей, берегись.., Двое ихъ теперь!..— простонала старуха.

— Чего беречься?.. Не боюсь ихъ...—притворно равнодушно отвѣтилъ рыбакъ.

Опять тѣнь этой женщины проплыла надъ мирной жизнью юртешниковъ подобно ненастной тучѣ. Анна не пускала больше мужа одного осматривать «морду». Чаще всего сама ходила на рѣчку вмѣстѣ съ Бытерхай.

Разъ возвращалась она оттуда, сгибаясь подъ тяжестью полной рыбъ корзины, когда замѣтила съ изумленіемъ вторую лодку на берегу озера. Она страшно стала бояться неожиданностей и сердце ея болѣзненно сжалось. Въ юртѣ на скамьѣ за столомъ сидѣлъ... Теченіе и спокойно разсказывалъ что-то Кутуяхсыть.

— Ты живъ, Теченіе!? А мы уже похоронили тебя! — воскликнула Анка, искренно обрадовавшись его возвращенію.

— Живу, Анка, дышу... Слава Богу! И, вотъ видишь, пришелъ къ вамъ въ гости... Какъ только улучилъ время, пришелъ...

— А гдѣ пропадалъ ты?.. А мы-то, мы-то... убивались! Страху сколько наѣлись изъ-за тебя... Гдѣ обрѣтаешься теперь?!.

— Времени все не хватало... Давно навѣстилъ бы васъ...—бормоталъ смущенно рыбакъ. — Надо временемъ пользоваться, рыбу ловить, сѣти чинить...

— И такъ, ты, ни про что, ни за что, оставилъ насъ на погибель, безъ луча надежды, безъ соломинки...

Рыбакъ въ замѣшательствѣ поглаживалъ подбородокъ, избѣгая встрѣтиться съ ней взглядомъ.

— По крайности, хорошо ли тебѣ?

— У васъ все-таки лучше,—отвѣтилъ онъ уклончиво.

Онъ кивкомъ указалъ въ открытую дверь, сквозь которую долеталъ издали звонъ грегорьевой косы.

— Сбѣгай, Бытерхай, крикни хозяина. Скажи, что вернулся Теченіе...

— Ожитой?!.

— Ожитой... ожитой... бѣги!—усмѣхнулась Анка.

Дѣвочка все-таки успѣла мигнуть Бысу, что скоро вернется, и птицей помчалась на лугъ.

— Какъ же это случилось? — спрашивалъ весело Грегорей, когда послѣ многократныхъ привѣтствій и восклицаній, всѣ присутствующіе усѣлись за столъ и принялись за поставленную въ честь Теченія пищу.

— Случилось!—отрѣзалъ рѣшительно Теченіе, и жадно протянулъ ложку къ кислому молоку. — Скотина у васъ есть, и совсѣмъ другой теперь разговоръ... Много даетъ она молока?.. Вотъ видите, можетъ быть и лучше, что я исчезъ. Безъ этого, кто знаетъ, получили ли бы вы корову...

— Мергень знаетъ, что мы со скотомъ?—спросила Анка.

— И Мергень знаетъ. Мы давно видѣли все съ того берега. Теперь Мергень лежитъ пробита... Недѣлю тому назадъ вернулась прострѣлена и сейчасъ легла... Кровью сильно истекла въ пути...

— Пробита, говоришь?—переспросили всѣ.

— Ну, да! Должно быть, помретъ. А хотѣла уже исправиться...

— Скажи, Теченіе, это ты надумалъ намъ лодку и сѣти отдать... Правда?..—сказалъ вскользь Грегорей.

— Зачѣмъ непремѣнно я? Конечно, я ее отвезъ руками, но она сама надумала: «Теченіе,—говоритъ,—у насъ двѣ лодки, одна безъ употребленія стоитъ и сѣтей у насъ, слава Богу, много, отвези имъ... у нихъ ничего нѣтъ...»

— Пусть бы лучше не отсылала! Пусть бы лучше о насъ она совсѣмъ забыла!..—воскликнула порывисто Анка.

— Не говори, помретъ она, кровью она истекла... Пусть Богъ проститъ ей всякія прегрѣшенія...—причиталъ жалобно Теченіе.—У васъ

теперь хорошо, весело, а у насъ грустно. Дай-ка Грегорѣй косу, попробую, не забылъ ли я?!.

Онъ прогостилъ у нихъ до вечера, осмотрѣлъ внимательно Лысанку и сдѣлалъ на ея счетъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній. Онъ погладилъ Быса, приласкалъ Бытерхай и подарилъ ей гостинца — великолѣпную вяленую «юкалу». Анка, съ своей стороны, налила ему въ берестяной «турсучекъ» немного молока.

— Эхъ, Теченіе! Остался бы ты, паря, лучше ночевать... Поздно, темно, непогода поднимается. Будетъ волна...—соблазняли его домашніе.

— Нельзя! Никакъ нельзя! Она тамъ одна, ей некому подать. Вѣдь она тоже живая душа!.. Пусть только она не помретъ, а посмотрите, что будетъ! Головой ручаюсь, будетъ хорошо... Это уже мое дѣло!.. Хорошо у васъ, правда: и скотъ есть, и весело, и работа настоящая, а только... нельзя, никакъ нельзя!.. Опять пріѣду вскорости погостить, сосѣдями будемъ, а такъ... нельзя!

Добрякъ взялъ «турсучекъ» и поковылялъ къ озеру. Жители юрты проводили его на берегъ и стояли, пока онъ не сѣлъ и не уплылъ.

Волны качали лодочку, которая, ныряя и взлетая съ гребня на гребень, плыла на встрѣчу вѣтру, стремилась упрямо туда, гдѣ въ потемнѣвшей дали чернѣлъ островъ съ деревьями, нависшими съ крутыхъ береговъ.

XI.

Задули вѣтры съ запада, встрѣтились съ вѣтрами съ востока, наскочили тучи на тучи, какъ въ котлѣ закипѣло въ пасмурномъ небѣ, а когда сѣверный вѣтеръ обнѣялъ все своимъ ледянымъ дыханіемъ, полились непрерывно густые, холодные дожди. Шумъ ненастья, несмолкаемая дробь водяныхъ капель, плескъ бѣгущей воды, тоскливый гомонъ волнующихся озеръ, довершили предѣлъ печали этой плоской, влажной, доступной всякой непогодѣ земли. Дождевыя облака потушили ея краски, замазали ея очертанія, превратили ее въ сѣрый, грязный, отвратительный лохмоть суши, которымъ постоянно потрясали бури, который бороздилъ вдоль и поперекъ желтый, противный ливень.

— Хорошо еще, что мы сѣно успѣли скопнить...—говорилъ Грегорѣй.

— А худо, что ты земли не успѣлъ набросать на крышу... Теперь течетъ, и скоро, не знаю, куда мы спрячемся!..—замѣтила Анка.

— Куда спрячемся? Да вѣдь надъ кроватями, да надъ столомъ еще сухо, не протекло!

— Подожди, дай срокъ, протечетъ и тамъ. Боюсь, и въ амбарѣ прорветъ и подмочитъ сушеную рыбу.

«Срокъ» былъ близокъ. Вскорѣ текло вездѣ. Холодная вода не располагаетъ людей къ дружбѣ, тѣмъ не менѣе жители юрты не ссорились. Не съ кѣмъ было ссориться. Анка съ мягкой веселостью устра-

няла всякій поводъ къ недоразумѣнію. Иногда Грегорей, кости котораго опять стали ныть съ началомъ ненастій, пробовалъ привередничать.

— Эти женщины всегда...—начиналъ онъ.

— О, да! Ужасно глупыя эти женщины!—соглашалась Анка.—Любятъ васъ, берегутъ, работаютъ на васъ, дѣтей вамъ рожаютъ, вяньчаются съ ними... да еще слушаются... Пусть бы лучше всѣ, какъ Мергень...

— Сейчасъ — Мергень!.. Зачѣмъ Мергень? — ворчалъ смущенный якутъ.

А то въ другой разъ, когда онъ особенно сердился, взяла его Анка за руку и подвела къ огню.

— Погрѣйся, старикъ, погрѣйся и сознайся, что сегодня тебѣ хуже, что опять мучаютъ тебя суставы... Садись въ теплѣ и сухости, авось полегчаетъ!

— Какой полегчаетъ?!. Вездѣ на голову каплетъ!

— Пусть каплетъ! Не потонемъ, дастъ Богъ! Придетъ ведро, глины на крышу накидаемъ... На всегда останется!

Сама Анка не уставала работать. Она пользовалась малѣйшимъ перерывомъ въ дождѣ и бѣжала—легко одѣтая, въ дырявой обуви—на лугъ за сѣномъ для Лысанки, на рѣчку осмотрѣть «морду» или плыла на озеро провѣдать сѣти.

— Награди ее Господь!.. Сжалился Онъ надъ нами грѣшными и послалъ ее ради облегченія мученій нашихъ!..—благословляла ее не разъ громко многострадальная Кутуяхсытъ.

Но все это продолжалось не долго. Какъ-то вечеромъ двери неожиданно открылись и явился промокшій, грязный Теченіе, а за нимъ слѣдомъ вошла Мергень, сильно исхудавшая, съ горящими лихорадочно глазами.

— Смыло... совсѣмъ смыло глину съ нашей «урасы». Невтерпежъ!.. Хуже, чѣмъ въ чистомъ полѣ... Брр!.. Холодище!.. А у васъ хорошо, тепло и сухо!.. Всегда говорилъ я, что въ кучѣ лучше,—проговорилъ рыбакъ.

Мергень молча бросила узелъ съ вещами на свое старое мѣсто.

Домашніе только переглянулись. Что они могли подѣлать? Имъ даже въ голову не приходила возможность отказа. Домъ во всей якутской землѣ есть собственность тѣхъ, кто нуждается въ убѣжищѣ. Впрочемъ, сопротивленіе уже потому не могло состояться, что она не спрашивала ихъ и навѣрно не послушала бы ихъ. Въ случаѣ столкновенія, она—храбрая и ловкая—вмѣстѣ съ Теченіемъ представляла замѣтную силу, съ которой рукопашная была бы не безопасна... Дѣло могло кончиться Богъ знаетъ чѣмъ! Юртѣшники поневолѣ помирились съ ея появленіемъ.

Но вмѣстѣ съ ней вошла въ ихъ жилище угрюмая мрачность. Мергень ничего такого не дѣлала, ничего особеннаго не говорила; она осталась все тою же прежней Мергень и все почти время проводила у камина,

на которомъ нещадно жгла топливо, доставляемое покорно худенькими ручонками Бытерхай. Острыя очертанія ея крупной фигуры, ея пронзительно-блестящіе глаза дѣйствовали угнетающе на присутствующихъ, разговоры съ ея появленіемъ умолкали и велись свободно только на дворѣ, подальше отъ нея. Даже Теченіе избѣгалъ шутить и балагурить въ ея присутствіи, а Анка содрогалась всякій разъ, когда пламенный взглядъ Мергень падалъ на ея лицо или руки.

Та присущая Анкѣ доброта и чистосердечность обращенія, которыя раньше скрашивали всѣмъ несладкую долю, вдругъ куда-то исчезли, поблекли. Ея хозяйственныя заботы и предпріятія постоянно натыкались на неожиданныя мелкія, но неодолимыя препятствія. Кутаяхситъ то и дѣло сидѣла безъ теплой воды для ранъ, такъ какъ посуда нужна была Мергень. Платье Грегорья осталось не заштопаннымъ, такъ какъ шить можно было только при свѣтѣ огня, а Мергень не отходила отъ камина. Всякій болѣе громкій разговоръ или возня, разбудившіе спавшую Мергень, вызывали съ ея стороны брань и нареканія. Бытерхай не могла никакъ сообразить, когда ей носить воду, когда подметать избу. Мергень неотступно ругала ее то за пыль, поднятую при уборкѣ сора, то за самый этотъ соръ. Часто она, въ отсутствіе Теченія, колотила дѣвочку и послѣдняя нерѣдко, вопреки приказанію Анки, засыпала не на своей кровати, а въ уголку Быса, положивъ облитое слезами личико на теплой шеѣ друга.

Мергень, между тѣмъ, быстро поправлялась въ теплѣ и холѣ. Въ недѣлю спустя она уже лично могла отправиться въ амбаръ и собственноручно перебрать «свое богатство». Теченіе въ продолженіи безъ малаго двухъ дней перевозилъ эти вещи съ острова. И чего только тамъ не было: были запасы рыбьяго жиру въ мѣшечкахъ изъ скотскаго пузыря, были горы вяленой и сушеной рыбы, были копченыя утки оленьи языки, скотскіе желудки, налитые кровью; были, наконецъ, всевозможныя вещи, платье, посуда, оружіе, рыболовныя снасти—все награблено въ уединенныхъ рыбачьихъ заимкахъ въ отсутствіе занятыхъ промысломъ жильцовъ.

Мергень осматривала свою добычу съ гордостью настоящаго воина.

— Зачѣмъ развязали вы связки сушеной рыбы?—спросила вдругъ сурово она.

— Запѣсневѣли. Необходимо было поѣсть ихъ,—отвѣтила Анка.

— Пусть гніютъ—не ваше! Будетъ съ васъ, что сѣтями моими пользуетесь...

— Сѣти-то вѣдь наши были,—замѣтилъ Грегорѣй.

— Были да сплыли! Что, развѣ получили бы вы ихъ, еслибъ я сама ихъ вамъ не вернула?.. Вѣдь приходилъ ты за ними Грегорѣй!..—добавила насмѣшливо Мергень.

— Вѣдьма!—ворчалъ Грегорѣй.—Когда вблизи ея сяду, сейчасъ все тѣло у меня сводитъ... кость ломитъ... Язвы тоже стали пуще болѣть отъ ея прихода!

— Кабысь! Не говори: простите вы ей!... Совсѣмъ она уже исправиться-было пожелала, да въ печень ее желѣзомъ ткнули... Извѣстно— отъ печени всегда злость бываетъ!.. Подождите, ужо лѣто придетъ, то или ей полегчаетъ, или на островъ опять уйдемъ себѣ вдвоемъ,— уговаривалъ ихъ Теченіе.

— Не знаю, какъ мы до лѣта дотянемъ, моченьки нѣтъ!—вздохнула Анка.

Теченіе тоже вздыхалъ, кивалъ головою, заискивающе улыбался и, въ сознаніи своей виновности, старался вездѣ, гдѣ только могъ, замѣнить въ работѣ Грегорья. Работалъ онъ для нихъ для всѣхъ, но безпрекословно слушался только Мергень.

Послѣдняя мало-по-малу безраздѣльно завладѣла управленіемъ юрты.

— Сегодня надо починить всѣ сѣти, а завтра ихъ перенесете съ Грегорьемъ на другую тоню. Тамъ промыселъ теперь лучше!—распоряжалась она.

Правда, она въ этомъ знала толкъ. Но она вмѣшивалась рѣшительно во все, даже собственнаго сѣна не позволила имъ безъ спросу метать.

— Видѣла: еще влажное, сгніетъ!—сказала имъ рѣшительно она.

Анка весь тотъ вечеръ ревмя-ревѣла, поссорилась съ Грегорьемъ, но сѣно осталось еще на недѣлю въ копнахъ.

Между тѣмъ наступила поздняя, холодная, сухая, ясная, рыже-золотистая осень. Широколистые кусты малины и дикой смородины покраснѣли; шиповникъ надѣлъ осенній багрянецъ. Нѣжно золотистыя березки постоянно дрожали порѣдѣвшей листвой и роняли съ вѣтромъ прозрачные свои листочки. Синева неба пріобрѣла серебристый блескъ и побѣднѣла синева озеръ. Грязно-зеленые неизмѣнные мхи вдругъ одолѣли пожелтѣвшія травы, всплыли наружу и окрасили собою оголенные лѣса и топи. Выросли ночи и длиннѣе стали вечера.

Въ юртѣ эти длинные вечера проходили невообразимо скучно. Всѣ молчали, позѣвывали или обмѣнивались негромкими замѣчаніями. Общіе разговоры никогда не состоялись. Всегда что-нибудь нехорошее да выходило изъ нихъ. Анка въ сторонкѣ шила маленькія рубашки и подрубала пеленки. Мергень, согнувшись дугою, грѣла у огня то спину, то бокъ, то колѣни.

— Чего они все молчатъ? Чего не разговариваютъ? Скука какая! Даже не смотрятъ въ мою сторону?—спросила она однажды Теченіе.

— Эхъ, старуха! И я здѣсь съ тобою по душѣ говорить не могу... Не такъ бывало у насъ на островѣ!.. Здѣсь людей много, а сердце не любитъ ушей!..

— Меня, скажи лучше, не любятъ! За что имъ и любить меня, когда я сама полюбить ихъ не могу!!. Что въ нихъ? Чѣмъ живы они? Скучно здѣсь, хуже, чѣмъ въ тундрѣ!.. Тоска сосетъ!

— А ты пожалѣй, пожалѣй ихъ, и сразу полегчаетъ!.. Попробуй... Я всегда такъ дѣлаю,—совѣтовалъ Теченіе.

— Не могу!—отвѣтила Мергень и отвела въ сторону блестящій взглядъ.—Ты, Теченіе, ты бы и бревно любилъ, еслибъ сосѣдей не стало!.. Что стоитъ твоя любовь?—добавила задумчиво она.

— Лѣтомъ опять на островъ укочуемъ!—шепнулъ якутъ.

— Кабысь! Кто знаетъ, что случится до лѣта?.. Зима длинна!.. Можетъ быть, твои ноги совсѣмъ отвалятся!

Осень, какъ вездѣ на дальнемъ сѣверѣ, быстро проходила. Перелетныя птицы уже улетѣли, уже не оттаивали днемъ скрытыя въ травахъ лужи воды и болотца. Но въ полдень солнце все еще припекало и золотой свѣтъ дня прогонялъ холодные туманы.

Ежедневно жители юрты удѣляли часть времени осмотру и починкѣ своего жилища. Навозъ Лысанки, смѣшанный съ разведенной глиной, представлялъ прекрасную наружную обмазку. Дѣло не особенно быстро подвигалось впередъ, все не хватало навозу; вдругъ Мергень закапризничала:

— Не стоитъ плевка такая работа! Все ждать и ждать. Къ тому же, навозъ подсохнетъ и весною почнетъ горѣть отъ солнца. А тогда что мы сдѣлаемъ? А если вдругъ скотина подохнетъ?! Лучше попрежнему—щели мхомъ законопатимъ да поверхъ толстый слой глины положимъ. Корову я бы совсѣмъ выбросила вонъ изъ юрты. Нѣтъ въ нашей юртѣ ни ямы, ни жолобовъ. Куда вы дѣнете нечистоты? Будетъ вѣчная сырость и вонь. Пусть себѣ скотоводы построятъ для своей скотины хлѣвъ—и только! Изъ-за одной коровенки нельзя, чтобы задохнулись люди!..

Анка, услышавъ эти «вымыслы», даже руками всплеснула отъ возмущенія, но, подумавъ, согласилась.

— Придирается большая барыня наша!.. Пусть ее... Хочетъ, можетъ и лучше... Построимъ, Грегорѣй!..

Теченіе, который съ безпокойствіемъ ждалъ взрыва, удивился спокойствію Анки.

— Построимъ!.. Конечно, построимъ! — повторилъ онъ радостно. Завтра же начну съ Грегорьемъ столбы рубить, бревна таскать!

Грегорѣй, которому Анка сообщила свои соображенія, ретиво принялся за работу. Въ нѣсколько дней оба якута смастерили не замысловатый остовъ юртёнки; осталось обставить его стоймя вокругъ кругляками. По мѣрѣ того, какъ мужчины заканчивали «деревянную» работу, Анка съ Бытерхай обмазывали снаружи стѣны зданія, вначалѣ глиной, а затѣмъ навозомъ. Юртенка снабжена была крошечными окошечками, низкими дверьми и камелькомъ. Полъ подъ стойломъ выложенъ былъ жердями; дальше у камина осталась голая земля. Вся постройка была до того крошечна, что Лысанка почти всю ее выполняла собою. Только около камина оставалось немного незанятаго пространства. Грегорѣй забилъ тамъ колья на лавку и устроилъ кровать. Мергень все замѣчала, но не вмѣшивалась. И у нея были тоже свои планы, связанные съ удаленіемъ Анки въ хлѣвъ на время беременности и родовъ. На крышу новой юрты и сѣверную ея стѣну для тепла набросали якуты

сѣна, запасъ котораго должны были держать близко дома для Лысанки. Затѣмъ, жители большой юрты отпраздновали чаемъ съ масломъ и вяленой рыбой окончаніе работъ. Корова и теленокъ были водворены въ новомъ помѣщеніи, а на слѣдующій день Грегорей и Анка перетащили туда-же свои пожитки.

Вначалѣ они тамъ только спали, но впослѣдствіи время ихъ пребыванія все удлинялось. Грегорей сталъ тамъ производить болѣе мелкія работы. Огонекъ все дольше горѣлъ въ крошечномъ камелькѣ. Бытерхай тоже предпочитала духоту тѣсной избушки простору и свѣту большой юрты. Дѣвочка мечтала даже, что со временемъ и ее оставять ночевать, но Анка все ей отказывала, ссылаясь на недостатокъ мѣста. Дѣйствительно, даже пролѣзать внутрь было трудно. Приходилось жаться къ влажной стѣнѣ, чтобы не испачкаться о грязные бока Лысанки. Непріятности пути не пугали однако ни Бытерхай, ни Теченіе, который вскорѣ привыкъ ежедневно посѣщать «сосѣдей». Тогда обыкновенно хозяева варили «не въ счетъ» лишній чай изъ пахучихъ полевыхъ и лѣсныхъ травъ.

Мергень само собою оставалась тогда въ большой юртѣ одна. Стоны Кутуяхсыть единственно нарушали молчаніе покинутой избы, гдѣ чуть тлѣлъ забытый огонь. Со двора долетали взрывы хохота и говоръ веселящихся сосѣдей. Мергень не разъ нарочно принималась тогда пѣть, но пѣсня ея звучала рѣзко и дико. Обыкновенно, пѣсня эта только на время прекращала разговоры въ юртенкѣ. Затѣмъ, тамъ совсѣмъ перестали на нее обращать вниманіе. Тогда Мергень выходила наружу и жадно ловила слова разговора, слушала пѣсни и сказки. Чаще всего, впрочемъ, она звала сердито Бытерхай и Теченіе.

— Спать пора! Уже поздно!.. Завтра опять подыметесь на работу съ полудня... Будетъ зубы скалить-то!

— Ухъ сіэ!.. Прытка она другихъ на работу гонять!—шептала Анка, прижимаясь къ Грегорью.

— Пусть ее!.. Хорошо, что мы сюда сразу перебрались... И то у меня въ костяхъ полегчало...

— Сна спокойнаго я тамъ не знала! Только эта вѣдьма пошевелится, сейчасъ просыпалась я... Казалось мнѣ, вотъ-вотъ встанеть и придетъ къ намъ съ ножомъ.

— Спи спокойно! Сюда не придетъ скоро!..

— А дальше что?

— Что будетъ дальше? Убьютъ ее, потому она никакъ не оставитъ своихъ воровскихъ привычекъ... Убьютъ ее, а мы останемся съ ея богатствомъ!..

Проходили дни. Отношенія осложнялись все новыми проявленіями глухой борьбы. Мергень не разъ, крайне возбужденная, устраивала Теченію настоящія сцены.

— Забываешь меня!.. Оставляешь одну... Ради кого, ради кого... скажи безногій... Развѣ и ты... эту... тварь...

— Да нѣтъ же! Успокойся!.. Но вѣдь ты, Мергень, любишь молчать, разговаривать не любишь, а я страсть люблю разговаривать! Все прочее вздоръ... И какъ только тебѣ взбрело въ голову, что можно забыть такую великолѣпную, какъ ты, женщину?!:

Она охотно слушала его восхваленія, требовала лести, но не допускала къ себѣ. Онъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ ей противенъ, къ тому же, раны его отъ холодовъ и упорнаго труда увеличились.

— Вотъ видишь, какая ты? Ни себѣ, ни людямъ! — упрекалъ онъ ее.

По лицу Мергень онъ угадывалъ, что есть такіе, для которыхъ она была бы благосклонна.

— Молчи и проваливай!..—сердито окрикнула Мергень рыбака, замѣтивъ его испытующій взглядъ.

На слѣдующій день повторялось то же самое. Опять одиночество; огонь трещитъ на каминѣ, Кутуяхсытъ стонетъ, а снаружи долетаетъ веселый говоръ. Кто-то разсказываетъ сказку и даже поетъ ея отрывки. Онъ ловко подражаетъ богатырямъ, поетъ слова любви, молитвы, гнѣва и восторга... поетъ про богатырскую лошадь, про богатырскихъ враговъ и друзей... Боги, люди, красавицы и уроды выступаютъ въ порядкѣ и, сообразно этому, мѣняется голосъ пѣвца. Хорошо, чудесно! Мергень показалось, что узнаетъ голосъ Грегорья. Грегорѣй очень рѣдко, но очень красиво разсказывалъ сказки. Она любила его слушать и вышла за порогъ юрты. Оказалось, что сказку разсказывалъ не Грегорѣй, а Теченіе. Онъ скоро ее кончилъ, затѣмъ пошли вопросы, сужденія, просьбы и въ концѣ запѣлъ иной мужской голосъ. На этотъ разъ пѣлъ дѣйствительно Грегорѣй, пѣлъ хорошо знакомую ей любовную, милую пѣсню.

«— Ахъ, сердце, зачѣмъ ты заставило говорить мои вздернутыя губы, зачѣмъ слушаешь—внимаешь ты?!.

«— Еслибъ духи моихъ словъ, моего голоса, пронзивъ ваше темя, остались бы въ вашей памяти, пѣла бы я, воспѣвала бы я!..

«— Почему истощилось мое сердце-печень, зрячіе глаза мои потемнѣли, мыслящая мысль моя смѣшалась?

«— Эй, Ягай! Будемъ пѣть, будемъ веселиться, пока время, пока не состарѣлись мы... Вѣдь годы бѣгутъ!..

«— Голосящая, мѣдная гортань моя пусть гудитъ, пусть выноситъ погромче... Будемъ пѣть и любить, пока старость и болѣзни не одолѣютъ насъ... пока смерть не превратитъ насъ въ горсть земли!..

«— Когда впервые я пришелъ къ тебѣ, я сказалъ: вотъ я! Въ сновидѣніяхъ буду являться тебѣ, днемъ буду ходить за тобою, какъ тѣнь!..

«— Ахъ, еслибъ силой моей пѣсни я могъ остановить вѣтерки, еслибъ я могъ разогнать тучи, могъ умѣрить жаръ солнца, ахъ, обвѣялъ бы я тебя всю, ласкалъ...»

Мергень знала хорошо эту пѣсню; Грегорей въ прошломъ пѣлъ ее не разъ ей.

Она порывисто открыла дверь хлѣва. Въ освѣщенной огнемъ глубинѣ юрты сидѣли съ подбородками на ладоняхъ Бытерхай, Теченіе и жадно слушали. Анка глазъ не сводила съ мужа. Всѣ они до того были увлечены пѣсней, что не замѣтили ни открытыхъ дверей, ни появленія Мергень. Только корова повернула къ ней влажную морду и изумленный взглядъ.

— Теченіе, иди сюда!—раздался вдругъ хриплый окрикъ, отъ котораго вздрогнули присутствующіе.

— Чего?

— Иди, говорю тебѣ, сейчасъ... Довольно... будетъ!..

— Иди, иди...—шептала, толкая его, Анка.

— Что случилось?—спросилъ серьезно Теченіе; Мергень смѣрила его пылающимъ взглядомъ.

— Голоса человѣческаго по цѣлымъ днямъ не слышу... Лица человѣческаго не вижу... Только Кутуяхсытъ стонетъ да вѣтеръ въ трубѣ гудитъ... А вы тамъ справляете свадьбы, гулянья устраиваете, пѣсни... Довольно!.. Не позволю больше... Не позволю!.. Слышишь!.. Чаи распиваете, а послѣ другимъ молока и масла не хватаетъ...

— Скотина вѣдь ихъ!.

— Ихъ!?. Ну, да!.. Пусть!.. Такъ что же изъ этого? Кто станетъ кормить васъ, если не станетъ пищи, не я-ли?.. Кто, спрашиваю я?!. А развѣ теперь не пользуетесь моимъ добромъ, сѣтями, лодкой, посудой... Развѣ ты не помогалъ имъ собирать сѣно, метать его, хлѣвъ строить... А развѣ ты не мой?..

— Да твой, твой!—успокоивалъ ее Теченіе.

— Вотъ видишь!.. Такъ закрутили тебя, что замѣчанія мнѣ нельзя сдѣлать! . Корова ихъ!.. Пусть ихъ... Только молоко общее и, поѣдая его тайкомъ, они обкрадываютъ насъ... Да!.. Губятъ нашу жизнь для своей утробы... Когда придетъ голодъ, кто первый умретъ? Первые умираютъ тощіе, кто хуже ѣлъ, а больше работалъ. Такъ вотъ я не хочу, чтобы ты умеръ первый!.. Пусть лучше умираютъ они... Скажи имъ, что я хочу, я приказываю имъ, чтобы они обратно перебрались въ общую юрту, что иначе корову выгоню или зарѣжу, а домишко ихъ сожгу... Пусть сейчасъ, завтра же перебираются!..

— Нѣтъ, я этого имъ... сказать имъ этого не смогу... Слушать не захотятъ... Вольные люди...

— Хорошо!.. Толкуй!.. Тогда я ихъ сейчасъ, сію минуту сожгу... хочешь?

Она съ мрачной рѣшимостью схватила съ камина горящую головню.

— Да, оставь... Скажу, ужо скажу!.. Ну и баба ты бѣдовая! Успокойся — скажу... Хоть, надо полагать, Анка не согласится. Корова

собственная ея. Раньше ты мужа у нея отнять хотѣла, теперь скотину... Не хорошо... А я вѣдь думалъ, что ты уже исправилась...

Мергень разсмѣялась и оттолкнула его прочь отъ себя. Двери скрипнули и въ юрту боязливо проскользнула Бытерхай.

— Дуракъ ты былъ и будешь! Увидимъ, что запоетъ завтра твоя красавица... А я такъ думаю, что она запоетъ другое!..

Сказавъ это, она ушла сердито въ свой уголъ и стала раздѣваться. Теченіе медленно стаскивалъ обудки и раздумывалъ:

— Что съ ней!? Никогда не понять женщины человѣку. Безумныя онѣ... Завтра навѣрно другъ дружкѣ въ горло вцѣпятся. Надо будетъ предупредить Грегорья... Или вотъ что посовѣтую я ему: пусть Анка спитъ со скотиной въ хлѣву, а сюда пусть переберется Грегорѣй... Съ вечера пусть обыкновено ложится какъ всѣ, а ночью пусть потихоньку туда уходитъ... Тогда выйдетъ, что Анки у насъ какъ будто нѣтъ... Ловко! Или пусть Грегорѣй съ Анкой, сюда переберутся, а я съ Мергень туда, тогда будетъ еще лучше... Ухъ сіе!

Обрадованный рѣшеніемъ, онъ быстро уснулъ крѣпкимъ трудовымъ сномъ.

Мергень не спала. Всѣ минувшія давно похороненныя радости и надежды, вызванныя пѣсней, вновь встали передъ ней. Всѣ онѣ рухнули съ появленіемъ этой блѣдной, молодой женщины... Тьма неудачъ и несчастій пришла слѣдомъ за ней. Еслибъ ея не было, возможно, что хватило бы по веснѣ пищи и не случилось бы того, что случилось въ эту дикую, ужасную зиму. Она, Мергень, не мучилась бы теперь одинокая и презрѣнная, Грегорѣй не оставилъ бы ея, ненависть людей не клеймила бы ее, какъ теперь... Ея сердце тогда теряло уже гнѣвъ, уже начинало смягчаться и она полагала, что вернутся къ ней со временемъ дни, когда она улыбалась часто и желала всѣмъ добра... Все рухнуло! Теперь опять кругомъ ночь, холодъ, одиночество, мерзость... И уже ничто не перемѣнится, миновало все безвозвратно!..

Она вспомнила лицо Грегорья въ тотъ вечеръ, когда онъ на рѣчкѣ оттолкнулъ ее съ нескрываемымъ отвращеніемъ и всѣ впечатлѣнія этой мучительной, жаркой, алой, звѣздной ночи вспомнились ей.

Она порывисто привстала на постели.

— А теперь... Они тамъ... спятъ!.. Забросили руки другъ другу на шеи и... спятъ!.. Скотина теплымъ дыханіемъ грѣетъ ихъ. Сердца ихъ бьются увѣренно и тихо. И тамъ, гдѣ-то далеко, также спокойно спитъ съ другой женщиной и тотъ ужасный ея господинъ, котораго она перваго узнала и полюбила и который высосалъ ея лучшія силы, затѣмъ оставилъ ее молодую и ввергнулъ сюда, въ настоящій, окружающій ее адъ...

Холодная дрожь пробѣжала по ея тѣлу.

Она оставила постель, притащилась къ камину и принялась разду-

ватъ огонь. Уголья всѣ давно истлѣли, покрылись золою и только одна маленькая головешка слегка дымилась. Мергень вышла на дворъ за дровами. Видъ юртенки, мирно дремлющей въ палевомъ свѣтѣ утра, взволновалъ ее точно привидѣніе. Легкій дымокъ струился изъ камина, сквозь темныя, безъ стеколъ, окошечки виднѣлись внутри зданьица неподвижныя тѣни.

— Само загорѣлось!..—подумала Мергень и дикая, свирѣпая радость охватила ее. Она быстро вернулась въ свою юрту и прислушалась, что дѣлается въ ней. Теченіе мѣрно храпѣлъ, Кутуяхсытъ стонала спросонья. Тогда Мергень схватила головню, тихонько проскользнула назадъ къ хлѣву и воткнула огонь въ сѣно, наваленное на его сѣверную стѣну. Затѣмъ немедленно спряталась въ юрту и двери за собой притворила. Но не могла она долго оставаться въ неизвѣстности, все въ ней клокотало и горѣло. Она открыла двери, взглянула и выскочила. Огненные языки, не торопясь, омывали юртенку со всѣхъ сторонъ. Утренній вѣтерокъ раздувалъ ихъ. Мергень еще успѣла подкатить бревно къ дверямъ хлѣва и припереть ихъ. Въ то же время внутри загудѣло ужасное сдавленное рычаніе коровы, въ окошкѣ мелькнуло блѣдное человѣческое лицо высунулись наружу и голыя руки, посыпались отчаянные удары въ двери и послышался пронзительный крикъ...

— Горитъ!.. Спасайте!.. Отворите!..

Теченіе, Бытерхай даже Кутуяхсытъ выскочили на этотъ зовъ на дворъ.

— Гдѣ горитъ? Что горитъ?—повторяли они безсмысленно, хотя тутъ же передъ ними подымались столбы пламени и дыма. Внутри огненной кучи ревъ скотины, человѣческія возгласы, полные безпредѣльной боли и испуга, бурлили, гудѣли, трескъ и гулъ огня смѣшивались и опять разъединялись, крѣпчали и совершенно почти затихали, заглушенныя густыми облаками дыма. Тамъ внутри все еще боролись, все еще дрожали подъ ударами людей двери и стонали живыя души. Теченіе замѣтилъ, наконецъ, бревно запирающее выходъ и сквозь дымъ и пламя бросился туда. Жаръ захватилъ ему дыханіе, жегъ руки, спалилъ волосы, но онъ все-таки успѣлъ откинуть запору и открылъ двери. Въ тотъ же мигъ въ отверстіи появилась рогатая голова Лысанки. Животное уже не въ состояніи было выскочить, оно задѣло колѣнями за высокій порогъ, упало и закрыло собою выходъ. Теченіе пробовалъ его поднять, билъ, дергалъ за ноздри, но несчастная скотина только вытянула шею и жалобно мычала. Вдругъ, какъ бы подъ вліяніемъ удара сзади, она вскочила разъ еще на ноги, бросилась впередъ, но силы измѣнили ей, она ударила грудью въ косякъ, двери вывались, а съ ними вмѣстѣ пошатнулась и рухнула вся стѣна. Куча горящихъ жердей и балокъ придавила и корову, и Теченіе. Мергень забыла объ опасности и быстро стала растаскивать жерди. По-

рывъ вѣтра раздулъ въ это время пожаръ; красные языки и черные клубы смолянаго дыма пахнули ей въ лицо, ошеломили, а затѣмъ остальная часть подгорѣвшей уже юрты покосилась и съ трескомъ повалилась въ ея сторону. Раньше, чѣмъ Мергень сообразила въ чемъ дѣло, градъ угольевъ и вороха горячей земли засыпали ее, тяжелая матица ударила въ грудь и повалила навзничъ. Со стономъ бѣшенства и невѣроятной боли она вилась нѣкоторое время среди пылающаго костра, пока, наконецъ, затихла.

Восходящее солнце позолотило клубы сѣдого дыма на пожарищѣ и окаменѣвшія поодаль въ испугѣ фигуры Бытерхай и Кутуяхсытъ.

XII.

Старуха Кутуяхсытъ лишь только пришла въ себя, вернулась поспѣшно въ юрту, легла молча на свое мѣсто и больше не встала. Она умерла нѣсколько дней спустя. Бытерхай осталась одна. Испугъ уже не оставлялъ дѣвочки. У нея были подъ рукою запасы пищи въ амбарѣ и она знала объ этомъ, но боялась пройти мимо труповъ, боялась проникнуть въ темное зданіе. Она питалась ягодами шиповника, кореньями, какіе могла найти по близости, да ловила въ юртѣ мышей. Она быстро худѣла, блѣднѣла и силы покидали ее. Время, свободное отъ поисковъ пищи, она проводила въ угрюмомъ остолбенѣніи, въ углу юрты, хотя вонь разлагающейся Кутуяхсытъ совершенно отравила тамъ воздухъ. Дѣвочкѣ и въ голову не приходило уйти куда-нибудь.

Наконецъ судьба сжалилась надъ ней и послала ей освободителя. Возвращаясь съ ведромъ воды отъ озера, дѣвочка замѣтила въ аломъ заревѣ заката огромнаго косматаго звѣря. Сначала она вздрогнула отъ радости—до того животное напоминало Лысанку. Ей вдругъ показалось, что ничего не было, что слѣдомъ за коровой сейчасъ же придутъ Анка и Грегорей. Но, присмотрѣвшись, она замѣтила, что бурый гость иначе ходитъ, что у него морда треугольникомъ, нѣтъ роговъ, нѣтъ хвоста, что лапы у него не съ копытами, а съ огромными, загнутыми когтями. Увидѣвъ дѣвочку онъ присѣлъ, зѣвнулъ и принялся чесать за ухомъ задней лапой. Бытерхай бросилась опрометью въ открытыя двери и поспѣшно ихъ за собою захлопнула. Потомъ приблизилась тихонько къ окошку и стала наблюдать, что дѣлаетъ чудовище. Оно на стукъ дверей поднялось на дыбы, грозно ощетинилось и оглянулось кругомъ. Было тихо и сумрачно. Только озеро багровое отъ зари слабо плескалось вдали. Звѣрь послушалъ, понюхалъ и успокоился. Онъ опять обошелъ кругомъ юрту, остановился у пожарища и ткнулъ мордой въ посинѣлое лицо Мергень...

Всю ночь напролетъ онъ шумѣлъ тамъ, передвигалъ бревна, таскалъ что-то по землѣ и ворчалъ. Дѣвочка все слушала, не пропуская малѣйшаго звука. Поутру на томъ мѣстѣ, гдѣ лежали тѣла ея товарищей,

взглядъ ея замѣтилъ только бѣлыя кости... Медвѣдь спалъ недалеко въ тѣни, уткнувши острую морду между лапъ.

Два дня пировалъ онъ на пожарищѣ. Послѣднюю ночь ему помѣшали другіе гости; онъ гнѣвно ревѣлъ и дрался съ какими-то сотрапезниками. Однако, онъ не ушелъ и дѣвочка поутру опять увидѣла его спящимъ на прежнемъ мѣстѣ. Голодъ и жажда страшно мучили ее, она охотно сама бы поѣла тѣхъ остатковъ, что валялись среди угольевъ, хотя она замѣтила тамъ голову друга своего Быса, но она боялась выйти. Она залѣзла въ самый дальній уголокъ своей кровати, полудремала и видѣла въ мечтахъ зеленые, буйные лѣса, привольныя, цвѣтущія земли надъ озеромъ Великаномъ, гдѣ живутъ люди счастливые, богатые, гдѣ бѣгаютъ дѣти и есть пестрыя, хорошенькія телята... Разбудилъ ее стукъ у окна. Огромная косматая лапа просунулась въ него, а вслѣдъ за ней появилась треугольная морда... Отверстіе, однако, оказалось мало и звѣрь только хищно повелъ по избѣ кровавыми глазками и оставилъ попытку. Дѣвочка боялась пошевелиться на мѣстѣ; она слышала, какъ онъ ходитъ кругомъ, какъ фыркаетъ и топочетъ. Вдругъ звѣрь прыгнулъ на крышу и вся юрта, казалось, пошатнулась подъ его тяжестью. Онъ долго ходилъ тамъ, нюхалъ и, наконецъ, сталъ рыть. Обмазка и навозъ съ шумомъ катились внизъ съ юрты. Затѣмъ треснули бревна потолка, шевельнулись и полетѣли на полъ. Въ ясномъ отверстіи провала опять появилась косматая морда съ кровавыми хищными глазками. Звѣрь неуклюже задомъ спустился внутрь юрты. На полу онъ привсталъ, отряхнулся, потянулъ носомъ воздухъ и направился прямо къ постели Кутуяхсытъ. По по дорогѣ взглядъ его случайно встрѣтился съ блестящимъ лихорадочно взглядомъ Бытэрхай... Звѣрь привсталъ, заревѣлъ сердито и, дыша все сильнѣе, все глубже, сталъ приближаться къ дѣвочкѣ мелкими шагами. Шерсть на немъ поднялась дыбомъ, зубы и когти защелкали, изъ пасти вмѣстѣ съ рычаніемъ полетѣла пѣна... Дѣвочка не шевельнулась, не вскрикнула даже тогда, когда онъ прижалъ лапами къ доскамъ ея нѣжное, худенькое тѣльце.

. . . . . .

Снѣга покрыли замерзшія озера, рѣдкіе лѣса и убогіе осенніе наряды земли. Крѣпкій морозъ превратилъ все въ твердый камень. Общество, узнавъ отъ промышленниковъ, что не видно больше дыма въ юртѣ прокаженныхъ, послало туда нарочнаго узнать, въ чемъ дѣло, дѣйствительно ли Богъ снялъ, наконецъ, свое «проклятье» съ ихъ округи. Якутъ долго издали взывалъ къ больнымъ безъ послѣдствій. Тогда онъ подошелъ къ юртѣ и копьемъ приподнялъ ея двери. Онъ сразу замѣтилъ проломанную крышу и догадался, въ чемъ дѣло.

— Медвѣдь!..—сказалъ онъ.

Съ тѣмъ и вернулся къ князю. Собраніе общества рѣшило тогда донести о случившемся начальству, заказать въ городѣ у попа панихиду, а юрту сжечь. Новый «нарочный», набожно перекрестившись, подложилъ

связку горящаго хворосту подъ старое, пропитанное ядомъ зданіе и сталъ въ сторонкѣ ожидать послѣдствій. Когда столбы густого дыма убѣдили его, что огонь хорошо разгорѣлся, онъ вернулся спокойно къ своимъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ жили прокаженные, остались только двѣ обгорѣлыя площади, куча пожарнаго мусора и немного скотскихъ и человѣческихъ костей. Окрестности надолго остались пустыми. Никто сюда не заглядывалъ и не селился. Даже ягодъ собирать, ловить рыбу, преслѣдовать звѣрей не смѣли промышленники тамъ, гдѣ ступила нога прокаженныхъ...

Но ужасная «плѣсень жизни» не изчезла съ послѣдними ея жертвами, не была навсегда убита вмѣстѣ съ ними, и вновь явится гдѣнибудь на тѣлахъ, «способныхъ страдать», и опять заселятся и застонутъ «проклятыя пустыни...

НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ ВЪ ПАРИЖѢ.

I.

«Великія дѣла часто имѣютъ маленькое и скромное начало: сегодня мы скромно начинаемъ великое дѣло. Когда-нибудь, открывая первый народный университетъ, оффиціальный ораторъ вызоветъ память этого маленькаго зала въ улицѣ Paul Bert, гдѣ небольшая группа лицъ соединилась въ общей любви къ истинѣ, соединилась съ убѣжденіемъ, что въ этой истинѣ есть что-то, что, объединяя умы людей, подготовляетъ къ единенію ихъ сердца».

Такими словами началъ извѣстный профессоръ Сорбонны Сеайль свою рѣчь 3 октября 1897 г., при открытіи народныхъ чтеній, устроенныхъ обществомъ Coopération des Idées pour l'Enseignement supérieur et l'éducation éthique-sociale du Peuple. Слова Сеайля, оказались пророческими. Черезъ два года, 9 октября 1899 г., онъ самъ торжественно открывалъ новое помѣщеніе перваго парижскаго народнаго университета (université populaire) въ предмѣстьи Saint Antoine и самъ напомнилъ слушателямъ о маленькомъ залѣ, гдѣ началось великое дѣло. Настроеніе слушателей и устроителей было уже увѣренное и бодрое. «Мы торжествуемъ сегодня открытіе нашего новаго дома и входимъ въ него съ увѣренностью, — говорилъ на этомъ собраніи Сеайль.— Онъ скроменъ еще; въ громадномъ городѣ онъ занимаетъ слишкомъ малое мѣсто; фасадъ его не привлечетъ вниманіе прохожаго, но мы вѣримъ и надѣемся, что онъ, какъ теперь для насъ нашъ маленькій залъ на Paul-Bert, послужитъ воспоминаніемъ, которому пережившіе его отдадутся съ трогательной нѣжностію, съ какой взрослые вспоминаютъ садъ, гдѣ проходили игры и забавы ихъ дѣтства, маленькій садъ, который казался такимъ большимъ ихъ дѣтскому воображенію».

Народный университетъ Coopération des Idées не былъ уже тогда маленькимъ и незначительнымъ. Каждый вечеръ онъ собиралъ въ свои стѣны толпы стремившагося къ свѣту рабочаго люда. Каждый вечеръ ученые, профессора, доктора, адвокаты, инженеры, представители различныхъ интеллигентныхъ профессій старались раскрыть передъ этимъ людомъ космогоническія, соціальныя, историческія, философскія истины.

Университетъ имѣлъ уже свою библіотеку, которая постепенно расширялась; онъ собралъ небольшой музей картинъ и статуй; у него былъ особый залъ для игръ съ биллiардомъ; къ большой аудиторіи примыкала сцена для спектаклей и литературно-музыкальныхъ собраній.

Еще болѣе великимъ стало это дѣло тогда, когда примѣру этого общества послѣдовали другія, одно за другимъ начавшія открывать народные университеты въ различныхъ кварталахъ Парижа. Сѣмена, брошенныя небольшой группой Coopération des Idées, пали на благодарную почву. Прошло еще два года, и Парижъ насчитываетъ четырнадцать народныхъ университетовъ. Такіе же университеты открыты уже въ Марселѣ, Ліонѣ, Амьенѣ, Шалонѣ на Марнѣ, Бове и нѣкоторыхъ другихъ городахъ Франціи. Цѣлый рядъ университетовъ открытъ въ окрестностяхъ Парижа. Есть уже даже деревенскіе университеты. Маленькое начало быстро приняло размѣры крупнаго дѣла. Прежде чѣмъ перейти къ болѣе детальному описанію этихъ университетовъ, къ программамъ лекцій и курсовъ, къ составу слушателей и профессоровъ, я постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ показать почву, на которой это движеніе разрослось такъ быстро, что у многихъ даже возникаетъ сомнѣніе, не искусственно ли оно раздуто и не можетъ ли его постигнуть та же участь, которая постигла уже во Франціи многочисленныя общества для распространенія образованія среди народа, общества, быстро возникавшія, быстро заполонявшія Парижъ и даже Францію цѣлою сѣтью разныхъ курсовъ, лекцій и затѣмъ, въ лучшемъ случаѣ, останавливавшіяся въ своемъ развитіи, а часто приходившія въ упадокъ или продолжавшія лишь формальное существованіе.

Вольное образованіе имѣетъ въ Парижѣ многочисленные источники и едва ли гдѣ-нибудь оно такъ доступно для публики, какъ въ Парижѣ. Въ Парижѣ очень дорого обходятся дипломы, простое же слушаніе лекцій, дающее знанія, но не дающее никакихъ правъ, общедоступно. Громадныя и многочисленныя аудиторіи Сорбонны, Collège de France, и многихъ высшихъ учебныхъ заведеній открыты безъ всякихъ формальностей для мужчинъ и женщинъ всѣхъ званій, всѣхъ возрастовъ. Это — учрежденія казенныя, содержимыя на счетъ государства, живущія увѣренной и устойчивой жизнію. Но, кромѣ нихъ, для распространенія образованія въ Парижѣ работаютъ многочисленныя общества, изъ которыхъ, нѣкоторыя пользуются большимъ вліяніемъ. Назовемъ, напримѣръ, Association Philotechnique, которая въ 1896 г. устроила во Франціи 520 курсовъ и собрала 10.317 постоянныхъ слушателей. L'union de la jeunesse («Союзъ молодежи») еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ было самымъ дѣятельнымъ обществомъ для распространенія образованія. Въ 1896—1897 году подъ флагомъ этого общества 12.000 слушателей регулярно слушали курсъ 420 профессоровъ. L'association polytechnique въ 1896—1897 г. устроила въ Парижѣ 605 курсовъ и имѣло 12.400 слушателей. Эта ассоціація дѣйствовала и въ

провинціи и организовала чтенія на «Биржѣ труда». Затѣмъ назовемъ Ligue française de l'enseignement, Société Nationale de conferences populaires, Cercle populaire des amis de l'enseignement laïque, Société de l'enseignement moderne и мн. др. Чтеніемъ лекцій въ Парижѣ въ большомъ количествѣ занимаются также, но со спеціальными и болѣе пропагаторскими цѣлями, многочисленныя политическія и религіозныя фракціи и партіи: клерикальныя общества, groupe de la Libre Pensée, les iconoclastes, ligue anticlericale, Comité de prapagation des principes de la revolution française, société amicale des maîtres ouvriers de Paris и мн. др. Кромѣ того, спеціальныя цѣли преслѣдуютъ своими conferences и causeries многочисленныя общества борьбы съ алкоголизмомъ, проституціей, преступностью и т. д.

По словамъ отчета Ed. Petit, нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ инспектировавшаго, по порученію министра народнаго просвѣщенія и искусствъ, внѣшкольное образованіе народа (institutions post-scolaires) въ 1896—1897 году, во Франціи было 1.300 обществъ народнаго образованія. Я не предполагаю здѣсь останавливаться на разнообразной дѣятельности многочисленныхъ обществъ, — отмѣчаю ихъ только, чтобы показать, какое громадное значеніе имѣетъ частная и общественная иниціатива въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія во Франціи. Я отмѣчаю ихъ также для того, чтобы показать, что французская интеллигенція всегда удѣляла много вниманія и отдавала много силъ дѣлу распространенія образованія среди народа. Часто это дѣлалось многими для цѣлей пропаганды, часто даже многія лица отдавали свой трудъ на это дѣло, преслѣдуя собственныя цѣли, завоевывая, напр., голоса избирателей, но каковы бы ни были цѣли отдѣльныхъ лицъ, дѣло народнаго просвѣщенія двигалось впередъ. Какихъ результатовъ достигли всѣ эти соединенныя усилія различныхъ лицъ, обществъ и учрежденій мы знаемъ. Мы знаемъ, что парижскій рабочій рядомъ съ собратьями изъ другихъ большихъ городовъ отличается большей выработкой сознательности, какъ въ общемъ міровоззрѣніи, такъ, въ особенности, въ политическихъ и соціальныхъ взглядахъ.

И такъ, широкій потокъ образованія, хлынувшій въ парижскую толпу черезъ народные университеты, потокъ не новый. Но нова организація этого дѣла, новы нѣкоторые способы распространенія знаній. Новы тѣ мотивы, которыми руководятся организаторы, хотя, конечно, отдѣльнымъ лицамъ и раньше они не были чужды.

Та французская партія, которая стоитъ во главѣ новаго университетскаго движенія, конечно, не нова и даже ужъ очень не молода. Но, несомнѣнно, что въ послѣднее время, подъ вліяніемъ соціальныхъ и экономическихъ воздѣйствій, подъ вліяніемъ дѣла Дрейфуса, которое заставило вскрыть и обнаружить съ ясностью раны и язвы, разъѣдающія Францію, подъ вліяніемъ многихъ сильныхъ личностей, ставшихъ во главѣ общественнаго движенія, партія пріобрѣла новую

силу и перешла уже на путь практическаго осуществленія тѣхъ идеаловъ, которые написаны на ея знамени. И мы увидимъ ниже, что народные университеты, распространяя знанія, являются средствомъ партіи, а стремясь объединить вокругъ себя разные кооперативныя предпріятія, являются осуществленіемъ ея цѣлей. Въ послѣднее время партія пріобрѣла особую силу, привлекая къ своей работѣ цѣлые кадры французской интеллигенціи. Профессора, публицисты, врачи, адвокаты, студенты перешли въ послѣднее время въ большомъ количествѣ изъ либеральнаго лагеря въ крайній. Назовемъ такія имена, какъ Анатоль Франсъ, Дюкло, Прессансэ, Сеайль, Лависсъ, Шарбонель, Морисъ Бушаръ, которые частью ужь примкнули и дѣлаютъ одно общее дѣло съ Жоресомъ, Аллеманомъ, Вивіани и другими вождями демократіи, частью остановились на распутьи, связанные крѣпкими узами съ либеральнымъ прошлымъ, но сердцемъ отдавшись уже новымъ друзьямъ. Эти люди впервые соединились въ народныхъ университетахъ. Въ исторіи французскаго общественнаго движенія глубокій слѣдъ оставитъ теперешнее настроеніе части интеллигенціи. Французская интеллигенція заговорила о своемъ долгѣ народу, она обнаружила желаніе пойти въ народъ и соединиться съ нимъ. И она начала это дѣлать черезъ народные университеты.

«Мы хотимъ.—сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей тотъ же Сеайль отъ имени организаторовъ Coopération des Idées,—чтобы ученые и рабочіе сблизились, научились понимать другъ друга и чтобы это общеніе было полезно для обѣихъ сторонъ, мы хотимъ чтобы для всѣхъ была красота, истина, нравственная жизнь, эти драгоцѣнныя блага, составляющія достоинство человѣческой личности; мы хотимъ этимъ сближеніемъ работать сразу и для соціальнаго мира, и для освобожденія народа». «Мы живемъ въ одномъ и томъ же городѣ, но составляемъ какъ бы два различныхъ города. У насъ нѣтъ ни общаго труда, ни общихъ развлеченій; когда мы встрѣчаемся, мы стѣсняемся другъ друга, мы даже какъ будто боимся другъ друга; мы не умѣемъ разговаривать съ простотой и сердечностью, съ которой должны были бы говорить, свободные граждане одного отечества, мы точно иностранцы, точно враги другъ другу. Но необходимо научиться взаимному пониманію; въ тотъ день, когда мы узнаемъ другъ друга, мы будемъ готовы полюбить другъ друга. И я не знаю ничего, что могло бы больше содѣйствовать нашему сближенію, какъ совмѣстное исканіе истины»... «Мы будемъ встрѣчаться здѣсь какъ равные, какъ друзья; одного приведетъ сюда жажда познанія, стремленіе къ истинѣ, другого—сознаніе долга, который создала его привилегія знанія по отношенію къ тѣмъ, кто не знаетъ».

Въ воззваніи къ своимъ слушателямъ устроители народнаго университа Solidarité (XIII округа) заявляютъ: «Мы соединились здѣсь на почвѣ истиннаго равенства: профессора, негоціанты, служащіе, рабо-

чіе,—мы хотимъ заявить о новомъ общественномъ долгѣ, который мы сознали и который хотимъ исполнить. Этотъ долгъ гражданъ-демократовъ заключается въ томъ, чтобы никто не оставался замкнутымъ въ своемъ эгоизмѣ и своихъ предразсудкахъ, но чтобы всѣ мы, напротивъ, стремились узнать другъ друга, чтобы установить большее взаимное уваженіе и большую взаимопомощь... У насъ одна лишь цѣль: чтобы каждый посильно работалъ для увеличенія нравственнаго и умственнаго наслѣдія французской демократіи».

Народъ одной своей численностью составляетъ громадную силу. Всеобщая подача голосовъ придаетъ особое значеніе этой силѣ. Только тогда, когда разумъ направитъ эту силу, она будетъ создавать счастье. Работать съ цѣлью объяснить и показать явленія во всей ихъ простотѣ и правдѣ, работать съ сознаніемъ, что только просвѣщеніе можетъ дать народу силу для борьбы за освобожденіе, что наука—средство для человѣческой солидарности,—вотъ тѣ задачи, которыя поставила себѣ лучшая часть парижской интеллигенціи, съорганизовавшаяся вокругъ народныхъ университетовъ.

II.

Конечно, успѣхъ народныхъ университетовъ не былъ бы такъ великъ, если бы задачи, поставленныя интелигенціей, не отвѣчали на самыя живыя и насущныя потребности народа. Парижскій рабочій хочетъ знаній, которыя освѣтили бы его жизнь, и самъ зоветъ къ себѣ учителей. 3 апрѣля происходило собраніе рабочихъ XX округа, пожелавшихъ устроить и у себя народный университетъ. Было 35 человѣкъ рабочихъ, 1 женщина, и 2 постороннихъ, русскихъ. Всѣ рабочіе принимали самое оживленное участіе въ подготовительныхъ работахъ: кто вербовалъ членовъ, кто вырабатывалъ текстъ воззванія, кто обдумывалъ, гдѣ и какъ получше обставить торжество открытія (inauguration) университета, какихъ знаменитостей пригласить и т. д. Рабочіе живо обсуждали положеніе другихъ, уже существующихъ университетовъ, строили планы на будущее, высказывали требованія, какія будутъ предъявлять къ своему университету. Они очень осуждали сосѣдній клерикальный университетъ и то еще, что въ уставахъ нѣкоторыхъ университетовъ существуетъ пунктъ, не допускающій трактованія политическихъ и религіозныхъ вопросовъ. «Намъ всего интереснѣе узнать наше настоящее соціальное положеніе, выяснить наши задачи...»—говорили они. Собраніе велось дѣльно и послѣдовательно, безъ лишнихъ фразъ и безъ отклоненій.

Я остановился на этомъ имѣющемъ скоро возникнуть народномъ университетѣ въ виду того, что онъ создается самими рабочими и только по ихъ собственной иниціативѣ. Конечно, они разсчитываютъ на интеллигенцію, какъ на своихъ учителей.

Два университета Solidarté также основаны самими рабочими, пригласившими къ себѣ лекторовъ-профессоровъ. Fondation de Belleville основанъ на половину рабочими, на половину студентами, соединившимися вмѣстѣ, «чтобы учиться другъ у друга». Нѣкоторые университеты рѣшили, что для того, чтобы имѣть большую возможность удовлетворять потребностямъ рабочихъ, въ администраціи университетовъ должна соблюдаться извѣстная пропорція рабочихъ и интеллигентовъ. Въ университетѣ L'Emancipation числится 53 члена основателя. Изъ нихъ 25 рабочихъ, 8 приказчиковъ торговыхъ заведеній и 20 лицъ интеллигентовъ, въ числѣ которыхъ — Ан. Франсъ, Дюкло, М. Бушаръ и Séverine.

Для содѣйствія возникновенію и развитію народныхъ университетовъ во Франціи, въ Парижѣ организовалось недавно новое общество, ядро котораго находилось въ Coopération des Idées. Изъ оффиціальнаго названія этого общества (Общество распространенія высшаго образованія среди народа) выброшено слово «университетъ», такъ какъ учрежденія этого имени открываются государствомъ. Неоффиціально общество называетъ себя «Общество народныхъ университетовъ». Подъ народнымъ университетомъ общество понимаетъ «свѣтскаго характера ассоціацію, стремящуюся распространять высшее образованіе среди народа, способствовать взаимному воспитанію гражданъ всѣхъ положеній. Ассоціація организуетъ мѣста собраній, гдѣ рабочіе могутъ послѣ трудового дня учиться, отдыхать и находить развлеченія».

Общество, издавъ ежемѣсячный органъ «Отчетъ о народныхъ университетахъ» (1 № вышелъ 15 марта), даетъ всѣ необходимыя справки и свѣдѣнія, относящіяся къ народнымъ университетамъ, стремится объединить ихъ дѣятельность, оставляя за каждымъ изъ нихъ полнѣйшую автономію, и помогаетъ деньгами, по мѣрѣ средствъ, возникающимъ университетамъ. Помощь эта пока, впрочемъ, очень незначительна. Въ Парижѣ общество дало пока одному университету 500 франковъ и двумъ по 300.

Практика показала, что народные университеты Парижа могутъ поддерживать свое существованіе исключительно членскими взносами, т.-е. платой за слушаніе лекцій, но для основныхъ расходовъ, какъ, напр., приспособленіе какого-либо зданія для цѣлей университета, устройство сада, библіотеки, ресторана и проч., требуются пожертвованія. Перестройка, напр., прежняго помѣщенія подъ университетъ въ предмѣстьи S.-Antaine стоила болѣе 20.000 франковъ.

Членскій взносъ почти всѣхъ университетовъ опредѣляется 6 франками, которыя могутъ быть вносимы по 50 сантимовъ (19 копѣекъ) въ мѣсяцъ. Въ нѣкоторыхъ университетахъ семейный билетъ (для мужа, жены и дѣтей до 15 л.) стоитъ 75 сантимовъ въ мѣсяцъ. Въ случаѣ безработицы, болѣзни и пр., комитетъ можетъ освобождать членовъ отъ взноса. Праздники, устраиваемые при открытіи университетовъ, также даютъ имъ нѣкоторый доходъ.

Лекторы приглашаются обыкновенно административными совѣтами университетовъ. Если кто-нибудь самостоятельно предлагаетъ университету прочесть лекцію, то вопросъ о допущеніи этой лекціи разрѣшается той же администраціей. Что же касается состава профессоровъ, то по этому поводу у насъ имѣются записи всего о 145 лицахъ, читавшихъ лекціи въ народныхъ университетахъ. По общественному положенію и профессіямъ эти лица дѣлятся такъ:

Профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній	39
Писателей и публицистовъ	35
Докторовъ	25
Преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній	11
Адвокатовъ и инженеровъ	10
Пасторовъ	2
Студентовъ Сорбонны	2
Рабочихъ	1
Итого	125
Неизвѣстной профессіи	20
Всего	145

Въ числѣ этихъ же 145 лекторовъ записано 6 женщинъ. Нѣкоторые лекторы, читавшіе одну и ту же лекцію въ нѣсколькихъ университетахъ или читавшіе двѣ или три лекціи подрядъ на одну и ту же тему, записаны у насъ по нѣскольку разъ.

Чтобы судить о предметахъ лекцій, приведемъ также данныя подсчета на основаніи нашихъ записей о темахъ лекцій. Всѣ 179 лекцій, записанныхъ нами, можно раздѣлить на семь группъ:

I)	На темы	философскія	было прочтено	21	лекція.
II)	» »	литературныя	» »	24	»
III)	» »	историческія	» »	30	»
IV)	» »	соціально-экономическія	» »	30	»
V)	» »	географическія	» »	10	»
VI)	» »	публицистич. и юридич.	» »	22	»
VII)	» »	естественно-историческія	» »	42	»
			Итого	179	лекцій.

Чтобы познакомиться ближе съ вопросами, которыми стараются лекторы заинтересовать своихъ слушателей, приведемъ по нѣсколько названій лекцій по всѣмъ семи группамъ.

I. *Темы философскія* *). Борьба теологіи съ наукой.—Нравственность и право по ученію Эпикура.—Основаніе свѣтской морали.—Проблемы счастья.—Философія исторіи.—Религія буровъ.

*) Нѣкоторыя лекціи продолжаются 2, 3 и 4 вечера и обращаются, такимъ образомъ, въ маленькіе курсы.

II. *Темы литературныя.* Соціальныя идеи Виктора Гюго.—Соціальныя идеи Рёскина.—Театръ и демократія.—«Воскресеніе»—новый романъ Л. Толстого.

III. *Темы историческія.* Революція и республика.—Революціонныя идеи въ XVIII в.—Исторія революціи 48 г.—Принципы 1789 г.—Исторія цивилизаціи.—Положеніе духовенства въ XIII в.—Людовикъ XIV.

IV. *Темы соціально-экономическія.* Будущая семья.—Фурье и фаланстеры.—Аграрный соціализмъ въ Римѣ.—Соціалистическая организація въ Бельгіи.—Ограниченіе закономъ рабочаго дня.—Экономическое и соціальное значеніе синдикатовъ.—Профессіональные союзы.—Пенсіи рабочимъ.—Народныя кухни и рестораны.—Распредѣленіе собственности и сельскихъ классовъ въ XVIII вѣкѣ.

V. *Темы географическія.* Колоніальная географія.—Сибирь.—Золотыя розсыпи Австраліи.—Трансвааль.

VI. *Темы публицистическія и юридическія.* Высшее образованіе народа.—Имперіализмъ.—Женщина и клерикализмъ.—О повиновеніи.—Артисты и рабочіе.—Свобода и равенство.—Конституція Швейцаріи.

VII. *Темы естественно-историческія.* Научное объясненіе чудесъ.—Эволюція животныхъ отъ появленія и до нашихъ дней.—Законы природы и какъ ихъ понимать.—Наслѣдственные пороки.—Х-лучи.—Микробы.—Почему въ февралѣ только 28 дней.

Въ приведенной нами выше таблицѣ первое по численности мѣсто занимаютъ лекціи на естественно-историческія темы. Но самыя заглавія лекцій, а въ особенности ихъ содержаніе, показываютъ, что соціальнымъ вопросамъ посвящается въ народныхъ университетахъ больше времени. Жоресъ на торжественномъ открытіи народнаго университета Le Reveil (I и II округа) указалъ, что нѣтъ такой темы, которую нельзя было бы трактовать передъ рабочими такъ, чтобы лекція до извѣстной степени не коснулась соціальной стороны жизни. Хотите вы, напримѣръ, говорить о туберкулезѣ, вы останавливаетесь на соотношеніи умирающихъ отъ этой страшной болѣзни среди классовъ богатыхъ и бѣдныхъ, на душныхъ фабрикахъ, тѣсныхъ жилищахъ, скудномъ питаніи и на другихъ условіяхъ, способствующихъ развитію легочныхъ заболѣваній среди рабочихъ,—и вы дѣлаете изъ этого соотвѣтствующій выводъ. Говорите вы о войнѣ,—вы показываете ея кровавыя жертвы, обнаруживаете всѣ вредныя стороны милитаризма, обнаруживаете всѣ вредныя явленія, выростающія на его почвѣ, и вы противопоставляете иныя международныя отношенія, другое государство, основанное на другихъ началахъ. То, что указалъ Жоресъ, относится къ большинству лекторовъ народныхъ университетовъ. Соціальная сторона вопроса и преобладаетъ въ лекціяхъ, и наиболѣе привлекаетъ вниманіе слушателей. Приведенный нами списокъ лекцій достаточно свидѣтельствуетъ объ этомъ.

Да это и понятно. Мы видѣли, кто и съ какими цѣлями идетъ въ народные университеты и основываетъ ихъ. Одни названія народныхъ университетовъ говорятъ объ ихъ общемъ направленіи. Приведемъ эти названія и кстати укажемъ, въ какихъ округахъ находятся эти университеты.

1) Le Reveil (I и II округа).
2) La Fraternelle (III округъ).
3) L'Union (V округъ).
4) L'Idéal Social (X округъ).
5) La Coopération des Idées (XI округъ).
6) La Solidarité (XIII округъ).
7) L'Emancipation (XV округъ).
8) L'Union (XIV округъ).
9) La Coopération des Idées (XVII—XVIII окр.).
10) Le Foyer du peuple (XVII—XVIII окр.).
11) L'Education Sociale de Monmartre (XVIII—XIX окр.).
12) La Fondation universitaire du Belleville (XIX—XX окр.).
13) L'Enseignement mutuel (XVIII—XIX окр.).
14) La Solidarité ouvrière (XIX окр.).

Кромѣ того, въ самомъ непродолжительномъ времени должны открыться еще три народныхъ университета въ Парижѣ: въ Point du Jour (XVI окр.), Passy (XVI окр.), Menilmontant (XX окр.). Кромѣ названныхъ, существуетъ еще клерикальный университетъ Sillon, но я о немъ не говорю здѣсь, такъ какъ онъ не имѣетъ ничего общаго съ остальными народными университетами и мало чѣмъ отличается отъ всѣхъ тѣхъ курсовъ и лекцій, которые и раньше организовывало католическое духовенство для своей пропаганды.

Въ уставахъ обществъ и народныхъ университетовъ нерѣдко встрѣчается, вѣроятно, вызванный особыми требованіями параграфъ: «Общество не имѣетъ никакого политическаго и религіознаго характера». Слова эти можно, конечно, понимать въ томъ смыслѣ, что общества и университеты не принимаютъ никакого участія въ активной политической дѣятельности, какъ, напр., избирательной борьбѣ, въ текущихъ событіяхъ дня и т. д. *). Многіе организаторы университетовъ высказываютъ опасеніе, что если допустить въ университетъ активную политическую дѣятельность, то это только послужитъ причиной разлада.

Уставы народныхъ университетовъ обыкновенно очень несложны. Въ нихъ говорится о цѣляхъ общества, устроившаго народный университетъ, объ условіяхъ вступленія въ члены его, о взносѣ за право слушанія лекцій (почти во всѣхъ университетахъ право это стоитъ 50 сантимовъ въ мѣсяцъ) и т. д. Сами же университеты не имѣютъ

*) См. по этому поводу рѣчь Mantoux въ вышедшей на-дняхъ брошюрѣ: «L'Emancipation, Université populaire du XV arrondissement», p. 27.

никакихъ уставовъ. Вотъ, что печатается на членской картѣ университета Coopération des Idées.

«Нашъ университетъ не имѣетъ ни устава, ни надзора. Достаточно намъ сознавать то, что мы хотимъ здѣсь дѣлать, чтобы дѣлать это свободно, какъ слѣдуетъ людямъ свободнымъ и сознательнымъ».

Затѣмъ слѣдуютъ не правила, а свѣдѣнія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

— Заботиться о взятыхъ книгахъ, чтобы многія еще могли прочесть ихъ послѣ насъ. Не держать ихъ у себя подолгу, чтобы не лишать ихъ другихъ товарищей.

— Не плевать на полъ. Каждый годъ, въ одной Франціи умираетъ отъ чахотки 160.000 человѣкъ, изъ которыхъ двѣ трети, навѣрное, отъ того, что мы плюемъ на землю. Обращаемъ вообще вниманіе на вопросъ чистоты и вѣжливости.

— Въ разговорахъ никогда не предполагать, что тотъ, кто не согласенъ съ нами, дуракъ или подлецъ. Можетъ быть, онъ-то и правъ. Уважать мнѣніе каждаго. Ошибаются невольно, и мы всѣ видимъ лишь одинъ уголъ истины.

— Въ спорахъ, сопровождающихъ лекціи, никогда не отвлекаться отъ предмета спора. Быть понятнымъ. Обходиться безъ лишнихъ фразъ и безъ длинныхъ рѣчей, чтобы дать возможность высказаться всѣмъ.

— Дѣятельно способствовать функціонированію народнаго университета, устройству игръ, спектаклей, различныхъ ассоціацій, курсовъ, чтеній и т. д. Работать должны всѣ и для всѣхъ. Не откажутся ни отъ чьей услуги. Хорошо проникнуться тою мыслью, что мы здѣсь всѣ у себя, что мы господа. Народный университетъ не принадлежитъ тому или другому комитету; онъ принадлежитъ всѣмъ, кто его посѣщаетъ, кто принимаетъ участіе въ его работахъ и въ его развлеченіяхъ.

— Указывать фотографическіе снимки произведеній искусства, которыя было бы желательно имѣть въ нашемъ университетѣ; книги, которыя желательно пріобрѣсти для нашей библіотеки, курсы и лекціи, которыя желательно выслушать, развлеченія, которыя желательно устроитъ, ассоціаціи, которыя желательно основать, и т. д.

— Быть всѣмъ между собой искренними и солидарными. Мы должны сформировать живое ядро будущаго общества свободы и справедливости.

Главное отличіе нынѣшнихъ народныхъ университетовъ отъ существовавшихъ раньше въ Парижѣ просвѣтительныхъ учрежденій заключается въ направленіи, которое приняли народные университеты. Эти послѣдніе больше всего предназначены для рабочихъ, а не для буржуазіи, въ особенности мелкой, которую собирали въ своихъ аудиторіяхъ существовавшія раньше общества.

У насъ очень мало точныхъ данныхъ о составѣ слушателей народныхъ университетовъ.

Изъ 414 членовъ университета L'Emancipation:	
Рабочихъ	246
Профессоровъ и студентовъ	52
Приказчиковъ торговыхъ заведеній	50
Чиновниковъ	23
Художниковъ и скульпторовъ	6
Итого	377
Кромѣ того:	
Женщинъ	37
А всего	414

Большая, но приблизительная цифра, которую мы еще имѣемъ, относится къ университету, Coopération des Idées. По словамъ одного изъ администраторовъ этого университета, изъ всего числа слушателей университета около 5.000 было рабочихъ и работницъ. Университеты находятся въ центрахъ рабочихъ кварталовъ, и, я думаю, приблизительно такое-же отношеніе числа рабочихъ къ общему числу слушателей существуетъ и въ другихъ университетахъ. Впрочемъ, это только мое личное впечатлѣніе, вынесенное изъ посѣщеній университетовъ. Если принять во вниманіе, что лекціи читаются по вечерамъ, начинаются съ $8^1/_2$—9 час. вечера, продолжаются вмѣстѣ съ дебатами и обсужденіемъ предмета лекцій въ среднемъ часа 2,—что слушатели приходятъ въ университетъ послѣ утомительнаго рабочаго дня, что они урываютъ эти часы отъ столь необходимаго для нихъ отдыха, то число рабочихъ, посѣщающихъ университеты, не можетъ показаться маленькимъ, а скорѣе свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ стремленіи къ образованію парижскихъ рабочихъ.

Это стремленіе наблюдается еще съ большею силой во время самыхъ лекцій, когда видишь напряженныя, внимательныя и вдумчивыя лица слушателей и въ особенности во время дебатовъ. Въ дебатахъ иногда принимаетъ живое участіе почти вся аудиторія, но я долженъ здѣсь засвидѣтельствовать, что мнѣ никогда не приходилось наблюдать во время этихъ дебатовъ какого-нибудь безпорядка, одновременнаго крика нѣсколькихъ ораторовъ, высмѣиванія противниковъ, однимъ словомъ, всего того, чему слишкомъ часто бываешь свидѣтелемъ на обыкновенныхъ собраніяхъ, въ особенности политическаго характера. Сначала, обыкновенно, дебаты не удаются. Послѣ лекціи или самъ профессоръ, или кто-нибудь изъ администраціи народнаго университета задаетъ вопросъ, не желаетъ ли кто-нибудь изъ слушателей какихъ-нибудь разъясненій, или не имѣетъ ли кто-нибудь какихъ-нибудь возраженій. Неловкое молчаніе, наступающее обыкновенно послѣ этого обращенія, прерываетъ по большей части кто-нибудь изъ лицъ, близкихъ къ университету, а ужъ потомъ въ бесѣдѣ начинаютъ принимать участіе и менѣе смѣлые слушатели. Русскаго посѣтителя университетовъ поражаетъ всегда та необыкновенная лег-

кость, съ какой говорятъ французскіе рабочіе, какъ и вообще всѣ французы. Здѣсь нѣтъ слѣдовъ того косноязычія, того неумѣнья связать нѣсколькихъ фразъ въ одну стройную рѣчь, къ которому мы такъ привыкли на родинѣ. И когда я впервые услышалъ въ народномъ университетѣ рабочихъ, краснорѣчиво и умно трактовавшихъ вопросъ о соціальной роли искусства, я сначала не хотѣлъ вѣрить, что это говорятъ простые рабочіе. Наши привычные ораторы, адвокаты напримѣръ, говорятъ не лучше.

III.

Кромѣ лекцій, парижскіе народные университеты пользуются еще другими средствами для распространенія образованія. Къ числу такихъ средствъ надо отнести экскурсіи въ парижскіе музеи. Такія экскурсіи, насколько мнѣ извѣстно, устраиваютъ университеты La Coopération des Idées (XI) и La Solidarité. Экскурсіи устраиваются подъ руководствомъ спеціалистовъ и сопровождаются ихъ объясненіями. Чаще всего посѣщается Лувръ, затѣмъ Клюни и Трокадеро. Народный университетъ L'Emancipation ввелъ у себя еще одну новинку, которая обѣщаетъ имѣть успѣхъ. Среди студентовъ Сорбонны составился комитетъ, слѣдящій за всѣми новыми книгами и журнальными статьями и выбирающій изъ нихъ тѣ, отзывъ и отчетъ о которыхъ можетъ быть интересенъ для слушателей народныхъ университетовъ. Избранныя книги и статьи распредѣляются между членами комитета, которые къ извѣстному времени должны приготовить рецензію и прочесть ее въ университетѣ. Одинъ вторникъ въ двѣ недѣли, а если есть матеріалъ, то и каждый вторникъ, посвящается въ народномъ университетѣ L'Emancipation этимъ отчетамъ о книгахъ, статьяхъ и журналахъ. Отчеты эти также сопровождаются обсужденіемъ вопросовъ, затронутыхъ рацензентомъ и преніями. До сихъ поръ почти всѣ рецензіи и книги были на темы соціальныя и политико-экономическія. La Coopération des Idées, внѣ программъ, устраиваетъ еще безплатные курсы пѣнія, музыки, фотографіи, стенографіи и иностранныхъ языковъ: англійскаго, французскаго, русскаго и для иностранцевъ—французскаго.

Занятія, перечисленныя выше, являются университетскими буднями. Но у университетовъ есть и свои праздники, которыми они привлекаютъ большую публику. Особенно торжественно устраивается открытіе университетовъ или новыхъ помѣщеній для нихъ. Главнымъ украшеніемъ этихъ торжествъ является обыкновенно кто-нибудь изъ знаменитостей литературнаго или политическаго міра. Анатоль Франсъ, Прессансе, Жоресъ, Аллеманъ и др. обыкновенно приглашаются на эти торжества и говорятъ на нихъ. Послѣ рѣчей, такъ или иначе относящихся къ темамъ о народныхъ университетахъ, слѣдуетъ обыкно-

венно чтеніе стихотвореній и исполненіе музыкальныхъ пьесъ. Громаднѣйшее число стихотвореній, читаемыхъ въ народныхъ университетахъ, Виктора Гюго, котораго, надо замѣтить, въ рабочихъ кварталахъ Парижа чтутъ выше всѣхъ поэтовъ міра. Въ числѣ исполнителей являются иногда такія звѣзды парижскаго артистическаго міра, какъ Мунэ-Сюлли. На открытіи университета L'Emancipation читала, между прочимъ, m-lle Henriot, погибшая такой ужасной смертью во время пожара «Comédie Française». Популярный авторъ народныхъ пѣсенъ Морисъ Бушаръ, иногда съ хоромъ, является исполнителемъ своихъ произведеній, при чемъ для посѣтителей народныхъ университетовъ избираетъ произведенія на гражданскія темы, какъ, напримѣръ, «Пѣснь рабочихъ» или «Гимнъ свободѣ». Настроеніе публики обыкновенно приподнятое. Залы полны народомъ. Снаружи слышатся просьбы какъ-нибудь попасть въ аудиторію со стороны тѣхъ, кому это не удалось. Ихъ желаніе проникнуть становится еще сильнѣе, когда они ежеминутно слышатъ шумные апплодисменты, прерывающіе ораторовъ. По окончаніи торжества почти вся аудиторія начинаетъ пѣть «Карманьолу» или интернаціональный гимнъ, вытѣснившій марсельезу. Подъ звуки этихъ пѣсенъ, прерываемыхъ возгласами: «Vive la sociale», «au bagne Mercier», «Conspuez Deroulède» и т. д. толпа, проникшаяся торжественнымъ и боевымъ настроеніемъ, расходится по домамъ.

Пѣсня оглашаетъ улицу у выхода изъ аудиторіи. Но то, что допускается внутри зала, не допускается на улицѣ. Сомкнутая цѣпь sergent de ville однимъ своимъ молчаливо-выжидательнымъ видомъ прекращаетъ пѣніе.

Менѣе торжественно обставляются другіе университетскіе праздники. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ часть университетовъ устраиваетъ музыкальныя, драматическія и литературныя утра, вечера etc. съ участіемъ любителей или болѣе или менѣе извѣстныхъ артистовъ Парижа. Кромѣ 179 лекцій, записаннымъ мною на основаніи газетныхъ данныхъ и на основаніи университетскихъ программъ, пришлось 26 такихъ музыкальныхъ, литературныхъ и драматическихъ вечеровъ и утръ. На одномъ изъ такихъ утръ читали «Воскресенье» Л. Н. Толстого, на другомъ—мольеровскаго «Скупца», на третьемъ—«Макбета», на четвертомъ—стихотворенія Горація и т. д.

Народные университеты V, XI и XV округовъ по воскресеньямъ устраиваютъ еще иногда дѣтскіе и семейные праздники: они состоятъ изъ картинъ, показываемыхъ посредствомъ волшебнаго фонаря, дѣтскихъ игръ, фокусовъ и ихъ объясненія, изъ музыкальныхъ и литературныхъ нумеровъ и т. д.

IV.

Народные университеты не ограничиваются однѣми просвѣтительными цѣлями. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ тенденцію и желаніе

стать народными дворцами (Palais du peuple). Поэтому нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ мало-по-малу расширять свою дѣятельность. Нѣсколько университетовъ открыли у себя безплатную медицинскую помощь и даютъ своимъ членамъ консультаціи по судебнымъ дѣламъ. Такъ, напр., въ l'Union du IX arr. каждую среду, въ 8 час. вечера, даются совѣты по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ, каждую пятницу — юридическіе совѣты, каждую субботу—пріемъ больныхъ мужчинъ. Библіотеки въ тѣхъ университетахъ, гдѣ они существуютъ, открыты ежедневно по вечерамъ, и въ предмѣстьи S.-Antoine цѣлый день, не исключая никакихъ праздниковъ. La Coopération des Idées предполагаетъ лѣтомъ устроить колонію на берегу моря для своихъ членовъ. Solidarité ouvriére de XIX arr. открываетъ кооперативный ресторанъ. Такой же ресторанъ открытъ на дняхъ университетомъ L'Emancipation (XV arr.) Тотъ же университетъ, которому, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ, удалось пріобрѣсти собственную землю, гдѣ скоро будетъ построено и собственное зданіе (La Coopération des Idées du XI arr. имѣетъ собственное зданіе на арендуемой землѣ), устраиваетъ кооперативный садъ для членовъ университета и ихъ семействъ и 7% членскихъ взносовъ ассигнуетъ на помощь своимъ членамъ, оставшимся безъ работы. Отъ организаторовъ народныхъ университетовъ нерѣдко приходится слышать мнѣніе, что ихъ идеаломъ является palais du peuple.

Въ «La Coopération des Idées», органѣ университета и общества этого имени, напечатана недавно статья P. Deherme, истиннаго иниціатора и устроителя перваго парижскаго народнаго университета, «Каковъ будетъ народный дворецъ». Въ статьѣ этой приведены не мечты только, а проектъ народнаго дворца, куда впослѣдствіи долженъ переѣхать народный университетъ.

Deherme предполагаетъ трехъэтажное зданіе, фасадъ котораго и нижній этажъ будутъ предназначены для кооперативныхъ магазиновъ, ваннъ, читальнаго зала для прохожихъ, кафе и кооперативнаго ресторана въ 200 мѣстъ. Въ центрѣ долженъ помѣщаться театръ, разсчитанный на 1500 зрителей. Широкая галлерея, вмѣщающая музей, будетъ отдѣлять отъ театра садъ. Въ саду лѣтомъ будутъ даваться концерты; тамъ же будетъ находиться курильное отдѣленіе, залъ гимнастики и отдыха. Въ глубинѣ нижняго этажа, будетъ помѣщаться дѣтскій залъ. Въ первомъ этажѣ будутъ находиться небольшія бюро и салоны, которые можно будетъ отдавать въ наймы различнымъ рабочимъ обществамъ: кооперативнымъ, синдикальнымъ, обществамъ взаимопомощи, музыкальнымъ и др. Дальше должны слѣдовать библіотека, читальный залъ и нѣсколько аудиторій, которыя днемъ будетъ занимать народная гимназія, а вечеромъ—университетъ. Второй этажъ

*) La Coopération des Idées,—revue mensuelle de Sociologie positive, № 49 Fevrier 1900. *G. Deherme.* Ce que sera le palais du peuple.

будетъ занятъ мастерскими въ которыхъ будетъ даваться полное профессіональное образованіе, а третій раздѣленъ на маленькія комнаты, теплыя, свѣтлыя и чистыя, которыя за умѣренную плату будутъ отдаваться холостымъ рабочимъ.

Я позволилъ себѣ остановиться на этомъ пока еще проэктѣ, такъ какъ есть много основаній думать, что онъ въ большей или меньшей степени, въ цѣломъ и частяхъ, осуществится скоро не только въ La Coopération des Idées, но и въ другихъ народныхъ университетахъ. Плодотворное движеніе послѣдняго времени, выросшее на почвѣ соединенія двухъ такихъ сильныхъ во Франціи движеній, какъ рабочее, съ одной стороны и образовательное, съ другой,—даетъ основаніе надѣяться, что подобные проэкты не мечта, а имѣющая въ скоромъ времени осуществиться дѣйствительность. Открытіе народныхъ университетовъ встрѣтило сочувствіе не только среди лучшей части интеллигенціи. Правительство республики выразило готовность оказать поддержку этому дѣлу. Печать также выразила свое одобреніе и сочувствіе новому движенію. Но тѣмъ не менѣе по адресу университетовъ раздаются иногда и упреки. Чаще всего ихъ обвиняютъ въ недостаточности регламентаціи и административнаго управленія, въ нестройности плана, въ сухости трактуемыхъ предметовъ.

На первый упрекъ отвѣчаетъ быстрый успѣхъ университетовъ. Обвиненіе въ нестройности плана до нѣкоторой степени справедливо. Хотя планъ общественнаго воспитанія народа и придаетъ извѣстную цѣльность всѣмъ лекціямъ и всѣмъ курсамъ, отдѣльныя отрасли знанія трактуются поневолѣ нѣсколько поверхностно, безъ системы. Но, съ другой стороны, какъ быть? Рабочій не студентъ, онъ не можетъ посѣщать лекціи въ отдѣльные часы, изо дня въ день. Онъ слишкомъ много работаетъ и, поэтому, можетъ мало учиться. Это обстоятельство, между прочимъ вызвало то, что профессора, читающіе въ народныхъ университетахъ, рѣшили повести дѣятельную компанію за уменьшеніе рабочаго дня, такъ какъ безъ этого народные университеты не могутъ играть той просвѣтительной роли, которую они могли бы играть. Обвиненіе въ сухости изложенія приходится чаще всего слышать отъ самихъ рабочихъ. До извѣстной степени оно также справедливо. Но со стороны професора требуется уже популяризаторскій талантъ, чтобы подчасъ сухимъ научнымъ догмамъ придать занимательную и доступную для народа форму. Какъ удержаться въ тѣхъ границахъ, при которыхъ могли-бы быть соблюдены интересы и такъ долго работавшей науки, и такъ мало подготовленныхъ слушателей? Какъ избѣжать многихъ трудностей въ новомъ дѣлѣ, пока еще такъ малъ опытъ и пока приходится въ немъ бродить ощупью?

П. Кулаковъ.

ВОСКРЕСШІЕ БОГИ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Двойники.

1498—1499.

I sensi sono terrestri, la ragione
sta fuor di quelli, quando contempla.
Leonardo da Vinci.

Чувства принадлежатъ землѣ; разумъ—
внѣ чувствъ, когда созерцаетъ.
Леонардо да Винчи.

Небо—вверху, небо—внизу.
Οὐρανός ἄνω, οὐρανός κάτω.
Tabula smaragdyna.

I.

— Изволите ли видѣть,—вотъ здѣсь, на картѣ, въ Индѣйскомъ океанѣ, къ западу отъ острова Тапробана—надпись: „морскія чуда—Сирены". Кристофоро Коломбо разсказывалъ мнѣ, что весьма удивился, доѣхавъ до этого мѣста и не найдя Сиренъ... Чему вы улыбаетесь?

— Нѣтъ, ничего, Гвидо. Продолжайте, я слушаю.

— Да ужъ знаю, знаю... Вы полагаете, мессэръ Леонардо, что Сиренъ вовсе нѣтъ. Ну, а что сказали бы вы о скіаподахъ, укрывающихся отъ солнца подъ тѣнью собственной ступни, какъ подъ зонтикомъ, или о пигмеяхъ, съ такими громадными ушами, что одно служитъ имъ подстилкою, другое—одѣяломъ? Или о деревѣ, приносящемъ вмѣсто плодовъ яйца, изъ которыхъ выходятъ птенчики въ желтомъ пуху, на подобіе утятъ,—мясо ихъ имѣетъ рыбій вкусъ, такъ что и въ постные дни можетъ быть

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль.

*

употребляемо?.. Или объ островѣ, на которомъ корабельщики высадившись разложили костеръ, сварили ужинъ, а потомъ увидѣли, что это—не островъ, а рыба, о чемъ передавалъ мнѣ старый морякъ въ Лиссабонѣ, человѣкъ трезвый, клявшійся кровью и плотью Господнею въ истинѣ словъ своихъ?..

Этотъ разговоръ происходилъ пять лѣтъ спустя послѣ открытія Новаго Свѣта, на Вербной недѣлѣ, 6 апрѣля 1498 года во Флоренціи, недалеко отъ Стараго Рынка, на улицѣ Мѣховщиковъ, въ комнатѣ надъ кладовыми торговаго дома Помпео Берарди, который, имѣя товарные склады въ Севильи, завѣдывалъ постройкой кораблей, отправлявшихся въ земли, открытыя Колумбомъ. Мессэръ Гвидо Берарди, племянникъ Помпео, съ дѣтства питая великую страсть къ мореплаванію, намѣревался принять участіе въ путешествіи Васко да Гама, когда заболѣлъ появившеюся въ тѣ времена страшною болѣзнью, названною итальянцами французскою, французами—итальянскою, поляками—нѣмецкою, московитами—польскою, а турками—христіанскою. Тщетно лѣчился онъ у всѣхъ докторовъ и подвѣшивалъ восковые пріапы ко всѣмъ чудотворнымъ иконамъ. Разбитый параличемъ, осужденный на вѣчную неподвижность, сохранялъ онъ дѣятельную живость ума и, слушая разсказы моряковъ, просиживая ночи надъ книгами и картами, въ мечтахъ переплывалъ океаны, открывалъ невѣдомыя земли.

Мореходные снаряды,—мѣдные экваторіальные круги, кадраны, секстанты, астролябіи, компасы, звѣздныя сферы дѣлали комнату похожей на каюту корабля. Въ дверяхъ, открытыхъ на балконъ—флорентинскую „лоджію“, темнѣло прозрачное небо апрѣльскаго вечера. Пламя лампады порой колебалось отъ вѣтра. Снизу изъ товарныхъ складовъ подымался запахъ чужеземныхъ пряностей,—индѣйскаго перца, имбиря, корицы, мускатнаго орѣха и гвоздики.

— Такъ-то, мессэръ Леонардо, — заключилъ Гвидо, потирая рукою больныя закутанныя ноги,—не даромъ сказано: вѣра горами двигаетъ. Если бы Коломбо сомнѣвался, какъ вы,—ничего бы онъ не сдѣлалъ. А согласитесь,—стоитъ посѣдѣть въ тридцать лѣтъ отъ безмѣрныхъ страданій, чтобы совершить такое открытіе,—мѣстоположеніе Рая земного!

— Рая?—удивился Леонардо.—Что вы разумѣете, Гвидо?

— Какъ? Вы и этого не знаете? Неужели-же вы не слыхали о наблюденіяхъ мессэра Коломбо надъ Полярной звѣздой у Азорскихъ острововъ, которыми доказалъ онъ, что земля имѣетъ видъ не шара, не яблока, какъ полагали донынѣ, а груши съ отросткомъ или припухлостью, на подобіе сосца женской груди? На этомъ-то сосцѣ,—горѣ, столь высокой, что вершина ея упирается въ лунную сферу небесъ,—находится Рай...

— Но, Гвидо, это противорѣчитъ всѣмъ выводамъ науки...

— Науки!—презрительно пожавъ плечами, перебилъ его собесѣдникъ.—Знаете ли, мессэре, что̀ говоритъ Коломбо о наукѣ? Я приведу вамъ собственныя слова его изъ „Книги пророчествъ“—„Libro de la profecias“: „отнюдь не математика, не карты географовъ, не доводы разума помогли мнѣ сдѣлать то, что я сдѣлалъ, а единственно—пророчество Исаіи о новомъ небѣ и новой землѣ“.

Гвидо умолкъ. У него начиналась обычная боль въ суставахъ. По просьбѣ хозяина, Леонардо кликнулъ слугъ, которые унесли больного въ спальню.

Оставшись одинъ, художникъ сталъ провѣрять математическія выкладки Колумба въ изслѣдованіяхъ движенія Полярной звѣзды у Азорскихъ острововъ и нашелъ въ нихъ столь грубыя ошибки, что глазамъ своимъ не повѣрилъ.

— Какое невѣжество! — удивлялся онъ.—Точно въ темнотѣ нечаянно натолкнулся на новый міръ и самъ не видитъ, какъ слѣпой,—не знаетъ, что̀ открылъ, думаетъ—Китай, Офиръ Соломона, Рай земной. Такъ и умретъ, не узнавъ.

Онъ перечиталъ то первое письмо, отъ 29 апрѣля 1493 года, въ которомъ Колумбъ возвѣщалъ Европѣ о своемъ открытіи: „Письмо Христофора Коломба, коему вѣкъ нашъ многимъ обязанъ, объ островахъ Индѣйскихъ надъ Гангомъ, недавно открытыхъ“.

Всю ночь просидѣлъ Леонардо надъ вычисленіями и картами. Порой онъ выходилъ на открытую лоджію, смотрѣлъ на звѣзды, и думая о пророкѣ Новой Земли и Новаго Неба,—этомъ странномъ мечтателѣ, съ умомъ и сердцемъ ребенка, невольно сравнивалъ судьбу его со своею:

— Какъ мало онъ зналъ, какъ много сдѣлалъ! А я со всѣми знаніями моими—неподвиженъ, точно этотъ Берарди, разбитый параличемъ. Всю жизнь стремлюсь къ невѣдомымъ мірамъ и шагу къ нимъ не сдѣлалъ. Вѣра,—говорятъ они. Но развѣ совершенная вѣра и совершенное знаніе не одно и то же? Развѣ глаза мои не дальше видятъ, чѣмъ глаза Колумба,—слѣпого пророка?.. Или таковъ удѣлъ человѣческій: надо быть зрячимъ, чтобы знать, слѣпымъ—чтобы дѣлать?

II.

Леонардо не замѣтилъ, какъ ночь прошла. Звѣзды потухли. Розовый свѣтъ озарилъ черепичные выступы кровель и деревянныя косыя перекладины въ стѣнахъ ветхихъ кирпичныхъ домовъ. На улицѣ послышался шелестъ и говоръ толпы.

Въ дверь постучались. Онъ отперъ. Вошелъ Джіованни и на-

помнилъ учителю, что въ этотъ день,—Вербную Субботу, назначенъ „огненный поединокъ".

— Что за поединокъ?— спросилъ Леонардо.

— Фра Доминико за брата Джироламо Савонаролу и фра Джульяно Рондинелли за враговъ его войдутъ въ огонь. Тотъ, кто останется невредимъ, докажетъ свою правоту передъ Богомъ,— объяснилъ Бельтраффіо.

— Ну, что же? Ступай, Джіованни. Желаю тебѣ любопытнаго зрѣлища.

— А развѣ вы не пойдете?..

— Нѣтъ, видишь, я занятъ.

Ученикъ хотѣлъ проститься, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, сказалъ:

— По дорогѣ сюда встрѣтилъ я мессэра Паоло Соменци. Онъ обѣщалъ зайти за нами и провести насъ на самое лучшее мѣсто, откуда видно все. Жаль, что вамъ нѣкогда. А я думалъ... можетъ быть... Знаете, мастеръ... Поединокъ назначенъ въ полдень. Если бы вы къ тому времени кончили работу, мы еще успѣли бы...

Леонардо улыбнулся.

— А тебѣ такъ хочется, чтобы и я увидѣлъ это чудо?

Джіованни потупилъ глаза.

— Ну, да ужъ нечего дѣлать,—пойду. Богъ съ тобою!

Въ назначенное время вернулся Бельтраффіо къ учителю вмѣстѣ съ Паоло Соменци, подвижнымъ, вертлявымъ, точно ртутью налитымъ человѣчкомъ, главнымъ флорентинскимъ шпіономъ герцога Моро, злѣйшаго врага Савонаролы.

— Что это, мессэръ Леонардо? Правда ли, будто бы вы не желаете сопутствовать намъ?—заговорилъ Паоло непріятнымъ крикливымъ голосомъ, съ шутовскими ужимками и кривляніями.—Помилуйте! Кому же, какъ не вамъ, любителю естественныхъ наукъ, присутствовать при этомъ физическомъ опытѣ?

— Неужели позволятъ имъ войти въ огонь?—молвилъ Леонардо.

— Какъ вамъ сказать? Ежели дѣло дойдетъ до того,—конечно фра Доминико и передъ огнемъ не отступитъ. Да и не онъ одинъ. Двѣ съ половиною тысячи гражданъ, богатыхъ и бѣдныхъ, ученыхъ и невѣждъ, женщинъ и дѣтей объявили вчера въ обители Санъ-Марко, что желаютъ участвовать въ этомъ состязаніи. Такая, доложу вамъ, безсмыслица, что и у разумныхъ людей голова идетъ кругомъ. Философы-то наши, вольнодумцы и тѣ боятся: а ну, какъ одинъ изъ монаховъ возьметъ да и не сгоритъ. Нѣтъ, мессэре, вы только представьте себѣ лица благочестивыхъ „плаксъ", когда они оба сгорятъ!

— Не можетъ быть, чтобы Савонарола вѣрилъ,— произнесъ Леонардо въ раздумiи, какъ будто про себя.

— Онъ-то, пожалуй, и не вѣритъ, — возразилъ Соменци, — или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ вѣритъ. И радъ бы на попятный дворъ, да поздно. На свою голову разлакомилъ чернь. У нихъ, у всѣхъ теперь слюнки текутъ, — подавай имъ чудо, и конецъ! Ибо тутъ, мессэре, тоже — математика, и не менѣе любопытная, чѣмъ ваша: ежели есть Богъ, то отчего бы не сдѣлать Ему чуда, такъ, чтобы дважды два было не четыре, а пять, по молитвѣ вѣрныхъ, къ посрамленію безбожныхъ вольнодумцевъ, — такихъ, какъ мы съ вами?

— Ну, что же, пойдемъ, — кажется, пора, — сказалъ Леонардо, съ нескрываемымъ отвращеніемъ взглянувъ на Паоло.

— Пора, пора! — засуетился тотъ. — Еще одно только словечко. Механику-то съ чудомъ, думаете, кто подвелъ? Я! Вотъ мнѣ и хочется, мессэръ Леонардо, чтобы вы ее оцѣнили, ибо, если не вы, то кто же?

— Почему именно я? — произнесъ художникъ съ брезгливостью.

— Будто бы не понимаете? Я человѣкъ простой, сами изволите видѣть, — душа на распашку. Ну, и вѣдь тоже отчасти философъ. Знаю, чего стоятъ бредни, которыми монахи насъ пугаютъ. Мы съ вами, мессэръ Леонардо, въ этомъ дѣлѣ — сообщники. Вотъ почему, говорю я — на нашей улицѣ праздникъ. Да здравствуетъ разумъ, да здравствуетъ наука, ибо есть ли Богъ или нѣтъ Его, — дважды два всегда четыре.

Они вышли втроемъ. По улицамъ двигалась толпа. Въ лицахъ было выраженіе праздничнаго ожиданія и любопытства, которое Леонардо уже замѣтилъ въ лицѣ Джіованни.

На улицѣ Чулочниковъ, передъ Оръ-Санъ-Микеле, тамъ, гдѣ стояло въ углубленіи стѣны бронзовое изваяніе Андреа Верокіо, — апостолъ Ѳома, влагающій персты свои въ язвы Господа, была особенная давка. Одни читали по складамъ, другіе слушали и толковали вывѣшенные на стѣнѣ, отпечатанные большими красными буквами, восемь богословскихъ тезисовъ, истину коихъ долженъ былъ подтвердить или опровергнуть огненный поединокъ:

„Церковь Господня обновится", гласилъ первый тезисъ.

II. Богъ ее покараетъ.

III. Богъ ее обновитъ.

IV. Послѣ кары Флоренція также обновится и возвеличится надъ всѣми народами.

V. Невѣрные обратятся.

VI. Все это исполнится немедленно.

VII. Отлученіе Савонароллы отъ Церкви папою Александромъ VI не дѣйствительно.

VIII. Не пріемлющіе отлученія сего, не согрѣшаютъ.

Тѣснимые толпою, Леонардо, Джіованни и Паоло остановились, прислушиваясь къ разговорамъ.

— Такъ-то оно такъ, а все же, братцы, страшно,—говорилъ старый ремесленникъ,—какъ бы грѣха не вышло?

— Какой же можетъ быть грѣхъ, Филиппо,—возразилъ молодой подмастерье, съ легкомысленной и самонадѣянной усмѣшкой,—я полагаю, никакого грѣха тутъ быть не можетъ...

— Соблазнъ, другъ ты мой,—настаивалъ Филиппо.—Чуда просимъ, а достойны ли мы чуда? Сказано: „Господа Бога твоего не искушай...“

— Молчи, старикъ. Чего каркаешь? Кто вѣру имѣетъ съ горчичное зерно и велитъ горѣ сдвинуться,—будетъ по слову его. Не можетъ Богъ не сдѣлать чуда, ежели вѣруемъ.

— Не можетъ! Не можетъ!—подхватили голоса въ толпѣ.

— А кто, братцы, первый въ огонь войдетъ, фра Доминико, или фра Джироламо?

— Вмѣстѣ...

— Нѣтъ, фра Джироламо только молиться будетъ, а самъ не войдетъ.

— Какъ не войдетъ? Кому же и входить, если не ему? Сперва Доминико, а потомъ и Джироламо, ну, а за ними и мы сподобимся, грѣшные,—всѣ, кто въ монастырѣ Санъ-Марко записались.

— А правда ли, будто отецъ Джироламо покойника воскреситъ?..

— Правда! Сперва огненное чудо, а потомъ воскресеніе мертваго. Я самъ читалъ письмо его къ папѣ. Пусть, говоритъ, противника назначатъ. Къ могилѣ оба подойдемъ и скажемъ поочереди: „встань!“ По чьему велѣнію мертвый встанетъ изъ гроба, тотъ и есть пророкъ, а другой—обманщикъ.

— Погодите, братцы,—то ли еще будетъ! Вѣру имѣйте и Сына Человѣческаго узрите во плоти, грядущаго на облакахъ. Такія знаменія пойдутъ, такія чудеса, какихъ и древле не бывало.

— Аминь! Аминь!—раздавалось въ толпѣ,—и лица блѣднѣли, глаза загорались безумнымъ огнемъ.

Толпа сдвинулась, увлекая ихъ. Въ послѣдній разъ оглянулся Джіованни на изваяніе Вероккіо. И ему почудилось въ нѣжной, лукавой и безстрашно-любопытной улыбкѣ Ѳомы Невѣрнаго, влагающаго пальцы въ язвы Господа,—сходство съ улыбкой Леонардо.

III.

Подходя къ площади Синьоріи, попали они въ такую давку, что Паоло вынужденъ былъ обратиться съ просьбою къ проѣз-

жавшему всаднику городского ополченія, чтобы онъ провелъ ихъ къ Рингьерѣ,—каменному возвышенію передъ Ратушей, гдѣ были мѣста для пословъ и знатныхъ гражданъ.

Никогда, казалось Джіованни, не видѣлъ онъ такой толпы. Не только вся площадь, но и лоджіи, башни, окна, кровли домовъ кишѣли народомъ. Цѣпляясь за вбитые въ стѣну желѣзные подсвѣчники факеловъ, за рѣшетки, кровельные выступы домовъ и водосточныя трубы, люди висѣли, точно рѣяли, въ головокружительной высотѣ. Дрались изъ-за мѣстъ. Кто-то упалъ и разбился до-смерти.

Улицы заставлены были рогатками съ цѣпями—кромѣ трехъ, гдѣ стояли городскіе стражники, пропускавшіе по одиночкѣ только мужчинъ, взрослыхъ и безоружныхъ.

Паоло, указавъ своимъ спутникамъ на костеръ, объяснилъ устройство этой „машины“. Отъ подножья Рингьеры, гдѣ находился Марцокко, геральдическій бронзовый левъ города Флоренціи, по направленію къ черепичному навѣсу,—Крышѣ Пизанцевъ,—разложенъ былъ костеръ, узкій, длинный, съ проходомъ для испытуемыхъ, — тропинкою, мощеною камнемъ, глиной и пескомъ, между двумя стѣнами дровъ, обмазанныхъ дегтемъ, обсыпанныхъ порохомъ.

Изъ улицы Векереккіа вышли францисканцы, враги Савонаролы, потомъ—доминиканцы. Фра Джироламо въ бѣлой шелковой рясѣ съ блистающей на солнцѣ дароносицей въ рукахъ и фра Доминико въ огненно-красной бархатной одеждѣ заключали шествіе.

„Воздайте славу Богу,—пѣли доминиканцы,—величіе Его надъ Израилемъ и могущество Его на облакахъ. Страшенъ Ты, Боже, во Святилищѣ Твоемъ“.

И подхватывая пѣснь монаховъ, толпа отвѣтила имъ потрясающимъ крикомъ:

— Осанна! Осанна! Благословенъ грядый во имя Господне!

Враги Савонаролы заняли сосѣднюю съ Ратушей, ученики его—другую половину Лоджіи Орканьи, раздѣленной для этого случая на двое досчатою перегородкою.

Все было готово. Оставалось зажечь костеръ и войти въ него.

Каждый разъ, какъ изъ Палаццо Веккіо выходили комиссары, устроители поединка,—толпа замирала. Но, подбѣжавъ къ фра Доминико и о чемъ-то съ нимъ пошептавшись, возвращались они во Дворецъ. Фра Джульяно Рондинелли скрылся.

Недоумѣніе, напряженіе становились невыносимыми; иные приподымались на цыпочкахъ, вытягивали шею, чтобы лучше видѣть. Иные, крестясь, перебирая чотки, молились простодушною, дѣтскою молитвою: „сдѣлай чудо, сдѣлай чудо, Господи!“.

Было тихо и душно. Раскаты грома, слышные съ утра, приближались. Солнце жгло.

На Рингьеру изъ Палаццо Веккіо вышло нѣсколько знатныхъ гражданъ, членовъ Совѣта, въ длинныхъ одеждахъ изъ темно-краснаго сукна, похожихъ на древне-римскія тоги.

— Синьоры! Синьоры! — хлопоталъ старикъ въ круглыхъ очкахъ, съ гусинымъ перомъ за ухомъ, должно быть, секретарь Совѣта.—Засѣданіе не кончено. Пожалуйте, голоса собираютъ...

— Ну ихъ, къ чорту, провались они со своими голосами!— воскликнулъ одинъ изъ гражданъ.—Довольно съ меня. Уши вянутъ отъ глупостей.

— И чего ждутъ?—замѣтилъ другой.—Если они такъ желаютъ сгорѣть, пустить ихъ въ огонь,—и дѣло съ концомъ!

— Помилуйте,—смертоубійство...

— Пустяки! Подумаешь, какое горе, что на свѣтѣ меньше будетъ двумя дураками!

— Вы говорите—сгорятъ. Но надо, чтобы по всѣмъ правиламъ церкви, по канонамъ сгорѣли,—вотъ въ чемъ суть! Это дѣло тонкое, богословское...

— А если богословское,—отправитъ къ папѣ...

— При чемъ тутъ папа и не папа, монахи и не монахи? О народѣ, синьоры, должны мы подумать. Ежели бы можно было возстановить спокойствіе въ городѣ этою мѣрою, то, конечно, слѣдовало бы отправить не только въ огонь, но и въ воду, воздухъ, землю всѣхъ поповъ и монаховъ!

— Достаточно—въ воду. Мой совѣтъ—приготовить чанъ съ водою и окунуть въ него обоихъ монаховъ. Кто выйдетъ сухъ изъ воды,—тотъ и правъ. По крайней мѣрѣ,—безопасно.

— Слышали, синьоры? — подобострастно хихикая, вмѣшался Паоло.—Бѣдняга-то нашъ, фра Джульяно Рондинелли такъ перетрусилъ, что заболѣлъ разстройствомъ желудка. Кровь ему пустили, чтобы не умеръ отъ страха.

— Вы все шутите, мессэры, — молвилъ важный старикъ съ умнымъ и грустнымъ лицомъ. — А я, когда слышу такія рѣчи отъ первыхъ людей моего народа, не знаю, что лучше, жить или умереть. Ибо воистину руки опустились бы у предковъ нашихъ, основателей этого города, если бы могли они предвидѣть, что потомки ихъ дойдутъ до такого позора!..

Комиссары продолжали шмыгать изъ Ратуши въ Лоджію, изъ Лоджіи въ Ратушу, и, казалось, переговорамъ конца не будетъ.

Францисканцы утверждали, что Савонарола заколдовалъ рясу Доминико. Онъ снялъ ее. Но чары могли быть и въ нижнемъ платьѣ. Тотъ пошелъ во дворецъ и, раздѣвшись до нага, облекся въ платье другого монаха. Ему запретили приближаться къ брату

Джироламо, чтобы тотъ не заколдовалъ его снова. Потребовали также, чтобы онъ оставилъ крестъ, который держалъ въ рукахъ. Доминико согласился, но сказалъ, что войдетъ въ костеръ не иначе, какъ со св. Дарами. Тогда францисканцы объявили, что ученики Савонаролы хотятъ сжечь плоть и кровь Господню. Напрасно Доминико и Джироламо доказывали, что Св. Причастіе не можетъ сгорѣть, что въ огнѣ погибнетъ только преходящій „*модусъ*", а не вѣчная „*субстанція*". Начался схоластическій неразрѣшимый споръ.

Въ толпѣ слышался ропотъ.

Въ то же время небо покрывалось тучами.

Вдругъ изъ-за Палаццо Веккіо, изъ Львиной улицы,—Віа-дэй-Леони, гдѣ содержались въ каменномъ логовѣ львы, геральдическіе звѣри Флоренціи, раздалось протяжное голодное рыканіе. Должно быть, въ тотъ день, въ суматохѣ приготовленій, забыли ихъ накормить.

Казалось, что мѣдный Марцокко, возмущенный позоромъ своего народа,—рычитъ отъ ярости.

И на звѣриный ревъ толпа откликнулась еще болѣе страшнымъ голоднымъ человѣческимъ ревомъ:

— Скорѣе, скорѣе! Въ огонь! Фра Джироламо! Чуда! Чуда! Чуда!

Савонарола, молившійся передъ Чашею съ Дарами, какъ будто очнулся, подошелъ къ самому краю Лоджіи и прежнимъ властнымъ движеніемъ поднялъ руки, повелѣвая народу молчать.

Но народъ не замолчалъ.

Въ заднихъ рядахъ подъ Крышею Пизанцевъ, среди шайки „бѣшеныхъ", кто-то крикнулъ:

— Струсилъ!

И по всей толпѣ пронесся этотъ крикъ.

На задніе ряды напирала желѣзная конница „arrabiati". Они хотѣли, протѣснившись къ Лоджіи, напасть на Савонаролу и убить его въ свалкѣ.

— Бей, бей, бей проклятыхъ святошъ!—послышались неистовые вопли.

Передъ Джіованни замелькали звѣрскія лица. Онъ зажмурилъ глаза, чтобы не видѣть, — думая, что брата Джироламо сейчасъ схватятъ и растерзаютъ.

Но въ это мгновеніе грянулъ громъ, небо вспыхнуло молніей, и хлынулъ дождь, такой, какого давно не видали во Флоренціи.

Онъ, впрочемъ, длился не долго. Но когда стихъ, нечего было думать объ огненномъ поединкѣ: изъ прохода между двумя стѣнами дровъ, какъ изъ водосточнаго жолоба, струился бурный потокъ.

— Ай, да монахи!—смѣялись въ толпѣ.—Шли въ огонь, попали въ воду. Вотъ такъ чудо!

Отрядъ воиновъ провожалъ Савонаролу сквозь разъяренную чернь.

Послѣ бури наступило тихое ненастье.

Сердце Бельтраффіо сжалось, когда увидѣлъ онъ, какъ, подъ медленнымъ, сѣрымъ дождемъ, братъ Джироламо шелъ торопливымъ, падающимъ шагомъ, сгорбившись, опустивъ капюшонъ на глаза, въ бѣлой одеждѣ, забрызганной уличной грязью. Учитель взглянулъ на блѣдное лицо Джіованни и, взявъ его за руку, опять, какъ во время „Сожженія Суетъ", вывелъ изъ толпы.

IV.

На слѣдующій день въ той же комнатѣ дома Берарди, похожей на каюту корабля, доказывалъ художникъ мессэру Гвидо нелѣпость мнѣнія Христофора Колумба о мѣстоположеніи Рая на сосцѣ грушевидной земли.

Сначала тотъ слушалъ внимательно, возражалъ и спорилъ. Потомъ вдругъ затихъ и опечалился, какъ будто обидѣлся на Леонардо за истину.

Немного погодя, жалуясь на боль въ ногахъ, Гвидо велѣлъ унести себя въ спальню.

„Зачѣмъ я огорчилъ его?—подумалъ художникъ.—Не истина нужна ему, такъ же какъ ученикамъ Савонаролы,—а чудо".

Въ одной изъ рабочихъ тетрадей, которыя онъ перелистывалъ, на глаза ему попались строки, писанныя въ памятный день, когда чернь ломилась въ домъ его, требуя Святѣйшаго Гвоздя:

„О, дивная справедливость твоя, Первый Двигатель! Ты не пожелалъ лишить никакую силу порядка и качества необходимыхъ дѣйствій: ибо, ежели должно ей подвинуть тѣло на сто локтей, и на пути встрѣчается преграда, Ты повелѣлъ, чтобы сила удара произвела новое движеніе, получая замѣну непройденнаго пути различными толчками и сотрясеніями. О, божественная необходимость твоя, Первый Двигатель, такъ принуждаешь Ты своими законами всѣ послѣдствія вытекать кратчайшимъ путемъ изъ причины. Вотъ чудо!"

И вспомнивъ о Тайной Вечерѣ, о ликѣ Христа, котораго все еще искалъ онъ и не находилъ, художникъ почувствовалъ, что между этими словами о Первомъ Двигателѣ, о божественной необходимости и совершенною мудростью Того, кто сказалъ: „одинъ изъ васъ предастъ меня",—должна быть связь.

Вечеромъ пришелъ къ нему Джіованни и разсказалъ о событіяхъ дня.

Синьорія повелѣла брату Джироламо и Доминико покинуть городъ. Узнавъ, что они медлятъ, „бѣшеные“, съ оружіемъ, съ пушками и несмѣтною толпою народа, окружили обитель Санъ-Марко и ворвались въ церковь, гдѣ монахи служили вечерню. Они защищались, нанося удары горящими свѣчами, подсвѣчниками, деревянными и мѣдными распятіями. Въ клубахъ порохового дыма, въ заревѣ пожара, казались они смѣшными, какъ разъяренныя голуби, страшными, какъ дьяволы. Одинъ взобрался на крышу церкви и бросалъ оттуда камни. Другой вскочилъ на алтарь, и стоя подъ Распятіемъ, стрѣлялъ изъ аркебузы, выкрикивая послѣ каждаго выстрѣла: „Да здравствуетъ Христосъ!“

Монастырь взяли приступомъ. Братья молили Савонаролу бѣжать. Но онъ предался въ руки враговъ вмѣстѣ съ Доминико. Ихъ повели въ тюрьму.

Стражи Синьоріи напрасно хотѣли, или дѣлали видъ, что хотятъ охранить ихъ отъ оскорбленій толпы.

Одни ударяли брата Джироламо сзади по щекамъ и гнусили, подражая церковному пѣнію „плаксъ“:

— Пророки, пророки, ну-ка, Божій человѣкъ, кто ударилъ, пророки!

Другіе ползали въ ногахъ его. на четверенькахъ, какъ будто искали чего-то въ грязи и хрюкали: „ключика, ключика! Не видалъ ли кто Джироламова ключика?“ —намекая на часто упоминавшійся въ проповѣдяхъ его, „ключикъ“, которымъ грозилъ онъ отпереть тайники римскихъ мерзостей.

Дѣти, — бывшіе солдаты Священнаго Воинства маленькихъ инквизиторовъ, кидали въ него гнилыми яблоками, тухлыми яйцами.

Тѣ, кому не удалось пробраться сквозь толпу, вопили издали до хрипоты, до изнеможенія, повторяя все одни и тѣ же бранныя слова, какъ будто не могли ими насытиться:

— Трусъ! Трусъ! Трусъ! Іуда Предатель! Содомитъ! Колдунъ! Антихристъ!

Джіованни проводилъ его до дверей тюрьмы въ палаццо Веккіо. На прощаніе, когда братъ Джироламо переступалъ порогъ темницы, изъ которой долженъ былъ выйти на смертную казнь, одинъ весельчакъ поддалъ ему колѣномъ въ задъ и крикнулъ:

— Вотъ откуда выходили у него пророчества! Egli ha la profezia nel forame!

На слѣдующее утро Леонардо съ Джіованни выѣхали изъ Флоренціи.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Миланъ, погрузился художникъ въ работу, которую откладывалъ въ теченіе восемнадцати лѣтъ,— надъ ликомъ Господнимъ въ Тайной Вечери.

V.

Въ самый день неудавшагося огненнаго поединка, канунъ Вербнаго Воскресенія, 7-го апрѣля 1498 года скоропостижно умеръ король Франціи, Карлъ VIII.

Вѣсть о его кончинѣ ужаснула Моро, ибо на престолъ долженъ былъ вступить подъ именемъ Людовика XII злѣйшій недругъ дома Сфорца, герцогъ Орлеанскій. Внукъ Валентины Висконти, дочери перваго миланскаго герцога, считалъ онъ себя единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ Ломбардіи и намѣревался отвоевать ее, разоривъ до тла „разбойничье гнѣздо Сфорца".

Еще до смерти Карла VIII въ Миланѣ при дворѣ Моро происходилъ „ученый поединокъ" „scientifico duello", который такъ понравился герцогу, что черезъ два мѣсяца назначенъ былъ второй. Многіе полагали, что онъ отмѣнитъ это состязаніе въ виду предстоявшей войны, но ошиблись, ибо Моро, искушенный въ притворствѣ, счелъ для себя выгоднымъ показать врагамъ, что онъ мало заботится о нихъ, что подъ кроткою державою Сфорца болѣе, чѣмъ когда либо, процвѣтаютъ въ Ломбардіи возрожденныя искусства и науки, „плоды золотого мира", что престолъ его охраняется не только оружіемъ, но и славою просвѣщеннѣйшаго изъ государей Италіи, покровителя музъ.

Въ Рокеттѣ, въ „большой залѣ для игры въ мячъ" собрались доктора, деканы, магистры Павійскаго университета, въ красныхъ четыреугольныхъ шапкахъ, въ шелковыхъ пунцовыхъ наплечникахъ, подбитыхъ горностаемъ, съ фіолетовыми замшевыми перчатками и шитыми золотомъ, мошнами у пояса. Придворныя дамы были въ роскошныхъ бальныхъ нарядахъ. Въ ногахъ у Моро, по обѣимъ сторонамъ его трона сидѣли мадонна Лукреція и графиня Цецилія.

Засѣданіе открылось рѣчью Джіорджіо Мэрулы, который, сравнивая герцога съ Периклом, Эпаминондомъ, Сципіономъ, Катономъ, Августомъ, Меценатомъ, Траяномъ, Титомъ и множествомъ другихъ великихъ людей, доказывалъ, что новыя Аѳины—Миланъ превзошли древнія.

Затѣмъ начался богословскій споръ о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи, медицинскій—по вопросамъ:

„Красивыя женщины плодороднѣе ли некрасивыхъ? Естественно ли было исцѣленіе Тобія рыбною желчью? Есть ли женщина несовершенное созданіе природы? Въ какой внутренней части тѣла образовалась вода, вытекшая изъ раны Господа, когда на крестѣ Онъ пронзенъ былъ копьемъ? Женщина сладострастнѣе ли мужчины?"

Слѣдовало состязаніе философское о томъ, многообразна ли первично-первая матерія или едина?

— Что значитъ сія апофтегма?—спрашивалъ старичокъ съ ядовитой беззубой усмѣшкой, съ глазами мутными, какъ у грудныхъ дѣтей, —великій докторъ схоластики, сбивая съ толку своихъ противниковъ и устанавливая такое тонкое отличіе *quidditas* отъ *habitus*, что понять его не могъ никто.

— Первично-первая матерія,—доказывалъ другой,—не есть ни субстанція, ни акцидентъ. Но поколику подъ всякимъ актомъ разумѣется или акцидентъ, или субстанція, потолику первично-первая матерія не есть актъ.

— Я утверждаю,—восклицалъ третій,—что всякая созданная субстанція, духовная или тѣлесная, причастна матеріи.

Старый докторъ схоластики только покачивалъ головою, точно заранѣе зналъ все, что возразятъ ему противники и могъ разрушить софизмы ихъ однимъ дуновеніемъ, какъ паутину.

— Скажемъ такъ,—объяснялъ четвертый,—міръ есть дерево, корни его—первая матерія, листья—акциденты, вѣтви—субстанціи, цвѣтъ—разумная душа, плодъ—ангельская природа, а Богъ—садовникъ.

— Первично-первая матерія едина,—выкрикивалъ пятый, никого не слушая, вторично-первая—двойственна, третично-первая—множественна. И всѣ стремятся къ единству. Omnia unitatem appetunt.

Леонардо слушалъ, какъ всегда, молчаливый и одинокій. Порою тонкая усмѣшка скользила по его губамъ.

Послѣ перерыва, математикъ, францисканскій монахъ, фра Лука Пачіоли показалъ хрустальныя изображенія многогранниковъ—поліэдровъ, излагая пиѳагорейское ученіе о пяти первозданныхъ правильныхъ тѣлахъ—Πλατωνικὰ σχήματα,—изъ коихъ будто бы возникла вселенная, и прочелъ стихи, которыми эти тѣла сами себя пролавляли:

Науки плодъ сладчайшій и прелестный,
Всѣхъ побуждалъ издревле мудрецовъ
Искать причины нашей неизвѣстной.
Мы красотой сіяемъ безтѣлесной,
Мы—первое начало всѣхъ міровъ,
И нашею гармоніей чудесной
Платонъ плѣнялся, Пиѳагоръ, Евклидъ.
Предвѣчную мы наполняемъ Сферу,
Такой имѣя совершенный видъ,
Что всѣмъ тѣламъ даемъ законъ и мѣру.

VI.

Графиня Цецилія, указывая на Леонардо, что-то шепнула герцогу. Тотъ подозвалъ его и просилъ принять участіе въ поединкѣ.

— Мессэре, — приступила къ нему сама графиня, — будьте любезны, сдѣлайте для меня...

— Видишь, дамы просятъ, — молвилъ герцогъ. — Не скромничай. Ну, что тебѣ стоитъ? Разскажи намъ что-нибудь позабавнѣе изъ своихъ наблюденій надъ природою. Я вѣдь знаю, умъ у тебя всегда полонъ чудеснѣйшими химерами...

— Ваше высочество, увольте. Я бы радъ, мадонна Цецилія, но, право же, не могу, не умѣю...

Леонардо не притворялся. Онъ въ самомъ дѣлѣ не любилъ и не умѣлъ говорить передъ толпою. Между словомъ и мыслью его была вѣчная преграда. Ему казалось, что всякое слово преувеличиваетъ или не договариваетъ, измѣняетъ и лжетъ. Отмѣчая свои наблюденія въ дневникахъ, онъ постоянно передѣлывалъ, перечеркивалъ и поправлялъ. Даже въ разговорѣ, запинался, путался, обрывалъ, — искалъ и не находилъ словъ. Ораторовъ, писателй называлъ „болтунами", „щелкоперами", а между тѣмъ, втайнѣ, завидовалъ имъ. Округленная плавность рѣчи, иногда у самыхъ ничтожныхъ людей, внушала ему досаду, смѣшанную съ простодушнымъ восхищеніемъ: „даетъ же Богъ людямъ такое искусство!" — думалъ онъ.

Но чѣмъ усерднѣе отказывался Леонардо, тѣмъ болѣе настаивали дамы.

— Мессере, — щебетали онѣ хоромъ, окруживъ его, — пожалуйста! Мы всѣ, видите, всѣ умоляемъ васъ. Ну разскажите же, разскажите намъ что-нибудь хорошенькое...

— О томъ, какъ люди будутъ летать, — предложила донзелла Фіордализа.

— Лучше о магіи, — подхватила донзелла Эрмеллина, — о черной магіи. Это такъ любопытно! Некромантія, — какъ мертвецовъ изъ могилъ вызываютъ...

— Помилуйте, мадонна, могу васъ увѣрить, — я никогда мертвецовъ не вызывалъ...

— Ну, все равно, — о чемъ-нибудь другомъ. Только пострашнѣе, — и безъ математики...

Леонардо не умѣлъ отказывать, кто и о чемъ бы его ни просилъ.

— Я право не знаю, мадонна, — проговорилъ онъ въ смущеніи.

— Согласенъ! Согласенъ! — захлопала въ ладоши Эрмеллина. — Мессэръ Леонардо будетъ говорить. Слушайте!

— Что такое? А? Кто? — спрашивалъ выжившій изъ ума отъ старости, тугой на ухо, деканъ богословскаго факультета.

— Леонардо! — крикнулъ ему сосѣдъ, молодой магистръ медицины.

— О Леонардо Пизано, математикѣ, что ли?

— Нѣтъ, самъ Леонардо да Винчи.

— Да Винчи? Докторъ или магистръ?

— Не докторъ и не магистръ, даже не баккалавръ, а такъ, просто художникъ Леонардо, тотъ, что Тайную Вечерю написалъ...

— Художникъ? О живописи?

— Кажется, по естественнымъ наукамъ...

— По естественнымъ наукамъ? Да развѣ нынѣ художники учеными стали? Леонардо?.. Что-то не слыхалъ.. Какія же у него сочиненія?

— Никакихъ. Онъ не издаетъ.

— Не издаетъ?

— Говорятъ, все лѣвою рукою пишетъ, — вмѣшался другой сосѣдъ,—особымъ письмомъ, такъ, чтобы нельзя было разобрать.

— Чтобы нельзя было разобрать? Лѣвою рукою?—съ возрастающимъ изумленіемъ повторялъ деканъ. — Да это, мессэры, должно быть, что-нибудь смѣшное. А? Для отдыха отъ занятій,—я такъ полагаю,—для развлеченія герцога и прекраснѣйшихъ синьоръ?

— Можетъ быть, и смѣшное. Вотъ посмотримъ...

— Ну, то-то. Вы бы такъ и сказали... Конечно,—люди придворные: нельзя не повеселиться. Ну, да и забавный народъ эти художники,—умѣютъ потѣшить! Вотъ Буффальмако, шутъ, говорятъ, былъ тоже и весельчакъ хоть куда... Ну, послушаемъ, послушаемъ, какой такой Леонардо.

Онъ протеръ очки, чтобы лучше видѣть предстоявшее зрѣлище.

Съ послѣднею мольбою, взглянулъ Леонардо на герцога. Тотъ, улыбаясь, хмурился. Графиня Цецилія грозила пальчикомъ.

— Пожалуй, разсердятся,—подумалъ художникъ.—Скоро надо просить о выдачѣ бронзы для Коня. Э, все равно,—разскажу имъ первое, что въ голову взбредетъ,—только бы отвязаться.

Съ отчаянною рѣшимостью, взошелъ онъ на каѳедру и оглянулъ ученое собраніе.

— Я долженъ предупредить ваши милости,—началъ онъ, заикаясь, краснѣя, какъ школьникъ. — Для меня неожиданно... Только по настоянію герцога... То-есть я хочу сказать... мнѣ кажется... ну, словомъ—я буду говорить о раковинахъ.

Онъ сталъ разсказывать объ окаменѣлыхъ морскихъ животныхъ, отпечаткахъ водорослей и коралловъ, находимыхъ въ пещерахъ и горахъ, вдали отъ моря,—свидѣтеляхъ того, какъ съ незапамятной древности лицо земли измѣнялось,—тамъ, гдѣ нынѣ суша и горы, было дно океана. Вода, двигатель природы,—„ея возница“—создаетъ и разрушаетъ горы. Приближаясь къ срединѣ морей, берега растутъ, и внутреннія, средиземныя моря постепенно обнажаютъ дно, оставляя лишь русло единой рѣки, впа-

дающей въ океанъ. Такъ По, высушивъ Ломбардію, впослѣдствіи сдѣлаетъ то же со всей Адріатикой. Нилъ, превративъ Средиземное море въ песчанные холмы и равнины, подобныя Египту и Ливіи, будетъ впадать въ океанъ за Гибралтаромъ.

— Я увѣренъ,—заключилъ Леонардо,—что изслѣдованіе окаменѣлыхъ животныхъ и растеній, которымъ донынѣ ученые пренебрегали, можетъ дать начало новой наукѣ о землѣ,—объ ея прошломъ и будущемъ.

Мысли его были такъ ясны, точны, полны,—несмотря на видимую скромность,—непоколебимой вѣрою въ знаніе, такъ не похожи на туманныя, пиѳагорейскія бредни Пачіоли, на мертвую схоластику ученыхъ докторовъ, что, когда онъ умолкъ, на лицахъ выразилось недоумѣніе: какъ быть? что дѣлать? хвалить или смѣяться? новая ли это наука или самонадѣянный лепетъ невѣжды?

— Мы очень бы желали, мой Леонардо,—сказалъ герцогъ со снисходительной улыбкой, какъ взрослые говорятъ съ дѣтьми,—мы очень бы желали, чтобы пророчество твое исполнилось, чтобы Адріатическое море высохло, и венеціанцы, наши враги, остались бы на лагунахъ своихъ, какъ раки на мели.

Всѣ почтительно и вмѣстѣ съ тѣмъ преувеличенно засмѣялись. Направленіе было дано,—и придворные флюгера повернулись по вѣтру. Ректоръ Павійскаго университета, Габріеле Пировано, серебристо-сѣдой, благообразный старикъ, съ величественнымъ и ничтожнымъ лицомъ, произнесъ, отражая въ учтиво-осторожной, плоской улыбкѣ своей снисходительную шутливость герцога.

— Сообщенныя вами свѣдѣнія очень любопытны, мессэръ Леонардо. Но я позволю себѣ замѣтить: не проще ли объяснить происхожденіе этихъ маленькихъ ракушекъ,—случайной, забавной, можно сказать—очаровательной, но совершенно невинной игры природы, на коей вы желаете основать цѣлую новую науку,—не проще ли, говорю я, объяснить ихъ происхожденіе, какъ и раньше это дѣлали,—всемірнымъ потопомъ?

— Да, да, потопъ,—подхватилъ Леонардо, уже безъ всякаго смущенія, съ непринужденностью, которая многимъ показалась черезчуръ вольной, даже дерзкой,—я знаю, всѣ говорятъ—потопъ. Только это объясненіе никуда не годится. Посудите сами: уровень воды во время потопа, по словамъ того, кто измѣрялъ его, былъ на десять локтей выше высочайшихъ горъ. Слѣдовательно, раковины, носимыя бурными волнами, должны были бы опуститься сверху, непремѣнно сверху, мессэръ Габріеле, а не сбоку, не у подножія горъ, не внутри подземныхъ пещеръ, и притомъ—въ безпорядкѣ, по прихоти волнъ, а не на одномъ и томъ же уровнѣ, не послѣдовательными слоями, какъ мы это наблюдаемъ. И вѣдь замѣтьте,—вотъ что любопытно!—тѣ животныя, которыя

водятся стадами,—слизняки, каракатицы, устрицы,—такъ и лежатъ вмѣстѣ; а живущія въ одиночку,—порознь, точь въ точь, какъ мы это можемъ видѣть и нынѣ на морскихъ берегахъ. Я самъ много разъ наблюдалъ расположеніе этихъ окаменѣлыхъ раковинъ и въ Тосканѣ, и въ Ломбардіи, и въ Пьемонтѣ. Если же вы скажете, что онѣ занесены не волнами потопа, а сами мало-по-малу поднялись за водою,—по мѣрѣ того, какъ она прибывала,—то и это возраженіе очень легко опровергнуть, ибо раковина—животное столь же или даже еще болѣе медлительное, чѣмъ улитка. Никогда не плаваетъ она, а только ползаетъ по песку и камнямъ посредствомъ движенія створъ, и самое большее, что можетъ сдѣлать въ день такого пути—три, четыре локтя. Какъ же,—скажите на милость, какъ же вы хотите, мессэръ Габріеле, чтобы въ теченіе сорока дней, которыя длился потопъ, по свидѣтельству Моисея, проползла она 250 миль, отдѣляющихъ холмы Монферато отъ береговъ Адріатики? Утверждать это посмѣетъ лишь тотъ, кто, пренебрегая опытомъ и наблюденіемъ, судитъ о природѣ по книгамъ, по измышленіямъ болтуновъ-словесниковъ и ни разу не полюбопытствовалъ собственными глазами взглянуть на то, о чемъ говоритъ.

Наступило неловкое молчаніе. Всѣ чувствовали, что возраженіе ректора слабо, и что не онъ на Леонардо, а скорѣе Леонардо на него имѣетъ право смотрѣть, какъ учитель на ученика.

Наконецъ, придворный астрологъ, любимецъ Моро, мессэръ Амброджіо да Розате графъ Кортичилли, предложилъ, ссылаясь на Плинія Натуралиста, другое объясненіе: окаменѣлости, имѣющія только видъ морскихъ животныхъ, образовались въ нѣдрахъ земли магическимъ дѣйствіемъ звѣздъ.

При словѣ „магическій", покорная, скучающая усмѣшка заиграла на губахъ Леонардо.

— Какъ же, мессэръ Амброджіо,—возразилъ онъ,—объясните вы то, что вліяніе однихъ и тѣхъ же звѣздъ, на одномъ и томъ же мѣстѣ образовало животныхъ не только различныхъ породъ, но и различныхъ возрастовъ, ибо я открылъ, что по разрѣзу раковинъ, такъ же, какъ по рогамъ быковъ и овецъ, по разрубленнымъ стволамъ деревьевъ, можно съ точностью опредѣлить число не только лѣтъ, но и мѣсяцевъ ихъ жизни? Какъ объясните вы, что однѣ изъ нихъ цѣльныя, другія сломанныя, третьи съ пескомъ, иломъ, клешнями крабовъ, съ рыбьими костями и зубами, съ крупнымъ щебнемъ подобнымъ тому, какой встрѣчается на морскихъ берегахъ, изъ камешковъ, округленныхъ волнами? А нѣжные отпечатки листьевъ на скалахъ высочайшихъ горъ? А водоросли, прилипшія къ раковинамъ, окаменѣлыя, слитыя въ одинъ комокъ? Откуда все это? Отъ вліянія звѣздъ? Но вѣдь, ежели такъ разсуждать, мессэре, то, я полагаю, во всей природѣ не найдется

*

ни одного явленія, котораго бы нельзя было объяснить вліяніемъ звѣздъ, и тогда всѣ науки кромѣ астрологіи,—тщетны...

Старый докторъ схоластики попросилъ слова и, когда ему дали его, замѣтилъ, что споръ ведется неправильно,—ибо одно изъ двухъ: или вопросъ объ ископаемыхъ животныхъ принадлежитъ низшему, „механическому“ знанію, чуждому метафизики, и тогда говорить о немъ нечего, такъ какъ не затѣмъ они сюда собрались, чтобы состязаться о предметахъ нефилософскихъ; или же относится онъ къ истинному высшему знанію,—къ діалектикѣ; въ такомъ случаѣ и разсуждать о немъ должно по правиламъ діалектики, возвысивъ помыслы къ чистому умозрѣнію.

— Знаю,—проговорилъ Леонардо съ еще болѣе покорнымъ и скучающимъ видомъ,—знаю, что вы хотите сказать, мессэре. Я тоже много думалъ объ этомъ. Только все это не такъ...

— Не такъ?—усмѣхнулся старикъ и весь точно налился вдругъ ядомъ.—А ежели не такъ, мессэре, просвѣтите насъ,—будьте добрымъ, научите, что же, по вашему, такъ?

— Ахъ, нѣтъ, я вовсе не хотѣлъ... Увѣряю васъ... Я только о раковинахъ... Я, видите ли, думаю... Словомъ,—нѣтъ высшихъ и низшихъ знаній,—а есть одно, вытекающее изъ опыта...

— Изъ опыта! Вотъ какъ!—Ну, а какъ же, позвольте васъ спросить, какъ же метафизика Аристотеля, Платона, Плотина,—всѣхъ древнихъ философовъ, которые разсуждали о Богѣ, о духѣ, о сущностяхъ, неужели все это?..

— Да, все это не наука,—возразилъ Леонардо спокойно.—Я признаю величіе древнихъ,—но не въ этомъ. Въ наукѣ пошли они ложнымъ путемъ. Хотѣли познать недоступное знанію, а доступное презрѣли. Запутали себя и другихъ на много вѣковъ. Ибо, разсуждая о предметахъ недоказуемыхъ, не могутъ люди прійдти къ соглашенію. Тамъ, гдѣ разумныхъ доводовъ нѣтъ,—они замѣняются криками. Но кто знаетъ,—тому кричать ненужно. Слово истины едино, и когда оно сказано, всѣ крики спорящихъ должны умолкнуть; если же они продолжаются, значитъ нѣтъ еще истины. Развѣ въ математикѣ спорятъ о томъ,—дважды три шесть или пять? Равна ли сумма угловъ въ треугольникѣ двумъ прямымъ, или неравна? Не исчезаетъ ли здѣсь всякое противорѣчіе передъ истиной, такъ что служители ея могутъ наслаждаться ею въ мирѣ, чего никогда не бываетъ въ мнимыхъ, софистическихъ наукахъ...

Онъ хотѣлъ что-то прибавить, но, взглянувъ на лицо противника,—умолкъ.

— Ну вотъ мы и договорились, мессэръ Леонардо!—еще язвительнѣе усмѣхнулся докторъ схоластики.—Я, впрочемъ, зналъ, что мы съ вами поймемъ другъ друга. Одного я въ толкъ не возьму,—вы ужъ меня старика извините. Какъ же такъ? Неужели всѣ наши

познанія о душѣ, о Богѣ, о загробной жизни, естественному опыту не подлежащія, „недоказуемыя“, какъ вы сами изволили выразиться,—но подтверждаемыя непреложнымъ свидѣтельствомъ Священнаго Писанія...

— Я этого не говорю,—остановилъ его Леонардо, нахмурившись,—я оставляю внѣ спора книги боговдохновенныя, ибо онѣ суть высшая истина...

Ему не дали кончить. Произошло смятеніе. Одни кричали, другіе смѣялись, третьи, вскакивая съ мѣстъ, обращались къ нему съ гнѣвными лицами, четвертые, презрительно пожимая плечами, отвертывались.

— Довольно! Довольно! — Дайте возразить, мессэры...—Да что же тутъ возражать, помилуйте!..—Безмыслица!—Я прошу слова...—Платонъ и Аристотель!..—Все-то дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ...—Какъ же позволяютъ? Истины святой нашей матери церкви...—Ересь, ересь! Безбожіе!..

Леонардо молчалъ. Лицо его было тихо и грустно. Онъ видѣлъ свое одиночество среди этихъ людей, считавшихъ себя служителями знанія, видѣлъ непереступную бездну, отдѣлявшую его отъ нихъ, и чувствовалъ досаду не на противниковъ, а на себя за то, что не сумѣлъ замолчать во время,—уклониться отъ спора,—за то, что еще разъ, наперекоръ безчисленнымъ опытамъ, соблазнился простодушною надеждою,—будто бы достаточно открыть людямъ истину, чтобы они ее приняли.

Герцогъ, съ вельможами и придворными дамами, давно уже ничего не понимая, все же слѣдилъ за споромъ, съ большимъ удовольствіемъ.

— Славно!—радовался онъ, потирая руки.—Настоящее сраженіе! Смотрите, мадонна Цецилія,—сейчасъ подерутся! Вонъ старичокъ, изъ кожи лѣзетъ, весь трясется, кулаками грозитъ, шапку сорвалъ и махаетъ. А черненькій-то, черненькій за нимъ,—пѣна у рта! И вѣдь изъ-за чего? Изъ-за какихъ-то окаменѣлыхъ раковинъ. Удивительный народъ эти ученые! Бѣда съ ними, право. А нашъ-то Леонардо, каковъ! Еще тихопей прикидывался...

И всѣ смѣялись, любуясь на поединокъ ученыхъ, какъ на бой пѣтуховъ.

— Пойду-ка я спасать моего Леонардо,—молвилъ герцогъ,—а то его красные колпаки совсѣмъ заклюютъ...

Онъ вошелъ въ толпу ожесточенныхъ противниковъ,—и они умолкли, разступились передъ нимъ, какъ будто успокоительный елей пролился въ бурное море. Достаточно было одной улыбки Моро, чтобы примирить метафизику съ естественными науками.

Приглашая гостей ужинать, онъ прибавилъ съ любезностью:

— Ну, синьоры, поспорили, погорячились; и довольно! Надо

и силы подкрѣпить. Милости просимъ. Я полагаю,—мои вареныя животныя изъ Адріатическаго моря,—благо оно еще не высохло,—возбудятъ меньше споровъ, чѣмъ окаменѣлыя животныя мессэра Леонардо.

VII.

За ужиномъ Лука Пачіоли, сидѣвшій рядомъ съ Леонардо, шепнулъ ему на ухо:

— Не сердитесь, другъ мой, что я промолчалъ, когда на васъ напали. Они не такъ поняли. А въ сущности вы могли бы съ ними сговориться, ибо одно другому не мѣшаетъ,—только крайностей не надо ни въ чемъ, и все можно примирить, все соединить...

— Я съ вами совершенно согласенъ, фра Лука, — сказалъ Леонардо.

— Ну, вотъ, вотъ. Такъ-то лучше! Въ мирѣ да въ согласіи. А то помилуйте, говорю я, зачѣмъ же ссориться! Хороша метафизика, хороша математика. Всѣмъ хватитъ мѣста. Вы намъ, а мы вамъ. Не такъ ли, дражайшій?

— Именно такъ, фра Лука.

— Ну и прекрасно, и прекрасно! Значитъ, никакихъ недоразумѣній быть не можетъ. Вы намъ, а мы вамъ.

„Ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ“,—подумалъ художникъ, глядя на хитрое, съ мышиной юркостью въ глазахъ, умное лицо монаха-математика, умѣвшаго примирить Пиѳагора съ Ѳомой Аквинатомъ.

— За ваше здоровье, учитель! — поднимая кубокъ и наклоняясь къ нему, съ видомъ сообщника, молвилъ другой сосѣдъ, алхимикъ Галеотто Сакробоско.—Ловко же вы ихъ, чортъ побери, на удочку поддѣли! Тончайшая аллегорія!

— Какая аллегорія?

— Ну, вотъ опять! Нехорошо, мессэре! Со мною-то ужъ, кажется, нечего хитрить. Слава Богу,—посвященные! Другъ друга не выдадимъ...

Старикъ лукаво подмигнулъ.

— Какая аллегорія, спрашиваете вы, а вотъ какая: суша—сѣра, солнце—соль, воды океана, покрывавшія нѣкогда вершины горъ,—ртуть, живая влага Меркурія. Что? Развѣ не такъ?

— Такъ, мессэръ Галеотто, именно такъ,—разсмѣялся Леонардо.—Вы удивительно вѣрно поняли мою аллегорію!

— Понялъ, видите. И мы, значитъ, кое-что разумѣемъ! А раковины окаменѣлыя—это и есть камень мудрецовъ,—великая тайна алхимиковъ, образуемая соединеніемъ солнца—соли, суши—сѣры и влаги Меркурія. Божественное превращеніе металловъ!

Поднявъ указательный палецъ и облѣзлыя брови, опаленныя огнемъ алхимическихъ горнъ, старикъ залился своимъ добрымъ, дѣтски-простодушнымъ смѣхомъ:

— А ученые-то наши, красные колпаки, такъ ничего и не поняли! Ну, выпьемте же за ваше здоровье, мессэръ Леонардо, и за процвѣтаніе матери нашей Алхиміи!

— Съ удовольствіемъ, мессэръ Галеотто. Я теперь вижу, что отъ васъ въ самомъ дѣлѣ не спрячешься, и даю слово, что впредь ужъ никогда не буду хитрить.

Послѣ ужина гости разошлись. Только маленькое, избранное общество герцогъ пригласилъ въ прохладный, уютный покой, куда принесли вина и плодовъ.

— Ахъ, прелесть, прелесть! — восхищалась донзелла Эрмелина.—Я бы никогда не повѣрила, что это такъ забавно. Признаться, думала—скука. А вѣдь вотъ, лучше всякихъ баловъ! Я съ удовольствіемъ каждый день присутствовала бы на такихъ ученыхъ поединкахъ. Какъ они разсердились на Леонардо, какъ закричали! Жаль, не дали ему кончить. Мнѣ такъ хотѣлось, чтобы онъ разсказалъ что-нибудь о своемъ колдовствѣ, о некромантіи.

— Не знаю, правда ли,—можетъ быть такъ только болтаютъ,— произнесъ одинъ старый вельможа, — будто бы Леонардо столь еретическія мнѣнія составилъ въ умѣ своемъ, что и въ Бога не вѣруетъ. Предавшись наукамъ естественнымъ, полагаетъ онъ, что куда лучше быть философомъ, чѣмъ христіаниномъ...

— Вздоръ,—рѣшилъ герцогъ.—Я его знаю. Золотое сердце. Храбрится только на словахъ, а на дѣлѣ блохи не обидитъ. Говорятъ—опасный человѣкъ. Помилуйте, нашли кого бояться! Отцы-инквизиторы могутъ кричать, сколько душѣ ихъ угодно.—я никому моего Леонардо въ обиду не дамъ.

— И потомство,—съ почтительнымъ поклономъ молвилъ Бальтазаре Кастильоне, изящный вельможа Урбинскаго двора, пріѣхавшій въ Миланъ,—потомство будетъ благодарно вашему высочеству за то, что вы сохранили столь необычайнаго, можно сказать, единственнаго въ мірѣ художника. А все-таки жаль, что онъ пренебрегаетъ искусствомъ, наполняя свой умъ такими странными мечтаніями, такими чудовищными химерами...

— Ваша правда, мессэръ Бальтазаре, — согласился Моро.— Сколько разъ говорилъ я ему: брось ты свою философію. Ну, да вѣдь знаете, такой ужъ народъ художники. Ничего не подѣлаешь. Съ нихъ и требовать нельзя. Чудаки!

— Совершенно вѣрно изволили выразиться, ваша свѣтлость,— подхватилъ другой вельможа, главный комиссаръ соляныхъ налоговъ, которому давно уже хотѣлось что-то разсказать о Леонардо,—именно чудаки! Такое, знаете ли, иной разъ выдумаютъ,

что только диву дашься. Прихожу я какъ-то намедни въ его мастерскую, — рисуночекъ нуженъ былъ аллегорическій для свадебнаго ящика. Что, говорю, мастеръ дома? — Нѣтъ, ушелъ, очень занятъ и заказовъ не принимаетъ. — А чѣмъ же, спрашиваю, занятъ? — Тяжесть воздуха измѣряетъ. — Я тогда подумалъ, — смѣются они надо мною. А потомъ встрѣчаю самого Леонардо.—Что правда, мессэре, будто вы тяжесть воздуха измѣряете?—Правда, говоритъ, и на меня же, какъ на дурака, посмотрѣлъ. Тяжесть воздуха! Какъ вамъ это нравится, мадонны? Сколько фунтовъ, сколько гранъ въ зефирѣ весеннемъ!

— Это еще что!—замѣтилъ молодой камерьере съ приличнымъ тупымъ и самодовольнымъ лицомъ.—А вотъ я слышалъ, онъ лодку такую изобрѣлъ, что противъ теченія ходитъ безъ веселъ.

— Безъ веселъ! Сама собою?..

— Да, на колесахъ, силою пара.

— Лодка на колесахъ! Должно быть, вы это только что сами придумали...

— Честью могу васъ увѣрить, мадонна Цецилія, я слышалъ отъ фра Лука Пачіоли, который видѣлъ рисунокъ машины. Леонардо полагаетъ, что въ парѣ такая сила, что можно ею двигать не только лодки, но и цѣлые корабли.

— Ну, вотъ, вотъ видите, я говорила,—это и есть черная магія, некромантія!—воскликнула донзелла Эрмеллина.

— Да ужъ чудакъ, чудакъ, нечего грѣха таить,—заключилъ герцогъ съ добродушною усмѣшкою.—А все-таки люблю я его. Съ нимъ весело. Никогда не соскучишься!

VIII.

Возвращаясь домой, Леонардо шелъ тихою улицей предмѣстья Верчельскихъ воротъ. По краямъ ея козы щипали траву. Загорѣлый мальчикъ въ лохмотьяхъ хворостиною гналъ стадо гусей. Вечеръ былъ ясный. Только на сѣверѣ, надъ невидимыми Альпами, громоздились тяжкія, точно каменныя, тучи, окаймленныя золотомъ, и между ними въ блѣдномъ небѣ горѣла одинокая звѣзда.

Вспоминая два поединка, которыхъ былъ онъ свидѣтелемъ,—поединокъ чуда во Флоренціи, поединокъ знанія въ Миланѣ, Леонарда думалъ о томъ, какъ они различны и вмѣстѣ съ тѣмъ похожи,—точно двойники.

На каменной лѣстницѣ, прилѣпленной снаружи къ ветхому домику, дѣвочка лѣтъ шести ѣла ржаную лепешку съ печеною луковицей.

Онъ остановился и поманилъ ее. Она посмотрѣла на него со страхомъ. Потомъ, видимо довѣрившись улыбкѣ его, сама улыб-

нулась и сошла, тихонько ступая коричневыми босыми ножками по ступенямъ, облитымъ кухонными помоями съ яичными и раковыми скорлупами. Онъ вынулъ изъ кармана тщательно завернутый въ бумагу, обсахаренный и позолоченный померанецъ, одно изъ тѣхъ лакомствъ, какія подавались при дворѣ. Часто бралъ онъ ихъ со стола и носилъ въ карманѣ, чтобы раздавать уличнымъ дѣтямъ во время прогулокъ.

— Золотой,—прошепелявила дѣвочка,—золотой мячикъ!

— Не мячикъ, а яблоко. Вотъ попробуй: внутри сладкое.

Не рѣшаясь отвѣдать, она разглядывала невиданное лакомство, съ безмолвнымъ восхищеніемъ.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ Леонардо.

— Майя.

— А знаешь ли, Майя, какъ пѣтухъ, козелъ и оселъ пошли рыбу ловить?

— Не знаю.

— Хочешь, разскажу?

Онъ гладилъ ее по спутаннымъ, мягкимъ волосамъ своею нѣжною, точно у молодой дѣвушки, длинною и тонкою рукою.

— Ну, пойдемъ, сядемъ. Постой-ка, были у меня еще анисовыя лепешечки. А то, я вижу, Майя, ты золотого яблочка не будешь ѣсть.

Онъ сталъ искать въ карманѣ.

На крыльцѣ показалась молодая женщина. Она посмотрѣла на Леонардо и Майю, кивнула привѣтливо головою и сѣла за прялку.

Вслѣдъ за нею вышла изъ дома сгорбленная старушка, съ такими же ясными глазами, какъ у Майи,—должно быть, бабушка.

Она тоже посмотрѣла на Леонардо и вдругъ, какъ будто узнавъ его, всплеснула руками, наклонилась къ пряхѣ и что-то сказала ей на ухо. Та вскочила и крикнула:

— Майя, Майя! Иди скорѣе!..

Дѣвочка медлила.

— Да ступай же, негодница! Вотъ погоди, ужо я тебя...

Испуганная Майя взбѣжала по лѣстницѣ. Бабушка вырвала у нея золотое яблочко и швырнула его черезъ стѣну на сосѣдній дворъ, гдѣ хрюкали свиньи. Дѣвочка заплакала. Но старуха что-то шепнула ей, указывая на Леонардо. Майя тотчасъ затихла и посмотрѣла на него широко открытыми глазами, полными безконечнаго ужаса.

Леонардо отвернулся, опустилъ голову и, молча, быстро пошелъ прочь.

Онъ понялъ, что старуха знала его въ лицо, слышала, будто бы онъ колдунъ, и подумала, что онъ можетъ сглазить Майю.

Онъ уходилъ отъ нихъ,—точно убѣгалъ, въ такомъ смущеніи, что продолжалъ искать въ карманѣ уже ненужныхъ анисовыхъ лепешекъ, улыбаясь растерянной, виноватою улыбкою.

Передъ этими испуганными, невинными глазами ребенка, онъ чувствовалъ себя болѣе одинокимъ, чѣмъ передъ толпою народа, желавшаго убить его, какъ безбожника, чѣмъ передъ собраніемъ ученыхъ, смѣявшихся надъ истиной, какъ надъ лепетомъ безумца; онъ чувствовалъ себя такимъ же далекимъ отъ людей, какъ одинокая вечерняя звѣзда въ безнадежно-ясномъ небѣ.

Вернувшись домой, вошелъ онъ въ рабочую комнату,—со своими пыльными книгами и научными приборами, она показалась ему мрачною, какъ тюрьма,—сѣлъ за столъ, зажегъ свѣчу, взялъ одну изъ тетрадей и погрузился въ недавно начатое изслѣдованіе законовъ движенія тѣлъ по наклоннымъ плоскостямъ.

Математика, также какъ музыка, имѣла власть успокаивать его. И въ этотъ вечеръ дала она сердцу его знакомую отраду.

Окончивъ вычисленіе, вынулъ онъ дневникъ изъ потайнаго ящика въ столѣ и лѣвою рукою, обратнымъ письмомъ, которое можно было прочесть только въ зеркалѣ, записалъ мысли, внушенныя ему поединкомъ ученыхъ:

„Книжники и словесники, ученики Аристотеля, вороны въ павлиньихъ перьяхъ, глашатаи и повторители чужихъ дѣлъ, презираютъ меня, изобрѣтателя. Но я могъ бы имъ отвѣтить, какъ Марій—римскимъ патриціямъ: украшаясь чужими дѣлами, не хотите вы оставить мнѣ плода моихъ собственныхъ.

„Между испытателями природы и подражателями древнихъ—такая же разница, какъ между предметомъ и его отраженіемъ въ зеркалѣ.

„Они думаютъ, что, не будучи словесникомъ—litteratto, подобно имъ, я не имѣю права писать и говорить о наукѣ, ибо не могу выражать моихъ мыслей, какъ должно. Они не знаютъ, что сила моя не въ словахъ, а въ опытѣ, учителѣ всѣхъ, кто хорошо писалъ.

„Не желая и не умѣя, какъ они, ссылаться на книги древнихъ, я сошлюсь на то, что правдивѣе книгъ,—на опытъ, учителя всѣхъ учителей".

Свѣча горѣла тускло. Единственный другъ безсонныхъ ночей его, котъ, вскочивъ на столъ, равнодушно ласкался, мурлыкая. Одинокая звѣзда сквозь стекла пыльныхъ оконъ казалась теперь еще дальше, еще безнадежнѣе. Онъ взглянулъ на нее, вспомнилъ глаза Майи, устремленные на него съ безконечнымъ ужасомъ,—но не опечалился. Онъ снова былъ ясенъ и твердъ въ своемъ одиночествѣ.

Только въ сокровенной глубинѣ его сердца, которой онъ самъ

не зналъ, какъ теплый ключъ подъ корою льда на днѣ замерзшей рѣки, кипѣла непонятная горечь, подобная угрызенію, точно въ самомъ дѣлѣ онъ въ чемъ то виноватъ былъ передъ Майей,— хотѣлъ себя простить и не могъ.

IX.

На слѣдующее утро собирался Леонардо въ монастырь делле Граціе для работы надъ ликомъ Господнимъ.

Механикъ Астро ждалъ его на крыльцѣ съ тетрадями, кистями и ящиками красокъ. Выйдя на дворъ, художникъ увидѣлъ конюха Настаджіо, который, стоя подъ навѣсомъ, усердно чистилъ скребницею сѣрую въ яблокахъ кобылу.

— Что Джьяннино?—спросилъ Леонардо.

Джьяннино было имя одной изъ его любимыхъ лошадей.

— Ничего,—небрежно отвѣтилъ конюхъ.—Пѣгій хромаетъ.

— Пѣгій!—съ досадой произнесъ Леонардо.—Давно ли?

— Четвертый день.

Не глядя на хозяина, молча и сердито продолжалъ Настаджіо тереть задъ лошади, съ такою силою, что она переминалась съ ноги на ногу.

Леонардо пожелалъ видѣть пѣгаго. Настаджіо повелъ его въ конюшни.

Когда Джіованни Бельтраффіо вышелъ на дворъ, чтобы умыться свѣжею водою изъ колодца, онъ услыхалъ пронзительный, визгливый, точно женскій голосъ, какимъ Леонардо кричалъ въ тѣхъ припадкахъ мгновеннаго, сильнаго, но никому не страшнаго гнѣва, которые иногда бывали у него.

— Кто, кто, говори, болванъ, пьяная твоя рожа, кто просилъ тебя лошадей лѣчить у коновала?

— Помилуйте, мессэре, развѣ можно больной лошади не лѣчить?

— Лѣчить! Ты думаешь, ослиная твоя голова, этимъ вонючимъ снадобьемъ...

— Не снадобьемъ, а слово есть такое,—заговоръ. Вы этого дѣла не разумѣете,—оттого и сердитесь.

— Убирайся ты къ чорту со своими заговорами! Ну, куда ему, неучу, живодеру, лѣчить, когда онъ о строеніи тѣла, объ анатоміи не слыхивалъ?

Настаджіо поднялъ свои заплывшіе лѣнивые глаза, посмотрѣлъ исподлобья на хозяина и молвилъ съ видомъ безконечнаго презрѣнія:

— Анатомія!

— Негодяй!.. Вонъ, вонъ изъ дому моего!..

Конюхъ и бровью не повелъ. По давнему опыту зналъ онъ, что, когда вспышка минутнаго гнѣва пройдетъ, хозяинъ будетъ заискивать въ немъ, только бы онъ остался,—ибо цѣнилъ въ немъ великаго знатока и любителя лошадей.

— Я и то хотѣлъ просить разсчета, — проговорилъ Настаджіо.—Три мѣсяца жалованія за вашею милостью. А что касается сѣна,—вины моей нѣтъ. Марко на овесъ денегъ не выдаетъ.

— Это еще что такое? Какъ онъ смѣетъ не давать, когда я велѣлъ...

Конюхъ пожалъ плечами, отвернулся, показывая, что не желаетъ болѣе разговаривать, дѣловито крякнулъ и снова принялся чистить лошадь, съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ выместить на ней свою злобу.

Джіованни слушалъ, съ любопытно-веселой улыбкой, вытирая полотенцемъ лицо, красное отъ холодной воды.

— Ну что же, мастеръ? Пойдемъ, что ли?—спросилъ Астро, которому надоѣло ждать.

— Погоди,—молвилъ Леонардо,—я долженъ спросить Марко объ овсѣ. Правду ли говоритъ этотъ мошенникъ...

Онъ вошелъ въ домъ. Джіованни послѣдовалъ за нимъ.

Марко работалъ въ мастерской. Какъ всегда, исполняя правила учителя съ математическою точностью, отмѣривалъ онъ черную краску для тѣней крохотной, свинцовою ложечкой, то и дѣло, справляясь съ бумажкой, исписанной цифрами. Капли пота выступали на лбу его. Жилы вздулись на шеѣ. Онъ тяжело дышалъ точно вскатывалъ камень на гору. Крѣпко сжатыя губы, сгорбленная спина, упрямо торчавшій рыжій хохолъ и красныя руки, съ корявыми, толстыми пальцами, какъ будто говорили: терпѣніе и трудъ все перетрутъ.

— Ахъ, мессэръ Леонардо, вы еще не ушли. Пожалуйста, не можете ли провѣрить это вычисленіе? Я, кажется, запутался...

— Хорошо, Марко. Потомъ. А я вотъ о чемъ хотѣлъ тебя спросить. Правда ли, что ты денегъ не выдаешь на овесъ лошадямъ?

— Не выдаю.

— Какъ же такъ, другъ мой? Вѣдь я говорилъ тебѣ,—продолжалъ художникъ, все болѣе робкимъ и нерѣшительнымъ взоромъ поглядывая на строгое лицо домоправителя, — я говорилъ тебѣ, Марко, непремѣнно выдавай на овесъ лошадямъ. Развѣ ты не помнишь...

— Помню. Да денегъ нѣтъ.

— Ну вотъ, вотъ, я такъ и зналъ,—опять денегъ нѣтъ! Помилуй, Марко, самъ посуди, развѣ могутъ быть лошади безъ овса?..

Марко ничего не отвѣтилъ, только сердито отбросилъ кисть.

Джіованни слѣдилъ, какъ измѣнялись выраженія ихъ лицъ: теперь учитель похожъ былъ на ученика, ученикъ на учителя:

— Послушайте, мастеръ,—произнесъ Марко,—вы меня просили, чтобы я взялъ на себя хозяйство и не безпокоилъ васъ. Зачѣмъ же вы теперь сами снова начинаете объ этомъ?

— Марко!—съ упрекомъ воскликнулъ Леонардо.—Марко, да вѣдь я еще на прошлой недѣлѣ, далъ тебѣ тридцать флориновъ.

— Тридцать флориновъ! Изъ нихъ, считайте-ка,—четыре въ долгъ Пачіоли, два этому попрошайкѣ, Галеотто Сакробоско, пять палачу, который трупы съ висѣлицъ воруетъ для вашей анатоміи, три на починку стеколъ да печей въ теплицѣ, гдѣ у васъ гады и рыбы, цѣлыхъ шесть золотыхъ дукатовъ за этого дьявола полосатаго...

— Ты хочешь сказать,—за жирафа.

— Ну, да, за жирафа. Самимъ ѣсть нечего, а эту проклятую тварь откармливаемъ! И вѣдь все равно, что̀ вы съ нимъ не дѣлайте, подохнетъ...

— Ничего, Марко, пусть подохнетъ,—кротко замѣтилъ Леонардо,—я его анатомировать буду. Шейные позвонки у него любопытные...

— Шейные позвонки! Эхъ, мастеръ, мастеръ, если бы не всѣ эти прихоти,—лошади, трупы, жирафы, рыбы и прочія гады,—жили бы мы припѣваючи, никому не кланялись. Не лучше ли кусокъ насущнаго хлѣба?..

— Насущный хлѣбъ! Да какъ будто я чего-нибудь требую для себя, кромѣ насущнаго хлѣба. Впрочемъ, я знаю, Марко, ты бы очень радъ былъ, если бы подохли всѣ мои животныя, которыхъ я, съ такимъ трудомъ, за такія деньги, пріобрѣтаю, которыя мнѣ такъ необходимы, что ты себѣ и вообразить не можешь. Тебѣ бы только на своемъ поставить...

Безпомощная обида зазвучала въ голосѣ учителя.

Марко угрюмо молчалъ, потупивъ глаза.

— И что же это такое? — продолжалъ Леонардо. — Что, говорю я, будетъ съ нами, Марко? Овса нѣтъ! Шутка ли сказать? Вотъ до чего дошло! Никогда еще съ нами такого не бывало!..

— Всегда было и будетъ,—возразилъ Марко.—И чего вы хотите? Вотъ уже болѣе года, какъ мы ни гроша отъ герцога не получаемъ. Амброджіо Феррари каждый день вамъ обѣщаетъ, завтра да завтра, а видно только смѣется...

— Смѣется! —воскликнулъ Леонардо.—Ну нѣтъ, погоди, я ему покажу, какъ надо мною смѣяться. Я герцогу пожалуюсь,—вотъ что! Я этого мерзавца Амброджіо въ бараній рогъ сверну, да пошлетъ ему Господь злую пасху!

Марко только рукой махнулъ, какъ бы желая сказать, что

ужъ, если кто кого свернетъ въ бараній рогъ, то, конечно, не Леонардо герцогскаго казначея.

— Бросьте, учитель, бросьте, право,—молвилъ онъ, и вдругъ въ жесткихъ, угловатыхъ чертахъ лица его мелькнуло выраженіе доброе, нѣжное и покровительственное.—Богъ милостивъ,—какъ-нибудь проживемъ. Если ужъ вы непремѣнно хотите,—ну, я, пожалуй, устрою, чтобы и на овесъ лошадямъ хватало...

Онъ зналъ, что для этого ему придется брать часть собственныхъ денегъ, которыя посылалъ онъ своей больной старухѣ матери.

— Какой тутъ овесъ,—воскликнулъ Леонардо и въ изнеможеніи опустился на стулъ.

Глаза его замигали, сузились, какъ отъ сильнаго, холоднаго вѣтра.

— Послушай, Марко. Я вѣдь тебѣ еще объ этомъ не говорилъ. Мнѣ въ будущемъ мѣсяцѣ непремѣнно нужно восемьдесятъ дукатовъ, потому что я,—видишь ли?—я занялъ... Э, да не смотри ты на меня такими глазами...

— У кого вы-заняли?

— У мѣнялы Арнольдо...

Марко отчаянно всплеснулъ руками. Рыжій хохолъ его такъ и затрясся.

— У мѣнялы Арнольдо! Ну, поздравляю, нечего сказать,—удружили! Да знаете ли вы, что это такая бестія, что хуже всякаго жида и мавра. Креста на немъ нѣтъ. Ахъ, учитель, учитель, что вы надѣлали! И какъ же вы мнѣ не сказали?..

Леонардо опустилъ голову.

— Деньги, Марко, до зарѣзу нужны были. Ужъ ты на меня не сердись...

И немного помолчавъ, онъ прибавилъ, съ боязливымъ и жалобнымъ видомъ:

— Принеси-ка счеты, Марко. Можетъ быть что-нибудь и придумаемъ.

Марко былъ убѣжденъ, что ничего они не придумаютъ, но такъ какъ иначе нельзя было успокоить учителя, какъ истощивъ до конца его внезапную и мимолетную тревогу, покорно пошелъ за счетами.

Увидавъ ихъ издали, Леонардо, болѣзненно сморщился и, съ такимъ выраженіемъ, взглянулъ на знакомую толстую книгу въ зеленомъ переплетѣ, съ какимъ человѣкъ смотритъ на собственную зіяющую рану.

Они погрузились въ вычисленія, въ которыхъ великій математикъ дѣлалъ ошибки въ сложеніи и вычитаніи. Порою вдругъ вспоминалъ онъ о потерянномъ счетѣ нѣсколькихъ тысячъ дука-

товъ, искалъ его, рылся въ шкатулкахъ, ящикахъ, пыльныхъ кипахъ бумагъ, но, вмѣсто того, находилъ ненужные, грошовые, старательно, собственною рукою переписанные, счеты, напримѣръ за плащъ Салаино:

Серебряной парчи.	15	лиръ	4 сольда.
Алаго бархата на отдѣлку. . . .	9	„	— „
Шнурковъ.	—	„	9 сольдовъ.
Пуговицъ.	—	„	12 „

Злобно рвалъ онъ ихъ и бросалъ клочки подъ столъ, ругаясь.

Джіованни наблюдалъ за выраженіемъ человѣческой слабости въ лицѣ учителя и, вспоминая слова одного изъ поклонниковъ Леонардо: „новый богъ Гермесъ Трисмегистъ соединился въ немъ съ новымъ титаномъ Прометеемъ“,—думалъ съ улыбкою:

„Вотъ онъ,—не богъ, не титанъ, а такой же, какъ всѣ—человѣкъ. И чего я боялся его? О, бѣдный, милый!..“

Д. С. Мережковскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЕСТЬ ЛИ ПОЭТЫ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНІИ?

I.

Свѣдѣнія иностранцевъ о нѣмецкой поэзіи большею частью сразу обрываются на серединѣ столѣтія. Подъемъ лирическаго чувства, обусловленный политическимъ движеніемъ 40-хъ годовъ, исчезаетъ послѣ мартовскихъ дней 1848 года. Страстные, протестующіе голоса Гервега, Фрейлиграта, Мейснера, Морица Гартмана и столькихъ другихъ внезапно замолкаютъ, какъ соловьи въ началѣ іюля, послѣ того какъ птенцы вылупятся изъ яицъ, и послѣ бури водворяется надолго такая тишина, что даже насмѣшливому Гейне, прикованному болѣзнью къ постели въ далекомъ Парижѣ, становится жутко.

Не то, чтобы стихотворная продуктивность нѣмцевъ изсякла,—напротивъ, никогда, кажется, не печаталось такъ много стиховъ, какъ въ 50-хъ годахъ въ Германіи, но иныя времена вызываютъ иныя пѣсни. Воинственные Тиртеи, одни въ эмиграціи, другіе еще въ тюрьмахъ, третьи забытые въ какомъ-нибудь родномъ закоулкѣ, уныло молчатъ, разочарованные контрастомъ между своими пылкими мечтами и мизерными результатами, къ какимъ ихъ свела дѣйствительность. Зато какая масса идиллій, сказокъ, оріентальной дидактики и эпическихъ поэмъ! На сцену выступаютъ Редвицъ, Боденштедтъ, Роденбергъ, Шеферъ, Шеффель, Юліусъ Штурмъ, Теодоръ Штормъ и безконечное множество другихъ стихотворцевъ, между которыми, несомнѣнно, есть почтенные и не лишенные дарованія писатели, но нѣтъ ни одного, который могъ бы увлечь читателей могучею идеею, смѣлостью поэтическаго замысла или даже просто талантомъ художественной реализаціи.

Мало-по-малу создается та поэзія эпигоновъ, которая вся живетъ образами и формами прошлаго и набиваетъ читателю оскомину прѣсными перепѣвами давно затверженныхъ мотивовъ. «Быть можетъ ни въ одной отрасли литературы такъ не сильна традиція, какъ въ лирикѣ,—говоритъ по поводу того же періода одинъ историкъ нѣмецкой поэзіи *).—Въ ней существуютъ традиціонные размѣры и риѳмы, традиціонный ритмъ, традиціонныя выраженія и болѣе сложныя группы словъ, традиціонный

*) *Dr. Alexander Tille.* «Deutsche Lyrik von heute und morgen». Leipzig. 1896.

стиль, традиціонные мотивы, традиціонныя настроенія, мысли и воззрѣнія и даже цѣлые традиціонные стихи». Если бы у кого-нибудь хватило терпѣнія разложить нѣмецкую поэзію 1850—1880 гг. на простѣйшіе элементы, какъ это сдѣлано проф. Рихардомъ Мейеромъ относительно средневѣковой нѣмецкой лирики, то результаты, несомнѣнно, обнаружились бы не менѣе краснорѣчивые: всю массу стихотворнаго матеріала, навѣрное, можно было бы свести къ опредѣленному числу неизмѣняемыхъ наслѣдственныхъ формулъ, и все искусство авторовъ сказалось бы лишь въ болѣе или менѣе удачной комбинаціи этихъ формулъ. «Любовь и природа (и еще Богъ, по мнѣнію Гейбеля),—говоритъ далѣе тотъ же изслѣдователь,—составляютъ будто бы единственные предметы лирики; вотъ причина, почему серьезные люди такъ часто подозрительно качаютъ головой, видя сборникъ лирическихъ стихотвореній».

Другой критикъ еще выразительнѣе изображаетъ отношеніе своихъ соотечественниковъ къ поэзіи: «Кто знаетъ? Быть можетъ, уже недалеко то время, когда нѣмецъ будетъ опять читать лирическіе стихи не только собственнаго сочиненія. Теперь, какъ извѣстно, онъ этого изъ принципа не дѣлаетъ. Никакія увѣщанія не помогаютъ» *). Эта трафаретная поэзія порождала въ свое время массу каррикатуръ и пародій. Длинноволосый поэтъ въ экстазѣ передъ луной сталъ любимой фигурой юмористическихъ журналовъ.

По тонкой ироніи и по хорошенькимъ гравюрамъ нынѣ прославленнаго художника Макса Клингера, до сихъ поръ не потерялъ живого интереса маленькій анонимный сборникъ пародій **), своего рода нѣмецкій Кузьма Прутковъ, гдѣ безъ малѣйшаго шаржа даются «образцы» этой лунной, розо-лилейной, нѣжно-скорбной лирики. На обложкѣ на крошечной гравюрѣ соединены всѣ ингредіенты этого рода литературы: амуръ пристально смотритъ на заходящее солнце, плакучая ива, надъ которой порхаетъ соловей, наклоняется къ алтарю Аполлона, гдѣ возлежатъ эмблемы вѣры, надежды и любви, у подножія алтаря среди розъ гнѣздышко съ цѣлующимися голубками. Тутъ есть *Лорелея № 366*: когда-то она пѣла о смерти на полѣ брани и о кровавой мести,—рыбаки со страху разбивали свои лодки объ утесъ; теперь, когда она сердцемъ и душой принадлежитъ молодому поэту Weltschmerz, ея пѣніе все еще ужасно, но уже никому не стоитъ жизни. Есть стихотвореніе объ облакахъ, звѣздахъ и загадкѣ жизни, которое имѣетъ то преимущество, какъ говорится въ примѣчаніи, что можетъ быть присоединено къ любому клише, гравюрѣ и т. п. безъ всякаго вреда для нихъ, поэтому очень удобно для иллюстрированныхъ недѣльныхъ журналовъ и рождественской литературы. Есть пѣсня *Къ звѣздамъ*, вся состоящая изъ пере-

*) *J. E. Freiherr v. Grotthuss.* «Probleme und Charakterköpfe». Stuttgardt. 1898. «Moderne deutsche Lyrik».

**) «Blüthen aus dem Treibhause der Lyrik. Eine Mustersammlung». 3-е изданіе. Leipzig. 1882.

становки словъ въ трехъ предложеніяхъ: «Какъ вы далеки звѣзды... Ея глаза полны жестокости... Она меня никогда не любила», съ эпиграфомъ изъ Бомарше, примѣнимымъ ко всей лирикѣ того времени: то, что не стоитъ быть сказаннымъ, теперь поется.

Крупныя историческія событія, датская, австрійская и даже французская война, не вызвали никакого подъема въ лирической поэзіи, несмотря на то, что патріотически воинственныхъ стихотвореній появилось огромное количество. Вертъ, Седанъ и Метцъ не породили новаго Кёрнера, хотя всѣми чувствовалось, что хорошо бы было, если бы кто-нибудь сумѣлъ опоэтизировать расходившійся прусскій кулакъ. Всѣ именитые поэты, между ними ветеранъ 48 года Фрейлигратъ, изо всѣхъ силъ старались сказать что-нибудь значительное, но всѣ потерпѣли фіаско, такъ что въ качествѣ военнаго гимна въ 1870 г. пришлось утилизировать стихотвореніе, написанное тридцать лѣтъ назадъ *(Die Wacht am Rhein)*. Почему же освободительная война 1813 г. такъ плодотворно повліяла на поэзію, а войны 1864, 1866 и 1870 гг. дали пищу только казенному пафосу? Потому, что та борьба съ поработителями была общенароднымъ дѣломъ, тогда какъ завоевательныя войны второй половины XIX вѣка были чужды народному сознанію: онѣ подготовлялись и рѣшались въ дипломатическихъ кабинетахъ такими единичными личностями, какъ Бисмаркъ *), въ интересахъ отдѣльныхъ слоевъ населенія, не особенно численныхъ и вовсе не склонныхъ къ лирическимъ чувствамъ. Люди, которые имѣли основаніе радоваться разгрому Франціи, объединенію Германіи и огромной военной контрибуціи, не писали стиховъ, а основывали акціонерныя компаніи, строили фабрики и желѣзныя дороги, играли на биржѣ, разоряли другихъ и сами разорялись. Когда же, весьма скоро, достаточно значительная часть народа испытала на себѣ тяжелыя послѣдствія «великой эпохи» грюндерства, тогда только она стала отзываться и на сознаніи массъ, но уже въ видѣ реакціи противъ радужныхъ настроеній перваго момента. Тогда только зашевелилась и литература, но въ ней слышались уже не побѣдные оды, а глубокій пессимизмъ и разочарованіе. Центръ интереса для молодаго поколѣнія писателей заключался уже не въ культивированіи прилизаннаго идеализма, какъ въ 50 хъ и 60-хъ годахъ, не въ тщеславномъ возвеличеніи кровавыхъ подвиговъ, какъ въ 70-хъ годахъ, а въ обострившихся экономическихъ контрастахъ между отдѣльными слоями народа. «Искусство понемногу перестаетъ быть спортомъ высшихъ круговъ общества... оно дѣлается снова національною принадлежностью» **). Нѣмецкая литература оставляетъ патріотически-самодовольный тонъ и становится вновь протестующей и демократической, какъ до 48 года. Съ этого времени она опять пріобрѣтаетъ право на общеевропейскій интересъ.

*) *Karl Busse.* «Neuere deutsche Lyrik». Halle (1895).

**) *Rich. M. Meyer.* «Die deutsche Litteratur des XIX Jahrhunderts». Berlin. 1900.

Обновленіе нѣмецкой литературы шло весьма быстро. Съ прямолинейностью неофитовъ и съ нѣмецкимъ упорствомъ взялись нѣсколько молодыхъ литераторовъ за реформу журналистики, романа, сценическаго искусства въ духѣ послѣдняго слова современности, котораго они искали повсюду—у западныхъ, восточныхъ и сѣверныхъ сосѣдей. Ихъ рвеніе и вѣра въ свои силы въ значительной степени оправдались: уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ первыхъ нетвердыхъ попытокъ они могли съ гордостью указать на цѣлый рядъ художественныхъ произведеній, преимущественно драмъ, подобныхъ которымъ давно не видѣло нѣмецкое искусство. Но нельзя отрицать все-таки, что большинство реформаторовъ были болѣе публицисты, чѣмъ художники. Они ставили себѣ прекрасныя цѣли, исходили изъ здоровыхъ эстетическихъ и общественныхъ принциповъ, безжалостно заглушали въ себѣ невольныя колебанія въ выборѣ пути, но головная работа на первыхъ порахъ слишкомъ часто перевѣшивала творческую силу.

Цитированный уже выше историкъ нѣмецкой лирики *) справедливо видитъ аналогію между этикой и эстетикой. Указавъ на то, что логическія понятія развиваются гораздо скорѣе, чѣмъ чувства, онъ считаетъ доказаннымъ, что въ области этики новоприобрѣтенныя понятія только тогда начинаютъ вліять на поступки человѣка, когда они станутъ въ опредѣленное отношеніе къ его чувствованіямъ. До тѣхъ поръ они остаются лишь выводами мышленія, опираются на извѣстныя доказательства, но еще не вполнѣ слились съ его міровоззрѣніемъ. То же самое имѣетъ мѣсто и въ творческомъ процессѣ. Пока извѣстныя представленія являются только выводами разсудка, звеньями логической системы, пока чувствованія даннаго субъекта не перевоспитаются такъ, что будутъ составлять одно цѣлое съ продуктами мышленія, до тѣхъ поръ онъ не сумѣетъ дать своимъ мыслямъ непринужденной художественной формы. Молодой поэтъ, герой одной изъ драмъ новаго направленія («Агнесса Іорданъ» Гиршфельда) ясно чувствуетъ свое безсиліе опоэтизировать свои молодыя стремленія: «я хотѣлъ бы создать теперь другую пѣсню, новую пѣсню, пѣсню юности. Я хотѣлъ бы имъ сказать, какъ я молодъ—сильную пѣсню... О, этого не будетъ. Никогда! Во мнѣ буря, а пѣсенъ нѣтъ». Этимъ недугомъ, разладомъ между сознаніемъ и творчествомъ страдало, повидимому, цѣлое поколѣніе нѣмецкихъ поэтовъ. Любопытно, что весьма многіе изъ нихъ отдаютъ свои силы не только поэтической дѣятельности, но также литературной критикѣ и публицистикѣ, и ихъ теоретическія соображенія и критическій вкусъ нерѣдко сильнѣе, чѣмъ ихъ собственная лирика. Послѣдняя всегда ясно обнаруживаетъ, чего хочетъ поэтъ, но часто и то, чего онъ не можетъ.

Одинъ изъ первыхъ піонеровъ новаго направленія, далеко не бездарный Арно Гольцъ, романистъ, поэтъ и теоретикъ «послѣдовательнаго

*) Al. Tille.

натурализма», въ четырехъ не особенно поэтическахъ стихахъ излагаетъ «программу», которой отъ души желали бы слѣдовать всѣ его собратья: «поэтъ долженъ быть—не назадъ оглядывающимся пророкомъ, ослѣпленнымъ неосязательными мечтами («Idole»),—онъ долженъ быть современнымъ отъ маковки до подошвъ». Мысль, сама по себѣ, вполнѣ правильная. Лишь тотъ писатель пріобрѣтетъ роль властителя думъ, который способенъ отзываться на жизненные запросы современнаго ему общества. Но никто не можетъ нарочно сдѣлаться современнымъ, чтобы занять мѣсто руководителя общественнаго сознанія. Недостаточно присоединиться къ самому прогрессивному теченію, какъ бы ни было искренно это присоединеніе, чтобы стать на высоту задачъ современности,—нужно родиться съ способностью самостоятельно рѣшить эти «проклятыя» задачи. Будетъ ли это рѣшеніе въ согласіи съ тѣмъ, что въ данный моментъ считается послѣднимъ словомъ истины, или оно должно для своего оправданія разсчитывать на будущее, это не должно составлять вопроса. Тотъ не поэтъ и не художникъ вообще, кто высказываетъ лишь то, что онъ считаетъ полезнымъ. Говори то, что тебѣ хочется, что у тебя есть потребность высказать, и если это окажется именно то, что полезно, это и будетъ значить, что ты настоящій художникъ. Другой пробы нѣтъ.

Цѣлая группа молодыхъ поэтовъ, выступившихъ почти одновременно въ 80-хъ годахъ, руководствуясь искреннимъ чувствомъ своего долга передъ обществомъ, примкнула къ рабочему движенію и всецѣло посвятила свою дѣятельность гуманной идеѣ моральнаго заступничества за угнетеннаго низшаго брата. Наиболѣе видные изъ нихъ, Газенклеверъ, Карлъ Генкель и Бруно Вилле, составили себѣ имя въ литературномъ мірѣ. Но интересенъ вопросъ, насколько ихъ стихи пріобрѣли популярность именно въ той средѣ, для которой и ради которой они писались. По свидѣтельству лицъ, стоящихъ въ непосредственной близости къ германскимъ рабочимъ, именно въ рабочей средѣ эти писатели совсѣмъ не пріобрѣли широкаго круга читателей. Надо думать что если когда-нибудь явится истинный пѣвецъ рабочихъ массъ, какъ нѣкогда Беранже былъ пѣвцомъ парижской улицы, а Бернсъ—пѣвцомъ шотландскихъ земледѣльцевъ, то онъ будетъ самъ дитя и воспитанникъ фабрики, будетъ пѣть о томъ, что ему нравится и что не нравится, и не будетъ заботиться о томъ, насколько его пѣсни современны.

Одинъ изъ названныхъ выше писателей Бруно Вилле, поэтъ, критикъ и философъ-публицистъ (ему принадлежитъ довольно обширное, но не особенно глубокое разсужденіе *Philosopie der Befreiung durch das reine Mittel*. Berlin. 1894) представляетъ очень наглядный примѣръ того, какъ писатели этого поколѣнія становились «современными». Его сборникъ стиховъ (*Einsiedler und Genosse*. Berlin. 1894) дѣлится на двѣ части: по его собственному разъясненію, первая состоитъ изъ стиховъ, написанныхъ въ деревнѣ, на лонѣ природы, гдѣ онъ провелъ

ность отшельникомъ (Einsiedler), чуждаясь безобразія и злобы, которыми, по его мнѣнію, полна жизнь людскаго общества; другая часть стихотвореній возникла въ Берлинѣ, гдѣ жизнь большого города поставила передъ поэтомъ соціальныя проблемы и открыла ему его общественный долгъ,—поэтъ сдѣлался членомъ общества (Genosse) и отнынѣ его интересуютъ только соціальные сюжеты. Одинъ критикъ поэтическихъ произведеній Вилле говоритъ: «имѣть опредѣленно окрашенное міросозерцаніе—это право, даже обязанность поэта» *). Мы не станемъ съ нимъ спорить по этому предмету, но трудно все-таки себѣ представить, чтобы личность поэта могла вдругъ настолько рѣзко измѣниться по переѣздѣ въ городъ, что его, какъ автора, уже нельзя узнать. Не только сюжеты и настроеніе, но даже стиль и версификація—все иное въ двухъ различныхъ частяхъ сборника. Психологія человѣка не экранъ волшебнаго фонаря, безразлично отражающій всякую картинку, которую въ него вставятъ. Вѣрнѣе сказать, что авторъ въ данномъ случаѣ и не вкладываетъ въ свои стихи свою психологію; его лирика не отражаетъ тѣхъ впечатлѣній и процессовъ, которые переживаетъ его психика, а лишь выражаетъ въ стихотворной формѣ тѣ мысли, которыя онъ считаетъ нужнымъ предать публичности. Это, собственно говоря, не лирика, а стихотворныя упражненія на заданную тему.

Такой рефлективный публицистическій характеръ лирики очень часто встрѣчается въ началѣ сильныхъ общественныхъ движеній. Впослѣдствіи, когда жизнь уляжется въ извѣстныя опредѣленныя теченія, когда каждому участнику умственнаго подъема не приходится считаться со спорностью каждаго новаго понятія, тогда и поэтъ, сынъ своего времени, спокойнѣе и непосредственнѣе отдается импульсамъ своего чувства. Въ 80-е годы въ Германіи, въ періодъ переоцѣнки всѣхъ духовныхъ силъ, регулирующихъ процессы общественной жизни, наивная поэзія могла родиться только вдали отъ той среды, въ которой шелъ страстный бой за новые идеи. Далѣе намъ предстоитъ еще говорить о представителяхъ этой наивной поэзіи, теперь же остановимся еще на одномъ изъ боевыхъ писателей, который, по нашему мнѣнію, еще характернѣе для этой эпохи броженія, чѣмъ Бруно Вилле и другіе соціалистически настроенные поэты.

II.

Джонъ-Генри Макай **) также, какъ Арно Гольцъ, ставитъ поэту требованіе быть современнымъ: «будь пророкомъ своего времени! —

*) *Ernst Seiffarth* «Der Lyriker Bruno Wille», (Freie Bühne, II.).

**) Родился въ 1864 г. въ Шотландіи, но съ ранняго дѣтства жилъ въ Германіи, штудировалъ въ Килѣ, Лейпцигѣ и Берлинѣ философію, исторію литературы и искусства, много путешествовалъ по Европѣ и Америкѣ, въ юности занимался книжной торговлей, въ настоящее время отдался исключительно литературной дѣятельности.

взываетъ онъ къ нему. — Стой въ стальномъ шлемѣ въ бою; гдѣ онъ сильнѣе бушуетъ, тамъ твое мѣсто, — пусть тебя не признаютъ и ненавидятъ!» Прежде всего, онъ видитъ цѣль боя въ разрушеніи лживыхъ идей, которыми опутано человѣчество, хотя онъ сознаетъ, что правильный взглядъ на міръ представляетъ его далеко не въ розовомъ цвѣтѣ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ разрушать обманчивыя представленія людей?.. Оставь ихъ въ покоѣ! Толпа должна слѣпо слѣдовать миражамъ и если мы сегодня разобьемъ въ куски ея идола, завтра, навѣрное, будетъ сдѣланъ другой, къ которому она прилѣпится! Нѣтъ,

Джонъ Генри Макай

по моему, не такъ, думаетъ поэтъ; какъ будто возражая на извѣстные стихи Пушкина, онъ говоритъ:

Ужасная правда
Сто тысячъ разъ лучше,
Чѣмъ сладкая ложь!

При свѣтѣ этой печальной истины жизнь представляется поэту невыносимой. «Пламенной ненавистью ненавижу я жизнь, страшную жизнь!.. Я не могу иначе! Куда ни взгляну я, вездѣ безпросвѣтное несчастье, безнадежныя битвы, дикое отчаяніе. Все разлетается прахомъ въ моментъ достиженья, все гибнетъ на полупути!.. Какъ все жалко! И при этомъ какъ титанически напряжены силы! Развѣ это не тѣ люди, которые тысячелѣтіями въ отчаянной борьбѣ взбирались ступень за ступенью наверхъ? Возвысились отъ животнаго до мыслящаго человѣка и взбираются все дальше и дальше вверхъ?.. Что такое жизнь? Ты вступаешь въ нее, доставляя страданія, и оставляешь ее, доставляя страданья? А что лежитъ между этими предѣлами? Вѣчно тебя стере-

жетъ смерть и безчисленныя болѣзни и никогда не прекращающаяся путаница и отвратительный позоръ,—вотъ какова та полоска, которую ты называешь жизнью. Я называю это умираніемъ! Ибо сіяніе солнца, играющее вокругъ тебя въ хорошіе часы, дѣлаетъ еще мрачнѣе наступающую потомъ тьму!.. Я ненавижу жизнь! Ибо я долженъ смотрѣть, какъ тысячи тысячъ день за днемъ мучительно трудятся всѣми своими жилами... И изъ-за чего? Да, изъ-за чего? Изъ-за жалкаго хлѣба! Изъ-за куска хлѣба, чтобы еще подольше противостоять смерти!.. Мы всѣ лжемъ, но больше всѣхъ лжетъ тотъ, кто еще старается это скрыть отъ самого себя въ нагломъ довольствѣ!.. Остается одинъ выходъ—смерть. Есть ли человѣкъ на землѣ, который бы, усталый и затравленный, не стремился къ ней пламеннымъ желаніемъ?.. Блаженный конецъ!.. Ибо если смерть еще не конецъ... Что тогда? Что тогда?..»

Мы не знаемъ, имѣетъ ли этотъ страстный пессимизмъ какія-нибудь личныя основы, но мы въ правѣ сблизить его съ общимъ настроеніемъ нѣмецкой интеллигенціи конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Это былъ моментъ, когда философія Шопенгауэра внезапно помолодѣла на нѣсколько десятковъ лѣтъ и получила всеобщее распространеніе, когда съ жадностью стали прислушиваться къ голосу «великаго писателя земли русской», который въ своей *исповѣди*, въ сущности, тѣми же чертами изображалъ «ужасную жизнь» и ставилъ тѣ же неразрѣшимые вопросы: «Что тогда? Что тогда?» Если въ этой общераспространенности новой міровой скорби и было кое-что подозрительное, если она часто дѣйствовала просто, какъ эпидемія, а иногда, еще проще, прикрывала лѣность мысли и довольство своимъ привилегированнымъ положеніемъ, то въ данномъ случаѣ за искренность молодого поэта говоритъ неподкупное свидѣтельство: художественная сила его радикальной критики. Что это не вспышка мимолетнаго настроенія, доказываетъ вся дальнѣйшая дѣятельность Макая. Его лирика проникнута безнадежностью также, какъ и его эпическія произведенія. Попытки стихотворныхъ повѣствованій у Макая, надо сознаться, весьма неудачны: его поэмы всѣ натянуты, ходульны, многорѣчивы,—словомъ, романтичны въ худшемъ значеніи этого слова. Но зато нѣкоторые его романы принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ молодой нѣмецкой литературы. Въ нихъ авторъ умѣетъ съ замѣчательной простотой изобразить трагизмъ обыденной жизни, безсмысленность людскихъ страданій и роковое одиночество каждаго *). Одинъ изъ выведенныхъ имъ печальныхъ героевъ, циническій и вмѣстѣ стоическій философъ, тономъ стараго бурша такъ резюмируетъ свое міровоззрѣніе въ письмѣ къ своему пріятелю передъ самоубійствомъ: «жизнь большая безсмыслица, я тебѣ всегда это говорилъ. Къ сожалѣнію, эта безсмыслица лишь тогда основательно надоѣдаетъ, когда сдѣлаешься физически болѣе или менѣе банкротомъ... Въ жизни—вотъ гдѣ печаль, а не въ смерти...»

*) Особенно см. *Die lezte Pflicht* и *Albert Schnells Untergang.*

Кто умѣетъ формулировать такой неутѣшительный выводъ и при этомъ не кончаетъ самоубійствомъ, тотъ долженъ найти исходъ своему пессимизму. Благо тому, кому философскій пессимизмъ не закрылъ глазъ на реальную жизнь. Умозрительныя системы смѣняются, разрушая одна другую, а въ то время, какъ философы спорятъ между собою и производятъ логическіе выводы изъ своихъ посылокъ, человѣчество продолжаетъ идти своимъ скорбнымъ путемъ и страдаетъ самымъ безспорнымъ образомъ, совершенно независимо отъ того, какимъ заключеніямъ даютъ матеріалъ эти страданія. Поэтому, совершенно понятно, что искренній пессимизмъ, основанный на обиліи зла въ мірѣ, очень быстро порождаетъ дѣятельное стремленіе уменьшить эту сумму зла, хотя бы это противорѣчило гипотезѣ о неисправимости мірового порядка. Этимъ путемъ и прошли сверстники Д. Г. Макая отъ временнаго юношески-страстнаго увлеченія абстрактнымъ пессимизмомъ къ болѣе жизненнымъ системамъ идей. Изъ «отшельниковъ» они большею частью сдѣлались, по мѣрѣ силъ, хорошими «товарищами» и работниками на конкретной почвѣ борьбы за лучшее будущее. Макай также не остановился на констатированіи зла, но тотъ путь, которымъ онъ пошелъ, едва ли не ведетъ въ тупой переулокъ

Много ранѣе Дж. Г. Макая съ того же самаго Шопенгауэровскаго пессимизма началъ Фридрихъ Ницше. Дойдя послѣ многихъ головокружительныхъ скачковъ до апоѳеоза «сверхчеловѣка», Ницше былъ далекъ отъ намѣренія реформировать міръ ради его блага: pereat mundus, лишь бы былъ просторъ для игры геніальности великаго человѣка. Макая не оставляетъ никогда мысль о счастьи человѣчества, но онъ страннымъ образомъ видитъ его въ томъ же безпредѣльномъ индивидуализмѣ. Получивъ, по всей вѣроятности, первый толчокъ отъ Ницше, а также, можетъ быть, отъ Ибсена, Макай пріобрѣлъ несомнѣнную литературную заслугу, напомнивъ, что теорія объ абсолютной свободѣ личности въ новѣйшей философіи гораздо старше, чѣмъ это обыкновенно принималось. Онъ переиздалъ главное сочиненіе *) и написалъ хвалебную біографію забытаго до тѣхъ поръ философа Макса Штирнера, одного изъ тѣхъ учениковъ Гегеля, которые перевернули вверхъ дномъ громоздкую систему учителя. Съ тѣхъ поръ это имя пріобрѣло большую популярность въ Германіи: почва для распространенія его идей оказалась хорошо подготовленной. Лирика Макая нѣкоторое время (сборники *Sturm* и *Das starke Jahr*) питалась ими всецѣло **). Основной принципъ Штирнера гласитъ: «для меня нѣтъ ничего выше меня самого». Онъ считаетъ исконнымъ проклятіемъ людского рода то, что изъ-за развитія духовности постепенно теряется *личность*. Всякое объединеніе людей, въ формѣ государства, церкви и

*) «Der Einzige und sein Eigentum» 1-е изданіе 1845 г.

**) См. объ этомъ *A. W. Ernst* «Poetische Novitäten» Gegenwart 1891, № 30.

т. п. онъ признаетъ пагубнымъ для единичнаго *я*, такъ какъ это ограничиваетъ его свободу. Макай говоритъ стихами: «я возношусь ввысь!—Черезъ головы другихъ высоко и свободно подымается мое гордое *я*. Какъ долго, послѣ скольких скитаній я нашелъ, наконецъ, самого себя!»

Штирнеръ далѣе доказываетъ, что всякая справедливость, даже самое радикальное равенство есть метафизическая идея, всякое право есть милость, подарокъ. «Если я считаю что-нибудь хорошимъ, а другіе нехорошимъ, то цѣлый міръ для меня ничего не значитъ. Моя сила даетъ мнѣ собственность. Насиліе идетъ впереди права и съ полнымъ правомъ». Подобнымъ же образомъ и Макай говоритъ: «что такое справедливость? Ничто не справедливо, что имѣетъ поползновеніе управлять колесницей нашей жизни, и все справедливо, что я себѣ беру, дабы придти къ своей цѣли... Если ты побѣдитель, то ты и правъ». Это и есть тотъ дальнѣйшій выводъ изъ «разумной дѣйствительности» Гегеля, который въ приложеніи къ конкретнымъ явленіямъ русской жизни 40-хъ годовъ возбуждалъ столько пререканій среди русскихъ гегеліанцевъ.

«Мое отношеніе къ міру таково,—говоритъ Штирнеръ:—я для него не дѣлаю ничего «Бога ради», я не дѣлаю ничего «людей ради», но то, что я дѣлаю, я дѣлаю «ради себя самого». И эту тираду Макай перекладываетъ въ стихи: «я освободился отъ «долга», я смѣюсь надъ правомъ другихъ».

Чтобы понять, какимъ образомъ эти принципы, которые, повидимому, призваны служить только рабовладѣнію и тиранiи, могутъ вести къ счастью «свободнаго человѣчества», надо припомнить *Врага народа* Ибсена, который приходитъ почти къ тѣмъ же заключеніямъ. Онъ хочетъ стать также одинокимъ, себѣ довлѣющимъ и свободнымъ человѣкомъ, но онъ желаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ собрать къ себѣ всѣхъ уличныхъ мальчишекъ и воспитать ихъ въ тѣхъ же мысляхъ, чтобы и изъ нихъ сдѣлать такихъ автономныхъ единицъ, какъ онъ самъ. И Макай, вѣроятно, представляетъ себѣ, что если всѣ люди возвысятся до признанія священной независимости своего *я*, то всѣ будутъ господами и никто не будетъ рабомъ. При этомъ только упущено изъ виду, что этихъ принциповъ вовсе не надо такъ усиленно проповѣдовать: это вовсе не религія будущаго, а коренныя основы того порядка вещей, который дѣлаетъ возможнымъ самый мрачный пессимизмъ. Это тѣ открыто признаваемые или лицемѣрно отрицаемые, но всюду дѣйствующіе неписанные законы, на основѣ которыхъ возникаютъ въ международныхъ отношеніяхъ войны и завоеванія, въ экономическихъ отношеніяхъ анархія производства, въ семейныхъ отношеніяхъ порабощеніе одного пола другому и т. д. И если не всѣ люди стоятъ на этой почвѣ, то въ большинствѣ случаевъ вовсе не потому, что не хотятъ, а потому что не могутъ.

Читатель видитъ, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло преимущественно съ абстрактной поэзіей мысли, а не съ живой поэзіей образовъ. Въ этомъ отношеніи Макай былъ вѣренъ своему времени. Но все же не совсѣмъ справедливо Рихардъ Мейеръ клеймитъ всю его лирику, называя ее «передовой статьей, положенной въ стихи». Философія Штирнера для Макая болѣе чѣмъ логическая система,—она дѣйствительно безраздѣльно овладѣла его чувствомъ и сознаніемъ, только у него не хватаетъ поэтическаго генія, чтобы сдѣлать свои идеи и для читателя человѣчески близкими. Къ тому же лирика Макая вовсе не всегда посвящена философскимъ идеямъ. Онъ не боится выступить изъ программы, отдаваясь всѣмъ настроеніямъ, какія ему случается переживать. И философъ, и общественный дѣятель не могутъ стоять внѣ вліянія природы, внѣ сферы личнаго чувства. Часто эти чувства также окрашиваются извѣстнымъ міросозерцаніемъ даннаго субъекта, но есть и такія общечеловѣческія ощущенія, что ихъ въ данныхъ условіяхъ можетъ испытать почти всякій homo sapiens. И надо признать, что въ подобныхъ случаяхъ Макай умѣетъ иногда достичь замѣчательной простоты и пластичности, особенно въ небольшихъ стихотвореніяхъ. Но никогда поэтическая форма не является для него забавой, объектомъ виртуознаго упражненія. Каждое стихотвореніе Макая служитъ или выраженіемъ серьезной мысли, или памятникомъ психически значительнаго момента. Языкъ его обыкновенно такъ естественъ, что не страдаетъ отъ прозаической передачи. Развѣ, напр., не цѣлый кусокъ жизни, цѣлый актъ молчаливой житейской драмы заключенъ въ двѣнадцати короткихъ строчкахъ слѣдующаго стихотворенія: «Еще одинъ вальсъ,—и балу конецъ. Экипажъ везетъ насъ домой изъ гостей. А что будетъ завтра? Прежнее страданье и прежнее отчужденное молчаніе! Она прячетъ въ подушку горячее лицо и думаетъ, что я не вижу ея слезъ...»

Вотъ еще эпизодъ—отъѣздъ въ Америку. Сколько сдержаннаго реализма во внѣшней обстановкѣ, и какъ понятна психологія послѣдней строчки! «Раннее утро холоднаго туманнаго дня... Бѣловато-сѣрая мгла застилаетъ мачты. Гавань еще объята сномъ... Только на пароходѣ господствуетъ полное оживленіе. Всѣ чувства дѣлаются напряженнѣе! Вотъ шлюпка привезла послѣднихъ пассажировъ. Я стою, ожидая, чтобы корабль увезъ меня отсюда къ новому берегу. Туманы разсѣиваются Я вижу, какъ отъѣзжающимъ машутъ съ берега бѣлыми платками... Никогда еще я не чувствовалъ такъ сильно, что позади я оставляю свою жизнь безъ слѣда!»

Еще одно маленькое стихотвореніе, какъ образчикъ того, сколько глубокой правды можно сказать въ нѣсколькихъ словахъ безъ всякихъ поэтическихъ украшеній: «Когда-то ты сказалъ мнѣ слово,—оно исчезло изъ моей души. Я не могъ понять его смысла, и потому я какъ будто его не слышалъ. Послѣ того время шло: ты умеръ, а я постарѣлъ.

Теперь я понимаю это слово, и оно не даетъ мнѣ покоя. Теперь во мнѣ горитъ непреодолимое желаніе сказать тебѣ, что я его понялъ».

Намъ кажется достаточно и этихъ примѣровъ (ихъ можно было бы привести сколько угодно), чтобы видѣть, какъ мало основателенъ упрекъ въ разсудочности лирики Макая. Правда, онъ не боится вкладывать мысли въ свои стихи,—умъ—одинъ изъ самыхъ жизненныхъ органовъ современнаго человѣка.—но только такія мысли, которыя вызываютъ въ душѣ автора извѣстное чувство. Такимъ мотивамъ нельзя отказать въ правѣ на лирическую обработку. Въ послѣднемъ стихотворномъ сборникѣ Макая (*Wiedergeburt*, 1896) уже гораздо меньше философствованія, чувство поэта какъ будто становится уравновѣшеннѣе. Лучшіе годы его еще впереди, а то, что онъ сдѣлалъ до сихъ поръ, даетъ основаніе разсчитывать на дальнѣйшее развитіе.

III.

Намъ предстоитъ теперь познакомить читателя съ рѣдкимъ экземпляромъ атавистической культуры. Трудно представить себѣ, чтобы среди современной цивилизаціи, въ верхнихъ слояхъ такого быстро прогрессирующаго общества, какъ германское, могъ сохраниться во всей своей нетронутой дикости типъ, которому мѣсто, если не въ свайныхъ постройкахъ, то несомнѣнно среди покрытыхъ звѣриными шкурами германцевъ, уничтожившихъ легіоны Варра. И этотъ первобытный человѣкъ безспорно обладаетъ сильнымъ поэтическимъ дарованіемъ. Тацитъ разсказываетъ о военныхъ пѣсняхъ германцевъ. Едва ли онѣ дышали большею любовью къ пролитію крови, чѣмъ стихи барона фонъ-Лиліенкрона, который нѣмецкой критикой признается самымъ выдающимся изъ живущихъ поэтовъ. Заслуга консервированія такихъ барономъ (если тутъ есть заслуга) принадлежитъ безспорно германскому милитаризму; онъ воспитываетъ въ людяхъ тѣ качества, которыя тысячу и болѣе лѣтъ тому назадъ были добродѣтелями, и охраняетъ ихъ по возможности отъ всякаго вѣянія современности, если не считать таковою послѣдняго слова тактики, баллистики и фортификаціи. Въ соединеніи съ условіемъ привилегированнаго происхожденія это воспитаніе создало цѣлый классъ людей, которымъ неизвѣстны и непонятны элементарнѣйшія представленія, признаваемыя уже давно основою культурныхъ обществъ. Познакомимся немного съ біографіей Лиліенкрона,—она очень характерна.

Онъ родился въ 1844 г., въ Килѣ, въ семьѣ, принадлежавшей къ голштинской знати, которая во времена датскаго господства обнаруживала явныя прусскія симпатіи и видѣла въ прусскомъ завоеваніи 1864 г. осуществленіе своихъ завѣтныхъ мечтаній.

«Мои дѣтскіе годы прошли одиноко,—разсказываетъ самъ поэтъ исторію своей жизни.—Къ этому присоединялись еще условія датской

эпохи. Уже она одна накладывала на все своеобразный гнетъ. Отъ моихъ домашнихъ учителей и отъ ученой школы я получилъ немного. Только «исторія» всегда, до сегодняшняго дня, захватывала меня до сердцебіенія. Математика, «точильный камень головы», которая для меня и донынѣ остается дверью за тысячью замками, доставила мнѣ самые тяжелые часы моего существованія.

«Моя бездѣятельность принесла мнѣ соотвѣтственные плоды. Послѣдствіемъ были репетиціонные уроки. Но затѣмъ я былъ свободенъ и бѣгалъ по саду, по лѣсу, по полямъ и предавался своимъ мечтамъ.

Детлевъ фонъ-Лиліенкронъ.

«Я рано сдѣлался охотникомъ. Бродить одному съ собакой и ружьемъ по зарослямъ, лѣсамъ и кустарникамъ,—ради этого, я считаю, всегда стоитъ прожить день. Да здравствуетъ охота!

«Съ дѣтства хотѣлъ я сдѣлаться солдатомъ. Въ Даніи въ тѣ времена для шлезвигъ-голштинца это было невозможно. Поэтому я уѣхалъ въ Пруссію. Въ періодъ моей дѣйствительной солдатской службы, къ моему счастью, меня много бросало во всѣ стороны. Я былъ въ семи провинціяхъ и въ семнадцати гарнизонахъ. Вслѣдствіе этого я познакомился со страной и съ людьми. Въ 1864—1865 гг. я присутствовалъ при концѣ послѣдняго польскаго возстанія. Затѣмъ слѣдовали австрійская и французская война. Въ обоихъ походахъ я былъ раненъ.

«О, время лейтенантства! Съ его веселой свѣжестью, съ его молодечествомъ (Schneidigkeit; Schneidig—высшій похвальный эпитетъ въ

устахъ прусскаго офицера), съ его многочисленными чудными друзьями и товарищами, со всѣми его розовыми днями; съ его обостреннымъ до крайности чувствомъ долга, съ его строгимъ самодисциплинированіемъ».

Въ чинѣ капитана Лиліенкронъ вышелъ въ отставку, безъ всякихъ средствъ, занимаетъ какую-то маленькую должность и отдаетъ много времени литературнымъ работамъ. Первое свое стихотвореніе онъ написалъ по случайному поводу около 35 лѣтъ отъ роду. Но и до сихъ поръ онъ остался «настоящимъ, разудалымъ» (flott) прусскимъ офицеромъ съ обычнымъ легкимъ отношеніемъ къ жизни и прочими качествами. При этомъ онъ представляетъ изъ себя великолѣпное, чудесное, большое 40-лѣтнее дитя, безъ малѣйшаго слѣда «образованія», прямо съ кощунственнымъ недостаткомъ «знанія». Увлеченіе исторіей, о которомъ говоритъ самъ поэтъ, вѣроятно, слѣдуетъ понимать, какъ любовь къ ея кровавымъ эпизодамъ. Тотъ же критикъ, у котораго мы взяли эту хвалебную характеристику *), прибавляетъ еще, укоризненно намекая на Дж. Г. Макая, что Лиліенкронъ никогда не перекладывалъ въ стихи Макса Штирнера и Фр. Ницше. Жгучіе вопросы онъ предоставляетъ разрѣшать практикамъ, и соціалистически-революціонный тонъ ему совершенно чуждъ. Другой поклонникъ Лиліенкрона (Юліусъ Бирбаумъ) сообщаетъ, что онъ вовсе не носится съ своимъ званіемъ поэта, а скорѣе выставляетъ на показъ офицерское удальство и охотно отдается «волнамъ жизни». «Полчаса вальса съ свѣженькой дѣвицей (трепещи, Парнасъ!) для него цѣннѣе, чѣмъ вся исторія литературы». Но при этомъ послѣдній критикъ не такъ, какъ первый, увлеченъ «феодальнымъ происхожденіемъ» поэта. «Цѣпь его предковъ, къ счастью,—говоритъ онъ,—состоитъ не исключительно изъ бѣлой кости. Я увѣренъ, что коренная естественность, физическая свѣжесть всего существа, въ высшей степени наклоннаго къ жизнерадостности, обязана своимъ происхожденіемъ не его высокоблагороднымъ предкамъ, но той столь же умной, сколько красивой крѣпостной, на которой его дѣдъ долженъ былъ жениться по приказанію короля».

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ чертъ особенно любопытна эта любовь къ военной службѣ. Лиліенкронъ надѣлъ прусскій мундиръ не потому, что его убѣжденія влекли его къ защитѣ прусскаго королевства,—нѣтъ, онъ перешелъ въ Пруссію, чтобы надѣть военный мундиръ. Это, впрочемъ, не мѣшало ему быть пламеннымъ прусскимъ, а впослѣдствіи германскимъ патріотомъ и съ чувствомъ неизмѣримаго превосходства грозить зарѣзать «и восточнаго медвѣдя, и западнаго пѣтуха». Вотъ, что поэтъ имѣлъ въ виду, надо думать, говоря объ обостренномъ во времена лейтенантства чувствѣ долга. Военная служба прельщаетъ поэта двумя сторонами: въ мирное время ему нравится

*) *Johannes Schlaf*, «Detlev Freiherr von Liliencron» (Magazin für Litteratur B. 60).

блескъ пуговицъ, бренчаніе сабли, громъ музыки и разинутые рты публики; въ военное время его захватываетъ бивачная жизнь, чувство опасности и жажда зарѣзать врага. Объ эти стороны занимаютъ главное мѣсто въ его лирикѣ и даютъ ему матеріалъ для дѣйствительно сильныхъ картинъ.

Лирика первобытныхъ племенъ часто ограничивается перечисленіемъ предметовъ, поразившихъ поэта, въ соединеніи съ звукоподражательными междометіями. Съ другой стороны, и у представителей шперкультуры, современныхъ французскихъ поэтовъ, попадаются стихотворенія, состоящія исключительно изъ перечисленій предметовъ, имѣющихъ, по мнѣнію авторовъ, звучныя названія. Крайности сходятся. Вспомнимъ, напр., часто цитируемые стихи графа де-Монтескіу-Фезансака:

Aurone, pergulaire, ananas, amalgames;
Bigarade, kus-kus, néroli, tournesol,
Origans, orviétans, orpiments, orcanètes и т. д.

Предоставляемъ читателю судить, съ какого рода поэзіей имѣютъ болѣе родства слѣдующіе стихи барона Лиліенкрона, называемые «*Музыка идетъ*», и также часто цитируемые: «Клинглингъ, бумбумъ и чингдада, не торжественное ли это шествіе персидскаго шаха? Изъ-за угла слышенъ грохотъ, точно трубы послѣдняго суда. Впереди несутъ жезлъ съ бубенцами. Брум-брумъ, большой бомбардонъ, звукъ литавровъ, геликонъ, пикколо, треугольникъ, турецкій барабанъ, флейтистъ, а за ними самъ капитанъ» и т. д. Съ своей стороны мы думаемъ, что поэзія нѣмецкаго барона ближе къ первобытной, чѣмъ къ стихамъ французскаго графа. Послѣдніе, сами по себѣ, безсмысленны по содержанію и имѣютъ цѣль только щекотать ухо подборомъ рѣдкихъ созвучій, тогда какъ музыкальныя междометія и перечисленія инструментовъ, такъ же, какъ и въ лирикѣ дикарей, вызываютъ у автора представленія о пережитыхъ пріятныхъ эмоціяхъ. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ слѣдующее стихотвореніе: «Съ барабаномъ и флейтой я часто маршировалъ, рядомъ съ барабаномъ и флейтой я часто парадировалъ, впереди барабана и флейты я часто шелъ на непріятеля, ура! Теперь я ужъ не слышу барабана и флейты, и если-бъ мимо меня прошли барабанъ и флейта, за барабаномъ и флейтой слишкомъ тяжело бы было ковылять моему костылю, увы! Если бы я увидалъ барабанъ и флейту, отъ барабана и флейты я бы заткнулъ уши, я бы не вынесъ звука барабана и флейты, сердце бы надорвалось. Барабанъ и флейта—это была моя музыка, барабанъ и флейта—солдатское пѣніе; о, барабанъ и флейта, до конца моей жизни да здравствуетъ императоръ и армія»!

Мы и далѣе принуждены для сравненія привлекать образчики лирическихъ пѣсенъ охотничьихъ племенъ. Такъ, существуетъ записанная австралійская пѣсня: «Кенгуру бѣжалъ быстро, а я еще быстрѣе. Кен-

гуру былъ жиренъ, и я его съѣлъ». Не та же ли поэзія физической силы и непосредственная радость отъ «одолѣнія» врага (или добычи) въ *Аттакѣ* Лиліенкрона? «Теперь держись! Изъ кустовъ выбирайся! Стрѣлой впередъ, ура! И съ наклоненнымъ корпусомъ мы мчимся, морды лошадей въ одну линію; мы двое (лейтенантъ и трубачъ), впереди гусаръ, — такъ мы врѣзались въ непріятеля. Красные ребята сзади насъ несутся губительнымъ каррьеромъ, такъ что концы чепраковъ метутъ траву, какъ вѣтеръ. Ату! держи ихъ въ пестрыхъ куртках! Мы ужъ у опушки. Трескъ стрѣльбы, потомъ бѣшенное бѣгство; мы едва могли съ ними схватиться, такъ удирали гасконцы передъ рѣжущимъ свистомъ нашихъ сабель»...

Болѣе совершенная форма, но не менѣе дикое чувство сказывается въ *Маленькой балладѣ*, которая справедливо считается однимъ изъ самыхъ сильныхъ стихотвореній Лиліенкрона. «Высоко вѣютъ перья моего шлема, звонко звучитъ мой щитъ среди тучи вражьихъ клинковъ: они чертятъ не образъ Мадонны и звенятъ не какъ пѣніе арфы. Во прахъ упалъ послѣдній негодяй, который хотѣлъ меня выбить изъ сѣдла! Огонь брызнулъ изъ его шлема подъ моимъ ударомъ, и я видѣлъ, какъ онъ свалился мертвымъ. Вы хотѣли нарушить покой моего очага? Я показалъ вамъ, сколько крѣпости въ мужскихъ жилахъ. И со смѣхомъ обтираю я мечъ о черную гриву моего коня». Разрушеніе покоя очага напоминаетъ уже не Австралію, а скорѣе германцевъ Тацита, но главное и тутъ остается—радостный смѣхъ надъ сраженнымъ «негодяемъ», который хотѣлъ его выбить изъ сѣдла.

Болѣе сложная психологическая картина развертывается въ другомъ стихотвореніи (*«Взглядъ назадъ»*), тоже изображающемъ рукопашную. Краткая передышка передъ аттакой. Передъ глазами поэта проходитъ его прошлая жизнь: волшебная страна дѣтства, затѣмъ пестрая, безсмысленная жизнь, похожая на затѣйливую паутину; «мало поступковъ, много внѣшняго блеску. Кости, женщины, вино, пѣсни, юношески быстрый потокъ, и въ этомъ дикомъ плескѣ волнъ я плылъ по теченію»... «Сигналъ къ аттакѣ». Опять тѣ же краски, тотъ же тонъ. Та же радость «одолѣнія», та же насмѣшка надъ врагомъ, который бѣжитъ «поразительно похоже на стадо травленныхъ барановъ». «Ночью, при свѣтѣ костровъ, послѣ боевого труда, мнѣ пришли опять въ голову тѣ же мысли, какъ утромъ. Если я много лѣтъ плылъ безъ руля въ жизни, то сегодняшняя острая схватка дала мнѣ заманчивую цѣль». Доисторическая жажда крови переходитъ въ идеалистическій милитаризмъ.

Но не все же только война да парадъ. И самый воинственный лейтенантъ долженъ сталкиваться съ людьми (статскими), долженъ давать хоть какіе-нибудь отвѣты на назойливые вопросы окружающей жизни, долженъ имѣть личную жизнь внѣ казармы и лагеря и даже личные идеалы. Лиліенкронъ такъ непосредственъ и увѣренъ въ своей

наивности, что не помышляетъ скрывать своихъ мыслей и чувствъ и вовсе не считаетъ нужнымъ скрасить проступающее всюду убожество какою-нибудь заимствованною поэтическою драпировкой. Въ этой прямотѣ и цѣльности заключается положительная сторона его поэтической дѣятельности, которая, поэтому, и представляетъ прекрасный, общеинтересный «человѣческій документъ».

Послѣ войны наибольшее мѣсто въ лирикѣ Лиліенкрона занимаетъ, конечно, любовь. Это область, въ которой лейтенанты считаютъ себя спеціалистами. Философія тутъ заключается въ томъ, чтобы «не дать ни одной дѣвушкѣ мимо пройти». Безчисленные стихотворенія посвящены мимолетнымъ любовнымъ эпизодамъ. Большею частью они продолжаются сутки: встрѣча, задушевная бесѣда или танецъ, поцѣлуй, затѣмъ поэтическая ночь, затѣмъ прощаніе; иногда дѣло затягивается на цѣлое лѣто, но если есть опасность, что любовь окажется черезчуръ прочной и продолжительной, находчивый лейтенантъ выдумываетъ, что «правительство посылаетъ его въ Самаркандъ закупать верблюдовъ». Передъ альтернативой жениться или отказаться отъ любви онъ гордо выбираетъ второе: онъ не желаетъ налагать на себя цѣпи. Но какъ отдаленная мечта, какъ идеалъ личной жизни остается все-таки узкій кругъ свѣта подъ абажуромъ семейной лампы: «высшее блаженство въ жизни есть веселый уголокъ у очага, семейное счастье, милая хозяйка дома и восхитительная маленькая Эрна въ люлькѣ». Вообще, мечты поэта о томъ, какъ устроить свою жизнь, не отличаются особенной глубиной и новизной. Зато онѣ излагаются очень добродушно и мило, и хотя не безъ юмористической нотки, но это только способъ выраженія, а мечта остается мечтой. Однажды его пригласили получить деньги въ какой то кассѣ. Правда, оказалось всего 3 марки 8 пфенниговъ, но и то кстати. «У кассы каждый обязанъ ждать, такъ и я стоялъ терпѣливо цѣлый часъ. Вдругъ мнѣ пришла мысль: что если бы всѣ здѣсь стали глухими и слѣпыми! Денежный шкафъ открытъ,— я бы мигомъ запустилъ туда добрую пригоршню, набилъ бы себѣ карманы, что-бъ только не лопнули, и навострилъ бы лыжи, шагалъ бы по двадцати метровъ за одинъ разъ. За мной бы бросился съ воемъ жандармъ, но сколько-бъ онъ ни бѣжалъ, меня не нагонитъ: я бы сѣлъ на самый скорый паровозъ. Что касается употребленія денегъ, то по этой части я не мокрая курица. Я буду щеголять, что твой польскій король, и выищу себѣ хорошенькую невѣсту. Этакой дѣвушкѣ съ блестящими косами я ужъ съумѣю голову вскружить. Мы станемъ передъ зеркаломъ на цыпочки и будемъ смотрѣть, кто изъ насъ выше. О, эта близость! Въ шутливой забавѣ я чувствую пульсъ ея жизни. Далѣе! Конечно, лошади и экипажи, помѣстья, люди, словомъ, небо и земля. Чортъ возьми! Какъ я буду веселиться...—«Не угодно ли вамъ росписаться». О, какъ эти слова прозвучали ледяной прозой...»

Вообще, много ли человѣку нужно! «Впереди четыре кивающія лоша-

диныя головы, рядомъ со мной двѣ бѣлокурыя дѣвичьи косы, сзади грумъ съ важной миной, у колесъ собачій лай». Когда это имѣешь, все кажется такъ хорошо: «Въ деревняхъ безбурное тихое довольство жизнью, въ поляхъ прилежные заступы и плуги, все это освѣщено солнцемъ такъ свѣтло, свѣтло». Здѣсь идеалъ личнаго счастья соприкасается съ явленіями общаго характера. Въ счастливые моменты, когда поэту нечего болѣе желать (лейтенантскіе идеалы такъ достижимы), всюду и всѣмъ, ему кажется, тоже «такъ свѣтло, свѣтло». Но такіе моменты все-таки рѣдки, и часто поэтъ недоволенъ человѣческимъ обществомъ. Верхомъ на своей рыжей кобылѣ, въ сопровожденіи двухъ борзыхъ, онъ взбирается на высокую гору, и вотъ съ высоты своего сѣдла, «какъ съ поверхности Урана», онъ взираетъ на міръ людей, и ему представляется такая неутѣшительная картина: «ко мнѣ наверхъ долетаетъ гамъ и дикіе крики парламентовъ. Одинъ кричитъ: я одинъ правъ, я господинъ, а ты рабъ! Другой рычитъ и въ бѣшенствѣ сталкиваетъ того внизъ. Иногда, среди этой свалки подымется чей-нибудь сострадательный голосъ, успокаиваетъ однихъ, благословляетъ другихъ и проповѣдуетъ противъ войны и убійства. Въ благодарность за это проповѣдника побиваютъ камнями. Иногда съ вышины падаетъ звѣзда и вселяется въ человѣка: умомъ или мечомъ, сначала осмѣиваемый, потомъ боготворимый, этотъ геній ведетъ за собой толпу, руководитъ жизненной битвой. Иногда съ вышины падаетъ звѣзда и вселяется въ человѣка: поэтъ, данникъ будущности, могучій художникъ добываетъ свое золото; числа нѣтъ его врагамъ, жалкой монетой платитъ ему общество. Окаменѣвъ, глядѣлъ я на эту великую трагедію, пока не пресытился. Мое сердце ищетъ и жаждетъ любви: неужели все только зависть, ненависть и страданіе? Мнѣ становится такъ больно, что я поворачиваю назадъ свою кобылу... Отнынѣ я останусь одинокимъ, хочу быть отшельникомъ и не хочу больше смотрѣть на міръ, гдѣ разбивается всякая справедливость».

Если бы мы имѣли дѣло не съ такимъ непосредственнымъ писателемъ, къ «критическому уму котораго нельзя предъявлять никакихъ требованій», какъ сознается одинъ изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ его *), мы могли бы удивиться, что о всеобщей любви и добромъ согласіи говоритъ именно онъ, который такъ любитъ хвататься за саблю. Но можно указать у Лиліенкрона не мало подобныхъ противорѣчій. Онъ возмущается, напримѣръ, глядя на картину Богоматери, рыдающей надъ тѣломъ Христа (Pietá), что «города и земли предаются огню, дикіе крики, шумъ мечей и щитовъ, топотъ коней и военная музыка раздаются, и съ обѣихъ сторонъ слышится: во имя Христа!» Въ другой разъ поэтъ нѣсколькими сильными чертами умѣетъ изобразить двѣ стороны *Праздника побѣды:* «Развивающіеся флаги и веселая толкотня.

*) *Freiherr von Grotthuss* Loco cit.

Качающіеся вѣнки и побѣдныя пѣсни. Нѣмыя могилы, ужасъ опустошенія. Вянущіе вѣнки, покинутыя жены. Горячія объятія послѣ мучительнаго ожиданія. Разбитыя сердца, безсильныя выплакать горе». И все-таки вся будущность отечества представляется поэту покоящейся на остріѣ штыка. «Да сохранитъ тебѣ Богъ, моя отчизна, пѣхотный сигналъ «впередъ»! тогда ты въ безопасности отъ французовъ и башкиръ» (опять любезность по адресу «восточнаго медвѣдя). По глубокому убѣжденію идеалистовъ-лейтенантовъ, Господь Богъ интересуется даже *Уставомъ полевой службы* въ прусскихъ войскахъ.

Несправедливо было бы причислить Лиліенкрона къ принципіальнымъ человѣконенавистникамъ, какими часто бываютъ его товарищи. Онъ, на самомъ дѣлѣ, такой bon enfant, какимъ его характеризовали пріятели. Гдѣ его узкій кругозоръ захватываетъ людское горе, онъ охотно отзывается на него, поскольку понимаетъ. Въ заключеніе мы укажемъ на стихотвореніе, въ которомъ нѣтъ уже ничего воинственнаго, но которое по силѣ объективной картинности принадлежитъ къ самымъ удачнымъ не только у Лиліенкрона, но вѣроятно, во всей современной нѣмецкой лирикѣ. Оно называется *Позднее лѣто въ лѣсу* и навѣрное, основано на пережитомъ живомъ впечатлѣніи, какъ бо́льшая часть стихотвореній Лиліенкрона.

«Пять дней ужъ нѣтъ обѣда, до дому далеко, денегъ нѣтъ, работы не сыщешь, лишь голодъ и нужда, бродишь и нищенствуешь изъ-за корки хлѣба.—Чего это подмастерье завернулъ въ лѣсъ? Что это по его лицу скользнуло что-то холодное? Что это онъ безнадежно смотритъ въ пространство? Что его взглядъ блуждаетъ отъ одного дерева къ другому? Солнце сіяетъ, кругомъ тишина, только дроздъ еще шумитъ, а то все нѣмо. Что это качается ольха на опушкѣ лѣса? Въ ея вѣтвяхъ исчезъ человѣкъ... Охотникъ спускается съ холма, видитъ повѣшеннаго, обрѣзаетъ веревку и быстро даетъ знать властямъ,—жандармы и носилки скоро ужъ были на мѣстѣ. Господинъ изъ суда, въ свѣтлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, разслѣдуетъ, по обязанности службы, не было ли тутъ убійства. Тѣло несутъ въ больницу, а потомъ въ поле, гдѣ нѣтъ крестовъ. Такъ какъ мертвеца никто не призналъ, то онъ получилъ нумеръ триста десятый. Триста девять лежатъ ужъ въ пескѣ,—кто ихъ любилъ, кто ихъ зналъ?»

Лирика Лиліенкрона представляетъ, несомнѣнно, разительнѣйшій контрастъ съ лирикой Макая, но у нихъ есть одна общая черта, которая заставляетъ поставить ихъ въ одну группу въ исторіи нѣмецкой лирической поэзіи. Рядомъ съ вычурнымъ стилемъ прежнихъ поэтовъ, перегруженнымъ балластомъ мертвыхъ «красотъ», ихъ художественныя средства необыкновенно просты и реальны,—у одного совершенно безсознательно, у другого, быть можетъ, въ видѣ реакціи противъ «отцовъ». Они доказали возможность реалистической поэзіи, чего никогда не удавалось ихъ французскимъ собратьямъ.

IV.

Если среди титулованнаго дворянства можно встрѣтить даровитыхъ людей, не причастныхъ умственной жизни своего народа, то что удивительнаго натолкнуться на подобное явленіе въ деревенской средѣ въ одномъ изъ самыхъ медвѣжьихъ угловъ Германіи. Гораздо болѣе достойно удивленія, что между этой средой и высшими слоями интеллигенціи, благодаря всеобщей грамотности и дешевой газетѣ, существуетъ настолько живая связь, что дарованіе, заброшенное въ самыя неблагопріятныя условія, безъ всякаго особенно счастливаго совпаденія обстоятельствъ, въ концѣ концовъ, открываетъ себѣ путь къ всеобщей извѣстности и вступаетъ въ семью работниковъ на поприщѣ накопленія общенародныхъ духовныхъ богатствъ. Если вспомнимъ, какими неимовѣрными усиліями, какою ужасною цѣною и при какихъ исключительно счастливыхъ случайностяхъ пріобрѣлъ подобное положеніе Шевченко, одинъ изъ величайшихъ художниковъ слова, если подумать, что, навѣрное, не одинъ и не два потенціальныхъ таланта погибли и гибнутъ отъ духовной жажды и физическаго голода въ нашихъ родимыхъ палестинахъ, трудно отрѣшиться отъ нѣкотораго завистливаго чувства къ нашимъ западнымъ сосѣдямъ.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы и за Эйдкуненомъ жизненный путь трудящихся классовъ былъ усыпанъ розами. Лучше всего объ этомъ свидѣтельствуютъ сочиненія и судьба крестьянки—поэтессы Іоганны Амброзіусъ, которой мы имѣемъ въ виду посвятить эти нѣсколько страницъ. Одинъ изъ ея критиковъ *) очень кстати цитируетъ страницу изъ *Космографа XII в.*, гдѣ описаніе крестьянскаго быта можно почти цѣликомъ отнести и къ настоящему времени. «Четвертое сословіе,—говорится тамъ,—это тѣ люди, которые сидятъ на землѣ, живутъ въ деревняхъ, дворахъ и хуторахъ и называются крестьянами (Bawern), потому что они обрабатываютъ (bauwen) поле и приготовляютъ его для зерна. Они ведутъ очень плохую и низкую жизнь... Ихъ дома—плохіе дома, сдѣланные изъ навоза и дерева, поставленные прямо на землю и покрытые соломой. Ихъ пища—черный ржаной хлѣбъ, овсяная каша или вареный горохъ и чечевица. Вода и сыворотка почти единственное ихъ питье. Домашняя тканина, пара кожаныхъ лаптей и войлочная шляпа—вотъ ихъ одежда. Эти люди не имѣютъ никогда покоя. Съ утра до вечера привязаны они къ работѣ». Насколько эта картина, въ общемъ сохранила соотвѣтствіе дѣйствительности, несмотря на измѣненія въ подробностяхъ, мы увидимъ изъ обстоятельствъ воспитанія и жизни Іоганны Амброзіусъ.

*) Упоминавшійся уже *Bruno Wille* «Zwei Dorf-Poeten» (Magazin für Litteratur, B. 64).

Она родилась въ 1854 году въ глухой деревнѣ Восточной Пруссіи, тамъ, гдѣ нѣмецкое населеніе разсѣяно островами среди коренного здѣсь литовскаго племени. Отецъ ея былъ ремесленникъ, и вся семья должна была тяжко работать изъ-за самаго жалкаго куска хлѣба. Образованіе будущей писательницы закончилось въ 11 лѣтъ курсомъ деревенской школы; «съ тѣхъ поръ,—говоритъ біографъ *)—она не знала ничего кромѣ тяжелой работы». По свидѣтельству ея сестры, Іоганна была веселой, жизнерадостной дѣвочкой, полной энергіи и даже настойчивости въ защитѣ своей личности отъ обычнаго родительскаго гнета. Много горя, болѣзней и усталости, физической и душевной, должно было накопиться, чтобы выработать въ ней ту подавленность и смиренную покорность судьбѣ, которыя теперь слышатся въ ея сти-

Іоганна Амброзіусъ.

хахъ. Вся связь съ умственнымъ міромъ ограничивалась для молодой дѣвушки чтеніемъ «Gartenlaube» **). Когда же она въ 20 лѣтъ вышла замужъ ***) за простого крестьянина, кажется весьма мало соотвѣтствующаго ея задушевнымъ стремленіямъ, то и эта умственная пища прекратилась. Нельзя отрицать, конечно, что и такое чтеніе сыграло положительную роль въ развитіи Іоганны Амброзіусъ,—все-таки и это былъ мостикъ черезъ безконечную пропасть въ далекій міръ идей, къ накопленнымъ вѣками богатствамъ красоты, но также не подлежитъ

*) Прессбургскій профессоръ *Karl Weiss-Schrattenthal*, собравшій и издавшій стихотворенія Іог. Амброзіусъ и тѣмъ открывшій свѣтъ для нея и ее для нѣмецкой литературы. Первый сборникъ вышелъ въ концѣ 1894 г. въ теченіе года выдержалъ 25 изданій. Второй сборникъ появился въ 1897 г.

**) Нѣмецкій дешевенькій журналъ, въ родѣ нашей «Нивы».

***) Амброзіусъ—дѣвическая фамилія писательницы, по мужу она Фойгтъ (Voigt).

сомнѣнію и глубокій вредъ, причиненный ея душевному складу этой исключительной пищей. Мизерность кругозора, самодовольный культъ патріархальной посредственности, ремесленно-правильный, безличный языкъ, бездарная, слащаво-тенденціозная беллетристика всѣхъ подобныхъ нѣмецкихъ журналовъ, предназначаемыхъ для «семейнаго чтенія», не могутъ не дѣйствовать притупляющимъ образомъ на характеръ, не особенно устойчивый въ своей индивидуальности. Прежде всего этотъ вредъ, по нашему мнѣнію, отразился въ томъ, что Іоганна Амброзіусъ не сумѣла или не сочла достойнымъ сохранить въ своей поэзіи живую народную рѣчь, а замѣнила ее безцвѣтнымъ литературнымъ языкомъ. Затѣмъ, на счетъ *Gartenlaube*, надо конечно, поставить тѣ банальныя философствованія и дешевыя сентенціи, а также казенную патріотическую громогласность, которыми иногда, правда не часто, талантливая писательница портитъ свои произведенія.

Наши прабабушки, читавшія Руссо и Бернарденъ де-С. Пьера, считали, что «съ милымъ рай и въ шалашѣ». Іоганна Амброзіусъ, вышедшая замужъ по любви и жившая всю жизнь если не въ шалашѣ, то въ хижинѣ, умѣла бы имъ много разсказать на эту тему. Что то автобіографическое или, по крайней мѣрѣ, очень близко видѣнное слышится въ столь реальной исторіи, которую переживаетъ *Das süsse Mariechen*. Дѣло начинается, по обыкновенію, съ пылкаго объясненія въ любви. «Правда, мы оба ничего не имѣемъ, но ты бѣдна и я бѣденъ, а вмѣстѣ будетъ тепло... Скажи да, и я стану богачемъ, никакой король не сравняется съ моимъ счастьемъ.—Органъ гудитъ, звонятъ колокола, женихъ идетъ въ занятомъ сюртукѣ, у него и сапоги не свои, у этого молодого, красиваго, легкомысленнаго человѣка». Рядомъ съ нимъ счастливая невѣста, самая красивая дѣвушка во всей деревнѣ. Что имъ до того, есть ли у нихъ поле,—они принадлежатъ другъ другу, этого съ нихъ достаточно. «Пять лѣтъ прошло; длинноногая журавлиха принесла имъ четырехъ дѣточекъ; мать сидитъ за работой поздно ночью, у мужа часто обрывается сила отъ труда; ибо, какъ они ни мучатся, при наилучшемъ желаніи, имъ не всегда хватаетъ, чѣмъ утолить голодъ. Мужъ становится раздражителенъ, часто уходитъ со двора, дѣти дома плачутъ безъ хлѣба; Марихенъ шьетъ и на чужихъ людей, старая вѣдьма забота сидитъ съ нею рядомъ и смотритъ кругомъ ядовитыми глазами, нѣтъ ли чего пополамъ разорвать. Въ часъ ночи возвращается покачиваясь мужъ съ дикимъ шумомъ. Его сердитъ теперь каждый паукъ на стѣнѣ, онъ заноситъ руку на прилежную Марихенъ, кулакъ попалъ по назначенію, еще ударъ,—прощай счастье, построенное на любви. Старая вѣдьма забота смѣется въ кулакъ и крадется дальше въ туманной ночи»...

Если Іоганнѣ Амброзіусъ, можетъ быть, и не пришлось пережить всего, что она разсказываетъ о Марихенъ, во всякомъ случаѣ, затяжной, непосильный трудъ, злая вѣдьма—забота о семьѣ и домѣ довели ее до хроническихъ болѣзней и сломили ея бодрость. Обстановка, въ которой

она жила до 1895 г. (мы не знаемъ, перемѣнилась ли она къ лучшему съ тѣхъ поръ), поразительно соотвѣтствуетъ приведенному выше описанію *Космографа*. Въ скучной, безнадежно однообразной мѣстности лежитъ ея село (Gross Wersmeninken), въ которомъ всѣ дома похожи одинъ на другой, а ея домикъ «еще скромнѣе прочихъ, съ крошечными окошками и низкой крышей». Внутри также вполнѣ крестьянская обстановка, безъ малѣйшаго слѣда благосостоянія. Единственнымъ признакомъ умственныхъ интересовъ служитъ чернильная бутылочка и перо на бѣломъ закапанномъ столѣ. Сама поэтесса такъ описываетъ «свой міръ»: «Теплая соломенная крыша, маленькія окошечки, обрамленныя веселымъ зеленымъ виноградомъ; площадка луга, усѣяннаго цвѣтами, узкая тропинка къ нивѣ. Маленькое поле окружено еловымъ лѣсомъ, въ которомъ такъ сладко мечтать». А завѣтною ея мечтою, хотя и не особенно сладостною въ это время было—довести своего шестнадцатилѣтняго сына до каррьеры сельскаго учителя.

Подобно Лиліенкрону, Іоганна Амброзіусъ поздно наткнулась на свой поэтическій талантъ. Только 30 лѣтъ отъ роду написала она свое первое стихотвореніе подъ вліяніемъ горя, и съ тѣхъ поръ постоянно прибѣгала къ поэтическому творчеству, спасаясь отъ отчаянія, какъ пьяницы спасаются виномъ. И также, какъ пьяница, она должна была стыдиться своего влеченія и прятать свои рукописные грѣхи отъ людскихъ глазъ. Только сестра Іоганны была посвящена въ ея таинственную дѣятельность и была первою поклонницей родившагося въ тиши таланта. Ей и пришло въ голову послать нѣсколько стихотвореній въ какую-то захолустную газету. Съ тѣхъ поръ стихи Іоганны появлялись время отъ времени по различнымъ провинціальнымъ листкамъ. Но въ нихъ нѣтъ ничего яркаго, могучаго, что сразу обращаетъ на себя вниманіе равнодушныхъ читателей газетъ. Десять лѣтъ имя ея оставалось пустымъ мѣстомъ въ сонмѣ тысячъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, пока, наконецъ, эти стихи, собранные въ книгу, не сложились въ цѣльную психологическую картину, не поражающую силой тона, какъ поэзія Ады Негри, но увлекающую при внимательномъ разсмотрѣніи печальной жизненной правдой, наивной искренностью, незнакомой съ позой и заимствованіемъ, наконецъ, иногда тонкой поэзіей сѣвернаго ландшафта.

Іоганну Амброзіусъ часто сближали съ Адой Негри*). Общность происхожденія, печальное начало жизни и одинаковая блестящая литературная каррьера даютъ основаніе для такого сближенія. Что касается характера ихъ талантовъ, то, быть можетъ, различія между ними значительнѣе, чѣмъ общія черты. Разница эта та же, какая существуетъ между итальянскою и нѣмецкою живописью XV и XVI вѣковъ. Тамъ, въ Италіи радостное поклоненіе красотѣ природы, жажда солнца, энергія въ движеніи, сочность и яркость красокъ, свѣжая жизнерадостность

*) См. особенно *Herm Grimm.* «Ioh. Ambrosius» (Deutsche Rundschau, 1895, № 8).

Тиціана или титаническій трагизмъ Микель Анджело. На сѣверъ отъ Альпъ блѣдныя или темныя краски, аскетическое отношеніе къ человѣческой красотѣ, безобразное тѣло, едва допускаемое движеніе, но при этомъ реальная характерность и глубина выраженія въ лицахъ, мистическій экстазъ, замкнутая нѣжность и спокойная наивность. Эти качества не способны поражать съ перваго взгляда,—нужно нѣкоторое напряженіе, чтобы постичь ихъ въ гравюрахъ Дюрера, въ его евангелистахъ и даже въ Мадоннѣ Гольбейна. Уменьшивъ этотъ масштабъ до возможной степени, мы все-таки можемъ распознать тѣ же черты у Ады Негри и Іоганны Амброзіусъ: страстную жажду жизни, моменты могучаго подъема и безнадежнаго отчаянія, съ одной стороны, и подавленные стоны, покорное страданіе, отреченіе отъ борьбы и надежда на будущую жизнь—съ другой стороны. Ады Негри жаждетъ счастья сама для себя и для цѣлаго міра, Іоганна Амброзіусъ слишкомъ подавлена безысходнымъ гнетомъ судьбы, чтобы стремиться къ лучшему будущему, и мирится съ роковымъ характеромъ несчастья за себя и за другихъ: «такъ Богъ хотѣлъ», или «такъ должно быть». «Цвѣты должны цвѣсти и вянуть, облака должны приходить и уходить; мы рождены не для радости, намъ не дано узнать счастья. Поэтому, нечего размышлять, нечего спрашивать, устреми свой взглядъ на небо: тамъ Отецъ вселенной тебѣ скажетъ, почему все такъ должно быть!»

Эту философію она извлекла изъ собственной безотрадной жизни. «Вся моя жизнь была печальнымъ блужданіемъ, еще ребенкомъ вышла я на поиски любви и счастья, они заманчиво порхали передъ моими глазами, какъ бабочки, которыя отдыхаютъ то на одномъ, то на другомъ цвѣткѣ; они манили меня до самаго поздняго вечера, но когда поднялись дымные туманы, они исчезли, запрятавшись въ цвѣтахъ, а моя рука наткнулась на терновый кустъ. Теперь я устала, мои пальцы не двигаются, я лежу на травѣ, которую покрываетъ уже иней, и вотъ передъ мной опять мелькаютъ эти прекрасныя существа, но уже не садятся на цвѣты,—они возносятся все выше и выше, пока не исчезаютъ совсѣмъ изъ моихъ глазъ, застлавшихся слезами. Листья опадаютъ съ кладбищенскихъ липъ и шепчутъ чуть слышно: только тамъ вверху счастье!» Этотъ припѣвъ повторяется безчисленное количество разъ. «Мы женщины слабый полъ,—говорится въ другомъ мѣстѣ,—мы только плачемъ, когда наши мужья проклинаютъ, а если вѣсы счастья колеблются, мы ищемъ спасенія въ молитвѣ, не въ оружіи». Можно ли и требовать, чтобы крестьянская женщина, которая несетъ двойную тяжесть своего класса и своего пола, даже при исключительныхъ духовныхъ силахъ, сохранила еще энергію для борьбы. Надежды на самую скромную побѣду нѣтъ никакой, а «метаться на своихъ тяжелыхъ цѣпяхъ, значитъ только увеличивать боль оковъ». Поэтому, не гибнутъ отъ отчаянія только тѣ, которыя смиряются, утѣшаясь мыслью, что всему на свѣтѣ есть конецъ. «Молчи, молчи! Не плачь такъ горячо; придетъ пора—все застынетъ, какъ ледъ.

Скоро, скоро положатъ тебя въ прохладное мѣсто, и ты будешь у цѣли раньше, чѣмъ думаешь. Далеко, далеко тогда останется страданіе; твои кости—прахъ, твое сердце—тоже прахъ».

Такое желаніе вѣчнаго покоя, разумѣется, не можетъ быть постояннымъ настроеніемъ живого человѣка. І. Амброзіусъ воспитала въ себѣ и гордость страданія. Въ дѣтствѣ, говоритъ она, она была злая дѣвочка и любила хлестать розгой воду; и чѣмъ глубже удавалось ей бороздить ее, тѣмъ больше это ей доставляло удовольствія. «Нынѣ жизнь бьетъ и хлещетъ меня, не переставая. Не возмездіе ли это природы? Пускай; одного не дамъ у себя отнять: я буду терпѣть молча, чтобы передъ водой не стыдно было».

Изъ необходимости она дѣлаетъ добродѣтель и видитъ даже счастье въ вѣчномъ самопожертвованіи. «Куда мнѣ дѣвать всю мою любовь? Тамъ, положить на очагъ? Да, величайшая любовь тутъ получаетъ свою цѣну; тамъ я отдамъ ее, какъ жертву, одинъ кусокъ за другимъ; жить не для себя, а для другихъ—вотъ въ чемъ будетъ мое счастье!» Иногда она пытается даже нарисовать идиллическую картину семейнаго благополучія у этого жертвеннаго очага, на лонѣ деревенской жизни, но идилліи ей плохо удаются. Гораздо естественнѣе и поэтичнѣе, когда она поетъ свою вѣчную пѣсню о вѣчномъ горѣ. Часто ей удается достигнуть простоты и непринужденной образности народной поэзіи. Въ этомъ родѣ І. Амброзіусъ можетъ похвалиться нѣсколькими шедеврами, достойными стать рядомъ съ величайшими образцами нѣмецкой лирики, съ пѣснями Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде, Гёте и Гейне. Возьмемъ для примѣра слѣдующее маленькое стихотвореніе: «У самой часовни лежитъ забытая, одинокая могильная плита, обвитая плющемъ. Надъ нею стоитъ елка, закутанная въ траурное платье, она плачетъ надъ могилой свѣтлою смолою. Никакая скорбь не нарушаетъ завоеваннаго покоя того, кто здѣсь спитъ. Я была бы счастлива, если бы я спала такъ, какъ ты». Естественно возникаетъ искушеніе видѣть въ этой маленькой элегіи подражаніе знаменитому стихотворенію Гёте «Über allen Gipfeln ist Ruh» («Горныя вершины» Лермонтова). Но по свидѣтельству проф. Шраттенталя, Іоганна Амброзіусъ познакомилась съ произведеніями Гете, Шиллера и другихъ классиковъ только послѣ 1894 г., т. е. когда огромное большинство ея стихотвореній, и въ томъ числѣ лучшія, были уже написаны.

Сравнительно рѣдко находимъ мы у Амброзіусъ изображенія чужой психологіи. Въ этихъ случаяхъ, впрочемъ, она выбираетъ настроенія преимущественно родственныя своему собственному, и создаетъ подчасъ высоко поэтическія вещи. Такъ, вся серія *Дѣвичьихъ пѣсенъ* какъ будто прямо взята изъ нѣмецкой народной лирики. Мы возьмемъ оттуда одинъ образчикъ: «Я его вѣрно любила, съ тѣхъ поръ какъ могу вспомнить, я всегда носила въ сердцѣ этого чужого, красиваго человѣка. На Троицынъ день мое деревцо стояло въ полномъ цвѣту; на

Троицынъ день онъ праздновалъ свадьбу съ другой дѣвушкой. Мои уста хотѣли бы его благословить, но сердце стонетъ и плачетъ: теперь онъ соединенъ съ другой навѣки вѣчные». Эту пѣсню Ада Негри не сочинила бы и главное не пережила бы,—для этого нужно обладать всею мечтательностью и замкнутостью крестьянской женщины сѣверныхъ странъ. Почти тотъ же сюжетъ въ другомъ, юмористическомъ освѣщеніи обработанъ въ стихотвореніи *Фальшивыя женщины*. «Каждое утро, чуть лишь заря блеснетъ сквозь маленькія оконца, Гансъ сѣдлалъ кобылу, чтобы ѣхать къ Гретѣ. Но въ обѣдъ кобыла стояла осѣдланною все еще въ конюшнѣ, а умный Гансъ стоялъ рядомъ, серьезно размышляя, ѣхать или нѣтъ. Каждое утро стояла Грета расфранченная у окна, поглядывая на улицу, не ѣдетъ ли пышный всадникъ. Но никакого всадника не видать было, и Грета взяла себѣ другого. Гансъ стоитъ около своей кобылы и плюется: фальшивыя женщины!» Это вѣками воспитанное неумѣніе брать счастье тамъ, гдѣ оно дается въ руки, въ болѣе обобщенной формѣ служитъ содержаніемъ еще одной прекрасной пѣсни, въ которой критика *) также указывала элементы народной лирики: «Мимо меня проѣзжало Счастье со всѣмъ своимъ багажемъ, я издалека видѣла блескъ его сказачной роскоши. Возница уже хотѣлъ остановиться, мое сердце тяжело стучало, я было протянула руки, но передо мною уже было пустое мѣсто. Я только видѣла, какъ счастье неслось вдали съ быстротою вѣтра; и вотъ я сижу у дороги и плачу почти до слѣпоты».

Только упуская изъ виду всѣ подобныя произведенія, можно утверждать, какъ дѣлаетъ Рих. Мейеръ **), что въ стихахъ Іоганны Амброзіусъ нигдѣ не слышится ароматъ родимой земли, что они представляютъ продуктъ общераспространенныхъ элементовъ образованія и преимущественно продуктъ чтенія *Gartenlaube*. По нашему мнѣнію, Іоганна Амброзіусъ дала нѣмецкой литературѣ нѣсколько пѣсенъ, которыя даже sub specie aeterni, въ сравненіи съ классическими произведеніями въ этомъ родѣ, не теряютъ своего значенія и навѣрное скоро станутъ общенароднымъ достояніемъ. Ни одинъ изъ живущихъ нѣмецкихъ поэтовъ не можетъ разсчитывать на это.

V.

Подводя итоги вышеизложеннымъ фактамъ, мы не колеблясь даемъ положительный отвѣтъ на поставленный въ началѣ этихъ страницъ вопросъ: есть ли поэты въ современной Германіи?

Да, поэты есть. Въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ народа рождаются сильные лирическіе таланты, которымъ, быть можетъ, предстоитъ еще не малый путь развитія.

*) *Hermann Grimm*: Loco cit.

**) «Die deutsche Litteratur des XIX Jahrhunderts».

Но если поставить другой вопросъ: есть ли лирическая поэзія въ современной Германіи? Есть ли такой широкій потокъ чувства, какой въ свое время породилъ романтическую лирику, а впослѣдствіи, какъ реакцію противъ нея, боевую поэзію 40-хъ годовъ? На это нельзя отвѣтить иначе, какъ отрицательно.

Общаго или господствующаго теченія въ поэзіи и не можетъ быть, пока въ общественной жизни націи не назрѣетъ какая нибудь идейная и матеріальная сила, которая будетъ близка къ торжеству. «Дѣйствительно, новая лирика,—говоритъ цитированный уже нами Рих. Мейеръ,—даруется только дѣйствительно возрождающемуся народу». Между тѣмъ, борющіяся до сихъ поръ въ Германіи стихіи слишкомъ уравновѣшиваютъ другъ друга, борьба, при всей своей напряженности, не сконцентрировалась еще на одномъ пунктѣ. Пророчествовать же въ этомъ смыслѣ дѣло не наше.

Евгеній Дегенъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

(*Продолженіе* *).

V.

Происхожденіе націоналистической традиціи, какъ первый продуктъ дѣйствія иноземныхъ факторовъ.—Вторженіе иноземныхъ элементовъ въ обстановку домашней жизни, во времяпрепровожденіе. — Болѣе глубокое вліяніе—при помощи непосредственнаго сближенія съ иностранцами.—Русскіе за границей: стипендіаты и послы.—Иностранная колонія въ Москвѣ.—Внѣшняя исторія Нѣмецкой слободы.—Ея составъ по профессіямъ, и вѣроисповѣданіямъ.—Перекресты.—Вліяніе иноземной литературы: учителя языковъ, библіотеки, переводы.—Національная реакція противъ иностранцевъ и иностраннаго вліянія. — Стихійная реакція народной массы. Планомѣрная реакція правительства: принятыя имъ мѣры противъ иностранцевъ.—Первая систематическая теорія русскаго націонализма, представленная Юріемъ Крижаничемъ. — Его резюме культурнаго положенія Россіи во второй половинѣ XVII вѣка. — Средства борьбы противъ иностраннаго вліянія въ торговлѣ, въ войскахъ. — Контрастъ въ области быта и золотая середина. — Преимущества политическаго строя, необходимость смягченія «крутого владѣнія».—Взглядъ на обязанности государя.—Поднятіе производительныхъ силъ, какъ главная черта положительной программы.—Проектъ сословныхъ вольностей.—Отношеніе положительной программы націонализма къ программѣ реформы.

Русскіе націоналисты всегда считали XVII в. эпохой самаго полнаго расцвѣта національныхъ идеаловъ. Русскіе западники видѣли въ томъ же самомъ столѣтіи періодъ подготовки петровской реформы, т.-е. европеизаціи Россіи. То и другое—одинаково вѣрно. Мы видимъ въ этихъ двухъ утвержденіяхъ не два противорѣчивыхъ положенія, исключающія другъ друга, а двѣ стороны одной и той же истины, тѣснѣйшимъ образомъ связанныя другъ съ другомъ. Въ XVII в., дѣйствительно, первые косые лучи европейскаго просвѣщенія начали золотить верхушки русскаго общества. Голые, сѣрые стволы, на которыхъ пышно распускались эти верхушки, дали длинныя тѣни. Эти тѣни—неразлучныя со свѣтомъ—и есть отраженіе въ общественномъ сознаніи національной своеобразности.

Сравненіе, взятое изъ практики любителя-фотографа, можетъ быть, еще лучше пояснитъ нашу мысль. Фотографическая пластинка, уже воспринявшая изображеніе, полная фигуръ и образовъ, тѣней и свѣта,

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль.

на видъ остается такой же чистой и гладкой, какою была раньше. Но стоитъ погрузить ее въ извѣстный химическій растворъ, чтобы ея внутреннее содержаніе тотчасъ начало проявляться. Прежде всего, покрывается густой черной тѣнью небо и даль. На этомъ фонѣ рѣзко выступаютъ бѣлые силуэты перваго плана, пока ничѣмъ не наполненные. Но вотъ тамъ и сямъ на бѣлыхъ мѣстахъ начинаютъ выступать рѣзкіе черные штрихи; за ними появляются полутоны и, наконецъ все сливается въ одну цѣльную картину. Картина была, собственно, готова до своего «проявленія» въ растворѣ. Но всякій фотографъ знаетъ, что не только необходимъ «проявитель» для обнаруженія картины, но что, до извѣстной степени, можно повліять на распредѣленіе свѣта и тѣней въ картинѣ, видоизмѣняя составъ раствора.

Иностранное вліяніе обыкновенно играетъ роль такого «проявителя» созданной исторіей картины—даннаго національнаго типа. Раньше чѣмъ началъ дѣйствовать этотъ реактивъ, нація такъ же мало сознаетъ свою національность, какъ герой Мольера сознавалъ, что онъ говоритъ прозой. Въ общественной, какъ и въ индивидуальной психикѣ, сознаніе является результатомъ контраста. Тамъ, гдѣ контрастъ можетъ скорѣе и легче обнаружиться (напр. въ небольшихъ племенныхъ группахъ, среди смѣшаннаго населенія, въ пограничныхъ мѣстностяхъ и т. п.), тамъ и сознаніе національныхъ отличій является скорѣе и принимаетъ болѣе острыя формы. Напротивъ, въ такой странѣ, какъ Россія, національное самосознаніе должно было развиться поздно и медленно и, даже развившись, часто имѣло характеръ не инстинкта, а отвлеченной идеи—у руководителей массы, характеръ пароксизма, а не постоянно дѣйствующаго фактора,—у самой этой массы.

И въ самой послѣдовательности развитія національнаго сознанія можно найти нѣкоторую параллель съ приведеннымъ нами фотографическимъ примѣромъ. Тутъ тоже есть своя рѣзкая разница между чернымъ фономъ чужой національности и бѣлымъ контуромъ собственной,—разница, которая отмѣчается въ сознаніи прежде всего. Такой разграничительной чертой для національнаго сознанія является обыкновенно вѣроисповѣдная форма. Вѣра въ соціологіи—совсѣмъ не то, что въ богословіи: не совокупность откровенныхъ истинъ, обыкновенно мало извѣстныхъ и даже мало доступныхъ массамъ, а всѣмъ извѣстное, доступное и понятное знамя, вокругъ котораго сосредоточивается борьба за національныя особенности. Естественно, что при такомъ пониманіи—вѣра и національность становились понятіями тожественными, нераздѣльными другъ отъ друга. Тотъ, кто стоялъ «за вѣру», тѣмъ самымъ стоялъ за національность, замѣняя только первымъ, болѣе наглядныхъ понятіемъ, второе, болѣе отвлеченное. Безъ сомнѣнія, такой именно смыслъ имѣли всѣ подобныя заявленія людей смутнаго времени—этого перваго пароксизма національнаго самосознанія, первой широкой популяризаціи контраста между своимъ и чужимъ. Перемѣнить вѣру—это

было такъ же физически невозможно, какъ перемѣнить «натуру». Русскій человѣкъ становился втупикъ передъ такимъ, напр, явленіемъ, какъ превращеніе русскаго молодца, посланнаго Годуновымъ за границу учиться языкамъ, въ англиканскаго пастора. Онъ просто не хотѣлъ повѣрить въ самую возможность подобнаго превращенія. Онъ допускалъ, что англичане силой принудили русскаго стипендіата перемѣнить вѣру, готовъ былъ даже допустить, что тотъ «съ молодости попрельстился»; но чтобы онъ добровольно отказался вернуться на родину, — нѣтъ: «нестаточное то дѣло — православныя вѣры отбыть и природнаго государства и государя своего и отцовъ и матерей своихъ и роду и племяни забыть». «*А своей природы какъ забыть*», спрашивали русскіе послы англійское правительство и лѣтъ двадцать настаивали на возвращеніи въ Россію ея блуднаго сына.

Но какое же національное содержаніе скрывалось подъ этимъ вѣроисповѣднымъ символомъ? Какія отдѣльныя черты соединены были этой общей скобкой — бѣлаго вѣроисповѣднаго контура? И когда начали «проявляться» въ сознаніи отдѣльныя черты, заполнявшія контуръ?

Чтобы привести въ сознаніе содержимое символа, нужно было дальнѣйшее дѣйствіе нашего «проявителя». Нравы, бытъ, тѣ или другія черты жизни, обстановки, характера — только тогда могли быть поняты какъ специфически-національныя, когда рядомъ съ ними стали параллельныя и въ то же время контрастирующія черты чуждыхъ нравовъ, чужого быта. А это случилось — въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ — только въ XVII столѣтіи. Вотъ почему наполненіе голыхъ вѣроисповѣдныхъ контуровъ національнаго самосознанія живыми чертами быта и могло быть дѣломъ только XVII столѣтія. Естественно, что бытъ и запечатлѣлся въ національномъ сознаніи именно въ той самой формѣ, въ которую онъ сложился въ моментъ своего «проявленія», въ XVII вѣкѣ. Не все, конечно, въ этомъ бытѣ, только что достигшемъ тогда высшей точки своего развитія и только что начинавшемъ отживать свое время — не все въ немъ было безусловно самобытно и національно. Напротивъ, за все предыдущее время, когда еще не сложилось, по контрасту, понятіе о національномъ типѣ быта — не мало отдѣльныхъ чертъ чужого быта успѣли контрабандой проскользнуть въ составъ національнаго типа и получили въ немъ теперь національную санкцію. За «свое» пошло не мало чужаго, но заимствованнаго раньше, въ періодъ безсознательнаго развитія національности. Отдѣляя это чужое, принятое за свое, отъ чужаго, сохранившаго на себѣ въ общемъ сознаніи свое привозное клеймо, мы въ каждой отдѣльной области жизни могли бы точно опредѣлить, гдѣ прошла граница между безсознательной и сознательной порою національнаго развитія.

Могутъ возразить, однако, что здѣсь дѣло просто во времени. Пройдетъ время,—и недавно усвоенное станетъ давно усвоеннымъ, и со-

знаніе о его чуждомъ происхожденіи тоже будетъ потеряно, какъ потерялось сознаніе о происхожденіи бытового инвентаря XVII вѣка. Это совершенно вѣрно, но это нисколько не мѣшаетъ намъ утверждать, что въ разныя эпохи національной исторіи, какъ въ разные возрасты отдѣльнаго человѣка, способность помнить о прошедшемъ бываетъ разная. Соціальная память, подобно индивидуальной, формируется и крѣпнетъ въ извѣстную пору исторической жизни народа. Все, что предшествуетъ этой порѣ, не оставляетъ по себѣ никакой памяти или оставляетъ весьма смутную. Все, что совершается по сю сторону этой черты, образуетъ болѣе или менѣе непрерывную нить болѣе или менѣе связныхъ воспоминаній, техническіе пріемы сохраненія которыхъ все болѣе и болѣе совершенствуются. Наслѣдство, переданное отъ первой, безсознательной поры исторической жизни—второй, сознательной, составляетъ обыкновенно *національностическую традицію*. Этимъ происхожденіемъ національностической традиціи объясняется то, что содержимое такой традиціи представляется исконнымъ, неразложимымъ. Оно дѣйствительно исконно и неразложимо въ предѣлахъ исторической памяти народа, гораздо болѣе короткой, чѣмъ его историческое существованіе. Исторія, которая исправляетъ и дополняетъ эту память, находитъ способъ — разложить національностическую традицію, и отыскать ея источники. Вотъ почему, если еще можно видѣть въ исторіи, въ извѣстномъ смыслѣ, «народное самосознаніе», то уже ни въ какомъ случаѣ это народное самосознаніе не можетъ оказаться тожественнымъ съ тѣмъ, которое считается живымъ хранителемъ національностической традиціи. Можно было бы даже сказать, что нѣтъ болѣе сильнаго врага для національностической традиціи, чѣмъ именно исторія.

Въ предыдущихъ главахъ мы занялись такимъ историческимъ анализомъ происхожденія русской національностической традиціи. Анализъ этотъ привелъ насъ къ выводу, что уже при первой формулировкѣ національностическихъ идеаловъ чужеземное вліяніе играло главную, даже рѣшающую роль. Такимъ образомъ, элементы національной традиціи при самомъ своемъ возникновеніи находились въ ближайшемъ и непосредственномъ сосѣдствѣ съ элементами критики. Тотъ самый Иванъ Грозный, который далъ національнымъ идеаламъ такую эффектную санкцію, въ разговорѣ съ однимъ иностранцемъ не находилъ словъ достаточно рѣзкихъ, чтобы характеризовать низкій нравственный уровень своихъ подданныхъ. А когда его собесѣдникъ съ недоумѣніемъ напомнилъ царю, что вѣдь и самъ онъ русскій, то Иванъ рѣшительно отвѣчалъ, что онъ вовсе не русскій, а нѣмецъ, такъ какъ происходитъ отъ Пруса. Не мудрено, что послѣдовательные національностисты уже въ XVII в., порицали Ивана IV за его западничество, вмѣсто того чтобы преклоняться передъ нимъ какъ передъ національнымъ героемъ народной легенды (см. ниже, стр. 283).

Элементамъ критики и дальше суждено было развиваться, прежде всего, въ той же самой средѣ, т. е. среди представителей двора и правительства. Къ этому одинаково приводили какъ положительныя, такъ и отрицательныя причины. Отрицательной причиною было то, что никакой другой соціальный элементъ тогдашней Россіи не былъ способенъ явиться носителемъ оппозиціонно-критическихъ идеологій. Въ этомъ должны были убѣдить насъ событія смутнаго времени. Положительной же причиной надо считать ту, что непосредственный источникъ всякой критики, иностранное вліяніе, былъ всего ближе и доступнѣе именно для этихъ общественныхъ слоевъ, для двора и высшей бюрократіи. Въ тѣхъ же слояхъ, слѣдовательно, должна была получить теперь, по контрасту, свою окончательную формулировку и націоналистическая идеологія.

Итакъ, нашей ближайшей задачей въ этомъ отдѣлѣ является опредѣлить силу иноземнаго реактива и охарактеризовать произведенную имъ реакцію. Другими словами, мы должны, съ одной стороны, прослѣдить распространеніе иностранныхъ идей и быта въ XVII вѣкѣ; съ другой стороны, опредѣлить то значеніе, которое имѣли эти элементы критики— не для разрушенія націоналистическихъ идеаловъ, такъ какъ для этого время еще не пришло тогда, а, на первый разъ, для болѣе полнаго и точнаго опредѣленія націоналистическаго идеала.

Вліяніе иноземной культуры должно было, на первыхъ порахъ, носить болѣе матеріальный, чѣмъ идейный характеръ. Прежде чѣмъ началось вліяніе западныхъ *идей*, въ русской жизни сказалось вліяніе *быта*, вліяніе обстановки высшей культуры, а затѣмъ (или, вѣрнѣе, рядомъ съ этимъ) и вліяніе европейскихъ прикладныхъ, техническихъ знаній. Первое казалось безвреднымъ; второе было вызвано прямой необходимостью; такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ европейское вліяніе проходило въ жизнь само собою, постепенно и малозамѣтно, возбуждая лишь сравнительно слабый и безсильный протестъ. Между тѣмъ, то и другое — бытъ и техника — безсознательно для русскаго человѣка втягивали его и въ кругъ европейскихъ идей и понятій. И когда онъ очнулся передъ неожиданно большимъ итогомъ чуждыхъ привычекъ, усвоенныхъ по мелочамъ,—идти назадъ было уже поздно. Старый бытъ былъ уже фактически разрушенъ. Только и оставалось — сдѣлать его предметомъ націоналистическаго культа и отвлеченной идеализаціи.

Въ XVII в. этотъ стихійный процессъ только еще начался. Даже въ сферѣ собственно-бытовой успѣхи иноземныхъ вліяній были очень ограничены, достигались медленно и распространялись на очень узкій соціальный кругъ. Въ царскомъ дворцѣ, въ нѣсколькихъ наиболѣе аристократическихъ московскихъ домахъ явилось нѣсколько предметовъ европейской обстановки, правда, нисколько не упразднявшихъ старую, а только ее дополнявшихъ. Рядомъ съ простыми гладкими, липоваго

или дубоваго дерева столами появились «на польскій образецъ» или «нѣмецкой работы» столы «эбеноваго» или «индѣйскаго» дерева, съ кривыми или точеными фигурными ножками. Рядомъ съ традиціонными скамьями по стѣнамъ—явились кресла съ замысловатой обивкою и стулья «золотные нѣмецкіе», которые въ концѣ вѣка можно было покупать въ Москвѣ, въ Овощномъ ряду, цѣлыми дюжинами, по рублю (тогдашнему) за штуку. Появились,—на первыхъ порахъ, впрочемъ, лишь во внутреннихъ, жилыхъ покояхъ,—и зеркала на стѣнахъ; ихъ, однако, завѣшивали тафтой или закрывали, на манеръ кіота, затворами, чтобы подчеркнуть ихъ утилитарную, а не эстетическую роль. Часы, столовые и карманные, имѣли то же значеніе и уже съ начала XVII вѣка составляли довольно обычный предметъ обихода, какъ можно судить по сравнительно значительному количеству вольно-практиковавшихъ часовыхъ мастеровъ-иностранцевъ, находившихъ себѣ, очевидно, достаточное пропитаніе въ тогдашней Москвѣ. Несомнѣнно-эстетическое значеніе имѣли картины, постепенно вытѣснявшія къ концу вѣка стѣнную роспись. Къ картинамъ перешло и традиціонное содержаніе стѣнной росписи, по преимуществу церковно-историческое, рѣже просто историческое или аллегорическое. Новостью было изображеніе «персонъ съ живства», т. е. портретной живописи. Конечно, всѣ эти роды картинъ были роскошью, доступной не многимъ. Для болѣе широкаго круга картины замѣнялись дешевыми гравюрами—«фряжскими листами» заграничной работы или даже ихъ русскими воспроизведеніями, такъ какъ печатаніе гравюръ успѣло къ концу вѣка сдѣлаться предметомъ мѣстной индустріи, процвѣтавшей въ Москвѣ и въ Кіевѣ и снабжавшей своими издѣліями торговцевъ московскаго Овощного ряда и Спасскихъ воротъ. Дешевизна (отъ ½ коп. до 2 тогдашнихъ коп.) и разнообразіе содержанія, подчасъ очень серьезнаго, чаще моральнаго и религіознаго, нерѣдко и смѣхотворнаго, распространяли вкусъ къ фряжскимъ листамъ—этимъ предшественникамъ лубочныхъ картинокъ—все въ болѣе и болѣе широкихъ кругахъ. Въ богатыхъ домахъ эти листы насчитывались сотнями, а во дворцѣ ими замѣняли иногда обои.

Такъ традиціонная русская изба превращалась мало-по-малу въ европейскія «палаты». Но палатами и ограничилось на первый разъ это превращеніе.

Значительно быстрѣе, чѣмъ въ обстановкѣ, прививалось польское и нѣмецкое вліяніе въ костюмѣ. Въ области костюма особенно много можно было бы указать чертъ, несомнѣнно заимствованныхъ, но превратившихся въ «свое», національное достояніе къ тому времени, когда начались массовыя заимствованія XVII вѣка. Въ пограничномъ Псковѣ мѣстный пастырь уже въ концѣ XV вѣка увѣщеваетъ свою паству «не носить нѣмецкаго платья». Въ срединѣ XVI вѣка извѣстный намъ памфлетъ, бесѣда Сергія и Германа, снова обличаетъ грѣховодниковъ, «позавидовавшихъ ризамъ невѣрныхъ, съ головы и до ногъ» и даже грозитъ

«горемъ» всему «роду христіанскому, прельстившемуся на порты и шлыки невѣрныхъ, имущему ихъ на себѣ». Черезъ весь XVII вѣкъ идетъ опять рядъ обличеній и запрещеній, очевидно, столь же безсильныхъ, какъ и предъидущія. Царскія дѣти еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ носятъ нѣмецкое платье, пошитое имъ ихъ воспитателемъ Морозовымъ; а въ 1675 г. спеціальный указъ запрещаетъ употребленіе этого платья служилымъ чинамъ, толпившимся во дворцѣ. Одного изъ придворной молодежи царь разжаловалъ въ низшій чинъ за ношеніе модной прически,—и затѣмъ было сдѣлано только что упомянутое распоряженіе, чтобы придворные чины (стольники, стряпчіе, дворяне и жильцы): «иноземныхъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосъ у себя на головѣ не подстригали, а также платья, кафтановъ и шапокъ у себя не носили и людямъ своимъ тоже носить не велѣли». Однако же, въ московскихъ рядахъ въ то же время и позднѣе свободно занимались своимъ ремесломъ портные поляки и нѣмцы, очевидно, находившіе своихъ кліентовъ. Царскій указъ, самое большое, долженъ былъ заставить только московскихъ щеголей—нѣкоторое время—не мозолить глаза при дворѣ своими новыми модами.

Гораздо труднѣе, чѣмъ въ обстановку и костюмъ, было проникнуть новымъ вѣяніямъ въ традиціонное препровожденіе времени. Строгій чинъ русской жизни, детально регламентированный, превращалъ жизнь въ обрядъ, соблюденіе котораго было не менѣе обязательно, по крайней мѣрѣ въ высшемъ кругу, чѣмъ соблюденіе обрядовъ религіи. И здѣсь, однако, нашлась лазейка, отыскалось такое слабо защищенное мѣсто, черезъ которое новыя вѣянія пробили себѣ путь къ уму и сердцу русскаго человѣка. Единственный моментъ дня, когда онъ былъ предоставленъ самому себѣ, когда ни вѣра, ни общество, ни даже домашній порядокъ ничего отъ него не требовали, это были часы, — достаточно долгіе, правда, — посвященные отдохновенію. Русскій человѣкъ уже и воспользовался этимъ промежуткомъ отдыха, чтобы распуститься въ волю и систематически нарушить тутъ все то, что его такъ строго заставляли соблюдать въ остальное время дня. Тамъ онъ былъ уменъ; здѣсь онъ позволялъ себѣ дурачиться. Тамъ его унижали; здѣсь онъ самъ унижалъ другихъ, куражился надъ ними. Тамъ онъ былъ вѣрный сынъ церкви; здѣсь онъ возвращался къ языческой старинѣ, упорно игнорируя всѣ предписанія церкви. Здѣсь нашла себѣ убѣжище гонимая церковью народная литература, или, по крайней мѣрѣ, ея уцѣлѣвшія отъ крушенія обломки. Здѣсь сбрасывалась личина смиренія и постничества, и раздавался безпрепятственно тотъ самый смѣхъ, на который строгіе церковные моралисты смотрѣли какъ на начало душевной погибели. Если среди всего этого разгула самъ хозяинъ не пускался въ пѣніе и плясъ, то только потому, что все еще долженъ былъ соблюдать свое достоинство передъ дворней. Зато онъ вдоволь заставлялъ другихъ и пѣть, и плясать, и выкидывать всякія штуки,—

чѣмъ замысловатѣе, чѣмъ забористѣе, чѣмъ циничнѣе, тѣмъ лучше. Это было, словомъ, то царство дураковъ и дуръ, «бахарей» (сказочниковъ) и «домрачеевъ» (сказителей былинъ подъ звуки домры), которое водворялось во всякомъ богатомъ русскомъ домѣ въ часы послѣобѣденнаго отдохновенія или передъ отходомъ ко сну. Къ этому-то наименѣе защищенному пункту и могли легче и незамѣтнѣе всего привиться заносныя «польскія» или «нѣмецкія» забавы.

Первыми піонерами этого иностраннаго нашествія явились заѣзжіе акробаты, фокусники, клоуны. Одинъ изъ нихъ, «нѣмчинъ» Иванъ Семеновъ цѣлыя десять лѣтъ подрядъ увеселялъ въ «Потѣшной палатѣ» семью царя Михаила Ѳеодоровича и оставилъ послѣ себя цѣлую школу учениковъ: «выучилъ по канатамъ ходить и танцовать и всякимъ потѣхамъ, чему самъ умѣетъ, пять человѣкъ, да по барабанамъ выучилъ бить 24 человѣка». Музыканты-нѣмцы тоже не переводились при московскомъ дворѣ съ самаго начала XVII столѣтія. Органы и цимбалы (родъ фортепьянъ) еще съ XVI в. фигурировали въ дворцовомъ инвентарѣ. Со вступленіемъ Алексѣя Михайловича развитіе всѣхъ этихъ придворныхъ забавъ круто обрывается. Вмѣсто былинъ и сказокъ «бахарей» и «домрачеевъ», у государя «наверху» распѣваютъ духовные стихи его «нищіе богомольцы». Мѣсто органной игры занимаетъ стройный церковный хоръ. Музыкальные инструменты и маски преданы были торжественному ауто-да-фе за Москвой, на Болотѣ. Царь бросилъ «Потѣшную палату» для медвѣжьей потѣхи или для любимаго своего спорта — соколиной и псовой охоты. Воздержаніе отъ заграничныхъ и языческихъ забавъ продолжалось, однако, лишь до тѣхъ поръ, пока жива была первая жена царя Алексѣя. Съ женитьбой на второй женѣ, эмансипированной Матвѣевымъ Натальи Кирилловнѣ,— дворъ какъ будто спѣшитъ наверстать потерянное время и сразу переходитъ къ самой сложной формѣ иноземной забавы: къ театральному спектаклю (1672—1675). Форма была нова, но всѣ ея составные элементы стары, такъ что переходъ къ этой формѣ не вызвалъ особаго протеста. Театральный спектакль проходилъ подъ флагомъ «дѣйства изъ Библіи», т. е. воспроизведенія въ лицахъ общеизвѣстнаго библейскаго сюжета: Есѳири, Товіи, Юдиѳи, Іосифа. Только одно «Темиръ-Аксаково дѣйство» было робкой попыткою выйти изъ круга библейскихъ темъ въ область историческихъ. Но и тутъ авторъ ухитрился изобразить героя (Тамерлана) въ видѣ христіанскаго подвижника за вѣру. Конечно, флагъ прикрывалъ контрабанду: романическій и смѣхотворный элементъ, строго запрещенные церковью. Но и это запрещеніе было слишкомъ часто нарушаемо раньше: передъ зрителемъ являлись на подмосткахъ въ сущности тѣ же дураки и дуры, съ ихъ плоскими шутками и откровеннымъ цинизмомъ. Безцеремонный реализмъ любовныхъ объясненій Олоферна съ Юдиѳью или жены Пентефрія съ Іосифомъ тоже не шокировалъ тогдашняго вкуса. Въ этомъ отношеніи очень хорошо было для успѣха

первыхъ театральныхъ попытокъ то обстоятельство, что устроители заимствовали для русской сцены не новый репертуаръ только что обновленнаго тогда нѣмецкаго театра, а старую ветошь, затрепанную бродячими артистами Германіи по ярмаркамъ и приспособленную ими же для самаго низменнаго уровня. Остроуміе голландскаго Пикельгеринга и чувственность «англійской комедіи» были какъ разъ по плечу московской придворной публикѣ. Военныхъ сценъ, треска и грома, дракъ и убійствъ на сценѣ было совершенно достаточно въ этихъ комедіяхъ, чтобы удовлетворить самаго взыскательнаго любителя балагана. Словомъ, новинка должна была придтись по вкусу. Пригодились и придворные художники-иностранцы: живописецъ нарисовалъ до трехъ дюжинъ декорацій «преоспективнымъ письмомъ»; органистъ составилъ оркестръ при помощи дворовыхъ музыкантовъ Матвѣева. Нѣмецкій пасторъ изъ «слободы» режиссерствовалъ и обучалъ актеровъ; онъ же выбиралъ и пьесы, а переводить ихъ пришлось, повидимому, подъячимъ посольскаго приказа. Такимъ образомъ, для осуществленія новой затѣи пущены были въ ходъ всѣ наличные рессурсы тогдашней московской цивилизаціи. Результатъ превзошелъ ожиданія. Три года подрядъ представленія не прекращались ни зимой, ни лѣтомъ: актеры, оркестръ, декораціи переѣзжали вслѣдъ за царемъ и его дворомъ изъ кремлевскаго дворца въ Преображенское и обратно.

Мы знаемъ, однако, что чужеземныя вліянія въ XVII в. не ограничились перемѣнами во внѣшнемъ бытѣ, обстановкѣ и времяпрепровожденіи знатныхъ людей. Мы видѣли («Очерки», II, 38—40), что уже въ серединѣ вѣка, подъ вліяніемъ отчасти польскимъ, отчасти греческимъ, московское правительство стало критически относиться къ религіознымъ идеологіямъ націоналистовъ XVI столѣтія. Послѣдствіемъ такой критики была ссора представителей оффиціальной церкви съ защитниками національной идеологіи, передавшими скоро свое оппозиціонное настроеніе народной массѣ. Но, возвысившись надъ націонализмомъ религіознымъ, московскія власти остановились на полупути. Скоро имъ самимъ пришлось защищать только-что освобожденную ими отъ націоналистическаго содержанія религію противъ новыхъ вѣяній—польско-европейскихъ. (См. «Очерки», II, стр. 153, 244—8). Мы знаемъ, что борьба съ этими новыми вѣяніями оказалась, однако, такой же непосильной, какъ и борьба съ религіознымъ націонализмомъ. Точка зрѣнія чистаго формализма не могла удовлетворить ни тѣхъ, которые хотѣли жить старыми упованіями на всемірноисторическую миссію русскаго народа, ни тѣхъ, кто искалъ, увлекаясь европейскими вѣяніями или запросами собственнаго сердца, новыхъ формъ религіозной мысли и чувства. Въ результатѣ и мысль, и чувство ускользнули изъ-подъ вліянія оффиціальныхъ руководителей. Старая вѣра, съ одной стороны,—раціонализмъ и мистицизмъ, съ другой,—нашли къ концу вѣка готовую почву для распространенія. Еще меньше препятствій встрѣ-

тила европейская свѣтская наука—сперва въ видѣ обрывковъ средневѣковыхъ устарѣлыхъ знаній, переданныхъ черезъ посредство Польши, а потомъ и въ подлинномъ своемъ видѣ. (См. о смѣнѣ тѣхъ и другихъ родовъ знаній въ «Очеркахъ», II, 250—275). Ко всѣмъ этимъ послѣдствіямъ чужеземныхъ вліяній мы теперь уже не будемъ возвращаться. Насъ интересуетъ въ данный моментъ не столько положительное содержаніе переданнаго Россіи запаса новыхъ мыслей и чувствъ, сколько самый процессъ ихъ передачи и вызванное имъ сознаніе контраста между національзмомъ и европеизмомъ. Къ этому, т.-е. къ путямъ и способамъ европейскаго идейнаго вліянія и къ его послѣдствіямъ для національнаго самосознанія—мы теперь и возвращаемся.

Главнѣйшимъ способомъ, какимъ проникало вліяніе европейскихъ идей въ Россію, было, конечно, непосредственное соприкосновеніе русскихъ съ иностранцами: за границей или у себя дома. Поѣздки русскихъ людей за границу были, впрочемъ, до конца XVII в. рѣдкимъ и исключительнымъ явленіемъ. Первый опытъ командировки русскихъ за границу для обученія, сдѣланный Годуновымъ, кончился, какъ мы видѣли, полной неудачей. Молодежь оказалась болѣе воспріимчивой къ благамъ европейской культуры, чѣмъ это было нужно московскому правительству. Съ тѣхъ поръ въ Москвѣ относились крайне осторожно къ заграничнымъ поѣздкамъ, отпускали только акклиматизировавшихся уже въ Россіи иностранцевъ и ихъ сыновей, а на русскихъ наложенъ былъ безусловный запретъ. Одинъ изъ немногихъ, нарушившихъ этотъ запретъ русскихъ эмигрантовъ, Котошихинъ, совершенно правильно передаетъ соображенія, руководившія при этомъ правительствомъ. «Для науки и обученія въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ», говоритъ онъ, «страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи и вольность благую,, начали бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ другимъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили». Такимъ образомъ, за границу не могли попасть какъ разъ тѣ, кому такое путешествіе могло бы принести больше всего пользы. Изрѣдка появлялось въ Европѣ русское посольство,—но московскіе чиновники, волей правительства становившіеся импровизированными дипломатами, меньше всего были подготовлены къ роли наблюдателей европейской жизни. Незнакомые съ языками, кое-какъ вычитывавшіе по тетрадкѣ, слово за словомъ, свои оффиціальныя рѣчи, они озабочены были однимъ: какъ бы не сдѣлать лишняго шага, или не сказать лишняго слова, которое бы умалило честь государя и подвело ихъ подъ служебное взысканіе. Они не прочь были иной разъ попользоваться непривычной свободою жизни, но то, какъ они понимали эту свободу, вызывало отвращеніе въ невольныхъ свидѣтеляхъ ихъ разгула. Это было, въ глазахъ европейскихъ наблюдателей, даже не «варварство», а просто «скотство» и «свинство». Отъ удовольствій европейскаго стиля, такъ же какъ отъ наслажденія пу-

тешествіемъ—картинами природы, памятниками искусства, пріобрѣтеніями культуры—отдѣляла ихъ китайская стѣна, созданная ихъ собственной умственной и нравственной грубостью. Куда бы они ни являлись, они несли съ собой всюду, въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ, свою собственную атмосферу. Помѣщенія, въ которыхъ они останавливались, приходилось провѣтривать и чистить чуть не цѣлую недѣлю. Ихъ появленіе на улицѣ, въ парчахъ и въ шелку краснаго, желтаго или зеленаго цвѣта, въ длиннополыхъ халатахъ съ высочайшими воротниками и длиннѣйшими рукавами, въ мѣховыхъ шапкахъ азіатскаго покроя, собирало около нихъ толпу зѣвакъ: не то это былъ маскарадъ, не то религіозная процессія, не то просто этнографическій курьезъ, вывезенный какимъ-нибудь предпріимчивымъ антрепенеромъ изъ заморскихъ странъ, вмѣстѣ съ нильскими крокодилами и африканскими львами. Когда въ Москвѣ поняли, наконецъ, къ концу XVII в., какое впечатлѣніе производятъ за границей эти доморощенные дипломаты, всего больше хлопотавшіе о томъ, какъ бы не уронить достоинства своего государя, то ихъ стали замѣнять обжившимися въ Россіи иностранцами. Житейская опытность и свѣтская развязность послѣднихъ теперь, въ свою очередь, вызывали изумленіе въ европейской дипломатіи, привыкшей считаться съ grobianità Moscovitica.

Итакъ, поѣздки за границу ничего, или почти ничего не могли дать для усиленія иноземнаго вліянія въ Россіи. Совсѣмъ иное значеніе имѣли въ этомъ дѣлѣ непосредственныя столкновенія русскихъ съ иностранцами у себя дома.

Исторія этихъ столкновеній начинается очень давно. Но намъ нѣтъ никакой надобности слѣдить за ней съ самаго начала. Пока иностранный элементъ лишь отдѣльными струями просачивался въ русскую жизнь, его уносило теченіемъ, или онъ опускался на дно, ассимилируясь съ окружающей средою и исчезая безслѣдно съ поверхности жизни. Только когда эммиграція иностранцевъ приняла количественно большіе размѣры, отдѣльныя единицы стали задерживаться все долѣе на поверхности, цѣпляясь и поддерживая другъ друга, такъ что къ концу XVII в. въ Москвѣ сложилась уже большая, благоустроенная колонія,—маленькій оазисъ Европы среди культурной пустыни.

О первой завязи этой колоніи намъ сообщаютъ источники еще изъ первой половины XVI столѣтія. Герберштейнъ разсказываетъ, что Василій III отвелъ своимъ тѣлохранителямъ (набраннымъ изъ литовцевъ и поляковъ) для поселенія особую слободу Нали(вки), имя которой до сихъ поръ сохранилось въ названіи одной церкви между Полянкой и Якиманкой. Изслѣдователи объясняли исчезновеніе этой первой иноземной слободы набѣгомъ Девлетъ-Гирея (1571 г.). Вѣроятнѣе предположить, что корпусъ тѣлохранителей просто постепенно обрусѣлъ, оставшись на томъ же мѣстѣ, но получивъ новую организацію и новое имя стрѣльцовъ, данное имъ Иваномъ Грознымъ въ 60-хъ годахъ. Въ то же

десятилѣтіе встрѣчаемся съ новымъ массовымъ наплывомъ иностранцевъ. Это—плѣнные, цѣлыми тысячами приведенные изъ ливонскихъ походовъ. Часть ихъ была разсѣяна по разнымъ провинціальнымъ городамъ, гдѣ большинство, вѣроятно, опять-таки зажилось и обрусѣло. Другая часть—поселена въ столицѣ. Для послѣднихъ отведено было новое мѣсто—близъ устья Яузы, на ея правомъ берегу. Подобно старой, новая слобода («Нѣмецкая») освобождена была отъ питейнаго акциза; ея жители скоро разбогатѣли продажей вина. Въ 1578 г. эта Нѣмецкая слобода сдѣлалась жертвой одной изъ вспышекъ гнѣва Ивана Грознаго. По его приказу, она подверглась форменному штурму и была разграблена. Но скоро яузская колонія оправилась отъ погрома и къ концу вѣка, вѣроятно, достигла высшей точки своего процвѣтанія, благодаря внимательному отношенію Годунова къ иностранцамъ. Въ смутное время, однако яузская колонія была сожжена и опустѣла на цѣлые полвѣка. Ея населеніе разбѣжалось по уѣздамъ и значительная часть тамъ навсегда осталась. Роста иноземцевъ въ Москвѣ это, однако, не остановило. Напротивъ, лишившись осѣдлости въ яузскомъ предмѣстьѣ, иностранцы перенесли свои поселенія въ самый городъ и оставались тамъ до середины вѣка, постоянно прибывая въ численности. Вмѣсто прежней одной церкви (лютеранской), у нихъ явилось двѣ и одна реформатская. Главнымъ ихъ центромъ была Покровка и Чистые Пруды; но ихъ дома, перекупленные у москвичей, явились также и на Тверской, на Арбатѣ, на Сивцевомъ Вражкѣ. Разбросанные среди русскихъ, иностранцы невольно начали втягиваться мало-по-малу въ русскую жизнь. Они вели русскія знакомства, держали русскую прислугу, усвоивали языкъ, стали, наконецъ, даже носить русское платье, чтобы меньше обращать на себя вниманія въ городѣ. Все это возбудило опасенія и въ средѣ торговцевъ, которымъ иностранцы сбивали цѣны на товары, и среди домовладѣльцевъ, которымъ они набивали цѣны на земли, и среди духовенства, которое начало бояться вліянія иностранцевъ на нравы. Посыпался рядъ жалобъ, которыя правительство сочло нужнымъ удовлетворить. Въ числѣ мѣръ, о которыхъ упомянемъ ниже, противъ иностранцевъ принята была одна радикальная, составившая эру въ исторіи ихъ общины. Имъ велѣно было продать свои дома русскимъ владѣльцамъ, и церкви ихъ, стоявшія внутри города, были снесены. Для новыхъ поселеній иностранной колоніи мѣсто было отведено, «гдѣ были напередъ сего нѣмецкіе дворы», т.-е. на Яузѣ, только нѣсколько выше по ея теченію. Такимъ образомъ, опредѣлилось (въ 1652 г.) окончательное мѣсто «Ново-нѣмецкой» слободы, въ районѣ теперешней Нѣмецкой улицы. Непосредственной своей цѣли выселеніе иностранцевъ изъ городской черты достигло: сліяніе съ русскимъ населеніемъ пріостановилось. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, сила иностраннаго вліянія возрасла, такъ какъ теперь подъ самыми стѣнами столицы сформировался иностранный городокъ, съ совершенно особымъ строемъ

жизни и быта. До сихъ поръ иностранцамъ грозила ассимиляція съ русскимъ элементомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ русскимъ усвоеніе иностранной культуры. Теперь эта культура стояла рядомъ, во всей своей неприкосновенности, какъ вѣчно готовый образецъ для подражанія. Представители русской власти не хотѣли допустить амальгамы русскаго быта съ иностраннымъ. Теперь имъ предстояло пережить періодъ культурнаго завоеванія Москвы Нѣмецкой слободою.

Не нужно, впрочемъ, быть особенно высокаго мнѣнія о культурности элементовъ, собравшихся въ Нѣмецкой слободѣ. Девизъ этого населенія былъ тотъ самый, который одинъ изъ его пасторовъ (Беръ) формулировалъ латинскимъ стихомъ

Omne solum forti patria est, ut piscibus aequor

то-есть:

«Всякій край для смѣлаго—родина, какъ рыбѣ—море».

Въ авантюристахъ, любителяхъ легкой наживы, среди этого населенія не было недостатка. Не мало было тутъ и шарлатановъ, искусно эксплоатировавшихъ русское невѣжество, чтобы дорогой цѣною продать дешевыя услуги. Этотъ всегдашній элементъ добровольцевъ-цивилизаторовъ, обязательно являющійся во всѣхъ малокультурныхъ странахъ, по обыкновенію больше всѣхъ шумѣлъ и скандалилъ, навлекая на всю колонію ненависть мѣстнаго населенія, у котораго онъ перебивалъ хлѣбъ, и создавая колоніи за границей самую дурную репутацію. Но, конечно, такими людьми не исчерпывался составъ населенія Нѣмецкой слободы. Не мало было здѣсь, особенно на второстепенныхъ и третьестепенныхъ должностяхъ, такихъ людей, какъ, напр., пушечныхъ дѣлъ мастеръ Фалькъ, давшій въ одномъ изъ скандальныхъ процессовъ слободы угрюмое показаніе, что «онъ съ кляузниками не водится, такъ какъ онъ — человѣкъ недосужный». Не гонясь за многимъ, эти люди несли въ чужую имъ страну свой трудъ и знаніе и честно дѣлали свое маленькое дѣло. Для русской культуры, впрочемъ, на первыхъ порахъ всякіе элементы—шарлатаны и честные труженики, были полезны.

Профессіональный составъ иноземнаго населенія вполнѣ опредѣлялся государевыми и государственными потребностями. Въ началѣ первыя преобладали. Лейбъ-медикъ—иностранецъ давно уже появился при московскомъ дворѣ. За нимъ слѣдовали мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, «органные игрецы», живописцы и т. д. Государственнымъ нуждамъ удовлетворяли переводчики посольскаго приказа, явившіеся также и первыми переводчиками серьезной иностранной литературы; полковые лекаря, очень, впрочемъ, немногочисленные; квалифицированные мастера военнаго дѣла и пр. Если прибавимъ сюда довольно значительный элементъ торговыхъ людей, для собственныхъ интересовъ поселившихся въ Москвѣ, то этимъ и исчерпаемъ составъ древнѣйшей иноземной общины, такъ какъ рядовыхъ солдатъ въ этотъ составъ иноземной интеллигенціи вводить нельзя. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше военный

элементъ усиливается, занимая, наконецъ, первое мѣсто въ рядахъ иноземческой аристократіи. Уже въ тридцатыхъ годахъ является съ своими офицерами полковникъ Лесли, реорганизовавшій русское войско для (неудачной, впрочемъ) борьбы съ Польшей. Подъ его начальствомъ собралось въ Москвѣ, въ началѣ этого десятилѣтія, до 3.000 иноземныхъ солдатъ; потомъ эта масса частію схлынула, разбрелась по Россіи,—но офицерство осталось въ Москвѣ и положило тамъ начало «новой» иноземской общинѣ, такъ называемой «офицерской», вступившей вскорѣ въ безконечную распрю со старой, «купеческой». Когда въ 1653 г. было запрещено иностранцамъ владѣть помѣстьями, то и жившее въ деревняхъ офицерство должно было частью съѣхаться въ Москву. Наконецъ, въ началѣ 60-хъ годахъ, вызванъ были для военной реорганизаціи цѣлый рядъ новыхъ иностранныхъ офицеровъ, ставшихъ во главѣ преобразованныхъ полковъ. Съ этого момента перевѣсъ военныхъ въ составѣ Нѣмецкой слободы становится безспорнымъ. Перепись 1665 г. показала слѣдующій составъ населенія Ново-нѣмецкой слободы (по дворамъ):

	Дворовъ.
Военныхъ иноземцевъ (отъ полковника до прапорщика)	142
Военныхъ дѣлъ мастеровъ (пушечнаго, ружейнаго)	4
Придворныхъ мастеровъ (золотаго и серебрянаго дѣла часовщиковъ, сѣдельника, портныхъ, живописца)	20
Лѣкарей и аптекарей	4
Переводчиковъ	3
Торговыхъ иноземцевъ	23
Стряпчаго торговыхъ людей	1
Еврея	1
Пасторовъ	3
Неизвѣстнаго званія	3
Итого	204

Здѣсь, конечно, сочтены только домовладѣльцы; квартиранты въ этотъ счетъ не входятъ. Общую цифру населенія слободы надо считать не меньше 1.500 (въ двадцатыхъ годахъ можно предположить около 500, въ серединѣ вѣка около 1.000 чел.).

Господствующимъ вѣроисповѣданіемъ въ слободѣ давно уже было лютеранское. Католицизмъ преобладалъ среди московскаго иноземческаго населенія только до второй половины XVI вѣка; населеніе первой Яузской слободы уже было по преимуществу лютеранское. Дѣло въ томъ, что католицизмъ былъ въ Москвѣ извѣстенъ и подозрителенъ, какъ вѣра сосѣдняго Польско-литовскаго государства. Церковь съ давнихъ поръ воспитывала русское населеніе въ ненависти къ «латинству». Опытъ смутнаго времени могъ только усилить это враждебное отношеніе. И, дѣйствительно, правительство, призывая со всѣхъ сторонъ иностранцевъ, внимательно слѣдило за тѣмъ, чтобы какъ-нибудь не проникъ въ

Московское государство латынникъ. Когда въ числѣ солдатъ, навербованныхъ Лесли въ Европѣ, оказываются католики, правительство немедленно выпроваживаетъ ихъ за границу на казенный счетъ. Въ теченіе всего столѣтія католикамъ такъ и не удается, несмотря на всѣ старанія, добиться разрѣшенія имѣть въ Москвѣ свою церковь, по примѣру давно разрѣшенныхъ лютеранской и реформатской. Къ протестантскимъ исповѣданіямъ правительство относится, напротивъ, очень терпимо,—во-первыхъ, потому, что относительно нихъ оно не связано никакой традиціей, никакими историческими прецедентами, во-вторыхъ, потому, что какъ болѣе далекое отъ православія, какъ еретическое, а не только схизматическое, протестантство кажется ему менѣе опаснымъ для русскаго населенія. Только къ концу вѣка группируется въ Нѣмецкой слободѣ, около Гордона, небольшой католическій кружокъ, но онъ уже не можетъ измѣнить общаго тона религіозной жизни въ слободѣ. Ученикъ Нѣмецкой слободы, Петръ Великій, выноситъ изъ нея протестантскіе взгляды (см. «Очерки», II, стр. 245 и слѣд.).

Несмотря на переселеніе въ новую слободу, для иностранцевъ всегда оставался открытымъ одинъ законный путь перехода въ русскую среду. Это, именно, принятіе православія, часто сопровождавшееся, или даже вызывавшееся, женитьбою иностранцевъ на русскихъ. Въ старое время, въ XVI вѣкѣ, обрусѣніе иностранцевъ происходило такъ постепенно и регулярно, что переходъ совершался зачастую какъ бы самъ собою. Просто начиналъ человѣкъ ходить въ русскую церковь и исправлять русскіе обряды; крестилъ его дѣтей поневолѣ православный попъ, и второе поколѣніе выростало настолько уже обрусѣвшее, что едва помнило иностранное происхожденіе и національность отца. Только когда правительство, послѣ смуты, усилило контроль надъ иностранцами, а московскій помѣстный соборъ 1620 г. постановилъ, что ихъ (собственно католиковъ, такъ какъ о протестантахъ и вопроса не возникало) надо вновь крестить, какъ еретиковъ, — только тогда власти принялись за этихъ полу-иностранцевъ, отцы которыхъ выѣхали въ Россію при Грозномъ или даже при Василіи III,—и заставили ихъ перекрещиваться на старости лѣтъ. Рѣшеніе собора 1620 г. было, правда, отмѣнено соборомъ 1667 г. Возможно, что въ провинціи обрусѣніе совершалось и теперь попрежнему, т.-е. путемъ постепеннаго сліянія, но въ столицѣ это было уже трудно. Тутъ оно, впрочемъ, было бы и невыгодно, такъ какъ, рѣшившись принять православіе, иностранцы, обыкновенно, старались извлечь побольше выгодъ изъ этого перехода. Они выбирали себѣ крестнаго отца познатнѣе и побогаче и осаждали правительство челобитьями о своихъ нуждахъ: просили и получали и деньги, и помѣстья, и должности съ окладами, и даже награды натурой: платьемъ, съѣстными припасами и питьемъ, разнымъ домашнимъ скарбомъ. Процесса обрусѣнія этотъ формальный переходъ въ православіе ничуть не ускорилъ. Напротивъ, прежде, затериваясь въ русской массѣ, единицы

скорѣе ассимилировались фактически, чѣмъ это могло быть теперь, когда «перекрестовъ» окружали свои же земляки, поддерживавшіе въ нихъ сознаніе національной и культурной особности. Теперь «перекрестами» заселялись въ Москвѣ цѣлыя слободы, одна изъ которыхъ и географически составляла переходъ отъ Нѣмецкой слободы къ Москвѣ (Басманная: другая, Панская, была расположена по другую сторону города). Такимъ образомъ, и «перекресты» являлись теперь проводниками западнаго вліянія въ русскую среду.

Менѣе общедоступно, но зато болѣе серьезно, чѣмъ личное вліяніе иностранцевъ, было вліяніе иноземной литературы на русскую интеллигенцію. Проводниками этого вліянія были тѣ же поселенцы Нѣмецкой слободы,—конечно, болѣе культурные изъ нихъ. Уже въ смутную эпоху бояринъ Ѳедоръ Головинъ разсказывалъ по секрету поляку Маскѣвичу, что у него былъ братъ, который «имѣлъ большую охоту къ языкамъ, но не могъ открыто учиться имъ; для этого онъ держалъ у себя тайно одного изъ нѣмцевъ, жившихъ въ Москвѣ; нашелъ также поляка, разумѣвшаго языкъ латинскій. Оба они приходили къ нему тайно, переодѣвшись въ русское платье, запирались съ нимъ въ комнатѣ и читали вмѣстѣ латинскія и нѣмецкія книги, которыя онъ успѣлъ пріобрѣсти и уже понималъ недурно». «Множество» этихъ книгъ, доставшихся Головину отъ брата, Маскѣвичъ самъ видѣлъ, также какъ и опыты переводовъ вельможнаго ученика съ латинскаго на польскій. Мало по-малу, иностранныя книги стали появляться и въ провинціи. Въ 1672 г. изданъ былъ интересный указъ, которымъ такое распространеніе было строго запрещено: «въ городахъ, на посадахъ и слободахъ, и въ уѣздахъ, въ селахъ и деревняхъ, во всѣхъ мѣстахъ, всякихъ чиновъ людямъ учинить заказъ крѣпкій съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ тѣ люди польской и латинской печати книгъ никто у себя въ домахъ тайно и явно не держали, а приносили бы и отдавали бы воеводѣ». Едва ли такое распоряженіе оказалось дѣйствительнымъ. Въ столицѣ, во всякомъ случаѣ, подобная мѣра уже въ то время была анахронизмомъ. Здѣсь чѣмъ дальше, тѣмъ становились обыкновеннѣе домашніе учителя и библіотеки иностранныхъ книгъ, и самое обученіе велось открытѣе. Этимъ путемъ обучались и обучали своихъ дѣтей знаменитые западники XVII столѣтія, Ординъ-Нащокинъ, Матвѣевъ, Борисъ Голицынъ. Въ письмѣ къ царю, въ 1671 г., извѣстный малороссійскій проповѣдникъ и политическій дѣятель Барановичъ замѣчалъ, что «синклитъ царскаго пресвѣтлаго величества польскаго языка не гнушается, но чтутъ книги ляцкія въ сладость». Что это былъ не простой комплиментъ по адресу московскихъ бояръ, доказываетъ попытка, сдѣланная въ слѣдующемъ 1672 году типографіей кіевской лавры,—открыть въ Москвѣ спеціальную книжную лавку, въ которой польскія книги занимали видное мѣсто. До тѣхъ поръ книги продавались въ Москвѣ изъ казенной лавки при Печатномъ дворѣ; вольная же

продажа книгъ производилась на ряду съ другими товарами, въ лавкахъ овощнаго ряда. Только что упомянутая попытка кіевлянъ открыть спеціальный книжный магазинъ кончилась, однако, неудачей. Съ одной стороны, она грозила конкуренціей московской казенной и вольной продажѣ, а съ другой—вызывала опасенія, какъ бы не распространились подозрительныя москвичамъ богословскія и богослужебныя изданія западно- и южно-русской печати. Назначенъ былъ цензоръ,—онъ же и управитель московскаго Печатнаго двора—митрополитъ Павелъ, который выполнилъ свою обязанность весьма просто. Тѣ изъ кіевскихъ книгъ, которыя существовали и въ московскихъ изданіяхъ, онъ сличилъ съ послѣдними и отмѣтилъ разнорѣчія. Остальныя же книги онъ раздѣлилъ на двѣ категоріи: однѣ, которыя и прежде продавались въ Москвѣ и «спору о нихъ не бывало»; другія, новыя, въ Москвѣ неизвѣстныя. Продажа «несходныхъ» и неизвѣстныхъ книгъ была затѣмъ запрещена, а продавать книги, имѣвшіяся и въ Москвѣ, значило дозволять конкуренцію. Естественно, что правительство, въ концѣ концовъ, рѣшило (1675): «книгъ никакихъ въ Москву на продажу не присылать, потому что въ Москвѣ устроенъ на то Печатный дворъ, и *книгами изобильно*». «Изобильно» было, въ Москвѣ, очевидно, однѣми богослужебными книгами, которыя почти исключительно и издавала казенная типографія. Но такъ какъ такими книгами только и могъ держаться тогда книжный магазинъ, то отъ своихъ попытокъ устроить въ Москвѣ спеціальную книжную торговлю малороссійскимъ предпринимателямъ пришлось отказаться. Потребность въ иного рода книгахъ этимъ, конечно, не уничтожалась. Любопытно, что и самый вышеупомянутый цензоръ одобрилъ къ продажѣ латинскія и польскія книги, привезенныя въ 1672 году коммиссіонерами кіевской лавры. Тогдашняя партія старины судила, конечно, о нихъ иначе. Представители этой греческой партіи (Евфимій) прямо обвиняли русскую знать въ томъ, что при посредствѣ домашнихъ учителей она ввела въ моду латинскія (т. е. неправославныя) мнѣнія. При устройствѣ академіи та же партія хотѣла, какъ мы знаемъ, положить предѣлъ этому вторженію западной литературы путемъ введенія строгаго наблюденія за учителями иностранныхъ языковъ и путемъ безусловнаго запрещенія держать у себя иностранныя книги лицамъ, не прошедшимъ курса высшихъ наукъ (см. «Очерки», II, стр. 246). Уже самая условность этихъ мѣропріятій (независимо отъ ихъ полнаго безсилія на практикѣ) показываетъ, что преградить иностранному вліянію этотъ путь—литературный—было уже поздно и невозможно.

Вліяніе, однако, шло еще дальше простаго привоза и чтенія иностранныхъ сочиненій. Иностранныя библіотеки и учителя доступны были, дѣйствительно, только знати. Теперь же, чѣмъ дальше, тѣмъ больше—иностранная литература и наука популяризировались посредствомъ русскихъ переводовъ. Правда, огромная часть этихъ перево-

довъ оставалась въ единственномъ экземплярѣ, представлявшемъ автографъ переводчика; притомъ многія изъ такихъ рукописей составляли достояніе правительственныхъ учрежденій или вельможныхъ библіотекъ. Но, какъ бы то ни было, — начало было положено. Можно даже составить, очень неполную, правда, но все же поучительную, статистику этихъ древнѣйшихъ русскихъ переводовъ, характеризующую отчасти вкусы и потребности тогдашняго читателя. Вотъ табличка, показывающая, сколько было сдѣлано (извѣстныхъ намъ) переводовъ за три пятидесятилѣтія (съ середины XVI до конца XVII столѣтія), съ распредѣленіемъ этихъ переводовъ по отраслямъ знанія.

ОТДѢЛЪ.	Число переводовъ. 1550—1599	1600—1649	1650—1699
Религіозно-нравственный	3	6	28
Литературный	1	2	12
Историческій	3	1	14
Космографія и географія	4	4	67
Медицинскій	1	2	5
Энциклопедіи, словари и справочныя книги	1	4	3
Астрономія	—	—	9
Военныя науки	—	3	2
Естественныя	3	1	—
Математическія	—	—	3
Юридическія и политическія	—	1	5
Разныя	—	—	6
Итого	16	24	94

Какъ ни разнообразны были пути и формы иноземнаго вліянія, какъ ни возрасла сила этого вліянія къ концу XVII вѣка,—тѣмъ не менѣе, его побѣда была дѣломъ будущаго, дѣломъ слѣдующаго періода развитія нашего національнаго самосознанія. Въ настоящемъ же періодѣ, какъ сказано выше, элементы критики приводили не къ разрушенію націоналистическихъ идеологій, а, наоборотъ, къ ихъ болѣе точной и полной формулировкѣ. На этомъ отрицательномъ вліяніи западныхъ вѣяній намъ и нужно остановиться, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ положительному. Итакъ, посмотримъ, прежде всего, какъ реагировало западное вліяніе на туземный націонализмъ.

Реакція была въ началѣ безсознательная, очень энергичная по своимъ проявленіямъ, но очень слабая по своимъ конечнымъ результатамъ, такъ какъ она исходила изъ мало-вліятельныхъ общественныхъ слоевъ. Напротивъ, къ концу вѣка націоналистическая реакція становилась все болѣе планомѣрной и сознательной, захватывала все болѣе вліятельные слои, по мѣрѣ того какъ выяснялась степень и размѣръ опасности, которою грозили націоналистической традиціи элементы

критики. Если, несмотря на свою планомѣрность, сознательность и вліятельную поддержку, націоналистическая реакція оказалась, въ концѣ концовъ, безсильной, то это отчасти потому, что она слишкомъ поздно сознала грозившую націонализму опасность, отчасти же потому, что ей нечего было и потомъ противопоставить этой опасности, нечѣмъ съ нею бороться. Тамъ, гдѣ этихъ причинъ не было, націоналистическая реакція обыкновенно оказывалась болѣе способной—не побѣдить, конечно, критическія тенденціи, но, по крайней мѣрѣ, противопоставить имъ болѣе сильное и продолжительное сопротивленіе и этимъ отсрочить моментъ ихъ побѣды. У насъ сопротивленіе націонализма оказалось ничтожнымъ, и потому побѣда критическихъ тенденцій вышла необычайно быстрой и полной (см. объ этомъ также «Очерки», II, стр. 169—171, 205, 216, 225, 247—248, 366—372).

Стихійная, стадная ненависть къ чужеземцамъ есть одно изъ тѣхъ элементарныхъ соціальныхъ чувствъ, которыя сопровождаютъ народное развитіе съ низшихъ ступеней до высшихъ. Оно слабо проявляется только тамъ, гдѣ вообще слабо развито сознаніе національной особности. Деруледъ, тщетно проповѣдующій національную вражду русскому мужику въ имѣніи Льва Толстого—вотъ самая наглядная иллюстрація этихъ двухъ ступеней, можно бы сказать, двухъ полюсовъ развитія—національнаго самосознанія. Смягчается это выраженіе національной вражды лишь на высокихъ ступеняхъ культуры, подъ вліяніемъ болѣе частыхъ международныхъ сношеній и идей общечеловѣческаго единства и равенства. Но какъ тонокъ и непроченъ этотъ культурный слой космополитическихъ чувствъ и идей, мы только что могли заключить изъ поведенія такой высоко-культурной націи, какъ англійская.

Національное самосознаніе массы въ старой Москвѣ до конца XVI в. стояло, повидимому, на уровнѣ толстовскаго мужика, т.-е. на уровнѣ примитивнаго безразличія, которое, конечно, было бы ошибочно принимать за философскую терпимость, такъ какъ единственнымъ основаніемъ его было полное отсутствіе впечатлѣній, возбуждающихъ національное чувство. Положеніе дѣла должно было измѣниться, по мѣрѣ того какъ такія впечатлѣнія стали накопляться и перестали быть случайными и одиночными. Смутное время было своего рода эрой въ этомъ отношеніи. Ежеминутныя насилія надъ привычками и формами народнаго быта воспитали и обострили національную вражду въ жителяхъ столицы, а грабежи польскихъ шаекъ по всей Руси популяризировали то же чувство въ провинціи. Отъ недоумѣнія, вызваннаго дѣйствіями перваго самозванца, Москва скоро перешла къ самой горячей ненависти. Какъ быстро совершилась эта перемѣна настроенія, видно, напр., изъ того, что тотъ самый греческій архіерей, Арсеній Элассонскій, большой хитрецъ, который въ началѣ смуты присоединялся къ мнѣнію московскихъ оппортюнистовъ,—что смута могла

бы быть прекращена женитьбою Василія Шуйскаго на Маринѣ, вдовѣ самозванца, — въ концѣ, выдержавши тяжелую осаду съ запертыми въ Москвѣ поляками, счелъ удобнымъ и своевременнымъ разгласить повсюду, что освобожденіе Москвы отъ поляковъ было ему предсказано во снѣ національнымъ патрономъ, препод. Сергіемъ.

Съ тѣхъ поръ освобожденная и очищенная формально Москва свято хранила свою ненависть къ «поганству». Недаромъ московская протестантская община пѣла, по окончаніи богослуженія, вмѣсто церковнаго гимна, элегическій «плачъ», сочиненный пасторомъ Беромъ въ 1610 году:

Простри, о Боже, свой покровъ
Надъ нами въ дни печали,
Чтобъ отъ злокозненныхъ враговъ
Въ конецъ мы не пропали.
Они всѣмъ сердцемъ, всей душой
Мечтаютъ изъ страны родной
Насъ истребить безслѣдно.
Не сговориться намъ никакъ:
То скажутъ такъ, то эдакъ,
И насъ же, бѣдныхъ, въ дуракахъ
Оставятъ напослѣдокъ.
Какъ ни старайся, ни трудись,
Хоть ты для нихъ изъ кожи лѣзь:
Ничѣмъ не угодишь имъ.
Вездѣ, куда ни кинешь взоръ,
Твой взглядъ врага лишь видитъ
Самъ царь, и съ нимъ весь царскій дворъ
Насъ просто ненавидитъ.

Простой народъ не терпитъ насъ:
Кто не по немъ, такъ съ тѣмъ тотчасъ—
Короткая расправа.
. . . . . .
Отъ ихъ окровавленныхъ рукъ,
О Боже, ты спаси насъ!
Не медли же, явися вдругъ,
Отсюда изведи насъ.
Будь намъ Ты истинный Навинъ:
Среди смѣющихся равнинъ
Поставь земли нѣмецкой.
Здѣсь дольше жить для новыхъ мукъ
Твое не въ силахъ стадо:
Тяжелъ намъ варварскій Молохъ—
Признаться въ томъ ужъ надо.
Веди жъ насъ прочь, иль, внявъ моль бѣ
Несчастныхъ призови къ себѣ—
Въ небесные чертоги.

Острый моментъ прошелъ и разбѣжавшаяся было община понемногу опять собралась. Но враждебное къ ней отношеніе населенія не измѣнилось. Оно, напротивъ, усиливалось по мѣрѣ того, какъ община росла въ числѣ и старалась ближе стать къ столичному населенію. При каждомъ удобномъ случаѣ вражда эта проявлялась самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Въ догонку иностранцамъ уличные мальчишки и взрослые посылали самыя отборныя ругательства, какъ это теперь можно услыхать и увидѣть на глухихъ улицахъ Стамбула. Заглянувшаго въ церковь иностранца—выталкивали въ шею и подметали за нимъ полъ: въ этомъ случаѣ турки обращаются либеральнѣе съ гяурами. Олеарій разсказалъ намъ нѣсколько болѣе серьезныхъ случаевъ,— вѣроятно, не единственныхъ въ этомъ родѣ. Нѣсколько прохожихъ шли мимо лавки цирюльника и замѣтили, что у него въ квартирѣ виситъ человѣческій скелетъ, который, показалось имъ, шевелится въ то время, какъ хозяинъ играетъ на лютнѣ. Несмотря на вліятельную протекцію, злополучнаго цирюльника пришлось выслать изъ Москвы, а скелетъ былъ преданъ торжественному сожженію. Едва спасся отъ народной расправы и живописецъ, при пожарѣ дома котораго найденъ былъ

черепъ. Въ виду такого отношенія толпы, и иностранцамъ и русскимъ во взаимныхъ сношеніяхъ приходилось соблюдать величайшую осторожность. Мы видѣли раньше, что бояринъ, желавшій принимать у себя въ домѣ учителя-иноземца, долженъ былъ дѣлать это потихоньку отъ людей и переодѣвать своего учителя въ русское платье. Въ серединѣ столѣтія положеніе мало перемѣнилось, какъ видно изъ наблюденій Павла Алеппскаго. По его словамъ, москвичи «считаютъ чуждаго по вѣрѣ въ высшейстепени нечистымъ: никто изъ народа не смѣетъ войти въ жилище кого-нибудь изъ франкскихъ (европейскихъ) купцовъ, чтобы купить у него что-нибудь, но долженъ идти къ нему въ лавку на рынкѣ; а то его сейчасъ же хватаютъ со словами: ты пошелъ, чтобы сдѣлаться франкомъ». Органомъ этого раздраженія противъ иностранцевъ сдѣлалось уже въ концѣ царствованія Михаила (1643) московское духовенство. Оно жаловалось царю формально на то, что иностранцы строятъ свои церкви близко отъ русскихъ, что они «русскихъ людей у себя въ дворѣхъ держатъ и всякое осквернение русскимъ людямъ отъ тѣхъ нѣмецъ бываетъ». Эта челобитная послужила сигналомъ къ извѣстному уже намъ правительственному гоненію противъ иностранцевъ. Немедленно были снесены двѣ протестантскія церкви—на Покровкѣ и у Чистыхъ прудовъ; та же судьба постигла затѣмъ и третью. Далѣе послѣдовалъ рядъ указовъ о неношеніи русскаго платья, недержаніи православной прислуги иноземцами, о наказаніи ихъ смертной казнью за богохульство, объ изгнаніи изъ всѣхъ городовъ Россіи, кромѣ Архангельска, англійскихъ коммерсантовъ, наконецъ, о выселеніи всѣхъ иностранцевъ за городскую черту, во вновь отведенную имъ слободу (1652). Все это не только не утишило національной вражды къ иностранцамъ, но на первое время придало смѣлости буянамъ. Не успѣла обстроиться Ново-Нѣмецкая слобода, какъ мы встрѣчаемся съ попыткой уличной толпы разгромить ее. Взволнованная слухами о томъ, что жена только что пожалованнаго помѣстьемъ генерала Лесли мучитъ крестьянъ и жжетъ въ огнѣ иконы, толпа бросилась на Ново-Нѣмецкую слободу, разнесла крыши на только-что перенесенныхъ туда церквахъ и разрушила въ нихъ каѳедры проповѣдниковъ и алтари. Послѣ того и владѣніе помѣстьями запрещено иноземцамъ спеціальнымъ указомъ. Всѣ эти распоряженія создали для иноземцевъ то новое, болѣе спокойное и, въ сущности, болѣе опасное для національнаго положеніе, о которомъ мы говорили выше. Сами иностранцы справедливо сравнивали его съ положеніемъ рака, котораго за наказаніе рѣшено утопить въ водѣ.

Выгнать иностранцевъ изъ Москвы, не умѣя все таки обойтись безъ нихъ, значило, въ сущности, придти къ нимъ самимъ, но уже въ ихъ собственную среду, въ ихъ обстановку, за наукой. Необходимость такого обращенія не замедлила обнаружиться. Лишивъ иностранцевъ русской прислуги, правительство не затруднилось прислать рус-

скихъ дѣтей въ нѣмецкую школу, когда это понадобилось для придворнаго спектакля. Мѣщанскія дѣти показали путь царскому сыну.

Изъ русскихъ едва ли кто тогда понималъ невозможность побѣдить европеизмъ путемъ однихъ только чисто отрицательныхъ мѣропріятій, вродѣ только что перечисленныхъ. Злѣйшимъ врагомъ надвигавшейся европеизаціи, понявшимъ опасность во всемъ ея размѣрѣ и пытавшимся указать не одни только палліативы для борьбы съ нею, оказался на первый разъ не русскій, а славянинъ. Обстановка славянской жизни, съ ея несравненно большей опасностью иноземнаго порабощенія, съ наглядными примѣрами такого порабощенія въ самыхъ разнообразныхъ степеняхъ и періодахъ развитія, начиная съ экономической зависимости, продолжая культурной и кончая политической,— такая обстановка гораздо болѣе изощряла глазъ и настораживала воображеніе противъ всѣхъ возможныхъ опасностей, дѣйствительныхъ и мнимыхъ, иноземнаго вліянія. Только тамъ, на западѣ и можно было, къ тому же, получить подготовку, необходимую для сознательнаго сужденія о политическихъ и соціальныхъ вопросахъ. Всѣ эти условія соединялъ въ себѣ первый теоретикъ русскаго (точнѣе, славянскаго) націонализма, хорватъ Юрій Крижаничъ *). Отъ себя онъ прибавилъ къ этому горячее сердце и недюжинный умъ, силу котораго мы должны будемъ признать за знаменитымъ славяниномъ и тогда, когда точнѣе изучимъ его пособія и источники, и выдѣлимъ въ его разсужденіяхъ все то, чѣмъ онъ обязанъ западной публицистикѣ своего времени. Съ своимъ политическимъ развитіемъ, съ своими знаніями, Крижаничъ для тогдашней Россіи былъ слишкомъ крупной фигурой и, конечно, не могъ быть ни оцѣненъ, ни даже понятъ вполнѣ. Но мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы повторили вслѣдъ за покойнымъ историкомъ Брикнеромъ, что это былъ въ Россіи «ораторъ безъ аудиторіи, проповѣдникъ безъ каѳедры». Сочиненія Крижанича имѣлись налицо и у царя на Верху, и въ Посольскомъ приказѣ и въ частной библіотекѣ В. В. Голицына. Это все были какъ разъ тѣ читатели, къ которымъ и обращался хорватскій патріотъ съ своими политическими утопіями. Но даже и независимо отъ степени распространенности и выполнимости, идеи и наблюденія Крижанича имѣютъ для насъ огромное значеніе, какъ болѣе

*) Родившись въ 1617 году въ Хорватіи, Крижаничъ окончилъ курсъ въ католической духовной семинаріи въ Вѣнѣ, готовился къ миссіонерской дѣятельности въ Римѣ, въ 1642—1646 г. дѣйствовалъ какъ уніатскій миссіонеръ среди православныхъ сербовъ (въ Хорватіи), въ 1646 –1650 жилъ въ Россіи, съ цѣлью соединенія церквей. Вѣроятно, въ 1660,—онъ опять пріѣхалъ въ Москву, а въ 1661,—надо думать, за нежеланіе принять второе крещеніе при переходѣ въ православіе, что должно было быть понято, какъ доказательство католическихъ тенденцій,—высланъ въ Тобольскъ, гдѣ и оставался до смерти царя Алексѣя, до 1676 г. Тамъ написана имъ «Политика», о которой говорится въ текстѣ. 1676—1680 г.—провелъ въ Польшѣ; дальше слѣды Крижанича теряются.

сознательное выраженіе того, что многими смутно думалось и чувствовалось на тогдашней Руси, а также какъ самое яркое описаніе готовившагося въ русской жизни культурнаго перелома. Не имѣй мы сочиненій Крижанича, намъ пришлось бы клеить изъ случайно дошедшихъ до насъ, очень скудныхъ обрывковъ ту идейную формулировку націоналистической реакціи, которая, несомнѣнно, должна была явиться ближайшимъ результатомъ усилившагося теперь натиска европейской культуры. На наше счастье, мы можемъ замѣнить эту мозаику цѣльной картиной первостепеннаго мастера, въ которой все типичное и существенное подчеркнуто, проведено чрезъ сознаніе художника, изображено, благодаря этому, можетъ быть черезчуръ выпукло и преувеличенно рѣзко; но мы предпочтемъ эту выпуклость и рѣзкость тусклому лепету туземныхъ политиковъ, какъ предпочитаемъ изучать бытъ Японіи и Китая по европейскимъ фотографіямъ, а не по силуэтамъ безъ тѣней и перспективы, нацарапаннымъ рукой мѣстныхъ художниковъ.

Россія представляется Крижаничу, уже въ 60-хъ годахъ XVII в., стоящей на распутьѣ двухъ культурныхъ дорогъ, изъ которыхъ одна манитъ впередъ, въ опасную даль, а другая уводитъ назадъ, въ густыя потемки. Программы обоихъ противоположныхъ между собой культурныхъ направленій онъ формулируетъ въ цѣломъ рядѣ яркихъ сопоставленій. При каждомъ отдѣльномъ случаѣ Крижаничъ указываетъ и исходъ изъ опасной дилеммы—въ видѣ средняго пути между крайностями радикализма и реакціи: такой исходъ диктуетъ ему «разумъ».

«Есть два народа, искушающихъ Россію приманками противоположнаго характера, влекущихъ и разрывающихъ ее въ противоположныя стороны. Это—нѣмцы и греки. При всемъ различіи между собой, оба народа вполнѣ сходятся въ одномъ, именно въ основной цѣли своихъ искушеній, и сходятся настолько хорошо, что можно было бы предположить между ними взаимный заговоръ для нашей погибели.

«1. Нѣмцы намъ рекомендуютъ всяческія нововведенія. Они хотятъ, чтобы мы бросили всѣ наши похвальныя древнія учрежденія и нравы и сообразовались съ ихъ собственными извращенными нравами и законами. Греки, напротивъ, безусловно осуждаютъ всякую новизну; безъ дальнихъ разсужденій они вопятъ и твердятъ, что всякая новизна есть зло. *А разумъ говоритъ*: ничто не можетъ быть дурно или хорошо только потому, что оно ново. Все хорошее и дурное было вначалѣ ново. Когда-нибудь было ново и то, что теперь является стариной. Нельзя принимать новизну безъ разсужденія, легкомысленно,—такъ какъ при этомъ можно ошибиться. Но нельзя и отказываться отъ хорошаго изъ-за одной его новизны, такъ какъ и тутъ возможна ошибка. Будемъ ли мы принимать или отвергать нововведеніе, во всякомъ случаѣ надо при этомъ серьезно разобрать дѣло.

«2. Греки научили насъ когда-то православной вѣрѣ. Нѣмцы намъ проповѣдуютъ нечестивыя и душепагубныя ереси. *Разумъ* совѣтуетъ въ

данномъ случаѣ: грекамъ быть весьма благодарными, а нѣмцевъ избѣгать и ненавидѣть ихъ, какъ дьяволовъ и драконовъ.

«3. Нѣмцы стараются завербовать насъ въ свою школу. Подъ видомъ наукъ, они намъ подсовываютъ дьявольскія кудесничества: Астрологію, Алхимію, Магію. Они совѣтуютъ свободныя, т.-е. философскія знанія выбросить на общее употребленіе и сдѣлать доступными каждому мужику. Греки, напротивъ, осуждаютъ всякое знаніе, всякую науку и рекомендуютъ намъ невѣжество. *А разумъ говоритъ*: избѣгай дьявольскихъ кудесничествъ, какъ самого дьявола, но вѣрь, что и невѣжество не приводитъ къ добру. Что касается философіи, съ ея изученіемъ не надо такъ шумѣть и вольничать, какъ это дѣлаютъ нѣмцы, но слѣдуетъ дѣлать это съ той скромностью, съ какой изучали и преподавали философію Святые Отцы. Какъ все хорошее, употребляясь въ излишествѣ, становится дурнымъ, такъ и философія, сдѣлавшись извѣстной всему народу, ведетъ за собой много сомнѣній и смутъ и многихъ отъ труда отвлекаетъ къ праздности, какъ и видимъ теперь у нѣмцевъ. Тамъ всѣ безъ различія, ученый и неученый, честный и не честный, хорошо или худо пользуются общимъ добромъ, кто для того, чтобъ найти истину, кто чтобъ доказать свое невѣрное мнѣніе, кто чтобъ оправдать свои пороки. Нельзя всякое блюдо приправлять медомъ; иначе будетъ тошно. Нельзя и философію дѣлать доступной народу, но только благородному сословію и немногимъ изъ простолюдиновъ, спеціально для того назначеннымъ, сколько ихъ потребуется для государственной службы. Иначе— достойнѣйшая вещь профанируется и пошлѣетъ: бисеръ мечется передъ свиньями.

«4. Нѣмцы выше всего ставятъ проповѣдь или чтеніе Евангелія: этимъ однимъ они надѣются спастись, безъ всякаго покаянія и добрыхъ дѣлъ. При этомъ они вызываютъ насъ на диспуты. Греки же совсѣмъ упразднили и осудили проповѣдь Слова Божія. И диспуты или соборы они осудили, запретили. *А разумъ* совѣтуетъ: во-первыхъ, поревновать о покаяніи и добрыхъ дѣлахъ, а во-вторыхъ, и проповѣди не отвергать. Но нельзя поручать или дозволять проповѣдь первому попавшемуся, не опытному или не твердому въ нравственныхъ правилахъ, священнику или монаху. Проповѣдовать можетъ одинъ епископъ или старѣйшіе, наиболѣе испытанные жизнью и распростившіеся съ мірскими соблазнами монахи. Простымъ священникамъ достаточно читать проповѣди по книгѣ, да и это не всѣмъ можно дозволить, а то въ Германіи и въ Польшѣ всякій пьяный попъ можетъ проповѣдовать Слово Божіе.

«5. Нѣмцы совѣтуютъ намъ предаваться всякой тѣлесной распущенности, а монашескую жизнь, посты, ночныя бдѣнія и всяческое умерщвленіе плоти учатъ презирать. Греки требуютъ, чтобы мы соблюдали не только истинное и похвальное христіанское воздержаніе, но вводятъ особые виды ложнаго благочестія и фарисейскаго суевѣрія. Они хотятъ тѣлесными омовеніями смыть душевныя пятна, а священническими мо-

литвами думаютъ очистить тѣлесную нечистоту и т. п. *А разумъ* внушаетъ: никоимъ образомъ не допускать тѣлесной распущенности и не пренебрегать дѣлами покаянія и умерщвленія плоти. Новые же, подозрительные и неизвѣстные отцамъ виды благочестія предварительно хорошенько изслѣдовать.

«6. Въ политическихъ дѣлахъ греки совѣтуютъ намъ во всемъ поступать по образцу турецкаго двора. Будучи сами неучены и неопытны въ этомъ вопросѣ, они ничего другого и не могутъ намъ сказать объ этомъ, кромѣ того, что видятъ въ Турецкой Портѣ. Нѣмцы же порицаютъ всѣ турецкіе нравы, законы и учрежденія. Все, что носитъ имя турецкаго—тѣмъ самымъ слыветъ у нихъ за варварское, негуманное, скотское. *А разумъ* говоритъ, что и у турокъ есть кое-какія отличныя и достойныя подражанія учрежденія,—разумѣется, не всѣ.

«7. Нѣмцы утверждаютъ, что въ вопросахъ вѣры нельзя никого осуждать и ссылаются при этомъ на Писаніе, гдѣ сказано: «не судите, да не судимы будете». А греки приводятъ другой текстъ: «Кто будетъ вамъ проповѣдовать что-либо сверхъ того, что вы пріяли,—да будетъ анаѳема». И они выводятъ изъ этого и другихъ подобныхъ мѣстъ, что мы должны ихъ однихъ слушать и имъ безъ разсужденій вѣрить. *А разумъ* совѣтуетъ: нѣмецкія и всякія другія ереси, осужденныя уже отцами и соборами, отвергать безъ всякаго новаго разсмотрѣнія, а если возникнетъ новый спорный вопросъ, отцами и соборами не разсмотрѣнный и не рѣшенный,—сперва выслушать и разобрать, какъ слѣдуетъ, а безъ разбора не осуждать. (Напр., вопросы о числѣ таинствъ, о чистилищѣ).

«8. Греки намъ льстятъ и подслуживаются баснями, стараясь возвеличить старину этого государства, а въ дѣйствительности только позорятъ его и ставятъ въ невыгодное положеніе. Они назвали Москву третьимъ Римомъ и сочинили смѣшную сказку, будто русское царство есть римское и ему приличествуютъ знаки достоинства римской имперіи. Нѣмцы же на насъ клевещутъ и всячески стараются доказать міру, что русское государство есть простое княжество, а государи—великіе князья. Тѣ и другіе отказываютъ здѣшнему государству въ имени и чести «королевства» (regnum); тѣ и другіе сходятся въ лживой передержкѣ, будто римское государство—не простое королевство, а нѣчто высшее, и будто здѣшнее государство не можетъ сравняться съ нимъ въ достоинствѣ, если не получитъ этого достоинства отъ римскаго государства. *А разумъ* говоритъ, что государей можетъ ставить одинъ Богъ, а не римскій императоръ; что дать корону и титулъ—не значитъ сдѣлать кого-либо государемъ, а просто значитъ—уступить ему свое мѣсто. Русское царство такъ же велико и славно, какъ римское, никогда ему не подчинялось и равно ему по власти.

«9. Изъ вышесказаннаго ясно видно, какимъ разнообразнымъ и гибельнымъ искушеніямъ подвергаютъ насъ нѣмцы и греки, давая

намъ притомъ совѣты прямо противоположные. Въ самомъ дѣлѣ. 1) Первые хотятъ заразить насъ своими новизнами, вторые огульно осуждаютъ всякую новость и подъ фальшивымъ именемъ древности навязываютъ намъ свои нелѣпости. 2) Одни сѣютъ ереси; другіе хотя и научили насъ истинной вѣрѣ, но примѣшали къ ней схизму. 3) Одни предлагаютъ намъ смѣсь истинныхъ наукъ съ дьявольскими; другіе восхваляютъ невѣжество и всѣ науки считаютъ ересью. 4) Одни питаютъ тщетную надежду спастись одною проповѣдью; другіе пренебрегаютъ проповѣдью и предпочитаютъ полное молчаніе. 5) Одни, допуская всяческую распущенность въ жизни, влекутъ насъ на широкій и просторный путь погибели; другіе, призывая къ фарисейскому суевѣрію и ханжеству, указываютъ тѣмъ путь—болѣе узкій, чѣмъ даже тѣсный и истинный путь спасенія. 6) Одни—всѣ турецкіе государственные порядки считаютъ варварскими, тиранническими и негуманными, другіе все находятъ прекраснымъ и похвальнымъ. 7) Одни находятъ, что нельзя никого судить; другіе утверждаютъ, что надо осуждать, не выслушавъ. 8) Одни не отдаютъ должной чести этому государству; другіе приписываютъ ему честь вымышленную, суетную, нелѣпую и невозможную. 9) Расходясь, такимъ образомъ, почти во всемъ, отлично сходятся въ томъ, что одинаково ненавидятъ нашъ народъ, презираютъ его, злословятъ и осыпаютъ злѣйшими клеветами и нареканіями».

Эта длинная цитата не только резюмируетъ взгляды автора на занимающій насъ вопросъ, но она рисуетъ и его самого во весь ростъ. Такъ отнестись къ борьбѣ греческаго и нѣмецкаго культурнаго вліянія могъ только человѣкъ, чуждый тому и другому: человѣкъ, который смотрѣлъ на протестантизмъ и на православіе глазами католика, который ненавидѣлъ грека и нѣмца, какъ балканскій славянинъ, при томъ славянинъ той пограничной области, гдѣ высокомѣрное господство грека соприкасалось съ предпріимчивой эксплуатаціей нѣмца. Крижаничъ хорошо понялъ, притомъ, что за грекомъ стоятъ лишь традиціи прошлаго, которыя не устоятъ передъ славянскимъ возрожденіемъ, тогда какъ нѣмцу принадлежитъ будущее, и бороться съ нимъ можно только его же оружіемъ—дальнѣйшимъ развитіемъ собственной культуры. Естественно, что уже и по этой причинѣ,—а не только по одному тому, что нападать на грековъ въ православной Москвѣ было не особенно ловко,—всѣ усилія Крижанича направлены на борьбу не съ греками, а съ главнымъ, по его мнѣнію, врагомъ славянства, съ нѣмцами. Сила его ненависти къ этому врагу равняется только тому невольному уваженію, которымъ онъ былъ проникнутъ по отношенію къ европейской культурѣ.

Мы видимъ, что первый русскій націоналистъ выступаетъ на литературную борьбу съ багажомъ, рѣзко различнымъ отъ того, какой находился въ распоряженіи у доморощенныхъ противниковъ иноземнаго вліянія. Его публицистическая проповѣдь представляетъ, сооб-

разно съ этимъ, двѣ очень несходныя стороны. Когда онъ прокламаетъ русскую любовь къ иностранцамъ, мы воображаемъ, съ какимъ удовольствіемъ поддакивали въ тактъ его рѣчамъ самые закоренѣлые московскіе старовѣры. Но стоило ему перейти къ средствамъ для излѣченія лютаго недуга, и можно себѣ легко представить, какъ вытягивались ихъ лица: самъ Петръ великій говорилъ съ ними устами патріота-славянина.

«Народы даровитые и мудрые обыкновенно эксплуатируютъ другіе, менѣе культурные народы (populos rudiores)». Такова исходная точка зрѣнія Крижанича. «Такимъ образомъ прежде греки завлекали въ обманъ другіе народы; теперь ихъ совращаютъ германцы». Больше всѣхъ пострадали отъ нѣмцевъ славяне. Главная причина этого—слабость собственнаго культурнаго развитія. «Нашъ народъ занимаетъ середину между дикими и цивилизованными (людскими) народами». Съ цивилизованными народами славяне не выдерживаютъ никакого сравненія. «Мы по наружности-посредственны, а иностранцы красивы и потому надменны и горды. Мы неразговорчивы, а они бойки на языкъ, говорливы и полны насмѣшливыхъ, ругательныхъ, язвительныхъ рѣчей. Мы медленны умомъ и просты сердцемъ, они исполнены всякихъ хитростей. Мы—гуляки и расточители, приходу и расходу счета не держимъ; богатство свое раздариваемъ и разбрасываемъ; они скупы, жадны, всецѣло преданы корысти. День и ночь они только и смотрятъ, какъ бы наполнить свои мѣшки, а надъ нашими пирами и угощеніями смѣются. Мы лѣнивы къ работѣ и къ наукамъ, они трудолюбивы и не проспятъ ни одного удобнаго часа. Мы довольствуемся убогой одеждой и умѣреннымъ образомъ жизни; они требовательны, утопаютъ въ роскоши и изнѣженности, никогда ничѣмъ не насытятся, но постоянно алчутъ и хотятъ имѣть все больше и больше. Мы живемъ въ убогой землѣ, они рождены въ богатыхъ роскошныхъ странахъ и привозятъ къ намъ всякіе, къ роскоши и наслажденіямъ служащіе товары: бисеръ, шелкъ, драгоцѣнные камни, вино, сахаръ, фрукты, и этими приманками дурачатъ насъ, какъ ловцы звѣрей. Мы просто говоримъ и думаемъ и просто въ нашихъ дѣйствіяхъ поступаемъ: если поссоримся, то и опять помиримся; у нихъ—сердце скрытное, неискреннее, злопамятное, наружность притворная; обиднаго слова они не забудутъ до смерти, и если разъ съ тобою поссорятся, то уже во вѣки истиннаго мира не учинятъ, но и послѣ примиренія всегда ищутъ случая къ отместкѣ».

Преимущества иностранцевъ ослѣпляютъ насъ и отдаютъ имъ въ руки. «Обладая языкомъ самымъ несовершеннымъ, чуть не нѣмымъ, некрѣпкіе разумомъ и почти вовсе лишенные красоты, мы дивимся чужому краснорѣчію, мудрости, разуму, искусству въ играхъ и льстивымъ шуткамъ; и подобно птицамъ, которыя тѣмъ легче попадаютъ въ силки охотника, чѣмъ больше любопытствуютъ и дивятся на охот-

ничьи затѣи, и мы, зазѣвавшись на иноземческую красоту, бываемъ ими одурачены и сведены съ ума: они накинутъ намъ узду, сядутъ на шею и ѣздятъ, сколько хотятъ». Очаровавъ насъ своею красотой и обманувъ своимъ умомъ и хитростью, иностранцы затѣмъ «берутъ съ насъ дань, обдираютъ и доводятъ до нищеты своею алчностью и ненасытностью, побиваютъ, вредятъ и приводятъ въ отчаяніе своей скрытностью, тайнымъ, вѣчнымъ, неутишнымъ ядомъ и коварствомъ, срамятъ, осмѣиваютъ и выставляютъ на позоръ всѣмъ народамъ своей бѣсовской надменностью».

Но неужели славянамъ суждено навсегда остаться несовершеннолѣтними въ семьѣ цивилизованныхъ народовъ? Можетъ ли быть измѣнено только что описанное отношеніе между ними и германцами?

По смыслу мнѣній Крижанича, оно отчасти не можетъ, отчасти не должно, но отчасти необходимо должно измѣниться.

Отношеніе *не можетъ* измѣниться, если изображенныя національныя свойства считать неотъемлемыми, прирожденными чертами національнаго характера. Крижаничъ такъ именно и склоненъ смотрѣть на нѣкоторыя изъ упомянутыхъ національныхъ свойствъ. «Неразговорчивость, лѣность, пированіе и расточительность — говоритъ онъ, суть наши урожденныя примѣты или четыре первозданныя свойства, съ которыми мы, кажется, родились». Рядомъ съ этими природными недостатками онъ отмѣчаетъ и природныя достоинства,—которыя *не должны* измѣняться. «Первое наше счастье отъ рожденія состоитъ, кажется, въ томъ, что мы не честолюбивы... и довольствуемся простымъ образомъ жизни».

Оставляя въ сторонѣ эти неизмѣнныя національныя особенности, Крижаничъ сводитъ остальныя различія между славянами и иностранцами, повидимому, къ одному—къ *степени знанія и умѣнія*. Незнаніе—есть такой порокъ, который неизбѣжно излѣчивается временемъ. «Всякій человѣкъ родится простъ и во всемъ неискусенъ. Медленно онъ растетъ тѣломъ, еще медленнѣе совершенствуется разумомъ. Несмѣтное множество людей едва на четырнадцатомъ году возраста, или еще позднѣе осматриваются кругомъ себя и начинаютъ разумѣть, что такое свѣтъ и что въ немъ происходитъ... Но не только отдѣльный человѣкъ, а и цѣлые народы медленно учатся и совершенствуются разумомъ. Проходитъ много времени, пока народы узнаютъ истину, и оставятъ древнія свои дурныя (вредныя) идеи и законы. Только тогда они, что непригодно, научаются дѣлать пригоднымъ, что было неудобно, превращаютъ въ удобное, что было хорошо, перемѣняютъ на лучшее; что было мерзко, превращаютъ въ приличное и почетное... Очень удачно Флоръ, римскій историкъ, приравниваетъ исторію своего народа къ четыремъ возрастамъ человѣческимъ (дѣтству, молодости, возмужалости и старости)... Мы можемъ съ полнымъ основаніемъ и всякій другой народъ примѣнить къ этому раздѣленію эпохъ: это покажетъ намъ не только то, что всѣ человѣческія вещи непостоянны и пере-

мѣнчивы, но также и то, что всякій народъ не сразу и не въ одинъ мигъ, а спустя много времени научается разуму и мудрости, которая нужна для общественной жизни и государственнаго устройства...» «Какъ храбрость, такъ и мудрость переходитъ отъ народа къ народу. Нѣкоторые народы были въ древности отлично знакомы со всякими науками, а теперь несвѣдущи, напр. египтяне, греки, евреи. А другіе въ древности были грубы и дики, а теперь въ ремеслахъ и во всякой мудрости на диво славны,—напр. нѣмцы, французы... Пусть же никто не говоритъ, будто бы намъ, славянамъ, путь къ наукамъ былъ заказанъ какимъ-то рокомъ небеснымъ и будто бы мы не можемъ или не должны учиться наукамъ. Какъ другіе народы не въ одинъ день и не въ одинъ годъ, но постепенно, одни отъ другихъ учились, такъ и мы можемъ научиться, если захотимъ и если постараемся».

Однако, не всѣ славяне находятся въ достаточно благопріятныхъ условіяхъ для воспріятія наукъ. Напрасно было бы и думать о возрожденіи славянства въ Помераніи, Силезіи, Чехіи и Моравіи,—какъ странахъ, вполнѣ уже онѣмеченныхъ. Задунайскіе славяне (болгары, сербы и хорваты) то же «давно уже потеряли не только свои государства, но и всю свою силу, языкъ и разумъ... Помочь имъ вполнѣ и возстановить ихъ государства въ теперешнія трудныя времена—невозможно: можно только посредствомъ книгъ открыть этимъ людямъ умственныя очи, чтобъ они сами научились понимать свое достоинство и начали бы думать о своемъ возрожденіи». Всего легче разбудить народное самосознаніе у поляковъ, но и для этого нужна посторонняя помощь. Такую помощь всѣмъ славянамъ можетъ оказать только московскій государь; на него обращены всѣ взоры славянства, онъ одинъ можетъ собрать разсѣянное стадо и вернуть человѣческій видъ народамъ, превращеннымъ въ скотское состояніе вліяніемъ иностранцевъ, словно чудодѣйственнымъ напиткомъ Цирцеи. Не даромъ Богъ возвысилъ на Руси славянское королевство, подобнаго которому по силѣ, славѣ и величеству не было до сихъ поръ среди славянства. «У другихъ народовъ мы видимъ, что когда какое-либо государство достигаетъ высшей точки своего могущества, тогда у этого народа и начинаютъ процвѣтать науки... Поэтому мы полагаемъ, что теперь пришло, наконецъ, время и нашему народу учиться наукамъ».

Но для того, чтобы съиграть такую роль въ славянствѣ, Россія сама должна очиститься отъ грѣха «чужебѣсія»—ксеноманіи, которому и она подвержена, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ остальные славяне. «Пора уже разъ навсегда прогнать отъ себя нѣмцевъ: мерзко вѣкъ учиться и не научиться, а такъ и остаться навѣки на ученической скамьѣ».

Путемъ такой философіи исторіи Крижаничъ приходитъ къ своему безпощадному анализу рускаго «чужебѣсія». Разъ коснувшись этой темы, онъ уже не жалѣетъ красокъ, не останавливается передъ пре-

увеличеніями, не смущается никакими радикальными рѣшеніями: лишь бы спасти Россію отъ той печальной судьбы, которая мерещится ему въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ на основаніи прецедентовъ остального славянства. Онъ тщательно выискиваетъ въ современной Россіи наличные слѣды европейскаго вліянія, старается отыскать ихъ вредную сторону и взываетъ къ національнымъ силамъ, долженствующимъ замѣнить иностранныя. Не довольствуясь настоящимъ, онъ рисуетъ опасности будущихъ заимствованій, предостерегаетъ отъ нихъ и отстаиваетъ противъ нихъ сохранившіеся еще на Руси старые добрые нравы.

Двѣ главныя основы государственнаго могущества суть матеріальное богатство и военная сила. Въ обоихъ отношеніяхъ могущество Россіи подвергается опасности отъ нашествія чужеземцевъ. Богатство страны они высасываютъ, какъ купцы. Они умѣютъ за безцѣнокъ купить русскіе товары, по огромнымъ цѣнамъ навязать имъ свои. И притомъ, они привозятъ такіе товары, которые часто лишь служатъ для дальнѣйшаго развращенія русскихъ иноземнымъ вліяніемъ, а вывозятъ такіе, которые необходимо нужны самой Россіи для дальнѣйшаго роста ея населенія (напр. зерновой хлѣбъ). Военная сила Россіи тоже не столько увеличивается, сколько умаляется наймомъ иностранцевъ на военную службу. Уже не говоря о наймѣ цѣлыхъ корпусовъ, Крижаничъ рѣшительно высказывается и противъ приглашенія иностранныхъ офицеровъ, которое въ большихъ размѣрахъ практиковалось въ тридцатыхъ годахъ и приняло особенно большіе размѣры въ шестидесятыхъ, т.-е., какъ разъ тогда, когда онъ писалъ свою книгу. «Полковники» научили русскія войска не тому, чему надо: они ввели тяжелый строй, который пригоденъ лишь для войны на западной границѣ, но совсѣмъ не годится для борьбы съ южными кочевниками, со стороны которыхъ грозитъ Россіи главная опасность. Научиться стрѣлять изъ пищалей и носить длинныя копья мы могли бы и сами; но, введя эти реформы въ пѣхотѣ, мы напрасно приняли нѣмецкій конный строй, вмѣсто того, чтобы удержать выработанную опытомъ «легкую ѣзду и гусарскій строй». Съ другой стороны, приглашеніе иностранцевъ на высшія мѣста закрыло дорогу своимъ, которые потеряли надежду выслужиться, а слѣдовательно, и охоту служить. Простые же солдаты, слыша иноземную команду, потеряли увѣренность въ себѣ, въ своемъ превосходствѣ надъ прочими народами, не пріобрѣтя въ то же время довѣрія къ своимъ новымъ начальникамъ.

Какъ же помочь дѣлу? Крижаничъ стоитъ здѣсь за радикальныя мѣры. И купцовъ, и полковниковъ надо выгнать изъ русской земли: первыхъ оставить лишь въ пограничныхъ торговыхъ пунктахъ, вторыхъ удержать лишь до тѣхъ поръ, пока они передадутъ свои знанія русскимъ людямъ; впрочемъ, имъ и передавать больше нечего кромѣ того, что они уже дали.

Но Крижаничъ идетъ дальше: отъ опасностей наличныхъ онъ переходитъ къ опасностямъ, грозящимъ въ будущемъ. На рубежѣ тѣхъ и другихъ стоятъ заимствованія отъ иностранцевъ во всемъ строѣ жизни. Крижаничъ съ удовольствіемъ констатируетъ незначительность этихъ заимствованій и тотъ полный контрастъ, который продолжаетъ существовать между европейскимъ строемъ жизни и русскимъ. Этотъ именно контрастъ вызываетъ большую часть иностранныхъ обличеній и насмѣшекъ. Крижаничъ готовъ признать, что не все въ этихъ обличеніяхъ лживо, но вездѣ онъ запальчиво отвѣчаетъ иностранцамъ—упреками, что они впадаютъ въ другую крайность. Какъ всегда, такъ и въ данномъ случаѣ онъ видитъ исходъ въ золотой серединѣ. Вѣрно, конечно, что русское жилье крайне неудобно, что окна низки, отдушины для прохода дыма малы, и при топкѣ по черному дымъ стоитъ въ избѣ и слѣпитъ глаза. Правда, что подъ лавками въ избѣ вѣчная грязь, посуда немыта, нельзя продохнуть отъ вони. Но дома иностранцевъ располагаютъ къ изнѣженности: мраморные полы ихъ такъ часто моются и содержатся въ такой чистотѣ, точно алтари; нельзя гостю и плюнуть на полъ, чтобы служанка тотчасъ не подтерла. «Не будемъ подражать черезчуръ заботливой и не жалѣющей труда чистоплотности нѣмцевъ», которые хотятъ превратить временную земную гостинницу въ небесные чертоги. Домъ долженъ быть чистъ, утварь должна быть удобная для мытья, а не чеканная и рѣзная, мебель пусть будетъ простая, сдѣланная изъ туземнаго, а не изъ привознаго матеріала. Точно также и относительно платья. Совершенно вѣрно, что русскій костюмъ не удовлетворяетъ ни одному элементарному требованію отъ одежды: онъ неудобенъ, непроченъ, дорогъ и тяжелъ; его покрой безобразитъ народъ, и безъ того некрасивый; къ тому же, при немъ приходится платокъ прятать въ шапку, деньги—въ ротъ, а ножи, бумаги и всякія нужныя вещи въ голенища, что вызываетъ смѣхъ и отвращеніе иностранцевъ. Недостатки фасона приходится возмѣщать богатствомъ и яркостью матерій, дороговизной отдѣлки—мѣхами или драгоцѣнными каменьями. У европейскаго покроя нельзя отрицать разумности и цѣлесообразности. Но зато у нихъ каждый годъ новая мода: нѣтъ такихъ украшеній и формъ, служащихъ комфортабельности или пикантности, которыхъ бы они не выдумали. И «стоитъ во Франціи или въ другомъ мѣстѣ придумать что-нибудь пикантное, игривое, легкомысленное или роскошное, какъ нѣмцы тотчасъ набѣгутъ и усердно переймутъ это». Русскимъ слѣдуетъ создать покрой средній между восточнымъ и западнымъ: нужно, чтобы онъ былъ дешевъ, удобенъ для движенія, проченъ и легокъ.

Русскій образъ жизни Крижаничъ безусловно предпочитаетъ европейскому. Европейцы «высшей задачей человѣка считаютъ наслажденіе» и утверждаютъ, что «человѣкъ созданъ Богомъ для того, чтобы пользоваться мірскими удовольствіями». Такимъ образомъ, «Евангеліе Христа

они превращаютъ въ евангеліе наслажденія». Нашу же простоту жизни они считаютъ варварствомъ. Русскій человѣкъ, кое-какъ выспавшись, на лавкѣ или на печи, подъ собственной свитой вмѣсто одѣяла и на соломенной подстилкѣ вмѣсто тюфяка, спѣшитъ спозаранку на работу или на царскую службу. Иностранецъ нѣжится до полудня на пуховикахъ и перинахъ, и, едва вставъ съ постели, тотчасъ принимается за вкусный завтракъ. Онъ проводитъ время въ праздности, разнообразя досугъ играми, пѣснями, музыкой, танцами, услаждая свой вкусъ тысячными блюдами со всевозможными приправами. И въ то время, какъ высшій классъ—«сарданапалы» или «лежаки» утопаютъ въ роскоши, безземельные рабочіе погружены въ нищету: «цѣлый годъ они не пьютъ ничего, кромѣ чистой воды, и питаются недостаточно однимъ хлѣбомъ». «А на Руси, по Божьей милости, всѣ люди, какъ самые богатые, такъ и самые бѣдные, ѣдятъ ржаной хлѣбъ, рыбу, мясо и пьютъ, если у кого нѣтъ пива, по крайней мѣрѣ, квасъ». Они живутъ въ топленныхъ избахъ, тогда какъ на Западѣ бѣдняки терпятъ зимою стужу, такъ какъ «дрова продаются на вѣсъ». «Такимъ образомъ, крестьянское и батрацкое житье гораздо лучше на Руси, чѣмъ во многихъ странахъ». Въ высшей степени важное преимущество русскаго соціальнаго строя Крижаничъ видитъ въ томъ, что всѣ общественныя группы несутъ общественную службу, и никому не позволяется оставаться праздными. На Руси нѣтъ непроизводительныхъ общественныхъ группъ, или число ихъ доведено до минимума. «Крестьяне пашутъ землю и готовятъ хлѣбъ; ратные люди терпятъ холодъ и голодъ, проливаютъ кровь и полагаютъ головы; дворяне воюютъ, суды судятъ, думы думаютъ, совѣтами и трудами своими королю и народу служатъ; церковники и иноки Бога за людскіе грѣхи молятъ. При такомъ порядкѣ всѣ добрые и производительные классы нѣчто дѣлаютъ, что служитъ на общую пользу всѣмъ классамъ». Въ этотъ перечень Крижаничъ умышленно не вводитъ ни торговцевъ, ни того, что мы назвали бы интеллигенціей. Торговцы, съ его точки зрѣнія, подобно праздной части дворянства, суть непроизводительный, «некорыстный» классъ—«бездѣльники». Интеллигенція же, сверхъ извѣстнаго минимума, тоже представляется ему дармоѣдами, приносящими больше вреда, чѣмъ пользы. Разводить ихъ слишкомъ широкимъ преподаваніемъ либеральныхъ наукъ—нѣтъ никакой надобности.

Переходимъ къ политическимъ взглядамъ Крижанича. Отношеніе его къ русскому самодержавію — очень для него характерно. Онъ постоянно и настойчиво повторяетъ, что неограниченная монархія есть одна изъ важнѣйшихъ основъ національнаго благополучія. Кромѣ ходячаго аргумента, намъ уже не разъ встрѣчавшагося, что самодержавіе лучше обезпечиваетъ свободу каждаго отъ посягательствъ вліятельныхъ лицъ и классовъ,—защищаетъ слабаго отъ сильнаго,—Крижаничъ имѣетъ при этомъ въ виду другое основаніе, для него самого

особенно важное. То дурное, что ему не нравится на Руси, большею частью вытекаетъ, по его мнѣнію, какъ мы видѣли, изъ *незнанія*, т.-е. является плодомъ простыхъ ошибокъ, которыя могутъ быть исправлены законодательствомъ. «Худое законоставіе»—вотъ коренной источникъ всѣхъ золъ; слѣдовательно, радикальная законодательная реформа—таково, въ его глазахъ, должно быть коренное лѣкарство. Неограниченность власти государя нужна ему, какъ необходимое условіе такого радикальнаго законодательства. Вотъ почему онъ особенно горячо ее защищаетъ. Если, однако, присмотримся ближе, то увидимъ, что и тутъ разсужденіе Крижанича располагается по его обычной схемѣ: Европа—крайность, Россія—другая; истина—посединѣ.

«Не умѣютъ наши люди ни въ чемъ мѣры держать и среднимъ путемъ ходить, но всегда увлекаются въ крайности. Въ иномъ мѣстѣ у насъ государственное устройство въ конецъ распущено, своевольно, безпорядочно; въ другомъ — въ конецъ твердо, строго и жестоко. На всемъ широкомъ свѣтѣ нѣтъ королевства такого безряднаго и распустнаго, какъ польское, и нигдѣ нѣтъ такого крутаго владѣнія, какъ въ этомъ славномъ государствѣ русскомъ». Въ той и другой крайности виновными оказываются иностранцы и ихъ вліяніе. «Нѣмцы заразили свѣтъ распустой и ограниченіемъ самовластія». Отъ нихъ заимствовали и ляхи свою анархію. Начинателемъ русскаго «людодерства» (тиранства) былъ царь Иванъ Грозный; но онъ же «хотѣлъ сдѣлать изъ себя варяга, нѣмца, римлянина,—кого угодно, только не русскаго и не славянина». Не довольствуясь пріобрѣтеннымъ имъ могуществомъ, онъ захотѣлъ суетной славы: его «домашніе бахари» (Крижаничъ не подозрѣваетъ, что въ томъ числѣ были и славяне и складываетъ вину на грековъ, въ частности на патріарха Іеремію, пріѣзжавшаго въ Россію въ 1588 году) придумали ему вздорныя и вредныя сказки о томъ, что Москва—третій Римъ и что ея государь—потомокъ Августа. Эта суетность была «не послѣдней и немаловажной причиной и московскаго разоренія, и иныхъ народныхъ бѣдствій, которыя претерпѣлъ нашъ народъ со времени царя Ивана». Возвращаясь къ «людодерству», Крижаничъ подчеркиваетъ его вредъ во внутренней и внѣшней политикѣ. Крутое владѣніе сопровождается поборами, обогащающими царскую казну, но въ несравненно бо́льшихъ размѣрахъ разоряющими народъ; этими финансовыми тягостями объясняется и опустѣніе страны. Съ другой стороны, та же крутость отталкиваетъ сосѣдей: такъ Малороссія, испробовавъ московскаго владычества, поспѣшила вернуться подъ власть ляховъ.

Противъ обѣихъ крайностей, «людодерства» и «распусты» Крижаничъ часто и длинно полемизируетъ. Важнѣе этой полемики для насъ остановиться на томъ положительномъ пониманіи «умѣреннаго владѣнія»,—своего рода «просвѣщеннаго абсолютизма»,—которое развиваетъ

нашъ публицистъ. Это пониманіе и составляетъ ту золотую середину, къ которой тяготѣютъ въ данномъ случаѣ симпатіи Крижанича.

«Спроси всѣхъ королей на свѣтѣ, какъ они понимаютъ свои обязанности, и ты много найдешь такихъ, которые не смогутъ объяснить тебѣ отчетливо, зачѣмъ Богъ создалъ на свѣтъ королей и зачѣмъ далъ имъ власть надъ народами. Мнятъ короли, что не они созданы ради королевствъ и народовъ, а королевства ради нихъ. Мнятъ короли, что ихъ дѣло только господствовать, повелѣвать и пользоваться удовольствіями, а не промышлять день и ночь о народномъ благѣ». Въ дѣйствительности, каково бы ни было происхожденіе власти, она ограничена: или Божьей волей (въ случаѣ если власть получена отъ пророка или путемъ завоеванія), или волей народа (въ избирательныхъ монархіяхъ—власть каждаго государя отдѣльно, въ наслѣдственныхъ—власть «перваго, который вольно отъ народа избранъ на царство», что практически сводится къ тому же). Такимъ образомъ, хотя «король никакой человѣческой власти не подчиненъ и никто не можетъ его судить или казнить, но онъ подчиненъ заповѣди Божіей и общественному мнѣнію (общему гласу). Эти двѣ цѣпи связываютъ короля и напоминаютъ о его долгѣ. Кто не заботится ни о страхѣ Божіемъ, ни о срамѣ людскомъ, ни о славѣ грядущихъ временъ, тотъ есть настоящій, полный тиранъ». Для короля это такой же позоръ, какъ для воина трусость, для женщины невѣрность, для дворянина ложь и для богача—кража.

«Забота и обязанность и главное дѣло короля есть—*людство учинить блаженнымъ*». Къ этому онъ долженъ направлять всѣ свои помыслы. Конечно, и для царя не все возможно. Никакой царь не можетъ надѣяться достигнуть того, чтобы его царство было абсолютно свободно отъ всякихъ недостатковъ. Онъ не можетъ заставить землю дать плодъ или заставить море произвести рыбу. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы государь имѣлъ право оставить безъ исправленія то, что можетъ быть исправлено. И какъ бы онъ ни былъ полонъ добрыхъ намѣреній, онъ долженъ помнить, что послѣ него можетъ явиться наслѣдникъ иного рода. Лучшимъ средствомъ закрѣпить надолго свои улучшенія являются «добрые уставы». Но хорошее законодательство дается не легко. Для него необходимо «много думать и взвѣшивать, и въ книгахъ искать, и голову утруждать. Среди другихъ заботъ, королю и его думнымъ людямъ не легко держать въ памяти столько расчетовъ и разныхъ соображеній и подбирать себѣ наглядные примѣры прошлыхъ временъ по книгамъ». Для всего этого, а также и въ видѣ противоядія противъ лживыхъ совѣтовъ льстецовъ, «разумному государю необходимо держать при себѣ, по крайней мѣрѣ, хоть одного или двухъ философовъ, со званіемъ напоминателя или лѣтописца, которые бы раскрывали ему другую сторону истины или, если бы побоялись сами

объявить истину, то хотя бы указали книги, которыя не боятся говорить правду».

Эту роль Крижаничъ, очевидно, предназначалъ для самого себя. Желаніе его, повидимому, и исполнилось, но только въ довольно своеобразной формѣ. Онъ былъ отправленъ въ почетную ссылку, съ значительнымъ жалованьемъ, порядокъ, который онъ формально одобряетъ и считаетъ похвальнымъ въ своей «Политикѣ». Оттуда, изъ далекаго Тобольска, онъ могъ безопасно для государственнаго спокойствія и для себя самого подавать свои политическіе совѣты; надъ этимъ онъ и работалъ нѣсколько лѣтъ подрядъ. Плодомъ такихъ добровольныхъ занятій въ невольномъ уединеніи и явилась та единственная въ своемъ родѣ философія національнзма, которая бросаетъ такой яркій свѣтъ на стремленія времени.

Совѣты, которые давалъ Крижаничъ, далеко не ограничивались критикой существующаго; не ограничивались и одними отрицательными совѣтами—запереть для иностранцевъ Россію. На досугѣ онъ обдумалъ и предложилъ правительству цѣлый рядъ положительныхъ реформъ во всѣхъ отдѣлахъ государственной и общественной жизни. По его плану, самъ царь долженъ былъ оповѣстить народу объ этихъ реформахъ въ длинной рѣчи, которую сочинилъ для него Крижаничъ и которая заключала въ себѣ резюме всѣхъ его предположеній. Въ разборъ всѣхъ этихъ предположеній намъ нѣтъ нужды вдаваться, но необходимо остановиться нѣсколько на ихъ общей связи, чтобы въ pendant къ національнстическимъ вожделѣніямъ характеризовать также и размахъ реформаторской мысли Крижанича.

Не будетъ, кажется, ошибкой признать центральной мыслью положительной программы Крижанича—необходимость развитія производительныхъ силъ Россіи. «Наипервая причина силы государства—множество народа». «Люди плодятся и множатся тамъ, гдѣ есть пища, одежда и прочее необходимое для человѣческаго существованія: миръ, хорошо устроенное правительство. Люди повсюду размножаются настолько, насколько ихъ можетъ понести и прокормить земля, т.-е. насколько земля и вода родитъ хлѣба, скота, рыбы, звѣрей для корма и одежды; деревьевъ, камней и рудъ на постройку жилищъ, на утварь и орудія. А гдѣ земля неплодна, тамъ по необходимости и населеніе будетъ рѣдкое. Правда, въ иныхъ мѣстахъ, напр. въ Голландіи, жителей гораздо больше, чѣмъ земля можетъ прокормить, но такіе люди живутъ великимъ развитіемъ промышленности и торговли, а пищу и одежду привозятъ извнѣ. Напротивъ, въ другихъ мѣстахъ земля плодородна, а людей мало. Причинами могутъ быть моръ, голодъ, война. Этого рода причины не производятъ длительнаго дѣйствія: послѣ нихъ земля скоро населяется вновь. Если же она остается малолюдной полвѣка и больше, то причины должны быть другія». Это—или слабое развитіе земледѣлія, ремесла и торговли, въ связи съ экономической

эксплуатаціей страны иностранцами, или дурные законы и крутое тиранство (связанное съ тяжелыми поборами). Такимъ образомъ, мѣры къ увеличенію густоты населенія могутъ быть троякія: во-первыхъ, непосредственныя законодательныя распоряженія, во-вторыхъ, всѣ мѣры направленныя къ подъему туземной промышленности и торговли и къ ограниченію иностранной конкуренціи, въ-третьихъ, наконецъ, перемѣны въ государственномъ строѣ въ связи со здравой финансовой политикой.

Непосредственными законодательными мѣрами для заселенія страны и размноженія населенія могутъ быть всевозможныя облегченія и поощренія браковъ. Напротивъ, ничего нѣтъ хуже для этой цѣли какъ переселенія и приписка къ подданству иностранцевъ. Римская имперія потому разрушилась, что, по мѣрѣ завоеваній, становилась все болѣе и болѣе смѣшанной изъ разныхъ народностей. Напротивъ, русское государство сильно своимъ племеннымъ единствомъ. Крижаничъ рѣзко возстаетъ противъ перекрещиванія иностранцевъ и противъ приглашенія на службу цѣлыхъ иноземныхъ корпусовъ.

Для развитія производительныхъ силъ Россіи Крижаничъ даетъ цѣлую массу практическихъ указаній. Въ основу онъ кладетъ тутъ, какъ мы знаемъ, полное изгнаніе иностранцевъ. Враждебно настроенный къ классу посредниковъ-торговцевъ, онъ не хочетъ передавать барышей иностранной торговли и въ руки частныхъ русскихъ предпринимателей. Онъ всецѣло предоставляетъ ихъ казнѣ, которая должна взять всю оптовую торговлю съ иностранцами въ свои собственныя руки. Нѣтъ возможности перечислить здѣсь всѣ отдѣльные совѣты о розыскѣ новыхъ природныхъ богатствъ, объ устройствѣ новыхъ промышленныхъ предпріятій, введеніи новыхъ орудій производства и обработки русскаго сырья, объ открытіи новыхъ торговыхъ пунктовъ, о заимствованіи европейскихъ формъ кредита и т. д.

Что касается здравой финансовой политики, Крижаничъ исходитъ изъ критики тиранскихъ поборовъ, выбивающихъ изъ населенія въ десять разъ больше, чѣмъ доходитъ до самой казны. Основнымъ принципомъ, который онъ «не устаетъ повторять», для него служитъ правило: богатъ народъ, богатъ и король; бѣденъ народъ, бѣденъ и король. Онъ предлагаетъ всѣ государственные наборы замѣнить однимъ прямымъ налогомъ, взиманіе котораго поручить мѣстному самоуправленію.

Остается деликатный вопросъ о введеніи монархической власти въ извѣстныя законныя рамки. Крижаничъ думаетъ рѣшить этотъ вопросъ путемъ предоставленія разнымъ классамъ умѣренныхъ привилегій—«слободинъ». Нисколько не ограничивая самодержавія, такія «слободины», напротивъ, могутъ лишь быть ему полезны. «У французовъ и испанцевъ вельможи имѣютъ извѣстныя, связанныя съ происхожденіемъ, вольности; зато тамъ не чинится никакого нечестія королямъ

ни отъ простого народа, ни отъ войска. А у турокъ, гдѣ нѣтъ никакихъ присвоенныхъ родовитости вольностей, государи зависятъ отъ глупости и дерзости простыхъ пѣшихъ стрѣльцовъ. Что захотятъ янычары, то и долженъ дѣлать король. Дерзость чернаго люда, которая при насъ (эти рѣчи Крижаничъ влагаетъ въ уста Алексѣя Михайловича) дважды обнаружилась, вамъ вѣдома. Вся эта дерзость отъ того происходитъ, что у бояръ нѣтъ силы и крѣпости, которая бы могла черный народъ держать на уздѣ и удерживать отъ бѣшеныхъ поступковъ. Вотъ для чего мы и хотимъ вамъ, слугамъ нашимъ, дать надлежащія вольности». Такимъ образомъ, по мысли Крижанича, предлагаемыя имъ «слободины» должны создать своего рода pouvoirs intermédiaires Монтескье, которыя и превратятъ «людодерство» въ «умѣренное владѣніе».

Однако же, эти вольности не должны ограничивать самодержавія, даются условно и во всякое время могутъ быть отобраны. Съ другой стороны, они не должны нарушать основныхъ принциповъ московской государственной практики, которые Крижаничъ безусловно одобряетъ: «запертія рубежей», т.-е. запрещенія ѣздить за границу, и, затѣмъ, того правила, что всякій приписанъ къ своему дѣлу и не можетъ оставаться праздным. Только для «именитыхъ бояръ» сдѣлано исключеніе: послѣ трехлѣтней непрерывной службы при дворѣ, или въ войскѣ, бояринъ освобождается до самой смерти отъ придворной службы и не обязанъ ни пріѣзжать ко двору, ни даже жить въ Москвѣ, если не будетъ вызванъ спеціально. По русскимъ понятіямъ, такое положеніе, правда, равнялось опалѣ. Для высшаго класса—«князей»—создается новое право—владѣть укрѣпленными городами. Дворянство освобождается отъ тѣлесныхъ наказаній и, за исключеніемъ государственныхъ преступленій, отъ конфискаціи имущества. Сослать дворянина государь, однако, сохраняетъ право безъ суда. Право владѣть помѣстьями принадлежитъ однимъ дворянамъ. Имъ же дается преимущественное право обучаться высшимъ наукамъ. Торгово-промышленный классъ освобождается отъ всякихъ монополій и привилегій. Ремесленники получаютъ цеховое устройство. Городамъ дается самоуправленіе. Остальныя вольности, проектируемыя Крижаничемъ, сводятся къ уничтоженію унизительныхъ формъ обращенія къ власти (битье челомъ, именованіе просителя холопомъ и употребленіе уменьшительнаго имени) и къ установленію титуловъ и внѣшнихъ знаковъ почета.

Напуганный прецедентами западно- и южно-славянской исторіи, Крижаничъ особенно боится, чтобы «чужебѣсіе» не превратилось въ «чужевладство», т.-е. въ господство чужой династіи, которое, въ концѣ концовъ, приведетъ къ политическому порабощенію. Чтобы предупредить эту возможность, долженъ быть, по его мнѣнію, выработанъ точный законъ о наслѣдованіи престола. Государь долженъ обязать народъ присягой ни въ какомъ случаѣ не допускать до престола чужеземца.

Въ случаѣ прекращенія династіи, престолъ переходитъ къ одному изъ двѣнадцати «князей», составляющихъ высшее сословіе государства и пожалованныхъ въ это званіе государемъ.

Нельзя отрицать, перебирая всѣ эти реформаціонные проекты перваго теоретика русскаго національизма, что мы здѣсь попадаемъ въ сферу идей петровской реформы. Національизмъ соприкасается съ реформой въ томъ основномъ утвержденіи Крижанича, что для борьбы съ высшей культурой необходимо и дѣйствительно одно лишь средство—развитіе собственной самодѣятельности. Разница только въ томъ, что для Петра, какъ и для самой русской исторіи, самодѣятельность была не средствомъ, а естественно вытекавшимъ изъ условій времени результатомъ. Даже тамъ, гдѣ Петръ дѣйствовалъ цѣлесообразно и сознательно—въ сферѣ вопроса о развитіи производительныхъ силъ Россіи, это развитіе было для него или само по себѣ цѣлью, или даже средствомъ для ближайшей цѣли—усиленія государственныхъ рессурсовъ. Для Крижанича, какъ для политически подготовленнаго мыслителя, эта ближайшая цѣль рѣшительно перестала имѣть то самостоятельное значеніе, которое она получила въ стихійномъ процессѣ русскаго государственнаго развитія. Онъ систематически принижалъ государство до роли служителя національной жизни. Но, далѣе, и самая самодѣятельность національной жизни служила для Крижанича лишь средствомъ для дальнѣйшей цѣли—для сохраненія національной особности, безъ которой немыслимо было достиженіе на этотъ разъ уже послѣдней, самой завѣтной цѣли всей его публицистической дѣятельности—рѣшенія общеславянскаго національнаго вопроса. Отчасти эта отдаленность главной цѣли, отчасти серьезная политическая подготовка и давали Крижаничу ту прозорливость, которой отличается его постановка вопроса. Чтобы найти въ собственно русской публицистикѣ такую сознательную постановку національнаго вопроса, намъ надо бы было перескочить черезъ цѣлое столѣтіе, прямо къ Болтину, т.-е. ко временамъ Екатерины II.

Въ промежуткѣ осуществилось очень многое изъ предложеннаго Крижаничемъ царю Алексѣю. Но осуществилось много и такого, передъ одной возможностью чего Крижаничъ приходилъ въ трепетъ и ужасъ. Вся внѣшность европейской культуры была усвоена безъ всякихъ измѣненій, совершенно механически, т.-е. именно такъ, какъ опасался Крижаничъ. И сладкая ѣда, и мягкія постели, и изящная праздность высшаго класса, и роскошь обстановки, костюма, жилья—все это стало фактомъ совершившимся. Пережила Русь и то самое «чужевладство», котораго Крижаничъ боялся больше всего. На престолѣ сидѣла иностранка и женщина. Произошло это вслѣдствіе того самаго отсутствія закона о престолонаслѣдіи, на которое Крижаничъ настойчиво обращалъ вниманіе правительства. Словомъ, во всемъ ходѣ культурной жизни не было и признаковъ той сознательности, которой отъ нея тре-

бовалъ Крижаничъ. И тѣмъ не менѣе, всѣ страхи Крижанича оказались совершенно напрасными. Россія не денаціонализировалась, а понемногу ассимилировала себѣ воспринятые механически элементы иноземныхъ культуръ. Не значило ли это, что самая возможность опасности, указанной Крижаничемъ, для Россіи не существовала, если при самыхъ худшихъ условіяхъ Россія все-таки ея избѣгла?

Денаціонализація сравнительно легко совершается тамъ, гдѣ не создалось еще достаточно сильныхъ элементовъ національной организаціи, или же тамъ, гдѣ національная замкнутость уступила мѣсто сознательному космополитизму. Россія не представляла ни того, ни другого условія. Она вышла изъ того состоянія безформенной этнографической массы, въ которомъ возможно было полное онѣмеченіе славянства восточно-нѣмецкихъ земель. И она не дошла до того уровня культурности, на которомъ оказалось возможно распространеніе эллинистическаго космополитизма. Въ своемъ промежуточномъ состояніи она была неуязвима даже для несравненно болѣе сильнаго и болѣе проникающаго вглубь иноземнаго вліянія, чѣмъ это было возможно при данныхъ условіяхъ: при географическомъ положеніи Россіи и при ея гигантскихъ размѣрахъ. Вотъ почему самая идея о возможности такой опасности, какъ денаціонализація, не могла даже въ голову придти въ то время никому другому, кромѣ искушеннаго чужимъ опытомъ иностраннаго наблюдателя. По той же причинѣ не наступило тогда еще время и для сознательной постановки національнаго вопроса. Идеи и чувства, диктовавшія Крижаничу его опасенія, несомнѣнно, были налицо и въ русскомъ обществѣ, но Крижаничъ разсматривалъ ихъ въ увеличительное стекло своей исторической и политической науки. Вотъ почему доза иноземнаго яда, которую жизнь ввела или готова была ввести въ русскій организмъ, показалась ему достаточно сильной, чтобы вызвать заразу и повлечь за собой роковой исходъ, — тогда какъ спокойный діагнозъ и самочувствіе туземнаго организма находили эту дозу едва-едва достаточной, чтобы произвести дѣйствіе обычной цѣлительной прививки.

Новѣйшая сводная работа по вопросу объ иноземныхъ вліяніяхъ (преимущественно XVII в.) принадлежитъ *А. Брикнеру*: см. его Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts. Band I, Überblick der Entwickelung bis zum Tode Peters des Grossen. Gotha 1896 (въ Geschichte d. europ. Staaten, Heeren u. Uckert). См. также болѣе ранніе работы *того же автора*: Die Europäisirung Russlands. Land und Volk, Gotha, 1888 и Beiträge zur Kulturgeschichte im XVII Jahrhundert. Leipzig, 1887. Данныя объ измѣненіи домашней обстановки и образа жизни см. у *Забѣлина*, Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII в. Ч. I. 3-е изд. 1895 и *его же* Домашній бытъ русскихъ царицъ, 2-е изд. 1870. О придворныхъ спектакляхъ Алексѣя Михайловича см. (кромѣ Забѣлина) статью *Н. С. Тихонравова*, Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра (Сочиненія, т. II, М. 1898) и *его же*: Русскія драматическія произведенія 1672—1725 гг., т. I-й съ только что названной статьей въ видѣ предисловія. Спб. 1874. См. также *П. О. Морозова*, Исторія русскаго театра, I, Спб. 1889. Исторія стипендіатовъ, посланныхъ Годуновымъ заграницу,

разсказана, отчасти по новымъ источникамъ—въ статьѣ кн. *Н. В. Голицына*, Научно-образовательныя сношенія Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII вѣка. Въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. 1898, II. Для исторіи нѣмецкой слободы см. *Fechner*, Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau. I. M. 1876. *Д. В. Цвѣтаева*, Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій въ Чтеніяхъ О. И. и Др. 1889, IV и 1890, I. Эпизодъ съ. кіевской книжной лавкой въ Москвѣ разсказанъ по архивнымъ даннымъ въ брошюрѣ *В. Эйнгорна*: «Книги кіевской и львовской печати въ Москвѣ въ третью четверть XVII в.». М. 1894. Таблица переводныхъ сочиненій XVI — XVII в. составлена почти исключительно по своду данныхъ этого рода, сдѣланному *И. А. Шляпкинымъ* въ его книгѣ: Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709). Спб. 1891. О Крижаничѣ см. *Матвѣя Соколова*, Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ, II Спб. 1891 (Изъ Журн. Мин. Нар. Просв.). Очень слаба брошюра *Іована И. Рогановича*, Крижаничъ и его философія націонализма. Казань, 1899 (тутъ же библіографія). Устарѣла монографія *Арс. Маркевича*, Юрій Крижаничъ и его литературная дѣятельность, въ Варшавскихъ университетскихъ извѣстіяхъ. 1876, № 1 и 2. Главное сочиненіе Крижанича издано не въ полномъ видѣ. *П. Безсоновымъ* подъ заглавіемъ: Русское государство въ половинѣ XVII вѣка. М. 1859. 6 выпусковъ или два тома. Новое изданіе всѣхъ сочиненій Крижанича, предпринятое Обществомъ Исторіи и Древностей Росс., остановилось пока на второмъ выпускѣ.

П. Милюковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Альма», трагедія изъ современной жизни, г. Минскаго.—Характеръ пародіи, написанной серьезнымъ тономъ.—Странное пониманіе индивидуализма авторомъ.—«Бракъ», драма г. Ярцева.—Спутанность мысли автора.—Симптоматическое значеніе обѣихъ драмъ.—«Сократъ», историческія сцены, г. Сергѣенко.—Суздальское художество.—Отсутствіе характеровъ и извращеніе исторіи.—Сборникъ стихотвореній г. Тана.—Существенные недостатки его стихотвореній.—Общественное значеніе его поэзіи.

Драматическая литература оживилась у насъ въ послѣднее время. Вслѣдъ за «Накипью» г. Боборыкина цѣлыхъ три драмы, всьма различныя по содержанію и по задачамъ, какія ставятъ себѣ авторы. Произведеніе г. Минскаго, какъ и слѣдовало ожидать, всецѣло символическое, весьма далекое отъ міра реальнаго. Драма г. Ярцева, наоборотъ, цѣликомъ комедія нравовъ, и, наконецъ, историческія сцены г. Сергѣенко, въ которыхъ авторъ пытается воскресить образъ перваго борца за свободу духа.

Г. Минскій давно уже ушелъ въ отвлеченную область, гдѣ дѣлаетъ разныя открытія, весьма поразительныя для простыхъ смертныхъ, и его «Альма» навѣрное вызоветъ не меньшее удивленіе, чѣмъ его въ свое время знаменитые «меоны». Что это не просто художественное произведеніе, которое должно образами говорить читателю, на это указываетъ нѣчто въ родѣ введенія въ стихахъ, излагающее новый взглядъ автора на міръ и его отношеніе къ основнымъ вопросамъ. Къ такому способу объясненія г. Минскій прибѣгаетъ не первый разъ, и, выпуская второе изданіе своихъ стихотвореній, онъ тоже изложилъ свое новое credo, гдѣ говорилось о новой красотѣ и о прочемъ того же порядка. Теперь рѣчь идетъ о матеріяхъ еще болѣе важныхъ.

«Трагедія изъ современной жизни»—уже это одно есть нѣчто внушительное и потрясающее. Такъ обыденно, кажется, идетъ эта жизнь, такое въ ней все мелкое, все маленькое,—и вотъ на этомъ тускломъ фонѣ вздымается импозантная фигура г. Минскаго. Хотя безъ котурнъ и трагической маски, но съ подобающимъ пафосомъ г. Минскій начинаетъ вѣщать:

Нѣтъ двухъ путей добра и зла,
Есть два пути добра.
Меня свобода привела
Къ распутью въ часъ утра,
И такъ сказала: «Двѣ тропы,
Двѣ правды, два добра,
Раздоръ и муки для толпы,
Для мудреца игра.
То, что до нынѣ средь людей
Грѣхомъ и зломъ слыветъ.
Есть лишь начало двухъ путей,
Ихъ первый поворотъ.
. . . . . .
Ты—призракъ Бога на землѣ,

Богъ—признакъ въ небѣ твой.
Проклятье въ томъ, что не дано
Единаго пути.
Блаженство въ томъ, что все равно
Какимъ путемъ идти.

. . . . . .

Моей улыбкой міръ согрѣй,
Повѣдай всѣмъ, о чемъ—
Съ тобою первымъ изъ людей
Теперь шепчусь вдвоемъ.
Скажи, я свѣточъ имъ зажгла,
Невѣдомый вчера.

Пошептавшись со свободою вдвоемъ, г. Минскій, не смотря на столь ранній часъ, бодро пріялъ миссію и, потрясая свѣточемъ, весьма не лишнимъ въ часъ утра, когда на Невскомъ гаснетъ электричество, вступилъ на путь... Здѣсь, къ сожалѣнію, у него вышла маленькая заминка, какимъ путемъ идти? Вѣдь это больше для красоты слога какой-то древній философъ сказалъ, будто всѣ дороги ведутъ въ Римъ. Положимъ, г-жа Простакова давно внесла въ эту формулу дѣльную поправку, заявивъ, что есть извозчики, которые должны дорогу знать. Все же положеніе г. Минскаго оказалось бы весьма затруднительнымъ—свобода съ одной стороны, городовые, привлекаемые одинокимъ свѣточемъ, слабо мерцающимъ на сонныхъ стогнахъ Петрограда, съ другой,—если бы онъ весьма своевременно не вспомнилъ, что, во-первыхъ, онъ—мудрецъ, для котораго все—игра, а, во-вторыхъ, на Западѣ есть Метерлинкъ и есть еще Ибсенъ, въ крайнемъ случаѣ можно и нашего г. Бальмонта привлечь къ отвѣту. Вспомнимъ только, какъ еще недавно онъ открылъ новый предметъ для всякаго любвеобильнаго сердца:

Я горько васъ люблю, о, бѣдные уроды,
Слѣпорожденные, хромые, горбуны,
Убогіе рабы, не знавшіе свободы,
Ладьи, разбитыя веселостью волны.
И вы мнѣ дороги, мучительные сны
Жестокой матери, безжалостной природы,
Кривые кактусы, побѣги бѣлены,
И ящерицъ, и змѣй отверженные роды,
Чума, *проказа*, тьма, убійство и бѣда,
Гоморра и *Содомъ*, слѣпые города...

Запасшись такими союзниками, г. Минскій взыгралъ духомъ и, счастливо преодолѣвъ всѣ затрудненія безпутья, родилъ свою «Альму».

На первыхъ же страницахъ, съ ловкостью почти военнаго человѣка, онъ рекомендуетъ свою героиню въ позѣ, нѣсколько непрезентабельной для дѣвицы («Альма лежитъ спящая, съ компрессомъ на головѣ»), и, поднявъ свѣточъ надъ спящей, радостно аттестуетъ ее: «эротоманка». Такъ какъ толпа есть всегда «чернь непросвѣщенна», то г. Минскій, какъ ловкій антрепренеръ, спѣшитъ пояснить: «Это—болѣзнь самоновѣйшая. Недугъ завтрашняго дня. Изъ десяти современныхъ женщинъ одна эротоманка. Что такое эротоманія?—спрашиваетъ г. Минскій и продолжаетъ докторальнымъ тономъ: — Это—культъ любви, но любви больной и призрачной, любви, которая пуще всего боится удовлетворенія, счастья, ласки. У эротомана любовь для любви, какъ у скупца—деньги для денегъ. Что такое скупой? Богатый нищій или нищій богачъ. Такъ и эротоманки: онѣ вѣчно бродятъ вокругъ да около чувственности, всѣми силами возбуждаютъ чувственность, а потомъ вдругъ отъѣзжаютъ на платонизмъ. Развратное цѣломудріе, или цѣломудренный развратъ. Ихъ любовь, это—голодъ, но такой, который самъ по себѣ пріятнѣе насыщенія. Понимаете?»—еще разъ спрашиваетъ г. Минскій и затѣмъ, чтобы у читателя,—не говоримъ зрителя, ибо сильно смущаемся, найдется ли сцена, достаточно достойная «Альмы»,—не осталось

никакихъ сомнѣній на счетъ эротоманіи его героини, приводитъ длиннѣйшія выписки изъ дневника Альмы. Въ нихъ, подтверждая все вышеизложенное, г. Минскій устами героини опять вѣщаетъ,—будемъ помнить, что онъ мудрецъ, и, какъ первый человѣкъ, можетъ только вѣщать: «Довольствоваться любовью одного человѣка такъ же странно, какъ довольствоваться исцѣленіемъ одного больного. Всѣхъ, кого судьба приведетъ ко мнѣ, я хочу любовью исцѣлить отъ уродства жизни. Но каждый изъ нихъ хочетъ, чтобы его любовь стала единственной. И я лгу и притворяюсь; но развѣ жрецы всѣхъ временъ не лгали? Ложь, это—калоши, въ которыхъ я перехожу въ бродъ черезъ ихъ безсиліе».

«Умри, Денисъ, лучшаго ничего не напишешь»,—сказалъ Потемкинъ Фонвизину, прослушавъ его «Недоросля». Мы болѣе высокаго мнѣнія о г. Минскомъ и увѣрены, что «ложь—калоши безсилія» еще не послѣднее откровеніе мудрости г. Минскаго, и потому бодро и съ надеждой продолжаемъ чтеніе.

Повѣдавъ міру нѣсколько такихъ истинъ, которыя ему, первому изъ людей, нашептала свобода въ часъ утра, г. Минскій будитъ, наконецъ, Альму, которая немедленно заводитъ разговоры съ окружающими во вкусѣ Метерлинка. Его г. Минскій не щадитъ и, пользуясь правомъ безпутнаго мудреца, для котораго все равно, какимъ путемъ идти, копируетъ его діалоги, ни мало не смущаясь.

Вета. Какой густой снѣгъ.

Альма. И чуть коснувшись земли, хлопья исчезаютъ, превращаются въ грязь.

Будаевскій. Вдали они образуютъ сплошную дрожащую сѣть. И на сѣромъ мелькающемъ фонѣ отдѣльныя хлопья, большія и бѣлыя, летятъ во всѣ стороны.

Вета. Многія летятъ кверху, какъ будто хотятъ вернуться на небо.

Альма. Но ихъ собственная тяжесть увлечетъ ихъ на землю.

Вета. На мокрую черную землю.

Будаевскій. Идетъ война между небомъ и землей.

Вета. Всѣ облака превратились въ снѣгъ.

Будаевскій. Всѣ звѣзды превратились въ снѣжинки и упали съ неба.

Альма. И земля побѣждаетъ, земля сильнѣе неба.

Будаевскій. Но гдѣ-то горныя вершины покрыты не тающимъ снѣгомъ.

Альма. Горныя вершины далеки отъ земли.

Вета. На горныхъ вершинахъ не течетъ вода.

Альма. Лучи солнца скользятъ мимо горныхъ вершинъ.

Вета. До горныхъ варшинъ не доходитъ вѣтеръ съ моря.

Альма. Горныя вершины купаются въ эфирѣ».

Если бы г. Минскій не былъ столь серьезенъ, не былъ мудрецомъ и первымъ человѣкомъ, мы бы подумали, что онъ пародируетъ Метерлинка, превосходно выдерживая форму его діалоговъ и смѣха ради вкладывая нелѣпое содержаніе. Но г. Минскому не до смѣха. Его эротоманка стоитъ ему страшныхъ хлопотъ. Не успѣлъ онъ ее спасти отъ отравленія,—почему она и была имъ представлена съ компрессомъ на головѣ,—какъ она вдругъ изъявляетъ желаніе, снявъ «калоши лжи», обуться въ «калоши счастья», проще говоря, выйти замужъ. Такой пассажъ неожиданный мотивируется желаніемъ покончить съ любовью, чтобы спасти свою свободу, ибо,—какъ говорятъ наши сектанты,—не согрѣшишь, не покаешься, не покаешься, не спасешься. Такъ и г. Минскій—сначала эротоманія, какъ подготовка, потомъ—страсть, какъ грѣхъ, затѣмъ Альма опять начинаетъ чудить, и у г. Минскаго опять хлопотъ полонъ ротъ.

Спасая свою свободу, его героиня рѣшила освободить себя отъ чувства материнства, подмѣнивъ своего ребенка другимъ. Для этого при благосклонномъ содѣйствіи автора она учреждаетъ особый пріютъ, куда матери отдаютъ своихъ дѣтей навсегда. Дѣтей такъ перемѣшиваютъ, чтобы нельзя было узнать потомъ,

*

кому они принадлежатъ. Туда же и Альма отдаетъ свою дѣвочку, а себѣ береть другую. Если ужъ нельзя отдѣлаться отъ чувства матери, то она желаетъ любить ребенка вообще, а не своего исключительно. Она готова любить только «общечеловѣческое», ибо «оно далеко и спокойно», а «свое обидно близко. Ужъ если цѣпь, то длинная». Такъ же относится она и къ мужу. «Она никогда не говорила о любви», разсказываетъ злополучный мужъ. «Она принимала мои ласки молча. Но я зналъ, что она любитъ. На лицѣ ея была такая улыбка, какъ будто она нѣжно насмѣхалась надъ своимъ счастьемъ. Но разъ она со слезами сказала, что любитъ меня. Она медленно меня поцѣловала, какъ цѣлуютъ на прощаніе, и съ того вечера мы стали жить какъ братъ и сестра». Пересилить любовь ко всему, что близко, и значитъ освободиться отъ любви, по мысли г. Минскаго, что его героиня и выполняетъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, съ легкимъ сердцемъ отдѣлавшись отъ мужа и ребенка.

До сихъ поръ мы пока въ области комедіи. Теперь авторъ приступаетъ къ трагическому. Но гдѣ это трагическое въ такой сумасшедшей, эротоманкѣ, по характеристикѣ автора, или просто довольно-таки грязной особѣ съ нечистымъ воображеніемъ, по мнѣнію читателя? Мудрость г. Минскаго и тутъ ему не измѣняетъ. Послѣ долгихъ и многихъ разговоровъ на тему о свободѣ, онъ приводитъ героиню въ лепрозорію, пріютъ для прокаженныхъ. «Поищемъ людей столь отверженныхъ и несчастныхъ, что наша свобода ихъ не будетъ пугать». Таковы именно прокаженные. Трагическое найдено: съ одной стороны «несчастнѣйшіе изъ несчастнѣйшихъ, послѣднѣйшіе изъ послѣднихъ», какъ называютъ себя прокаженные въ превосходной повѣсти г. Сѣрошевскаго, съ другой — свободолюбивая, прекрасная и самостоятельная Альма

Этотъ послѣдній актъ ни въ чемъ не уступаетъ двумъ первымъ по характеру изложенія мыслей г. Минскаго, съ тою лишь разницей, что теперь авторъ пародируетъ Ибсена и съ такимъ же успѣхомъ, какъ раньше Метерлинка. У Ибсена мы видимъ образы великой любви и долга, которые г. Минскій подмѣняетъ своимъ смѣхотворнымъ кривляніемъ. Альма, видите ли, должна для достиженія полной свободы побѣдить въ себѣ самое главное, по мнѣнію автора, самое высокое — влеченіе къ красотѣ. Все это необходимо для вящаго торжества индивидуализма, который, по философіи автора, не совмѣстимъ ни съ любовью, ни съ материнствомъ, ни съ красотой. Въ чемъ бы ни проявилось индивидуальное стремленіе, все это подлежитъ уничтоженію. И когда вы уничтожите въ себѣ всѣ чувства, всѣ инстинкты, все, что составляетъ ваше «я», тогда, разумѣется, жить вамъ дольше не для чего и остается васъ поскорѣе отправить ad patres, какъ и поступаетъ неумолимый авторъ со своей героиней, вторично и на этотъ разъ окончательно отравляя ее. Альма, оказывается, была предусмотрительнѣе его и съ перваго выхода на сцену хотѣла покончить съ собой. Но такой эгоистическій поступокъ ея былъ отнюдь не въ видахъ автора, котораго Альма лишила бы возможности пожать столько лавровъ и возвѣстить міру еще одну великую истину: «Не унижайся до любви къ человѣку, кто бы онъ ни былъ. Люби безличное, безсодержательное, нечеловѣческое. Пойми, когда-то любили, потому что считалось нужнымъ ненавидѣть. Теперь не стало враговъ, не кого больше ненавидѣть и любовь должна умереть. Любовь къ тому, что умираетъ».

Въ полномъ восторгѣ отъ новаго откровенія, нашептаннаго ему свободой, г. Минскій ставитъ точку.

Но читатель, видя, куда завела автора его безпутная свобода, врядъ ли плѣнится такой свободой. Положимъ, прокаженные здѣсь больше для красоты слога, и самъ г. Минскій, конечно, былъ достаточно благоразуменъ, чтобы воздержаться отъ посѣщенія ихъ. Иначе онъ не наговорилъ бы о нихъ столько вздору. Но, съ другой стороны, и не всѣ такъ счастливы, что имъ некого не-

навидѣть, какъ г. Минскому, а потому и отъ любви имъ нельзя отказываться съ столь легкимъ сердцемъ. Выходитъ въ концѣ концовъ, что только г. Минскій въ выигрышѣ. Онъ хотя новый лавръ прибавилъ себѣ къ старымъ: его «эротоманка» вполнѣ подъ стать «чумному пятну», открытому имъ въ пушкинской поэзіи. Читатель же ничего не выноситъ изъ его «трагедіи», кромѣ нѣкотораго непріятнаго ощущенія, какъ отъ прикосновенія къ чему то нездоровому и разлагающемуся. Нѣсколько красивыхъ афоризмовъ, разсѣянныхъ въ пьесѣ, не окупаютъ этого тягостнаго впечатлѣнія.

Злобствуетъ противъ любви и г. Ярцевъ, хотя онъ ратуетъ противъ нея не изъ стремленія къ свободѣ. Г. Ярцевъ оскорбленъ въ лучшихъ своихъ чувствахъ,—онъ скорбитъ и негодуетъ, его разумъ возмущется, когда онъ видитъ, что творитъ эта «злая страсть».

«Что сдѣлать, чѣмъ бороться, если культъ любви, въ угоду всѣмъ ея пѣвцамъ, поэтамъ, такъ глубоко укоренился? Что сдѣлать, если эта ужасная болѣзнь коситъ одну за другой лучшія души, обезсиливая ихъ, отнимая ихъ у общества?»—восклицаетъ г. Ярцевъ устами одного изъ героевъ драмы Булатова, который является вездѣ выразителемъ думъ автора.

Да, что дѣлать?—задумывается г. Ярцевъ. Долго ли, коротко ли онъ думалъ, намъ неизвѣстно. Только въ концѣ концовъ взялъ да и написалъ комедію «Бракъ», въ которой представилъ намъ плоды «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ».

Наблюденіе первое. Нѣкій Владиміръ Петровичъ Приклонскій безумно влюбляется въ нѣкую дѣвицу Нину Михайловну, которая ему вполнѣ соотвѣтствуетъ. Видя ихъ такое настроеніе, вышеупомянутый Булатовъ выступаетъ съ предостереженіемъ. «Я скажу вамъ, что для брака совсѣмъ не нужно той любви, о которой вы мечтаете. Я скажу болѣе: она вредна, она ужасна!» Дѣвица, какъ подобаетъ въ ея положеніи, побѣдоносно отражетъ его аргументы стихами г. Бальмонта, дѣйствительно очень музыкальными:

Слова любви всегда безсвязны.
Они дрожатъ, они алмазны,
Какъ въ часъ предутренній звѣзда,
Они свѣжи, какъ ключъ въ пустынѣ,
Сначала міра и до нынѣ
И будутъ первыми всегда!
Всегда дробясь, повсюду цѣльны,
Какъ свѣтъ, какъ воздухъ безпредѣльны,
Легки, какъ всплески въ тростникахъ,
Какъ взмахи птицы окрыленной,
Съ другою птицею сплетенной
Въ летучемъ бѣгѣ, въ облакахъ.

Побѣжденный Булатовъ смолкаетъ, дѣвица сочетается бракомъ со своимъ избранникомъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по свидѣтельству г. Ярцева, что же мы видимъ? Приклонскій въ халатѣ дико мечется по сценѣ, отбиваясь отъ назойливыхъ ухаживаній жены и ея матери, которыя довели его своими нѣжностями до бѣлаго каленія. И тотъ же Булатовъ, который во всѣ рѣшительные моменты является невѣдомо откуда и также невѣдомо куда исчезаетъ по иниованіи въ немъ надобности,—съ торжествомъ заявляетъ: «она единственна, она божественна! А черезъ мѣсяцъ всякая другая женщина привлекаетъ гораздо больше, чѣмъ это воображаемое божество... Знаю я цѣну этому счастью...» Авторъ торжествуетъ не менѣе и для окончательной убѣдительности дополняетъ, опять черезъ соотвѣтственное число мѣсяцевъ, нарисованную имъ картину семейнаго счастья—ребенкомъ. Послѣдній хвораетъ, мать плачетъ, а мужъ въ

неистовствѣ вопитъ на весь домъ: «Ахъ, я такъ усталъ отъ того, что называется любовью!» Жена, конечно, не остается въ долгу, и между ними завязывается такой семейный діалогъ.

Нина. Ты бездушный! Ты не знаешь, что значитъ любить!

Приклонскій. Это правда. Но и ты не знаешь этого.

Нина. Неблагодарный! Я ли не любила тебя!

Приклонскій. Да, ты меня любила,—и далѣе длиннѣйшій обвинительный актъ, который не приводимъ, чтобы пощадить читателя. Большей пошлости намъ давно уже не приводилось читать. Заканчивается онъ грознымъ окликомъ: «Мнѣ стыдно имъ (друзьямъ) смотрѣть въ глаза!» Жена напоминаетъ о ребенкѣ, что ведетъ еще къ худшему результату. Зачѣмъ дѣти? Мы сами не умѣемъ жить, а дали жизнь другому существу? Лучше бы онъ умеръ. Также быстро, какъ съ семейнымъ счастьемъ, авторъ кончаетъ и съ ребенкомъ: отецъ нарочно его простуживаетъ, и ребенокъ умираетъ. Можно бы кстати отмѣтить, что случай съ ребенкомъ позаимствованъ у д'Аннунціо изъ его «Невинной жертвы». Но не станемъ спорить, что г. Ярцевъ дошелъ до смертоубійства и своимъ умомъ. Доморощенными философами земля наша не оскудѣвала еще со временъ Ляпкина-Тяпкина.

Наблюденіе второе. «Любовь и звѣрскія сердца превозмогаетъ», какъ сказалъ одинъ философъ. Г. Ярцевъ знаетъ это, и потому съ его Булатовымъ выходитъ слѣдующее необыкновенное приключеніе. Сестра Нины, Лена, увлекается однимъ офицеромъ, который напѣваетъ ей такіе же стихи, какъ и прочитанные Ниной. Булатовъ любитъ Лену, но, помня свои рѣчи противъ любви, не препятствуетъ стратегическимъ дѣйствіямъ смѣлаго воина, который благополучно доводитъ ихъ до конца... Лена уже начинаетъ чувствовать кое-какія послѣдствія, но тутъ-то Булатовъ и выступаетъ съ проповѣдью брака не по любви, а по разуму. Лена знаетъ теперь сама, что такое любовь, и можетъ понять, насколько люди преувеличиваютъ значеніе этого чувства.

Выводъ ясенъ: любовь до брака есть истинное подготовленіе къ браку безъ любви, а что такой бракъ будетъ счастливъ, за это ручается авторъ собственною подписью. Другого ручательства, правда, въ драмѣ нѣтъ, и читатель нѣсколько недоумѣваетъ, на чемъ опирается такая увѣренность автора.

Въ нашемъ сжатомъ пересказѣ ускользнула одна философская сказка г. Ярцева, которую приводитъ все тотъ же резонеръ пьесы Булатовъ. Въ этой сказкѣ природа борется съ человѣкомъ, который, учредивъ бракъ, ограничилъ этимъ, по мнѣнію природы, силу размноженія. Тогда природа усилила въ немъ чувство любви, но бракъ все-таки отъ этого не исчезъ. «Что за польза людямъ себя мучить», удивляется природа. «Они, все равно, не выдерживаютъ того, что называютъ бракомъ»—«Они такъ мучились, что думали совсѣмъ убить въ себѣ любовь», замѣтило ей солнце. Природа торжествуетъ: «Этого имъ, конечно, не удастся».—«Это не было и нужно,—отвѣчаетъ солнце,—но они все-таки побѣдятъ тебя здѣсь, какъ и во всемъ».—«Чѣмъ?!» — грозно крикнула природа.—«Разумомъ!»—отвѣтило солнце.

Повидимому, этой сказкой г. Ярцевъ хочетъ внушить намъ, что разумъ—вотъ единственная основа брака. Непонятно только, зачѣмъ предварительно онъ заставляетъ Лену испытать любовь, и только потомъ уже искать прибѣжища въ бракѣ съ разумнымъ резонеромъ Булатовымъ. При такомъ условіи мы бы не дали и ломанаго гроша за прочность этого союза, ибо, какъ говорили послы Владиміра, кто разъ извѣдалъ сладкаго, не захочетъ горькаго.

Трудно передать всѣ нелѣпости, которыми уснащена любопытная драма г. Ярцева, почему на нихъ не стоитъ дольше останавливаться. Пьеса, тѣмъ не нѣе, любопытна, какъ показатель того сумбура, какой водворился теперь даже въ самыхъ, повидимому, простыхъ вопросахъ. Ужъ сколько разъ твердили міру,

что любовь безъ разума не ведетъ къ добру, и если это хотѣлъ показать г. Ярцевъ, то сдѣлалъ это крайне неумѣло, по-дѣтски и нелитературно. Его Нина и Приклонскій—два дурачка въ полномъ смыслѣ слова, всѣ злоключенія которыхъ проистекаютъ не отъ избытка любви и «нѣжностей», какъ желаетъ показать намъ авторъ, а отъ глупости,—недостатокъ, противъ котораго нѣтъ лѣкарства. Нина желаетъ «нѣжностями» заполнить каждый часъ, каждую минуту жизни, не понимая, что въ жизни есть и много другихъ, весьма важныхъ и необходимыхъ дѣлъ, занятій и обязанностей, важныхъ и нужныхъ не только въ грубомъ и обыденномъ смыслѣ, но и необходимыхъ для постояннаго возбужденія бодрости и свѣжести души и ума. Приклонскій возмечталъ, что жизнь съ любимой женщиной вся соткана изъ тонкихъ «эфирныхъ» ощущеній, все время возносящихъ человѣка надъ житейской прозой, и когда эта проза дала себя почувствовать, онъ взвылъ, какъ капризный ребенокъ. Для него «жизнь—въ мечтахъ! Да, да! Я знаю, что онѣ не сбыточны. Онѣ и не похожи на жизнь. Какой тамъ міръ, какія краски, какое свѣтлое небо — какое хочешь: все въ твоихъ рукахъ! И какія женщины! Въ бѣлыхъ, длинныхъ одеждахъ, съ темными глазами, чистыя, какъ мадонны, ясныя, какъ цвѣты!» Понятно, для такого вздорнаго мечтателя всякій бракъ—«могила иллюзій». Но причемъ тутъ любовь и бракъ?

Этого-то авторъ и не показалъ, какъ не показалъ и обратнаго, что только бракъ по разуму приводитъ къ счастью. Его резонеръ Булатовъ влюбленъ въ Лену, какъ мальчишка, и если не борется за ея любовь съ счастливымъ соперникомъ, то лишь по дряблости натуры и старческому безсилію, что не мѣшаетъ ему, впрочемъ, отъ времени до времени дѣлать весьма ясныя попытки въ этомъ направленіи, но неудачныя. Когда Лена,—правильно или нѣтъ, этого въ пьесѣ не видно,—разочаровалась въ избранникѣ и рѣшается его бросить, тутъ-то нашъ резонеръ и взыгралъ. Съ видомъ благороднаго рыцаря, готоваго на жертву — прикрыть вѣнцомъ дѣвичій грѣхъ, Булатовъ подъѣзжаетъ къ растерявшейся дѣвушкѣ и овладѣваетъ призомъ. По крайней мѣрѣ, въ пьесѣ все это скомпоновано такъ наивно и такъ бездоказательно, что никакихъ ни психологическихъ, ни логическихъ, мотивовъ авторъ не даетъ. Заключительная сцена, когда Булатовъ, по ремаркѣ автора, «беретъ ее за руку», и безъ дальнихъ словъ сразу выпаливаетъ: «мы *должны быть* мужемъ и женой», — высоко комична. Это «должны быть» стоитъ быть увѣковѣченнымъ, по своей глубинѣ и эффектности.

Въ пьесѣ тотъ же alter ego автора, Булатовъ, то и дѣло сыплетъ словечками о «трудѣ, объ извѣстности», какъ пресловутый «учитель словесности», что придаетъ этому «Браку» оттѣнокъ наивной пошлости прописной морали. Надо еще добавить, что языкъ пьесы совершенно не литературный, и вся ея постройка глубоко не сценична. Получается такое впечатлѣніе, словно предъ зрителями бродятъ какія-то тѣни, настолько неопредѣленныя и безформенныя, что постоянно приходится справляться съ спискомъ дѣйствующихъ лицъ. Иначе постоянно всѣхъ путаешь и не можешь разобраться, кто это говоритъ. Такъ не ясно и смутно ихъ взаимное отношеніе.

Сопоставляя «Бракъ» съ «Альмой», невольно дѣлаешь сравненіе, и какъ ни различны обѣ вещи, чувствуешь въ нихъ что-то общее. Въ обѣихъ сказывается неудовлетворенность современностью, желаніе иныхъ, лучшихъ отношеній чѣмъ тѣ, какія теперь установились между людьми. У г. Ярцева выражено это до жалости неумно и неумѣло. Онъ чувствуетъ какую-то скрытую ложь въ современномъ бракѣ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ тѣхъ браковъ, какіе довелось ему видѣть. Но въ чемъ она, что именно не ладно—это ему не дано понять. Отсюда смутность его мысли. «Не надо любви, пусть одинъ разумъ руководитъ людьми», но тутъ же спохватывается и мелькомъ выводитъ пару,

гдѣ уравновѣшенность приводитъ, по его словамъ, «къ скотскому двору». Тогда въ лицѣ Лены и Булатова онъ пытается набросать форму иныхъ отношеній—любовь, уже перекипѣвшую, которая сознательно приходитъ къ браку, какъ все-таки лучшей формѣ отношеній. Въ «Альмѣ» постановка всѣхъ вопросовъ гораздо шире, но нелѣпое ихъ развитіе въ конецъ убиваетъ мысли г. Минскаго. Его Альма—мертвое дѣтище его сумбурной философіи, но въ ея стремленіяхъ не поддаваться исключительно личнымъ страстямъ, не подчиняться личнымъ только желаніямъ есть доля глубокой правды, какъ въ смутной мысли г. Ярцева, что бракъ не долженъ быть дѣломъ только личнымъ, что въ немъ непремѣнно долженъ заключаться элементъ общественности, общечеловѣческаго.

Вотъ это-то общечеловѣческое и общественное и составляетъ въ обѣихъ пьесахъ то нѣчто, что указываетъ на неудовлетворенность современностью. Жизнь страшно усложнилась, но формы ея остались все еще прежнія, такъ что уже не вмѣщаютъ этого сложнаго содержанія. Нѣтъ теперь ни одного акта въ нашей личной жизни, который не былъ-бы тысячью невидимыхъ нитей связанъ съ жизнью всѣхъ. Даже такое личное дѣло, какъ любовь и бракъ, не могутъ быть выдѣлены изъ общей жизни, съ которою они связаны и посредственно, и не посредственно. Альма, напр., желаетъ убить въ себѣ инстинктъ материнства, замѣнивъ его чувствомъ любви ко всѣмъ дѣтямъ вообще. Попытка сама по себѣ нелѣпа и еще нелѣпѣе обоснована и выполнена авторомъ. Но, право, сколько превосходныхъ современныхъ матерей невольно смущаются въ глубинѣ души исключительностью и властностью этого чувства, заслоняющаго собою весь міръ и подчасъ дѣлающаго ихъ такими черствыми къ другимъ дѣтямъ и другимъ матерямъ. Совѣсть современнаго человѣка стала до болѣзненности чуткой, и въ натурахъ, особенно тонкихъ и благородныхъ, она неумолчно поднимаетъ протестъ въ душѣ — и это хорошій, богатый въ будущемъ послѣдствіями протестъ. Какъ ни нелѣпа Альма г. Минскаго, какъ ни наивенъ Булатовъ со своими протестами противъ исключительности любви, но въ нихъ мы слышимъ отголоски этого протеста, и съ этой точки зрѣнія они представляютъ своего рода несомнѣнный интересъ. Альма—красавица, любимая, богатая, обладающая всѣмъ, что такъ привлекаетъ людей, и идущая къ прокаженнымъ, къ несчастнѣйшимъ изъ несчастнѣйшихъ, какими бы мотивами она ни руководилась,—это символъ глубоко скрытой, но не умирающей въ душахъ нашихъ справедливости, которая не можетъ мириться со зломъ и страданіемъ, и которая въ наше, повидимому, такое черствое эгоистическое время особенно чутка и неумолима.

Тотъ «внутренній голосъ», который тысячелѣтія назадъ заставилъ Сократа выступить одного противъ всѣхъ и сказать въ лицо этимъ всѣмъ, что онъ, Сократъ, чѣмъ бы ему ни грозили, все же предпочтетъ слушаться только его,—никогда еще не былъ такъ возбужденъ и настороженъ, какъ теперь. Прежде онъ былъ силенъ лишь въ единицахъ, геройски отстаивавшихъ право этого голоса на высшій судъ, теперь онъ начинаетъ просыпаться въ массахъ. Пока мы присутствуемъ лишь при его пробужденіи, и не мало времени пройдетъ еще до того момента, когда этотъ голосъ зазвучитъ во всѣхъ съ одинаковою силой...

Можетъ быть, это отчасти побужденіе натолкнуло г. Сергѣенко на такую тему, какъ его «историческія сцены»—представить вѣчно живую трагедію смерти Сократа. Мотивы автора, несомнѣнно, благородны и высоки, но, къ сожалѣнію, выполненіе не отвѣчаетъ цѣли. Его произведеніе не только не художественно, но и исторически не правдиво, а это такихъ два смертныхъ грѣха для всякаго литературнаго творенія, которые убиваютъ всякую мысль о цѣляхъ и побужденіяхъ, руководившихъ авторомъ.

Начать съ того, что слогъ пьесы удивительно страненъ, выражаясь мягко.

Всѣ лица, кромѣ Сократа, говорятъ вычурной ритмической прозой, что, помимо неестественности, производитъ просто смѣхотворное впечатлѣніе. Какъ будто авторъ хотѣлъ показать наглядно, почему рѣчи Сократа такъ сильно вліяютъ на слушателей: тамъ, гдѣ всѣ косноязычны, и заика будетъ ораторомъ. Мало того, кромѣ указанной особенности, чуть не половина дѣйствующихъ лицъ или «пришепетываютъ», или «произносятъ «р», какъ «рр», или «ка», какъ «ха», или «запкаются», или «сопятъ». Понятное дѣло, въ такой компаніи, гдѣ всѣ говорятъ нараспѣвъ, а большинство еще пришепетываетъ, картавитъ, заикается или сопитъ,—ясная и членораздѣльная рѣчь Сократа звучитъ съ особою пріятностью и убѣдительностью. Зачѣмъ понадобился автору такой грубо ложный и нехудожественный пріемъ, рѣшительно не понимаемъ. Въ ремаркѣ, относящейся къ Сократу, авторъ замѣчаетъ: «не похожъ ничѣмъ на своихъ современниковъ-аѳинянъ, съ ихъ пластическими движеніями и пристрастіемъ къ ритму». Эта характеристика чистый вздоръ, ни на чемъ не основанный. Откуда взялъ г. Сергѣенко, что аѳиняне разговаривали ритмически, позируя и жестикулируя по-ораторски? Поговорить они, дѣйствительно, любили и были мастера по этой части. Но разговаривали, конечно, какъ всѣ смертные—живо, бойко, сокращая обороты и не соблюдая никакого размѣра. Разъ авторъ задался цѣлью представить Сократа въ обыденной обстановкѣ, дома, въ кругу друзей, на площади, надо было держаться той же простоты. Что же касается заиканія, картавости, пришепетыванія и сопѣнія, это ужъ совсѣмъ неудобная «отсебятина», непріятная, неестественная и грубая, показывающая только, насколько г. Сергѣенко не художественная натура. Десятки страницъ такихъ уродливыхъ разговоровъ дѣлаютъ его произведеніе мучительнымъ для чтенія. Воображаемъ, каковъ былъ бы эффектъ, если бы эти уроды заговорили такимъ языкомъ со сцены.

Такова внѣшность. Къ сожалѣнію, и содержаніе вполнѣ ей отвѣчаетъ. Ни характеровъ, ни образовъ въ немъ нѣтъ, и самъ Сократъ словно списанъ со страницъ учебника Иловайскаго. Положимъ, г. Иловайскій сыгралъ не малую роль въ воспитаніи нашего юношества, но все же удивительно, что ничего лучшаго для образца г. Сергѣенко не нашелъ. Опасность такихъ общеизвѣстныхъ темъ въ томъ и заключается, что только большой-художественный талантъ можетъ въ нихъ избѣжать банальности. Для истиннаго таланта это своего рода оселокъ, на которомъ онъ можетъ показать свою крѣпость и остроту. Такъ именно было, напримѣръ, съ г. Короленко, «Тѣни» котораго—одно изъ лучшихъ его произведеній по художественности выполненія и глубинѣ замысла. Его Сократъ — не только съ дѣтства знакомый намъ историческій Сократъ, но живой образъ, который мы видимъ, слышимъ съ реальностью, близкой къ иллюзіи. Это—созданіе истиннаго творческаго таланта, съумѣвшаго оживить и внести свое содержаніе въ форму, повидимому, разъ и навсегда данную.

Ничего подобнаго не смогъ сдѣлать г. Сергѣенко. Его «Сократъ» съ начала и до конца баналенъ, какъ старое полустертое клише, съ котораго уже сдѣлано тысячи оттисковъ. Первая сцена въ домѣ Сократа яко бы должна познакомить насъ съ домашнимъ бытомъ философа. Ксантипа, конечно, брюзжитъ и бранится, ученики ведутъ подъ шумокъ ея бранн умные разговоры, философствуя даже за ѣдой, а самъ Сократъ благодушно взираетъ на окружающихъ, отъ времени до времени повторяя свое излюбленное «изслѣдуемъ». Также невозмутимъ онъ и на площади, гдѣ авторъ имѣлъ благое намѣреніе представить намъ всю живость аѳинской толпы и разнообразіе ея жизни. Тутъ и софисты, и рабы, и цвѣточницы, кокетничающія съ учениками Сократа, и многое разное,—нѣтъ только общей картины, потому что нѣтъ живыхъ людей, а однѣ схемы съ подобающими ярлыками. Дальше, какъ слѣдуетъ по росписанію, судъ, на которомъ враги Сократа заикаются, гнусятъ, сопятъ, а философъ имъ отвѣ-

чаетъ витіеватыми запутанными рѣчами, напоминающими плохой переводъ изъ «Меморабилій» Ксенофонта. Авторъ желалъ внушить намъ представленіе о величественности этого рокового событія, когда Сократъ бросаетъ въ лицо аѳинскому народу свое «я повинуюсь только внутреннему голосу», событія, дѣйствительно, величественнаго и громадной важности, но оно производитъ болѣе сильное впечатлѣніе въ простомъ пересказѣ, чѣмъ въ растянутой и скучной сценѣ у г. Сергѣенко. Скучнѣе и безжизненнѣе всего сцена смерти Сократа, въ концѣ-концовъ даже исторически невѣрная. У г. Сергѣенко, только что Сократъ умеръ, вбѣгаетъ бывшій ученикъ Сократа и вопитъ, что «подписанъ пересмотръ... освободить Сократа... долой оковы»... Это открытіе принадлежитъ исключительно г. Сергѣенко, исторія его не знаетъ, а мы опять не понимаемъ, зачѣмъ понадобилась автору такая подробность, не вносящая въ пьесу ничего ни для освѣщенія личности философа, ни для освѣщенія самой драмы.

Такова эта болѣе, чѣмъ неудачная пьеса, оставляющая досадливое ощущеніе, какъ при видѣ плохо играющаго актера. Какъ ни трогательна и величава личность Сократа сама по себѣ, въ пьесѣ г. Сергѣенко ничто васъ не волнуетъ, ничто не трогаетъ, а тѣ смѣшныя особенности, которыя мы отмѣтили выше, портятъ въ концѣ впечатлѣніе, какъ и всякая жалкая попытка на оригинальность, дающая въ результатѣ—оригинальничаніе.

Г. Сергѣенко проявилъ больше смѣлости, чѣмъ таланта. Его книга «Какъ работаетъ гр. Л. Толстой» была любопытно и интересно написана, давая много подробностей о жизни великаго русскаго писателя. Успѣхъ,—и то сравнительный,—этой вещи окрылилъ автора надеждами и побудилъ взяться за дѣло, къ которому, повидимому, у него мало задатковъ. Но огромная разница—описать обстановку и изложить нѣсколько разговоровъ съ гр. Толстымъ и возсоздать историческую личность въ ея обстановкѣ. Для перваго достаточно быть правдивымъ и наблюдательнымъ человѣкомъ, для второго—прежде всего надо быть художникомъ, а этого-то мы и не видимъ въ твореніи г. Сергѣенко. Можетъ быть, онъ и очень хорошій человѣкъ, но... плохой музыкантъ.

Не безъ удовольствія будетъ встрѣченъ многими сборникъ стихотвореній г. Тана. Съ своей стороны, раздѣляя въ общемъ это чувство, мы не можемъ не сдѣлать нѣсколькихъ весьма существенныхъ оговорокъ.

Пока стихи г. Тана печатались порознь, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ (въ томъ числѣ и у насъ, изъ вошедшихъ въ сборникъ «Послѣдняя льдина», «Гроза и дубъ» и «Зачѣмъ эта бездна обиды и горя»), они производили гораздо лучшее впечатлѣніе, чѣмъ теперь, собранные воедино. Въ нихъ подкупала извѣстная сила и выразительность стиха, опредѣленность мысли и настроенія и тотъ бодрый духъ гражданственности, которымъ проникнуто большинство его пьесъ.

Все это, конечно, осталось и въ сборникѣ, но собранныя вмѣстѣ стихотворенія г. Тана производятъ утомительное впечатлѣніе не столько однообразіемъ мотивовъ, сколько безконечной длинnотой своей. Читаешь, читаешь—и конца нѣтъ все одному и тому же мотиву, который варіируется, повторяется, расплывается и тонетъ въ массѣ куплетовъ и словъ, нагроможденныхъ въ хаотическомъ безпорядкѣ. Авторъ не умѣетъ во-время поставить точку. Онъ напоминаетъ тѣхъ, очень хорошихъ подчасъ и интересныхъ людей, которые не умѣютъ уходить во время. Они мнутся, переступаютъ съ ноги на ногу, заводятъ разговоры на тему, казалось, уже исчерпанную, отходятъ въ сторону и снова къ ней возвращаются, выматывая, что называется, душу у собесѣдника. Нѣкоторыя длинноты, и прежде дававшія себя чувствовать въ произведеніяхъ г. Тана, въ сборникѣ дополнили другъ друга, и впечатлѣніе растянутости преслѣдуетъ

читателя на всемъ протяженіи этой, сравнительно, небольшой книги. Для поэта это очень крупный недостатокъ. Сжатость необходимѣйшее достоинство истинной поэзіи, въ которой больше чѣмъ гдѣ-либо должно имѣть мѣсто мудрое правило классиковъ—non multum sed multa,—«чтобъ словамъ было тѣсно, а мысли просторно».

Благодаря этому коренному недостатку, чтеніе стихотвореній г. Тана утомляетъ, а не освѣжаетъ, какъ истинная поэзія. Отдѣльныя, очень красивыя мѣста такъ затушевываются ненужными подробностями, что въ концѣ концовъ перестаешь ихъ замѣчать, и остается одно давящее впечатлѣніе однообразія и скуки. А это очень жаль, потому что среди хаоса награможденныхъ образовъ то тутъ, то тамъ мелькнетъ сильная и яркая картина, выразительный и сжатый стихъ, рѣзкая, словно отчеканенная мысль, на которой съ отрадою можно бы остановиться. Г. Танъ не принадлежитъ къ числу оригинальныхъ мыслителей, но его мысли свѣжи и здоровы, въ нихъ всегда слышенъ отголосокъ бодрой души. Это—призывъ къ борьбѣ, призывъ къ самостоятельной жизни, ненависть къ злу и насилію. Это основные мотивы его поэзіи, и тамъ, гдѣ ихъ не затемняетъ длинпота и расплывчивость, они производятъ впечатлѣніе, правда, далеко не «мощное», словечко особенно излюбленное г. Таномъ, а бодрящее и возбуждающее.

Самыя длинныя стихотворенія въ сборникѣ—«Въ дорогѣ» и «На мотивы изъ Шильонскаго узника», въ то же время и самыя неудачныя. Но и въ нихъ очень недурны начала, особенно въ первомъ.

Мы ѣхали молча. Средь тундры нагой
Неслись наши нарты одна за другой.
Полозья чуть слышно скрипѣли.
Какъ смутныя тѣни, мелькали часы,
И въ бѣшеной скачкѣ упряжные псы
Быстрѣе, чѣмъ вѣтеръ, летѣли.

Кончался угрюмо нахмуренный день,
Росла, надвигалась вечерняя тѣнь.
Катился туманъ по равнинѣ,
И падалъ густой надоѣдливый снѣгъ,
И вотъ на обычный бездомный ночлегъ
Мы выбрали мѣсто въ пустынѣ.

Какъ трупъ неподвижна, какъ скатерть ровна,
Подъ савапомъ снѣга лежала она,
Подъ сѣрымъ покровомъ тумана.
И бѣлая площадь холодной земли
Неясною гранью сливалась вдали
Съ широкимъ лицомъ океана.

И взоры напрасно искали вокругъ
Хоть кустъ, обнаженный жестокостью вьюгъ
Средь тундры нагой и безплодной,
И только на бѣломъ покровѣ зимы
Чернѣли наносного лѣса холмы,
Дары Колымы многоводной.

Превосходно выдержана картина сѣверной природы за полярнымъ кругомъ, и такихъ картинъ у г. Тана можно привести достаточно. Хороши также иные нейзажи, какъ, напр., начало стихотворенія «Поблекшіе листья».

Прекраснаго лѣта прошло торжество,
Минуло какъ призракъ, какъ тѣнь,
И молча плетется за гробомъ его
Заплаканной осени день.

И утреннихъ зорь свѣтоносный покровъ,
Сіявшій улыбкой небесъ,
Подъ панцыремъ сѣрыхъ, густыхъ облаковъ
Давно безъ возврата исчезъ.

Лѣсная дорога какъ будто бѣжитъ,
Стремясь поскорѣй на просторъ,
Но лѣсъ неподвижно и мрачно молчитъ,
Утративъ свой лѣтній уборъ.

Изъ мощныхъ, цвѣтущихъ его сыновей
Предъ бурей ужъ палъ не одинъ,
И сорваны вѣтромъ, какъ бранный трофей,
Зеленые листья вершинъ.

Но не описанія природы являются для г. Тана характерными. Природа сама по себѣ никогда не служитъ для него темой, это лишь фонъ, на которомъ авторъ рисуетъ образы, то угрюмые и печальные, какъ сѣверная природа, то полные силы и величія. И всегда въ основѣ лежитъ одна идея—борьба или призывъ къ ней. Такъ и въ приведенномъ стихотвореніи, видъ опавшихъ листьевъ, разметаемыхъ вѣтромъ, вызываетъ у него воспоминаніе о тѣхъ оторванныхъ отъ родимой почвы людяхъ, которые далеко-далеко погибаютъ, какъ эти листья, и которымъ не суждено вернуться назадъ:

И нигдѣ поколѣнія павшаго сынъ
Не отыщетъ пріюта себѣ,
И зеленыя дѣти цвѣтущихъ вершинъ
Не отвѣтятъ скитальца мольбѣ.

При видѣ расцвѣтающей молодежи поэту рисуются грядущія битвы, или, рисуя плѣнительный образъ русской дѣвушки, онъ говоритъ о ея назначеніи работать для блага другихъ, потому что никто не таитъ въ себѣ такого запаса духовныхъ силъ, какъ она.

Въ святилищѣ женскихъ сердецъ
Безсильнымъ сомнѣніямъ нѣтъ мѣста.
Колеблются мужъ и отецъ,
Но вѣруетъ мать и невѣста.

И самъ поэтъ, въ одномъ изъ заключительныхъ стихотвореній сборника—«Моя муза», очень вѣрно опредѣляетъ существенную черту своей поэзіи.

Не ласкающій шопотъ любовной мольбы,
Не восторженныхъ грезъ сладкозвучный напѣвъ,
Голосъ музы моей—это голосъ борьбы,
Это ненависть, злоба и гнѣвъ,
Это кованый мечъ, закаленнымъ клинкомъ
Разсѣкающій сталь непріятельскихъ бронь,
Это молотъ, скалу поразившій, какъ громъ,
Изъ холоднаго камня, извлекшій огонь...
. . . . . .
Лиры нѣтъ у меня. Для чего лира мнѣ?
Молодая душа—это лира моя.
Словно мощныя струны, звенятъ въ глубинѣ
Напряженныя чувства ея.

Въ этомъ и заключается смыслъ и значеніе поэзіи г. Тана. При всѣхъ своихъ очень и очень крупныхъ недочетахъ, длиннотахъ, тяжеловѣсности и нерѣдко грубости формы, надъ отдѣлкой которой г. Танъ, повидимому, мало работаетъ,—эта поэзія имѣетъ въ себѣ много привлекательности именно для молодой души, въ которой, несомнѣнно, бодрый голосъ поэта вызоветъ сочув-

ственные отголоски. Довольно и безъ того у насъ нытья и декадентскаго любованія призрачными красотами, доступными развѣ самимъ авторамъ. Грубоватый подчасъ голосъ г. Тана, напоминающій иныя задачи, иное время и иныя пѣсни, получаетъ въ наше время особое значеніе, заставляющее забыть недостатки его стихотвореній.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

На ремесленномъ съѣздѣ. Съ 14-го по 20-е марта въ Петербургѣ засѣдалъ первый всероссійскій ремесленный съѣздъ, созванный Обществомъ для содѣйствія торговли и промышленности. Съѣздъ этотъ отличался многолюдствомъ—съѣхалось болѣе 800 ремесленниковъ со всѣхъ концовъ Россіи, и засѣданія его, протекавшія очень оживленно и подчасъ имѣвшія даже бурный характеръ, представляютъ большой общественный интересъ. Въ нихъ чрезвычайно рельефно отразились типическія черты русскаго ремесленнаго класса, или, вѣрнѣе говоря, ремесленной аристократіи, которая одна только и была представлена на съѣздѣ: въ Петербургъ съѣхались, главнымъ образомъ, члены ремесленныхъ управъ и болѣе крупные мастера; подмастерья и ремесленные ученики не имѣли своихъ представителей. Правда, на съѣздѣ раздавались голоса, доказывавшіе, что въ ремесленной промышленности между мастеромъ и подмастерьемъ нѣтъ той противоположности интересовъ, какая существуетъ между предпринимателемъ и рабочимъ въ фабричной промышленности, и что, поэтому, подмастерья и ученики не нуждаются въ особомъ представительствѣ. Но на томъ же съѣздѣ можно было почерпнуть обильныя доказательства того, что эта гармонія интересовъ только кажущаяся, и что по существу мелкій капиталистъ-ремесленникъ ничѣмъ не отличается отъ крупнаго капиталиста-фабриканта.

Общее впечатлѣніе отъ съѣзда получилось довольно безотрадное: ремесленники обнаружили большую дѣловитость и умѣніе отстаивать свои интересы и въ то же время упорно противились всякимъ гуманнымъ и просвѣтительнымъ мѣрамъ, направленнымъ къ огражденію интересовъ работающихъ на нихъ учениковъ.

Яркіе иллюстраціи преобладающаго на съѣздѣ настроенія приведены петербургскимъ корреспондентомъ «Р. Вѣдом.», г. Буквою, въ его фельетонѣ, посвященномъ ремесленному съѣзду. «На одномъ изъ засѣданій,—говоритъ онъ, разсматривался дѣйствующій Уставъ о ремесленной промышленности. 297-я статья устанавливаетъ одновременное существованіе въ Петербургѣ на равныхъ правахъ двухъ ремесленныхъ управъ — русской и иностранной. Обѣ онѣ еще съ прошлаго вѣка и существуютъ. Но иностранная ремесленная управа во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ выше нашей, домашней. Это — вполнѣ благоустроенное и законосообразное учрежденіе, кругомъ обставленное разными вспомогательными, полезными и нужными мѣрами содѣйствія иностранной ремесленной промышленности въ столицѣ. При иностранной ремесленной управѣ имѣются похоронная касса, сиротская и вдовья кассы, артель для пріобрѣтенія сырыхъ матеріаловъ, пути и средства для дешеваго краткосрочнаго кредита, прекрасно устроенныя профессіональныя школы и проч. Обо всемъ этомъ наша ремесленная управа

только еще мечтаетъ. И вотъ достаточно было произнести на съѣздѣ наименованіе иностранной ремесленной управы, чтобы петербургскіе, а вслѣдъ за ними и другіе иногородные ремесленники разразились шумными нападками, сейчасъ же перешедшими и въ брань. Одинъ изъ ремесленныхъ крикуновъ, щеголявшій наборомъ громкихъ словъ, провозгласилъ, что самое существованіе въ Петербургѣ иностранной ремесленной управы должно быть признано «наростомъ, болячкою и позоромъ (sic) для всѣхъ (!) русскихъ людей». Эта бравада встрѣчена была съѣздомъ восторженно, и баллотировка дала почти единогласное постановленіе собранія за уничтоженіе иностранной ремесленной управы. Такой исходъ вопроса вызвалъ даже крики «ура». Въ другой разъ они повторились на съѣздѣ при обсужденіи другаго, аналогичнаго съ предыдущимъ, вопроса—объ отнятіи у ремесленниковъ-евреевъ правъ, имъ нынѣ по закону принадлежащихъ. Эти права (разрѣшающія евреямъ-ремесленникамъ проживать внѣ черты еврейской осѣдлости) уцѣлѣли на съѣздѣ совершенно случайно, благодаря большинству только двухъ голосовъ. Пренія о нихъ вызвали такую бурю, съ явнымъ предрасположеніемъ нѣкоторыхъ гг. членовъ къ рукопашной, что по распоряженію предсѣдателя зала была очищена отъ посторонней публики».

Второй случай касался доклада г. Кремлева объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній «для ремесленныхъ учениковъ». Авторъ доклада собралъ въ одно всѣ болѣе важные доводы въ пользу предлагаемаго имъ съѣзду постановленія, пытался вызвать въ слушателяхъ чувство отвращенія къ этой формѣ насилія человѣка надъ человѣкомъ и говорилъ о жалкомъ, беззащитномъ положеніи «маленькихъ рабовъ» горячо и съ убѣжденіемъ. Г. Кремлевъ кончилъ свой докладъ почти патетическимъ обращеніемъ къ собранію. Ему похлопали, но коротко и сдержанно. Оппонентомъ выступилъ петербургскій ремесленникъ, нѣкій г. Волковъ. Онъ говорилъ плавно, долго и съ какимъ-то страстнымъ «проникновеніемъ». Такъ говорятъ маніаки и фанатики. Казалось, будто свѣтъ истины откуда то свыше осѣнилъ оратора. Г. Волкова коробилъ и возмущалъ самый фактъ обращенія г. Кремлева къ ремесленникамъ съ такимъ незрѣлымъ и опаснымъ предложеніемъ. Конечно, людямъ пришлымъ, сторонннимъ легко заступаться за ремесленныхъ учениковъ. Они не знаютъ и не подозрѣваютъ, «сколько хозяевъ доходятъ до чахотки только благодаря ученикамъ». Если наказаніе розгами до сихъ поръ существуетъ и въ крестьянскомъ быту, и въ военной службѣ, и въ исправительныхъ колоніяхъ, то почему, на какомъ основаніи можетъ быть рѣчь о томъ, чтобы оно было отнято у ремесленниковъ? «Постегиваніе»—одно изъ главныхъ средствъ держать ремесленныхъ учениковъ въ страхѣ и послушаніи; благодаря розгамъ изъ баловниковъ выходятъ потомъ люди; запретите розги — и получится масса несчастныхъ недоучекъ, потому что хозяева, не имѣя возможности «исправлять» нерадивыхъ или строптивыхъ учениковъ, будутъ ихъ прямо выгонять вонъ, на улицу. Не нужно-де говорить съ каѳедры «пустяки» и не за тѣмъ они, ремесленники, собрались на съѣздъ, чтобы слушать пустяки... Такой отвѣтъ г. Кремлеву произвелъ необыкновенную сенсацію. Онъ довелъ собраніе до энтузіазма. Ремесленники наградили своего оратора оглушительными аплодисментами, которые то замирали, то вновь учащались съ новою силою. Къ г. Волкову подходили для устныхъ одобреній и рукопожатій. Защитнику «постегиванія» удалось, такимъ образомъ, пожать на съѣздѣ самые обильные лавры. Тріумфъ г. Волкова былъ необыкновенный. Ораторъ храбро и краснорѣчиво вышелъ навстрѣчу общему затаенному настроенію ремесленниковъ, и оно вознесло его».

Особенною страстностью отличались пренія въ секціи ремесленнаго ученичества. Положеніе учениковъ, какъ извѣстно, составляетъ больное мѣсто нашей ремесленной промышленности; въ печати постоянно сообщаются свѣдѣнія о тяжелой жизни этихъ дѣтей, въ большинствѣ случаевъ привозимыхъ изъ де-

ревни и всецѣло предоставляемыхъ въ распоряженіе мастера. Въ секціи былъ прочитанъ цѣлый рядъ докладовъ, касающихся улучшенія быта ремесленныхъ учениковъ. Одно изъ засѣданій было посвящено вопросу объ образованіи дѣтей отдаваемыхъ въ ученичество, причемъ докладчикамъ изъ петербургской интеллигенціи приходилось тратить много краснорѣчія для доказательства пользы грамотности.

На обсужденіе секціи были поставлены вопросы: 1) въ какомъ направленіи должна вестись въ до-ремесленномъ возрастѣ учебно-воспитательная и трудовая подготовка дѣтей, предназначенныхъ къ отдачѣ въ ученіе; 1) какъ обезпечить малолѣтнимъ возможность основательнаго изученія ремесла въ мастерской; 3) желательно ли учрежденіе ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ и спеціальныхъ курсовъ для подготовки мастеровъ съ вполнѣ законченною выучкою, и 4) какъ предоставить ремесленнымъ ученикамъ возможность пользоваться дополнительнымъ обученіемъ въ вечернихъ и воскресныхъ классахъ. Собраніе посвятило все свое вниманіе вопросу: желательно ли установить, въ видѣ обязательной для хозяевъ-ремесленниковъ мѣры, пріемъ въ ученіе въ мастерскія только такихъ учениковъ, которые представятъ свидѣтельство объ окончаніи курса въ одноклассной начальной школѣ? Большинство представителей провинціальныхъ ремесленныхъ обществъ признавало достаточнымъ требовать отъ поступающихъ учениковъ только знанія грамоты, столичные же и варшавскіе ремесленники предлагали принять предложеніе полностью и установить пріемъ только дипломированныхъ учениковъ. Многіе члены съѣзда высказались противъ установленія какихъ бы то ни было требованій отъ поступающихъ учениковъ въ отношеніи ихъ образованія. Оппоненты мотивировали свое мнѣніе недостаткомъ школъ въ Россіи, вслѣдствіе котораго постановленіе съѣзда, если оно будетъ сдѣлано въ пользу образовательнаго ценза, невозможно будетъ выполнить, и ту массу неграмотныхъ деревенскихъ дѣтей, которыхъ теперь привозятъ въ города для опредѣленія ихъ въ ремесленныя заведенія, некуда будетъ дѣвать. Защитниками предложенія секціи выступили А. Г. Неболсинъ, В. Н. Герардъ, В. В. Сабининъ, Ю. Н. Лавриновичъ, Т. А. Загребинъ, В. Г. Яроцкій и др. Ораторами приводились слѣдующіе доводы въ пользу установленія для ремесленныхъ учениковъ обязательнаго прохожденія начальной школы. Изученіе какихъ бы то ни было ремеслъ невозможно хотя бы безъ элементарнаго образованія. Одной грамотности для этого недостаточно, такъ какъ она не поможетъ усвоенію учениками пріемовъ своего ремесла. Недостатокъ школъ въ Россіи не можетъ служить препятствіемъ къ принятію предлагаемаго постановленія, такъ какъ если будетъ извѣстно, что неграмотныхъ дѣтей въ мастерскія не принимаютъ, то населеніе само постарается отдавать своихъ дѣтей въ школы, а какъ только рѣзко повысится спросъ на школы, то число ихъ возрастетъ, такъ какъ объ этомъ позаботятся и города, и земства, а можетъ быть и правительство. Если же первое время деревенскія дѣти благодаря ихъ безграмотству и будутъ вынуждены оставаться въ деревнѣ, то въ этомъ нѣтъ никакой бѣды, такъ какъ отливъ молодыхъ силъ изъ деревни, создаваемый искусственно чрезъ агентовъ, — явленіе совсѣмъ нежелательное. Въ экономическомъ отношеніи ученики, являющіеся въ мастерскую съ школьными дипломами, желательны для хозяевъ, такъ какъ послѣднимъ придется меньше хлопотать о дополнительномъ образованіи учениковъ и такимъ образомъ на меньшее число часовъ отрывать ихъ отъ работы, приносящей хозяевамъ несомнѣнную выгоду. Наконецъ, требованіе отъ учениковъ начальнаго образованія можетъ имѣть еще одно благодѣтельное послѣдствіе: оно косвеннымъ образомъ повлечетъ за собою развитіе грамотности въ Россіи и вызоветъ возникновеніе новыхъ школъ.

Въ заключеніе, послѣ долгихъ преній, съѣздъ принялъ резолюцію, выра-

жающую сочувствіе всеобщему обученію, но въ то же время допускающую пріемъ въ ученичество и неграмотныхъ дѣтей, съ тѣмъ, чтобы предоставить имъ возможность получить образованіе во время ученія. Вопросъ о дополнительномъ образованіи учениковъ также послужилъ поводомъ къ крупнымъ разногласіямъ: съѣздъ воспротивился тому, чтобы сдѣлать вечерніе классы обязательными и организацію ихъ поставилъ въ зависимость отъ такъ называемыхъ «мѣстныхъ условій», подъ которыми нужно разумѣть, главнымъ образомъ, желаніе хозяевъ. Скромное предложеніе о томъ, чтобы для пополненія образованія ученикамъ предоставлялось одновременно шесть часовъ въ недѣлю,—предложеніе это было встрѣчено такой бурей негодованія, что предсѣдатель угрожалъ закрыть собраніе. Болѣе сговорчивые, какъ, напримѣръ, петербургскій ремесленникъ г. Карповичъ, признавали пользу дополнительнаго обученія ремесленныхъ учениковъ, но только при томъ условіи, чтобы вся тяжесть его была возложена на самихъ учениковъ, т.-е. чтобы ученики посѣщали курсы и школы въ часы отдыха—по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Только одинъ смоленскій ремесленный старшина г. Степановъ рѣзко разошелся съ своими товарищами. Онъ уличалъ ихъ въ томъ, что всѣ ихъ жалобы на большіе расходы, чинимые для учениковъ—выдумка, и доказывалъ, что ученики, являясь предметомъ самой безсовѣстной эксплоатаціи со стороны ремесленниковъ, представляютъ одинъ изъ лучшихъ источниковъ дохода хозяевъ; поэтому хозяева должны для нихъ сдѣлать хоть небольшую уступку и согласиться посылать ихъ въ школы. Но слова эти не встрѣтили сочувствія въ большинствѣ собранія. Ораторы изъ не ремесленниковъ очень краснорѣчиво доказывали собранію выгодность и необходимость для интересовъ ремесленной промышленности позаботиться о поднятіи образованія ремесленнаго класса, такъ какъ въ этомъ залогъ процвѣтанія ремеслъ и успѣха борьбы ремесленной промышленности съ фабричнымъ и заводскимъ производствомъ. Но и эти предложенія не были одобрены.

Вопросъ о нормировкѣ рабочаго дня для учениковъ привелъ къ совершенно неожиданному результату.

«По смыслу дѣйствующаго стариннаго устава,—говоритъ г. Буква,—ремесленный рабочій день установленъ 10-тичасовой. Онъ тянется «отъ шести часовъ утра до шести часовъ вечера, исключая полчаса на завтракъ и полтора часа на обѣдъ и отдыхъ». Между тѣмъ, по фабричнымъ законамъ, малолѣтніе, въ возрастѣ отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ, не могутъ быть занимаемы работою болѣе восьми часовъ въ сутки, причемъ работа ихъ не должна продолжаться болѣе четырехъ часовъ сряду. Докладчикъ и предлагалъ съѣзду ходатайствовать объ установленіи и для ремесленныхъ учениковъ такой же восьмичасовой нормы рабочаго дня, какая уже заведена для малолѣтнихъ на фабрикахъ. Онъ тоже наступилъ на мозоль собранію. Не успѣлъ онъ сложить свои тетрадки, какъ противъ него выразило желаніе говорить десятка полтора оппонентовъ. Всѣмъ имъ довольно дружно рукоплескали и всѣ они стояли на одномъ и томъ же положеніи: всякое посягательство на сокращеніе въ ремесленномъ дѣлѣ рабочаго дня малѣтнихъ—горе и гибель для ремесленнаго сословія. Особенно тутъ выдались разсужденія и соображенія ремесленнаго мастера, нѣкоего г. Богданова. Ихъ своеобразіе доходило до юмора. Ораторъ, говоря очень долго и очень громко, силился доказывать, что чѣмъ продолжительнѣе ремесленный день, тѣмъ это полезнѣе для учениковъ. Только за работою они совершенствуются и ведутъ себя одобрительно; все же свободное, нерабочее время они употребляли бы, какъ и теперь употребляютъ его, «на безнравственныя дѣла». Лучшій способъ воспитывать и профессіонально подготовлять ремесленнаго ученика—держать его за работою какъ можно дольше. Тутъ одинъ изъ интеллигентныхъ членовъ съѣзда возразилъ г. Богданову, что если стоять

на его точкѣ зрѣнія, то всего полезнѣе раздѣлить сутки для ремесленнаго ученика такъ: 16 часовъ на работу и 8 на сонъ. Это обращеніе къ абсурду не испугало, однако, послѣдующихъ оппонентовъ. Они продолжали защищать позицію хозяевъ, занятую г. Богдановымъ. Одинъ изъ нихъ, между прочимъ, увѣрялъ, что ремесленные ученики, стоя у дѣла 12 и даже 13 часовъ, работаютъ, однако, «не болѣе семи часовъ»; эту цифру оппонентъ получилъ по разсчету, вычтя въ году праздничные дни изъ общей суммы рабочихъ дней. Собраніе наградило и эту уловку, при одобрительныхъ крикахъ «вѣрно», горячими рукоплесканіями».

Кончилось обсужденіе этого вопроса совсѣмъ уже необыкновенно. Докладъ, заступаясь за интересы и права малолѣтнихъ ремесленныхъ учениковъ, предлагалъ съѣзду вотировать сокращеніе нормы рабочаго дня съ 10-ти часовъ до 8-ми; съѣздъ же, отвергнувъ заключеніе доклада, постановилъ ходатайствовать объ *увеличеніи* нормы рабочаго дня для малолѣтнихъ до $11^1/_2$ часовъ въ сутки! Такимъ образомъ, вопросъ объ облеченіи труда малолѣтнихъ разрѣшенъ былъ въ смыслѣ усугубленія труда.

Въ заключеніе приведемъ характерныя слова г. Оболенскаго, цитированныя въ «Пром. Мірѣ». «Очень сложныя грустныя впечатлѣнія вынесъ,—говоритъ г. Оболенскій,—изъ двухъ засѣданій съѣзда ремесленниковъ. Сознавая глубоко важное значеніе этого съѣзда, значеніе и принципіальное, и практическое,—я почувствовалъ въ первомъ засѣданіи, утреннемъ, на которомъ говорили свои привѣтственныя рѣчи петербургскіе ораторы, какъ мало поняли нѣкоторые изъ нихъ характеръ этихъ 800 маленькихъ капиталистовъ-мастеровъ, съѣхавшихся въ Петербургъ: передъ ними были упорные и сознательные кулаки, а наши наивные петербуржцы воображали, что говорятъ съ рабочимъ классомъ русской земли»...

Городскія попечительства въ Москвѣ. Московская городская управа составила сводный отчетъ о дѣятельности городскихъ попечительствъ въ Москвѣ за 1898 годъ. Отчетъ этотъ содержитъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ, касающихся организаціи благотворительной помощи въ Москвѣ. За отчетный годъ (цитируемъ по «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ») всѣхъ лицъ, имѣвшихъ прямое или косвенное отношеніе къ попечительствамъ и получавшихъ отъ нихъ помощь для себя, или для членовъ своихъ семей, было 27.257, что составляетъ около 2,7% населенія Москвы. Семь попечительствъ включали въ себѣ менѣе 25.000 жителей; 17 — отъ 25.000 до 50.000, и 4 попечительства — свыше 50.000. Во всѣхъ попечительствахъ (за исключеніемъ одного) участвовало личнымъ трудомъ 1.813 человѣкъ, изъ которыхъ 258 были членами совѣта, а остальные 1.555 несли обязанности сотрудниковъ. Въ числѣ послѣднихъ было 312 сотрудниковъ по медицинской части (врачи, фельдшера, акушерки) и 5 сотрудниковъ по юридической части.

Характерною особенностью въ составѣ сотрудниковъ, за время существованія попечительствъ, было постепенное возрастаніе числа женщинъ. Тенденція эта въ отчетномъ году выразилась столь ясно, что изъ общаго числа 1.221 сотрудниковъ безъ спеціальностей мужчинъ было 582, а женщинъ — 639, т. е. число сотрудницъ уже превысило число сотрудниковъ.

Что касается средствъ и доходовъ попечительствъ, не безъинтересны соображенія отчета относительно главнаго источника доходовъ—членскихъ взносовъ и пожертвованій. Послѣдніе въ отчетномъ году по сравненію съ предъидущимъ уменьшились хотя и очень незначительно, тѣмъ не менѣе, этому уменьшенію приходится приписать нѣкоторое значеніе, въ виду того, что раньше изъ года въ годъ эта статья доходовъ правильно возрастала. Можно думать, что

ростъ добровольныхъ поступленій въ кассы попечительствъ при практикуемой ими системѣ сбора остановился и что попечительства для развитія своей дѣятельности должны будутъ или изобрѣтать новые способы привлеченія пожертвованій, или надѣяться на иные источники доходовъ.

Одно изъ попечительствъ съ успѣхомъ примѣнило уже новую форму сбора пожертвованій. Совершенно основательно предполагая, что многіе жители участка отказываются отъ взносовъ въ пользу попечительства, только потому, что стѣсняются дать немного, попечительство это чрезъ сотрудниковъ обратилось ко всѣмъ жителямъ участка съ воззваніемъ ежемѣсячно удѣлять на нужды ближнихъ хотя бы 20 к. Воззваніе имѣло успѣхъ. Почти вездѣ къ нему отнеслись сочувственно. Нѣкоторыя небогатыя семьи, живущія въ полуподвалахъ, обѣщали вносить ежемѣсячно по 1 р. Прислуга, ремесленники и фабричные рѣшили удѣлять ежемѣсячно 5, 10, 20 к. Въ результатѣ, благодаря этому пріему, попечительство пріобрѣло себѣ новыхъ сотрудниковъ и почти на 20 проц. увеличило свой доходъ.

Расходъ всѣхъ попечительствъ достигъ въ 1898 г. цифры 243.285 р.; въ среднемъ на каждое изъ 28 попечительствъ 8.688 р. Въ расходахъ попечительствъ отчетъ подчеркиваетъ замѣченное и въ предъидущіе годы стремленіе замѣнять пособія на дому призрѣніемъ въ заведеніяхъ. Это стремленіе сказалось въ отчетномъ году съ большею силой. Чтобы объяснить, почему городское призрѣніе все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ закрытый характеръ, придется обратиться къ составу лицъ, обращавшихся въ попечительства за помощью. Первое заключеніе, бросающееся въ глаза при разсмотрѣніи состава просителей, состоитъ въ томъ, что число просительницъ, обращавшихся за общественной помощью, приблизительно, въ 6 разъ больше числа просителей. Всѣ же вообще лица, обращавшіяся за помощью, дѣлятся, по семейному положенію — на одинокихъ и представителей семей. Если группу одинокихъ распредѣлить по возрасту, то окажется, что больше двухъ третей всѣхъ одинокихъ просителей составляютъ лица въ возрастѣ старше 50 лѣтъ и больше половины всего числа—въ возрастѣ старше 60 лѣтъ. Отнеся къ нимъ же дѣтей сиротъ или покинутыхъ родителями, мы увидимъ, что въ трудоспособномъ возрастѣ окажется немного болѣе $^1/_6$ всего числа одинокихъ, но и среди послѣднихъ есть калѣки и больные. Во второй группѣ просителей—семейныхъ около 15 проц. составляютъ мужчины, которые по характеру нужды мало отличаются отъ просителей одинокихъ: это въ большинствѣ старики и семьи ихъ чаще всего состоятъ изъ старухъ-женъ. Если теперь принять во вниманіе, что число одинокихъ и семейныхъ просителей было приблизительно одинаковое, то мы увидимъ, что большая часть группы одинокихъ просителей плюсъ нѣкоторая часть группы семейныхъ просителей представляютъ изъ себя такихъ кліентовъ попечительствъ, для которыхъ удобнѣе всего призрѣніе закрытое, призрѣніе въ заведеніяхъ. Это и опредѣляетъ ростъ съ каждымъ годомъ призрѣнія закрытаго. Что касается семейныхъ женщинъ, то и изъ нихъ значительная часть нуждается въ богадѣленномъ призрѣніи, хотя распредѣленіе по возрасту здѣсь иное: къ категоріи старше 60 лѣтъ здѣсь надо отнести около $^1/_{10}$ всѣхъ просительницъ; большинство же принадлежитъ къ трудоспособному возрасту, а потому причинами обращенія за помощью здѣсь являются многосемейность, различныя семейныя несчастія, отсутствіе работы, скудный заработокъ и т. д. Для облегченія тяжелаго существованія здѣсь нужны единовременныя пособія, иногда ежемѣсячная субсидія, помѣщеніе дѣтей въ пріютъ и т. д.

Таковъ характеръ нужды и такова задача, опредѣлившаяся для московскаго городского призрѣнія. Сравнительно успѣшно была выполнена эта задача для одинокихъ дѣтей. 83 проц. послѣднихъ были призрѣваемы въ заведеніяхъ.

Въ группѣ семейныхъ просителей открытымъ призрѣніемъ на дому пользо-

вались 65% общаго числа семей. Этотъ родъ помощи является для семейныхъ преобладающей формой призрѣнія. Крайне незначительное число просителей этой группы получали мѣсто въ попечительскихъ богадѣльняхъ, хотя и среди нихъ не мало было престарѣлыхъ и больныхъ. Недостатокъ благотворительныхъ заведеній у попечительствъ (всѣхъ заведеній 62) вынудилъ попечительства устраивать въ богадѣльняхъ сначала одинокихъ престарѣлыхъ; семейнымъ же до поры до времени давать вспомоществованіе на прожитіе. Эта тенденція попечительствъ объясняетъ незначительность количества призрѣваемыхъ семейныхъ въ богадѣльняхъ. На-ряду съ этимъ, однако, бѣдныя семьи широко пользовались услугами дѣтскихъ пріютовъ для отдачи дѣтей лишь на денное или полное попеченіе.

Въ заключеніе надо отмѣтить, что попечительства, чувствуя недостатокъ въ собственныхъ благотворительныхъ заведеніяхъ, помѣщали бѣдняковъ за свой счетъ въ учрежденіяхъ другихъ вѣдомствъ.

Нѣкоторыя попечительства содержали коечныя квартиры, швейныя мастерскія, посредническія конторы для указанія работы и столовыя для безплатныхъ и дешевыхъ обѣдовъ.

Нельзя не обратить, наконецъ, вниманія, что многія попечительства при помощи на дому, выдавая постоянныя или единовременныя пособія, избѣгаютъ выдачи денегъ на руки бѣднымъ, а старались найти такія формы вспомоществованія, которыя обезпечивали бы отъ злоупотребленій со стороны тунеядства. Такимъ образомъ, попечительства оплачивали квартиры бѣдныхъ, выдавали заборныя книжки для съѣстныхъ припасовъ, предоставляли даровые обѣды, снабжали одеждой и обувью, покупали лѣкарства, швейныя машины, выкупали заложенныя вещи, вносили плату за ученье и т. д.

Проектъ народнаго дома въ Екатеринославѣ. «Сынъ Отечества» приводитъ извлеченія изъ «Отчета коммиссіи народныхъ чтеній въ Екатеринославѣ за 1899 годъ». По словамъ газеты, это—одна изъ яркихъ страницъ нашей молодой еще общественной самодѣятельности, поучительная иллюстрація того, на что способна общественная иниціатива тамъ, гдѣ она встрѣчаетъ хоть сколько-нибудь благопріятныя условія, гдѣ она не замыкается въ рамки сухого формализма.

Начавъ свою дѣятельность съ нѣсколькихъ десятковъ лицъ, коммиссія въ отчетномъ году насчитывала уже 746 членовъ; послѣднее общее собраніе посѣтило 275 человѣкъ, между тѣмъ какъ еще недавно бывали общія собранія, на которыхъ присутствовало шесть человѣкъ. Коммиссія имѣетъ теперь собственное помѣщеніе, стоющее 40 тыс. руб., декораціи, свыше 2 тыс. картинъ для волшебнаго фонаря, народную библіотеку-читальню, театральную библіотеку имени Островскаго, научныя пособія для открытаго ею же 4 мѣсяца тому назадъ «народнаго университета».

Бюджетъ отчетнаго года составлялъ 13 тыс. руб., а въ проектѣ смѣты на 1900 г. приходъ выведенъ уже въ суммѣ 18.310 руб.

Насколько прочную почву подъ ногами почувствовала коммиссія народныхъ чтеній, видно изъ того, что она мечтаетъ уже о постройкѣ обширнаго «народнаго дома»; смѣта котораго исчислена въ 150 тыс. рублей. «Народный домъ» по проекту долженъ вмѣщать въ себѣ театръ на 1.500 зрителей, залъ для народныхъ чтеній, публичныхъ лекцій, литературно музыкальныхъ и танцовальныхъ вечеровъ на 600 посѣтителей, чайную и столовую съ читальней, помѣщеніе для библіотеки и книжнаго склада и фойе — оно же и музей, а также нѣсколько большихъ классныхъ комнатъ. При «народномъ домѣ» долженъ быть и «народный садъ» на 6—7 тыс. посѣтителей съ открытой сценой, музыкальной эстрадой, площадкой для танцевъ, кегельбаномъ, стрѣльбищемъ, гимнастикой, загородкой для дѣтскихъ игръ и буфетомъ безъ крѣпкихъ напитковъ.

*

Для привлеченія частныхъ пожертвованій на это дѣло, распорядительный совѣтъ коммиссіи народныхъ чтеній поручилъ д-ру А. Л. Караваеву, работавшему много лѣтъ въ невскомъ обществѣ и фарфоровскомъ попечительствѣ въ Петербургѣ, составить записку о народномъ домѣ и разослать ее всѣмъ лицамъ, могущимъ принять участіе въ этомъ предпріятіи. Крайне интересно составленная записка указываетъ на то, что городскому самоуправленію, земствамъ, землевладѣльцамъ и промышленникамъ приходится считаться съ невѣжествомъ народа. Оно препятствуетъ санитарнымъ и экономическимъ мѣропріятіямъ; безграмотный зарабатываетъ на 10 проц. менѣе полуграмотнаго, на 20—30 проц. менѣе грамотнаго; умственно развитой рабочій скорѣе выучивается всякому виду труда и обращенію съ машинами, требуетъ меньше надзора, расходуетъ меньше матеріала, меньше портитъ орудія и машины; у него меньше прогуловъ. Всѣмъ классамъ культурнаго общества приходится испытывать нравственный и матеріальный вредъ народной темноты. По временамъ она, какъ ураганъ, поражаетъ насъ ужасами еврейскихъ погромовъ, холерныхъ, чумныхъ и другихъ безпорядковъ, въ которыхъ участвуютъ наиболѣе невѣжественные слои рабочаго населенія». Для культурнаго развитія рабочихъ классовъ, говорится далѣе въ запискѣ, и увеличенія продуктивности ихъ труда мало одних знаній! Всякому человѣку свойственно искать развлеченій, вліяющихъ извѣстнымъ образомъ на общее его психическое настроеніе. У рабочаго эта потребность, можетъ быть, еще больше, чѣмъ у интеллигента: однообразный трудъ, условія квартирной и домашней обстановки, частая оторванность отъ семьи заставляетъ рабочаго искать возможность «отвести душу», забыться, уйти отъ своей сѣрой, скучной жизни. Но культурныя развлеченія ему недоступны, свои—«только кабакъ и волокитство», какъ пишутъ сами рабочіе, и въ результатѣ—удручающая, но обычная картина праздничнаго времяпрепровожденія рабочихъ: «ущербъ карману, здоровью, нравственности», — говорятъ рабочіе, «прогулы и убытки»,—заявляютъ ихъ хозяева. Дайте рабочимъ учрежденія для «внѣшкольнаго образованія», хотя бы такія, какъ даетъ ихъ фарфоровое попечительство, устройте для нихъ театръ и народныя гулянья, какъ это дѣлаетъ Невское общество и картина фабричныхъ нравовъ измѣнится: «цифра пьяныхъ на улицахъ, число дракъ уменьшилось, исчезли кулачные бои» и т. п.—докладываетъ оффиціально полиція: «меньше пьяныхъ, меньше прогульныхъ дней, рабочіе послѣ праздника приходятъ на работу трезвые, освѣженные и быстро принимаются за нее; затраты на образованіе, театръ и развлеченія были для фабрики не убытокъ, а прямой барышъ»—заявляетъ директоръ завода.

Въ заключительныхъ строкахъ записки сказано: «Народный домъ въ г. Екатеринославѣ проектируется въ память столѣтія дня рожденія Пушкина. Это будетъ дѣйствительно памятникъ, достойный его великой любви къ народу, грандіозныхъ заслугъ поэта передъ родиной: «Къ нему не заростетъ народная тропа!»

Къ характеристикѣ церковно-приходскихъ школъ. По случаю исполнившагося 15-ти-лѣтія со времени введенія церковно-приходскихъ школъ, «Русскія Вѣд.» пытаются подвести нѣкоторые итоги дѣятельности этихъ школъ и выяснить два наиболѣе существенные вопроса: 1) кто является учителями и руководителями церковныхъ школъ и 2) во что обходится обученіе въ нихъ. По словамъ автора цитируемой статьи, г. Шестакова, когда въ половинѣ 80-хъ годовъ былъ поднятъ вопросъ о церковной школѣ, то сторонники ея особенно настаивали на томъ, что Россія имѣетъ въ лицѣ приходского духовенства «готовый» контингентъ учителей для народной школы и безвозмездныхъ руководителей; поэтому государственная казна, передавъ школы духовенству, полу-

читъ сбереженіе той суммы, которая теперь тратится на директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Но, говоритъ г. Шестаковъ, жизнь не замедлила показать, что наше духовенство не въ состояніи выдѣлить изъ своей среды необходимаго числа не только безвозмездныхъ, но и платныхъ школьныхъ дѣятелей. По свѣдѣніямъ всеподданнѣйшаго отчета оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, въ 1896—1897 учебномъ году въ числѣ 15 829 человѣкъ, состоявшихъ учителями въ церковно-приходскихъ училищахъ 50-ти епархій, 11.217 человѣкъ, или 70,8%, были свѣтскія лица и только 4.618 человѣкъ, или 29,2%, принадлежали къ священно и церковно-служителямъ, причемъ священниковъ, занимавшихъ учительскія должности, насчитывалось всего 561, или 3,5%. Въ школахъ грамоты учительская дѣятельность духовенства, по даннымъ того же источника, оказывается еще скромнѣе. Здѣсь 73,6% общаго числа учителей приходится на свѣтскихъ лицъ и лишь 26,4%—на духовныхъ. Даже преподаваніе Закона Божія духовенству пришлось раздѣлить со свѣтскими преподавателями. По даннымъ за тотъ же 1896—1897 учебный годъ, въ числѣ 12.817 законоучителей (свѣдѣнія касаются 49 ти епархій) было 624 (4,8%) свѣтскихъ лицъ. Такимъ образомъ не только учительство вообще, но даже преподаваніе одного Закона Божія оказалось непосильнымъ для духовенства. Пришлось поэтому набирать особый штатъ преподавателей и, за недостаткомъ подготовленныхъ учителей, понизить требованія, предъявляемыя кандидатамъ на преподавательскія должности. «Образовательный цензъ учащихъ въ церковныхъ школахъ,—говоритъ всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода,—хотя и повышается, но медленно, такъ что среди нихъ было еще значительное количество лицъ съ недостаточнымъ образованіемъ. Точно также не сбылись надежды и на безвозмездный трудъ руководителей. Въ первые годы по возрожденіи церковной школы приходское духовенство дѣйствительно работало безвозмездно, но такъ продолжалось только до изданія извѣстнаго Положенія 1896 года. Съ этихъ поръ дѣло измѣняется кореннымъ образомъ, и безвозмездный трудъ духовенства отходитъ въ область преданій. Исключая предсѣдателя училищнаго совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, всѣ административныя лица, завѣдующія церковно-школьнымъ дѣломъ, согласно названному Положенію обезпечены не только весьма солиднымъ содержаніемъ, но и пенсіей.

Насколько значительны оказались расходы по содержанію однихъ уѣздныхъ наблюдателей, можно судить по тому, что опредѣленіемъ святѣйшаго синода отъ 19-го—26-го іюня 1896 года они были утверждены въ размѣрѣ 338.020 руб. Въ общемъ же итогѣ расходъ по управленію потребовалъ въ 1898 году изъ однихъ средствъ казны 553.110 руб. Однако и при оплатѣ труда не удалось сосредоточить руководительство церковной школой въ рукахъ одного духовенства. Въ общемъ, расходы на администрацію въ церковныхъ школахъ обходятся даже дороже, чѣмъ въ министерскихъ: въ 1897 году расходъ по управленію церковными школами, не считая содержанія центральнаго управленія, выразился въ суммѣ 553.110 руб. Соотвѣтственный расходъ для школъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія опредѣляется, по даннымъ 1896—1897 г., въ 666.703 руб. 72 коп. Отсюда, расходъ по управленію и надзору падаетъ на одного учащагося въ церковной школѣ въ размѣрѣ почти 41 копѣйки, а на учащагося въ земско-министерской—въ размѣрѣ 20-ти коп.

Въ заключеніе, г. Шестаковъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Выводъ изъ всего вышеизложеннаго можетъ быть резюмированъ въ слѣдующихъ главнѣйшихъ положеніяхъ: 1) приходское духовенство оказалось не въ состояніи выдѣлить изъ себя необходимый контингентъ преподавателей; 2) личный составъ преподавателей въ церковныхъ школахъ отличается отъ таковаго въ школахъ министерскихъ лишь тѣмъ, что обладаетъ меньшимъ образовательнымъ цензомъ; 3) по источникамъ содержанія церковно-приходскую школу пра-

вильнѣе считать школой *казенной*, ибо содержитъ ее не церковь, не приходъ, а главнымъ образомъ государственное казначейство, и 4) обученіе въ церковныхъ школахъ обходится почти вдвое дороже, чѣмъ въ школахъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ виду всего этого естественно возникаетъ вопросъ: есть ли при такихъ условіяхъ основаніе къ отдѣльному существованію церковной школы съ отдѣльнымъ бюджетомъ и отдѣльнымъ управленіемъ? Не цѣлесообразнѣе ли будетъ въ интересахъ народнаго образованія ввести эту школу въ общую организацію школьнаго дѣла, подчинить ее общему школьному управленію и обратить расходуемыя на нее казенныя суммы въ общія средства народной школы?

Земскіе начальники и крестьянское самоуправленіе. Саратовскія газеты сообщаютъ интересные факты, иллюстрирующіе роль земскихъ начальниковъ въ крестьянскомъ самоуправленіи въ приволжскихъ губерніяхъ.

«Сравнительно недавно,—пишетъ корреспондентъ «Саратовскаго Листка», у насъ (въ слободѣ Николаевкѣ, Астраханской губерніи) полагали и были увѣрены, что «міръ—великъ человѣкъ», что «противъ міра пескомъ не кинешь». «Теперь,—продолжаетъ онъ,—нѣтъ уже былой увѣренности при рѣшеніи того или инаго общественнаго вопроса, что «будетъ такъ, какъ міръ порѣшитъ»; не стало прежняго равенства членовъ на сходѣ, дѣлавшаго сходы поучительными и интересными».

Отсюда получились такіе результаты: «Лучшіе люди на сходахъ стушевались, потомъ перестали ходить даже на сходы, а это дало возможность выдвинуться другимъ, и началась ловля рыбы въ мутной водѣ... Мало-по-малу на нашихъ сходахъ при обсужденіи общественныхъ вопросовъ воцарился иной порядокъ: на всякое предложеніе земскаго начальника сталъ неизмѣнно получаться отвѣтъ: «Справедливо, ваше высокоблародіе!», «Слушаемъ, ваше высокоблагородіе!», или безусловное молчаніе, что считается всегда знакомъ согласія». Въ подтвержденіе своихъ словъ, корреспондентъ приводитъ слѣдующую картину:

«На сходѣ, бывшемъ 5-го марта земскій начальникъ заявилъ, что надъ старшиной производится судебное слѣдствіе, а кандидатъ, призванный замѣнить старшину на время судебнаго слѣдствія, представилъ медицинское свидѣтельство о болѣзни, вслѣдствіе чего требуется выбрать новаго кандидата. «Я предлагаю выбрать П. Д. Р—кова», — сказалъ земскій начальникъ и послѣ перечисленія похвальныхъ качествъ предлагаемаго кандидата поставилъ вопросъ на голоса. «Согласны!» «Не согласны!»—послышалось изъ толпы. Чтобы опредѣлить большинство голосовъ, земскій начальникъ скомандовалъ (онъ былъ долгое время офицеромъ): «Сдвиньтесь въ одну сторону, а потомъ согласныхъ со мной прошу остаться на мѣстѣ, а несогласныхъ прошу отойти къ конюшнямъ!» Немногіе приняли вызовъ: вся масса осталась на мѣстѣ, сдвинувшись при этомъ еще плотнѣе... «Благодарю васъ!»—сказалъ въ сторону согласныхъ земскій начальникъ и перешелъ къ слѣдующему вопросу. «Господа! у васъ уже сдѣлана затрата на два артезіантскихъ колодца, стоимостью въ 10.000 р., а поэтому, желая довершить дѣло, безусловно для васъ полезное, я предлагаю ассигновать отъ 10.000 р. до 20.000 руб. на пріобрѣтеніе паровыхъ насосовъ къ колодцамъ и на содержаніе водопровода; согласны ли на мое предложеніе?» Послѣдовало молчаніе. И земскій начальникъ, поблагодаривъ крестьянъ наклоненіемъ головы, удалился въ апартаменты. На слѣдующій день былъ подписанъ приговоръ, отдававшій въ полное распоряженіе двухъ лицъ 20.000 рублей общественныхъ денегъ. При этомъ даже не возникло сомнѣнія въ пригодности и прочности колодцевъ; между тѣмъ колодцы, по отзывамъ спеціалистовъ,

весьма сомнительной прочности и совсѣмъ не артезіанскіе, а такъ называемые абиссинскіе».

Не менѣе характерный случай имѣлъ недавно мѣсто въ Балашовскомъ уѣздѣ Самарской губерніи.

«Въ одной мѣстности Балашевскаго уѣзда шесть лѣтъ несмѣняемо служилъ старшина, который, пользуясь своею властью и «утрафляя» начальству, успѣлъ закабалить часть мірской земли и цѣлую половину своихъ односельчанъ. Односельчане на декабрскихъ выборахъ настойчиво просили земскаго начальника выслушать ихъ жалобу на стараго старшину, но тотъ не вышелъ къ міру, и утвержденнымъ оказался прежній старшина. Въ другой волости выборы происходили въ январѣ. Избирателей явилось такъ мало, что 25 шаровъ остались неразобранными. Такъ бы и не состоялись выборы, если бы земскій начальникъ открыто и собственноручно не взялъ всѣ праздные шары и не положилъ ихъ въ баллотировочный ящикъ направо. Такъ и былъ выбранъ старшина и, конечно, утвержденъ» («Сарат. Дн.»).

По поводу цитированныхъ фактовъ «Рус. Вѣд.» справедливо замѣчаютъ, что они «не могутъ быть признаны единичными случаями, подобныхъ фактовъ оглашалось и оглашается въ печати очень много, но едва ли есть необходимость приводить ихъ. Достаточно того, что фактъ давленія земскихъ начальниковъ на крестьянскіе сходы признанъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, которое внимательно слѣдитъ за дѣятельностью этого института. Если бы такое давленіе не представлялось явленіемъ общераспространеннымъ, то едва ли министерство признало бы нужнымъ принимать противъ него особыя мѣры и подробно останавливаться на немъ въ проектѣ наказа земскимъ участковымъ начальникамъ».

Спичечныя фабрики. Въ газетахъ постоянно встрѣчаются вопіющіе факты, характеризующіе порядки на нашихъ спичечныхъ фабрикахъ. Такъ, земскіе врачи обратили вниманіе на быстро возрастающее въ Курской и Харьковской губерніяхъ, число заживо гніющихъ людей. Нерѣдко къ врачу, по словамъ бѣлгородскаго корреспондента «Нов. Вр.», приходитъ молодой, лѣтъ 25 — 30, крестьянинъ. При первомъ же взглядѣ на него врачъ приходитъ въ содроганіе. Лицо опухшее, подъ глазами и вокругъ вѣкъ нѣсколько фистулезныхъ ходовъ, съ обиліемъ вытекающаго гноя; зрачки расширены, глаза воспаленные, искалѣченный ротъ, омертвѣвшія челюсти, ввалившаяся грудь и разслабленная походка. Больной распространяетъ отъ себя нестерпимое зловоніе, совершенно такое же, какъ отъ разлагающагося трупа.

Изъ разспросовъ оказывается, что больной лѣтъ 8 — 10 проработалъ на спичечной фабрикѣ въ одной изъ южныхъ губерній, получалъ хорошее для мастерового жалованье; когда же администрація замѣтила, что рабочій началъ прихварывать, то, боясь съ его стороны требованія объ обезпеченіи, какъ потерявшаго способность къ труду, немедленно, подъ благовиднымъ предлогомъ, «выбрасываетъ его за бортъ», проще—увольняетъ. Помѣщенія и обстановка, въ которыхъ приходится работать на спичечныхъ фабрикахъ, по большей части крайне тяжелая, въ концѣ разрушающая здоровье рабочихъ. Воздухъ, пропитанный сѣрой и фосфоромъ, свѣжему человѣку не позволяетъ пробыть и получаса, а мастеровые работаютъ здѣсь по 15—17 часовъ. Въ виду того, что за послѣднее время взрослые избѣгаютъ работы на фосфорно-спичечныхъ фабрикахъ, владѣльцы ихъ стали нанимать дѣвушекъ и дѣтей.

А вотъ какіе порядки на другой фабрикѣ. Какъ пишутъ въ «Ниж. Л», въ Ратманихѣ, Балахн. у., открыта спичечная фабрика Костей и К°, которая привлекла къ себѣ до 200 человѣкъ преимущественно лицъ женскаго пола. Почти все женское населеніе Ратманихи ходитъ на заработки въ фабрику, гдѣ въ удушливой и ядовитой атмосферѣ проводитъ около 12 часовъ въ сутки.

Директоръ фабрики, французъ г. Куньеръ, объясняется съ работницами съ помощью переводчика. Самъ г. Костей и его компаньоны также очень мало знакомы съ русскимъ языкомъ. Врачебная помощь на фабрикѣ почти отсутствуетъ, что, при очень часто происходящихъ во время производства работъ ожогахъ рукъ и лица, при воспламененіи спичекъ, является весьма крупнымъ неудобствомъ и серьезнымъ упущеніемъ со стороны фабричной администраціи. Леченіемъ обожженныхъ органовъ занимается одна изъ надзирательницъ, которая имѣющеюся у нея въ четвертной бутыли какою то жидкостью смазываетъ больное мѣсто и перевязываетъ его тряпкой... Когда же работница начинаетъ жаловаться на сильную боль, ее утѣшаютъ, что молъ «до свадьбы заживетъ». Случаи ожоговъ происходятъ очень часто. При фабрикѣ, между прочимъ, числится врачъ, который пріѣзжаетъ очень рѣдко.

За антисанитарное содержаніе этихъ мѣстъ на-дняхъ фабричная администрація привлечена къ отвѣтственности.

Саратовское общество книгопечатниковъ. Въ Саратовѣ уже семь лѣтъ существуетъ одно общество, любопытное тѣмъ, что оно является одной изъ немногихъ пока попытокъ организаціи среди рабочихъ. Это общество книгопечатниковъ. Цѣлью его является «улучшеніе быта своихъ членовъ всѣми дозволенными закономъ средствами». Членами общества могутъ состоять всѣ лица, прикосновенныя къ печатному дѣлу, т. е. содержатели типографій, издатели, редакторы и сотрудники газетъ, типографскіе рабочіе и пр.. и пр. Но, конечно, главный составъ членовъ въ обществѣ—типографскіе рабочіе, такъ какъ именно они больше всего нуждаются въ «улучшеніи быта» и такъ какъ имъ всего труднѣе улучшить свое положеніе въ одиночку, безъ взаимопомощи. «Сар. Лист.» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о дѣятельности общества за 1898 годъ. Въ этомъ году изъ 216 членовъ общества книгопечатниковъ 158 или 73% (почти три четверти) были изъ разнаго рода типографскихъ рабочихъ. Однако, эта цифра типографскихъ рабочихъ, состоящихъ членами общества, очень не велика, если мы сравнимъ ее съ общимъ количествомъ рабочихъ, занятыхъ въ саратовскихъ типографіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, по минимальному разсчету въ 11-ти саратовскихъ типографіяхъ работаетъ болѣе 600 человѣкъ, слѣдовательно, въ обществѣ книгопечатниковъ участвуетъ только четвертая часть всѣхъ рабочихъ. Невольно является поэтому вопросъ: почему обществу не удается привлечь большее число типографскихъ рабочихъ, хотя бы, напр., половину общаго числа работающихъ въ Саратовѣ? Если обратиться къ даннымъ о количествѣ дѣйствительныхъ членовъ за послѣдніе 4 года, то оказывается слѣдующее: въ 1896 г. было 157, въ 1897—212, въ 1898 — 193, въ 1899 — 167. Данныя эти показываютъ, что число членовъ колеблется въ очень незначительныхъ предѣлахъ—отъ 200 — 150, какъ будто образовался извѣстный, довольно постоянный контингентъ членовъ, очень мало измѣняющійся. Правда, ежегодно одни члены вступаютъ въ общество, другіе уходятъ, т. е. составъ членовъ подвиженъ.

Тѣмъ не менѣе это прибываніе и убываніе очень мало вліяетъ на измѣненіе общаго количества членовъ. Просматривая отчетъ общества, говоритъ авторъ цитируемой статьи, мы не могли вывести какого-либо опредѣленнаго заключенія о причинахъ указаннаго явленія. Если обратиться къ уставу общества, то изъ него можно видѣть, что цѣли общества довольно разнообразны, а именно: общество не только оказываетъ матеріальную поддержку членамъ посредствомъ ссудъ, пособій или врачебной помощи, но можетъ устраивать публичныя чтенія, школы, библіотеки, можетъ открывать графическія заведенія, способствовать разрѣшенію недоразумѣній и споровъ, возникающихъ между членами по вопросамъ ихъ профессій. Въ общемъ нельзя не признать, что средства, которыми можетъ общество оказывать

содѣйствіе улучшенію быта своихъ членовъ, довольно широки. Что же, однако, дѣлаетъ общество, какъ оно осуществляетъ свои цѣли? Изъ перечисленныхъ выше средствъ взаимопомощи, судя по отчетамъ, больше всего дѣятельность общества проявляется въ оказаніи врачебной помощи. Такъ, въ 1898 г. расходъ на лѣченіе членовъ общества и ихъ семействъ составлялъ 41% всѣхъ расходовъ. Затѣмъ библіотека поглощала почти 16%. Кромѣ того, общество ежегодно устраиваетъ своимъ членамъ различныя развлеченія (ёлка, катаніе на пароходѣ и пр.). Въ 1899 г. общество устроило лѣтнюю санаторію, въ которой проживало пять больныхъ членовъ общества. Въ настоящее время общество занято вопросомъ о пріобрѣтеніи типографіи. Это послѣднее предпріятіе, если оно осуществится, несомнѣнно, дастъ весьма сильный толчокъ къ оживленію дѣятельности общества и привлечетъ много новыхъ лицъ.

По мнѣнію газеты, медленное возрастаніе числа членовъ-рабочихъ зависитъ отчасти отъ низкаго уровня массы рабочихъ, не усвоившихъ еще себѣ сознанія того, что «въ единеніи—сила», отчасти же въ пассивности членовъ общества, которые не принимаютъ никакимъ мѣръ для привлеченія въ свою среду рабочихъ. «Для привлеченія членовъ, говоритъ газета, необходимо убѣжденіе, разъясненіе значенія своего общества и выгодъ, которыя оно можетъ доставлять—и матеріальныхъ и духовныхъ. Другой причиной, какъ мы полагаемъ, служитъ слишкомъ пассивное участіе большинства членовъ въ дѣлахъ общества. Судя по отчетамъ (напр., за 1897—1898 гг.), общихъ собраній членовъ бывало всего по три. Это число общихъ собраній очень недостаточно. Чѣмъ больше будетъ этихъ собраній, тѣмъ больше будетъ интересъ у членовъ къ дѣятельности и жизни общества. Необходимо, чтобы члены послѣдняго какъ можно больше принимали активнаго участія въ своихъ дѣлахъ. Пусть эти собранія будутъ и не всегда по важнымъ дѣламъ; пусть и болѣе мелкія дѣла переносятся на общія собранія, тогда члены общества будутъ съ болѣе живымъ интересомъ относиться вообще ко всѣмъ дѣламъ общества; правленіе и совѣтъ будутъ стоять ближе къ избирателямъ. Кромѣ указанныхъ причинъ, есть, конечно, и другія, мѣшающія росту числа членовъ общества. Къ числу этихъ другихъ причинъ мы относимъ, напр., и недостаточно энергичную дѣятельность общества. Не странно-ли, что въ дѣятельности его (судя по отчетамъ) почти не встрѣчается случаевъ того или иного разрѣшенія недоразумѣній и споровъ, возникающихъ между членами по вопросамъ ихъ профессіи».

Бельгійскій рабочій въ Россіи.

«Seul dans le grand désert,
Enfant de la Belgique»...
(Изъ бельг. пѣсни «Sentinelle»).

I.

Въ русской печати иностранный рабочій чаще всего фигурируетъ при описаніи стачекъ, конгрессовъ, митинговъ и т. п. Не рѣдки такіе дни для европейскаго рабочаго, но все же они очень и очень далеки отъ жизни его однообразнаго изо дня въ день труда, отъ его «быта». Иначе, конечно, и быть не можетъ, и для ознакомленія съ жизнью рабочихъ массъ на западѣ эти свѣдѣнія далеко недостаточны и слишкомъ односторонни; они могутъ быть въ значительной мѣрѣ пополнены тѣми наблюденіями, которыя можно сдѣлать и въ Россіи на какомъ-нибудь изъ заводовъ съ бельгійскими рабочими, а они теперь у насъ не рѣдки. Бельгійскій рабочій переселяется къ намъ, въ Россію, со

своими семьями, съ обычаями, привычками, религіей, убѣжденіями, со всѣмъ своимъ «бытомъ».

Бельгійцы народъ предпріимчивый и индустріальный по преимуществу; выносить капиталъ за предѣлы своего края, который ужъ развѣданъ имъ, для нихъ дѣло испытанное. Къ намъ же бельгійскій рабочій переселяется не только съ переселеніемъ бельгійскихъ капиталовъ, но и просто благодаря искусству, мастерству своей работы. Будь то русская, бельгійская или какая другая компанія, — разъ она хочетъ поставить дѣла завода въ Россіи на европейскую ногу, желанными гостями для себя она считаетъ прежде всего не русскихъ рабочихъ, а свободныя руки сосѣдей; таковыми Бельгія обладаетъ въ изобиліи. Она воспитала сыновъ своихъ «рабочими», а капиталъ, тяжелой дланью давя на массы народа, изощрилъ его руки и научилъ стойко держаться подъ этимъ напоромъ; въ то же время, подобно прессу, выжимающему сильными ударами, онъ отъ времени до времени выкидываетъ излишекъ трудоваго населенія, предлагая его другимъ странамъ, буде тамъ найдутся предприниматели, понимающіе свои выгоды и пути полученія ихъ.

Доставка иностранныхъ рабочихъ, высокая плата за ихъ трудъ, удовлетвореніе требованій ихъ, чуждыхъ условіями русской фабрики,—все это обходится не дешево, но, во-первыхъ, все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что даетъ поразительно интенсивная работа умѣлаго человѣка, безъ которой немыслимо начало широко поставленнаго дѣла; во-вторыхъ, это необходимо въ виду того, что умѣлыя руки являются учителями неумѣлыхъ, т. е. русскихъ. Русскіе рабочіе по истеченіи трехъ-четырехъ лѣтъ, на которыя законтрактованы иностранцы, замѣнятъ ихъ вполнѣ или въ большей части, и тогда уже не надо будетъ ни высокой платы, ни удовлетворенія какихъ-то «требованій», никакихъ вообще капиталистическихъ «компромиссовъ»,—и наступитъ эра сплошныхъ предпринимательскихъ прелестей.

Въ ожиданіи этого блаженнаго періода находятся теперь заводы одной, русской лишь по названію, компаніи. На южномъ берегу Финскаго залива, съ удивительно красивой, по своей кипучей дѣятельности, быстротой, эта компанія менѣе чѣмъ въ полтора года выростила два дѣтища, заводы — стекольный и зеркальный.

Года три-четыре тому назадъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь мощно распластались двѣ колоссальныя постройки среди множества маленькихъ рабочихъ бараковъ, стояло небольшое зданіе съ характеромъ «оранжерейнаго» (по выраженію мѣстныхъ остряковъ) производства, въ которомъ работало менѣе ста человѣкъ; окружено оно было десяткомъ домишекъ стекольщиковъ. Нынѣ этотъ заводъ очень кстати, за своей ненадобностью, сгорѣлъ. Но было время, уже давно прошедшее, когда онъ процвѣталъ и наравнѣ съ другими, тоже заброшенными и не функціонирующими теперь фабриками той же мѣстности, служилъ службу отечественной до-реформенной промышленности. Изъ устъ любознательныхъ бельгійскихъ администраторовъ завода можно слышать о томъ, что разсказывали имъ прежніе владѣльцы; бельгіецъ съ большимъ апломбомъ передаетъ вамъ, что въ Россіи до 1861 года всѣ заводы принадлежали prince'амъ, comte'амъ и «Autres nobles en général»; тамъ работали ихъ собственные люди—«leurs esclaves», сгоняемые туда тысячами; но въ одинъ прекрасный день императоръ попросилъ ихъ освободить рабочихъ, и какъ ни были огорчены они, но, посовѣтовавшись между собой, рѣшили, что какъ дворяне они должны быть любезны и сдѣлать удовольствіе государю, и тогда они согласились лишиться услугъ своихъ крѣпостныхъ.

Мѣсто этихъ любезныхъ джентельменовъ теперь очень удачно заняли люди другого пошиба, не только не нуждающіеся въ излишне дешевомъ трудѣ мѣстнаго населенія, но и наводнившіе свои заводы дорогими рабочими, вывезенными изъ

Бельгіи. Поставщикомъ рабочихъ рукъ имъ послужилъ городъ Шарлеруа съ окружающими его фабричными мѣстечками. Соблазнившись предложенными имъ цѣнами и обѣщанными удобствами, шарлеруазцы заключали контракты на 2—3 года и снимались съ мѣста съ женами, дѣтьми, забирая необходимое изъ домашнихъ вещей. Дорога въ неизвѣстный край отнюдь не носила характера переселенія. Это было что-то среднее между важной экспедиціей и привычной экскурсіей. Подобныя поѣздки многими совершались уже не разъ и раньше. Среди нихъ были люди, побывавшіе въ Италіи, Франціи, Австріи; нѣкоторые были даже въ Америкѣ, у иныхъ же родственники работали у насъ на Дону или близъ Уфы. Однако о Россіи до нихъ достигало очень мало, а о томъ сѣверномъ уголкѣ, куда отправились они, — и совсѣмъ ничего. Они являлись на мѣсто группами, снабженные громадными зелеными плетеными корзинами, содержимое которыхъ заключалось въ бѣльѣ, платьѣ и разномъ домашнемъ скарбѣ для каждой отдѣльной семьи.

Заранѣе пріѣхавшій директоръ-бельгіецъ позаботился внушить всѣмъ и каждому, что ожидаемые валлонцы не чета здѣшнему русскому люду, что это народъ просвѣщенный, европейскій, съ культурными запросами. Въ виду этого, для каждой бельгійской семьи было предоставлено по три комнаты квартиры, въ полномъ смыслѣ слова порядочныя и далеко не похожія на тѣ комнаты-сараи, гдѣ ютилась русская рабочая молодежь по 12—20 человѣкъ, или на тѣ комнаты-кухни, гдѣ помѣщались русскіе семейные рабочіе съ женами и дѣтьми.

Мѣстныхъ жителей дѣйствительно поразила нахлынувшая говорливая толпа черномазыхъ иностранцевъ—«французовъ», какъ ихъ здѣсь зовутъ, и каждый съ нетерпѣніемъ желалъ узнать, что же представляютъ изъ себя эти люди, поселяющіеся въ хорошихъ квартирахъ и получающіе большую заработную плату. Когда вскорѣ заработалъ стеклянный заводъ, а затѣмъ задвигались и загрохотали машины зеркальнаго,—для «француза» открылось поприще, на которомъ онъ могъ показать, что онъ такое, зачѣмъ ему всѣ привилегіи и почему, наконецъ, имъ такъ дорожатъ. На обоихъ заводахъ всего работаетъ болѣе тысячи человѣкъ (включая сюда также и занятыхъ по постройкамъ и чернорабочихъ); изъ нихъ до 300 человѣкъ бельгійцевъ, около 100—шведовъ и финляндцевъ, остальные—русскіе. Тѣ работы, гдѣ требуется особое мастерство и умѣніе, гдѣ рукамъ еще мало помогаетъ машина, исполняются бельгійцами; это—работа по выдуванію стекла на стекольномъ заводѣ и по разрѣзанію на зеркальномъ. На нихъ мы остановимся нѣкоторое время, дабы въ главныхъ чертахъ уяснить себѣ сущность труда, ради котораго вызываются иностранные рабочіе.

Центръ тяжести, гвоздь, такъ сказать, стекляннаго завода—«выдувальня». Проникнуть въ ней можно по длинному узкому проулку, окруженному массой заводскихъ построекъ. Еще изъ этого прохода слышна своеобразная заводская музыка: то свистъ работающихъ придаетъ заунывному, протяжному пѣнію печныхъ рычаговъ форму мелодіи, странной и грустной. Она даетъ какъ бы тонъ тому настроенію, которое охватываетъ всякаго празднаго обозрѣвателя чужого труда, когда передъ нимъ раскидывается мощная картина работъ, когда его проникаетъ чувство глубокаго уваженія къ этимъ чернымъ, обнаженнымъ мускулистымъ рукамъ; въ статистикѣ, въ наукѣ, въ разговорахъ онѣ зовутся рабочими руками, товаромъ, выносимымъ на рынокъ и т. п.,—а здѣсь, во всемъ блескѣ и величіи труда, онѣ прежде всего руки, творящія чудеса.

Посреди выдувальнаго отдѣла расположена печь; внутри нея на протяженіи саженъ пяти въ длину и саженъ трехъ въ ширину волнуется огненная масса. Такія печи обыкновенно называются ваннами, а заводы, построенные съ ними,—ванными заводами. Отопляются они газомъ, который гонится рядомъ съ выдувальной въ удушливомъ помѣщеніи, заваленномъ каменнымъ углемъ. Растопить печь заново стоитъ страшныхъ денегъ, поэтому огонь въ одинаковой степени,

нужной для работы, поддерживается непрерывно, непрерывно идетъ и самая работа по выдуванію; праздниковъ здѣсь соблюдаемо быть не можетъ; ихъ устанавливаетъ приблизительно разъ въ два года на 1—1 1/2 мѣсяца сама всевластная печь, требующая періодическаго ремонта кладки своихъ, особо для нее придуманныхъ кирпичей, ибо къ концу извѣстнаго періода она просто на просто лопается. Печь высится надъ уровнемъ пола сажени на двѣ, но къ самому полу не прилегаетъ, а оставляетъ между нимъ и собой разстояніе болѣе сажени въ ширину; она какъ бы обнесена рвомъ глубиной сажени въ двѣ подъ поломъ, надъ которымъ на разстояніи 1 1/2—2 арш. пристроены мостки въ двѣ доски, соединяющіе полъ съ печью. Надъ каждыми мостками печь образуетъ отверстіе на подобіе того, что мы видимъ въ русскихъ деревенскихъ печахъ, закрываемое тяжелой заслонкою; она поднимается и опускается при помощи рычага, которымъ управляетъ мальчикъ-гамэнъ. На мосткахъ работаютъ трое: суффлеръ (soufflеur-выдувальщикъ), его помощникъ и гамэнъ. Суффлеръ беретъ на конецъ длиннаго мундштука горячую стеклянную массу изъ печи, нѣсколько охлаждаетъ, оформливаетъ ее и затѣмъ начинаетъ дуть, раскачивая стекло между мостками надъ рвомъ, изрѣдка снова подогрѣвая массу въ печи. Работа поистинѣ не легкая. Ужасная раскаленная атмосфера, ослѣпляющій свѣтъ отъ постоянно открывающихся и закрывающихся печей и въ этой-то обстановкѣ одновременная работа и легкими, и руками, и ртомъ: суффлеръ, выдувая, напрягаетъ грудь, сжимаетъ и расжимаетъ губы вокругъ наконечника мундштука и маневрируетъ руками, поддерживая тяжесть массы и управляя ея качаніемъ надъ мостками. Кромѣ всей этой физической работы, здѣсь непрерывно длится работа напряженнаго вниманія; малѣйшая небрежность и вся халява (сапоп-цилиндръ дутаго стекла; въ готовомъ видѣ въ среднемъ въ сажень вышины и 3/4 арш. въ діаметрѣ) или изомнется во время раскачиванія о печь, или вмѣстѣ съ мундштукомъ упадетъ въ глубину; наконецъ, при невнимательности и самъ рабочій можетъ оступиться на своихъ двухъ доскахъ и упасть съ массой раскаленнаго стекла внизъ подъ мостки. По мѣрѣ качанія стекло разбухаетъ, отвисаетъ и, въ концѣ концовъ, принимаетъ форму цилиндра, края котораго собраны, какъ у завязаннаго мѣшка съ мукой. Суффлеру остается достигнуть только того, чтобы халява была извѣстныхъ нужныхъ для него размѣровъ, и тогда она готова; онъ передаетъ ее помощнику, тотъ срѣзываетъ съуженные концы цилиндра и оставляетъ его охладиться на деревянныхъ козлахъ съ полукруглыми надрѣзами, которые не даютъ халявѣ скатиться. Обрѣзанныя халявы переносятся въ слѣдующее отдѣленіе завода, гдѣ устанавливаются рядами сомкнутыхъ колоннъ; здѣсь онѣ разрѣзаются по длинѣ и расправляются въ особыхъ небольшихъ низкихъ печахъ, откуда по наклонной плоскости спускаются въ холодильники въ видѣ плоскихъ и гладкихъ большихъ кусковъ уже совершенно готоваго для употребленія стекла; въ упаковочной эти куски укладываются въ ящики и оттуда отправляются въ склады. Всѣ суффлеры, ихъ помощники и гамэны—бельгійцы; есть только два суффлера финляндцы, но тѣ работаютъ слабо. Въ отдѣлѣ расправленія стекла большинство рабочихъ опять-таки бельгійцы, русскіе рѣдки или же служатъ помощниками; однако, и на одной и той же работѣ бельгійцы зарабатываютъ больше русскихъ. Въ упаковочной работаютъ русскіе, но надсмотрщики, шефы, все же бельгійцы.

На зеркальномъ заводѣ работать несравненно лучше: воздухъ здѣсь не пропитанъ удушливымъ газомъ, такъ какъ выгонка его производится за стѣнами завода въ открытомъ съ боковъ помѣщеніи; температура сносная, ибо льютъ стекло только раннимъ утромъ, и, наконецъ, громадныя окна даютъ массу свѣта. Здѣсь уже не поражаешься искусствомъ рабочихъ рукъ, онѣ здѣсь лишь помогаютъ машинамъ и служатъ при нихъ. Громадное машинное отдѣленіе съ высокимъ потолкомъ ограждено отъ пыли шлифовальной зеркальной стѣной

отъ полу до верху. Машины—паровыя, электрическія заставляютъ работать широко раскинутую подъ всѣмъ заводомъ систему ремней и валовъ; онѣ приводятъ въ движеніе станки для шлифованія, приспособленія для выливанія стекла изъ котловъ на столѣ, передвигаютъ эти столы и т. д. Единственное поприще, гдѣ искусный рабочій незамѣнимъ другимъ — это разрѣзываніе стекла; здѣсь опять, какъ и въ выдувальныхъ, царствуютъ бельгійцы. Лучшимъ рѣзчикомъ на заводѣ считается одинъ молодой рабочій; директоръ привезъ его съ собой изъ Валансьена; семья его (отецъ, мать и сестра) живутъ опрятно, держатся русскаго общества; самъ онъ зарабатываетъ 75 руб. въ мѣсяцъ, на русскихъ собраніяхъ играетъ роль кавалера и любитъ пріодѣться. Въ частной жизни страшно несимпатиченъ, ненавидимъ бельгійцами, попадался въ очень неблагородныхъ исторіяхъ, и директоръ въ откровенной бесѣдѣ признается, что съ удовольствіемъ бы уступилъ валлонскому обществу и прогналъ его, но онъ незамѣнимъ какъ рабочій. Ему одному даются очень отвѣтственныя порученія по его спеціальности: такъ, когда въ Петербургѣ въ главномъ складѣ было продано громадное и очень цѣнное стекло и покупатель просилъ его разрѣзать на двое,—съ завода для этого вызывали искуснаго молодого рѣзчика. Чтобы понять, почему имъ дорожатъ, нужно его видѣть за работой. Никакихъ признаковъ моды въ костюмѣ уже нѣтъ; на немъ все грязно, оборвано, какъ на чернорабочемъ, на ногахъ опорки, на животѣ короткій фартукъ-поясъ изъ грубой топорщейся кожи съ карманами для инструментовъ, на затылкѣ кэскетка, въ зубахъ трубка. На столѣ выкатывается изъ отдѣла печей стекло сажени въ 2 длиной и сяжени въ $1^1/_2$ шириной. Онъ заранѣе какъ бы прицѣливается, ловкимъ движеніемъ накидываетъ линейку и быстро бѣжитъ у края стола, изо всѣхъ силъ давя катящимся инструментомъ на стекло у линейки. Вслѣдъ за этимъ, отрѣзанный кусокъ онъ отбиваетъ отъ главной массы, легко постукивая по его нижней сторонѣ. Инструментъ его такъ малъ, что совершенно незамѣтенъ въ сжатомъ кулакѣ, и кажется, что рабочій рѣжетъ стекло ногтемъ. Самый красивый моментъ въ работѣ тотъ, когда приходится рѣзать стекло не у самаго края стекла или же просто разрѣзать его посрединѣ. Тогда рѣзчикъ, какъ кошка, однимъ прыжкомъ вскакиваетъ на столъ и, присѣвъ съ согнутыми колѣнами, какъ стрѣла, пробѣгаетъ по стеклу. Работа эта дѣйствительно очень отвѣтственна и требуетъ большой ловкости; размѣры стекла цѣнятся очень высоко и зря раздробленные куски вмѣстѣ никогда не достигнутъ той цѣны, которая назначается за одно большое цѣльное стекло. Малѣйшій промахъ, осѣчка при сдвинутой съ мѣста линейки—и стекло теряетъ въ своей стоимости.

Мы остановились на работахъ по выдуванію въ стекольномъ производствѣ и на разрѣзныхъ въ зеркальномъ, какъ на такихъ, гдѣ нужно искусство, гдѣ рабочій—мастеръ своего дѣла, гдѣ его руки нужны какъ учительскія, гдѣ трудъ человѣка еще не замѣненъ машиной. Это собственно два пункта работъ, ради которыхъ заводилось всѣ дѣло съ бельгійцами. На тѣ работы, гдѣ человѣкъ приставленъ къ машинѣ, найти рабочихъ можно было бы вездѣ; дѣло стояло именно за тѣми отраслями производства стекла, гдѣ требовались руки умѣлыхъ и искусныхъ мастеровъ.

II.

Всѣ бельгійцы приглашаются на заводъ по контракту.

Контрактъ—это нѣчто вродѣ свода законовъ для рабочаго; здѣсь все оговорено, въ немъ его права и уложеніе о наказаніяхъ. Это нормы для его работы и жизни. Въ рукахъ его контрактъ въ большинствѣ случаевъ служитъ основаніемъ для извѣстныхъ требованій, исполненіе которыхъ обѣщано въ немъ.

Рабочій можетъ забыть законы, по которымъ живутъ въ Бельгіи, онъ можетъ не знать законовъ русскихъ: для него законъ—контрактъ.

Въ этомъ своего рода «упрощеніе жизни».

Наиболѣе характерные параграфы контракта мы приведемъ здѣсь.

1°. Заводъ ежемѣсячно будетъ удерживать 10% заработной платы рабочаго въ обезпеченіе точнаго исполненія контракта до тѣхъ поръ, пока удерживаемая сумма не достигнетъ 500 франковъ, которые будутъ возвращены рабочему тотчасъ же по окончаніи срока контракта.

2°. Рабочій обязуется работать добросовѣстно и аккуратно, повиноваться приказаніямъ директора и мастеровъ и приспособляться къ правиламъ завода и къ условіямъ страны.

3°. Если, вслѣдствіе болѣзни или какой-либо другой уважительной причины, рабочій не будетъ въ состояніи нѣкоторое время работать, то онъ обязуется отработать все пропущенное имъ время по окончаніи срока сего контракта.

3°. Заводъ принимаетъ на свой счетъ всѣ путевые издержки рабочаго и его семьи, предоставляя имъ пользованіе билетами 3-го класса желѣзной дороги отъ мѣста отправленія до мѣста назначенія.

5°. Въ распоряженіе рабочаго заводъ предоставляетъ удобную квартиру и отопленіе ея, а также небольшой кусокъ земли около дома подъ садъ; однако, брать дрова безъ разрѣшенія воспрещается и виновные штрафуются 5-ю франками.

6°. Въ тѣхъ случаяхъ, когда заводъ будетъ принужденъ на время остановить работу для какихъ-либо поправокъ, рабочій будетъ получать извѣстное мѣсячное жалованье во все время остановки работы, но подъ условіемъ, что онъ приметъ участіе въ работахъ по ремонту *).

7°. Если рабочій не выполнитъ обязательства и не явится въ Россію въ назначенный ему срокъ, то онъ уплачиваетъ заводу неустойку въ 1.000 франковъ.

Таковы общія условія для всѣхъ рабочихъ; заработная плата различна для каждой категоріи, поэтому объ ней мы будемъ говорить отдѣльно. На оборотной сторонѣ контрактоваго листа изложены правила работы (Réglement d'ordre intérieur) время и продолжительность труда, размѣръ штрафовъ въ различныхъ случаяхъ, а для суффлеровъ и таблица платъ за каждый дюймъ стекла халявы. Рабочій день на заводѣ для каждаго рабочаго не продолжается въ общемъ болѣе $10^1/_2$ час.

Суффлеры работаютъ на три смѣны по десяти часовъ, при чемъ девять изъ нихъ идутъ исключительно на работу, полчаса на отдыхъ послѣ $4^1/_2$ часовъ труда и полчаса на промежутокъ между двумя смѣнами. Каждый день суффлеру приходится начинать работу въ различные часы дня и ночи; окончивъ свой трудовой день, онъ долженъ помнить, что снова онъ начинается для него только черезъ 20 часовъ; если сегодня онъ началъ въ 6 часовъ утра, то завтра ему надо идти въ 12 часовъ дня, послѣ завтра въ 6 часовъ вечера и т. д. черезъ каждые 20 часовъ; поэтому приглашеніе рабочаго помнить часы начала работы сдѣлано въ § 3 приведеннаго нами «Reglement» далеко не напрасно.

Размѣры заработка суффлеровъ поразительно велики. Получаютъ они сдѣльно по 11 коп. за халяву стекла извѣстной величины и качества. Каждый обязанъ въ смѣну сдѣлать 50 халявъ, но хорошіе мастера дѣлаютъ ихъ по числу въ два раза больше, а соразмѣрно качеству и величинѣ нагоняютъ сдѣльную плату *до 500 руб. и болѣе въ мѣсяцъ*. Бельгійцы-суффлеры въ среднемъ получаютъ

*) Мы уже говорили, что ванная печь стекольнаго завода черезъ извѣстный промежутокъ времени (приблизительно 2 года) даетъ трещины, вслѣдствіе чего вся работа на заводѣ прекращается на мѣсяцъ или на полтора.

300—350 руб., а финляндцы 150—200 руб. Между тѣмъ, «шефъ», надсмотрщикъ, получаетъ жалованья въ мѣсяцъ всего 125 руб. Шефы эти въ большинствѣ случаевъ бывшіе суффлеры, потерявшіе способность къ этой работѣ. Работа эта требуетъ хорошей и продолжительной подготовки и навыка; ладони рукъ суффлера покрыты слоемъ совершенно твердой и темной кожи; до тѣхъ поръ, пока онъ не пріобрѣтетъ себѣ этого нароста, его руки не могутъ выносить работы, не могутъ постоянно держать горячій мундштукъ. Со временемъ у суффлера слабѣютъ легкія, портится зрѣніе, раздражаемое пламенемъ и свѣтомъ ежеминутно открывающихся печей. Тяжела его работа, но зато хорошо оплачивается ея искусное выполненіе.

Это одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ въ жизни, гдѣ не примѣнимо общее правило—«чѣмъ меньше дѣла, тѣмъ больше заработокъ». Да и рѣдко гдѣ въ другомъ мѣстѣ можно встрѣтить, чтобы простой рабочій—manoeuvre—руками, чисто физическимъ трудомъ зарабатывалъ бы до 500 руб. въ мѣсяцъ. Помощники ихъ получаютъ 70 — 100 руб. въ мѣсяцъ. Прислуживающіе мальчики-гамэны имѣютъ опредѣленное жалованье въ 7 руб. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ и 12 на своихъ. Предѣльнаго возраста для дѣтей, ниже котораго на фабрику они не принимались бы, нѣтъ; тамъ работаютъ не только десятилѣтніе сыновья рабочихъ, но и восьми, и девятилѣтніе. Трудовой день ихъ совпадаетъ съ суффлерской смѣной.

Рѣзчики зеркальнаго завода, при работѣ отъ 3-хъ до 4-хъ часовъ въ день, получаютъ 60—75 руб. въ мѣсяцъ.

Самый маленькій заработокъ бельгійца-рабочаго 60 руб. въ мѣсяцъ, но онъ выпадаетъ на долю молодыхъ, отцы которыхъ получаютъ болѣе ста рублей.

Немудрено при такомъ содержаніи жить не такъ, какъ живетъ русскій рабочій, зарабатывающій 20—40 руб. въ мѣсяцъ, а по-человѣчески, болѣе культурно и широко. Однако, особыхъ признаковъ этой культурности нѣтъ въ жизни суффлеровъ и шефовъ; они живутъ совершенно также, какъ и всѣ другіе валлонцы (бельгійцы, работающіе на этихъ заводахъ, исключительно валлонцы; фламандца нѣтъ ни одного), а живутъ они и грязно, и тѣсно, тѣсно въ томъ смыслѣ, что кругъ запросовъ отъ жизни чрезвычайно ограниченъ.

На одинъ ладъ построенные бараки для рабочихъ то тянутся длинными правильными улицами, то разбросаны въ видѣ маленькихъ невзрачныхъ особнячковъ. На каждую бельгійскую семью полагается три комнаты, изъ которыхъ въ первой помѣщается плита. Чего бы, кажется, лучше: семьи все небольшія, рѣдко гдѣ ребятъ трое, четверо, въ большинствѣ случаевъ ихъ всего одинъ, двое. Трудно, конечно, представить себѣ, какъ бы размѣстилась въ этой квартирѣ русская семья, возможно, что для нея трудно бы было примѣниться къ большому помѣщенію и она бы сдѣлала это неумѣло; бельгійцы не чета русскимъ мужикамъ и можно бы было ждать, что такая квартира едва-едва въ состояніи удовлетворить ихъ культурнымъ потребностямъ. На дѣлѣ, однако, выходитъ нѣчто другое. Куда бы вы ни пришли, въ какую бы семью ни заглянули, вы увидите, во-первыхъ, вездѣ одинаковую грязь, а, во-вторыхъ, опять-таки вездѣ одинаково своеобразный способъ пользоваться этими тремя комнатами.

Въ первой отъ входа комнатѣ протекаетъ собственно вся жизнь семьи рабочаго; здѣсь готовятъ обѣдъ, здѣсь цѣлый день раскаляется плита, здѣсь же поставленъ столъ, за которымъ пьютъ, ѣдятъ, читаютъ, разговариваютъ, принимаютъ гостей, здѣсь же и дѣти учатся. Такъ какъ въ этой комнатѣ-кухнѣ страшно жарко отъ натопленной плиты, то дверь на улицу всегда отворена настежъ. Въ слѣдующей комнатѣ, полухолодной и съ виду необитаемой,—спятъ. Спятъ всѣ какъ-то скученно на громадныхъ деревянныхъ кроватяхъ съ неимовѣрнымъ количествомъ подушекъ и всякаго тряпья, ворохомъ набросаннаго на постеляхъ; у стѣны помѣщается грандіознѣйшая плетеная корзина, тамъ весь

туалетный скарбъ хозяевъ. Послѣдняя комната замѣняетъ чуланъ и погребъ; она совершенно не отапливается, пропахла сыростью и въ ней большими кучами гніетъ и прорастаетъ картофель, сваленъ лукъ и т. п. Эта комната отдѣлена отъ предыдущей простой деревянной перегородкой со щелями и служитъ несомнѣннымъ разсадникомъ простудъ и поставщикомъ всякаго рода міазмовъ; изъ нея въ комнату-спальню дуетъ какъ изъ погреба.

Отецъ, мужъ—глава семьи, ея властелинъ, полубогъ. Достаточно видѣть хотя бы картину его возвращенія домой съ работы, чтобы понять сущность строя бельгійской семьи. Едва онъ грузно, по-хозяйски, вваливается въ кухню, какъ его сейчасъ же обступаютъ жена, дѣти и здѣсь, посреди комнаты, всѣ сообща начинаютъ разоблачать. Онъ величественно стоитъ, опираясь на плечи присныхъ, а въ это время съ его ногъ тянутъ сапоги, вставляютъ ихъ въ сабо (деревянныя туфли); съ него снимаютъ пиджакъ, развязываютъ шарфъ, надѣваютъ фуфайку, подаютъ ему носовой платокъ; самъ же онъ пальцемъ не пошевелитъ, онъ лишь благосклонно отдаетъ себя во власть ихъ заботъ. Переодѣвшись въ домашній костюмъ, глава семьи садится у стола и не сходитъ уже съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не наступитъ время сна. Сюда ему даютъ ѣду, пиво и трубку. Пива бельгійцы выпиваютъ чрезвычайно много; пить его они пріучаются съ дѣтства и часто ребенокъ 3-хъ—4-хъ лѣтъ выпиваетъ за обѣдомъ цѣлую бутылку пива.

Ѣдятъ они очень скупо и больше картофель и другіе овощи; ими постоянно высказывается неудовольствіе по поводу того, что въ Россіи нельзя имѣть хорошихъ овощей; мясо дорого, да и не въ фаворѣ оно, а къ legumes'амъ всякаго сорта бельгіецъ привыкъ и по этой части онъ въ своемъ родѣ гастрономъ.

Недостатку въ этой обычной для него пищѣ и суровости русскаго климата онъ приписываетъ всѣ болѣзни и недомоганія дѣтей и свои собственныя. Это, можетъ быть, въ значительной степени и вѣрно, но въ этомъ отношеніи не малую роль играетъ и *некультурность* валлонцевъ. Вы ничѣмъ не убѣдите его, что нельзя въ морозъ сидѣть у натопленной печи передъ открытой на улицу дверью, что нельзя спать въ полусырой комнатѣ рядомъ съ «погребомъ», что нельзя ограждать себя отъ холода такъ, какъ это дѣлается у нихъ. Шубъ не носитъ никто. На тѣлѣ надѣты фуфайка на фуфайкѣ, на ногахъ теплые чулки, часто валенки; все это не моется, носится грязнымъ, почти безсмѣнно цѣлую зиму, все это пропахло потомъ. И дома, и куда бы онъ ни пришелъ, бельгіецъ, взрослый или малый, прѣетъ во всей своей тысячѣ одёжекъ; для выхода на улицу сверху только накидывается «кабанъ» *). Простудиться, конечно, легко. Начинаются болѣзни, возмущенія климатомъ, проклятія Россіи. Каждая смерть ребенка производитъ панику и сопровождается обыкновенно отсылкой дѣтей изъ 2-хъ—3-хъ семействъ на родину. Но бороться не только съ возможностью заболѣваній, но и съ самыми болѣзнями страшно трудно. Ни предписанія, ни угрозы фельдшерицы и доктора—ничто не дѣйствуетъ противъ примѣненія народныхъ средствъ лѣченія и употребленія лѣкарствъ по совѣту какихъ-то *знахарскихъ* лѣчебниковъ. Лѣчебники эти, равно какъ и травы, рекомендуемыя ими неуклонно, хранятся въ каждомъ домѣ. Какъ бы ни былъ бдителенъ медицинскій надзоръ, онъ никогда не можетъ гарантировать больного отъ кормленія сваренными травами. Кромѣ этихъ зелій, однимъ изъ главныхъ противунедужныхъ средствъ считается удушливо-высокая температура: больного всегда кладутъ вплоть къ раскаленной плитѣ. Такая атмосфера и для здороваго непереносима. Удушливый воздухъ, кромѣ всего того, портится неимовѣрными клубами табачнаго дыма. Бельгійскій рабочій не вынимаетъ изо рта трубки;

*) *Кабанъ*—синяя суконная накидка до колѣнъ съ мѣшкомъ на спинѣ. Носится и мужчинами, и женщинами, и дѣтьми.

безъ трубки его не увидишь, онъ сосетъ ее не переставая. Настолько же употребительны и сигары; нерѣдко встрѣчается жеваніе табаку. Курятъ сигары и дѣти; изъ Бельгіи въ подарокъ дѣтямъ ихъ крестныя и бабушки присылаютъ сигаръ... Случилось видѣть, что курили малютки 6—7 лѣтъ.

Большинство дѣтей заражено съ раннихъ лѣтъ грубыми недостатками родителей и хорошо освѣдомлены въ тѣхъ областяхъ, куда обыкновенно доступъ дѣтямъ считается возбраненнымъ; однако, есть образцы и хорошаго воспитанія. Въ группѣ же они всѣ производятъ впечатлѣніе дѣтей изъ интеллигентныхъ семействъ. Живость, непринужденность, самостоятельность—вотъ ихъ главныя преимущества въ сравненіи съ нашими деревенскими и заводскими ребятишками. Замѣчательное умѣніе ріентироваться и почувствовать себя свободно въ какой угодно средѣ свойственно всѣмъ валлонскимъ дѣтямъ безъ исключенія. Гдѣ бы ни случилось быть какому-нибудь маленькому «Леонору», «Фернану» или «Жюлю», они вездѣ найдутся и скоро завоюютъ себѣ всеобщее расположеніе. Зимой они шатаются по заводскимъ улицамъ цѣлыми стаями, забрасывая другъ друга снѣгомъ, развозя на салазкахъ пиво по домамъ, поругиваясь и хохоча во все горло. Занятную картину представляетъ ихъ группа,—всѣ одѣты съ виду совершенно легко, большинство въ кабанахъ, дѣвочки съ открытыми головами, мальчуганы въ жакеткахъ и шарфахъ или кашнэ на шеяхъ.

Иногда, въѣзжая на заводъ, вы можете встрѣтить у околицы кучу этихъ маленькихъ «кабановъ», издали похожихъ на стаю сѣвшихъ на снѣгъ воронокъ; изображая свору собакъ, они съ громкимъ «амъ», «амъ» проводятъ ваши сани до самаго дома.

Самъ валлонецъ по типу лица походитъ на еврея. Многіе свободно смѣшали бы валлонца съ евреемъ. Большой носъ съ горбиной, крупные черные глаза, бритый подбородокъ, заботливо разглаженные усы и гладкіе черные волосы—вотъ типичная голова валлонца. Есть и бѣлокурые, но съ тѣмъ же цвѣтомъ и тѣми же чертами лица.

Особой осмысленности и интеллигентности въ лицѣ нѣтъ. Почти всѣ средняго роста и широкоплечи. Хорошимъ сложеніемъ отличаются суффлеры; нѣкоторые изъ нихъ поражаютъ сильнымъ развитіемъ мускуловъ, широкой грудью и загрубѣлостью лица и рукъ. Непремѣнной принадлежностью костюма каждаго валлонца служитъ шарфъ на шеѣ; безъ него онъ не выходитъ на улицу, скорѣе онъ не надѣнетъ шапки, шарфъ же вѣчно мотается около горла. Дома онъ ходитъ въ фуфайкѣ и въ сабо; на работу, на заводѣ переодѣвается въ синюю блузу, представляющую одно цѣлое съ фартукомъ; въ праздникъ же и въ торжественныхъ случаяхъ облачается въ крахмальную сорочку, пиджакъ и штиблеты.

Большинство бельгійскихъ женщинъ некрасивы; правильныя черты лица очень рѣдки. Одѣваются онѣ всѣ крайнѣ небрежно и грязно; но для выхода у каждой есть платье, сшитое по модѣ, и даже шляпа. Всѣ сплошь малоразвиты; сплетни и пересуды—единственное занятіе ихъ внѣ домоводства, а оно, какъ мы видѣли, стоитъ очень низко. Всѣ онѣ, конечно, грамотны. Интересъ къ общественной жизни примитивенъ.

Своеобразныя «soirées», устраиваемыя по субботамъ бельгійскими рабочими въ залѣ «общественнаго собранія», характерны больше всего обиліемъ пива и табачнымъ дымомъ, застилающимъ въ это время все помѣщеніе. Танцуютъ подъ гармонику. Гармонистъ, мастеръ своего искусства, обладаетъ прекраснымъ и дорогимъ инструментомъ; говорятъ, даже получилъ какіе-то знаки отличія за свою игру на родинѣ. Подъ эту музыку танцуютъ чаще всего мужчина съ мужчиной, положивъ другъ другу руки на плечи, въ шапкахъ и съ трубками въ зубахъ.

Никакихъ «митинговъ», рѣчей споровъ на этихъ вечерахъ и въ поминѣ

нѣтъ. Собираются просто побалагурить, выпить и попѣть хоромъ. Другой родъ увеселеній представляютъ пѣтушиные бои. Каждый праздникъ по заводу разносятся звуки барабаннаго боя—это процессія отправляется на зрѣлище. Впереди идетъ барабанщикъ, за нимъ несутъ на длинныхъ палкахъ картонныя изображенія пѣтуховъ, а также подъ мышками въ фартукахъ и самыхъ живыхъ поединщиковъ. На пѣтуховъ во время боя ихъ дѣлаютъ ставки деньгами и пивомъ. Мало здѣсь «культурности», да и въ другомъ ни въ чемъ она не проявляется; развѣ что въ чтеніи газетъ и въ веденіи корреспонденціи.

Почти всѣ выписываютъ газету «Charlesroi». Получается она въ почтовые дни вмѣстѣ съ письмами; въ эти вечера, три раза въ недѣлю, у крыльца почтоваго дома собираются депутаты отъ всего бельгійскаго населенія. Образуется цѣлое сборище, родъ клуба. Прибываетъ почта приблизительно въ 7—8 час. вечера, а уже къ $6^1/_2$ ч. толпа галдитъ у почты, гуляютъ, бранятся, разговариваютъ—все это въ темнотѣ, на снѣгу. Наконецъ, кто-нибудь заслышитъ звукъ колокольчика изъ-за околицы... подъѣзжаетъ почта, еще надо ждать съ полчаса пока разберутъ корреспонденцію—наконецъ, ее вручили... А въ письмахъ этихъ такъ мало разницы отъ нашихъ деревенскихъ: «и еще кланяемся любезному куму нашему»,— всѣ они пишутся по шаблону, съ выраженіями въ неестественныхъ напыщенныхъ словахъ почтенія и преданности, съ перебираніемъ всѣхъ родственниковъ и т. п.

Бельгіецъ не особенно свѣдущъ. У него есть кое-какія представленія объ исторіи родной страны, онъ знаетъ, что была революція, что съ тѣхъ поръ Бельгія самостоятельна и въ ней поютъ «Брабансону»—и только. О настоящемъ положеніи вещей, о политикѣ Европы, онъ освѣдомленъ дѣйствительно гораздо больше, но это ужъ результатъ чтенія газетъ. О литературѣ не имѣетъ понятія. По географіи свѣдѣнія самыя сбивчивыя и то больше добытыя на основаніи опыта житейскаго, во время скитаній его изъ страны въ страну. Въ ариѳметикѣ ему знакомы только начатки. Книгъ вообще вы не встрѣтите, ими не интересуются, зато всѣ политическія новости подхватываются съ жаромъ. Вотъ музыка—дѣло другое. Ее любятъ, многіе изъ рабочихъ и женъ ихъ играютъ на роялѣ (инструментовъ здѣсь, конечно, нѣтъ и имъ пользуются изрѣдка въ квартирѣ директора). Масса прекрасныхъ голосовъ. Подъ вечеръ по заводу то тамъ, то здѣсь изъ бараковъ несется пѣніе; часто для этого собираются въ чьей-нибудь квартирѣ и тогда образуется красивый и оживленный хоръ.

Въ такіе вечера по заводскому мѣстечку «чувствуется» присутствіе чего-то жизненнаго и бодрящаго. Съ одной стороны мирно отдыхаетъ зеркальный заводъ, покончивъ съ 7 ч. свой трудовой день; только тихій шумъ электрической машины нарушаетъ его величественный покой среди глубокихъ снѣговъ русскаго сѣвера; фіолетовый свѣтъ фонарей на улицѣ пробѣгаетъ по этимъ снѣгамъ какими-то мягкими, ласкающими лучами, какъ будто старшій братъ принесъ вѣсть о свѣтѣ и знаніи въ глухое селеніе темнаго люда... На другомъ концѣ ярко-красное зарево неутомимо, безъ устали громыхающаго ваннаго завода разрѣзаетъ ночной мракъ далекаго, чернаго неба. Это зарево говоритъ о тяжкомъ трудѣ, не разрывномъ со свѣтомъ и знаніемъ, а заунывная музыка заводскихъ печей мѣшается съ пѣсней отдыхающаго рабочаго, доносящейся изъ открытыхъ дверей бараковъ, и слышатся боевыя слова національнаго марша, мощный и возбуждающій мотивъ пѣсенъ о свободѣ и законности... Но объ нихъ потомъ.

III.

«Мужикъ» одно изъ первыхъ словъ, которымъ научается бельгіецъ. Этимъ именемъ у него прозывается всякій русскій простолюдинъ. Хотя въ его пониманіи оно не представляетъ оттѣнка ругательства, однако иначе, какъ

презрѣніемъ, о мужикѣ бельгіецъ не говоритъ. Нерѣдко вы услышите отъ него, если, конечно, онъ не стѣсняется говорить вамъ, что думаетъ,—«русскій мужикъ—дуракъ», и когда вы начинаете возмущаться этимъ, онъ сейчасъ же поясниттъ вамъ, почему у него составилось такое мнѣніе. Онъ съ жаромъ, съ горящими глазами будетъ говорить вамъ, что иначе назвать его нельзя, потому что русскій мужикъ терпитъ «дурака» отъ всякаго и никогда не дастъ за это въ «рожу». Совершенно искренно возмущаясь и волнуясь, бельгіецъ объясняетъ вамъ, что никто изъ нихъ, бельгійцевъ, никогда не стерпѣлъ бы такого обиднаго для человѣка названія, а мужикъ не только терпитъ, но и не считаетъ даже его оскорбительнымъ для себя, а если онъ не считаетъ—значитъ, онъ и есть дуракъ. Характерно, что это не единичное мнѣніе, что съ кѣмъ бы вы ни заговорили по этому поводу, всякій будетъ также возмущаться и тѣмъ же путемъ доказывать, что мужикъ дѣйствительно дуракъ; нѣкоторые только съ какимъ-то затаеннымъ ужасомъ шопотомъ добавятъ: «его бьютъ, бьютъ... и онъ молчитъ»! Опять вы стараетесь разувѣрить его и напоминаете ему, что если и находятся мерзавцы, дающіе волю рукамъ, такъ вѣдь недавно еще одного такого русскіе спустили подъ горку, въ оврагъ. «Ого!—кричитъ уже прямо расходившійся бельгіецъ;—они отплатили ему? А когда они это сдѣлали?—вечеромъ! когда было темно, ничего не видно, въ воскресенье, когда всѣ были пьяны»!

Россіи вообще бельгіецъ не знаетъ. Онъ проклинаетъ русскій климатъ, проклинаетъ непролазные снѣга зимой, не менѣе непролазные пески лѣтомъ, не любитъ зимнихъ холодовъ, когда русскіе кутаются въ овчину или ватное пальто, а онъ щеголяетъ въ «кабанѣ», или, что рѣдкость, надѣваетъ драпъ. Бельгіецъ скупъ и разсчетливъ. На 2—3 года пріобрѣтать такую дорогую вещь, какъ шуба, онъ не станетъ. Мы уже говорили, какъ всѣ спасаются отъ холода милліономъ фуфаекъ и т. п. одѣяній.

Языкъ русскій для него чужъ и далекъ. Постоянныя столкновенія съ русскимъ элементомъ заставляютъ его знакомиться съ этимъ языкомъ, чтобы непопасть впросакъ, чтобы извлечь больше выгоды для себя. Онъ вполнѣ сознаетъ это и всячески старается научиться понимать русскую рѣчь и умѣть изъясняться по-русски.

Въ каждой квартирѣ бельгійскаго рабочаго вы встрѣтите или дешевенькую книжку общеупотребительныхъ фразъ въ переводѣ на русскій и французскій языкъ, или же небольшой французско русскій словарь. Придумали даже особый способъ ознакомленія съ языкомъ: на листѣ столбцами *черезъ графу* выписываются названія самыхъ распространенныхъ французскихъ словъ и листъ этотъ вѣшается на стѣнку: по мѣрѣ того, какъ рабочій узнаетъ соотвѣтствующія русскія слова, онъ вписываетъ ихъ въ оставленную графу, рядомъ съ французскими однозначущими словами, конечно, французскими буквами. Ни полслова не знающій бельгіецъ первымъ долгомъ научивается отчеканивать «дуракъ», «мерзавецъ» и похуже этихъ ругательства. Затѣмъ уже слѣдуютъ числа и названія предметовъ первой необходимости, какъ, напр., «хлѣбъ», «мьясо»; за ними идутъ глаголы: «пришоль», «говориль», «понимай» и т. д. Замѣчательно то, что заводъ не пріучаетъ говорить; уличное общеніе здѣсь играетъ большую роль. Да оно, положимъ, и понятно,—работа не ждетъ, во время нея заниматься изученіемъ языка некогда; да, кромѣ того, большинству приходится работать отдѣльно отъ русскихъ. Слова «работай», «часъ» *) знаютъ всѣ; также и счетъ до 100; этого необширнаго лексикона достаточно для того, чтобы поговорить о заводскихъ дѣлахъ.

Русскіе ни мало не изощряются въ знакомствѣ съ чужимъ языкомъ. Од-

*) Звуки «ч» и «щ» валлонцами произносятся безъ труда

нако, и имъ какъ-то случайно западаютъ разныя французскія словечки, и тоже больше по части «работай». Курьезно видѣть, какъ «французъ» съ самымъ серьезнымъ видомъ, съ трубкой во рту, цѣдитъ сквозь зубы: «quand travaillerez vous demain?» и сплевываетъ дымной свистящей струей въ сторону. Разухабистый русскій парень, съ всклокоченной головой, въ красной рубахѣ и смазныхъ сапогахъ, спокойно переспрашиваетъ: «канъ? деменъ?» — «Oui». Русскій тоже сплевываетъ въ сторону и не менѣе серьезно отвѣчаетъ: «деменъ а катроръ». Дальше этого изъ русскихъ никто не пошелъ, въ общемъ же знаніе французскаго языка ограничивается «бонжуръ мусью», «пардонъ мадамъ».

Знанія валлонца о Россіи ограничиваются свѣдѣніями о томъ, что у насъ есть Донецкій бассейнъ, есть «Oural», Петербургъ, Москва. На Донцѣ у него есть свои собратья, съ ними онъ даже въ перепискѣ; на Уралѣ—тоже. Петербургъ и Москва—столицы (два плохихъ Брюсселя), тамъ магазины заводовъ и склады. Въ Петербургѣ есть царь, какъ въ Брюсселѣ король, но парламента тамъ нѣтъ и на русскомъ языкѣ нѣтъ и слова обозначающаго парламентъ. Изъ старой энциклопедіи онъ знаетъ, что есть гдѣ-то «steppi», заселенные казаками; и тѣ, и другіе ему внушаютъ страхъ, такъ какъ онъ слышалъ, что тамъ питаются сальными свѣчами и постоянно пускаютъ въ ходъ нагайки и «knout»; въ Петербургѣ же это запрещается, «interdi»; тамъ, по его понятіямъ, только и дѣлаютъ, что «запрещаютъ». Какъ-то мы довольно долго разговаривали съ однимъ рабочемъ о дѣлѣ Дрейфуса. Вдругъ онъ, какъ бы припомнивъ что-то, обрываетъ свою рѣчь вопросомъ: «да позвольте, развѣ вы выписываете французскія газеты?» «Почему непремѣнно французскія,—отвѣчаю,—я читаю русскія».—«Но развѣ въ русскихъ газетахъ позволяютъ писать о политикѣ?» За меня отвѣтилъ другой валлонецъ съ самымъ авторитетнымъ видомъ: «ну, конечно, о внѣшней политикѣ позволяютъ; въ русскихъ газетахъ запрещаютъ писать только объ внутренней политикѣ страны, а о внѣшней сколько угодно». Мой собесѣдникъ оживился, засыпалъ меня вопросами, писали ли у насъ объ убійствѣ Карно, о смерти императрицы австрійской и т. п. «А знаете вѣдь это мать принца Рудольфа, мужа нашей Стефаніи», онъ сейчасъ же притащилъ откуда-то портретъ дочери бельгійскаго короля и былъ страшно доволенъ, припоминая вмѣстѣ со мной подробности трагической кончины Рудольфа и Маріи Вечера. Когда мы прощались, онъ снисходительно заявилъ: «да, это все-таки хорошо, что въ русскихъ газетахъ не запрещаютъ писать о внѣшней политикѣ». Узнавъ отъ меня, что кое-что о Россіи онъ можетъ узнать изъ «Journal de S.-Pétersbourg», онъ выразилъ громадное удивленіе и обѣщалъ привезти товарищу нѣсколько нумеровъ «Journal'я», такъ какъ на дняхъ онъ собирался въ Петербургъ.

Поѣздки эти «въ городъ» совершаются непремѣнно каждымъ рабочимъ раза по два въ годъ. Семейные ѣдутъ туда съ женами, дѣлаютъ закупки, посѣщаютъ цирки, а иногда Михайловскій театръ. Для холостыхъ эти поѣздки сопряжены съ тратами на французскіе рестораны и кафешантаны, для которыхъ собственно и посѣщается ими столица. Передъ отъѣздомъ съ завода они обыкновенно собираются у кого-нибудь изъ бывалыхъ, забираютъ у него адреса гостинницъ, парикмахеровъ и т. п. и съ полученными свѣдѣніями и наставленіями спокойно прогуливаютъ въ Петербургѣ дня по 2—3, смотря по тому, насколько начальство разрѣшаетъ отлучку.

Начальство же для него не страшно. Передъ нимъ онъ не ломитъ шапки, да что и пресмыкаться понапрасну, если это свой же братъ, только въ молодости сумѣвшій выбраться въ люди. Среди директоровъ, управляющихъ заводами человѣкъ съ высшимъ спеціальнымъ образованіемъ—рѣдкость; до этого поста обыкновенно доходятъ гораздо проще. Нерѣдко случаются и такія вещи, что хорошій рабочій-техникъ, употребивъ во зло довѣріе, питаемое къ нему свыше, или воспользовавшись недосмотромъ, счертитъ планъ, составляющій се-

кретъ того или другого завода, и за дорогую плату перепродастъ его новой компаніи. Продѣлавъ это разъ или два, онъ считаетъ уже себя въ правѣ думать, что и онъ можетъ скомбинировать новый планъ и предложить свои услуги предпринимателю въ качествѣ изобрѣтателя секрета для новаго завода и въ роли директора его. Едва ли, конечно, за время всѣхъ этихъ перепитій въ немъ прибавится интеллигентности или научныхъ свѣдѣній; но техникъ-практикъ въ немъ несомнѣнно усовершенствуется. Разница въ положеніи между нимъ и рабочимъ суффлеромъ или шефомъ сглаживается сильно. Оба они дѣти одной далекой страны, заброшенные въ поискахъ за наживой въ чужой край, и чувствуютъ себя другъ къ другу гораздо ближе, чѣмъ къ русскому заводскому «обществу». И зимой этотъ директоръ отплясываетъ съ женами своихъ рабочихъ въ клубѣ на собраніяхъ, а затѣмъ мирно коротаетъ вечера съ соотечественниками за карточнымъ столомъ у крыльца какого-нибудь барака. Въ квартирѣ директора можно встрѣтить рабочаго или жену его, приходящихъ «попользоваться его роялемъ», побесѣдовать съ его супругой, сообщить какія-нибудь новости, посовѣтоваться насчетъ покупки сигаръ и т. п. И ихъ нисколько не смущаетъ, что у одного костюмъ дешевъ и грубо сшитъ, на ногахъ сабо, а на другомъ изящная пара изъ дорогой матеріи. .

Отношеніе начальства къ русскимъ рабочимъ не оставляетъ желать лучшаго. Одинъ изъ директоровъ даже любитъ распространяться насчетъ того, что бельгійцы уже сдѣлали свое дѣло—научили русскихъ работать, и что онъ намѣренъ, по мѣрѣ того какъ будутъ кончаться сроки контрактовъ, не возобновлять ихъ, а предоставлять работу русскимъ, постепенно устраняя такимъ образомъ бельгійскій элементъ. Однако, возможно это было бы только на зеркальномъ заводѣ; на ванномъ же вы и отъ русскихъ рабочихъ услышите, что за «французомъ» угнаться нельзя, что среди русскихъ—суффлеровъ еще нѣтъ. Да это и вполнѣ понятно. Быть хорошимъ суффлеромъ, словъ нѣтъ, выгодно, но имъ надо сдѣлаться, а для этого нужны годы упражненій и обученія. Во время перерывовъ между смѣнами суффлерскія мѣста почти всегда заняты валлонской молодежью. Юные рабочіе, мечтая впослѣдствіи занять эти мѣста, и во время смѣнъ стараются приспособлять свои легкія, движенія рукъ и корпуса къ работѣ; работая около суффлеровъ въ качествѣ гамэновъ, они съ раннихъ лѣтъ изо дня въ день наблюдаютъ за работой суффлеровъ и знакомятся со всякими подробностями ихъ техническихъ пріемовъ при выдуваніи. Русскій же рабочій лишенъ возможности учиться и наблюдать, такъ какъ проводитъ свой день въ другихъ отдѣлахъ фабрики, работая въ правильнѣ или упаковочной.

При дѣйствительномъ желаніи замѣнить бельгійскій элементъ русскимъ, во время перерывовъ можно бы было устроить нѣчто въ родѣ суффлерской школы для русскихъ рабочихъ. Это тѣмъ болѣе возможно, что въ промежуткѣ между двумя смѣнами суффлеры третьей смѣны могли бы служить здѣсь въ качествѣ учителей и наставниковъ. Перерывы, правда, непродолжительны, они тянутся всего полчаса; однако, они повторяются черезъ каждые десять часовъ, слѣдовательно въ пять дней для школы можно было бы урвать шесть часовъ, а въ мѣсяцъ и всѣ 36 часовъ. Такіе уроки, несомнѣнно, подвинули бы впередъ дѣло обученія русскаго рабочаго, а безъ нихъ слова о вытѣсненіи бельгійскаго элемента останутся словами.

На зеркальномъ заводѣ все это, дѣйствительно, не такъ сложно. Тамъ, какъ мы уже говорили, особое мастерство, искусство требуется только отъ рѣзчика; въ остальныхъ же категоріяхъ работы человѣкъ долженъ только умѣть работать при машинахъ и приноровляться къ нимъ. Здѣсь русскій рабочій и не скрываетъ своего недовольства тѣмъ, что къ нему приставленъ «французъ». «Говорятъ, французъ работаетъ лучше, французу больше платить надо,—разсуждаетъ зеркальщикъ,—а у насъ въ шлифовальной только и слава,

что стекла бьетъ этотъ самый французъ. Нашъ рабочій не торопится, не думаетъ о томъ, что только больше бы стеколъ перебрать; онъ работаетъ безъ дури, съ оглядкой, осторожно; а французъ—это умѣлый-то, не простой, не кое-какой рабочій,—трахъ одно стекло, трахъ другое... Тутъ одинъ изъ компаніи пріѣзжаетъ, хоть и главный почти хозяинъ, да не боится его никто: за мягкость его у насъ женщиной прозвали; такъ онъ вотъ, обойдетъ это, увидитъ какъ его стекла-то летятъ—только носовой платочекъ шелковый покусываетъ зубами за кончикъ—привычка такая—и ни слова не скажетъ. Шефъ—тотъ своихъ не выдастъ, смолчитъ. А директоръ иногда кричитъ, кричитъ, шибко, вѣрно, по-своему-то ругаетъ ихъ; да что подѣлаетъ? ничего! А французъ бьетъ и трубки изо рта не вынетъ—что ему!»

IV.

Буржуа и скопидомъ по натурѣ, валлонецъ установилъ себѣ прочный взглядъ и на свое положеніе въ мірѣ, и на рабочій вопросъ вообще.

Всякій, узнававшій о моемъ пребываніи на заводѣ, непремѣнно справлялся о томъ, насколько благотворно вліяніе бельгійскихъ рабочихъ на русскихъ. Но едва ли можно говорить о самомъ существованіи этого вліянія, а не только еще о благотворности его. Повышеніе уровня рабочей техники—единственное слѣдствіе, которое можетъ произойти отъ столкновенія ихъ; а о какомъ-нибудь умственномъ и культурномъ давленіи и говорить нечего. Мѣшаетъ этому, во-первыхъ, конечно, языкъ; при полномъ непониманіи другъ друга, нельзя дѣлиться мыслями и мнѣніями. Внѣшнюю сторону жизни иностраннаго рабочаго, его «культурность» мы видѣли; врядъ ли что здѣсь заслуживаетъ подражанія, кромѣ развѣ чтенія газетъ.

Толки о партіяхъ въ ихъ семьяхъ идутъ; даже дѣти и тѣ знаютъ, что есть католики и есть соціалисты. Курьезно слышать въ устахъ иного ребенка: «я не учусь Закону Божію, потому что мой отецъ соціалистъ». Но надо отмѣтить, что взгляды большинства болѣе чѣмъ умѣренны.

Немалую поддержку такимъ взглядамъ оказываетъ чтеніе умѣренно-либеральнаго органа «Charlesroi». Здѣсь, наряду со всякаго рода газетными выходками и инсинуаціями по адресу клерикаловъ, ведется неустанная проповѣдь о вредѣ стачекъ для самихъ же рабочихъ и прелестяхъ покоя мирнаго житія въ повиновеніи патроновъ и почитаніи властей предержащихъ.

Все это уживается въ душѣ бельгійца, а слова «Брабансоны» и «Національнаго гимна», высокія слова народныхъ пѣсенъ онъ понимаетъ по своему, не стараясь придать ихъ буквальному смыслу какихъ-нибудь особыхъ оттѣнковъ Слова этихъ народныхъ пѣсенъ знакомы каждому съ дѣтства; дѣти съ раннихъ лѣтъ заучиваютъ по слуху мотивъ ихъ и распѣваютъ ихъ наравнѣ со взрослыми, повторяя за ними «свобода», «братья», «любимая родина» и т. п. Мы приведемъ здѣсь объ эти пѣсни, такъ какъ объ онѣ характерны и красивы. Боевой мотивъ первой—маршъ—вполнѣ соотвѣтствуетъ ея рѣзко очерченнымъ и рѣшительнымъ выраженіямъ. Мотивъ другой задушевенъ, протяженъ, мѣстами сентименталенъ; есть замѣчательно красивые переходы.

Брабансона.

I.

Après des siècles d'esclavage,
Le belge, sortant du tombeau,
A reconquis par son courage
Son nom, ses droits et son drapeau.

Et ta main souveraine et fière,
Peuple désormais indompté,
Trava sur ta vieille bannière:
«Le roi, la loi, la liberté».

II.

Marche de ton pas énergique,
Marche de progrès en progrès.
Dieu qui protège la Belgique
Sourit à tes mâles succès.
Travaillons, notre labeur donne
A nos champs la fécondité.
Et la splendeur des arts couronne:
«Le roi, la loi, la liberté».

III.

O Belgique, ô mère chérie,
A toi nos coeurs, à toi nos bras,
A toi notre sang, ô patrie,
Nous le jurons tous! Tu vivras,
Tu vivras toujours grande et belle
Et ton invincible unité
Aura pour devise immortelle:
«Le roi, la loi, la liberté» *).

Отчизна.

I.

Allons enfants de ma chère patrie,
Unissons-nous par un lieu d'amour,
Que la Belgique soit toujours chérie,
Ce beau pays qui nous donna les jours.

II.

Nous avons tous, enfants, la même mère,
Nous sommes nés frères pour nous aimer.
Si la douleur nous frappe sur la terre,
Unissons-nous afin de la calmer.

III

A l'univers montrons que la Belgique,
Ens'unissant comme nos bons aïeux
Saura toujours se montrer héroique
Et conquérir un nom bien glorieux **).

---

*) Послѣ вѣковъ рабства бельгіецъ какъ бы вышелъ изъ могилы и мужественно отвоевалъ себѣ и свое имя, и свои права, и свое знамя. И рука твоя, властная и гордая, съ тѣхъ поръ непреклонный народъ, начертала на твоемъ старомъ знамени: «король, законъ, свобода».

Иди же смѣлымъ шагомъ своимъ, иди впередъ отъ прогресса къ прогрессу. Богъ, который покровительствуетъ Бельгіи, съ улыбкой смотритъ на успѣхи твои. Будемъ работать, наша работа даетъ полямъ нашимъ плодородность, а процвѣтаніе наукъ увѣнчаетъ девизъ: «король, законъ, свобода».

О Бельгія, о мать любимая, тебѣ сердца наши, тебѣ наши руки, за тебя наша кровь, о отчизна!—въ этомъ мы всѣ клянемся. Ты будешь жить, ты будешь жить вѣчно великая и прекрасная, а для сыновъ твоихъ, въ ихъ нераздѣльномъ единствѣ, девсмертенъ девизъ: «король, законъ, свобода».

**) Соединитесь, братья мои по дорогой родинѣ, въ одинъ союзъ любви. Пусть будетъ всегда любимой нами Бельгія, этотъ прекрасный край, даровавшій намъ жизнь.

Мы всѣ дѣти одной матери, мы всѣ рождены братьями, чтобы любить другъ друга. Когда какое-нибудь несчастіе поразитъ насъ въ этой жизни на землѣ, соединимтесь вмѣстѣ, чтобы общими силами избавиться отъ него.

Покажемъ всему міру, сомкнувшись, какъ предки наши въ доброе старое время, что Бельгія сумѣетъ быть страной героевъ и отстоять себѣ славное имя.

И бельгіецъ дѣйствительно любитъ свою chère patrie, и сердце его порой томится по далекой, маленькой родной странѣ. Онъ гордится ею и иначе какъ съ восторгомъ не можетъ объ ней говорить. Тыкая пальцемъ въ глобусъ на крошечный кусочекъ земли у Нѣмецкаго моря, онъ самодовольно сообщаетъ: «вотъ наша Бельгія; смотрите, какая она маленькая, маленькая, точно небольшая губернія вашей необъятной Россіи, а сколько тамъ желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ, заводовъ, городовъ, какія тамъ прекрасныя зданія! Вотъ Брюссель—здѣсь живетъ король, а вотъ Шарлеруа, тамъ всѣ наши родные...». И вотъ къ нимъ, къ этимъ роднымъ, его тянетъ порой неудержимо.

Одна изъ любимыхъ пѣсенъ «На часахъ» напоминаетъ ему объ его заброшенности въ чужой странѣ.

Seul dans le grand désert,
Enfant de la Belgique *).

поется тамъ; грустный мотивъ доканчиваетъ впечатлѣніе пѣсни одиночества, и всѣ слушающіе ее повергаются въ какое-то печальное раздумье.

Въ заводской больницѣ какъ-то долго томился молодой рабочій Андрэ, онъ всѣми силами души своей рвался на родину. Нѣкоторые говорили, что у него зачатки нехорошей болѣзни, что товарищи брезгливо относятся къ нему, что онъ здѣсь совсѣмъ одинокъ, но на родину вернуться нельзя—не пускаетъ заводская администрація. Другіе говорили, что контрактомъ онъ не связанъ нисколько, такъ какъ явился не по приглашенію завода, а самостоятельно, перебравшись тайкомъ черезъ финляндскую границу, и что теперь онъ свободенъ ѣхать когда угодно, но его задерживаетъ недостатокъ средствъ для дороги. Какъ бы тамъ ни было, но онъ томился тоскою; онъ плакалъ по ночамъ на своей больничной постели и къ каждому обращался съ просьбой отправить его въ Бельгію; цѣлыми днями онъ почти ничего не ѣлъ, едва притрогиваясь лишь къ яйцамъ. Этотъ измореный юноша, какъ капризный ребенокъ, требовалъ то того, то другого изъ белгійскихъ кушаній и бредилъ своей далекой отчизной. Потомъ ему удалось уѣхать.

Но это не легко для тѣхъ, кто здоровъ и кто связанъ контрактомъ. Такимъ остается одно средство побѣгъ. Пускалось въ ходъ и оно. «Вернули, вернули!» слышно было по заводу какъ-то въ одинъ вечеръ. Кто вернулъ, что и кого вернули—понять сразу было нельзя; всѣ суетливо бѣгали, многіе смѣялись, въ общемъ царствовало довольно веселое волненіе. Оказалось, вернули бѣглецовъ. Заскучали крѣпко здѣсь двое рабочихъ по матери Бельгіи, подумали, погадали, плюнули на всѣ выгоды и преимущества и на залогъ,—да и отправились въ путь-дорогу. Добрались до границы. Безъ паспортовъ ее надо было миновать незамѣтнымъ образомъ и на легкѣ; первымъ долгомъ продали багажъ, платье, бѣлье спустили за гроши кому-то, а сами направились пѣшкомъ черезъ границу. Идутъ, глядь—первая стража:—стой! Дали пять рублей,—отдѣлались; прошли еще немного,—вторая стража: еще пять рублей. Идутъ опять, но вотъ и третья стража; здѣсь то и случилось нѣкоторое непредвидѣнное обстоятельство: пять то рублей съ нихъ взяли своимъ порядкомъ, но, какъ и слѣдуетъ быть, отвели сердечныхъ въ темницу и посадили подъ замокъ; а потомъ опять своимъ порядкомъ препроводили на заводъ. Здѣсь они пожили дня три въ «кутузкѣ» да и принялись снова за работу.

А смѣху было на заводѣ много; много его, быть можетъ, было и сквозь слезы жалости къ неудачливымъ собратьямъ, но больше было злораднаго.

А. Новино.

---

*) Одинокій въ большой пустынѣ, дитя Бельгіи...

Изъ русскихъ журналовъ.

«Русское Богатство», мартъ. Заканчивая свой обстоятельный очеркъ о камерѣ соглашенія и третейскаго суда на сѣверѣ Англіи, г. А. Зотовъ останавливается на вопросѣ: какими принципами руководится постоянный комитетъ и третейскіе судьи при рѣшеніи споровъ между фабрикантами и рабочими? Основнымъ принципомъ для регулированія заработной платы является *соотвѣтствіе между заработною платою и среднею продажною цѣною желѣза*. Опредѣленіе продажной цѣны желѣза посредствомъ довольно сложной процедуры производится каждые два мѣсяца особымъ счетоводомъ камеры; сообразно съ этимъ, каждые два мѣсяца могутъ происходить измѣненія заработной платы. Но, кромѣ цѣны желѣза, при опредѣленіи заработной платы принимаются во вниманіе и другія условія: положеніе рабочаго рынка, т.-е. избытокъ или недостатокъ рабочихъ рукъ, повышеніе или пониженіе сбыта товаровъ, наконецъ, извѣстный минимумъ заработной платы, необходимый для жизни, ниже котораго не можетъ упасть заработокъ рабочаго. На сѣверѣ Англіи есть еще способъ установленія заработной платы—*подвижныя скалы*; посредствомъ этихъ скалъ, съ общаго согласія, устанавливается постоянное отношеніе между заработною платою и продажною цѣною издѣлія, такъ что колебанія цѣны автоматически ведутъ за собою измѣненія заработной платы. Заработная плата составляется, 1) изъ опредѣленнаго % съ каждаго фунта стерлинговъ средней цѣны приготовленнаго для продажи желѣза и 2) изъ нѣкоторой постоянной суммы, называемой преміей,—такъ, при стоимости тонны желѣза въ 5 фун. ст., рабочій, получая по 1 шил. на фунтъ, имѣетъ 5 шил. и еще 2 шил. преміи на каждую тонну, слѣд. 7 шил. за тонну. Чтобы заработная плата не слѣдовала за всѣми мелкими колебаніями цѣны товара, установленъ минимумъ въ 5 шил. повышенія или пониженія въ цѣнѣ тонны, влекущій за собою измѣненіе заработной платы. Въ настоящее время на сѣверѣ Англіи дѣйствуетъ подвижная скала, составленная еще въ 1889 г. Подводя итоги дѣятельности камеры за 29 лѣтъ ея существованія, г. Зотовъ указываетъ, прежде всего, на почти *полное прекращеніе стачекъ и распущенія рабочихъ* (lock out). До основанія камеры стачки были часты и продолжались по нѣсколько мѣсяцевъ: со времени основанія камеры не было ни одной общей стачки; было лишь пять частныхъ остановокъ въ работѣ, продолжавшихся всего по нѣсколько дней. Благодаря этому, камера избавила рабочихъ отъ безработицы, причиняемой стачками. Затѣмъ, камера измѣнила и отношенія между предпринимателями и рабочими, вмѣсто прежней отчужденности и подозрѣній поселила взаимное уваженіе и довѣріе, подняла чувство собственнаго достоинства въ рабочихъ и улучшила матеріальное положеніе ихъ въ гораздо большей степени, чѣмъ они могли бы добиться боевой политикою стачекъ. Помимо непосредственнаго вліянія на свой округъ, камера оказываетъ широкое косвенное вліяніе на сосѣдній промышленный районъ. Къ сожалѣнію, данныя, сообщаемыя самимъ же авторомъ, не оправдываютъ такого оптимистическаго сужденія о дѣятельности камеры. Число заводовъ и рабочихъ, приписанныхъ къ камерѣ, значительно упало: вмѣсто 35 заводовъ и 14.000 рабочихъ, принадлежавшихъ къ камерѣ въ 1874 г., теперь къ ней приписано только 11 заводовъ и 4.000 рабочихъ. Авторъ пытается отнести убыль на счетъ упадка желѣзодѣлательной промышленности, вытѣсняемой сталелитейными заводами, но и за этимъ вычетомъ все-таки остается значительный минусъ. Отказъ примкнуть къ камерѣ идетъ большею частію со стороны фабрикантовъ, вопреки желанію рабочихъ. Для объясненія этого, авторъ приводитъ соображеніе, что заводчики боятся раскрытія техническихъ тайнъ производства (это въ крупной желѣзодѣлательной-то промышлен-

ности!); между тѣмъ, онъ самъ сообщаетъ факты, которые дѣлаютъ вполнѣ понятнымъ ихъ уклоненіе отъ камеры. Дѣло въ томъ, что камера приноситъ несомнѣнныя и значительныя выгоды рабочимъ, а фабрикантовъ она стѣсняетъ, обуздывая отъ эксплоатаціи рабочихъ; правда, и фабриканты выигрываютъ отъ прекращенія стачекъ, но этого можно достигнуть проще: можно примѣнять общія правила о заработной платѣ, вырабатываемыя камерой, не вступая въ нее и не связывая себя мелочнымъ вмѣшательствомъ камеры въ фабричныя дѣла; такъ и поступаютъ многіе заводчики, вводя у себя общія нормы заработной платы, объявленныя камерой, и оставляя за собой свободу вступать въ частныя соглашенія съ отдѣльными группами рабочихъ и нанимая ихъ по пониженнымъ цѣнамъ. Кромѣ того, за спиной рабочихъ дѣйствуютъ рабочіе союзы, сообщающіе постановленіямъ камеры принудительную силу; фабриканты же ничѣмъ обязательнымъ не связаны, они выполняютъ рѣшенія камеры добровольно, въ силу лишь моральныхъ импульсовъ,—это и составляетъ слабую сторону учрежденія.

Г. И. Абрамовъ даетъ любопытную картину внутренней жизни въ «*неплюевскомъ братствѣ*» Черниговской губ. Братство открыто было въ 1895 г. торжественнымъ собраніемъ, на которое были разосланы пригласительные билеты съ программой торжествъ; въ программѣ между литургіей, завтракомъ и обѣдомъ у блюстителя и иллюминаціей значилось чтеніе завѣщанія учредителей; гости съ любопытствомъ ждали этого пункта, предполагая, что Неплюевъ объявитъ о завѣщаніи братству своего многомилліоннаго имѣнія. Оказалось, однако, что онъ завѣщаетъ братству дорогую ему рукопись: «Генеалогія рода Неплюевыхъ. Составилъ Н. Н. Неплюевъ». «Пусть эта рукопись,—сказалъ онъ при этомъ,—будетъ связующимъ звеномъ между вами—дѣтьми народа, и мною—представителемъ аристократіи». Членовъ въ братствѣ, мужчинъ и женщинъ, въ настоящее время около 100. Братчиковъ поставляютъ главнымъ образомъ двѣ школы, устроенныя Неплюевымъ же, мужская и женская. Въ этихъ школахъ закладывается фундаментъ той лицемѣрной іезуитской дрессировки, которая завершается уже въ братствѣ. Всякій, кто не съумѣетъ заглушить въ себѣ личности и отлиться въ общую форму, немедленно исключается изъ школы. Такъ, въ братство попадаютъ уже вполнѣ обезцвѣченныя фигуры, готовыя по данному сигналу обнаруживать разныя христіанскія чувства: плакать слезами умиленія, сокрушенно рыдать о своихъ прегрѣшеніяхъ по поводу малѣйшихъ отступленій отъ братскихъ правилъ, говорить возвышенныя рѣчи въ сентиментально-библейскомъ стилѣ; долгія молитвенныя собранія, поголовныя лобызанія, слова любви, сочувствія, признательности, которыя щедро сыпятся въ братскихъ бесѣдахъ, не мѣшаютъ однако братчикамъ усердно «разыскивать сучки въ глазу у братьевъ своихъ» и доносить патрону. Вступленіе новыхъ членовъ обставляется торжественно: приглашаются гости, хуторъ иллюминуется, воздвигаются арки, въ комнатѣ ставятся хоругви, бронзовые канделябры, серебряные кресты, иконы, лампады, при этомъ еще—бѣлыя одѣянія, патетическія рѣчи, земные поклоны, слезы, лобызанія... И надо всѣмъ царитъ властная рука диктатора—Неплюева, къ нему стягиваются всѣ нити братской жизни. Въ сущности, братство есть обстановка для его тщеславія и самовозвеличенія, прикрытыхъ лишь маскою христіанскаго смиренія. Роль духовнаго наставника, милующаго и карающаго свою покорную паству, внимательная аудиторія, безропотно выслушивающая чтеніе длиннѣйшихъ произведеній г. Неплюева объ антихристѣ, или хоръ, съ умиленіемъ исполняющій молитвы, положенныя на музыку опять-таки имъ же—г. Неплюевымъ, наконецъ, вечернія собранія, на которыхъ г. Неплюевъ повѣствуетъ своимъ внимательнымъ слушателямъ, что графы Бобринскіе, Юрьины и другія знатныя фамиліи происходятъ отъ одного корня съ родомъ Неплюевыхъ,—всѣ эти блага даетъ г. Неплюеву его община. Благодаря

ей онъ даже сталъ извѣстенъ за границей: онъ избранъ почетнымъ президентомъ конгресса единаго человѣчества, который соберется въ Парижѣ во время выставки, и г. Неплюевъ усердно проситъ всѣхъ «истинныхъ христіанъ» прибыть къ тому времени въ Парижъ и при этомъ сообщаетъ свой адресъ: «Янполь Черниговскій. Почетному президенту конгресса единаго человѣчества Николаю Николаевичу Неплюеву». Чтобы не раскрылась фальшь всей этой пышной постройки, необходимо тщательно изгонять всякій духъ критики. При первой попыткѣ такой критики—на дерзкаго братчика диктаторъ мечетъ громы и молнію и затѣмъ исключаетъ изъ общины, провожая его проклятіями отъ имени Бога. Очевидно, ни о какой культурно-просвѣтительной, даже просто благотворительной дѣятельности братства среди окрестнаго населенія не можетъ быть и рѣчи. Братчики только себя считаютъ настоящими, избранными людьми, а на весь остальной міръ, погрязшій во злѣ, смотрятъ свысока. Оказывать помощь бѣдному невѣжественному населенію не принято, ибо, по словамъ Неплюева, «намъ нельзя разбрасываться; для успѣха дѣла наши интересы должны быть сосредоточены всецѣло въ братствѣ». Поэтому братство спокойно относится къ тому, что рабочіе въ огромной экономіи Неплюева «ютятся въ казармахъ, среди омерзительнѣйшей обстановки». Такъ же индифферентно относится община и къ окружающему поголовному пьянству, при чемъ Неплюевъ имѣетъ нѣсколько собственныхъ винокуренныхъ заводовъ. Въ довершеніе всего, для прославленія г. Неплюева и его учрежденія имѣются въ братствѣ поэты, панегирическія стихотворенія ихъ роскошно издаются г. Неплюевымъ на собственный счетъ.

Г-нъ Х. Л. Р. разбираетъ новую книгу объ экономическомъ матеріализмѣ Вольтмана (Der historische Materialismus. Dr. Ludvig Woltmann). Вольтманъ разсматриваетъ марксизмъ съ философской стороны; задаваясь цѣлью прослѣдить генезисъ идей, онъ сближаетъ марксизмъ съ одной стороны съ дарвинизмомъ, съ другой—съ ученіемъ Канта. Связь съ Кантомъ, по его мнѣнію, состоитъ въ методѣ и доказывается слѣдующими соображеніями. Какъ извѣстно, Кантъ видѣлъ источникъ нашего знанія въ *опытѣ*, но самъ опытъ дѣлается намъ доступнымъ благодаря нѣкоторымъ основнымъ *апріорнымъ* формамъ нашего мышленія. Эти апріорные элементы организуютъ нашъ опытъ, придаютъ наблюдаемымъ явленіямъ *законосообразность*. Вольтманъ находитъ и у Маркса регулирующій принципъ, а именно «идею матеріалистическаго пониманія исторіи», посредствомъ этой идеи Марксъ научно организуетъ историческій опытъ. Очевидно, какъ случайно и произвольно это сближеніе: кантовская схема глубоко отличается отъ общаго методическаго принципа, которымъ долженъ руководиться всякій изслѣдователь, которымъ руководился и Марксъ—имѣть готовую теорію для систематизированія опыта. Чтобы отстоять свою мысль, Вольтману приходится даже утверждать, что Марксъ самъ не понималъ своей связи съ Кантомъ. Между тѣмъ извѣстно, что все ученіе Маркса проникнуто гегелевскимъ принципомъ, отождествлявшимъ дѣйствительность съ идеаломъ; Марксъ и Энгельсъ искали источника всякихъ идеологій въ самой экономической дѣйствительности, въ противоположность Канту, требовавшему отъ дѣйствительности подчиненія идеалу. Также неудачно конструируетъ Вольтманъ теорію *технологическаго матеріализма:* основываясь на важной роли орудій производства, онъ выставляетъ ихъ главнымъ факторомъ логическаго развитія, преувеличивая такимъ образомъ произвольно значеніе одного фактора въ ущербъ другимъ, не менѣе важнымъ. Задача Вольтмана примирить непримиримое—Маркса съ Кантомъ — вводитъ его въ цѣлый рядъ противорѣчій; но частныя возраженія марксизму заключаютъ въ себѣ много дѣльнаго.

Н. К. Михайловскій въ «Литературѣ и Жизни» развиваетъ темы, затронутыя въ двухъ полученныхъ имъ письмахъ. Вмѣстѣ съ первымъ корреспондентомъ онъ привѣтствуетъ «рѣшительный поворотъ, вѣрнѣе, возвратъ,

къ 70-мъ годамъ» въ передовыхъ кругахъ нашего общества. Показателемъ этого настроенія считается, между прочимъ, одна изъ статей г. Струве; въ ней г. Струве признаетъ важность и необходимость субъективно этической точки зрѣнія на общественныя явленія, которую Н. К. Михайловскій еще въ 70-хъ годахъ выставилъ какъ противовѣсъ противъ крайняго позитивизма. Степень согласія г. Струве съ г. Михайловскимъ по такому существенному вопросу, конечно, можетъ быть установлена только дальнѣйшими заявленіями самого г. Струве. Во второмъ письмѣ заключаются легкомысленные и недостойные упреки Н. К. Михайловскому по поводу его статьи о Л. Н. Толстомъ въ «Литературныхъ Воспоминаніяхъ». Это заставляетъ Н. К. Михайловскаго напомнить, что онъ писалъ еще двадцать пять лѣтъ назадъ о «десницѣ и шуйцѣ гр. Л. Толстого». Затѣмъ, критикъ разбираетъ мнѣнія Шестова о Толстомъ, высказанныя въ книгѣ: «Добро въ ученіи гр. Толстого и Ницше» и, наконецъ, переходитъ къ «Воскресенію». Несмотря на то, что въ «Воскресеніи» есть «превосходныя страницы,—въ цѣломъ это далеко не лучшая изъ работъ гр. Толстого». Масса дѣйствующихъ лицъ самыхъ разнообразныхъ положеній составляетъ какъ бы фонъ для двухъ первостепенныхъ фигуръ: Нехлюдова и Масловой. Всѣхъ людей фона отличаетъ одна общая черта: «они живутъ безъ внутренняго разлада, подъ сѣнію «правилъ», которыя они усвоили изъ чужихъ рукъ; въ герояхъ же происходитъ «борьба чужихъ мыслей съ голосомъ ихъ собственнаго разума и сердца». Въ «Воскресеніи» есть два невидимые, но совершенно опредѣленные врага, съ которыми борется знаменитый авторъ. Это, во-первыхъ, «всѣ, точнѣе, говоря, тѣ общія условія, которыя заглушаютъ въ отдѣльномъ человѣкѣ естественно благородный голосъ разума и сердца. Это, во-вторыхъ, физическая, половая любовь. Можно сомнѣваться, чтобы человѣкъ, помимо вліянія «всѣхъ», былъ непремѣнно благороденъ сердцемъ и здоровъ умомъ, хотя безспорно, что «всѣ» слишкомъ часто извращаютъ благородныя сердца и здоровые умы. Еще больше можно сомнѣваться въ томъ, что физическая любовь вліяетъ на людей столь пагубно, какъ это изображено въ «Воскресеніи», хотя несомнѣнно, что она слишкомъ часто принимаетъ низкія и грязныя формы»...

Въ *Хроникѣ внутренней жизни* сообщается между прочимъ, что иниціатива возбужденія вопроса о реформѣ средней школы идетъ отъ ходатайствъ нѣкоторыхъ дворянскихъ собраній, представленныхъ на Высочайшее имя. Особенно заслуживаетъ вниманія ходатайство нижегородскаго дворянства, представленное въ мартѣ 1898 г. Въ основу этого ходатайства положенъ былъ докладъ особой коммиссіи, избранной для разсмотрѣнія вопроса о недостаткахъ средней школы и работавшей подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя А. Б. Нейдгардта. Главныя положенія ходатайства слѣдующія: 1) слѣдуетъ создать два типа школъ—одной съ сокращеннымъ преподаваніемъ латинскаго и съ уничтоженіемъ греческаго языка, другой—совсѣмъ безъ древнихъ языковъ. 2) обратить вниманіе на физическое развитіе учащихся, 3) сократить учебную программу, 4) отмѣнить переходные экзамены, 5) устраивать поучительныя прогулки, 6) улучшить личный составъ педагоговъ и увеличить окладъ ихъ жалованья. 7) ходатайствовать о допущеніи реалистовъ въ университетъ на три факультета и др. При открытіи дворянскихъ собраній въ 1899 г. предводители доложили о благопріятной судьбѣ ходатайствъ, о томъ, что въ министерствѣ поднятъ вопросъ о коренной реформѣ средней школы и «именно въ желательномъ для насъ направленіи», заявилъ, между прочимъ, нижегородскій губернскій предводитель. Дѣйствительно, насколько можно судить по скуднымъ даннымъ, министерская программа преобразованій средней школы, повидимому, идетъ по пути, намѣченному нижегородскимъ дворянствомъ.

«Русская Мысль», мартъ. Г-нъ *П. Ганзенъ* сообщаетъ свѣдѣнія объ яслях-пріютахъ, открытыхъ на лѣтніе мѣсяцы (іюль и августъ) 1899 года въ Вятской губерніи отъ Попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Всѣхъ яслей было открыто 15, помѣщались онѣ по большей части въ школьныхъ зданіяхъ, завѣдующими были или женщины-врачи, жены врачей и фельдшерицы, или сельскія учительницы и ихъ помощницы. Успѣху дѣла много вредили вначалѣ предразсудки и недовѣріе, среди старообрядцевъ—боязнь, что дѣтей будутъ записывать, «приневолятъ щепотью молиться, къ причастію будутъ возить»; татары-магометане рѣшительно отказались присылать дѣтей въ ясли, вслѣдствіе «религіознаго фанатизма и недостатка просвѣщенія». Затѣмъ надзирательницамъ стоило большого труда сначала пріискать прислугу (въ страдное время всѣ женщины заняты полевой работой), потомъ побѣдить ея лѣнь, нечистоплотность, грубое обращеніе съ дѣтьми; при этомъ рѣзко сказалось неизмѣримое преимущество грамотныхъ нянь передъ неграмотными. Надзирательницы проявили самоотверженіе, добросовѣстность и любовь къ дѣлу, поистинѣ изумительныя; часто не имѣя прислуги или имѣя прислугу неумѣлую, лѣнивую, онѣ ухаживали за дѣтьми сами, вставая по ночамъ, не брезгая никакой грязной работою. Конечно, такая дѣятельность не могла не принести благихъ послѣдствій: матери, на примѣрѣ своихъ дѣтей, научались правиламъ ухода за дѣтьми и нормальнаго питанія и убѣждались въ цѣлесообразности этихъ правилъ; а убѣдить въ цѣлесообразности могли хотя бы одни цифры: въ пріютахъ изъ 267 грудныхъ дѣтей (всѣхъ дѣтей перебывало въ яслях 786) умерло только 8 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ деревнѣ въ страду ихъ умираетъ отъ 40 до 70%.

Старый дипломатъ (начало статьи помѣщено въ февральской книжкѣ) излагаетъ виды русской политики на востокѣ. Между русскими и англійскими владѣніями въ Азіи помѣщается независимое государство-буферъ—Афганистанъ. Ближайшая часть его, Гератъ, въ скоромъ времени, вѣроятно, будетъ въ русскихъ рукахъ, а Афганистанъ продержится независимымъ лишь до смерти теперешняго эмира, такъ какъ тогда возникнутъ распри между наслѣдниками, поднимутся волненія племенъ. это вызоветъ оккупацію южной части Афганистана англичанами, на что русскіе, въ свою очередь, отвѣтятъ захватомъ сѣверной части. Недавнее передвиженіе русскихъ войскъ на афганскую границу (въ декабрѣ прошлаго года) и было произведено, вслѣдствіе слуховъ о смерти эмира и о броженіи среди индійскихъ племенъ. Одной изъ главныхъ задачъ русской политики въ Азіи является стремленіе пробиться къ Индійскому океану, но это движеніе должно совершиться мирнымъ путемъ, посредствомъ насажденія русскаго вліянія въ Персіи; въ этомъ направленіи сдѣланы уже большіе успѣхи: по словамъ иностранцевъ, бывшихъ въ Тегеранѣ, изъ зданія русскаго посольства исходятъ всѣ «указы и приказы», персидская армія реорганизована по образцу русской; по слухамъ, уже подписанъ русско-персидскій договоръ, по которому возобновляется исключительное право Россіи на постройку желѣзныхъ дорогъ въ Персіи и др. Русскій портъ на Персидскомъ заливѣ и будетъ естественнымъ конечнымъ пунктомъ желѣзной дороги, которая перерѣжетъ Персію съ сѣвера на югъ. Затѣмъ авторъ пропагандируетъ идею англо-русскаго соглашенія, мирной совмѣстной цивилизаторской дѣятельности среди азіатскихъ племенъ, и заявляетъ, что многіе почтенные политическіе и общественные дѣятели Англіи идутъ навстрѣчу этому сближенію.

Г-нъ *М. Ростовцевъ* («Капитализмъ и народное хозяйство въ древнемъ мірѣ») возражаетъ противъ довольно распространеннаго заблужденія—находить въ экономическомъ строѣ всего древняго міра лишь одну примитивную форму натуральнаго или домоваго хозяйства, между тѣмъ какъ внимательное изслѣдованіе открываетъ тамъ сложный и своеобразный процессъ развитія, дающій

широкія и поучительныя аналогіи съ современностью. Для доказательства авторъ приводитъ храктеристику трехъ стадій экономическаго развитія древности, или, вѣрнѣе, трехъ типовъ хозяйства. Самымъ яркимъ выразителемъ эллинистическаго хозяйственнаго строя можно считать Египетъ во времена Птолемеевъ. Тамъ мы находимъ, съ одной стороны, чрезвычайно развитую финансовую администрацію и замѣчательно разработанную организацію обложенія, съ другой—богатую промышленную культуру и оживленныя торговыя сношенія даже съ отдаленными рынками Индіи и Европы. Основой экономической жизни было земледѣліе, но оно держалось не рабскимъ трудомъ, а мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ, частію крестьянъ-собственниковъ, частію арендаторовъ. Этотъ складъ экономической жизни ближе всего подходитъ къ типу *народнаго хозяйства*, а никакъ не домоваго. Вторымъ фазисомъ экономическаго развитія древности можетъ служить Римъ республиканскаго періода. Особенности хозяйственнаго строя опредѣлялись въ Римѣ, главнымъ образомъ, превращеніемъ города съ его городскими учрежденіями въ обширное государство; отношеніе центра къ окраинамъ состояло въ эксплоатаціи ихъ: провинціи жили и работали для центра, который поглощалъ продукты ихъ дѣятельности. На такой почвѣ создалась своеобразная форма римскаго капитализма. Первые шаги развитія капитализма выразились въ подавленіи мелкой собственности и образованіи крупныхъ хозяйствъ. Эти хозяйства велись съ помощью рабскаго труда и потому, несмотря на капиталистическій характеръ, сохраняли всѣ черты домоваго хозяйства, именно: каждое имѣніе, занимавшееся земледѣліемъ или скотоводствомъ, удовлетворяло всѣ свои потребности собственными силами. Понятно, что такой способъ хозяйничанья, именно капиталистическая эксплоатація рабскаго труда вмѣстѣ съ обѣднѣніемъ средняго класса — не давали развиваться промышленности и ремесламъ. Какимъ же путемъ создавались въ Римѣ капиталы? Путемъ откупной системы. Какъ извѣстно, откупщики обязывались внести извѣстную сумму денегъ въ казну и взамѣнъ этого получали право въ свою пользу собирать государственные налоги. Откупныя операціи требовали большихъ наличныхъ суммъ; ради этого прибѣгали къ ассоціаціямъ, акціонернымъ обществамъ; такъ создаются большіе капиталы, зарождается спекуляція, биржевая игра, кредитныя операціи. Но этотъ капиталъ не получалъ производительнаго помѣщенія, онъ не оживлялъ промышленности, онъ пользовался производительностью провинцій, но не поддерживалъ, а губилъ ее. Такъ, быстро падаетъ хозяйство эллинистическихъ монархій, достигшее въ предыдущій періодъ, какъ мы видѣли, значительнаго благосостоянія. Третья стадія экономическаго развитія открывается съ водворенія имперіи въ Римѣ. Начинается процессъ объединенія разрозненныхъ частей государства. Немедленно полагается конецъ спекуляціи, такъ какъ государство беретъ въ свои руки взиманіе налоговъ; затѣмъ императоръ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ обширныя пространства земли, въ ущербъ крупнымъ частнымъ собственникамъ, наконецъ, рабскій трудъ замѣняется мелкой арендой: въ этомъ мы видимъ возвращеніе къ эллинистической хозяйственной формѣ. Параллельно съ этимъ прогрессируютъ промыслы и торговля. Всѣ эти экономическія явленія можно объединить развѣ терминомъ «міровое хозяйство», но опять-таки не домоваго. Но въ IV в. происходитъ быстрый упадокъ, прогрессивныя теченія замираютъ и древній міръ опять спускается къ элементарному экономическому типу—натуральнаго или домоваго хозяйства. Въ предѣлахъ этой схемы статья даетъ много интересныхъ деталей и любопытныхъ сближеній съ экономической исторіей Европы.

«Вѣстникъ Европы», апрѣль. Въ статьѣ «Колонизація Кавказа» г. И. Ивановичъ указываетъ недостатки теперешняго способа заселенія Кавказа и даетъ планъ новой организаціи переселенческаго дѣла. Переселенческое движеніе на

Кавказъ долгое время носило стихійный характеръ: побуждаемые нуждою, крестьяне шли туда, гдѣ находили свободныя земли, не зная мѣстныхъ условій жизни. Вслѣдствіе этого, они массами гибли отъ маляріи. Мѣропріятія правительства, желавшаго упорядочить заселеніе Кавказа (Положеніе 1866 г.), носятъ черезчуръ канцелярскій характеръ. Цѣлью было поставлено разведеніе высшихъ культуръ, а интересы переселенцевъ совсѣмъ не были приняты во вниманіе, именно, мѣстность не была изучена ни со стороны опасности отъ маляріи, ни со стороны пригодности ея для обработки. Съ другой стороны, русскимъ крестьянамъ, знакомымъ только съ хлѣбопашествомъ, приходилось заниматься виноградарствомъ и садоводствомъ, притомъ, безъ необходимыхъ для того денежныхъ средствъ. Въ результатѣ оказалось запустѣніе плодородныхъ участковъ, почти поголовное вымираніе многихъ русскихъ поселковъ и бѣгство остальныхъ изъ гибельнаго края. Два года тому назадъ за веденіе переселенческаго дѣла взялось «Закавказское Общество воспомоществованія русскимъ переселенцамъ», но это Общество совсѣмъ не воспользовалось поучительными уроками прежнихъ неудачъ, а принялось за дѣло съ тою же бюрократическою тактикою, притомъ оно выставило впередъ знамя «патріотизма», т. е. покровительства только русскимъ переселенцамъ въ ущербъ инородцамъ. Задачу свою Общество очень упростило: узнать, гдѣ есть свободныя мѣста, и заселить ихъ какъ можно скорѣе русскими, чтобы ихъ только не заняли армяне. Въ изслѣдованіи земель нѣтъ никакой надобности: если окажется, что земли негодны, и переселенцы уйдутъ обратно на родину или перемрутъ отъ маляріи, — не бѣда, найдутся новые переселенцы, лишь бы торжествовала идея обрусѣнія Кавказа! Сообразно съ такими разсужденіями, Общество избрало для заселенія наиболѣе малярійныя мѣстности, даже не справившись объ ихъ «убійственномъ климатѣ»; поселенные тамъ колонисты «почти всѣ» переболѣли маляріей, многіе умерли, а большинство изъ оставшихся въ живыхъ разбрелось. Вопреки такому печальному опыту, Общество не внесло никакихъ поправокъ въ свою дѣятельность и ведетъ ее по прежнему. Раціональный планъ колонизаціи Кавказа долженъ основываться: 1) на точномъ опредѣленіи свободныхъ земель и раздѣленіи ихъ на категоріи для разнаго рода культуръ; 2) на врачебномъ изслѣдованіи этихъ земель—распредѣленіи ихъ по степени опасности для жизни, вслѣдствіе малярійной заразы; 3) на экономическомъ изученіи быта мѣстнаго крестьянства; изъ свободныхъ земель должно быть, прежде всего, удовлетворено мѣстное малоземельное населеніе, и лишь оставшійся излишекъ предоставленъ переселенцамъ. Затѣмъ, подробныя описанія земель должны быть разосланы въ русскія деревни, чтобы крестьяне могли съ ними ознакомиться. Чтобы помочь переселенцамъ въ пути, должны быть устроены этапные пункты, и на мѣстѣ должны быть особые руководители, которые бы ввели крестьянина въ новую обстановку. Такой планъ не можетъ быть выполненъ бюрократическимъ органомъ, единственно компетентнымъ учрежденіемъ въ данномъ случаѣ можетъ быть только земство, а между тѣмъ на ходатайства тифлисскаго и кутаисскаго дворянства о введеніи земскихъ учрежденій на Кавказѣ до сихъ поръ еще не послѣдовало отвѣта.

Во «Внутреннемъ Обозрѣніи» разсматривается новый проектъ, замѣнившій въ правительственныхъ сферахъ прежній проектъ фиксированія земскихъ расходовъ,—именно введеніе *градаціи роста* земскихъ бюджетовъ: предполагается допускать увеличеніе ихъ въ размѣрѣ не болѣе 5% въ годъ. Хотя эта мѣра менѣе стѣсняетъ развитіе земскаго хозяйства, чѣмъ фиксація смѣтъ, но все-таки вноситъ серьезныя неудобства. Земскіе бюджеты не могутъ прогрессировать съ такою правильною постепенностью: имъ приходится отзываться на бѣдствія, постигшія населеніе и требующія немедленнаго расширенія смѣты; далѣе организація какого-нибудь новаго дѣла (напр. по санитарной части) или какая-

нибудь постройка (напр., больница) требуютъ значительной растяжимости земской кассы,—всѣ такого рода чрезвычайныя и необходимыя затраты не могутъ быть удовлетворены 5-типроцентнымъ повышеніемъ бюджета. Авторъ высказываетъ надежду, что до окончанія оцѣнки недвижимыхъ имуществъ въ земскомъ хозяйствѣ не будетъ введено никакихъ перемѣнъ, а затѣмъ будетъ установлена предѣльность обложенія недвижимости съ правомъ расширять земскіе доходы съ другихъ источниковъ.

За границей.

Событія французской жизни. Парижъ до такой степени поглощенъ выставкой, что все остальное отходитъ теперь на задній планъ. Между тѣмъ, за послѣднее время произошли все-таки нѣкоторыя событія, которыя при обычномъ теченіи вещей непремѣнно вызвали бы толки во французской печати. Такъ, утверждено судомъ завѣщаніе Гонкура, благодаря чему Парижъ долженъ обогатиться теперь новымъ учрежденіемъ — свободною академіей, которая будетъ существовать наряду со спеціальною французскою академіей и, слѣдовательно, составитъ ей конкуренцію. Выполненіе воли покойнаго писателя встрѣтило, однако, много препятствій и одно время можно было думать, что академіи Гонкуровъ не суждено увидѣть свѣта. Прежде всего, сумма, вырученная отъ продажи художественныхъ коллекцій Гонкура, оказалась ниже той, на которую разсчитывалъ покойный писатель, цѣнившій ихъ, повидимому, слишкомъ дорого, а затѣмъ возникъ процессъ, завѣщаніе подверглось оспариванію и лишь благодаря искусству адвоката Пуанкаре, бывшаго министра, всѣ подводные камни были обойдены и мечта Гонкура находится уже на пути къ своему осуществленію.

Покойный Гонкуръ опредѣлилъ въ своемъ завѣщаніи, что въ его «свободную академію» должны войти десять человѣкъ; изъ нихъ восемь онъ указалъ самъ. Это были: Альфонсъ Додэ, Октавъ Мирбо, Леонъ Генникъ, Густавъ Жоффруа, Гюисмансъ, Поль Маргеритъ и оба брата Рони. Такъ какъ Альфонсъ Додэ умеръ, приходится выбирать еще одного академика на его мѣсто. На дняхъ семеро членовъ «свободной академіи» собрались для этихъ выборовъ и, какъ сообщаютъ французскія газеты, были выбраны слѣдующія лица: Эннмиръ Буржъ, малоизвѣстный, но пользующійся большимъ уваженіемъ въ тѣсныхъ литературныхъ кружкахъ писатель, Люсьенъ Декавъ и Леонъ Додэ. Конечно, если-бъ Эмиль Золя представилъ свою кандидатуру въ эту свободную академію, то онъ былъ бы выбранъ непремѣнно, но онъ хочетъ оставаться вѣчнымъ кандидатомъ академіи Ришелье, а по духу завѣщанія Гонкура это несовмѣстимо съ званіемъ члена свободной академіи. Никто изъ имѣющихъ какое-либо прикосновеніе къ оффиціальному учрежденію не можетъ быть выбранъ членомъ свободной академіи. Члены этой академіи будутъ получать пока по 2.000 фр. въ годъ, а затѣмъ, когда завѣщаніе будетъ реализовано—по шести тысячъ. Теперь остается только установить порядки и программу работъ новой академіи, что будетъ сдѣлано уже послѣ выставки, которая въ данный моментъ поглощаетъ всеобщее вниманіе.

Въ соціальномъ музеѣ въ Парижѣ докторъ Манувріе прочелъ интересную публичную лекцію, посвященную женскому вопросу. Женское движеніе не пользуется особеннымъ сочувствіемъ французскаго буржуазнаго общества и, несмотря на то, что доступъ на всѣ факультеты, за исключеніемъ богословскаго, давно открытъ для женщинъ, сравнительно очень небольшой процентъ француженокъ воспользовался этою доступностью высшаго образованія. Докторъ Манувріе, разбирая вопросъ о томъ, нужно ли женщинамъ высшее образованіе, доказываетъ, что оно нужно именно для того, чтобы поднять умствен-

ный уровень мужчинъ. «Каждый юноша, сказалъ онъ, въ извѣстномъ возрастѣ инстинктивно стремится къ тому, чтобы нравиться женщинамъ, и потому, чтобы повысить его нравственный и умственный уровень, необходимо, прежде всего, повысить тѣ нравственныя требованія, которыя предъявляетъ женщина мужчинѣ. Только именно образованная и развитая женщина можетъ содѣйствовать возвышенію мужчины въ интеллектуальномъ отношеніи, такъ какъ выборъ ея падаетъ только на такого мужчину, который будетъ наиболѣе приближаться къ ея возвышенному идеалу»...

Итакъ, женщины должны учиться для того, чтобы мужчины стали умнѣе и нравственнѣе—таково главное положеніе, которое вытекаетъ изъ лекціи доктора Манувріе, имѣвшей громадный успѣхъ. Манувріе, впрочемъ, въ данномъ случаѣ сталъ на вѣрную точку зрѣнія, желая внушить французскому буржуазному обществу сознаніе необходимости высшаго женскаго образованія. Онъ старался доказать своей аудиторіи, что женщина представляетъ «колоссальную силу» (force colossale) въ соціальномъ отношеніи и что прогрессъ современнаго общества въ значительной мѣрѣ будетъ зависѣть отъ прогресса женщины. Общество, слѣдовательно, должно заботиться объ интеллектуальномъ развитіи женщины, такъ какъ въ этомъ заключается залогъ его собственныхъ дальнѣйшихъ успѣховъ.

Многочисленная публика, носящая, впрочемъ, совершенно иной характеръ, чѣмъ та, которая наполнила залу соціальнаго музея на лекціи Манувріе, собралась на дняхъ въ залѣ народнаго университета 1-го и 2-го округа въ Парижѣ на торжественное засѣданіе, открывающее дѣятельность этого университета. На собраніи предсѣдательствовалъ Анатоль Франсъ, рядомъ съ которымъ помѣстились Жоресъ и Аллеманъ. Въ своей вступительной рѣчи Анатоль Франсъ опредѣлилъ въ общихъ чертахъ кругъ дѣятельности народныхъ университетовъ и ту громадную пользу, которую они приносятъ обществу, разсѣевая мракъ и уничтожая предразсудки, порожденные невѣжествомъ. «Вслѣдствіе невѣжества, самые честные люди становятся иногда преступными изъ чувства долга, сказалъ онъ. Въ исторіи религіи мы встрѣчаемъ безчисленные примѣры, подтверждающіе это: человѣческія жертвоприношенія, религіозныя преслѣдованія. костры, пытки, всевозможныя притѣсненія и т. п. Всѣ тѣ бѣдствія, которыя обрушивались на несчастное человѣчество, начиная отъ самыхъ отдаленныхъ временъ вплоть до нашего времени, были большею частью результатомъ ложныхъ толкованій явленій природы, заложенныхъ въ основу какой-нибудь теологической доктрины. Дурная физика производитъ дурную нравственность (une mauvaise physique produit une mauvaise morale) и по этой причинѣ въ теченіе вѣковъ человѣческія поколѣнія рождались и умирали въ безднѣ страданій и отчаянія. Народы въ теченіе долгихъ временъ были порабощены страхомъ передъ тѣми призраками, которые они сами себѣ создали».

Въ заключеніе своей рѣчи Анатоль Франсъ поздравилъ рабочихъ 1-го и 2-го округа съ открытіемъ народнаго университета, въ устройствѣ котораго они сами принимали дѣятельное участіе.

Послѣ Анатоля Франса говорилъ Жоресъ и Аллеманъ и еще нѣсколько другихъ ораторовъ, а затѣмъ была исполнена артистическая программа вечера, въ которой приняли участіе нѣкоторыя изъ выдающихся французскихъ артистовъ и артистокъ. Программа занятій въ народномъ университетѣ уже составлена, и чтеніе лекцій началось на слѣдующій день послѣ его открытія. Число членовъ этого университета возрастаетъ ежедневно.

Пьеса Альфонса Додэ въ американскомъ судѣ. Недавно одна англійская актриса миссъ Нетерсоль, гастролирующая въ Нью-Іоркѣ, вызвала сильное

волненіе въ американскомъ обществѣ и печати, поставивъ на сценѣ нью-іоркскаго театра пьесу «Сафо», передѣланную изъ романа Альфонса Доде того же имени. Конечно, передъ представленіемъ этой пьесы были пущены въ ходъ, какъ это водится, самыя широковѣщательныя рекламы, и театръ былъ переполненъ публикой, но миссъ Нетерсоль не пришлось слишкомъ радоваться этому успѣху. За три недѣли до представленія «Сафо» въ нью-іоркской газетѣ «Journal» появилась замѣтка, въ которой было вскользь сказано, что полиціи слѣдовало бы обратить вниманіе на молоденькую актрису миссъ Нетерсоль, которой «вздумалось изображать на подмосткахъ погибшую женщину». Однако, эта замѣтка не испугала актрису; «Сафо» была поставлена на сцену и, казалось, публика съ удовольствіемъ смотрѣла пьесу. Но тотчасъ же послѣ этого началась ожесточенная полемика въ печати. Глава драматическихъ критиковъ Нью-Іорка Вильямъ Уинтеръ объявилъ, что не станетъ пачкать страницъ газеты печатаніемъ отчета о такой безнравственной пьесѣ, пропитанной насквозь самой нездоровой сентиментальностью. Полиція еще разъ приглашалась обратить вниманіе на это дѣло, но, несмотря на настойчивыя приглашенія такихъ распространенныхъ газетъ, какъ «Tribune», «World» и «Journal» (представителей такъ называемой «желтой прессы»), полиція не сочла возможнымъ сдѣлать это, и «Сафо» въ теченіе двухъ недѣль не сходила со сцены. Ожесточенная полемика, громоносныя статьи нью-іоркскихъ газетъ естественно возбудили интересъ къ пьесѣ. Каждый хотѣлъ самъ составить себѣ мнѣніе о пьесѣ и отправлялся въ театръ, чтобы посмотрѣть ее. Миссъ Нетерсоль и ея компаньоны могли только радоваться шуму, возбужденному печатью около этой пьесы, такъ какъ благодаря этому театръ никогда не бывалъ пустъ. Однако, дѣло скоро приняло другой оборотъ. Газеты перемѣнили тактику; вмѣсто громоносныхъ статей, они мобилизовали всю армію своихъ репортеровъ и отправили ихъ по всѣмъ учителямъ, профессорамъ, адвокатамъ, пасторамъ и раввинамъ Нью-Іорка съ порученіемъ получить отъ нихъ, за ихъ подписью, отзывъ о пьесѣ Доде. Но этого мало. Редакціи этихъ газетъ разослали массу даровыхъ билетовъ на представленіе этой пьесы разнымъ уважаемымъ лицамъ города, дамамъ, принадлежащимъ къ разнаго рода религіознымъ и научнымъ ассоціаціямъ, членамъ химическихъ обществъ и т. п. съ просьбою посѣтить спектакль и затѣмъ высказать свое мнѣніе объ этой пьесѣ съ точки зрѣнія нравственности. Такимъ образомъ, въ нѣсколько дней было собрано болѣе тысячи отзывовъ о пьесѣ. Такая же агитація велась и въ другихъ большихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ и въ Филадельфіи. Одинъ судья даже приговорилъ къ тюремному заключенію на полгода «за оскорбленіе общественной нравственности» книгопродавца, выставившаго въ витринѣ своего магазина инкриминированную пьесу. Тогда газета «World», рѣшивъ, что наступилъ моментъ, чтобы нанести окончательный ударъ, представила форменную жалобу въ судъ, и вотъ судьи закопошились. Владѣлецъ театра, импрессаріо, миссъ Нетерсоль и актеръ Ревелль, игравшій главную роль въ пьесѣ, получили повѣстки въ судъ. Дѣло тянулось почти мѣсяцъ и, наконецъ, жюри изъ 23 гражданъ Нью-Іорка, во главѣ со своимъ президентомъ, однимъ крупнымъ издателемъ, объявили, что разсмотрѣніе этого дѣла должно быть передано въ компетентный трибуналъ. Въ своемъ постановленіи почтенные граждане Нью-Іорка не поскупились насчетъ разныхъ нелестныхъ эпитетовъ, высказанныхъ ими по адресу пьесы. Когда на судѣ адвокатъ подсудимыхъ съ негодованіемъ указалъ предсѣдателю на это обиліе ругательныхъ эпитетовъ, то этотъ послѣдній совершенно серьезно замѣтилъ: «Что-жъ! Это только доказываетъ, что лицо, редактировавшее это постановленіе, обладаетъ богатымъ запасомъ словъ».

Наконецъ 3-го апрѣля (дѣло возникло 21-го февраля), началось его разбирательство въ судѣ присяжныхъ, которымъ надлежало въ данномъ случаѣ рѣ-

шить: было тутъ или нѣтъ «оскорбленіе добрыхъ нравовъ», въ чемъ обвинялись импрессаріо и актеры, игравшіе «Сафо». Первое засѣданіе было исключительно посвящено выбору присяжныхъ и на это ушло больше четырехъ часовъ. Во время предварительнаго опроса приглашенныхъ въ судъ гражданъ, изъ которыхъ надлежало выбрать присяжныхъ, адвокаты обвинителей старались удостовѣриться, были ли выбраны для произнесенія рѣшенія почтенные отцы семейства, а адвокаты подсудимыхъ интересовались узнать были ли это люди настолько образованные и независимые, чтобы имѣть свое собственное сужденіе о пьесѣ, а не то, которое имъ внушаютъ газеты. По окончаніи этой церемоніи начались пренія, но они, къ счастью, затянулись не долго. Обвиненіе выставило двухъ свидѣтелей,—первый свидѣтель, почтенный человѣкъ, съ краскою стыда на лицѣ, разсказалъ, что онъ видѣлъ и испыталъ въ театрѣ на представленіи безнравственной пьесы. Съ негодованіемъ онъ описалъ первый актъ, греческій костюмъ Сафо, ея «кошачью грацію»...

— Never Mind! (нужды нѣтъ)—воскликнулъ предсѣдатель, прерывая свидѣтеля.—Оставьте «кошачью грацію». Намъ нужны факты, а не оцѣнка...

Тогда свидѣтель весьма картинно описалъ, какъ герой пьесы несъ Жанну по лѣстницѣ.

— Ну, какъ же вы хотите, чтобы онъ несъ ее иначе? — замѣтилъ ему предсѣдатель.

Второй свидѣтель, репортеръ газеты «World», цитировалъ цѣлыя выдержки изъ пьесы, описывалъ ее постановку и игру актеровъ такимъ образнымъ языкомъ, словно онъ готовилъ отчетъ для своей газеты. Предсѣдатель нѣсколько разъ останавливалъ его замѣчаніями: «не заботьтесь объ интонаціяхъ. Старайтесь быть безпристрастными». Наконецъ, наступила очередь адвокатовъ. Предсѣдатель заявилъ имъ, что ни одинъ изъ нихъ не долженъ говорить больше часа. Адвокаты обѣихъ сторонъ изощрялись въ краснорѣчіи; одни метали громы на обвиняемыхъ, обращаясь къ присяжнымъ и спрашивая ихъ, хотятъ ли они, чтобы ихъ жены, дочери и «Sweethearts» (любовницы), насыщали свои души подобными безнравственными зрѣлищами, другіе доказывали, что пьеса добродѣтельна съ начала до конца, а актриса, игравшая главную роль Франки Лежанъ—образецъ чистоты и нравственности. Конечно, почтенные отцы семействъ, присяжные, которымъ надлежало рѣшить столь сложный вопросъ, находились въ очень трудномъ положеніи, но ихъ выручилъ предсѣдатель. Въ своемъ заключительномъ словѣ, въ которомъ резюмировалъ дебаты, онъ сказалъ обращаясь къ нимъ: «забудьте, что вамъ говорили адвокаты. Не обращайте вниманія на ихъ реторику. Вы тутъ находитесь ради интересовъ правосудія, а вовсе не въ интересахъ какой-нибудь редакціи или общества». Затѣмъ поставивъ на видъ присяжнымъ, что во всѣхъ литературахъ, начиная отъ древней классической до современной, существуютъ произведенія, которыя заключаютъ въ себѣ гораздо больше намековъ и рискованныхъ положеній, нежели сколько ихъ можно найти въ Додэ, предсѣдатель постарался разъяснить присяжнымъ, что собственно слѣдуетъ понимать подъ словомъ «безнравственная литература», и когда онъ кончилъ, миссъ Нетерсоль вздохнула свободно; она поняла, что дѣло ея выиграно.

Какъ и слѣдовало ожидать послѣ искусной и разумной рѣчи предсѣдателя, присяжные вынесли оправдательный приговоръ, и миссъ Нетерсоль въ сопровожденіи своихъ товарищей съ торжествующимъ видомъ вышла изъ суда. Съ этого дня представленія «Сафо» возобновились, но театръ мало-по-малу сталъ пустѣть. Интересъ публики къ этой пьесѣ теперь уже истощился, и вѣроятно она скоро сойдетъ съ репертуара, несмотря на громкій шумъ, возбужденный процессомъ.

---

*

Изъ области женскаго движенія. Англичане преслѣдуютъ свою политику «открытыхъ дверей» (Opendoor pobèy) не только въ области промышленныхъ и международныхъ сношеній, но и у себя дома, допуская женщину, какъ конкурента, во всѣ области экономической жизни. Въ то время какъ въ другихъ странахъ женщина наталкивается на всевозможныя препятствія, въ Англіи она встрѣчаетъ почти вездѣ «открытыя двери». За исключеніемъ юридической и духовной профессіи, англичанкамъ доступны всѣ роды занятій. Въ послѣднее время особенно увеличилось число фабричныхъ, промышленныхъ и санитарныхъ инспекторовъ женщинъ и дѣятельность ихъ признается очень плодотворной. Школьные испектора женщины получаютъ содержанія отъ 250 до 300 ф. стерлинговъ и, кромѣ того, проѣздные расходы. Фабричные инспектора также хорошо обставлены въ этомъ отношеніи. Недавно совѣтъ лондонскаго графства (County Council) сдѣлалъ еще одинъ шагъ въ этомъ направленіи, назначивъ трехъ женщинъ торговыми инспекторами. Это такой же опытъ, какой былъ сдѣланъ въ 1891 году, когда была назначена коммиссія изъ четырехъ женщинъ, которымъ было поручено изучить положеніе работницъ въ Англіи. Представленный ими докладъ былъ признанъ образцовымъ и тотчасъ же послѣ того одна изъ нихъ, миссъ Клара Коллетъ, была приглашена въ министерство на постоянное мѣсто «корреспондента труда» (Labour Correspondent), для обработки статистическихъ матеріаловъ въ области женскаго труда. Такимъ образомъ женщина занимаетъ теперь оффиціальное мѣсто въ министерствѣ, наравнѣ съ чиновниками мужского пола. Миссъ Коллетъ получаетъ жалованья 400 фунтовъ въ годъ. Различныя городскія должности также теперь заняты женщинами. Вообще женскій трудъ въ Англіи мало-по-малу завоевалъ себѣ обширную область. Въ почтовомъ и телеграфномъ вѣдомствѣ въ Лондонѣ, Эдинбургѣ и Дублинѣ находятся на службѣ 4.000 женщинъ. Женщины почтальоны, въ въ особенности въ сельскихъ округахъ, составляютъ далеко не рѣдкое явленіе.

Огромное число женщинъ работаетъ на педагогическомъ поприщѣ. Лондонскій университетъ, командирующій экзаменаціонныя коммиссіи въ различныя части государства, часто назначаетъ экзаменаторами женщинъ. Число студентокъ ежегодно возрастаетъ во всѣхъ университетахъ и за исключеніемъ тѣхъ, которыя слушали лекціи не съ цѣлью выбрать впослѣдствіи какую нибудь профессію, а лишь для того чтобы получить высшіе образованіе, всѣ же остальныя по окончаніи курса поступаютъ на различныя государственныя и городскія должности или выбираютъ либеральныя профессій. Число женщинъ—врачей также ежегодно возрастаетъ. Многія изъ женщинъ—врачей зарабатываютъ практикой до 2.000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, а женскій госпиталь, такъ называемый «Now Hospital», въ которомъ исключительно работаютъ женщины-врачи, пользуется въ Лондонѣ очень хорошею репутаціей. Много женщинъ-врачей отправляются въ Индію, Китай и южную Америку, а также въ другія британскія колоніи. Для занятій медицинскою профессіей женщинамъ въ Англіи не воздвигается ровно никакихъ препятствій, но курьезно то, что въ силу англійскихъ законовъ, отмѣнить которые можетъ только парламентское постановленіе, женщины не могутъ быть ветеринарными врачами и не имѣютъ права быть членами королевской коллегіи ветеринарныхъ врачей, такъ какъ этого не допускаютъ статуты коллегій.

Кромѣ всѣхъ вышеназванныхъ профессій, которыя давно уже не составляютъ исключительнаго достоянія мужчинъ, нѣкоторыя изъ женщинъ въ Англіи зарекомендовали себя на совершенно новыхъ поприщахъ. Недавно общество химиковъ избрало своимъ членомъ мистриссъ Ловибондъ, которая состоитъ директоромъ пивовареннаго завода. Не мало женщинъ въ Англіи стоятъ во главѣ разныхъ промышленныхъ учрежденій и акціонерныхъ обществъ, а также банкирскихъ конторъ.

Знаменитый Кукъ организаторъ путешествій, также нашелъ довольно серьезнаго конкурента въ лицѣ мистриссъ Гуперъ, устроившей «бюро путешествій» въ Лондонѣ (Strand. W. C.). Бюро мало-по малу пріобрѣтаетъ клiентовъ, въ особенности среди женщинъ, и дѣла его процвѣтаютъ. Въ области сельскаго хозяйства и садоводства дѣятельность женщинъ получаетъ обширное примѣненіе. Въ королевскихъ садахъ въ Кью и въ ботаническихъ садахъ въ Дублинѣ и Эдинбургѣ служатъ женщины садовницы наравнѣ съ мужчинами. На сельскохозяйственныхъ выставкахъ женщины очень часто бываютъ экспонентами и это доказываетъ, что и въ области сельскаго хозяйства онѣ занимаютъ уже достаточно видное мѣсто.

Изъ этого краткаго очерка можно видѣть, что область дѣятельности женщинъ въ Англіи расширяется съ каждымъ годомъ. Число «пишущихъ женщинъ» насчитываютъ уже тысячами. Разумѣется, успѣхъ женщинъ въ литературной профессіи далеко неодинаковъ и заработокъ нѣкоторыхъ очень скроменъ, но зато писательницы, уже пользующіяся извѣстностью, получаютъ огромныя деньги. Напримѣръ, мисиссъ Гемфри Уордъ за свой послѣдній романъ «Гельбекъ изъ Банниздля» получила 14.000 ф. стерлинговъ. Женщинъ работающихъ въ журналистикѣ очень много. Нѣкоторыя изъ нихъ исполняютъ даже обязанности военныхъ и политическихъ корреспондентовъ. Въ настоящее время въ южной Африкѣ находятся двѣ военныя корреспондентки миссъ Флора Шоу, посланная газетою «Times», и леди Сара Вильсонъ, заключенная вмѣстѣ съ другими въ осажденномъ городѣ Мафкингѣ.

Женщины работницы въ Англіи состоятъ членами различныхъ рабочихъ союзовъ. Изъ отчета, опубликованнаго англійскими рабочими союзами (Trade Unions) за 1898 г., видно, что изъ 16.444.591 членовъ этихъ союзовъ 116.016 работницы. Эти союзы выдаютъ ежегодно большія суммы на поддержку рабочихъ и работницъ во время забастовокъ, на помощь безработнымъ (unemployed), больнымъ, увѣчнымъ и т. д.

Въ Лондонѣ недавно образовалось женское международное общество садоводства и сельскаго хозяйства, имѣющее цѣлью расширить дѣятельность женщинъ въ этой области. Насколько, вообще, въ Англіи женщины интересуются сельскохозяйственнымъ образованіемъ, это доказываетъ успѣхъ женской сельскохозяйственной ассоціаціи, основанной леди Варвикъ въ прошломъ году. По иниціативѣ леди Варвикъ, въ Ридингѣ устроены опытныя фермы, огороды и сады для изученія садоводства, огородничества, молочнаго хозяйства и т. п. и общежитія для интеллигентныхъ женщинъ, желающихъ пріобрѣсти познаніе въ этой области. Теоретическіе курсы сельскаго хозяйства читаются въ сельскохозяйственной коллегіи, и желающіе могутъ посѣщать ихъ. Уставъ этого учрежденія превзошелъ ожиданія его основательницы, такъ что, очевидно, леди Варвикъ угадала насущную потребность общества.

По этому краткому обзору можно судить, что Англія стоитъ во главѣ другихъ странъ въ области женскаго движенія. Второе мѣсто занимаетъ теперь Германія, но и тамъ женщинамъ уже не приходится бороться съ закоренѣлыми предразсудками нѣмецкаго бюргерскаго строя, который по-немногу примиряется съ исчезновеніемъ стараго типа «Hausfrau».

На дальнемъ, востокѣ, въ Японіи женщины также начинаютъ мало-по-малу завоевывать себѣ мѣсто. Въ Токіо онѣ уже принимаются на службу въ желѣзнодорожное, почтовое и телефонное вѣдомство. Для восточной страны это большой шагъ впередъ.

Лондонскій союзъ помощи работницамъ. Изъ числа всевозможныхъ союзовъ и ассоціацій, существующихъ въ Лондонѣ и имѣющихъ цѣлью облегченіе участи рабочихъ классовъ, выдѣляется въ послѣднее время своею дѣятельностью общество

помощи молодымъ работницамъ (Young Womens Help Society). Учредители и учредительницы этого союза, исходя изъ этого убѣжденія, что человѣческое участіе и заботливость гораздо больше могутъ принести пользы, нежели простая благотворительность деньгами, организовали помощь работницамъ совершенно на иныхъ основаніяхъ. Жизнь фабричныхъ работницъ, обитающихъ въ темныхъ и грязныхъ закоулкахъ многолюднаго рабочаго квартала, безъ сомнѣнія, очень тяжела, и новый союзъ поставилъ себѣ цѣлью, насколько возможно, красить ее. Но для того, чтобы помощь, оказываемая работницамъ въ этомъ направленіи, не носила характера благотворительности, союзъ устроилъ для работницъ такъ называемый «вечерній клубъ», куда онѣ могутъ поступить членами, внеся только 4 пенса, и гдѣ онѣ находятъ все то, чего онѣ лишены дома: просторное и уютное помѣщеніе, здоровую пищу по очень дешевой цѣнѣ и прекрасную читальню.

Союзъ пріобрѣлъ для устройства этого клуба два дома въ самомъ центрѣ рабочаго квартала и приспособилъ помѣщеніе для той цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду. Въ верхнемъ этажѣ устроены чистенькія и удобныя спальни, которыя сдаются за очень дешевую цѣну не имѣющимъ занятій или пріѣзжимъ въ Лондонъ изъ провинцій молодымъ дѣвушкамъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается собственно клубъ: залы для собраній, читальня, буфетъ, уборныя и т. п. Каждую среду организуется «большое собраніе». Большинство посѣтительницъ клуба—самыя обыкновенныя фабричныя работницы; онѣ приходятъ въ клубъ прямо изъ своихъ мастерскихъ и часто носятъ на себѣ слѣды своей фабричной работы. Поэтому, каждая изъ нихъ прежде всего отправляется въ уборную клуба, гдѣ приводитъ себя въ приличный видъ, смывая и вычищая внѣшніе слѣды своихъ занятій; приличная внѣшность ставится непремѣннымъ условіемъ, и работницы соблюдаютъ это условіе самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Но этого мало: всѣмъ членамъ клуба вмѣняется въ обязанность не только приличная внѣшность, но и приличное обращеніе и не допускаются ни грубыя выходки, ни грубыя выраженія, и молодыя дѣвушки, члены клуба, сами слѣдятъ за тѣмъ, чтобы правило это не нарушалось. Одинъ нѣмецкій журналистъ, сотрудникъ газеты «Berlines Tageblatt», посѣтившій этотъ клубъ, разсказываетъ, что все, что онъ видѣлъ, произвело на него необыкновенно пріятное впечатлѣніе. Въ клубѣ въ этотъ вечеръ собралось около 50-ти работницъ Тутъ были представительницы всевозможныхъ профессій. Многія имѣли очень изнуренный, болѣзненный видъ и почти всѣ были очень бѣдно одѣты. Заработная плата работницъ въ среднемъ очень низка, хотя отъ нихъ требуется много труда. Въ самомъ плохомъ положеніи относительно заработка находятся работницы на папиросной фабрикѣ, а также тѣ, которыя занимаются приготовленіемъ спичечныхъ коробокъ.

Изъ разговора со всѣми этими работницами нѣмецкій журналистъ вынесъ впечатлѣніе, что клубъ дѣйствительно является для нихъ благодѣяніемъ. Усталыя и измученныя тяжелымъ дневнымъ трудомъ, они приходятъ сюда отдыхать и дѣйствительно отдыхаютъ нравственно и физически, проведя нѣсколько часовъ въ здоровой атмосферѣ клуба.

— Вы и представить себѣ не можете,—сказала журналисту одна изъ работницъ, занимающаяся на конфектной фабрикѣ,—какое это счастье: не слышать стука машинъ и не видѣть сладостей! — Бѣдняжка возненавидѣла все сладкое съ тѣхъ поръ, какъ служитъ на конфектной фабрикѣ. Въ клубъ она поступила недавно, но теперь проводитъ тамъ всѣ свои свободные вечера. Въ это короткое время она успѣла прочесть больше книгъ, чѣмъ за цѣлый годъ, такъ какъ дома ей не только негдѣ достать книги, но и сама обстановка не располагаетъ къ чтенію. Въ клубѣ же она пользуется именно тѣмъ, чего у нея дома не хватаетъ, т. е. тишиной, спокойствіемъ и комфортомъ.

Голодъ въ Индіи. Врядъ ли можно себѣ представить болѣе трудное положеніе для страны, чѣмъ то, въ которомъ находится Англія въ настоящее время. Голодъ въ Индіи и война въ южной Африкѣ требуютъ отъ нея громадныхъ затратъ; ей приходится кормить нѣсколько милліоновъ голодающихъ и одновременно вести дорого стоющую войну въ отдаленной части свѣта. Въ то время, когда тысячи людей проливаютъ свою кровь и погибаютъ на полѣ битвы въ южной Африкѣ, въ Индіи столько же гибнетъ отъ голода, и, такимъ образомъ, XIX вѣкъ, гордый своею цивилизаціей, заканчивается среди потоковъ крови и стоновъ голодающихъ.

Въ Индіи голодъ въ этомъ году принялъ почти небывалые размѣры. Послѣдній голодъ былъ въ 1897 г., и теперь онъ повторился въ еще болѣе сильной степени. Продолжительная засуха уничтожила всѣ надежды на урожай, даже въ самыхъ плодородныхъ провинціяхъ Индіи, въ Раджпутанѣ и Декканѣ. Туземцамъ рѣшительно нечего ѣсть и у нихъ нѣтъ денегъ на покупку хлѣба. Надо, впрочемъ, отдать справедливость англійскому правительству, что заранѣе позаботилось о мѣрахъ борьбы съ голодомъ, наступленіе котораго можно было предвидѣть. Запасовъ риса, хлѣба и маиса, доставленныхъ изъ разныхъ частей свѣта, было бы, пожалуй, достаточно, чтобъ прокормить туземное населеніе, еслибъ оно не было разсѣяно на такомъ громадномъ пространствѣ и разстоянія не были бы такъ велики. Англійскій журналистъ Мируиреръ въ своей книгѣ «Поѣздка по голодающимъ округамъ Индіи» рисуетъ страшныя картины голода, которыя приходилось наблюдать въ этой, повидимому, щедро осыпанной дарами природы странѣ. Онъ видѣлъ покинутыя деревни, населеніе которыхъ частью разбрелось, частью же вымерло. По словамъ англійскаго журналиста, населеніе Индіи хронически голодаетъ и давно уже живетъ изо дня въ день. Голодъ постепенно истощаетъ силы туземцевъ и уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они вынуждены довольствоваться такими порціями, отъ которыхъ европеецъ давно бы погибъ. Но у нихъ образуется какъ бы привычка къ голоданію, хотя въ концѣ концовъ это голоданіе сводитъ ихъ въ могилу.

Туземцы умираютъ удивительно спокойно, покоряясь своей участи, и на мертвыхъ можно наткнуться вездѣ. Двое офицеровъ отправились охотиться въ лѣсъ и тамъ нашли умирающую отъ голода женщину и возлѣ нея лежалъ такой же истощенный грудной ребенокъ. Вдоль желѣзныхъ дорогъ постоянно встрѣчаются трупы умершихъ отъ голода, а въ городахъ и деревняхъ полиція не успѣваетъ подбирать умирающихъ и доставлять ихъ въ больницы и пріемные покои. Голодное бѣдствіе, постигшее Индію въ этомъ году, представляетъ еще ту особенность, что оно сопровождается недостаткомъ воды. Вслѣдствіе продолжительнаго бездождія, всѣ источники и рѣчки пересохли и воды уже теперь не хватаетъ. Съ этимъ бѣдствіемъ еще труднѣе будетъ бороться, нежели съ голодомъ, такъ какъ тутъ и деньги ничего помочь не могутъ. Въ одной изъ индійскихъ газетъ уже говорится, что приближаются такія времена, когда правительство можетъ оказаться совершенно безсильнымъ что-нибудь сдѣлать.

Вопросъ этотъ сильно озабочиваетъ англо-индійское правительство и уже вомногихъ мѣстахъ въ пересохшихъ ложахъ рѣкъ роются колодцы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ устраиваютъ артезіанскіе колодцы. Недостатокъ воды уже сказывается гибельнымъ образомъ на домашнихъ животныхъ, также страдающихъ теперь отъ голода, и они погибаютъ цѣлыми массами.

Одинъ изъ медицинскихъ журналовъ, издающихся въ Индіи, сообщаетъ, что у голодающихъ въ Индіи наблюдается слѣдующее любопытное явленіе: на тѣлѣ у нихъ появляется нѣчто въ родѣ пушка, это—«пушокъ голода»; онъ очень тонкій и гладкій, чернаго цвѣта, и когда покроетъ все тѣло, то несчастный голодающій напоминаетъ своимъ видомъ обезьяну. Пушокъ появляется въ послѣдніе періоды голоданія и служитъ очень дурнымъ предвѣстникомъ. Въ Индіи

знаютъ это, и человѣкъ, у котораго появился на тѣлѣ такой пушокъ, считается погибшимъ безвозвратно.

Англійское общество, несмотря на то, что война поглощаетъ не только всѣ средства, но и всеобщее вниманіе, все-таки пришло на помощь голодающимъ индусамъ. Общественная подписка принесла десятки тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и дѣйствительно приходится удивляться рессурсамъ англійскаго народа, рука котораго «не оскудѣваетъ» давать одновременно и на веденіе войны, и на борьбу съ голодомъ въ Индіи.

Эпизодъ изъ современной исторіи Германіи. Разрывъ Бисмарка съ императоромъ Вильгельмомъ представляетъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ интересныхъ эпизодовъ современной исторіи Германіи, но подробности его до сихъ поръ еще не выяснены. Въ Германіи съ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія третьяго тома мемуаровъ Бисмарка, гдѣ должно заключаться описаніе его отставки. Когда выйдетъ этотъ томъ—неизвѣстно, и потому германскій публицистъ Гансъ Блумъ постарался удовлетворить любопытство нѣмецкой публики въ этомъ отношеніи, опубликовавъ свой разговоръ съ Бисмаркомъ о его отставкѣ, происходившій 23-го апрѣля 1893 г.

Бисмаркъ сказалъ, что съ момента вступленія на престолъ Вильгельма II начались между ними разногласія. Вильгельмъ, вопреки совѣтамъ Бисмарка, предпринялъ политическія путешествія въ Россію, Англію, Константинополь и Аѳины. По мнѣнію Бисмарка, молодой императоръ нарушилъ традиціонную политику, которой Германія слѣдовала въ теченіи многихъ лѣтъ. Кромѣ того и во внутренней политикѣ императоръ дѣйствовалъ также самостоятельно и наперекоръ совѣтамъ Бисмарка. Свои знаменитые рескрипты о покровительствѣ труда онъ представилъ безъ вѣдома Бисмарка. Тѣмъ не менѣе, Бисмаркъ все-таки надѣялся сохранить свое вліяніе и положеніе. Онъ возлагалъ надежду на то, что новые выборы въ рейхстагъ откроютъ глаза императору и укажутъ ему на опасности соціализма, а неудача его пресловутой международной конференціи по рабочему вопросу, убѣдитъ его, что идеи его совѣтниковъ ничто иное, какъ утопіи.

Такъ думалъ Бисмаркъ, но событія скоро показали ему, что онъ жестоко ошибался. Послѣ выборовъ въ рейхстагъ онъ, какъ всегда, позаботился о томъ, чтобы заключить соглашеніе съ нѣкоторыми изъ вожаковъ главныхъ конституціонныхъ партій въ рейхстагѣ и съ этою цѣлью совѣщался съ ними. Однимъ изъ первыхъ къ нему явился старичекъ Виндгорстъ, глава партіи центра и очень вліятельный человѣкъ въ рейхстагѣ. Императору сейчасъ же донесли о визитѣ Виндгорста къ Бисмарку и онъ немедленно отправилъ къ Бисмарку начальника своего гражданскаго кабинета Лукануса съ порученіемъ передать ему, что императоръ желаетъ, чтобы Бисмаркъ предупреждалъ его о своихъ намѣреніяхъ вести политическіе разговоры съ тѣмъ или другимъ изъ дѣятелей рейхстага.

— Потрудитесь передать императору,—отвѣчалъ Бисмаркъ,—что я никого не считаю въ правѣ указывать мнѣ лицъ, которыхъ я могу принимать у себя на квартирѣ.

На другой день послѣ этого, очень рано утромъ, императоръ самъ явился къ Бисмарку и вызвалъ его. Бисмаркъ еще былъ въ постели. Узнавъ, что пріѣхалъ императоръ, онъ поскорѣе одѣлся и вышелъ къ нему.

— Что означаютъ всѣ эти переговоры съ Виндгорстомъ? воскликнулъ императоръ, очень взволнованный.

Бисмаркъ отвѣчалъ, что никакихъ переговоровъ не было, но былъ только простой частный разговоръ, носившій интимный характеръ. Тогда императоръ началъ настаивать на томъ, что Бисмаркъ обязанъ предупреждать его всякій

разъ о своихъ переговорахъ съ предводителями парламентскихъ партій, на что канцлеръ отвѣчалъ:

— Я не могу допустить никакого надзора надъ моими сношеніями съ депутатами и никому не даю права командовать въ моемъ домѣ!

— Даже когда я вамъ приказываю это, какъ монархъ?—воскликнулъ императоръ въ сильнѣйшемъ возбужденіи.

— Даже въ такомъ случаѣ,—спокойно отвѣчалъ Бисмаркъ.—Приказанія императора останавливаются у порога салона княгини Бисмаркъ... Только ради того, чтобы сдержать обѣщаніе, данное мною императору Вильгельму I, я остался служить его внуку. Если для васъ я неудобенъ, то я готовъ удалиться.

Послѣ такого разговора Бисмаркъ, конечно, не могъ дольше оставаться на своемъ посту. Однако онъ и не думалъ подавать въ отставку, несмотря на заявленіе, сдѣланное имъ императору. Его обычная проницательность какъ будто измѣнила ему на этотъ разъ и онъ дождался, что императоръ прислалъ къ нему генерала Ганне съ напоминаніемъ, что ждетъ его прошеніе объ отставкѣ и приметъ его въ два часа. Бисмаркъ, сославшись на нездоровье, прибавилъ:

— Я бы считалъ недобросовѣстнымъ поступкомъ въ отношеніи императора и моего отечества, еслибъ теперь, при данныхъ обстоятельствахъ, я бы оставилъ свой постъ. Мое прошеніе объ отставкѣ представило бы въ ложномъ свѣтѣ положеніе вещей. Конечно, императоръ можетъ уволить меня въ отставку, когда ему будетъ угодно, но я самъ не могу завершить свою политическую карьеру такимъ актомъ, послѣдствія котораго могутъ оказаться роковыми для народа и имперіи.

Но молодой императоръ иначе взглянулъ на это дѣло. Онъ былъ такъ золъ на Бисмарка, что не сталъ дожидаться, пока тому заблагоразсудится подать въ отставку, и вечеромъ къ Бисмарку снова явился Луканусъ и оффиціально потребовалъ отъ него прошенія объ отставкѣ, прибавивъ, что императоръ изумляется, что до сихъ поръ Бисмаркъ не подалъ въ отставку.

— Что касается моего прошенія объ отставкѣ,—сказалъ на это Бисмаркъ, то оно не можетъ быть подано теперь же. Такъ какъ это будетъ послѣдній оффиціальный документъ, подписанный министромъ, игравшимъ извѣстную роль въ исторіи Пруссіи и Германіи, то мнѣ нужна отсрочка. Мой долгъ передъ самимъ собою и передъ исторіей, которая должна узнать когда-нибудь почему мнѣ дана отставка,—повелѣваетъ мнѣ такъ поступать!

Эту отсрочку Бисмаркъ желалъ получить, по его словамъ, для того, чтобы привести въ порядокъ всѣ документы и составить записку, оправдывающую его послѣднія оффиціальныя дѣйствія. Но въ глубинѣ души Бисмаркъ, затягивая такимъ образомъ свою отставку, надѣялся все-таки, что она не состоится. Онъ думалъ, что молодой императоръ «не посмѣетъ».

Брюссельскій научный клубъ. Зоологическое общество въ Брюсселѣ, стремясь установить болѣе тѣсныя сношенія и создать единеніе между всѣми лицами, интересующимися физическими и естественными науками, хотя бы они и не принадлежали къ корпораціи ученыхъ, рѣшило учредить особый «научный клубъ» доступный для всѣхъ. Этотъ клубъ долженъ объединить членовъ другихъ, спеціальныхъ ученыхъ обществъ и вообще явиться мѣстомъ общенія между истинными учеными и дилеттантами, интересующимися наукой. Такое общеніе въ особенности должно было бы быть полезно для послѣднихъ, такъ какъ могло бы дать имъ руководящую нить при ихъ занятіяхъ наукой и этимъ содѣйствовать, быть можетъ, успѣху этой науки.

Какъ бы тамъ ни было, но идея учрежденія такого доступнаго для всѣхъ научнаго клуба встрѣчена была очень сочувственно всѣми. Зоологическое общество, взявшее подъ свое покровительство новый клубъ, позаботилось о пріі-

исканіи помѣщенія для собраній клуба. Такъ какъ клубъ этотъ не взимаетъ членскихъ взносовъ, то, конечно, прежде всего надо было обставить его такъ, чтобы расходы были ничтожны. Помѣщеніе найти было не трудно, такъ какъ въ Брюсселѣ существуетъ домъ, спеціально выстроенный для засѣданій различныхъ обществъ, причемъ за право пользованія помѣщеніемъ не взимается никакой платы.

Научный клубъ открылъ свою дѣятельность, какъ только вопросъ о помѣщеніи былъ резрѣшенъ. Выбранъ былъ день для собраній и рѣшено собираться самымъ тѣснымъ кружкомъ для чтенія докладовъ и сообщеній различныхъ наблюденій и фактовъ. Уже было нѣсколько такихъ собраній и всѣ они оказались очень удачными. Собранія эти, вслѣдствіе того, что въ нихъ участвовали разнообразные элементы (какъ настоящіе ученые, такъ и просто любознательные люди) отличались большимъ оживленіемъ. Въ тѣ дни, когда клубъ открытъ для собраній, туда доставляются книги и журналы, новыя научныя сочиненія, документы и т. д., чтобы члены клуба могли ознакомиться съ ними, если пожелаютъ. Каждый изъ членовъ этого клуба, будь то ученый или нѣтъ, имѣетъ право пользоваться всѣми пособіями, находящимися въ распоряженіи клуба. Клубу этому предсказывается большой успѣхъ именно потому, что онъ является центромъ соединенія для всѣхъ.

Народныя школы у буровъ. Покойный генералъ Жуберъ, въ бытность свою въ Парижѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сказалъ одной дамѣ, поинтересовавшейся узнать, какъ буры воспитываютъ своихъ дѣтей, что «Библія и ружье составляютъ главные элементы воспитанія у буровъ». Каждому мальчику, когда ему исполнится восемь лѣтъ, дается Библія, съ которой онъ уже больше не разстается, и ружье для упражненій въ стрѣльбѣ. Отправляясь въ школу, часто находящуюся на довольно большомъ разстояніи отъ его родной фермы, юный буръ долженъ имѣть при себѣ ружье на случай внезапнаго нападенія. Ему выдаются два патрона, но назадъ домой онъ приноситъ только одинъ, такъ какъ другой употребляетъ для охоты на обратномъ пути изъ школы. Каждый юный буръ считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ принести какую-нибудь дичь домой, убитую имъ съ одного выстрѣла, доказательствомъ чего служитъ сохранившійся въ цѣлости другой патронъ. Такимъ образомъ, на-ряду съ занятіями въ школѣ идетъ и упражненіе въ стрѣльбѣ, вырабатывается мѣткость взгляда и хладнокровіе. Мало-по-малу молодой буръ становится такимъ же опытнымъ и искуснымъ стрѣлкомъ, какъ его отецъ, и очень гордится этимъ. Но также ли успѣшно идутъ его научныя занятія? Библія, попрежнему, остается единственною книгой, изъ которой онъ черпаетъ всю премудрость, и когда онъ выучится бойко читать ее, то образованіе его считается покончennымъ—такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ большинство фермеровъ, по прежнему сторонящихся отъ всякихъ новшествъ, вносящихъ какія-либо перемѣны въ годами установленный строй жизни.

Однако уже за нѣсколько лѣтъ до южно-африканской войны, среди буровъ возникло движеніе въ пользу просвѣщенія, правда, въ началѣ очень слабое, но все же, приведшее къ нѣкоторымъ реформамъ и побудившее трансваальское правительство принять нѣкоторыя мѣры, для того чтобы поднять уровень національнаго образованія. Прежде всего, конечно, надо было увеличить число школъ и сдѣлать ихъ болѣе доступными для учениковъ вслѣдствіе уменьшенія разстояній, отдѣляющихъ ихъ отъ фермы. Затѣмъ, было издано постановленіе, по которому къ конфирмаціи допускались молодые люди, не только изучившіе наизусть библію и катихизисъ, но и умѣющіе также подписать свою фамилію. Правительство имѣло въ виду посредствомъ этого постановленія заставить молодыхъ людей выучиться писать и пріохотить ихъ къ чтенію.

Буры очень туго поддаются идеѣ просвѣщенія и полное отсутствіе у нихъ любознательности, также какъ и недовѣріе къ новой школѣ, долго тормозили начинанія правительства въ этомъ отношеніи. Дѣло просвѣщенія подвигалось туго, тѣмъ болѣе, что большинство фермеровъ находило совершенно безполезнымъ посвящать такъ много времени школѣ. Однако въ концѣ концовъ новыя идеи все-таки проложили себѣ дорогу. Обитатели отдаленныхъ фермъ стали приглашать къ себѣ учителей, которые за извѣстное вознагражденіе обучали ихъ дѣтей. Обученіе было совмѣстнымъ; дѣти сосѣднихъ фермъ приходили учиться, уплачивая необходимое вознагражденіе учителю и такимъ образомъ возникала домашняя школа. Подобныхъ домашнихъ школъ было организовано довольно много въ Трансваалѣ и онѣ имѣли успѣхъ. Занятія въ такой школѣ продолжаются не болѣе пяти часовъ и притомъ только пять дней въ недѣлю, такъ какъ два дня даются на отдыхъ. Буры вообще очень возстаютъ противъ продолжительности учебныхъ занятій въ школѣ и, конечно, у нихъ по прежнему остаются на первомъ планѣ хозяйственныя работы на фермѣ, къ которымъ должна пріучаться молодежь.

Оранжевая республика опередила Трансвааль въ дѣлѣ просвѣщенія, такъ какъ тамъ введено обязательное обученіе и, кромѣ того, учреждены странствующія или передвижныя школы въ подмогу къ постояннымъ. Такія передвижныя школы въ особенности приносятъ пользу въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ городовъ. Школы эти содержатся на счетъ правительства и дѣти недостаточныхъ родителей обучаются безплатно, всѣ же прочіе уплачиваютъ отъ 5 до 6½ фр. въ мѣсяцъ. Какъ въ передвижныхъ, такъ и въ постоянныхъ школахъ преподаются Законъ Божій, церковное пѣніе, чтеніе, письмо и ариѳметика. Въ городскихъ же школахъ къ этимъ предметамъ присоединены грамматика, географія, національная исторія, рисованіе и англійскій языкъ. Многіе изъ городскихъ жителей въ послѣдніе годы стали отсылать своихъ сыновей въ Капштадтъ и даже въ Европу для окончанія образованія и только обитатели отдаленныхъ фермъ продолжаютъ упорно держаться обычаевъ старины, находя, что для молодого бура совершенно достаточно умѣть читать Библію и стрѣлять изъ ружья безъ промаха.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«The Humanitarian». — «Nineteenth Century». — «Revue pédagogique». — «National Review».

Георгъ Брандесъ проводитъ параллель въ статьѣ, помѣщенной въ апрѣльскомъ нумерѣ лондонскаго журнала «The Humanitarian», между двумя наиболѣе популярными вождями германской соціалдемократической партіи, Бебелемъ и Фольмаромъ. «Это двѣ наиболѣе интересныя фигуры на современной политической сценѣ Германіи,—говоритъ Брандесъ,—долгое время бывшіе друзьями и одинаковыхъ политическихъ воззрѣній, впослѣдствіи же сдѣлавшіеся личными антагонистами и вождями двухъ противоположныхъ направленій германскихъ соціалдемократовъ». Бебель, бывшій токарь, родился въ 1840 г., Фольмаръ, бывшій кавалерійскій офицеръ, родился въ 1850 г. Одинъ происходитъ изъ семьи ремесленниковъ, другой—изъ аристократіи, но въ умственномъ отношеніи они оба являются непосредственными потомками Карла Маркса. Разница во взглядахъ на ближайшее будущее и на то, какую тактику слѣдуетъ считать правильной, превратила ихъ въ политическихъ враговъ.

Фольмаръ былъ раненъ въ войнѣ 1870 г. и, падая, сломалъ обѣ ноги. Переломъ оказался неизлѣчимымъ и онъ долго ходилъ на костыляхъ. Тяжело

было смотрѣть, какъ этотъ гигантскій человѣкъ съ трудомъ волочилъ свои больныя ноги, поддерживаемый костылями, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, благодаря случайной встрѣчѣ на желѣзной дорогѣ съ однимъ человѣкомъ, взявшимся его вылѣчить, онъ настолько поправился, что теперь уже обходится безъ костылей.

Воспитанный бенедиктинскими монахами въ Аугсбургѣ, Фольмаръ въ молодости былъ воодушевленъ энтузіазмомъ къ дѣлу католицизма и, будучи самъ ревностнымъ католикомъ, поступилъ въ папскую гвардію, охваченный горячимъ желаніемъ послужить папѣ. Но, когда вспыхнула франко-германская война, онъ вернулся въ Баварію. Раненый и осужденный на неподвижность, онъ со свойственнымъ ему увлеченіемъ предался научнымъ занятіямъ и въ особенности увлекся политическою экономіей. Въ 1876 году онъ сдѣлался редакторомъ газеты, два раза сидѣлъ въ тюрьмѣ, послѣ чего газета его была пріостановлена. Но въ тюрьмѣ, какъ и во время болѣзни, онъ продолжалъ усиленно заниматься и въ 1881 году сдѣлался членомъ парламента и съ этого момента вступилъ на поприще активной политики.

«Въ противоположность Фольмару,—говоритъ далѣе Брандесъ,—Бебель представляется необыкновенно цѣльнымъ человѣкомъ. Это настоящій монолитъ, безъ всякой подмѣси, царапины или трещины. Несмотря на все пережитое имъ, онъ кажется моложе своихъ лѣтъ... Онъ самъ образовалъ себя и обладаетъ теперь очень богатыми познаніями; ему не хватаетъ только одного—обходительности въ обществѣ. Онъ слишкомъ серьезенъ, проникнутъ до мозга костей своими убѣжденіями и твердою вѣрою въ будущее своего дѣла, такъ что совершенно неспособенъ переносить какія-либо противорѣчія въ частной жизни и наталкиваясь на нихъ, становится такъ же пламенно рѣзокъ «въ гостиной, какъ и на трибунѣ».

Далѣе Георгъ Брандесъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ Бебелемъ въ Берлинѣ, у одной дамы, собравшей у себя представителей самыхъ разнообразныхъ классовъ общества. Завязался споръ и Брандесъ возражалъ Бебелю, частью серьезно, частью шутя, но главнымъ образомъ для того, чтобы возбудить въ немъ пафосъ, заставить его говорить горячо и жестикулировать. «Мнѣ хотѣлось видѣть его увлекающимся и оцѣнить такимъ образомъ силу его боевого краснорѣчія», говоритъ Брандесъ. Дѣйствительно, это удалось ему. Бебель такъ и сыпалъ искрами своего краснорѣчія и всякій разъ послѣ какого-нибудь бурнаго возраженія восклицалъ: «И такъ, сознайтесь, что вы побѣждены!» Но Брандесъ и не думалъ считать себя побѣжденнымъ. Онъ велъ разговоръ безстрастно и какъ будто иронизировалъ, а Бебель горячился и относился къ предмету спора со всею серьезностью человѣка, глубоко убѣжденнаго въ правотѣ своего дѣла. Поединокъ продолжался довольно долго. Наконецъ, послѣ одного возраженія, которое казалось Бебелю особенно убѣдительнымъ, онъ опять сказалъ Брандесу: «Ну, сознайтесь же, что вы окончательно побиты». На это Брандесъ отвѣчалъ: «Когда мы играемъ въ карты съ дѣтьми или съ королями, то, конечно, стараемся дать имъ выиграть. Я, конечно, не могъ бы рѣшиться обращаться съ вами, какъ съ ребенкомъ, но я хочу—въ надеждѣ, что я немножко раздосадую васъ этимъ—обращаться съ вами, какъ съ королемъ, и поэтому готовъ признать, что вы меня во всемъ сразили!» Бебель разсмѣялся и сказалъ: «Nein! Nein! nun sind Sie mir wieder über!» (О нѣтъ! вотъ вы опять взяли надо мною верхъ).

Бебель, также какъ и Фольмаръ, пріобрѣлъ свои познанія въ тюрьмѣ, въ которой онъ просидѣлъ пять лѣтъ. Въ теченіе тридцати лѣтъ онъ непрерывно засѣдаетъ въ парламентѣ и пользуется огромною популярностью среди приверженцевъ своей партіи. Его разрывъ съ Фольмаромъ относится къ 1891 году.

Сдѣлавшись ярыми антагонистами на политическомъ поприщѣ, они все-таки остаются друзьями въ частной жизни, какъ въ прежнее время.

Въ послѣднее время въ европейской печати не разъ возникалъ вопросъ объ опасности, которую представляетъ для христіанскаго міра пробужденіе мусульманскаго фанатизма, и даже выражались опасенія новой священной войны. «Nineteenth Century» говоритъ, что опасность эта существуетъ не только въ воображеніи нѣкоторыхъ европейскихъ политиковъ. Для милліоновъ европейцевъ имя Могаммеда Сенусси представляетъ пустой звукъ, но для милліардовъ магометанъ на черномъ континентѣ и въ Аравіи съ этимъ именемъ связано возрожденіе магометанства. Могущественная секта Сенусси съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ все большее вліяніе въ Африкѣ. Основатель этой секты, сынъ котораго теперь находится во главѣ этого религіознаго движенія среди африканскихъ мусульманъ, избралъ своей резиденціей Джерабубъ, прекрасный оазисъ въ Ливійской пустынѣ. Тамъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ, поучая своихъ миссіонеровъ и укрѣпляя свое могущество. Послѣ его смерти Джерабубъ сдѣлался такимъ же мѣстомъ паломничества, какимъ служила и служитъ Мекка и ежегодно туда являются массы паломниковъ со всѣхъ сторонъ Африки, изъ Аравіи, Турціи и др. мѣстъ.

Ученіе Сенусси дѣйствительно могло привлечь къ себѣ ревностныхъ мусульманъ, горюющихъ объ упадкѣ вѣры. Сенусси возставалъ противъ порчи нравовъ и проповѣдывалъ возвращеніе къ первоначальной чистотѣ. Многіе безпристрастные наблюдатели говорятъ, что тамъ, гдѣ находится много послѣдователей Сенусси, злоупотребленія прекращаются и администрація страны становилась лучше и честнѣе. Сынъ Сенусси, объявленный имъ передъ смертью «истиннымъ Махди», продолжаетъ теперь дѣло своего отца. Онъ пользуется громаднымъ уваженіемъ среди мусульманъ, смотрящихъ на него, какъ на пророка. Изъ европейцевъ, кромѣ Нахтигаля, германскаго путешественника, никто не видалъ его; по словамъ же этого путешественника, Сенусси произвелъ на него сильное впечатлѣніе и его безусловно слѣдуетъ поставить выше невѣжественнаго Махди въ Суданѣ. Этотъ Махди въ свое время предлагалъ Сенусси соединиться вмѣстѣ, чтобы истребить христіанъ, но Сенусси отвергъ это предложеніе.

Очень многіе европейскіе путешественники пытались проникнуть въ Джерабубъ, но никому это не удавалось. Послѣднимъ пробовалъ это сдѣлать путешественникъ Сильва Уайтъ въ 1898 году, но вынужденъ былъ остановиться за 120 миль отъ таинственнаго города и ни убѣжденія, ни подкупъ не помогли и онъ вынужденъ былъ вернуться обратно, убѣдившись, что его ожидаетъ вѣрная смерть, если онъ будетъ упорствовать въ своемъ намѣреніи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эмиссары Сенусси распространены во всѣхъ портахъ Средиземнаго моря и, быть можетъ, даже въ европейскихъ столицахъ. Но хотя они — заклятые враги христіанъ, въ ихъ обращеніи этого вовсе не замѣтно. Они очень гостепріимны и духъ равенства у нихъ очень развитъ. За исключеніемъ главы секты, среди нихъ нѣтъ людей, занимающихъ болѣе или менѣе высокое положеніе и всѣ члены этого мусульманскаго братства считаются равными и обязаны помогать другъ другу. Замѣчательно также, что эта мусульманская секта, проповѣдующая воздержаніе во всѣхъ направленіяхъ и чистоту отношеній между полами, допускаетъ женщинъ въ качествѣ агентовъ и вообще не прочь воспользоваться ихъ услугами, тѣмъ болѣе, что онѣ оказываются гораздо успѣшнѣе мужчинъ въ дѣлѣ пропаганды.

Въ настоящее время Сади Сенусси около 55 лѣтъ. Никто изъ его послѣдователей никогда не видалъ его съ открытымъ лицомъ. Онъ всегда закрываетъ его, когда выходитъ къ народу. Въ большомъ монастырѣ въ Джерабубѣ

ежегодно обучаются 1.500—2.000 студентовъ, которые потомъ отправляются проповѣдывать ученіе Сенусси въ разныя мѣста. Но этого мало: у Сенусси есть оружейная фабрика, да еще, кромѣ того, онъ получаетъ оружіе изъ разныхъ мѣстъ африканскаго континента. Трудно даже приблизительно опредѣлить число его послѣдователей, но несомнѣнно, что они покрываютъ своею сѣтью всю Африку и внутри чернаго континента пропаганда Сенусси приноситъ огромную пользу, такъ какъ она побѣждаетъ язычество. Всюду, гдѣ появляется магометанство—язычество исчезаетъ, такъ что дѣятельность магометанъ въ этомъ отношеніи гораздо плодотворнѣе дѣятельности христіанъ. Сенусси возстаетъ также противъ рабства и даже освободилъ многихъ невольниковъ, купленныхъ имъ у негроторговцевъ. Эти невольники, обращенные имъ въ магометанство въ Джерабубѣ, были отосланы назадъ въ Вадай и, конечно, сдѣлались дѣятельными проповѣдниками ученія Сенусси и его горячими приверженцами.

Авторъ статьи думаетъ, что въ Африкѣ находится, по крайней мѣрѣ, девять милліоновъ послѣдователей Сенусси и стоитъ Сенусси подать сигналъ, чтобы возстаніе охватило не только Африку, но и Аравію, и Индію. Несомнѣнно, что Сенусси выжидаетъ только удобнаго момента для этого.

Администрація школъ сѣвернаго департамента Франціи, желая познакомиться со вкусами, наклонностями и мечтами учениковъ и ученицъ народныхъ школъ департамента, учредила такъ называемую «enquête». Въ назначенный день всѣмъ ученикамъ и ученицамъ въ школахъ были розданы листки съ вопросными пунктами и всѣмъ дѣтямъ предложено тутъ же въ классѣ немедленно написать на нихъ отвѣты. При этомъ учителя не только должны были сами воздерживаться отъ какого бы то ни было вліянія на своихъ учениковъ и ученицъ въ этомъ дѣлѣ, но обязаны были слѣдить, чтобы дѣти, вписывая отвѣты, не переговаривались и не совѣщались другъ съ другомъ. Такимъ образомъ получены были отвѣты на 41 вопросъ отъ 37.000 дѣтей!

Результаты этой грандіозной «enquête», по образцу тѣхъ, которые такъ распространены въ сѣверо-американскихъ учебныхъ заведеніяхъ, высшихъ и низшихъ, опубликованны въ «Revue pédagogique». Разумѣется, личный составъ школьной администраціи оказался недостаточнымъ, чтобы разобраться въ этой кипѣ полученныхъ отвѣтовъ, но нашлось не мало людей, заинтересованныхъ этимъ дѣломъ, которые добровольно предложили свои услуги. Вопросы, заданные дѣтямъ, носили самый разнообразный характеръ; напримѣръ, какой предметъ преподаванія вы любите меньше всего? Какія книги вы любите читать? Есть ли у васъ любимый другъ или подруга среди вашихъ сверстниковъ и сверстницъ? Бываете ли вы наказаны? Считаете ли вы себя счастливыми? и т. д., и т. д. На послѣдній вопросъ 18.409 мальчиковъ и 13.185 дѣвочекъ отвѣтили «да» самымъ рѣшительнымъ образомъ, но нашлись среди этихъ дѣтей несчастные, т. е. сознающіе себя таковыми: 1.853 мальчика и 600 дѣвочекъ отвѣтили «нѣтъ» на этотъ вопросъ. Любопытно, что на слѣдующій вопросъ: «Надѣетесь ли вы быть болѣе счастливымъ, когда кончите ученіе?» Эти самые мальчики отвѣчали: «да», а большинство дѣвочекъ—«нѣтъ!»

Сообщая результаты этой «enquête» педагогическій журналъ не дѣлаетъ никакихъ серьезныхъ выводовъ и въ сущности ограничивается только общими фразами. Трудно, впрочемъ, уловить смыслъ и значеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, предложенныхъ дѣтямъ, напримѣръ, читаете ли вслухъ дома? Сколько лѣтъ вашей подругѣ или другу? Опаздываете ли вы иногда въ школу? и т. д. Педагогическая психологія находится, впрочемъ, въ зачаточномъ состояніи и ощупью пробирается на широкую дорогу. Способъ такихъ опросовъ только еще начинаетъ прививаться въ Европѣ, въ Америкѣ же онъ давно получилъ право гражданства и тамъ существуютъ журналы, издающіеся университетскими кол-

легіями, исключительно печатающіе только подобнаго рода «enquêtes», организуемыя въ широкихъ размѣрахъ. Матеріалъ уже накопился громадный, но до какихъ-нибудь полезныхъ и практическихъ выводовъ въ области педагогики еще далеко.

Такая же точно «enquête», только не въ такихъ широкихъ размѣрахъ устроена была въ нѣкоторыхъ англійскихъ школахъ, гдѣ ученикамъ и ученицамъ предложены были слѣдующіе два вопроса: 1) Кѣмъ бы вы предпочли быть, когда выростете, мужчиной или женщиной? и 2) Какимъ мужчиной или какою женщиной, изъ тѣхъ, о которыхъ вы слышали или про которыхъ вы читали, вы желали бы быть?

Посредствомъ этихъ вопросовъ желали выяснить идеалы дѣтей школьнаго возраста, и надо отдать справедливость англійскимъ организаторамъ, что устроенная ими «enquête» имѣетъ гораздо больше значенія съ точки зрѣнія дѣтской психологіи, чѣмъ та, которую устроилъ французскій департаментъ, хотя тутъ опрошены были только 302 мальчика и 289 дѣвочекъ, а не 37.000 какъ во Франціи. Въ своей статьѣ, помѣщенной въ «National Review», миссъ Додсъ говоритъ, что познакомившись съ отвѣтами школьниковъ въ возрастѣ отъ 11-ти до 13-ти лѣтъ, она пришла къ заключенію, что дѣти въ англійскихъ школахъ далеко не лишены общественнаго духа, хотя списокъ ихъ любимыхъ героевъ и героинь довольно ограниченный. Способность къ культу героевъ одинаково выражена какъ у мальчиковъ, такъ и у дѣвочекъ, но при этомъ рѣзко выступаетъ разница идеаловъ у тѣхъ и другихъ; у дѣвочекъ замѣчается болѣе тонкая оцѣнка и пониманіе возвышенныхъ и благородныхъ чертъ человѣческаго характера, затѣмъ дѣвочки обнаруживаютъ большую самоотверженность и вообще одарены болѣе тонкимъ чувствомъ идеала нежели мальчики. Въ отвѣтахъ большинства мальчиковъ преобладаютъ военные идеалы, тогда какъ дѣвочки мечтаютъ о пользѣ человѣчества, мальчики выражаютъ желаніе быть генералами, полководцами, побѣдителями и мечтаютъ о военныхъ подвигахъ, а въ отвѣтахъ дѣвочекъ такой мечты не было выражено ни разу, хотя 35 проц. дѣвочекъ высказали, что онѣ желали бы лучше быть мужчинами, а изъ мальчиковъ лишь двое изъ 300 выразили желаніе быть женщинами.

Не лишены также интереса тѣ причины, которыми дѣвочки мотивировали свое желаніе «быть мужчиной. Чаще всего упоминается свобода, которою пользуются мужчины, открытое поле дѣятельности, отсутствіе стѣсненій и физическая сила. Изъ этихъ отвѣтовъ ясно видно, что дѣвочки уже въ этомъ возрастѣ (12 лѣтъ) отлично сознаютъ невыгоды экономическаго положенія женщинъ и твердо увѣрены, что участь мужчины легче участи женщины. «Я хочу быть мужчиной,—пишетъ одна 12 ти-лѣтняя дѣвочка—потому что ему гораздо легче сдѣлаться великимъ. Мужчина можетъ работать и содержать свою жену, а женщина не можетъ содержать своею работой мужа, ея заработка на это не хватитъ».—«Конечно, я бы хотѣла лучше быть мужчиной,—замѣтила другая дѣвочка,—потому что когда онъ возвращается домой съ работы, то ему готовъ завтракъ и все прибрано, тогда онъ садится и отдыхаетъ, куритъ трубку и дѣлаетъ, что хочетъ».

Одна тринадцатилѣтняя дѣвочка въ своемъ отвѣтѣ объясняетъ свое желаніе быть мужчиной такъ: «Мужчины имѣютъ голосъ въ управленіи страной, а женщины нѣтъ. Мужчина имѣетъ вліяніе и его примѣръ скорѣе оказываетъ дѣйствіе, нежели примѣръ женщины». Далѣе эта дѣвочка, ученица народной школы, выражаетъ желаніе быть первымъ министромъ и набрасываетъ схему реформъ, которыя она бы произвела въ государствѣ. Реформы эти, конечно главнымъ образомъ касаются положенія женщины. «Женщины много работаютъ, но мало получаютъ. Мужчина можетъ быть тѣмъ, чѣмъ пожелаетъ. Онъ можетъ идти, куда захочетъ, не спрашивая позволенія, а женщина всегда должна

спрашивать позволенія у мужа, мальчиковъ учатъ больше и лучше, чѣмъ дѣвочекъ и они наслѣдуютъ деньги и имущество и обижаютъ своихъ сестеръ и т. д.».

Мальчики въ своихъ отвѣтахъ отлично сознаютъ преимущества своего пола, а потому не выражаютъ желанія быть женщинами. Попадаются очень тонкіе отвѣты, указывающіе на работу мысли и существованіе возвышенныхъ идеаловъ въ душѣ мальчиковъ, но огромное большинство отвѣтовъ (76 проц.) отличаются грубостью и полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было идеаловъ. Всѣ эти отвѣты еще разъ подтверждаютъ, что дѣвочки, раньше мальчиковъ, созрѣваютъ для духовной жизни и обладаютъ болѣе тонкими чувствами и инстинктами.

Въ отвѣтахъ мальчиковъ на вопросъ: кѣмъ бы они желали быть (или иными словами: кто ихъ любимый герой), отразилась Трансваальская война. Имена всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой войны попадаются въ отвѣтахъ и вообще преобладаютъ военные герои и только разъ упомянуты: Гладстонъ, Шекспиръ, Киплингъ, а одинъ мальчикъ, очевидно, артистическая натура, выразилъ желаніе быть Аделиной Патти. Въ отвѣтахъ дѣвочекъ чаще всего встрѣчается: Гладстонъ, королева, Вальтеръ Скоттъ, Джонъ Рёскинъ и Шекспиръ.

Если принять во вниманіе, что всѣ эти отвѣты написаны дѣтьми народныхъ школъ, слѣдовательно, происходящими изъ низшихъ классовъ общества, преимущественно изъ рабочаго круга, то это можетъ служить очень важнымъ показателемъ степени народнаго развитія въ Англіи, и съ этой точки зрѣнія опросъ, устроенный въ лондонскихъ школахъ, получаетъ особенный интересъ.

Карлъ Каутскій объ англо-бурской войнѣ.

Въ «Мірѣ Божьемъ», въ мартѣ, по поводу войны Англіи съ бурами помѣщена статья Сутнеръ, разсматривающая это событіе исключительно съ идеологической точки зрѣнія. Предлагаемая вниманію читателя замѣтка Карла Каутскаго тоже пытается разрѣшить вопросъ, куда слѣдуетъ направить свои симпатіи, или, вѣрнѣе, разъясняетъ, почему, симпатіи всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ на сторонѣ буровъ, причемъ Каутскій старается стоять на точкѣ зрѣнія интересовъ трудящагося люда. Эта статья была написана еще въ самомъ началѣ войны, что, впрочемъ, нисколько не измѣняетъ теоретическаго значенія взглядовъ Каутскаго, съ которыми мы лично не во всемъ соглашаемся, но къ которымъ слѣдуетъ отнестись внимательно, какъ къ попыткѣ освѣтить вопросъ, волнующій весь цивилизованный міръ, не голой фразеологіей, а на почвѣ реальныхъ отношеній.

«Военное счастіе измѣнчиво,—говоритъ Каутскій.—Если въ ту минуту, какъ я пишу эти строки, оно на сторонѣ Трансвааля, то, когда читатели будутъ ихъ имѣть передъ собою, оно можетъ перейти къ англичанамъ. Во всякомъ случаѣ, одно обстоятельство вполнѣ уже выяснилось: военною прогулкою въ Преторію война не будетъ. Если для буровъ это—борьба на жизнь и смерть, то для ихъ противниковъ эта война будетъ не обычной пограничной войной, не имѣющей болѣе глубокихъ вліяній, вродѣ похода противъ матабеловъ или афридіевъ. Уже и въ настоящее время это—историческое событіе, требующее отъ Англіи громадныхъ жертвъ и глубоко волнующее весь цивилизованный міръ.

«Подобныя войны обыкновенно влекутъ за собою глубокія измѣненія, которыхъ не предвидѣли и часто даже не желали ихъ руководители, измѣненія, которыя внезапно придаютъ совершенно иной характеръ политическому и общественному развитію. Должны ли мы ждать чего-либо подобнаго отъ войны съ бурами?

«Если, въ концѣ концовъ, побѣдятъ англичане, что все весьма вѣроятно, въ виду ихъ неизмѣримо бо́льшихъ силъ, то это будетъ тріумфомъ капиталистической клики, возбудившей войну, не только надъ бурами, не желавшими добровольно отдать свою землю съ ея сокровищами, но и надъ капиталистами другихъ націй, возмущающимися успѣхами англичанъ въ южной Африкѣ только потому, что сами не могутъ занять ихъ мѣсто. Но пораженіе буровъ вызоветъ вмѣстѣ съ тѣмъ и укрѣпленіе положенія класса капиталистовъ внутри самой Англіи.

«Конечно, такая побѣда вызоветъ также и увеличеніе мощи одного изъ самыхъ демократическихъ государствъ Европы по отношенію къ его главнымъ противникамъ. Этотъ моментъ скорѣе всего могъ бы примирить съ побѣдою англичанъ, но его не слѣдуетъ переоцѣнивать. Отъ Англіи нельзя ожидать поддержки демократическихъ стремленій на европейскомъ материкѣ; англичане не экспортируютъ своей демократіи. Съ другой стороны измѣнилась и роль ея противниковъ, вниманіе которыхъ направлено не на Европу.

«Что касается отношеній Англіи къ Россіи, то приходится отмѣтить со стороны первой все болѣе настоятельныя стремленія придать имъ дружелюбный характеръ. Дѣло въ томъ, что на морѣ Англія можетъ спокойно смотрѣть на всякаго противника, но на сушѣ она слаба и болѣе всего доступна Россіи, занимающей почти пограничныя съ Индіею земли. Здѣсь Ахиллесова пята Англіи и это вызываетъ въ ней желаніе мирнаго сожительства съ Россіей, несмотря на рядъ пораженій, которыя она терпитъ въ Китаѣ, Персіи и пограничной полосѣ между индійскими и русскими владѣніями. Трудно ожидать, чтобы побѣда въ южной Африкѣ дала возможность Англіи значительно укрѣпить свое положеніе въ Азіи.

«Въ настоящее время, однако, положеніе дѣлъ въ южной Африкѣ таково, что надо быть готовымъ встрѣтиться не только съ побѣдою, но и съ возможностью пораженія англичанъ.

«Какія бы превосходныя стороны ни проявила система милиціи въ сравненіи съ постояннымъ войскомъ, но мощь Великобританіи съ ея почти 400-милліоннымъ населеніемъ настолько превосходитъ силы буровъ, что послѣдніе подвергаются опасности быть просто раздавленными, если имъ придется разсчитывать на свои лишь силы. Однако, именно въ неизмѣримомъ протяженіи британскаго колоніальнаго господства лежитъ его слабость, потому что оно заключаетъ очень много пунктовъ, доступныхъ нападенію внѣшнихъ враговъ или внутреннихъ инсургентовъ. Чѣмъ дольше будетъ продолжаться война, чѣмъ больше пострадаетъ престижъ Англіи, тѣмъ возможнѣе разныя осложненія, могущія заставить Англію заключить миръ раньше, чѣмъ она достигнетъ своей цѣли, даже, при извѣстныхъ условіяхъ, миръ далеко не почетный.

«А это явится тяжелымъ ударомъ для того направленія, которое въ Англіи, выросло на развалинахъ манчестерства. Я говорю объ *имперіализмѣ*.

«Поддерживаемый интересами господствующихъ классовъ, онъ имѣетъ въ англійскомъ народѣ большой успѣхъ.

«Въ своихъ колоніяхъ Англія нашла основу своей хозяйственной мощи. Эксплоатація колоній была главнымъ средствомъ оранжерейнаго развитія капитализма въ Англіи; она дала возможность развить цвѣтущую крупную капиталистическую индустрію въ такое время, когда въ Германіи едва можно было различить первые ея побѣги.

«Затѣмъ, свободная торговля стала для Англіи средствомъ вполнѣ использовать свою промышленную монополію. Колоніи, которыя помогли росту этой монополіи, казались ей уже больше ненужными и были оставлены безъ вниманія. Политика колоніальнаго расширенія нуждается въ войнахъ, а свободная торговля требуетъ

мира. Пока промышленные классы Англіи вѣрили въ свободную торговлю, они были миролюбивы.

«Но сильный кризисъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ и промышленное развитіе Германіи, Америки, Россіи измѣнили положеніе дѣлъ. Англія не могла уже удержать свою монополію. Въ то же самое время другія европейскія страны жадно набросились на колоніальные захваты, но не для того, чтобы открыть ихъ міровой торговлѣ и міровой капиталистической эксплоатаціи, но чтобы развить въ нихъ свою собственную торговлю, создать привилегированное положеніе для собственнаго капитала.

«Англія одновременно теряла свое промышленное превосходство и видѣла себя все болѣе стѣсненною на міровомъ рынкѣ таможенною и колоніальною политикою конкурентовъ.

«Становилось невозможнымъ больше держаться системы свободной торговли (не въ смыслѣ свободнаго ввоза продуктовъ, но теоріи манчестерства laisser faire). Безъ вмѣшательства государства въ экономическія отношенія было уже невозможно обойтись; съ этимъ должны были примириться и англійскіе капиталисты. Надо было только такъ устроить, чтобы это вмѣшательство имѣло своею цѣлью не общественные интересы вообще, а интересы предпринимателей.

«Это новое направленіе встрѣтило въ самой Англіи серьезное сопротивленіе. На его сторону стали бюрократическіе и милитаристическіе элементы, пока еще очень слабые въ Англіи, болѣе могущественныя высшія финансовыя сферы, интересы которыхъ много выиграли бы отъ имперіалистической политики, и очень вліятельная въ настоящее время желѣзная индустрія, которая, конечно, очень рада всякимъ вооруженіямъ на сушѣ и на морѣ. Все же до послѣдняго времени манчестерскія воззрѣнія глубоко коренились въ классахъ англійскихъ промышленниковъ.

«На самомъ дѣлѣ теперешнее настроеніе англійскаго народа показываетъ, какъ властно подчинилъ себѣ имперіализмъ умы рабочихъ. Въ противоположность всѣмъ другимъ странамъ мы видимъ, какъ въ Англіи массы рабочихъ воодушевленно выступаютъ за завоевательную войну, которая откровеннѣе, чѣмъ всякая другая, имѣетъ въ виду чисто капиталистическіе интересы. И это въ странѣ, гдѣ даже буржуазія славилась своимъ миролюбіемъ, столь часто высмѣиваемымъ буржуазіею другихъ странъ; какъ признакъ слабости.

«Конечно, причина такого явленія коренится не только въ привычкахъ, унаслѣдованныхъ отъ золотого вѣка манчестерскаго расцвѣта, но также и въ матеріальныхъ условіяхъ новѣйшаго времени. Англійскіе рабочіе чувствуютъ свое единеніе съ капиталистами въ сознаніи общаго превосходства надъ населеніемъ завоеванныхъ областей.

«Чѣмъ больше имперіализмъ будетъ вытѣснять манчестерство и становиться основой политической и общественной системы, тѣмъ больше развитіе общества будетъ зависѣть отъ успѣховъ оружія, тѣмъ сильнѣе разовьется милитаризмъ, этотъ рѣшительный противникъ демократіи, но зато тѣмъ скорѣе военное пораженіе угрожаетъ вызвать и экономическую катастрофу.

«Но именно имперіализмъ въ значительной степени увеличиваетъ опасность военныхъ столкновеній. Еще до послѣдняго времени Англія не вполнѣ поняла это, и ея колоніальная политика даже послѣднихъ лѣтъ была скорѣе оборонительная, чѣмъ наступательная, какъ, напр., въ Китаѣ. И несмотря на это, британское государство за послѣдніе 15 лѣтъ въ одной Африкѣ (включая Египетъ) выросло болѣе чѣмъ на 6 милліоновъ кв. километровъ, область, равняющуюся половинѣ Европы. Еще въ 1871 г. Кольбъ насчитывалъ въ британскихъ колоніяхъ 217 милліоновъ населенія; въ 1898 г.—по статистическимъ таблицамъ Гюбнера было 347 милл. За это же время населеніе метро-

ніи поднялось съ 31.600.000 на 40.400.000. Съ одной стороны увеличеніе на 130 милл., съ другой—на 9 милл.!

«Чѣмъ болѣе увеличивается государство, тѣмъ больше оно представляетъ пунктовъ для нападенія, тѣмъ многочисленнѣе классъ покоренныхъ, эксплоатируемыхъ, недовольныхъ, тѣмъ сильнѣе, наконецъ, зависть конкурентовъ.

«Въ настоящее время Англія самая воинственная страна на свѣтѣ. Не проходитъ года, чтобъ на томъ или другомъ пунктѣ своихъ владѣній ей не приходилось подавлять какое-нибудь «возстаніе» или вести пограничную войну.

«Одновременно съ этимъ приходится все бо́льшее вниманіе обращать на флотъ, такъ какъ съ расширеніемъ Великобританіи растетъ и вражда къ ней другихъ европейскихъ великихъ державъ и конкурентовъ. Какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія—Франція, теперь Англія является объектомъ общаго недоброжелательства самыхъ вліятельныхъ государствъ Европы.

«Чѣмъ больше развитіе англійскаго капитализма дѣлается зависимымъ отъ успѣховъ оружія, тѣмъ многочисленнѣе становятся его враги, тѣмъ ближе надвигается опасность пораженія, тѣмъ ненадежнѣе—основа его существованія.

«Англія всегда представлялась образцомъ страны, гдѣ общественный прогрессъ совершается и будетъ совершаться лишь мирнымъ путемъ. И до извѣстной степени такія ожиданія оправдались внутренними отношеніями Англіи, но развивающійся имперіализмъ грозитъ уничтожить условія мирнаго прогресса. Уже начинаютъ поговаривать о необходимости реформъ въ военномъ дѣлѣ—созданіи большой постоянной арміи, могущей отвѣчать всякимъ милитаристическимъ запросамъ; шовинизмъ, жестокость, увлеченіе милитаризмомъ прокладываютъ себѣ дорогу тѣмъ шире, чѣмъ выше подымается волна имперіализма. Безбрежная міровая политика надвигаетъ все ближе и ближе опасность военныхъ и связанныхъ съ ней общественныхъ катастрофъ. Можно себѣ представить, какія послѣдствія имѣла бы міровая война, которая закончилась бы для Англіи потерей колоній, особенно Индіи!

«Одно только несомнѣнно, и именно это хотимъ мы иллюстрировать: положеніе англійскаго капитализма становится тѣмъ болѣе шатко, чѣмъ больше англійская крупная индустрія теряетъ свое первенство и стремится замѣнить его созданіемъ гигантскаго государства, сила котораго покоится на флотѣ и постоянномъ войскѣ.

«Чѣмъ больше вѣра въ эту силу, тѣмъ могущественнѣе будетъ расти имперіализмъ, тѣмъ труднѣе придется его антагонисту. Чѣмъ глубже проникнетъ эта истина въ сознаніе англійской массы, тѣмъ болѣе склонна она будетъ искать дальнѣйшаго развитія капиталистической системы въ другомъ направленіи.

«Такимъ образомъ, война съ бурами, даже если она не вызоветъ никакихъ новыхъ осложненій и оставитъ колоніальное государство незыблемымъ, должна имѣть великое значеніе для общественнаго развитія Англіи. Если война окончится блестящею побѣдой британскихъ войскъ, мы увидимъ въ Англіи эру самаго жестокаго джингоизма и отчаяннаго капиталистическаго торжества, которое увлечетъ за собою на долгое время и рабочую массу. Сесиль Родсъ будетъ тогда торжествовать не только въ южной Африкѣ, но и въ Англіи. Вѣдь именно ему принадлежитъ программа задавить начинающійся ростъ южно-африканской политики. Но тогда и въ Англіи даны будутъ условія для развитія общественныхъ катастрофъ.

«Если, наоборотъ, политика Родса и Чэмберлена потерпитъ крушеніе, то значительно улучшатся шансы демократическаго и сравнительно мирнаго развитія въ духѣ коллективизма.

«Флотскіе мечтатели, антисемиты и другіе поклонники свободы для буровъ и каторжнаго законопроекта на родинѣ, ненавидятъ Англію потому, что она хочетъ проглотить жирный кусокъ, который они охотно облюбовали бы для себя, по-

*

тому что они страдаютъ такой же жадностью къ змельнымъ пріобрѣтеніямъ, какъ и Альбіонъ; наконецъ, потому, что Англія—демократическое государство.

«Мы не осуждаемъ современную колоніальную политику повсюду одинаково и желаемъ бурамъ успѣха не изъ ненависти къ англійскому народу, но въ интересахъ его общественнаго развитія».

Въ этой небольшой статьѣ Каутскій проявляетъ свои обычныя достоинства и свой главный недостатокъ. Яркое освѣщеніе разсматриваемаго вопроса, масса тонкихъ остроумныхъ замѣчаній, умѣніе держаться почвы реальныхъ отношеній и избѣжать туманной, расплывчатой и ничего не говорящей фразеологіи. Но схематизмъ не менѣе губителенъ для того, кто хочетъ чутко прислушиваться къ біенію жизненнаго пульса. Каутскій накрываетъ пеструю ткань жизни рѣзко очерченной сѣтью схемъ и это приводитъ его къ сомнительнымъ результатамъ: то, что сѣтью не захвачено, онъ слишкомъ легко отметаетъ, то, что ею уловлено, получаетъ иногда невѣрное объясненіе. Каутскій рѣзко заявляетъ историческому явленію: вотъ граница! Hic Rhodus, hic salta. Если пойдешь направо, тебя постигнетъ такая-то участь, если—налѣво, другая. На самомъ же дѣлѣ жизнь умѣетъ вывертываться изъ-подъ разставленныхъ ей сѣтей, и схематику приходится гнаться за нею все съ новыми и новыми схемами.

Начать съ того, что Каутскій слишкомъ съ большой легкостью отбросилъ соображенія о томъ вліяніи, какое будетъ имѣть пораженіе Англіи на ея роль въ европейскомъ концертѣ. Въ области чисто внѣшней политики стоитъ еще заглохшій, но далеко не разрѣшенный восточный вопросъ. Наконецъ, въ настоящее время вопросы внѣшней и внутренней политики иногда такъ тѣсно сплетаются, что первые становятся въ прямой зависимости отъ послѣдней. Въ этомъ смыслѣ опасенія Карла Маркса насчетъ значенія различныхъ европейскихъ державъ для успѣшнаго развитія человѣчества (особенно рельефно выставленныя въ посмертномъ сборникѣ его корреспонденцій—«The Eeastern Question») далеко не утратили своего смысла.

Что касается вліянія исхода войны съ бурами для развитія самой Англіи, то и тутъ дѣло не обстоитъ такъ просто, какъ думаетъ Каутскій. Если имперіализмъ есть только средство новаго развитія англійскаго капитализма (даже капиталистической клики), то совершенно непонятна роль и отношенія такихъ колоній, какъ Канада или Австралія (гдѣ во главѣ правительства стоятъ наиболѣе демократическіе элементы). Затѣмъ, если Англія побѣдитъ (à la longue въ этомъ не можетъ, конечно, быть никакого сомнѣнія и говорить о разгромѣ Англіи, нѣтъ пока никакихъ основаній), если это вызоветъ усиленіе джингоизма, то заключать отсюда о какой-то небывалой капиталистической hausse, объ измѣненіи пути періодическаго развитія, выработаннаго десятками лѣтъ, если не вѣками, нѣтъ положительно никакихъ основаній. Можно ожидать, наоборотъ, что спустя нѣкоторое время все явственнѣе и настойчивѣе будутъ раздаваться рѣчи тѣхъ, кто не видитъ въ имперіализмѣ спасенія, панацеи, а окончательный путь развитія опредѣлится той идеей компромисса, которая составляетъ сущность англійской политики.

М. Рафаиловъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Физіологія. О нормальномъ присутствіи и значеніи мышьяка въ организмѣ человѣка и животныхъ.—**Ботаника.** О нѣкоторыхъ необычныхъ случаяхъ передачи наслѣдственныхъ свойствъ.—**Медицина:** 1) О вредѣ, причиняемомъ озогеновыми лампочками; 2) о солнечномъ ударѣ. *Д. Н.*—**Геологія.** Къ вопросу о происхожденіи нефти.—**Техника:** 1) Новое пластическое вещество целлюлитъ; 2) большой каналъ въ Чикаго.—**Статистика.** Къ парижской выставкѣ 1900 г. — **Географія и путешествія.** Восхожденія на Монъ-Бланъ прежде и теперь. *Н. М.* — **Астрономическія извѣстія** *К. Покровскій.*

Физіологія. *О нормальномъ присутствіи и значеніи мышьяка въ организмѣ человѣка и животныхъ.* Физіологическая химія—наука еще очень молодая. Вполнѣ естественно, что она по преимуществу занимается изученіемъ такихъ веществъ, которыя находятся въ организмахъ въ значительныхъ количествахъ, и стремится выяснить степень участія и значенія въ превращеніяхъ, изъ которыхъ слагается чрезвычайно сложный процессъ обмѣна веществъ, именно этихъ постоянно и въ большихъ количествахъ встрѣчающихся соединеній, но въ послѣднее время предметомъ ея изслѣдованій становятся и такія вещества, количество которыхъ въ организмѣ минимально, изъ чего никакъ нельзя заключить, чтобы и значеніе ихъ было ничтожно. Нерѣдко присутствіемъ ничтожно малыхъ количествъ даннаго вещества обусловливается существованіе важнѣйшей функціи; такъ, напримѣръ, всякій знаетъ, что желѣзо въ организмѣ человѣка находится въ незначительномъ количествѣ, а между тѣмъ оно необходимо для образованія краснаго пигмента крови, который является посредникомъ для газоваго обмѣна между тканями и воздухомъ и съ присутствіемъ котораго, слѣдовательно, самымъ тѣснымъ образомъ связана важнѣйшая функція организма—дыханіе. Въ тканяхъ животныхъ встрѣчается множество различныхъ веществъ въ минимальныхъ количествахъ, значеніе которыхъ совершенно темно. Одно изъ такихъ веществъ, до сихъ поръ, впрочемъ, не считавшееся въ числѣ составныхъ частей животныхъ тканей,—мышьякъ—и послужило предметомъ изслѣдованія французскаго химика Готье, уже много поработавшаго надъ опредѣленіемъ и изслѣдованіемъ веществъ, которыя при анализѣ встрѣчаются въ минимальномъ количествѣ, какъ, напримѣръ, іодъ въ морской водѣ. Изобрѣтенный имъ вполнѣ раціональный и чрезвычайно точный методъ опредѣленія мышьяка, далъ ему возможность открывать такія малыя количества этого элемента, которыя до сихъ поръ неизбѣжно ускользали отъ вниманія аналитиковъ. Статья его, озаглавленная «Sur l'existence normale de l'arsenic chez les animaux, et sa localisation dans certains organes», помѣщена въ № 23 t. CXXIX «Comptes rendus» парижской академіи.

На первый взглядъ кажется страннымъ предполагать въ организмѣ присутствіе мышьяка, который, какъ извѣстно, представляетъ собою весьма сильный ядъ. Однако, Готье путемъ вполнѣ логическихъ соображеній приходитъ къ тому, что присутствіе мышьяка въ нѣкоторыхъ органахъ весьма вѣроятно

и даже имѣетъ важное значеніе. Эти соображенія, чрезвычайно интересныя и сами по себѣ, слѣдующія. Отложенія, которыя образуются на стѣнкахъ печей, служащихъ для выработки бронзы изъ минераловъ, въ составъ которыхъ входитъ мышьякъ, еще народами Азіи и древней Греціи употреблялись противъ болѣзней глазъ и кожи, а также при перевязкѣ ранъ; позднѣе мы находимъ указанія у Плинія, что больные, страдающіе упорнымъ кашлемъ, находили облегченіе, вдыхая пары, которые получаются при прокаливаніи минерала аурипигмента (соединеніе мышьяка и сѣры) съ кедровымъ деревомъ. Съ древности и до нашихъ временъ мышьякъ постоянно употребляется при болѣзняхъ кожи или легкихъ и противъ извѣстныхъ видовъ малокровія. Но различные препараты этого элемента все еще остаются въ томъ видѣ, какъ они были во времена Плинія: и до сихъ поръ ими трудно вполнѣ владѣть, до сихъ поръ дѣйствіе ихъ загадочно. Готье сдѣлалъ попытку примѣнить для лѣченія болѣзни груди, малокровія, маляріи и т. д. ранѣе не употреблявшееся для этого и именно органическое соединеніе мышьяка—какодиловую кислоту, открытую около 60 лѣтъ тому назадъ Бунзеномъ. Эта кислота сильно растворима въ водѣ и содержитъ 54,3% мышьяка, но совершенно не ядовита и совершенно не обнаруживаетъ свойствъ мышьяковистыхъ соединеній. Мышьякъ въ ней является какъ бы въ скрытомъ состояніи *), но тѣмъ не менѣе, какъ показалъ Готье, сохраняетъ свои цѣлебныя свойства. При употребленіи въ видѣ подкожнаго впрыскиванія онъ усиливаетъ аппетитъ, возстановляетъ усвоеніе питательныхъ веществъ, а также является лѣчебнымъ средствомъ при болѣзни груди. Въ настоящее время во Франціи и Германіи какодиловая кислота, по указанію Готье, широко примѣняется врачами и въ клиникахъ, и въ частной практикѣ.

«Размышляя,—говоритъ Готье,—въ теченіе этихъ изслѣдованій надъ способомъ дѣйствія мышьяка, надъ его значеніемъ въ тяжкихъ случаяхъ анэміи и въ особенности при базедовой болѣзни, которая является слѣдствіемъ функціональнаго разстройства щитовидной железы, какъ извѣстно, содержащей іодъ; зная, что мышьякъ и іодъ одинаково важны при лѣченіи этой железы, сопоставляя съ этими соображеніями тотъ фактъ, установленный изслѣдованіями минеральныхъ водъ, что мышьякъ въ природѣ является весьма часто спутникомъ іода, наконецъ, найдя при изслѣдованіи водорослей мышьякъ и іодъ совмѣстно присутствующими въ этихъ низшихъ растеніяхъ, я предположилъ, что, быть можетъ, значеніе мышьяка, при лѣченіи этихъ болѣзней, объясняется тѣмъ, что онъ представляетъ необходимую составную часть какихъ-либо органовъ и въ частности щетовидной железы, которая іодъ содержитъ въ значительномъ количествѣ. Эти-то обстоятельства и понудили меня изслѣдовать, не встрѣчается ли мышьякъ въ тканяхъ животныхъ». Изслѣдованіе показало, что мышьякъ, дѣйствительно, постоянно встрѣчается въ щетовидной железѣ у человѣка, а также у травоядныхъ и плотоядныхъ животныхъ; правда, въ количествахъ весьма малыхъ, но все же доступныхъ взвѣшиванію, а въ еще меньшихъ количествахъ мышьякъ находится и въ нѣкоторыхъ другихъ органахъ.

Изслѣдованія Готье чрезвычайно важны также съ точки зрѣнія судебно-медицинской экспертизы, такъ какъ даютъ возможность открывать весьма малыя количества этого яда. Казалось бы нормальное присутствіе мышьяка должно затруднить открытіе случаевъ отравленія, но слѣдуетъ помнить, что мышьякъ строго локализированъ въ организмѣ. Онъ находится только въ щитовидной и молочной железахъ, въ glandula thymus и въ видѣ слѣдовъ въ кожѣ,

*) Подобныя соединенія въ химіи давно уже извѣстны, напр., желтая соль, содержащая желѣзо, котораго, однако, обычными пріемами открыть въ ней нельзя.

волосахъ, костяхъ, молокѣ и иногда въ экскрементахъ; въ остальныхъ органахъ, кромѣ мозга, онъ никогда не встрѣчается. Такимъ образомъ, если экспертъ въ своихъ изслѣдованіяхъ отдѣльно обратится къ каждому изъ органовъ, нормально не содержащихъ мышьяка, и если онъ откроетъ въ нихъ слѣды этого элемента, въ особенности посредствомъ метода менѣе чувствительнаго, чѣмъ изобрѣтенный Готье, что это значитъ, что мышьякъ былъ принятъ при жизни въ видѣ лѣкарства или отравы. Въ одномъ только случаѣ могли бы возникнуть нѣкоторыя сомнѣнія, а именно въ случаѣ сильнаго разложенія трупа можно предположить, что мышьякъ изъ содержащихъ его органовъ распространится по всему тѣлу. Изслѣдованіе показало, что количество мышьяка въ щитовидной железѣ взрослаго человѣка достигаетъ приблизительно 0,17 миллиграмовъ, въ остальныхъ же органахъ его гораздо меньше. Допуская даже, что всего въ организмѣ человѣка находится вдвое бо̀льшее количество мышьяка, т.-е. 0,34 миллиграм. и что при гніеніи онъ равномѣрно распредѣлится по всему тѣлу, мы придемъ къ заключенію, что если считать вѣсъ тѣла 68 киллограм., то въ каждый его части будетъ содержаться $^{34}/_{680.000.0000}$ или $^{1}/_{200.000.000}$ часть мышьяка, но такія количества не опредѣляются даже и методомъ Готье и поэтому не могутъ послужить причиною ошибки.

«Я обращаю особенное вниманіе на это разъясненіе, говоритъ Готье,—и на вышеприведенныя цифры, достаточно точныя, не желая, чтобы мои изслѣдованія надъ присутствіемъ мышьяка въ нормальныхъ тканяхъ животныхъ и человѣка дали оружіе, которое могло-бы быть обращено противъ истины или же смутили бы чью нибудь совѣсть».

Ботаника. *О нѣкоторыхъ необычныхъ случаяхъ передачи наслѣдственныхъ свойствъ.* Въ ботанической литературѣ и въ наблюденіяхъ практическихъ садоводовъ имѣются указанія на то, что иногда при опыленіи цвѣтовъ одного вида пыльцою другого получаются плоды, имѣющіе нѣкоторыя свойства плодовъ того вида, отъ котораго была взята пыльца. Чтобы оцѣнить значеніе этихъ указаній для теоріи наслѣдственности, надо припомнить, какъ образуются плоды. Въ цвѣткѣ, который даетъ плодъ, находится завязь (одна или нѣсколько)—образованіе различной формы соотвѣтственно формѣ плода, который впослѣдствіи изъ нея образуется; внутри она имѣетъ полость, въ которой находятся сѣмяпочки, превращающіяся послѣ оплодотворенія въ сѣмена, ихъ можетъ быть также одна или нѣсколько; въ каждой сѣмяпочкѣ находится нѣсколько клѣточекъ особенной формы, лишенныхъ оболочки и заключенныхъ въ одной общей полости—въ зародышевомъ мѣшкѣ. Свободный конецъ завязи обыкновенно удлиняется въ столбикъ, оканчивающійся расширеніемъ, иногда весьма сложной формы,—рыльцемъ; столбикъ можетъ и отсутствовать; въ такихъ случаяхъ рыльце сидитъ прямо на завязи. Оплодотвореніе происходитъ слѣдующимъ образомъ. Плодотворная пыльца изъ пыльниковъ обыкновенно другого цвѣтка попадаетъ на рыльце, здѣсь крупинки пыльцы прорастаютъ, т.-е. даютъ отростки въ видѣ трубочки. Эти отростки (ихъ называютъ пыльцевыми трубками) сквозь толщу столбика проникаютъ въ полость завязи и въ сѣмяпочки до зародышеваго мѣшка; здѣсь оболочка пыльцевой трубки на концѣ растворяется, и два содержащіеся въ ней ядра (вѣрнѣе клѣтки) переходятъ въ полость зародышеваго мѣшка, одно изъ нихъ сливается съ одной изъ клѣтокъ, раньше бывшихъ въ зародышевомъ мѣшкѣ, называемой яйцомъ, и образовавшаяся такимъ образомъ клѣтка даетъ начало зародышу, другое—исчезаетъ. Итакъ продуктомъ оплодотворенія, т.-е. сліянія клѣтокъ, происходящихъ отъ различныхъ индивидуумовъ, въ плодѣ является лишь одинъ зародышъ, который представляетъ собою часть сѣмени, тогда какъ всѣ остальныя части плода происходятъ изъ разросшихся и измѣнившихся тканей одного материнскаго растенія. Поэтому, при оплодотвореніи сѣмяпочекъ одного вида (или разновид-

ности) растенія пыльцею другаго, слѣдуетъ ожидать, что новыя наслѣдственныя свойства передадутся только зародышу, остальныя же части плода должны остаться одинаковыми, какая бы пыльца ни послужила для оплодотворенія, такъ какъ онѣ представляютъ собою всегда лишь части одного и того же материнскаго растенія. Само собою разумѣется, что растеніе, которое произойдетъ изъ зародыша, полученнаго посредствомъ скрещиванія (если такое сѣмя посѣять), заключая въ себѣ наслѣдственныя свойства и материнскаго, и отцовскаго растенія (т.-е. того, которое доставило плодотворную пыльцу), проявитъ ихъ въ приносимыхъ плодахъ уже не въ одномъ зародышѣ, а и въ остальныхъ частяхъ плода. Изъ сказаннаго очевидно, что, на основаніи наблюденій, упомянутыхъ въ началѣ статьи, можно придти лишь къ одному выводу, что оплодотвореніе иногда оказываетъ вліяніе не только на непосредственный продуктъ его—зародышъ, но и на ткани материнскаго растенія, и что въ тѣхъ случаяхъ, когда при этомъ получаются плоды, похожіе на плоды отцовскаго растенія,—наслѣдственныя свойства передаются или на разстояніи, или при помощи какихъ-то неуловимыхъ наблюденіемъ веществъ, распространяющихся по всѣмъ окружающимъ тканямъ. И то, и другое воздѣйствіе—крайне загадочны и не имѣютъ аналогій.

Въ «Berichte d. deutsch. bot. Gesellschaft». Bd. XVII H. 10 помѣщена небольшая статья Корренса, посвященная этимъ явленіямъ. Производя наблюденія надъ скрещиваніемъ различныхъ расъ кукурузы, Корренсъ получилъ результаты, которые подтверждаютъ и расширяютъ имѣющіяся по этому вопросу свѣдѣнія. Плодъ кукурузы, который не спеціалисты называютъ сѣменемъ, содержитъ только одно сѣмя, въ которомъ зародышъ занимаетъ лишь небольшую часть, почти все остальное приходится на долю разросшагося зародышеваго мѣшка, клѣтки котораго послѣ оплодотворенія многократно дѣлятся; въ нихъ отлагаются различныя запасныя питательныя вещества, главнымъ образомъ крахмалъ; все это образованіе, происшедшее изъ тканей материнскаго растенія, называется бѣлкомъ. У нѣкоторыхъ расъ бѣлокъ окрашенъ въ бѣлый или желтоватый цвѣтъ, у другихъ въ темно-лиловый, обусловленный присутствіемъ особаго пигмента въ наружномъ слоѣ клѣтокъ бѣлка, подъ прозрачной кожурой. При оплодотвореніи расы съ бѣлыми сѣменами пыльцою отъ расы съ фіолетовыми сѣменами, получаются плоды съ фіолетовыми же сѣменами. Такимъ образомъ, повидимому, фактъ передачи наслѣдственныхъ свойствъ не только зародышу, но и материнскому растенію, налицо. Подобные же факты указываются и де-Фризомъ въ «Comptes rendu» парижской академіи (№ 23, T. CXXIX). Корренсъ и де-Фризъ пытаются объяснить ихъ слѣдующимъ образомъ.

Изслѣдованія профессора Кіевскаго университета Навашина надъ оплодотвореніемъ у Lilium Martagon и Fritillaria tenella и независимо отъ него позднѣе опубликованныя наблюденія французскаго ученаго Гиньяра показали, что у лиліи при оплодотвореніи одно изъ ядеръ пыльцевой трубки сливается съ яйцомъ, другое же не исчезаетъ, какъ это предполагалось раньше, а также сливается съ двумя изъ ядеръ въ зародышевомъ мѣшкѣ; ядро, получившееся изъ слія-нія этихъ трехъ ядеръ: одного принадлежащаго отцовскому растенію (пыльцевой трубкѣ) и двухъ-материнскому (зародышевому мѣшку), послѣ многократнаго дѣленія даетъ начало бѣлому сѣмени. Такимъ образомъ, у лиліи происходитъ двойное оплодотвореніе: продуктомъ сліянія одного изъ ядеръ пыльцевой трубки и яйца является зародышъ, продуктомъ сліянія другаго ядра пыльцевой трубки и двухъ ядеръ зародышеваго мѣшка—бѣлокъ сѣмени. Поэтому, не удивительно, если въ подобномъ случаѣ въ бѣлкѣ обнаружатся свойства и материнскаго, и отцовскаго растенія.

Корренсъ и де-Фризъ, основываясь на этомъ замѣчательномъ открытіи, полагаютъ, что и у кукурузы происходитъ двойное оплодотвореніе и что этимъ

могутъ быть объяснены свойства ея сѣмянъ, получаемыхъ при скрещиваніи. Правда, въ дѣйствительности они не наблюдали еще у кукурузы двойнаго оплодотворенія и вообще не производили чисто логическаго изслѣдованія ея семи почекъ въ этотъ періодъ, но все же большинство полученныхъ ими результатовъ при опытахъ надъ скрещиваніемъ различныхъ расъ сильно говорятъ въ пользу этого предположенія. Если оно подтвердится, то вліяніе пыльцы на органы материнскаго растенія въ данномъ случаѣ будетъ совершенно разъяснено, такъ какъ здѣсь измѣненія ограничиваются исключительно бѣлкомъ, происшедшимъ изъ клѣтокъ зародышеваго мѣшка. Что касается другихъ случаевъ, когда подъ вліяніемъ пыльцы другого вида измѣняются ткани, которыя существовали еще до оплодотворенія, какъ, напримѣръ, покровы семипочки, или стѣнки завязи, то Корренсъ просто отрицаетъ ихъ существованіе. Конечно, этого слишкомъ мало, нужны обстоятельныя изслѣдованія; но если бы оказалось, что такія измѣненія дѣйствительно существуютъ, объяснить ихъ было бы крайне трудно. Нѣкоторые изъ садоводовъ-практиковъ утверждаютъ, что подобныя измѣненія происходятъ въ яблокахъ, если цвѣты яблони оплодотворяются пыльцою другого сорта. У яблони подобныя измѣненія было бы особенно трудно объяснить еще и потому, что въ составъ плодовъ ея, кромѣ завязи, входитъ еще и цвѣтоложе, т.-е. видоизмѣненная часть вѣтви, къ которой прикрѣплена завязь. Впрочемъ, одни только строго обставленные опыты могутъ рѣшить вопросъ о существованіи указанныхъ измѣненій. Наблюденія проф. Варшавскаго университета Бѣляева надъ плодами, получающимися при скрещиваніи весьма рѣзко отличающихся сортовъ яблонь, дали отрицательные результаты, т.-е. въ его опытахъ плоды получались всегда одинаковые, какая бы пыльца не употреблялась для оплодотворенія. Конечно, въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только тогда, когда будутъ изслѣдованы всѣ возможныя комбинаціи сортовъ.

Изслѣдованіе надъ вліяніемъ оплодотворяющихъ элементовъ на органы материнскаго растенія, къ сожалѣнію, весьма немногочисленныя, особенно интересны и потому, что въ животномъ мірѣ также наблюдалось подобное вліяніе. Существуютъ показанія, что при послѣдовательномъ оплодотвореніи черезъ нѣкоторые промежутки одной и той же самки 2 самцами различныхъ разновидностей въ потомствѣ второго самца, хотя бы оно было получено черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ потомства перваго, появляются свойства, исключительно первому самцу принадлежащія, такъ, напр., кобылы, скрещивавшіяся съ кваггами (одинъ изъ видовъ зебръ), впослѣдствіи уже отъ жеребцовъ давали все-таки жеребятъ съ полосатой какъ у квагги шерстью. Впрочемъ и въ животномъ мірѣ существованіе этихъ явленій, соединяемыхъ подъ именемъ телегоніи, не установлено прочно.

Медицина. 1) *О вредѣ, причиняемомъ озогеновыми лампочками.* Эти лампочки въ настоящее время пользуются весьма широкимъ распространеніемъ. Устройство ихъ чрезвычайно просто. Онѣ представляютъ собою флаконъ, въ который наливается 90% спиртъ съ небольшой примѣсью различныхъ пахучихъ веществъ, преимущественно эфирнаго масла тимьяна. Верхній конецъ свѣтильни накрытъ маленькимъ колпачкомъ изъ тонкой листовой платины, въ стѣнкахъ котораго сдѣлано множество мелкихъ отверстій. Когда лампочка не горитъ, то этотъ верхній конецъ накрывается, кромѣ того, стекляннымъ колпачкомъ. Если зажечь лампочку, то платина накаляется тотчасъ же до-красна, затѣмъ пламя гасятъ и жара отъ накаленной платины достаточно, чтобы поддерживать испареніе спирта изъ свѣтильни. Пары спирта въ присутствіи воздуха, прикасаясь къ накаленной платинѣ, окисляются и превращаются въ альдегидъ, т.-е., другими словами, происходитъ неполное горѣніе спирта; освобождающейся при этомъ теплоты достаточно для накаливанія платины и для

испаренія новыхъ количествъ спирта. Значеніе этихъ лампъ для дезинфекціи различныхъ помѣщеній въ настоящее время достаточно оцѣнено не только публикой, но и многими врачами, примѣнявшими ихъ при дезинфекціи больницъ. Образуемый ими альдегидъ, въ особенности если примѣнять метиловый (древесный) спиртъ, причемъ образуется формалинъ, обладаетъ весьма энергичными антисептическими свойствами. Это разрушительное вліяніе, которое онѣ оказываютъ на различныя пахучія вещества и болѣзнетворныя начала, обнаруживаетъ въ нихъ и вообще способность дѣйствовать весьма энергично на органическія вещества; поэтому можно думать, что неосмотрительное употребленіе ихъ представляетъ нѣкоторую опасность для здоровья. Проф. Баръ въ «Revue d'hygiène» сообщаетъ по этому поводу слѣдующія наблюденія. Постоянно употребляя озогеновыя лампочки въ больницѣ, которою онъ завѣдуетъ, Баръ замѣтилъ, что онѣ особенно пригодны для уничтоженія нѣкоторыхъ больничныхъ запаховъ. Помѣщенныя утромъ на столѣ, онѣ въ теченіе часа уничтожали запахи, скопившіеся за ночь. На попеченіи Бара находится больной, страдавшій гангреной легкихъ, отъ котораго распространялся такой отвратительный запахъ, что пришлось помѣстить его въ отдѣльной комнатѣ. Надежды на его выздоровленіе не было никакой, но все же нельзя было ожидать близкаго конца. Чтобы облегчить и больного, и ухаживавшихъ за нимъ отъ зловонія, Баръ приказалъ помѣстить въ его комнатѣ на ночь такую лампочку. Къ утру зловоніе было совершенно уничтожено, но состояніе больного сильно ухудшилось и вечеромъ онъ умеръ. Баръ, хотя и не могъ опредѣлить отношенія между ходомъ гангрены и дѣйствіемъ альдегида, былъ однако вполнѣ увѣренъ въ его вредномъ дѣйствіи. Онъ послѣ этого произвелъ многочисленные опыты надъ морскими свинками, помѣщая ихъ въ постоянно возобновляющуюся атмосферу воздуха, прошедшаго надъ озогеновыми лампочками. Изъ описанныхъ имъ 18 опытовъ видно, что всѣ животныя, подвергнутыя вліянію такого воздуха, погибли въ различные сроки, отъ 45 мин. до 1 мѣсяца, смотря по условіямъ опыта. Наблюдаемые симптомы обнаружили разстройство дыхательныхъ органовъ. Изъ того обстоятельства, что животныя, освобожденныя своевременно отъ вліянія этого воздуха, остаются потомъ долгое время живыми, Баръ заключаетъ, что продукты окисленія спирта дѣйствуютъ на животныхъ не какъ ядъ, но лишь вызываютъ раздраженіе слизистыхъ оболочекъ дыхательныхъ органовъ. Кромѣ того онъ нашелъ, что усиленной вентиляціи недостаточно, чтобы уничтожить раздражающее дѣйствіе лампочки, и что изъ всѣхъ употребляемыхъ спиртовъ обыкновенный винный спиртъ наименѣе вреденъ, а прибавленіе эвкалиптоваго масла значительно умѣряетъ вредное дѣйствіе лампочевъ. Эти опыты показываютъ, что озогеновыя лампочки должны употребляться съ крайнею осторожностью. Ихъ слѣдуетъ зажигать только на самое короткое время, притомъ, когда въ комнатѣ никого нѣтъ и послѣ этого комната должна быть тщательно провѣтрена. Употребленіе ихъ въ такихъ помѣщеніяхъ, какъ курительныя комнаты и больничныя палаты, когда въ нихъ кто-нибудь находится, представляетъ серьезную опасность и рѣшительно не можетъ быть допущено.

2) *О солнечномъ ударѣ.* Въ «Arch. d. médecine navale» Муссуаръ сообщаетъ весьма интересныя наблюденія, сдѣланныя имъ надъ солнечнымъ ударомъ въ Тонкинѣ. Онъ различаетъ двѣ формы разстройствъ, соединяемыя обыкновенно подъ общимъ именемъ солнечнаго удара: одно изъ нихъ представляетъ нарушеніе функцій нервныхъ центровъ, вызываемое слишкомъ высокой температурой крови, оно появляется въ тѣхъ случаяхъ, когда воздухъ, нагрѣтый выше 40°, дѣйствуетъ на всю поверхность тѣла въ теченіе промежутка времени, достаточнаго для того, чтобы нагрѣлась вся масса крови. Что касается различныхъ клиническихъ видоизмѣненій этого разстройства, которое можно было бы назвать тепловымъ ударомъ (а именно формы: асфиксіи, коматозная, апоплек-

тическая и смѣшанная), то онѣ зависятъ частью отъ индивидуальныхъ особенностей, частью отъ степени влажности воздуха. При второй формѣ, при солнечномъ ударѣ въ собственномъ смыслѣ, нарушенія правильности функцій нервныхъ центровъ бываютъ тѣ же, но происхожденіе ихъ иное, такъ какъ онѣ вызываются непосредственнымъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей на черепъ, причемъ дѣйствуютъ главнымъ образомъ лучи химическіе, а не тепловые или свѣтовые. Въ этомъ случаѣ нѣтъ надобности, чтобы окружающій воздухъ былъ нагрѣтъ до высокой температуры, или чтобы солнечные лучи дѣйствовали долгое время, необходима только извѣстная напряженность свѣта такая, которая встрѣчается лишь подъ тропиками, когда солнце находится близъ зенита. Что касается методовъ лѣченія, которые вытекаютъ изъ вышесказаннаго, то они состоятъ въ томъ, чтобы удалить излишекъ тепла при помощи ледяныхъ компрессовъ или пропитанныхъ водой со спиртомъ, а также холодныхъ обливаній всего тѣла и затѣмъ, чтобы пробудить сознаніе посредствомъ раздраженія кожи и подкожныхъ впрыскиваній эѳира и кофеина, наконецъ въ воздѣйствіи на температурные нервные центры. Для этой послѣдней цѣли до сихъ поръ пользовались хининомъ, но Муссуаръ полагаетъ, что лучше примѣнять антипиринъ, который представляетъ собою по преимуществу нервное жаропонижающее средство. Онъ совѣтуетъ употреблять его въ видѣ подкожныхъ впрыскиваній въ толщу мышцъ въ дозахъ отъ 0,4 до 0,8 грамма. Для этой цѣли можно употреблять растворъ 4 граммовъ антипирина въ 10 граммахъ воды, съ прибавкой 0,03 грамма соляно-кислаго кокаина, впрыскиваніе же производится при помощи Правацовскаго шприца.

Особенно интересно въ этой работѣ указаніе на физіологическое дѣйствіе химическихъ лучей солнца, такъ какъ эти же лучи, повидимому, играютъ роль и въ недавно открытомъ методѣ лѣченія посредствомъ свѣта большой напряженности: для этого лѣченія примѣняется свѣтъ электрическихъ лампъ съ Вольтовой дугой, который содержитъ весьма много именно химическихъ лучей. (Revue Scientifique). Д. Н.

Геологія. *Къ вопросу о происхожденіи нефти.* Въ нѣкоторыхъ гористыхъ мѣстностяхъ, какъ и у насъ въ предгорьяхъ Кавказскаго хребта, изъ земли, вмѣстѣ съ соленою водою и горючими газами (болотнымъ газомъ и др.), вытекаетъ маслянистая жидкость темно-бураго цвѣта, болѣе легкая, чѣмъ вода съ характернымъ смолянымъ запахомъ. Жидкость эта называется нефтью или петролеумомъ, т. е. горнымъ масломъ. Нефть состоитъ изъ смѣси жидкихъ углеводородовъ, т. е. такихъ химическихъ соединеній, которыя заключаютъ въ себѣ два элемента: углеродъ и водородъ въ разныхъ количественныхъ отношеніяхъ и съ различнымъ взаимнымъ отношеніемъ атомовъ этихъ элементовъ между собою. Изъ нефти получается много драгоцѣнныхъ продуктовъ, имѣющихъ обширное примѣненіе въ жизненномъ обиходѣ; достаточно назвать: керосинъ или фотогенъ, безопасное въ пожарномъ отношеніи ламповое масло, хорошо замѣняющее керосинъ, общеупотребимое смазочное или машинное масло, бензинъ, вазелинъ, наконецъ, сама нефть и всякіе отбросы ея служатъ прекраснымъ топливомъ. Гдѣ же источникъ этого драгоцѣннаго продукта природы? Какъ и въ какихъ условіяхъ образовалась нефть? Вотъ вопросы, равно интересующіе и геологовъ, и химиковъ. Въ настоящее время, за полною невозможностью дать вполнѣ точный и опредѣленный отвѣтъ на эти вопросы, большинство ученыхъ признаетъ объясненіе образованія нефти, данное русскимъ химикомъ Д. И. Менделѣевымъ, который самъ признаетъ свое объясненіе лишь наиболѣе вѣроятною гипотезой. Менделѣевъ считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ приписать образованіе нефти дѣйствію воды, проникающей черезъ трещины, образующіяся въ землѣ во время горообразовательныхъ процессовъ, въ тѣ глубокіе

слои земли, гдѣ ученые предполагаютъ расплавленные металлы ядра земли. Такъ какъ металлическое желѣзо, извѣстное въ природѣ въ видѣ метеорныхъ камней, содержитъ въ себѣ углеродъ, то, допустивъ, что и въ глубокихъ слояхъ земли находится такое же углеродистое желѣзо, можно думать, что нефть могла произойти отъ дѣйствія воды на углеродистые металлы, такъ какъ желѣзо въ этихъ условіяхъ должно окислиться, образовать окислы, а углеродъ съ освободившимся водородомъ дать углеводороды.

Многіе ученые приписывали нефти органическое происхожденіе и объясняли ея образованіе дѣйствіемъ воды и перегонки при высокомъ давленіи жирныхъ веществъ, составлявшихъ тѣло тѣхъ животныхъ, ископаемые остатки которыхъ извѣстны геологамъ. Дистиллируя при высокомъ давленіи рыбій жиръ, Энглеръ получилъ вещество, весьма сходное съ неочищенной нефтью. Противъ теоріи органическаго происхожденія нефти Менделѣевымъ было указано на то обстоятельство, что нефть часто встрѣчается въ такихъ пластахъ земной коры, гдѣ органическая жизнь была еще очень бѣдна.

Теорія органическаго происхожденія нефти нашла недавно новаго защитника въ лицѣ берлинскаго ученаго Крайнера, который въ своемъ докладѣ съѣзду нѣмецкихъ натуралистовъ въ Мюнхенѣ доказывалъ растительное происхожденіе нефти. Въ подтвержденіе своего взгляда онъ приводилъ слѣдующее: изъ діатомовыхъ водорослей, которыми изобилуютъ окрестныя болота Франценсбада ему удалось извлечь вещество, сходное съ озокеритомъ. Вещество это при дистиллированіи подъ давленіемъ дало нефть. («Revue scientifique», № 14).

Техника. 1) *Новое пластическое вещество—целлюлитъ* Трудно было бы перечислить всѣ роды примѣненія, которые имѣетъ въ настоящее время бумага, то въ ея обыкновенномъ видѣ, то въ видѣ папье-маше. Недавно, изъ той массы, которая служитъ для приготовленія бумаги было приготовлено новое вещество, могущее отвѣчать тѣмъ же техническимъ примѣненіямъ, что и целлюлоидъ; благодаря сходству съ этимъ послѣднимъ новое вещество получило названіе целлюлита. Уже раньше было замѣчено, что бумажная масса при продолжительномъ взбиваніи претерпѣваетъ извѣстнаго рода измѣненія въ своихъ свойствахъ. Если операція промыванія и удаленія волоконъ тряпокъ, которая производится въ особаго рода аппаратѣ—вродѣ мельницы съ множествомъ крыльевъ, вести долгое время, получается прозрачный и эластическій продуктъ, который, высыхая, быстро твердѣетъ и даетъ бумагѣ замѣчательную прочность. Предполагается, что здѣсь происходитъ коллоидальный, аморфный гидратъ целлюлезы, выдѣляющійся изъ клѣтокъ бумажной массы; послѣдній и дѣйствуетъ, какъ сильно связующее вещество. То же самое происходитъ при приготовленіи такъ называемаго растительнаго пергамента: при дѣйствіи сѣрной кислоты целлюлеза переходитъ въ амилоидъ, который съ избыткомъ воды даетъ желатинозный осадокъ, связующій оставшіяся волокна, и образуетъ въ концѣ концовъ прозрачный листъ, напоминающій пергаментъ. Для приготовленія целлюлита прибѣгаютъ исключительно къ механическому пріему: бумажную массу взбиваютъ очень долгое время. Смотря по свойствамъ исходнаго вещества, а также по скорости вращенія цилиндра въ машинѣ, продолжительность операціи колеблется отъ 40 до 150 часовъ. Вообще операціи нужно вести до тѣхъ поръ, пока не получится вполнѣ однородная масса безъ всякихъ слѣдовъ волоконъ. Масса эта носитъ названіе целлюлезнаго молока и, дѣйствительно, внѣшній видъ ея оправдываетъ данное ей названіе. Въ этотъ моментъ, если желаютъ имѣть цвѣтной целлюлитъ, къ массѣ прибавляютъ ту или иную растворимую или нерастворимую краску. Такъ какъ масса въ такомъ взбитомъ состояніи заключаетъ, очевидно, много воздуха, который нарушилъ бы равномѣрное строеніе окончательнаго продукта, ее подвергаютъ кипяченію для удаленія пузырьковъ воздуха. Черезъ два часа целлюлезное молоко фильтруется

и изъ него удаляютъ излишекъ заключающейся въ немъ воды, высушивая его на воздухѣ или на особыхъ сковородахъ при 40°. Въ концѣ концовъ получается тягучая масса, которая постепенно твердѣетъ и достигаетъ консистенціи рога съ удѣльнымъ вѣсомъ 4,5. Вещество это можно обрабатывать такъ же, какъ и рогъ; предъ целлюлоидомъ оно имѣетъ то важное преимущество, что оно не воспламеняется. Если къ целлюлиту до высыханія его прибавить деревянныхъ опилковъ и сажи, то получается вещество, совершенно сходное съ эбонитомъ. Новое вещество можетъ найти самое разнообразное и обширное примѣненіе тѣмъ легче, что цѣна его очень низка, вслѣдствіе дешевизны матеріала, изъ котораго оно приготовляется, а также вслѣдствіе незначительности издержекъ производства.

2) *Большой каналъ въ Чикаго.* Американцы праздновали недавно открытіе новаго канала, представляющаго гигантское сооруженіе новаго времени. Каналъ предназначенъ для оттока нечистыхъ водъ города Чикаго. Въ каналѣ нечистоты разбавляются достаточнымъ количествомъ воды и направляются въ рѣку Иллинойсъ, притокъ рѣки Миссисипи. До настоящаго времени нечистыя воды города отводились въ озеро Мичиганъ, что представляло массу существенныхъ неудобствъ, въ особенности-же въ виду того, что питьевую воду колоссальный городъ получаетъ именно изъ этого озера. Каналъ имѣетъ въ длину 46 километровъ, въ глубину 6,70 метровъ и ширину на днѣ 48,76 метровъ. Стокъ воды по каналу опредѣляется количествомъ 8.500 куб. метровъ въ минуту, причемъ количество нечистыхъ водъ достигаетъ 120 куб. метровъ. Скорость теченія не должна превышать 1,6 километра въ часъ. Каналъ для своего сооруженія потребовалъ семь лѣтъ работы и обошелся въ $55^1/_2$ мил. руб. Каналъ устроенъ такъ, что имъ можно пользоваться для навигаціи между озеромъ Мичиганомъ и Мексиканскомъ заливомъ. Расходъ воды на содержаніе канала долженъ, конечно, понизить уровень воды въ озерѣ Мичиганъ: было однако высчитано, что вліяніе канала скажется всего лишь пониженіемъ уровня воды въ озерѣ на 76 миллиметровъ, что не можетъ повлечь за собою серьезныхъ послѣдствій.

Статистика. *Къ Парижской выставкѣ 1900 г.* Сколько посѣтителей будетъ на недавно открывшейся всемірной выставкѣ въ Парижѣ? Оказывается, что на этотъ вопросъ можно съ достаточною вѣроятностью отвѣтить на основаніи статистическихъ цифръ, которыя даны предъидущими выставками. Эти послѣднія дали слѣдующія цифры посѣщеній:

Въ 1855 году	. . . .	5 милліоновъ посѣщеній;
» 1867 »	. . . .	8.800.000.
» 1878 »	. . . .	16 милліоновъ.
» 1889 »	. . . .	28 милліоновъ.

Нужно замѣтить, что эти числа относятся другъ къ другу, какъ члены геметрической прогрессіи, имѣющей знаменителемъ 1,78, т. е.:

$$5,\ 5 \times 1{,}78,\ 5 \times 1{,}78^2,\ 5 \times 1{,}78^3.$$

Произведя указанныя вычисленія, въ результатѣ мы получимъ слѣдующія числа:

5, 8,9 15,8 и 28,2.

Сравненіе этихъ цифръ съ количествомъ посѣщеній, зарегистрированныхъ въ дѣйствительности, показываетъ, что онѣ весьма близки другъ къ другу. Можно, слѣдовательно, съ достаточной долей вѣроятности заключить, что число посѣщеній выставки 1900 года не будетъ сильно разниться отъ $5 \times 1{,}78^4$ т. е. отъ 50,2. Итакъ, можно ожидать, что выставка настоящаго года будетъ имѣть около 50 милліоновъ посѣщеній.

Въ 1897 году вмѣстѣ съ выигрышными билетами всемірной выставки было выпущено 65 милліоновъ билетовъ для посѣщенія выставки. Такимъ

образомъ число выпущенныхъ билетовъ значительно превосходитъ число предполагающихся посѣщеній: въ остаткѣ должно остаться до 15 милліоновъ билетовъ, которые не могутъ найти сбыта. Вотъ почему выпущенные билеты франковаго достоинства продаются на улицахъ Парижа и при входахъ на выставку иногда значительно дешевле, сантимовъ по 50, по 40.

Географія и путешествія. *Восхожденіе на Монъ-Бланъ прежде и теперь.* Монъ-Бланъ всегда имѣлъ страстныхъ обожателей, но число ихъ въ особенности сильно возросло съ того времени, какъ развился альпинизмъ съ его серьезной задачей научно ознакомиться съ альпійской горной страной. Іосифъ Валло, извѣстный строитель Янсеновской обсерваторіи на вершинѣ Монъ-Блана, энергіей котораго недавно была сооружена вторая обсерваторія на 400 метровъ ниже первой, разсказываетъ въ «Revue française» много подробностей и опытовъ, пріобрѣтенныхъ имъ во время 25 восхожденій, совершенныхъ имъ на Монъ-Бланъ. Попутно онъ останавливается на исторіи восхожденій на Монъ-Блонъ и разсказываетъ въ какихъ условіяхъ совершалось восхожденіе въ прежнее время и какъ оно обставлено теперь. Въ настоящее время для восхожденія достаточно всего двухъ дней. Въ первый день путешественникъ достигаетъ отъ Шамони до гостинницы Grands-Mulets на высотѣ 3.000 метровъ, гдѣ онъ ночуетъ. На второй день онъ достигаетъ вершины Монъ-Блана и возвращается обратно въ Шамони. Сорокъ лѣтъ тому назадъ восхожденіе было гораздо затруднительнѣе; начать съ того, что обходилось оно гораздо дороже, такъ какъ требовалось взять съ собою четырехъ проводниковъ, изъ которыхъ каждый получалъ 80 марокъ т. е. 38 рублей; теперь же для каждаго путешественника требуется лишь два проводника. Къ тому же, нужно прибавить, что необходимо было тащить съ собою множество запасовъ, чтобы провести ночь подъ открытымъ небомъ. Англичанинъ Альбертъ Смитъ, взбиравшійся на Монъ-Бланъ въ 1851 году, съ тремя компаньонами и шестнадцатью проводниками, издалъ потомъ книгу, въ которой и описалъ свое восхожденіе. Эспедиція взяла съ собою слѣдующіе запасы. Изъ напитковъ: 60 бутылокъ обыкновеннаго вина, 31 бут. бѣлаго вина, 3 бут. коньяку, 1 бут. малиноваго сиропа, 6 бут. лимонаду и 2 бут. шампанскаго. Пищу составляли: 20 хлѣбовъ, 6 малыхъ круговъ сыру, 6 пакетовъ шоколаду, 6 пакетовъ сахару, 6 пакетовъ сушеныхъ сливъ, 4 пакета изюму, 2 пакета соли, 6 лимоновъ и далѣе: 4 окорока баранины, 4 окорока ветчины, 6 кусковъ телятины, 11 штукъ большой и 35 мелкой птицы. Съ тѣхъ поръ какъ устроена гостинница Grands-Mulets—все это стало проще и дешевле: за нѣсколько франковъ можно получить сталъ и квартиру. Возникновеніе этой гостинницы относится къ 1853 г., когда жители Шамони, чтобы привлечь болѣе иностранцевъ и облегчить восхожденіе на Монъ-Бланъ, устроили на высотѣ 3.000 метровъ хижину съ печью, меблировали ее одной скамьей и столомъ и съ торжественностью отпраздновали открытіе «гостинницы». Для 35 участниковъ этого торжества, которые должны были провести ночь въ этомъ помѣщеніи, оно оказалось тѣснымъ и усталые и озябшіе отъ холода они вернулись въ Шамони, не побывавъ на вершинѣ Монъ-Блана.

Въ настоящее время туристъ, желающій совершить восхожденіе на Монъ-Бланъ, беретъ съ собою двухъ проводниковъ, которые связываются съ нимъ веревкой на случай, если бы онъ сдѣлалъ неловкій шагъ и попалъ въ трещину льда. Сейчасъ за Шамони дорога не представляетъ ничего особеннаго: сначала нужно взбираться на ледниковую морену, затѣмъ достигаютъ глетчера, гдѣ скоро и начинаются болѣе или менѣе широкія трещины. На высотѣ 2.400 метровъ достигаютъ мѣста, извѣстнаго подъ названіемъ «Le Plan-Glacier», гдѣ глетчеръ имѣетъ совершенно горизонтальную поверхность, прорѣзанную однако трещинами, которыя доходятъ до 50 метровъ глубины. На этомъ пути

встрѣчаются большія ледяныя пирамиды, подъ названіемъ «Seracs», представляющія чудное зрѣлище. Затѣмъ достигаютъ мѣста, гдѣ глетчеры Таконназъ и Боссонъ соединяются у подножія утеса, гдѣ расположена гостинница Grand Mulets. Далѣе идутъ большія трещины, для перехода черезъ которыя прежде нужно было брать съ собою лѣстницы. Теперь же хозяинъ гостинницы кладетъ лѣстницы въ необходимыхъ мѣстахъ и держитъ на мѣстѣ въ теченіе всего сезона. Самое помѣщеніе гостинницы расширено и съ большими удобствами отстроено за-ново. Здѣсь туристы проводятъ остатокъ перваго дня восхожденія, а въ полночь уже выходятъ въ путь, чтобы достигнуть вершины горы. Это ночное путешествіе производитъ на большинство туристовъ сильное впечатлѣніе, благодаря темнотѣ и сильному холоду. На высотѣ 4.000 метровъ у многихъ туристовъ появляются симптомы горной болѣзни: головная боль и тошнота; затѣмъ слѣдуетъ непреоборимая сонливость. Валло приписываетъ ее плохому отдыху предшествующей ночи и тому возбужденію, которое обыкновенно сопровождаетъ восхожденіе. Покинувъ гостинницу, туристъ принужденъ нѣсколько часовъ странствовать по снѣжнымъ полямъ, пока онъ не достигнетъ утеса «L'Heureux-Retour», названнаго такъ женевскимъ натуралистомъ Соссюромъ, который провелъ тамъ ночь на обратномъ пути съ вершины Монъ-Блана въ 1788 году. Соссюръ былъ вторымъ, взошедшимъ на Монъ-Бланъ. Немного выше расположенъ глетчеръ, съ котораго срываются иногда большія глыбы льда и падаютъ на плато, причемъ, хотя и рѣдко, бываютъ несчастные случаи. На «Grand-Plateau»—величиною въ одинъ квадратный километръ путникъ находится на высотѣ 4 тыс. метровъ. Плато покрыто снѣгомъ. Здѣсь горная болѣзнь часто усиливается и многіе туристы ложатся въ снѣгъ и заявляютъ, что они не желаютъ идти далѣе. Проводники обязаны въ такихъ случаяхъ на рукахъ сносить ихъ внизъ, пока не наступитъ улучшеніе ихъ состоянія. Когда достигаютъ вершины (4.810 метровъ), стужа уменьшается, такъ какъ солнце достаточно пригрѣваетъ, даже при —10° Ц. Панорама съ вершины Монъ-Блана очень обширна—она хватаетъ до Бернскаго Оберланда, лежащаго на 130 километровъ отсюда по воздушной линіи. На самой вершинѣ находится нѣсколько лѣтъ тому назадъ выстроенная обсерваторія. Такъ какъ она выстроена на снѣгѣ, а глетчеръ находится въ движеніи, то эта обсерваторія уже въ настоящее время находится не на самой вершинѣ Монъ-Блана. Валло на свои средства устроилъ другую обсерваторію на высотѣ 4.359 метровъ; онъ выстроилъ ее на утесѣ, такъ что она не будетъ мѣнять своего положенія; къ ней пристроены два убѣжища для туристовъ.

Первое восхожденіе на Монъ-Бланъ совершено въ 1786 г. Жакомъ Бальма. Вторымъ былъ, какъ выше было упомянуто, ученый Соссюръ въ 1788 г. Съ тѣхъ поръ и до 1850 года рѣдкіе туристы отваживались на восхожденіе. Съ 1850 года желѣзная дорога облегчила доступъ въ Шамони и, когда въ 1853 г. была выстроена первая хижина на Grands-Mulets—число восхожденій стало быстро увеличиваться. Въ настоящее время въ среднемъ на годъ приходится до 40 восхожденій. Долгое время число англичанъ превосходило число представителей всѣхъ другихъ націй вмѣстѣ взятыхъ въ общемъ числѣ туристовъ, достигавшихъ вершины Монъ-Блана. Въ теченіе 30 послѣднихъ лѣтъ число англичанъ остается тѣмъ же, число же французовъ сильно увеличивается. Наибольшее число восхожденій совершилъ до сихъ поръ французъ Валло (25), конечно, кромѣ проводниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ уже на вершинѣ болѣе 50 разъ. Въ общемъ со времени перваго восхожденія было около 2.000 восхожденій; изъ нихъ около 100 восхожденій приходится на женщинъ. Первая женщина, о восхожденіи которой упоминается, была дѣвица Паради, достигшая вершины въ 1809 году, вторая — дѣвица д'Огевилль въ 1838 году. До 1865 года на вершинѣ было всего 7 женщинъ; теперь же каждый годъ восхожденіе совершаютъ 3—4 женщины. Н. М.

Астрономическія извѣстія.

Полное солнечное затменіе 15-го мая 1900 г. Астрономы очень интересуются солнечнымъ затменіемъ, которое будетъ наблюдаться въ настоящемъ маѣ, 15-го числа. Хотя громадное протяженіе той полосы земной поверхности, въ которой будетъ видна полная фаза, приходится на Атлантическій океанъ, гдѣ нельзя расположиться экспедиціямъ, тѣмъ не менѣе остальная ея часть идетъ по благодатнымъ странамъ, въ которыхъ можно ждать хорошей погоды. Оно начинается въ центральной Америкѣ въ Мексикѣ, тянется черезъ сѣверо-американскіе штаты: Луизіану, Миссисипи, Алабаму, Георгію, южную и сѣверную Каролины, Виргинію, потомъ пересѣкаетъ весь Атлантическій океанъ и вступаетъ на Пиринейскій полуостровъ, оттуда черезъ Средиземное море перекидывается въ Алжиръ, Тунисъ, Триполи и кончается почти у береговъ Краснаго моря. Въ Америкѣ затменіе будетъ наблюдаться утромъ: на западѣ очень рано, на востокѣ позднѣе. Въ Испаніи полная фаза приходится около четырехъ часовъ пополудни, въ Алжирѣ—въ пять.

Какъ рано утромъ, такъ и къ вечеру солнце стоитъ не высоко надъ горизонтомъ, такъ что наблюденія въ это время менѣе благопріятны. Поэтому болѣе выгодными являются пункты, близкіе къ Атлантическому океану, какъ въ Новомъ, такъ и Старомъ Свѣтѣ. Еще въ Испаніи высота солнца очень значительна—45°—50°, но въ Алжирѣ и дальше она быстро падаетъ.

Въ отношеніи продолжительности полнаго затменія удобства станцій какъ разъ слѣдуютъ той же послѣдовательности. Максимумъ продолжительности феномена падаетъ на середину Атлантическаго океана. Такимъ образомъ, чѣмъ ближе станція къ берегу Атлантическаго океана, тѣмъ дольше на ней продолжится полная фаза.

Къ сожалѣнію, предстоящее затмѣніе по продолжительности вообще не принадлежитъ къ выгоднымъ. Въ то время, какъ средняя продолжительность полныхъ солнечныхъ затменій равняется $3^1/_2$ минутамъ, а въ исключительныхъ случаяхъ затменіе можетъ наблюдаться даже 7 минутъ; въ настоящемъ случаѣ наибольшая продолжительность не превосходитъ 2 минутъ 14 секундъ. Да и то такая продолжительность явленія, какъ только что упомянуто, будетъ имѣть мѣсто для океана, а изъ наблюдателей никто не будетъ располагать такимъ временемъ. На сушѣ полное затменіе будетъ продолжаться только одну минуту съ секундами. Въ Португаліи, на берегу Атлантическаго океана, продолжительность полной фазы равняется 1 мин. 35 сек., въ центральной Испаніи она уже 1 мин. 23 секунды, а въ Алжирѣ всего только 1 мин. 9 секундъ. Въ Америкѣ, у береговъ Атлантическаго океана, она 1 мин. 46 секундъ, а въ Новомъ Орлеанѣ—1 мин. 18 сек.

Такимъ образомъ, по внѣшнимъ, такъ сказать геометрическимъ, условіямъ наблюденія затменія являются болѣе выгодными въ мѣстностяхъ, находящихся на самомъ берегу Атлантическаго океана, въ частности для Европы въ Португаліи выгоднѣе, чѣмъ въ Испаніи. Но при выборѣ станціи для экспедиціи астрономъ долженъ считаться и съ другими мѣстными условіями, особенно метеорологическими. Такъ, напримѣръ, есть полное основаніе опасаться, что наблюденія затменія въ Португаліи пропадутъ, не удадутся скорѣе, чѣмъ въ Испаніи. Высокія горныя цѣпи на востокѣ страны задерживаютъ тучи, несущіяся съ Атлантическаго океана, и способствуютъ большей облачности. Наоборотъ, въ центральной Испаніи небо очень часто бываетъ чисто и можно опасаться только случайной грозы на востокѣ, близъ береговъ Средиземнаго моря.

Интересно остановиться на тѣхъ задачахъ, которыя ставитъ теперь себѣ наблюдатель, отправляясь на затменіе.

Главный интересъ его, конечно, сосредоточивается на солнечной коронѣ,

которую все еще, несмотря ни на какія усилія, не могутъ сфотографировать при обыкновенныхъ условіяхъ, т. е. когда дискъ солнца не закрытъ луной.

Ради этой-то короны и предпринимаются далекія, часто стоящія очень дорого, экспедиціи. Но несмотря на то, что наблюденія каждый разъ продолжаются всего двѣ три минуты, нельзя сказать, чтобы всѣ эти затраты были напрасны. Мы несомнѣнно всякій разъ подвигаемся впередъ, получаемъ все новые и новые интересные результаты.

Рядъ фотографическихъ снимковъ за послѣдніе годы опредѣленно подтвердилъ обнаруживавшуюся и изъ прежнихъ рисунковъ солнечной короны закономѣрную правильность въ измѣненіи ея вида съ одиннадцатилѣтнимъ періодомъ. Онъ представляетъ также сравнительно уже богатый и надежный матеріалъ для количественныхъ разсчетовъ силъ и скоростей, съ которыми выбрасываются легкія частицы, составляющія корону, съ поверхности солнца въ атмосферу.

Съ 1893 года солнечную корону фотографируютъ во время затменія также по способу астронома Шеберле длиннофокуснымъ объективомъ, допускающимъ изображенія очень большого діаметра. Этотъ методъ позволяетъ выяснить детали въ строеніи внутреннихъ частей короны.

Извѣстная американская обсерваторія гарвардскаго колледжа торопится окончить къ предстоящему затменію постройку громадной новой трубы, которая будетъ имѣть 162 фута въ длину при небольшомъ сравнительно діаметрѣ — 14 дюймовъ.

Еще больше интереса представляютъ трудныя спектральныя изслѣдованія солнечной короны. Изъ какихъ веществъ состоитъ корона? Что представляетъ собой такъ-называемый коронный спектръ, который характеризуется извѣстной яркой зеленой линіей? Какъ распредѣляется этотъ газъ?

Въ 1893 году Деляндръ отмѣтилъ смѣщеніе многихъ линій въ фіолетовой области спектра солнечной короны, откуда онъ заключилъ, что корона вращается вмѣстѣ съ солнцемъ. Интересно и важно провѣрить это.

Самый послѣдній моментъ передъ тѣмъ, какъ постепенно надвигающаяся луна совсѣмъ закроетъ дискъ солнца, чрезвычайно эффектенъ и интересенъ. Тогда происходитъ полное измѣненіе спектра. Всѣ темныя линіи становятся свѣтлыми, оставаясь на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и были.

Наблюдавшій впервые это явленіе въ 1870 году Юнгъ совершенно потерялся отъ неожиданности, но онъ понялъ его. Вотъ подтвержденія идеи Кирхгофа о томъ, что темныя, такъ-называемыя фраунгоферовы, линіи въ солнечномъ спектрѣ обусловливаются поглощеніемъ лучей атмосферой солнца! Въ тотъ моментъ, когда луна только что закрываетъ весь дискъ солнца, когда лучи, попадающіе въ спектроскопъ, идутъ отъ низшаго слоя атмосферы, непосредственно примыкающаго къ поверхности горящаго свѣтила, они являются намъ свѣтлыми.

Вотъ онъ обращающій слой—чрезвычайно узкій и низкій!

Теперь спектръ обращающаго слоя даже фотографируютъ. Повидимому, это даже не одинъ слой. Поглощеніе различныхъ лучей происходитъ на различныхъ глубинахъ въ различныхъ слояхъ.

Все это очень важно разслѣдовать точно.

Какъ частное, затменіе 15-го мая будетъ наблюдаться на огромной части поверхности земли: отъ экватора до полюса и болѣе чѣмъ на 200° по долготѣ. Оно будетъ видимо во всей сѣверной Америкѣ, отчасти въ южной, во всей Европѣ, въ значительной части Азіи и Африки.

Величина его для Европейской Россіи измѣняется почти отъ 0,6 до 0,2. Въ Царствѣ Польскомъ, въ Кіевѣ, на Азовскомъ морѣ и Кавказѣ будутъ ви-

дѣть 0,5 диска солнца закрытымъ луной, на прямой, соединяющей приблизительно Ригу и Астрахань 0,4 диска, въ Москвѣ—0,35, въ Петербургѣ—0,32.

Начало затменія для Москвы 5 час. 44 мн. вечера, его конецъ въ 7 час. 10 минутъ.

Въ С.-Петербургѣ начало въ 5 час. 8 мин., конецъ 6 час. 35 мин.

Въ Астрахани конца затменія уже не будетъ видно—оно зайдетъ раньше.

Въ Саратовѣ, Самарѣ, Екатеринбургѣ солнце опустится подъ горизонтъ вскорѣ послѣ того, какъ затменіе кончится.

На восточномъ берегу Аральскаго озера оно заходитъ въ самый моментъ начала.

Наблюденія частнаго затменія далеко не представляютъ такого большого интереса, какъ наблюденіе полной фазы.

Можно обратить вниманіе на контуръ луны, проектирующійся на свѣтлый дискъ солнца, въ силуэтахъ распознать извѣстныя лунныя горы, прикинуть ихъ высоту, можно отмѣтить время начала и конца затменія.

При наблюденіи невооруженнымъ глазомъ, т.-е. безъ трубы, надо запастись закопченнымъ стеклышкомъ. Конечно, дискъ солнца начинаетъ темнѣть всегда съ западной стороны.

Свѣтящіяся ночныя облака. Обращаемъ вниманіе читателей, что лѣтомъ, съ половины мая и до конца іюля, можно ждать интересныхъ серебристыхъ облаковъ ночью, о которыхъ я говорилъ въ іюльской хроникѣ прошлаго года. Повидимому, судьба призываетъ къ разслѣдованію этого загадочнаго феномена русскихъ естествоиспытателей. По крайней мѣрѣ, въ прошломъ году нигдѣ въ Западной Европѣ свѣтящихся облаковъ уже не видѣли, въ Россіи же они несомнѣнно наблюдались нѣсколько разъ. Въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, ассистентъ астрономической обсерваторіи юрьевскаго университета, г. Шарбе, сфотографировалъ ихъ 15-го, 18-го, 20-го, 21-го и 25-го іюня. Мнѣ самому удалось видѣть роскошное явленіе 2-го и 3-го іюля, а потомъ болѣе слабое 15-го іюля въ Юрьевѣ.

Было бы весьма желательно, чтобы возможно большее число лицъ послѣдило за небомъ предстоящимъ лѣтомъ и отмѣтило бы появленіе свѣтящихся облаковъ. Особенно приглашаемъ къ наблюденію возможнаго феномена фотографовъ-любителей. Выгоднѣе, конечно, работать въ этомъ случаѣ съ свѣтосильными объективами, потому что облака бываютъ часто очень измѣнчивы въ своихъ формахъ, но если нѣтъ подъ руками свѣтосильнаго аппарата, не надо пренебрегать и болѣе слабымъ. Общее строеніе, по которому можно узнать явленіе, передастъ всякая камера.

Важно даже просто зарегистрировать фактъ появленія облаковъ.

Возможное время экспозиціи для объектива свѣтосилы F:15 или F:20 пять-шесть минутъ.

Важно, чтобы одновременно вмѣстѣ съ облаками на пластинкѣ сфотографировался бы слѣдъ какой-либо звѣзды или какой-либо земной предметъ, высота и азимутъ котораго наблюдателю извѣстны.

Необходимо записать день и часъ наблюденія.

Что касается характеристики явленія, то въ общихъ чертахъ она слѣдующая: свѣтящіяся облака всегда бываютъ видны на сѣверѣ невысоко надъ горизонтомъ, въ той области небосклона, куда достигаютъ лучи отъ находящагося надъ горизонтомъ солнца.

Они очень похожи по строенію на перистыя облака (cirrus), но сразу могутъ быть отличены отъ нихъ по слѣдующему признаку. Перистыя облака, находясь на темномъ фонѣ, являются свѣтлыми, попадая же на свѣтлый фонъ, оказываются темными. Свѣтящіяся, серебристыя облака видны только тогда, когда ихъ касаются лучи солнца; какъ только они попадаютъ въ тѣнь, они

совершенно исчезаютъ для глаза наблюдателя. Характеренъ также голубоватый оттѣнокъ ихъ окраски въ промежуточныхъ частяхъ. Главнѣйшія же формы— это серебристыя полосы, которыя тянутся рядами или параллельно горизонту, или нѣсколько наклонно. Иногда видны чешуйка, отростки, придающія облакамъ видъ хребта рыбы или пера.

Важнѣйшей особенностью свѣтящихся облаковъ, которая выдѣляетъ ихъ изъ разряда обыкновенныхъ облаковъ, является исключительная высота надъ поверхностью земли. Они плаваютъ въ среднемъ на высотѣ 82 километровъ, тогда какъ наибольшая высота нашихъ перистыхъ облаковъ не превосходитъ 13 километровъ. Поэтому при опредѣленіи высоты свѣтящихся облаковъ наблюдателямъ придется разъѣхаться для одновременныхъ наблюденій не менѣе, какъ на 30 верстъ. Фотографія и въ этомъ случаѣ очень удобна. На двухъ фотографическихъ пластинкахъ, снятыхъ хотя бы только приблизительно съ одной части неба, всегда почти можно выдѣлить общія точки облака, положеніе которыхъ надъ горизонтомъ и нужно сравнить.

Свѣтящіяся облака бываютъ обыкновенно видимы не одинъ день, а нѣсколько подъ-рядъ, такъ что разъ они появились, есть полное основаніе ждать ихъ и на завтра, а слѣдовательно, и рискнуть, если есть компаньонъ для одновременнаго фотографированія феномена, предпринять небольшую экспедицію на 30 верстъ.

Если бы кому-либо изъ читателей удалось нынѣшнимъ лѣтомъ наблюдать свѣтящіяся облака, то я очень просилъ бы дать мнѣ объ этомъ знать, а если возможно, то прислать и фотографическіе снимки по адресу Юрьевской астрономической обсерваторіи.

Впервые свѣтящіяся облака были замѣчены проф. Цераскимъ 12 іюля (н. ст.) 1885 года въ Москвѣ, а потомъ 23 и 24 числа во многихъ пунктахъ сразу въ западной Европѣ.

К. Покровскій.

---

*

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".

Май. 1900 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Публицистика.—Исторія литературы.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Кн. В. В. Барятинскій. «Потомки».—*Г. Гауптманъ.* «Драматическія сочиненія».—*Шелли.* «Ченчи».

Баронъ Ondit (кн. В. В. Барятинскій). «Потомки». Второе изданіе. Спб. 1899 г. (стр. 142). Ц. 1 р. Лѣтъ сорокъ-пятьдесятъ назадъ въ большой модѣ были у насъ «*великосвѣтскіе*» романы и повѣсти съ героями и героинями изъ «*высшаго*» общества, рисовавшіе передъ читателемъ въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ жизнь, замкнутую въ тѣсномъ кружкѣ привиллегированной родовитой аристократіи, извѣстную авторамъ только по наслышкѣ, и поэтому представляемую невѣрно и односторонне. Съ конца пятидесятыхъ годовъ героями литературы явились почти исключительно люди средняго класса, разночинцы и народъ, и этотъ «высшій» классъ изображается рѣдко, но зато уже людьми дѣйствительно знающими этотъ высшій кругъ, и поэтому и изображающими его безпристрастно и правдиво, со всѣми присущими этому кругу достоинствами и недостатками. Таково изображеніе высшаго общества у Григоровича, Тургенева, Гончарова и особенно гр. Л. Толстого, у котораго, на-ряду съ типами въ высшей степени комическими, не мало и лицъ, заслуживающихъ участія и симпатіи. Къ числу тоже близко знающихъ нашу аристократію авторовъ принадлежитъ и молодой писатель кн. Барятинскій, красиво-изданную книжку котораго читатель прочтетъ не безъ удовольствія, получивъ изъ нея, хотя и одностороннее, но въ общемъ вѣрное понятіе о жизни, интересахъ и психологіи значительнаго большинства высшаго общества.

«*Потомки*», или, какъ ядовито называетъ ихъ авторъ «*они*», это—пустые, легкомысленные, получившіе, вмѣсто образованія и воспитанія, одинъ свѣтскій лоскъ и французскій языкъ, представители аристократіи, — князья, графы, бароны, княгини, графини и баронессы, безполезно и безцѣльно прожигающіе жизнь, благодаря наслѣдственному богатству, или браку на деньгахъ. Изъ одиннадцати бойкихъ, фельетонныхъ разсказовъ, написанныхъ съ добродушнымъ, подчасъ не безъ ядовитости, юморомъ, вызывающимъ здоровый смѣхъ, читатель знакомится съ цѣлымъ кругомъ жизни этихъ людей, обнимающимъ весь ихъ зимній сезонъ. Осенью «*они съѣзжаются*» изъ своихъ имѣній, Крыма, изъ-за границы, дѣлятся въ гостиной впечатлѣніями; «*они велосипедятъ*»; «*они пристраиваются*», разворившись, къ купеческимъ милліонамъ и «*женятся*» на купчихахъ, которыхъ, какъ и всю родню, презираютъ; «*они благотворятъ*», торгуя на базарахъ, часто даже не зная хорошенько сами, въ пользу какихъ именно pauvres, и не требуя отчета отъ устроителей; «*они на выставкѣ*

картинъ», въ коихъ ровно ничего не понимаютъ и куда ходятъ только показывать туалеты и флиртировать; «*они на французской субботѣ*» скучаютъ въ Михайловскомъ театрѣ надъ «Свадьбой Фигаро», не зная даже, кто ее написалъ, Мольеръ, или Бомарше (стр. 99); «*они затѣваютъ любительскій спектакль*», смѣшивая Островскаго съ Leon Толстымъ, двойную фамилію Немировича-Данченко съ «Братьями Карамазовыми» (sic!) и въ первый разъ въ жизни прослушиваютъ чтеніе «Горе отъ ума». Три разсказика рисуютъ и рискованныя положенія, въ которыя попадаютъ «*они*». Въ одномъ изъ лучшихъ разсказовъ, «*Гдѣ ихъ можно встрѣтить*», красавица графиня Кудряева встрѣчается у постели своего ребенка съ докторомъ, приглашеннымъ къ ней ночью въ холостую квартиру каваллериста—ея любовника, когда съ ней сдѣлался припадокъ. Въ другомъ разсказѣ «*Съ новымъ годомъ*», навязываютъ старую дѣву съ богатымъ приданымъ не раззорившемуся идіоту, оплѣшивѣвшему юношѣ князю Радомскому, думавшему оплатить долги приданымъ, а богатому, но очень наивному князю Лоло Красносельскому. Въ третьемъ—«*Романъ Его Сіятельства*» — князя Уржумскаго, истощеннаго, стараго сластолюбца, проводящаго большую часть жизни за границей, облапошиваетъ, какъ дурака, подъ видомъ благородной невинности, обольстительная дѣвица, генеральская дочь Ара.

Все это разсказано весело, просто, ядовито, и вмѣстѣ, якобы наивно.

В. О—скій.

Г. Гауптманъ. «Драматическія сочиненія». Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ К. Бальмонта. Москва. 1900. Въ настоящемъ сборникѣ соединены въ новомъ переводѣ пять наиболѣе извѣстныхъ русской публикѣ драмъ Гауптмана: *Ганнеле*, *Извозчикъ Геншель*, *Одинокіе*, *Праздникъ Примиренія* и *Потонувшій колоколъ*. Всѣ эти произведенія ставились на сценѣ, а нѣкоторыя появлялись и въ печати (*Ганнеле* и *Одинокіе люди* даже по два раза). Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что большая часть существующихъ до сихъ поръ переводовъ этихъ интересныхъ драмъ были въ высшей степени неудовлетворительны, новое изданіе ожидалось съ нетерпѣніемъ, особенно благодаря тому, что г. Бальмонтъ, считающійся въ настоящее время однимъ изъ лучшихъ переводчиковъ стиховъ, взялъ на себя переводъ двухъ лучшихъ изъ данныхъ пяти драмъ Гаутмана, *Ганнеле* и *Потонувшій колоколъ*, болѣе другихъ искаженныхъ прежними переводчиками и представляющихъ дѣйствительно большія трудности для художественной передачи.

Къ сожалѣнію, на этотъ разъ г. Бальмонтъ не оправдалъ утвердившуюся за нимъ репутацію. Его переводы изъ Гауптмана носятъ характеръ такой небрежности, которая почти нигдѣ не дала проявиться его обычному таланту версификаціи. Совершенно ученическое стремленіе къ подстрочности мѣстами смѣняется такимъ «вольнымъ» отношеніемъ къ тексту, что отъ Гауптмана не остается никакого слѣда. Ни съ одною изъ дѣйствительно многочисленныхъ трудностей переводчикъ не справился настолько удачно, чтобы въ языкѣ не чувствовалось натяжки, а иногда прямо безграмотности. Напр., развѣ не бурсацкія вирши распѣваютъ ангелы въ *Ганнеле*?

Тихіе, безмолвные, спасенную любя,
Въ царствіе небесное уносимъ мы тебя.

Гдѣ переводчику для размѣра не хватаетъ слога, онъ безъ церемоніи пишетъ «торжественъ» вмѣсто торжественъ, или «нарвите вѣтокъ *со* цвѣтами», или «въ постелю». Нельзя себѣ представить, чтобы опытный стихотворецъ не умѣлъ избѣжать подобныхъ непозволительныхъ въ русскомъ языкѣ формъ. Если такъ переведена *Ганнеле*, то *Потонувшій колоколъ* «обработанъ»

еще лучше. Небрежность сказывается здѣсь уже въ наименованіи персонажей. Если водяному переводчикъ оставляетъ его нѣмецкое имя Никельманъ, то почему онъ и лѣшаго не называетъ по-нѣмецки «Вальдшратъ», а неизвѣстно зачѣмъ лѣснымъ фавномъ? Почему онъ нѣмецкихъ же эльфовъ, которые давно уже подъ этимъ именемъ вошли въ русскій литературный языкъ, перекрещиваетъ въ латинскихъ сильфовъ? О болѣе трудныхъ случаяхъ и говорить нечего; такъ, Waldmännchen и Waldweibchen (лѣсные гномы) г. Бальмонтъ называетъ «лѣсными человѣчками и женщинками», а разъ, для размѣра тоже, встрѣчается даже «человѣчишко лѣсной»; frau Findenklee онъ переводитъ буквально «Фрау Находи-Трилистникъ», т. е. слово frau, которое могло бы быть переведено, сохраняетъ по-русски, а переводитъ собственное имя, которое этому не поддается. При этомъ еще нужно замѣтить, что нѣмецкій двугласный звукъ *au*, въ словахъ Фрау и Раутенделейнъ, г. Бальмонтъ считаетъ за два слога *а—у*, что приводитъ къ такимъ невозможнымъ размѣрамъ:

Какъ васъ зовутъ? — Какъ? Ра-утенделейнъ.

Порою г. Бальмонтъ пытается передать даже нижне-нѣмецкій діалектъ, на которомъ говоритъ старуха Виттиха, тогда онъ пишетъ «Рутандля» и даже «Рутань»; тутъ, очевидно, трехсложное слово не влѣзало въ стихъ. Всѣ междометія переводчикъ сохраняетъ въ нѣмецкихъ звукосочетаніяхъ, что по-русски весьма непріятно рѣжетъ ухо: глю-глю, гулле-гулле, гольдріо и т. п., но гдѣ ему нужна риѳма, тамъ онъ измышляетъ свои собственныя восклицанія, не существующія ни въ какомъ языкѣ, напр.:

Букке, бокке, хейса, *хву*!
Толстый быкъ храпитъ въ хлѣву.

И такимъ образомъ русскій языкъ обогащенъ неологизмомъ—хву, безъ котораго очень удобно могъ обходиться.

Какъ г. Бальмонтъ обращается съ фонетикой, точно также отважно онъ поступаетъ съ понятіями. Онъ навязываетъ Гауптману свои словечки и даже цѣлые стихи, которые всегда такъ и лѣзутъ въ глаза своею неумѣстностью, какъ кумачевая заплата на черномъ фракѣ. Такъ, мастеръ Генрихъ у г. Бальмонта оброщается къ лѣшему: «будь ты такъ старъ, какъ темные лѣса *Гебридскихъ острововъ*». Само собою разумѣется, что у Гауптмана литейный мастеръ не выказываетъ подобныхъ географическихъ познаній. Далѣе, Раутенделейнъ, напр., поетъ въ хороводѣ эльфъ такую безсмыслицу:

Съ вами, сильфы, я сплету
Шопотъ, ропотъ и мечту.

Этихъ двухъ стиховъ совсѣмъ нѣтъ въ оригиналѣ. Дальше слѣдуютъ столь же непонятные стихи:

Ты, серебряная тѣнь,
Посмотри, какъ ясный день,
Въ серебро одѣта я,
Серебриста ткань моя!
Ты, смуглянка, погляди:
Что тамъ вьется впереди;
Это я кружусь, мечтой,
Съ нѣжной, съ смуглой красотой!
Ты, изъ золота, взгляни,
Послѣ въ мысли вспомяни,
Какъ сіяніе зажглось
Золотыхъ моихъ волосъ!
Я взметну ихъ—ты за мной—
Красный дымъ и шелкъ волной!
Я ихъ брошу вдоль лица,
Пламя, пламя безъ конца!

Все это очень подходитъ къ «безбрежности» стиховъ гг. Перцовыхъ, Добролюбовыхъ и самого г. Бальмонта, но поэзія Гауптмана всегда сохраняетъ очень опредѣленныя границы логическаго смысла. У него эльфъ не называется серебряною тѣнью, серебряная тѣнь не смотритъ, какъ ясный день, никто не вьется впереди самого себя и т. д. Гауптманъ не повѣрилъ бы, чтобы у когонибудь въ сердцѣ могъ *вспыхнуть* ледъ, какъ думаетъ г. Бальмонтъ, или чтобы чей-нибудь кипучій духъ могъ весь проникнуться огнемъ и *пляской*. Къ этой же категоріи безсмыслицъ, происходящихъ отъ инфекціи парижско-нижегородскою «новою красотою», относятся еще «сильфидные свисты», «пьяная полоса» вороновъ и много другихъ рѣдкостей.

Другая категорія безсмыслицъ, не менѣе многочисленныхъ, происходитъ отъ небрежнаго языка:

И вотъ пришли *вліянья* темныхъ силъ,
Столпились и меня избрали жертвой,
И мучили они меня, душили...

Разумѣется, никакія «вліянія» не могутъ ни толпиться, ни мучить, ни душить, а все это относится къ «темнымъ силамъ». Никакого значенія не имѣетъ сдѣлать что-нибудь «гладкимъ, какъ бѣлье»,—не всякое бѣлье гладко,—другое дѣло сдѣлать «мягкимъ какъ свивальникъ», что и соотвѣтствовало бы нѣмецкому тексту.

Но худшая категорія безсмыслицъ происходитъ отъ непониманія текста. Напр., старуха Виттиха говоритъ, что «противъ смерти еще не выросло зелья», а г. Бальмонтъ заставляетъ ее ни къ селу, ни къ городу говорить: «тутъ хоть расти, хоть не расти трава». Въ другомъ мѣстѣ русскаго изданія она же говоритъ, будто Генриху «извѣстно, чего *во всѣхъ вещахъ* недостаетъ», тогда какъ на самомъ дѣлѣ она говоритъ только, что онъ знаетъ, чего недостаетъ его колоколамъ: «всѣ они надтреснуты»,—этого вѣдь нельзя сказать обо «всѣхъ вещахъ». Водяной сожалѣетъ, что лѣшій вмѣстѣ съ колоколомъ не сбросилъ въ воду и мастера: «и какъ колоколъ служитъ мнѣ теперь кубкомъ для бросанія игральныхъ костей, такъ бы тогда я игралъ въ кости его собственными костями», а «Никельманъ» г. Бальмонта говоритъ какія то безсвязныя слова:

Въ игрѣ азартной разъ нашелъ удачу,
Его мнѣ самого давай въ придачу.

Самымъ же яркимъ доказательствомъ того, какъ г. Бальмонтъ ни во что ставитъ переводимаго имъ автора, можетъ служить цѣлый «вставной номеръ»—пѣсня въ тридцать стиховъ, которую онъ отъ себя влагаетъ въ уста Раутенделейнъ въ 5-мъ актѣ.

Мы, конечно, не имѣли намѣренія и возможности отмѣтить здѣсь всѣ отрицательныя качества стихотворныхъ переводовъ г. Бальмонта, но думается, и вышеприведенное могло бы служить достаточнымъ объясненіемъ, если бы кто-нибудь, не зная произведеній Гауптмана въ оригиналѣ и прочитавъ только переводы г. Бальмонта, пришелъ въ полное недоумѣніе, за что собственно Гауптмана считаютъ такимъ крупнымъ писателемъ. Въ заключеніе, впрочемъ, надо прибавить, что три прозаическія драмы переведены, хотя и не безъ маленькихъ недоразумѣній, вполнѣ хорошимъ литературнымъ языкомъ. Издатели объявляютъ о приготовленіи къ печати второго тома сочиненій Гауптмана. Въ виду того, что ни одна изъ его драмъ, кромѣ вышеназванныхъ, до сихъ поръ на русскомъ языкѣ не появлялась, а также, что у него больше нѣтъ стихотворныхъ пьесъ (кромѣ послѣдней мало удачной комедіи *Schluck und Jau*), которымъ бы грозила «обработка» г. Бальмонта, можно только порадоваться, что русскіе читатели будутъ имѣть возможность познакомиться съ нѣсколькими новыми интересными произведеніями, особенно, если въ ихъ число войдетъ лучшая драма Гауптмана *Ткачи*.

Е. Дегенъ

Сочиненія Шелли. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Выпускъ 7-й «Ченчи». Москва 1899 г. Среди произведеній Шелли трагедія *Ченчи* занимаетъ особенное мѣсто. Поэтъ фантастическихъ образовъ и гуманной мечты дѣлаетъ здѣсь попытку реально воспроизвести историческіе характеры и событія,—реально, конечно, постольку, поскольку это понятіе можетъ быть приложимо къ литературнымъ произведеніямъ начала XIX вѣка. «Я попытался,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—изобразить характеры съ возможною исторической вѣрностью, такими, какими они, вѣроятно, были, и старался избѣгнуть ошибочнаго желанія заставить ихъ дѣйствовать согласно съ моими собственными представленіями о справедливомъ и несправедливомъ, истинномъ и ложномъ, ибо въ этомъ случаѣ подъ сквознымъ покровомъ именъ и дѣяній шестнадцатаго вѣка выступили бы холодныя олицетворенія извѣстныхъ чертъ моего собственнаго ума».

Въ извѣстной степени это намѣреніе поэта осуществилось лишь въ изображеніи тѣхъ характеровъ, для композиціи которыхъ онъ могъ пользоваться прямыми указаніями доступныхъ ему источниковъ и устнаго преданія. Таковъ характеръ развратнаго изверга, самого графа Ченчи, и кардинала, хитраго политика въ маскѣ корректнаго свѣтскаго человѣка. Что касается несчастной Беатриче и всѣхъ другихъ жертвъ жестокаго деспота и жестокаго времени, то здѣсь авторъ не возвысился до живыхъ образовъ, не съумѣлъ наполнить дыханіемъ дѣйствительности безплотныхъ схемъ, которыя онъ себѣ начерталъ. Кромѣ того, если поступки дѣйствующихъ лицъ соотвѣтствуютъ исторической возможности, то ихъ рѣчи носятъ тотъ общій характеръ умнаго и убѣдительнаго, но нѣсколько однообразнаго краснорѣчія, которое свойственно было всѣмъ драмамъ того времени. Впослѣдствіи новые взгляды на драматургію стали требовать разнообразнаго стиля и индивидуальнаго для каждаго персонажа языка.

Если это увеличиваетъ иллюзію жизни, то для переводчика во много разъ увеличиваетъ трудность перевода. Передать на другомъ языкѣ равномѣрно красивый поэтическій стиль классической драмы гораздо легче, чѣмъ угоняться за капризными, часто отрывистыми и рѣзкими оборотами современной поэтической драмы, напр., *Потонувшаго колокола* Гауптмана или *Пера Гинта* Ибсена. Этимъ, быть можетъ, отчасти объясняется, почему г. Бальмонтъ, которому переводъ Гауптмана оказался столь не по силамъ, вполнѣ удовлетворительно справился съ *Ченчи* и поддержалъ свою репутацію лучшаго переводчика Шелли.

Достоинства этихъ переводовъ, какъ и нѣкоторые недостатки ихъ, неоднократно уже указывались, между прочимъ, и въ нашемъ журналѣ, по поводу прежнихъ выпусковъ. По ровности и благозвучности стиха переводъ *Ченчи* не уступаетъ лучшимъ изъ прежнихъ переводовъ Шелли. Но все-таки нельзя не замѣтить, что и здѣсь повторяются старые изъяны, хотя не въ такой степени, какъ, напр., въ *Освобожденномъ Прометеѣ*. Прежде всего, часто проявляющееся у г. Бальмонта стремленіе украсить, опоэтизировать стиль подлинника мѣстами значительно портитъ изящную простоту языка Шелли. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о слишкомъ вольномъ отношеніи переводчика къ тексту. Для него ничего не стоитъ мысль, выраженную, положимъ, въ восьми строкахъ, развести водой на двѣнадцать стиховъ, или обратно совсѣмъ выпустить тотъ или другой стихъ, не укладывающійся безъ усилія въ русскую рѣчь. Сравнительно рѣже замѣчается на этотъ разъ небрежность въ русскомъ языкѣ, хотя и здѣсь попадаются такія ударенія, какъ «служащій», «утóнченный» (это слово особенно полюбилось г. Бальмонту), или неправильное словоупотребленіе, напр., «тернъ» вмѣсто «тернія», или просодическія ошибки, напр., въ стихѣ: «какъ твердый центръ всѣхъ міровъ», гдѣ слово «центръ» считается за два слога.

Е. Дегенъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Г. Ферреро. «Милитаризмъ». — *А. Бороздинъ.* «Студенческое научно-литературное общество». *А. Масловскій.* «Русская общеобразовательная школа».

Г. Ферреро Милитаризмъ Перев. съ итал. А. Гретманъ. Изд. А. А. Никитина. М. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к. Книжка Гильома Ферреро о милитаризмѣ представляетъ публичныя лекціи, читанныя имъ въ Миланѣ въ 1897 г. по порученію «Ломбардской лиги мира». Въ нихъ Ферреро не свободенъ отъ общаго недостатка итальянскихъ ученыхъ-публицистовъ: замѣнять изложеніе фактовъ отвлеченными разсужденіями съ претензіею на краснорѣчіе. Насъ, русскихъ, болѣе цѣнящихъ простоту и содержательность, мало подкупаетъ это пышное и цвѣтистое многословіе, зачастую прикрывающее банальности и скудость мысли. Какое-то досадливое чувство испытываешь, читая фразы вродѣ того, что «выстукиваемое со всѣхъ сторонъ стетоскопомъ разсудка, военное завоеванія издаетъ звукъ пустоты» (стр. 99), или «живыя умственныя силы этого класса (средняго класса въ Америкѣ), постоянно перетасовываемыя сильными вѣтрами жизни, дующими на нихъ со всѣхъ сторонъ и порождающими по временамъ бури, которыя мутятъ и поднимаютъ тину со дна, не застаиваются никогда въ гніющемъ бездѣйствіи, изъ котораго поднимаются міазмы мрачнаго пессимизма и пустой лихорадочный бредъ революціонныхъ умовъ, дающій бѣднымъ больнымъ галлюцинацію несуществующаго міра», и такъ далѣе въ томъ же тонѣ.

Но если даже отнести всѣ эти особенности внѣшняго изложенія на счетъ темперамента южныхъ расъ, то тѣмъ труднѣе примириться съ пробѣлами внутренняго содержанія. Авторъ изслѣдуетъ вопросъ о войнѣ, ея историческомъ значеніи, о характерѣ военныхъ цивилизацій и современныхъ формъ милитаризма, и минуетъ при этомъ такіе существенныя стороны разсматриваемаго предмета, какъ значеніе въ войнахъ вопроса національнаго, почти не касается экономическихъ мотивовъ современныхъ войнъ и во всякомъ случаѣ отдаетъ этому слишкомъ мало вниманія, совершенно оставляя въ сторонѣ развитіе военной техники, оказывающее такое вліяніе на характеръ войнъ и поддержку милитаризма. Если бы Ферреро имѣлъ въ виду это послѣднее обстоятельство, онъ не могъ бы высказывать, какъ общее положеніе, мысли, что «невѣжество и нравственная грубость толпы, изъ которой набираются солдаты, являются не только вредными, но даже необходимыми условіями для успѣха» (стр. 24). Утверждать, что война «есть первое ошибочное рѣшеніе задачи о достиженіи счастія» (стр. 32) что она «родилась отъ жадности» (стр. 212), что всѣ эти безчисленныя воины, начиная отъ какихъ нибудь египетскихъ или ассирійскихъ и до наполеоновской эпопеи, не болѣе какъ огромный грабежъ, стремленіе овладѣть чужими богатствами, — значитъ слишкомъ упрощать сложное соціальное явленіе, глубоко вкоренившееся въ жизнь націй и связанное съ цѣлой системой интересовъ. Къ вопросу о происхожденіи войны наука подходитъ теперь съ цѣнными данными этнографіи, которыя авторъ совершенно игнорируетъ, оставаясь вездѣ на почвѣ общихъ историческихъ иллюстрацій.

Что же касается современнаго милитаризма, то напрасно авторъ такъ игнорируетъ вопросъ о ростѣ вооруженія современныхъ государствъ. По его мнѣнію, «оружіе есть матерія милитаризма, между тѣмъ какъ душа его—желаніе воспользоваться этимъ оружіемъ», и Ферреро разсматриваетъ исключительно эту душу, благодаря чему и приходитъ къ выводамъ, что Англія и Германія—государства съ наименьшимъ господствомъ милитаристическаго духа.

Не надо забывать, что Ферреро составлялъ свои лекціи подъ свѣжимъ вне-

чатлѣніемъ неудачной итальянской войны въ Абиссиніи, которую онъ называетъ «самой глупой войной этого вѣка» (стр. 191). Характеристика, которую даетъ онъ, искусственности и вялости итальянскаго милитаризма, весьма любопытна. «Новый итальянскій милитаризмъ,—пишетъ онъ,—похожъ на плодъ, завязающій прежде, чѣмъ достигъ зрѣлости. Итальянскій милитаризмъ, кромѣ частныхъ интересовъ, связанныхъ съ нимъ, имѣетъ теперь чисто политическій фундаментъ въ монархіи. Если бы завтра монархія пала, военный строй, стоившій столько милліардовъ, быстро бы разрушился» (стр. 189). И онъ привѣтствуетъ растущій въ странѣ интересъ къ ея промышленному развитію. Но рядомъ съ тѣмъ авторъ высказываетъ поразительную наивность. «Ни удачная или неудачная, европейская или африканская война,—пишетъ онъ въ предисловіи,—ни казарменное воспитаніе не могутъ возвратить странѣ недостающую ей энергію,—этого можетъ достигнуть только реформа общественной и частной жизни, которая возстановитъ благосостояніе пострадавшихъ классовъ и въ то же время дастъ возможность развиться имъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Но подобная реформа невозможна, если, прежде всего, средній классъ не дастъ примѣра благоразумія, котораго мы уже давно напрасно ожидаемъ отъ него; если въ мѣсто безразсуднаго увлеченія иностранной роскошью и блескомъ, этотъ классъ не придетъ къ убѣжденію, что безъ страданій и самопожертвованія ничто не достигается на свѣтѣ, что честная бѣдность въ продолженіе извѣстнаго періода можетъ быть доказательствомъ мудрости для страны, которой надо исправить безразсудства прошедшихъ временъ и пріобрѣсти въ будущемъ могущество и богатство, между тѣмъ какъ увлеченія роскошью и расточительностью, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни, только еще глубже погрузятъ народъ въ бѣдность, невѣжество и варварство». Ферреро находитъ, что въ Италіи и средній классъ, и народъ живутъ слишкомъ «широкой и дорогой» жизнью (стр. 221), не по средствамъ, тянутся за болѣе богатыми націями, Англіей и Франціей, которыя, подсовывая имъ свои товары, пользуются этою расточительностью и тѣмъ разоряютъ ихъ. Въ послѣдней лекціи Ферреро смотритъ на это явленіе, повидимому, безнадежно. «Дорого стоящія привычки проникли во всѣ классы, уничтожить ихъ невозможно, ограничить трудно вслѣдствіе того недостатка въ благоразуміи, которымъ страдаютъ всѣ люди». Но въ предисловіи онъ не теряетъ надежды и взываетъ къ благоразумію средняго класса, въ наивности своего сердца полагая, очевидно, что цѣлыя классы и націи могутъ подавать «примѣры благоразумія» и представлять «доказательства мудрости», слѣдуя указаніямъ своихъ благомыслящихъ публицистовъ. Этотъ примѣръ достаточно наглядно показываетъ, насколько авторъ подготовленъ къ пониманію процессовъ, происходящихъ въ общественной жизни, и насколько способенъ разобраться въ такомъ глубокомъ и сложномъ явленіи дѣйствительности, какъ милитаризмъ.

Но онъ безусловно правъ, говоря о своемъ произведеніи: «эта книга проникнута отвращеніемъ къ слѣпому, грубому насилію и безполезному честолюбію, къ (?) достиженію военной славы, имѣющему въ виду исключительно самого себя». Эта фраза, своимъ построеніемъ дающая понятіе о шероховатостяхъ русскаго перевода, указываетъ на дѣйствительную заслугу автора.

М. П—въ.

А. К. Бороздинъ. «Студенческое научно-литературное Общество при С.-Петербургскомъ университетѣ». Спб. 1900 г. Ц. 20 к. А. К. Бороздинъ разсказываетъ исторію возникновенія и дѣятельности существовавшаго при С.-Петербургскомъ университетѣ студенческаго научно-литературнаго Общества, однимъ изъ членовъ-учредителей котораго онъ былъ. Возникло Общество въ 1881 г. по иниціативѣ студентовъ филологовъ, графа А. Ѳ. Гейдена и И. А. Шляпкина. По уставу, утвержденному въ 1882 г., цѣль Общества составляло

содѣйствіе научнымъ и литературнымъ занятіямъ студентовъ, для чего они могли издавать сборники своихъ трудовъ, собираться для чтенія и обсужденія рефератовъ, выписывать журналы и книги для общаго пользованія и т. д. Дѣйствительными членами могли быть всѣ студенты, а также оставленные при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Въ самомъ началѣ своей дѣятельности Общество едва не погибло. Оказалось, что иниціаторы при учрежденіи Общества имѣли въ виду бороться путемъ научно-литературныхъ занятій съ революціонно-нигилистической агитаціей. Раскрытіе этихъ плановъ вызвало расколъ, при чемъ большинство высказалось противъ внесенія въ Общество политики—будетъ ли она красной, или бѣлой. Большинство побѣдило, а меньшинство удалилось.

Не останавливаясь на интересныхъ воспоминаніяхъ автора о дѣятельности Общества, число членовъ котораго постоянно возрастало и къ концу его существованія (закрыто оно было послѣ катастрофы 1887 года, когда смѣнился ректоръ И. Е. Андреевскій и были введены въ университетѣ нѣкоторыя новыя правила) дошло до 350, укажемъ только тѣ положенія, которыя авторъ вывелъ изъ практики Общества: 1) иниціатива студенческихъ обществъ должна исходить отъ самихъ студентовъ; 2) всякая политика должна быть изгнана изъ обществъ; 3) общества не должны ограничиваться извѣстными факультетами, а, напротивъ, должны содѣйствовать сближенію студентовъ различныхъ факультетовъ; 4) необходимо участіе профессоровъ и оставленныхъ при университетѣ и 5) должна быть предоставлена полная свобода преній, такъ какъ всякое ихъ стѣсненіе подорветъ довѣріе студентовъ, ослабитъ ихъ интересъ и только поведетъ къ образованію внѣ разрѣшенныхъ обществъ различныхъ тайныхъ кружковъ, которые весьма легко могутъ увлечься цѣлями, посторонними наукѣ. Нельзя не пожалѣть, что уставы появляющихся на основаніи извѣстнаго циркуляра министра народнаго просвѣщенія студенческихъ кружковъ, не придерживаются этихъ принциповъ. Стремленіе поставить иниціативу студентовъ въ самыя тѣсныя рамки, учредить за дѣятельностью кружковъ самый бдительный надзоръ, пріуроченіе кружковъ къ отдѣльнымъ факультетамъ—не позволяютъ возлагать на нихъ большихъ надеждъ. *Г. Михинъ.*

А. Ф. Масловскій. «Русская общеобразовательная школа». Мысли отца семейства по поводу предстоящей реформы средней школы. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. (стр. XX+275). Обширный и обстоятельный трудъ г. Масловскаго посвященъ вопросу о средней школѣ (гимназіи и реальнаго училища). Авторъ—не педагогъ и не публицистъ,—онъ просто образованный человѣкъ, самъ прошедшій нѣкогда гимназію и университетъ, къ которымъ относится съ доброй памятью и благодарностью, а теперь съ ужасомъ видитъ на своихъ собственныхъ дѣтяхъ горькіе плоды новой школы, возбуждающей къ себѣ въ своихъ питомцахъ одно отвращеніе. Эти-то нравственныя страданія и побудили автора заняться вопросомъ, въ разсчетѣ сдѣлать обсужденіе его всеобщимъ и въ нѣкоторой увѣренности, что министерство народнаго просвѣщеніе, совершенно игнорирующее при обсужденіи реформы родителей, можетъ быть, приметъ во вниманіе и законные интересы и требованія семьи.

«Желая оградить себя отъ какого-либо увлеченія въ такомъ сложномъ и страстно обсуждавшемся въ литературѣ вопросѣ, авторъ, ради провѣрки фактовъ и сложившихся въ немъ взглядовъ, обратился къ оффиціальнымъ источникамъ, дабы ознакомиться съ сущностью реформы гр. Толстого въ данномъ имъ освѣщеніи, а затѣмъ прослѣдить, что произошло съ созданной имъ системой при его преемникахъ. Такимъ богатымъ и интереснымъ источникомъ оказалось многотомное (XI томовъ) оффиціальное изданіе *Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія*, доведенное пока до 1893 г.». (Вмѣсто предисловія, стр. IX). Это-то изданіе, главнымъ образомъ,

и послужило автору средствомъ уразумѣть истинные мотивы реформы, оцѣнить по достоинству все зло, ею причиненное, и, на основаніи разсмотрѣнія всей системы образованія въ настоящее время, предложить свой собственный планъ нормальной, единой общеобразовательной школы, съ указаніемъ воспитательной ея роли, а также и условій, при которыхъ такая школа могла бы принести желательные плоды. Такова задача автора. Хотя трудъ его и не представляетъ, собственно говоря, почти ничего новаго, что бы за эти тридцать лѣтъ не было высказано по отдѣльнымъ вопросамъ педагогической литературою, но въ цѣломъ своемъ объемѣ книга его даетъ полный сводъ оцѣнки толстовской реформы и планъ единой общеобразовательной школы. Особенное значеніе придаетъ книгѣ то, что написана она не присяжнымъ педагогомъ, всегда болѣе или менѣе пристрастнымъ къ своему дѣлу, не бюрократомъ-чиновникомъ отъ педагогіи, которому до сихъ поръ одному только предоставлено вершить судьбу всей юной Россіи, а образованнымъ человѣкомъ изъ общества, непосредственно, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, взглянувшимъ на дѣло по здравому смыслу и крайнему своему разумѣнію, съ единственнымъ желаніемъ сказать прямо о томъ, что уже десятки лѣтъ мучитъ всѣхъ.

Въ книгѣ пятнадцать главъ. Въ первыхъ восьми обстоятельно излагается исторія реформы средней школы и критика системы гр. Толстого; въ остальныхъ семи излагаются сначала общія задачи школы, затѣмъ планъ общеобразовательной (семиклассной) школы, и, наконецъ, въ заключеніи, шесть общихъ основныхъ тезисовъ, какъ сводъ всего, о чемъ говорилось въ книгѣ.

Въ яркой картинѣ выступаетъ передъ читателемъ постепенное проведеніе въ жизнь системы гр. Толстого, созданной и утвержденной Катковымъ и Леонтьевымъ, этими фанатиками «грамматическаго» классицизма, не хотѣвшими знать ни національныхъ просвѣтительныхъ нуждъ, ни натуры ребенка. Читая этотъ, составленный по оффиціальнымъ источникамъ, очеркъ ея проведенія, съ трудомъ вѣришь, какъ могло случиться, чтобы такое дѣло, погубившее подъ рядъ нѣсколько поколѣній, побѣдосно утвердилось и держалось болѣе четверти вѣка, единственно благодаря энергіи и вліянію трехъ только лицъ—гр. Толстого, Каткова и Леонтьева, этихъ почти совершенно одинокихъ борцовъ своей идеи, не пренебрегавшихъ для проведенія ея никакими средствами. Обрисовавъ въ первыхъ трехъ чрезвычайно интересныхъ главахъ исторію реформы и искусственное ея проведеніе при помощи подготовленія на спѣхъ учителей въ Историко-филологическомъ институтѣ и призыва учителей изъ-за границы, авторъ въ четвертой главѣ указываетъ на ближайшія послѣдствія реформы и на всякія комиссіи, до самаго послѣдняго времени собиравшіяся для тщетнаго ея исправленія и облегченія; пятая глава всецѣло посвящена итогамъ реформы. Оказывается, что ни классическая школа, открывающая единственно доступъ въ университетъ, ни реальная—законченнаго, общаго образованія не даютъ. Не давая государству столь нужныхъ ему образованныхъ людей, ни та, ни другая не достигаютъ цѣлей ни образовательныхъ, ни воспитательныхъ, превратившись исключительно въ приготовительныя школы для высшаго образованія, къ которому также одинаково не подготовленными оказываются и зрѣлые «гимназисты, и реалисты». Все это и вызвало настоятельную надобность взяться серьезно за радикальное преобразованіе средней школы. Съ 65 стр. V-й главы авторъ, приступая къ подробной оцѣнкѣ реформы 1871—1872 г., указываетъ на ея очевидную несостоятельность, на невозможность въ дальнѣйшемъ одного только частичнаго ея измѣненія, на ничѣмъ неоправдываемое дѣленіе общеобразовательной школы на классическую и реальную; опровергаетъ мнѣніе классиковъ, будто для развитія ума имѣетъ исключительное значеніе только классицизмъ, и фактами изъ прошлаго до-реформенной гимназіи прекрасно доказываетъ, что самые древніе языки (латинскій) въ послѣдней преподавались съ неизмѣримо лучшими резуль-

татами, чѣмъ теперь. Шестая и седьмая глава (стр. 80—113) разсматриваютъ гимназическій классицизмъ по существу, какъ со стороны исключительнаго его грамматизма, отнимающаго время у предметовъ образовательныхъ и мертвящаго духъ учениковъ, такъ и со стороны единственно, будто бы, общеобразовательнаго значенія исторіи литературы Греціи и Рима. Авторъ, нисколько не умаляя этого значенія, считаетъ его только относительнымъ, справедливо полагая что нравственное воспитаніе молодежи должно строиться на проникновеніи современнымъ міровоззрѣніемъ, въ основу котораго, въ противоположность классическому, ставится личность человѣка, гуманность, непрерывное усовершенствованіе и вѣчное стремленіе къ идеалу. Главой VIII й (стр. 112—125), гдѣ приводятся мнѣнія о реформѣ Гр. Толстого такихъ компетентныхъ современниковъ, какъ академикъ А. В. Никитенко, кн. Васильчиковъ и бывшій министръ Нар. Пр. (1881—1882 г.), баронъ А. П. Николаи (его напечатанная въ № VIII Русскаго Архива 1899 г. записка Pia desideria), заканчивается первая *отрицательная*, такъ сказать, часть книги. Вмѣстѣ съ авторомъ нельзя не желать, что бы какъ можно скорѣе классическая система была уничтожена радикально и безповоротно, и на ея мѣсто была поставлена новая система одной общеобразовательной школы, основанной на требованіяхъ разума, педагогическаго опыта, любви къ дѣтямъ. Опытъ проекта такой будущей школы и представляетъ г. Масловскій во второй *положительной* части своей книги, съ главы девятой.

Прежде всего, по мнѣнію автора, школа общеобразовательная должна быть разсчитана на потребности въ образованіи большинства учащихся, а не только однѣхъ извѣстныхъ группъ ихъ, поставленныхъ въ условія особенно благопріятныя. Она должна давать государству возможно большее число образованныхъ людей и быть доступной всѣмъ, почему всякая исключительность, какъ классицизмъ, въ ней должна быть упразднена совершенно. Національность школы, по мнѣнію автора, заключается въ томъ, чтобы «въ основѣ были поставлены не древніе языки, даже не столько предметы общенаучные, сколько глубокое изученіе всего своего, родного, русскаго» (стр. 131), причемъ совершенно не должно быть ни дѣленія учебныхъ предметовъ на главные и второстепенные, ни какой-нибудь особой концентраціи обученія, но весьма важно для школы примѣняться, по возможности, къ индивидуальностямъ учащихся, почему строго классную систему весьма желательно замѣнить предметной. Въ главѣ X говорится о важномъ значеніи тщательнаго практическаго изученія языковъ живыхъ, прежде всего родного, затѣмъ двухъ новыхъ (французскаго и нѣмецкаго) и въ умѣренной степени (съ IV класса, какъ это было нѣкогда)—латинскаго, какъ облегчающаго изученія языковъ романскихъ и входящаго въ номенклатуру всѣхъ новыхъ языковъ. Перечисливъ предметы обученія, авторъ настаиваетъ на возбужденіи любознательности и самодѣятельности и возможно большей начитанности, справедливо указывая на важность общаго развитія учащихся и отвергая всякую спеціальную цѣль подготовленія въ высшія спеціальныя учебныя заведенія. Для поступленія въ послѣднія авторъ предлагаетъ особыя провѣрочныя испытанія, главнымъ образомъ, по русскому языку и иностраннымъ.

Относительно такихъ провѣрочныхъ испытаній мы не можемъ не замѣтить, что они противорѣчатъ идеѣ доступности высшаго образованія. Въ самомъ дѣлѣ, при ограниченности у насъ высшихъ заведеній, это повело бы къ такимъ же конкурснымъ испытаніямъ, какъ въ спеціальныхъ заведеніяхъ теперь, и сразу закрыло бы доступъ въ университеты для огромнаго большинства. Напротивъ, мы бы желали самаго широкаго доступа къ слушанію лекцій всѣмъ желающимъ, какъ это и было въ Петербургскомъ университетѣ въ 1858—1861 годахъ. Глава XI посвящена, какъ и предъидущія, общему характеру курса, который отнюдь не долженъ быть обременителенъ ни по количеству предметовъ, ни по

объему и способу обученія, ни, наконецъ, по количеству употребляемаго на уроки времени. Что же касается до правъ и привиллегій, аттестатовъ зрѣлости и экзаменовъ, то, по мнѣнію автора, всѣ они должны быть отмѣнены. Въ XII главѣ авторъ переходитъ уже къ самой программѣ общеобразовательной единой школы и всю главу почти всецѣло посвящаетъ курсу родного языка, какъ краеугольнаго камня всего образованія. Эта глава одна изъ наиболѣе интересныхъ (стр. 187 — 215). Доказывая связь знаній языка со всей духовной организаціей человѣка, авторъ, врагъ грамматизма и излишней научности въ курсѣ средней школы, строитъ изученіе языка на чисто практической почвѣ обширнаго знакомства съ литературой русской, преимущественно XIX вѣка, до настоящаго времени включительно, связывая съ чтеніемъ литературныхъ произведеній и теорію словесности, исторію литературы и придавая—литературѣ подобающее ей громадное воспитательно-образовательное значеніе. Не можемъ не отмѣтить, между прочимъ, прекрасное указаніе на образовательно-воспитательное чтеніе въ хронологическомъ подборѣ (особенно въ младшихъ классахъ) историческихъ русскихъ, а также и иностранныхъ романовъ (стр. 201 — 204). Обзору прочихъ предметовъ обученія (гл. XIII), какъ болѣе разработанныхъ методически, отводится мѣста сравнительно меньше, но здѣсь очень цѣнны замѣчанія автора относительно исторіи и особенно требованіе созданія особаго курса лекцій въ сорокъ (для старшихъ классовъ) *наукъ органической жизни природы* (физіологія животныхъ и человѣка), какъ совершенно необходимыхъ знаній о человѣческомъ организмѣ и его сохраненіи (стр. 221—229).

Начертивъ такой планъ единой общеобразовательной школы, авторъ въ XIV главѣ (244—265) говоритъ собственно о воспитаніи души и характера не педагогическими теоріями, въ каковыя, какъ и вообще въ педагогію, какъ науку, не вѣритъ, а единственно силою примѣра, благопріятной школьной средою, а больше всего благородною и любящею личностью учителя и воспитателя. Но для того, чтобы въ таковые шли лучшіе люди и по призванію, необходимо въ корнѣ улучшить всю постановку воспитательнаго дѣла, а именно: обезпечить свободное проявленіе педагогической иниціативы со стороны учителя, какъ личности поставленной высоко и самостоятельно, улучшить его положеніе матеріальное, усилить власть педагогическихъ совѣтовъ, какъ тѣсной корпораціи, которой ввѣряется контроль дѣла и въ коей устанавливается корпоративный судъ чести, наконецъ, необходимо тѣсное сближеніе учащихъ съ учащимися.

Въ послѣдней XV главѣ въ заключеніе ставятся слѣдующіе шесть тезисовъ относительно постановки всего школьнаго дѣла: 1) единеніе школы съ семьей на почвѣ постояннаго общенія и внимательнаго взаимнаго изученія; 2) устраненіе сосредоточенія на отдѣльныхъ предметахъ обученія; 3) возбужденіе въ учащихся любознательности, самодѣятельности мысли; 4) возможное приспособленіе школы къ индивидуальности учащихся; 5) школа должна быть построена на началахъ довѣрія административнаго и преподавательскаго персонала къ учащимся и тѣснѣйшаго единенія съ ними и 6) прочное обезпеченіе преподавательской иниціативы.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги г. Масловскаго, на которую обращаемъ вниманіе читателей. Не всегда соглашаясь съ авторомъ въ положительной части его труда, мы особенно отмѣчаемъ его критику современной системы, въ значительной степени исчерпывающую самый предметъ.

В. Острогорскій.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Эмиль Фагэ. «Политическіе мыслители и моралисты первой трети XIX в.»

Эмиль Фагэ. «Политическіе мыслители и моралисты первой трети XIX вѣка». Переводъ подъ ред. Н. Н. Шамонина. XIII+220. Ц. 1 р. 50 к. 1900 г. Избранники, владѣющіе французскимъ языкомъ, большимъ досугомъ, доступомъ къ хорошей библіотекѣ, въ изученіи французской изящной и политической литературы XIX в. могутъ найти, при желаніи, обильный источникъ нравственныхъ и политическихъ уроковъ, эстетическихъ и не эстетическихъ волненій. Но и читатели менѣе счастливые, зато несравненно болѣе многочисленные и потому гораздо болѣе важные, должны знакомиться хотя бы съ общимъ ходомъ развитія этой литературы въ исчезающемъ вѣкѣ. Особенно въ первую половину вѣка французская литература, по разнымъ условіямъ, являлась болѣе полнымъ и яркимъ отраженіемъ общественной эволюціи, нежели англійская и нѣмецкая. Англійская среда этого времени не знала такихъ крутыхъ и всесторонникъ перемѣнъ въ отношеніи общественныхъ силъ, въ нѣмецкой средѣ онѣ начались гораздо позднѣе. А для русскаго читателя къ соціологическому интересу примѣшивается и практическій, даже при знакомствѣ съ де-Местромъ и Бональдомъ.

Въ распоряженіи русскихъ читателей уже была превосходная книга Шахова о литературномъ движеніи въ первую половину XIX в., преимущественно во Франціи; были переведены извѣстныя книги Брандеса, Пелисье (Pellissier) и относящаяся къ XIX в. часть коллективной «Исторіи французской литературы» Пти-де-Жюльвиля. Тѣмъ не менѣе, можно только порадоваться появленію хорошо переведеннаго собранія этюдовъ Фагэ о моралистахъ и политикахъ начала вѣка: сравнительно съ указанными выше книгами, читатели въ очеркахъ Фагэ найдутъ не мало новыхъ и цѣнныхъ свѣдѣній. Это не значитъ, что бы въ этюдахъ не было весьма значительныхъ неудобствъ и недостатковъ, но ихъ безусловно искупаютъ достоинства книги, а главное интересъ предмета. И все-таки сначала нужно вкратцѣ отмѣтить важнѣйшіе недостатки и неудобства, чтобы читатели знали, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло.

Когда французъ, притомъ очень хорошо знающій свою литературу, пишетъ для французовъ, онъ, конечно, предполагаетъ очень многое извѣстнымъ. Вотъ почему у Фагэ очень много намековъ и очень мало ссылокъ. Для русскаго читателя это значительное неудобство. Фагэ—литературный критикъ. Привычка вращаться исключительно или преимущественно въ мірѣ литературныхъ явленій нѣсколько ослабила въ немъ чувство перспективы, заставила его преувеличивать значеніе и воздѣйствіе литературы; Фагэ обращаетъ мало вниманія на зависимость ея отъ общественной обстановки. Литературныя явленія интересуютъ Фагэ сами по себѣ, а не какъ отраженія тѣхъ или общественныхъ теченій. Вотъ почему онъ гораздо удачнѣе указываетъ своеобразіе писателей, отличительныя черты ихъ духовной физіономіи, нежели отражающіяся въ ихъ произведеніяхъ общія теченія французской жизни. Фагэ очень хотѣлось попасть въ академію, чего онъ, впрочемъ, и добился благополучно въ послѣднее время. А чтобы удостоиться чести сидѣть на такомъ почетномъ креслѣ, какъ извѣстно, всего лучше проявлять какъ можно больше безпристрастія. Фагэ и проявляетъ очень много безпристрастія, только распредѣленнаго не вполнѣ равномѣрно: у него очень много безпристрастія къ католицизму и, быть можетъ, недостаточно его къ научному міровоззрѣнію; онъ кокетничаетъ съ де-Местромъ, даже съ Бональдомъ, и, быть можетъ, нѣсколько суровъ къ Констану и Руссо. Но едва ли это составитъ неудобство для русскаго читателя.

Въ книгѣ собраны шесть очерковъ, гдѣ характеризуются религіозныя и политическія воззрѣнія шести писателей: де-Местръ, Бональдъ, госпожа Сталь, Б. Констанъ, Ройе-Колларъ, Гизо. Такимъ образомъ, только двѣ группы писателей, реакціонная и либеральная, представлены въ книгѣ. Приходится пожалѣть объ отсутствіи Ламенэ (Lamennais); его дѣятельность, правда, захватываетъ также 30-е и 40-е годы, но вѣдь характеризуется же въ книгѣ вся дѣятельность Гизо. А между тѣмъ Ламенэ чрезвычайно характеренъ для исторіи религіознаго возрожденія въ XIX вѣкѣ. Всего болѣе, однако, чувствительно отсутствіе Сенъ-Симона и Фурье; именно они и могли бы дать Фагэ такъ много матеріала для характеристики нравственныхъ и религіозныхъ идей этого періода. Отсутствіе ихъ, быть можетъ, объясняется недостаточнымъ вниманіемъ Фагэ къ экономическимъ воззрѣніямъ писателей: Фагэ не привыкъ искать корня политическихъ принциповъ и симпатій извѣстнаго писателя ни въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ, ни даже въ экономическихъ теоріяхъ даннаго времени.

Де-Местру посвященъ большой и интересный очеркъ. Фагэ справедливо указываетъ на сложность, многосторонность де-Местра. Жаль, что онъ не поставилъ этихъ качествъ въ связь съ общественнымъ положеніемъ де-Местра. Неизвѣстно почему, Фагэ зоветъ его патриціемъ. На дѣлѣ для савойскаго сенатора характерно именно отсутствіе крѣпкой связи съ почвою, колебанія между Шамбери, Петербургомъ, Парижемъ, Римомъ. Своеобразный космополитизмъ положенія привелъ къ своеобразной широтѣ взглядовъ. То же наблюденіе въ значительной мѣрѣ приложимо къ госпожѣ Сталь и Б. Констану. Это перелетныя птицы въ высшемъ европейскомъ обществѣ начала вѣка. Наоборотъ, у почвенныхъ французовъ, Бональда, Ройе-Коллара, Гизо простота положенія обусловила и большую элементарность конструкція. Связь различныхъ сторонъ докрины де-Местра изображена такъ: основной элементъ—политическое ученіе съ послѣдовательно проведенными началами національнаго единства и исторической непрерывности; его философская основа мрачный, почти человѣконенавистническій пессимизмъ; его нравственное оправданіе—христіанское вѣроученіе, въ истолкованіи де-Местра, впрочемъ довольно близкое къ язычеству. Фагэ протестуетъ противъ причисленія де-Местра къ аристократамъ и склоненъ видѣть въ немъ чистаго, послѣдовательнаго монархиста. Въ краткой замѣткѣ, конечно, не мѣсто полемизировать съ оцѣнкой очень сложнаго писателя. Замѣтимъ лишь, что, по нашему мнѣнію въ политической доктринѣ де Местра гораздо меньше единства, чѣмъ въ его философскихъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ и что де-Местръ интересенъ не цѣльностью и законченностью системы, а своею гибкостью, своими попытками использовать новыя общественныя теченія для защиты отживающихъ, обреченныхъ порядковъ.

Въ главѣ о Бональдѣ Фагэ справедливо настаиваетъ на схоластическомъ характерѣ его системы, съ ея тріадами и вѣковѣчнымъ, неизмѣннымъ политическимъ идеаломъ, возводимымъ къ синайскому Декалогу. Фагэ недоумѣваетъ, какъ эта схоластическая теорія деспотизма могла уживаться со значительнымъ пониманіемъ хода французской исторіи. Его недоумѣніе усилилось бы, если бы онъ больше принялъ во вниманіе столь характерное и столь странное для Бональда пониманіе тѣснѣйшей связи между различными сторонами общественной эволюціи, нашедшее себѣ рѣзкое выраженіе въ его ненависти къ промышленному развитію новаго времени.

Въ главахъ о Сталь и Констанѣ Фагэ останавливается на личной психологіи этой замѣчательной пары не меньше, чѣмъ на ихъ нравственныхъ и политическихъ взглядахъ. И онъ имѣлъ основаніе поступить такъ. Въ противоположность Ройе-Коллару и Гизо, вождямъ классоваго, можно сказать даже буржуазнаго либерализма, Сталь и Констанъ являются въ гораздо большей

степени представителями чистаго индивидуализма, поборниками неотъемлимыхъ правъ человѣческой личности съ ея новыми и пока еще неясными порывами. Въ своихъ отзывахъ о религіи они больше настаиваютъ на личныхъ, внутреннихъ потребностяхъ вѣрующей души и усердно защищаютъ личную свободу совѣсти, въ то время какъ протестантъ Гизо выдвигаетъ впередъ въ своихъ историческихъ курсахъ соціальную роль католической церкви и мечтаетъ если не о соединеніи, то о примиреніи церквей. Констанъ чувствовалъ глубокую антипатію къ «жреческимъ» религіямъ, Гизо посвятилъ очень много сочувственнаго вниманія исторіи католической іерархіи. Въ пору подъема національныхъ чувствъ госпожа Сталь совѣтовала французамъ изучать нѣмецкую философію и литературу, а Б. Констанъ излагалъ политическую доктрину, совершенно свободную отъ національной окраски. Къ сожалѣнію, Фагэ характеризуетъ политическія воззрѣнія Констана съ своею обычною манерою литературнаго критика. Между тѣмъ, они, особенно ученіе о конституціонной монархіи и отвѣтственности министровъ, заслуживали бы болѣе точнаго и отчетливаго анализа, который русскіе читатели, впрочемъ, могутъ найти въ статьѣ Градовскаго о Констанѣ въ выходящемъ теперь собраніи сочиненій Градовскаго.

Весьма интересны главы о Ройе Колларѣ и Гизо; сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ ни въ оригинальной, ни въ переводной нашей литературѣ не было значительной и обстоятельной оцѣнки политической доктрины этихъ писателей. Фагэ вслѣдъ за Ремюза зоветъ Ройе-Коллара «философомъ хартіи», т. е. конституціонной хартіи 1814 года. Его политическая доктрина будто бы была по существу лишь интерпретаціей этой хартіи. Не надо забывать, однако, что Руайе-Колларъ, этотъ вождь французскихъ доктринеровъ и безгранично самоувѣренный политическій метафизикъ, въ то же время, быть можетъ безсознательно для самого себя, былъ яркимъ представителемъ совершенно реальныхъ интересовъ крупной французской буржуазіи. Убѣжденный противникъ всякаго абсолютизма, онъ положилъ хартію въ основу своей системы, конечно, не потому только, что она была безличнымъ закономъ, но и потому, что она соотвѣтствовала его политическому идеалу. Онъ съ полнымъ правомъ звалъ себя либераломъ-легитимистомъ. Но, конечно, онъ стоялъ за принципъ легитимизма потому, что считалъ его оплотомъ противъ абсолютизма и чувствовалъ бы себя хорошо въ обстановкѣ стараго порядка, привилегіи котораго были ему очень дороги. Онъ былъ, конечно, искреннимъ поклонникомъ свободы, но отличалъ свободу реальную отъ свободы отвлеченной. Свобода становится реальною, лишь когда превращается въ привилегію извѣстной группы гражданъ, ограничивающую собою суверенитетъ. Чѣмъ больше привилегій, которыми неизбѣжно становятся даже «общія вольности», тѣмъ прочнѣе и совершеннѣе политическій порядокъ. Такимъ образомъ, свобода дѣлается участіемъ во власти, сдержкою для враждебныхъ установившемуся порядку теченій, орудіемъ политической и соціальной борьбы. У Гизо политическая доктрина покоилась не на простомъ довольствѣ установившимися отношеніями или хартіей, а на основаніи гораздо болѣе надежномъ. И онъ былъ доктринеромъ: по справедливому замѣчанію Фагэ, умѣренную программу «золотой середины» онъ проводилъ съ самоувѣренностью и непреклонностью радикала. Но онъ думалъ, что нашелъ для своей программы прочный соціальный фундаментъ. Глубокое историческое изученіе привело Гизо къ убѣжденію, что лишь средніе классы, лишь третье сословіе является движущей силой новой европейской исторіи и прочной основой хорошаго политическаго порядка; онъ и старался потому до самаго конца удержать власть за «средними классами». Гизо можетъ послужить поучительнымъ примѣромъ того, какъ вредна иногда бываетъ историческая подготовка для государственнаго человѣка, какъ привычка вдумываться въ отжившія отношенія можетъ ослабить чуткость къ новымъ и не вполнѣ опредѣлившимся жизнен-

нымъ теченіямъ. Фагэ, конечно, вполнѣ вѣрно указываетъ главную ошибку Гизо: Гизо не хотѣлъ видѣть, что его «средніе классы» на дѣлѣ стали высшими и что онъ охраняетъ не господство среднихъ, а аристократію, какъ выражается Фагэ, или господство крупной буржуазіи, какъ принято выражаться теперь. Можно быть разныхъ мнѣній объ утвержденіи Фагэ, будто французамъ и послѣ Гизо не посчастливилось еще испытать господства среднихъ классовъ. Но несомнѣнно то, что Гизо охранялъ и тотъ политическій порядокъ, защитникомъ котораго онъ считалъ себя. *А. Савинъ.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

Н. Лучицкій. «Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи».—*Лависсъ и Ромбо.* «Всеобщая исторія».—*А. Штернъ.* «Исторія революціи въ Англіи».—*Э. Бернштейнъ.* «Общественное движеніе въ Англіи XVII в.—*А. Деберлэ.* «Исторія Южной Америки».

И. В. Лучицкій. «Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи». К. 1900. 255 + 88 + 43. Ц. 1 р. 50 к. Лежащее предъ нами изслѣдованіе проф. И. В. Лучицкаго выходило по частямъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ въ видѣ отдѣльныхъ статей, въ которыхъ авторъ излагалъ результаты своихъ изысканій во французскихъ провинціальныхъ архивахъ. Эти изысканія, впрочемъ, болѣе заинтересовали французскихъ читателей, чѣмъ русскихъ (мы говоримъ о широкой публикѣ), такъ какъ для насъ тема не представляетъ такого животрепещущаго интереса, какъ для Франціи, гдѣ эти работы даже попали въ политику, происходившую въ палатѣ депутатовъ между Жоресомъ и Дешанелемъ по вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи и его происхожденіи. Рядъ подсчетовъ земельныхъ имуществъ въ обильныхъ таблицахъ, приложенныхъ къ тексту, разрушаетъ часто повторявшуюся до послѣдняго времени мысль о преобладаніи въ до-революціонной Франціи крупной земельной собственности надъ мелкой крестьянской. Въ книгѣ, нынѣ вышедшей, наиболѣе любопытнымъ является установленіе того факта, что перемѣщеніе собственности наканунѣ революціи совершалось вовсе не въ пользу привилегированныхъ классовъ, какъ до сихъ поръ думали, а прежде и больше всего въ пользу крестьянъ. Дѣло въ общемъ происходило такъ, что буржуазія являлась однимъ изъ самыхъ крупныхъ факторовъ въ процессѣ перемѣщенія земельной собственности, но факторомъ, такъ сказать, механическимъ; она покупала земли у дворянъ и продавала ихъ крестьянамъ, и при томъ больше продавала, чѣмъ покупала. Если крестьяне были главными скупщиками дробной земельной собственности *до*-революціи, то *во время* революціи этотъ процессъ скупки крестьянами земли получилъ новый толчокъ въ видѣ продажи національныхъ имуществъ. Въ своей недавно вышедшей большой монографіи «La legislation civile de la revolution française». — P. Саньякъ (Sagnäc) сдѣлалъ любопытный подборъ цитатъ изъ работы Лучицкаго и представилъ (на стр. 183) яркую картину скупки земли крестьянами во время революціи. Далѣе мы встрѣчаемся здѣсь съ общимъ соціальнымъ выводомъ, который г. Лучицкій имѣетъ всѣ права намѣтить. Въ этихъ до-революціонныхъ скупкахъ земли, въ этомъ расхватѣ національныхъ имуществъ подготовлялось созданіе *новой* буржуазіи, — буржуазіи, вершившей судьбы Франціи въ XIX вѣкѣ. Страшное усиленіе французской буржуазіи, усиленіе не объяснимое (по крайней мѣрѣ для первой трети истекающаго столѣтія) ни машинами, которыхъ почти не было, ни какими-либо иными причинами, — находитъ себѣ въ разбираемой книгѣ простую и ясную разгадку въ томъ, что буржуазія эта вышла изъ крестьянскаго слоя, laboureurs, безпрерывно дѣлавшаго и до, и во время рево-

люціи новыя и новыя земельныя пріобрѣтенія... Конечно, отсюда нельзя дѣлать заключеніе, что крестьянство было вполнѣ обезпечено, что ему хорошо жилось и т. д., но старыя воззрѣнія о полномъ обезземеліи крестьянскаго класса, очевидно, должны быть сданы въ архивъ. Этотъ выводъ тѣмъ болѣе можетъ быть признанъ основательнымъ, что множество таблицъ съ подсчетами и статистическими данными, приложенныхъ къ книжкѣ, подтверждаютъ его всецѣло. Намъ хотѣлось бы остановиться на одномъ фактѣ, который имѣетъ значеніе, такъ сказать, психологическое. Сдѣлать это тѣмъ полезнѣе, что ни Саньякомъ, ни другими (напримѣръ рецензентами Лучицкаго въ «Revue historique» за 1899 г. и въ «Zeitschrift für soziale und wirtschafts geschichte» за тотъ же годъ, 1 Bd.) не отмѣчена одна черта, которую указать слѣдуетъ. Чѣмъ (между многимъ прочимъ) можно объяснить страшное ожесточеніе крестьянъ во время революціи противъ дворянъ—землевладѣльцевъ? Намъ кажется, что въ разбираемой книгѣ содержится рядъ фактовъ, краснорѣчиво разрѣшающихъ этотъ вопросъ. Именно въ 70-хъ и 80-хъ годахъ дворяне-землевладѣльцы дѣлали все отъ себя зависящее, чтобы воскресить и осуществить свои старыя полузабытыя феодальныя права, и этимъ, хоть нѣсколько, компенсировать послѣдствія постепеннаго уплыванія земельной собственности изъ ихъ рукъ. Именно передъ самой той революціей наиболѣе ненавистныя стороны «феодализма» особенно усердно и воскрешались, чтобы путемъ юридическихъ вымогательствъ спасти дворянство отъ надвигавшагося экономическаго кризиса.

Изъ второстепенныхъ пунктовъ книжки обращаетъ на себя вниманіе тщательное разслѣдованіе отношеній богача Монтіона къ тѣмъ крестьянамъ, которые имѣли несчастіе состоять съ нимъ въ зависимыхъ арендаторскихъ и иныхъ отношеніяхъ. Этотъ сентиментальный учредитель слащавой «преміи за добродѣтель», названной по его имени «монтіоновской», вполнѣ отчетливо выступаетъ изъ сопоставленныхъ г. Лучицкимъ документовъ, какъ гнусный кровопійца и безжалостный эксплуататоръ зависимыхъ лицъ. Впрочемъ такихъ бытовыхъ черточекъ въ этой богатой содержаніемъ книгѣ можно найти весьма много. Т.

Лависъ и Рамбо. «Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени». Томъ VI. «Людовикъ XIV». 1643—1715 Переводъ В. Невѣдомскаго. VI томъ «Всеобщей исторіи» Лависса и Рамбо посвященъ эпохѣ Людовика XIV. Эта эпоха по интенсивности работы общественныхъ силъ Европы не можетъ идти въ сравненіи съ предшествующей ей эпохой реформаціи и послѣдующей—XVIII вѣкомъ. XVII вѣкъ, въ отличіе отъ нихъ обѣихъ, представляетъ собою нѣкотораго рода застой въ общественномъ развитіи Европы. На континентѣ онъ характеризуется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что абсолютизмъ, выросшій въ борьбѣ съ средневѣковыми католицизмомъ и феодализмомъ, теперь достигаетъ полнаго развитія. При помощи свѣтскаго просвѣщенія, а иногда и реформаціи, ему удалось окончательно сломить политическую сторону феодализма и сдѣлать государство вполнѣ независимымъ отъ церкви. Но вслѣдъ за этимъ абсолютизмъ рѣзко перемѣняетъ свое направленіе. Отнявъ политическое значеніе у феодальнаго дворянства, онъ закрѣпляетъ за нимъ его соціальныя привилегіи; освободивъ государство отъ церковной опеки, онъ охотно принимаетъ вѣроисповѣдный оттѣнокъ и помогаетъ духовенству подчинять умы народа церковной догматикѣ. Съ другой стороны, централизуя власть въ своихъ рукахъ и объединяя государство, онъ старается увеличить государственные доходы и поднять національное богатство путемъ протекціонизма, чѣмъ способствуетъ возвышенію буржуазіи.

«Всеобщая исторія» Лависса и Рамбо, несмотря на свое названіе, нигдѣ не старается выяснить и подчеркнуть эти общія, характерныя черты эпохи и скорѣе является исторіей отдѣльныхъ государствъ не только Европы, но даже

Азіи и Америки, въ настоящемъ томѣ въ періодъ, когда во Франціи царствовалъ Людовикъ XIV. Очерки эти, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, представляютъ только исторію международныхъ отношеній того времени да прагматическій разсказъ о политическихъ событіяхъ въ жизни каждаго государства. При этомъ авторы часто гонятся за полнотой сообщаемыхъ свѣдѣній въ ущербъ общимъ характеристикамъ учрежденій, партій и міросозерцаній. Если исходить при этомъ изъ точки зрѣнія важности той или другой страны въ всемірно-историческомъ развитіи, то окажется, что матеріалъ распредѣленъ крайне неравномѣрно. Напримѣръ, исторіи Турціи посвящено 39 стр., Индостану—40, а Германіи съ Австріей и Пруссіей всего 56. Наиболѣе интересными являются главы VI (католическая церковь), XII (Голландія), XIII (Испанія), XVI (Венгрія), XVIII (Польша). Нельзя также не отмѣтить, что авторы обратили вниманіе на важную, но остающуюся обыкновенно въ пренебреженіи сторону всемірной исторіи — колоніальную политику европейскихъ державъ (главы XXIII, XXIV и XXV).

Самымъ слабымъ мѣстомъ VI тома является очеркъ англійской исторіи въ данную эпоху. Прежде всего, благодаря чисто хронологическому распредѣленію матеріала, исторія Англіи въ XVII вѣкѣ, представляющая одно органическое цѣлое, разнесена на два тома, при чемъ въ V-мъ изложеніе оканчивается казнью Карла I, а VI-й начинается установленіемъ въ Англіи республики. XVII вѣкъ въ исторіи Англіи, въ противоположность материку Европы,—эпоха напряженной борьбы народнаго представительства съ абсолютистическими стремленіями королей, осложняющейся борьбой религіозной и сопровождающейся цѣлымъ рядомъ другихъ политическихъ и соціальныхъ теченій. По своей важности для развитія англійскаго общества англійская революція имѣетъ не меньше значенія, чѣмъ реформація для Германіи или великая революція для Франціи. А между тѣмъ всей англійской исторіи этого времени посвящается только три небольшихъ статьи—одна въ V-мъ томѣ и двѣ—въ VI-мъ. Статьи представляютъ даже не разсказъ, а перечень событій парламентской борьбы, междоусобной войны и международныхъ отношеній. Авторъ (Sayous) не говоритъ ни слова о значеніи этой эпохи, не даетъ характеристики ни главныхъ дѣятелей революціи, ни тѣхъ разнообразныхъ политическихъ, религіозныхъ и соціальныхъ направленій, которыя вызвали образованіе различныхъ партій, не касается и развитія публицистики. Не говоря уже о соціально-экономической исторіи этой эпохи (соціально-экономическая исторія вообще представляется у Лависса и Рамбо только статьей Levasseur'a о финансовой политикѣ Кольбера), авторъ посвящаетъ духовному развитію англійскаго народа въ XVII вѣкѣ по *одной страницѣ* въ двухъ различныхъ мѣстахъ, гдѣ мы находимъ по нѣсколько строкъ о Гоббзѣ и Мильтонѣ и *ни одного слова* о Локкѣ. Читателю остается совершенно неизвѣстнымъ англійское «просвѣщеніе» XVII вѣка, которое, помимо вліянія на современную англійскую исторію, было прямымъ родоначальникомъ знаменитаго французскаго «просвѣщенія» XVIII вѣка.

Пріятную противоположность представляетъ исторія Франціи. Благодаря отведенному ей первенствующему мѣсту, авторы даютъ намъ, кромѣ политической исторіи, характеристику управленія страной, придворнаго быта, общества, церкви, литературы и даже экономическаго положенія Франціи подъ вліяніемъ политики Кольбера. Если и здѣсь авторы часто нагромождаютъ ненужныя детали (напримѣръ, въ описаніи придворнаго быта) и избѣгаютъ общихъ характеристикъ, то, во всякомъ случаѣ, читатель получаетъ возможность составить себѣ болѣе или менѣе цѣльную картину Франціи Людовика XIV. Къ сожалѣнію, статья Faguet о французской литературѣ этого времени (глава VIII) такъ же, какъ и статья о состояніи искусствъ и наукъ въ Европѣ (главы IX и X),

представляетъ скорѣе собраніе именъ и хронологическихъ датъ, чѣмъ исторію идей и направленій.

Мѣткій, остроумный языкъ оригинала, благодаря неумѣлому переводу, получаетъ часто фельетонный оттѣнокъ. Вообще, переводъ сдѣланъ съ возмутительной небрежностью, хотя и принадлежитъ такому извѣстному переводчику, какъ г. Невѣдомскій. Напримѣръ, французское intelligence всюду переводится «интеллигенція» (323, 375, 425 и др.). Собственныя имена и установившіеся термины искажаются по произволу. Деволюціонная война (la guerre de la Dévolution) почему-то называется «войной за испанское наслѣдство» (77), Пфальцъ (Pfalz, Palatinat)—«пфальцграфствомъ», курфюрстъ пфальцскій—«курфюрстомъ — пфальцграфомъ» или «курфюрстомъ — палатиномъ» (123). Le roi très-chrétien переводится «самый христіанскій изъ королей (127, 203); англійская партія левеллеровъ или уравнителей фигурируетъ подъ французскимъ названіемъ «нивелеровъ» (58) и т. д. Не спасены отъ искаженій и русскія собственныя имена, гдѣ бы, кажется, трудно ошибиться. Малороссійскій гетманъ Тетеря называется Тертерія (617; въ оригиналѣ—Terteria). деревня Лѣсная превращается въ «Лесну» (715). Всѣ фразы и обороты оригинала, мало-мальски трудные для перевода, преспокойно выпускаются, остальные переводятся крайне неточно, а иногда встрѣчаются и очень серьезныя искаженія. Вотъ одинъ характерный примѣръ. Оригиналъ: «Le cardinal de Richelieu tira Gustave-Adolphe de la conquête de la Livonie pour abattre la maison d'Autriche; il était heureux, dans la conjecture présente, de tirer le czar (рѣчь идетъ о Петрѣ Великомъ) de la conquête des mêmes provinces pour faire de lui le même usage» (p. 818). Переводъ: «Кардиналъ Ришелье, отклонившій Густава-Адольфа отъ завоеванія Лифляндіи, чтобы воспользоваться его помощью въ борьбѣ съ австрійской династіей, попытался съ такою же цѣлью отклонить царя отъ завоеванія Лифляндскихъ провинцій» (стр. 731). Какъ видите, переводчикъ безъ дальнихъ разсужденій сдѣлалъ Ришелье современникомъ Петра Великаго и разсказываетъ о дипломатическихъ сношеніяхъ между ними! *С. Л.*

Альфредъ Штернъ. Исторія революціи въ Англіи. Переводъ со второго нѣмецкаго изданія Г. Ѳ. Львовича. Цѣна 2 р. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Э. Бернштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго. Цѣна 1 р. 50 к. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Эпоха англійской революціи едва ли не наиболѣе важная эпоха въ исторіи Англіи. Развитіе англійскаго государственнаго строя, получившее свое направленіе еще въ средніе вѣка и пришедшее къ исходу XV столѣтія къ нѣкоторымъ очень опредѣленнымъ результатамъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ принципъ ограниченія королевской власти, было выбито изъ колеи войнами розъ и послѣдовавшимъ вслѣдъ за тѣмъ господствомъ Тюдоровъ и Стюартовъ. Время обѣихъ династій, какъ извѣстно, является эпохой постепеннаго усиленія деспотизма и энергичной борьбы власти съ пріобрѣтенными въ предшествующую эпоху вольностями и привилегіями парламента. Первая революція положила конецъ деспотизму, а когда реставрація сдѣлала попытку вернуться на прежній путь, 1688 годъ смелъ вмѣстѣ съ династіей Стюартовъ послѣдніе слѣды абсолютизма и возвратилъ въ старое, до-тюдоровское русло теченіе политической жизни королевства.

Но какъ всякое крупное теченіе, англійская революція не исчерпывалась политическимъ переворотомъ. Ея специфическая окраска, давно обнаруженная и оцѣненная, была религіозной. Она всего лучше изслѣдована въ извѣстной книгѣ Вейнгартена «Revolutionskirchen Englands», переводъ которой на русскій языкъ въ настоящее время печатается.

Есть и другая сторона въ движеніи, которая не такъ рѣзко бросается въ глаза, но которая не менѣе важна, чѣмъ политическая и религіозная. Это соціальныя отношенія, отражающіяся на всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ мо-

ментахъ революціи. «Борьба не ограничивалась политическими и религіозными партіями: подъ ней скрывалась другая, общественная борьба, борьба различныхъ сословій народа за вліяніе и власть». Такую мысль развивалъ еще Гизо, отъ проницательнаго взгляда котораго не скрылись соціальныя пружины, во многихъ случаяхъ властно направлявшія ходъ событій.

Изъ двухъ, разбираемыхъ нами изслѣдованій, посвященныхъ революціи, наибольшій интересъ представляетъ этюдъ Бернштейна, того самого, который недавно поднялъ такую бурю своей извѣстной книгой.

Книга Штерна, принадлежащая къ коллекціи Онкена, не лучше и не хуже огромнаго большинства нѣмецкихъ историческихъ монографій, которымъ добросовѣстное изученіе матеріала, обстоятельность изложенія и нѣкоторыя чисто литературныя достоинства создаютъ «почетное положеніе» въ наукѣ. Раньше Штернъ былъ извѣстенъ какъ авторъ капитальной біографіи Мильтона, часть матеріала которой вошла и въ настоящій трудъ. Для лицъ, ищущихъ подробнаго знакомства съ англійской революціей, не удовлетворяющихся маленькой книжкой Гардинера «Пуритане и Стюарты» и не имѣющихъ возможности обратиться къ многотомнымъ основнымъ трудамъ Гардинера, на плечахъ котораго суждено долго еще держаться всѣмъ историкамъ англійской революціи,— для тѣхъ книга Штерна является какъ нельзя болѣе подходящей. Правда, общихъ точекъ зрѣнія, дающихъ матеріалъ для соціологическихъ отвлеченій, у Штерна немного; соціально-экономическая сторона разработана мало, но ходъ политическаго переворота и ростъ революціоннаго сектанства выяснены довольно отчетливо, поскольку это возможно безъ истолкованія соціальной подкладки.

Книга Бернштейна какъ бы дополняетъ изслѣдованіе Штерна. Она составляетъ часть предпринятой года три тому назадъ «Geschichte des Sozialismus», и этимъ объясняются многіе ея научные недостатки. Все изданіе разсчитано на очень разнообразныя группы читателей. Поэтому, начало книги слишкомъ элементарно и поверхностно, повторяетъ давно извѣстныя вещи и не представляетъ особаго интереса. Зато тамъ, гдѣ начинается собственная работа, приблизительно съ главы о Лильбернѣ, интересъ книги растетъ, и при общей оцѣнкѣ приходится признать ее незаурядными явленіемъ въ исторической литературѣ послѣднихъ лѣтъ.

Читателямъ «Міра Божьяго» извѣстны теоретическіе взгляды Бернштейна. «Общественное движеніе въ Англіи» показываетъ, что они у него сложились задолго до окончательной ихъ формулировки въ «Voraussetzungen etc». Въ той же книгѣ, откуда извлеченъ настоящій этюдъ, можно сплошь и рядомъ встрѣтить тѣ «испанскіе сапоги» и проч. инквизиціонные инструменты, о которыхъ говоритъ Бернштейнъ и которые часто пускаются въ дѣло въ угоду «доктринѣ». Бернштейнъ слѣдитъ за ростомъ и развѣтвленіемъ, если возможно такъ выразиться, общественнаго настроенія и за тѣми причинами, которыя направляютъ то и другое. Главною его задачей является выясненіе міросозерцанія левеллеровъ и квакеровъ. Особенное вниманіе обращаютъ на себя тѣ страницы, гдѣ говорится о сектѣ «истинныхъ леваллеровъ» и объ идеяхъ ихъ представителя Уинстанлея, на которыя до сихъ поръ не было обращено надлежащаго вниманія. Бернштейнъ съ большимъ искусствомъ прослѣживаетъ филіацію идей истинныхъ левеллеровъ въ ученіи квакеровъ (главнымъ образомъ у Беллерса) и пытается привести ихъ въ связь съ ученіемъ чартистовъ XIX в.

Этюды о левеллерахъ и квакерахъ вставлены въ широкую историческую рамку; изложеніе событій освѣщаетъ и дѣлаетъ понятнымъ многое изъ того, что казалось бы необъяснимо взятое an und für sich. Бернштейнъ особенно внимательно разграничиваетъ классовыя группы въ ихъ участіи въ различныхъформахъ революціи. Значеніе самой революціи Бернштейнъ очень умѣло иллюстрируетъ сопоставленіемъ съ французской революціей. Сопоставленіе на-

прашивалось само собою и дѣлалось неоднократно; его пытается сдѣлать и Штернъ, но у него оно выходитъ поверхностно. У Бернштейна дѣло обстоитъ иначе.

Переводы обѣихъ книгъ сдѣланы хорошо. *А. Дживелеговъ.*

Альфредъ Деберль. «Исторія Южной Америки». Перев. съ 3-го изданія, испр. и дополн. про-мъ Альбертомъ Милье. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Во вступленіи авторъ говоритъ о своихъ соотечественникахъ: «Что касается южной Америки, то здѣсь наше вниманіе ограничивается одною только Бразиліею. Республики же, образовавшіяся изъ старинныхъ испанскихъ колоній, совершенно не принимаются въ разсчетъ. Кому извѣстно что-нибудь о Боливіи? Кто можетъ съ точностью сказать, что такое Эквадоръ? Наше невѣжество въ этомъ отношеніи можетъ равняться только съ обычною готовностью судить о вещахъ намъ неизвѣстныхъ». Если это справедливо по отношенію къ французамъ, которые при томъ владѣютъ въ Южной Америкѣ колоніей Французской Гвіаны, то что же сказать о насъ, которые не связаны съ этою частью Новаго Свѣта никакимъ интересомъ, если только не имѣть въ виду усиливающейся эммиграціи русскихъ евреевъ и поляковъ въ Аргентинскую республику? А между тѣмъ, помимо всякаго практическаго интереса, исторія государствъ Южной Америки, этого чуднаго края, названнаго «алмазомъ вселенной», полна такой своеобразности, свѣжести, оживленія и драматизма, что далеко не заслуживаетъ подобнаго невниманія. Правда, изученіе ея затрудняется чрезвычайнымъ изобиліемъ событій и фактовъ, безчисленнымъ множествомъ дѣйствующихъ лицъ, громадностью театра дѣйствія, но при ближайшемъ знакомствѣ съ ними, событія группируются болѣе или менѣе правильно вокругъ главныхъ ступеней, пройденныхъ новыми южно-американскими націями, періода завоеванія и колонизаціи, періода освобожденія, войнъ, возбужденныхъ вопросами разграниченія, паденія послѣдней монархіи въ Бразиліи и пр. Ярко выступаютъ величественная фигура Боливара, этого Вашингтона южной Америки, характерные типы парагвайскаго диктатора доктора Франсіа, неукротимаго главы аргентинскихъ федералистовъ де-Розаса и др.

Владычество испанцевъ оставило тяжелое наслѣдіе въ нравахъ и порядкахъ южно-американскихъ народовъ, этого не должно забывать при разсмотрѣніи кровавыхъ смутъ, столь обычныхъ среди нихъ въ послѣдующее время. Истребленіе цѣлыхъ племенъ, безпощадная эксплуатація побѣжденныхъ уничтоженіе туземныхъ цивилизацій, клерикальный обскурантизмъ, административный произволъ, экономическое обособленіе,—вотъ тѣ выраженія, которыми характеризуетъ авторъ европейскую цивилизацію, принесенную испанцами и португальцами. Ихъ руководителями въ этомъ дѣлѣ разрушенія и угнетенія являлось католическое духовенство, поведеніе котораго вполнѣ оправдывало слова Франсіа: «священники и религія гораздо больше заставляютъ вѣрить въ чорта, чѣмъ въ Бога» (стр. 317). Какое-то безуміе овладѣло испанцами: вся дѣятельность ихъ была направлена на добываніе золота; закрывая глаза на окружающіе ихъ неисчерпаемые источники промышленнаго богатства, они гонялись за мечтою о странѣ золота и драгоцѣнныхъ камней, Эльдорадо. Тамъ гдѣ они застали начатки культуры, какъ-то въ Мексикѣ и имперіи инковъ, они нагромоздили вокругъ себя одни развалины; дороги исчезли, мосты обрушились, плотины прорвались, оросительные каналы завалились землею. Съ половины XVI-го вѣка Испанія была самою отсталою страною въ Европѣ и въ ея-то руки попала судьба юной страны.

Освобожденіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и французская революція съ послѣдующими войнами имперіи нанесли жестокіе удары монархіямъ, владѣвшимъ Южною Америкою. Это сейчасъ же почувствовалось въ испанскихъ и португальскихъ колоніяхъ Америки, гдѣ къ тому времени умъ насе-

ленія, получившаго нѣкоторую образованность, сталъ уже проясняться. Началась борьба за независимость, полная примѣровъ мужества и любви къ свободѣ, закончившаяся тѣмъ, что изъ своихъ огромныхъ владѣній въ Южной Америкѣ — Испанія и Португалія не сохранили ни пяди земли. — достойное возмездіе за ихъ прежнюю роль въ завоеваніи и колонизаціи страны.

Въ концѣ концовъ американцы освободились отъ различныхъ видовъ тиранніи, навязанныхъ имъ ихъ учителями, и постепенно превратились въ современныя государства съ республиканскою формою правленія.

Въ послѣднія десять лѣтъ единственныя формы прежняго порядка вещей, продолжавшія еще существовать въ Америкѣ были уничтожены: Бразилія превратилась въ республику въ 1890 г., вскорѣ послѣ того, какъ императоръ донъ Педро II уничтожилъ послѣдніе остатки невольничества. Но за этотъ продолжительный періодъ, который протекъ со времени освобожденія, т. е. за три четверти настоящаго вѣка, исторія южно-американскихъ республикъ полна жестокихъ междоусобицъ и кровавыхъ революцій. Не говоря уже о вліяніи предшествующаго воспитанія, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что тотчасъ по освобожденіи народы, состоящіе изъ очень различныхъ расъ, индѣйцы, метисы, негры и бѣлые, не начали сразу жить мирною политическою жизнью. Поводомъ служили и плохое разграниченіе смежныхъ государственныхъ территорій, которое еще долго будетъ служить источникомъ недоразумѣній, и вѣчные споры между правомъ отдѣльнаго штата и общими правами всѣхъ, унитарами и федералистами. Сегодняшніе побѣжденные завтра являлись побѣдителями, народъ ставился ни во что, у кого въ рукахъ армія, у того и власть, произволъ становился на мѣсто закона. Самыя цвѣтущія страны Южной Америки въ родѣ Боливіи терпѣли отъ этой язвы милитаризма послѣдствія, обрекавшія ихъ на нищету при обладаніи исключительными богатствами природы. Но постепенно милитаризмъ если не исчезъ, то потерялъ свою остроту. Современный политическій прогрессъ южно-американскихъ государствъ заключается въ томъ, что военный элементъ въ ихъ жизни отступаетъ передъ гражданскимъ, безпокойные генералы, вовлекающіе страну въ столкновеніе съ сосѣдями и вызывающіе междоусобицы, принуждены ограничивать свою дѣятельность казармами и полями смотровъ. «Сами междоусобныя войны производятъ болѣе шума, чѣмъ зла» (стр. 519). Населеніе сжилось съ этой анархіей и она мало мѣшаетъ ему развивать свои промышленныя силы. Объ Аргентинской республикѣ авторъ пишетъ: «Нельзя не отмѣтить необычайнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ знаменательнаго для этихъ юныхъ и полныхъ жизни народностей факта, что посреди всѣхъ этихъ смутъ населеніе возрастало съ чрезвычайной быстротою. Европейская и въ особенности французская эмиграція была очень значительна; торговое движеніе Буэносъ-Айрескаго порта достигло громадныхъ размѣровъ; эксплуатація желѣзныхъ дорогъ была въ полномъ ходу, строились новыя дороги; между Монтевидео и Буэносъ-Айресомъ была проведена телеграфная линія, дороги прокладывались, школы заводились; конфедерація приняла даже большое участіе во всемірной выставкѣ 1867 г. и получила награды» (280 стр.). И все это относится къ 1867 г., когда страну терзали война съ Парагваемъ, возстаніе въ провинціяхъ, холерная эпидемія. Тоже можно отмѣтить и относительно Уругвая: «Посреди своихъ непрестанныхъ смутъ и треволненія, Уругвай тѣмъ не менѣе не оставался чуждъ и мирной работѣ труда. Продукты его промышленности оставшіеся почти незамѣченными на французской выставкѣ 1855 г., когда онъ еще не оправился отъ бѣдствій, имѣли блестящій успѣхъ на Лондонской выставкѣ 1862 г., а на всемірной Парижской выставкѣ 1867 г. имъ была присуждена золотая медаль» (стр. 301).

Блестящее будущее, которое безспорно принадлежитъ южно-американскимъ государствамъ, зависитъ прежде всего отъ роста въ нихъ населенія, такъ какъ

всюду сказывается та же непропорціональность между продуктивнымъ трудомъ человѣка и паразительными богатствами почвы, растительнаго и минеральнаго царствъ. Франція легко помѣстилась бы на одной восьмой части Бразиліи, между тѣмъ какъ населеніе всей Южной Америки едва равняется населенію Франціи. При такихъ условіяхъ, иммиграція европейцевъ составляетъ для нея насущную необходимость и она приметъ безъ сомнѣнія въ будущемъ размѣры, которые трудно себѣ представить, разъ только подъ благодатнымъ небомъ Южной Америки водворится миръ и прочныя гражданскія учрежденія.

М. П—въ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СОЦІОЛОГІЯ.

С. Н. Прокоповичъ. «Рабочее движеніе на западѣ».—*Дж. Гоббсонъ.* «Проблемы бѣдности и безработицы».

С. Н. Прокоповичъ. «Рабочее движеніе на Западѣ». Опытъ критическаго изслѣдованія. Томъ I. «Германія, Бельгія». С.-Петербургъ. Изданіе Л. Ф. Лантелѣева. 1899 г. (стр. 212+120+II. Цѣна 2 р.). Книга г. Прокоповича распадается на двѣ вполнѣ самостоятельныя части: первая трактуетъ о рабочемъ движеніи въ Германіи, вторая о рабочемъ движеніи въ Бельгіи. Авторъ останавливается исключительно на новѣйшемъ рабочемъ движеніи, которое является результатомъ развитія капиталистическихъ отношеній въ производствѣ, поэтому средневѣковыя рабочія организаціи—цехи мастеровъ и союзы подмастерьевъ—интересуютъ его лишь постольку, поскольку изъ нихъ развились рабочіе союзы новаго типа—*общества взаимопомощи*. Неразвитость капиталистическихъ отношеній въ Германіи въ первую половину нынѣшняго вѣка была причиной того, что членами этихъ обществъ были какъ подмастерья, такъ и мастера, и лишь постепенно, по мѣрѣ развитія фабрично-заводской промышленности, эти смѣшанные союзы начинаютъ вытѣсняться чисторабочими обществами.

Возникшія самопроизвольно, общества взаимопомощи въ 40—50 годахъ обращаютъ на себя вниманіе прусскаго правительства; сильно обезпокоенное быстрымъ увеличеніемъ нищеты, оно прибѣгаетъ къ устройству принудительныхъ кассъ помощи, и—въ результатѣ въ 1873—1874 г. въ Пруссіи существовало 5.033 кассы съ 1.096.143 членами. Но этотъ ростъ обществъ взаимопомощи былъ купленъ, въ извѣстной степени, утратой ихъ самостоятельности: опека чиновника или капиталиста парализуетъ самодѣятельность рабочихъ.

Новый ударъ развитію свободныхъ кассъ взаимопомощи былъ нанесенъ въ 80-хъ годахъ организаціей страхованія рабочихъ. Соціалъ-демократія первоначально относилась отрицательно къ мѣстнымъ принудительнымъ кассамъ, и лишь въ 90-хъ годахъ перемѣна во взглядахъ партіи на тактику заставила ее иначе отнестись къ этимъ организаціямъ.

Помимо кассъ взаимопомощи, средствомъ улучшенія положенія рабочаго класса являются также и *товарищества*. Товарищеское движеніе въ Германіи связано съ именами Шульце-Деличе и Рапффейзена. Оба эти дѣятеля стремились не къ уничтоженію товарно-капиталистическаго строя, а къ защитѣ мелкаго производителя, ремесленника и крестьянина. За 50 лѣтъ своего существованія кооперативное движеніе въ Германіи пустило глубокіе корни, и съ каждымъ днемъ сфера его вліянія все болѣе и болѣе расширяется. Дгѣ черты отличаютъ современное кооперативное движеніе отъ движенія 50—60-хъ годовъ: 1) отрицательное отношеніе къ государственной помощи смѣнилось требованіемъ таковой и 2) составъ членовъ не ограничивается уже однимъ среднимъ сосло-

віемъ: рабочій классъ все болѣе и болѣе начинаетъ принимать участіе въ построечныхъ, и потребительныхъ товариществахъ.

Особенное значеніе для рабочаго класса имѣютъ потребительныя товарищества; въ 1897 г. число ихъ достигало 1.469; въ 1896 г. приблизительно въ 1.400 товариществахъ было около 500.000 членовъ. Преобладающій элементъ въ нихъ—рабочіе. Дальнѣйшій ростъ потребительныхъ товариществъ не можетъ подлежать сомнѣнію: рабочій классъ, съ развитіемъ капитализма, растетъ, растетъ и его значеніе, какъ потребителя массового продукта. Эти товарищества могутъ брать и, дѣйствительно, берутъ въ свои руки и производство извѣстныхъ продуктовъ, такъ какъ въ лицѣ ихъ самихъ имъ обезпеченъ уже и сбытъ. Нѣкоторые сторонники потребительныхъ товариществъ усматриваютъ въ нихъ чуть ли не средство преобразованія современнаго общества на новыхъ соціалистическихъ началахъ. Это, понятно, преувеличеніе, и справедливо, поэтому, замѣчаніе г. Прокоповича, что «такъ называемое производительное потребленіе остается внѣ сферы дѣйствія потребительныхъ товариществъ». Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи потребительныя товарищества могутъ быть и въ дѣйствительности иногда бываютъ конкурентами капиталистамъ.

Либеральная партія, въ лицѣ своихъ видныхъ вождей, Шульце-Делича, Гирша, Дункера, всячески старалась направить рабочихъ въ фарватеръ умѣренности; съ этой цѣлью прогрессисты начинаютъ основывать рабочіе союзы, такъ наз. Гиршъ-Дункеровскіе союзы. Они привились, главнымъ образомъ среди рабочихъ механическихъ заводовъ, ремесленниковъ и лишь отчасти среди фабричныхъ и чернорабочихъ. Упадокъ Гиршъ-Дункеровскихъ союзовъ, наблюдавшійся къ концу 70-хъ годовъ, былъ пріостановленъ изданіемъ исключительнаго закона противъ соціалистовъ, такъ какъ соціально-демократическія организаціи были закрыты. Законъ о государственномъ страхованіи рабочихъ (15 іюня 1883 г.) вновь послужилъ на пользу гиршъ-дункеровскому движенію. Въ сентябрѣ 1890 г. исключительный законъ былъ отмѣненъ, и тотчасъ же Гиршъ-Дункеровскіе союзы стали обнаруживать тенденцію къ упадку:въ ихъ средѣ возникъ расколъ на почвѣ отношеній къ соціально-демократической партіи, и значительная часть членовъ, настроенныхъ соціалистически, вышла изъ ихъ состава. Въ послѣднее время Гиршъ-Дункеровскіе союзы стали уклоняться влѣво.

Въ послѣднее время въ профессіональномъ движеніи стала обнаруживаться новая черта: профессіональные союзы начинаютъ охватывать всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ одной отрасли промышленности. Это-необходимый результатъ растущаго раздѣленія труда. Отъ экономическихъ организацій пролетаріата авторъ переходитъ къ его политической дѣятельности. Впервые въ политической жизни Германіи рабочіе приняли участіе въ 1848—49 г. Въ это время былъ основанъ «Нѣмецкій союзъ рабочихъ». Все движеніе, въ общемъ, носило мелко буржуазный характеръ. Вскорѣ настала реакція и заставила рабочихъ отказаться отъ широкой политической дѣятельности, и это создало благопріятную почву для агитаціи Шульце-Делича. Но соединеніе въ одной партіи рабочихъ и буржуа было непрочно; въ 1862 г. прогрессистская партія отклонила требованіе рабочихъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ и объ открытіи доступа рабочимъ въ въ «національный союзъ», основанный либералами въ 1858 г. Оппозиціонеры рабочіе вступили въ сношенія съ Лассалемъ, который и сталъ въ ихъ главѣ. Извѣстно, какъ скептически смотрѣлъ Лассаль на роль и значеніе кассъ взаимопомощи, на потребительныя товарищества, на профессіональное движеніе. Производительныя товарищества—вотъ то средство, которое одно только въ состояніи существенно улучшить положеніе рабочаго класса. Для этого необходима широкая государственная помощь и, какъ предварительное условіе, всеобщее избирательное право. Основанный Лассалемъ «Всеобщій рабочій союзъ» далеко

не оправдалъ его надеждъ: въ моментъ смерти Лассаля онъ насчитывалъ всего 4610 членовъ, а съ его смертью число это упало значительно.

«Союзъ» лассальянцевъ,—говоритъ г. Прокоповичъ,—такъ и остался сектой, стоявшей въ сторонѣ отъ массъ, надъ ними. У «союза» не было ни экономической силы, ни политическаго вліянія». Особенный интересъ представляютъ двѣ слѣдующія главы, въ которыхъ авторъ изображаетъ развитіе соціально-демократическаго движенія въ періодъ времени съ 1867 г. до нашихъ дней. Введеніе всеобщаго равнаго и прямого избирательнаго права и обусловленная этимъ полная свобода участія въ избирательныхъ компаніяхъ и широкая возможность агитаціи въ рейхстагѣ съ одной стороны, невозможность, благодаря реакціи, вести широкую экономическую и практическую дѣятельность съ другой опредѣлили собою характеръ нѣмецкой соціалъ-демократіи въ періодъ 1870—1890 г.г. Лассальянцы и эйзенахцы сливаются въ одну партію, выдвигается цѣлый рядъ практическихъ вопросовъ, и хотя партія еще смотритъ на осуществленіе тѣхъ или иныхъ мѣропріятій въ пользу рабочихъ глазами агитатора, но тактика ея все болѣе начинаетъ носить жизненно-реальный характеръ.

Особенно рѣзко эта черта выдвигается въ наши дни, когда устами Бернштейна, Давида, Фольмара и др. нѣмецкая соціалъ-демократія открыто заявила, что жизнь развивается далеко не такъ прямолинейно, какъ это до сихъ поръ представляли себѣ, что партія еще далека отъ осуществленія коллективистическихъ идеаловъ. Ставится на очередь аграрный вопросъ. Мелкая повседневная дѣятельность въ профессіональныхъ союзахъ, въ потребительныхъ обществахъ, въ городскомъ и сельскомъ самоуправленіи, наряду съ политической дѣятельностью, должна вести и ведетъ къ постепенной демократической соціализаціи или соціалистической демократизаціи жизни.

За недостаткомъ мѣста, мы не станемъ излагать содержанія II части, посвященной, какъ мы говорили выше, бельгійскому рабочему движенію. Планъ ея тотъ же, что и первой части. Сперва авторъ разсматриваетъ экономическія организаціи пролетаріата—общества взаимопомощи, товарищества и профессіональное движеніе, затѣмъ переходитъ къ исторіи развитія рабочей партіи и заканчиваетъ главой о христіанскомъ соціализмѣ. Укажемъ на одну характерную для бельгійскаго рабочаго движенія черту: это—сравнительно значительное развитіе кооперативнаго начала, при чемъ движеніе это находится подъ сильнымъ вліяніемъ рабочей партіи.

Здѣсь не мѣсто подвергать критическому разбору взгляды автора; тѣмъ болѣе, что свое теоретическое profession de foi онъ обѣщаетъ изложить во II томѣ. Въ общемъ, по практическимъ вопросамъ авторъ примыкаетъ къ тому направленію, которое связывается съ именемъ Бернштейна. Насколько направленіе это, на нашъ взглядъ, несостоятельно въ обще-теоретическихъ вопросахъ (исключая аграрный вопросъ и теорію кризисовъ), настолько оно кажется намъ жизненнымъ и правильнымъ въ вопросахъ практики: оно борется противъ преувеличенныхъ надеждъ и требуетъ внимательнаго, вдумчиваго отношенія къ мелкимъ повседневнымъ нуждамъ жизни. Здѣсь, понятно, можетъ возникнуть опасность, какъ бы люди, въ своемъ стремленіи быть практичными, не ударились въ противоположную крайность, не позабыли о томъ опредѣляющемъ направленіи, какого необходимо придерживаться; но жизнь, этотъ суровый и неумолимый критикъ, скоро укажетъ людямъ ихъ надлежащее мѣсто и заставитъ ихъ почаще вспоминать о «конечной цѣли» ихъ дѣятельности. Книга г. Прокоповича окажется очень полезной русскому читателю, такъ какъ она даетъ ему возможность подробно и точно ознакомиться съ практическими взглядами «новаго направленія». А это тѣмъ болѣе необходимо, что положенія Бернштейна у насъ нерѣдко понимаются и толкуются крайне превратно.

Мы желаемъ, поэтому, книгѣ г. Прокоповича возможно широкаго распространенія. *І. Давыдовъ.*

Дж. Гобсонъ. «Проблемы бѣдности и безработицы». Переводъ съ англійскаго съ приложеніемъ статьи П. Струве о безработицѣ Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1900 г. Цѣна 1 р. 50 к. Имя Гобсона уже извѣстно русской читающей публикѣ по переводу другой его книги «Эволюція современнаго капитализма». Гобсонъ принадлежитъ къ той категоріи писателей, которые за деревьями *не* просматриваютъ лѣса: при анализѣ экономическихъ фактовъ, онъ прежде всего, стремится выяснить то *общее*, типичное, что красной нитью проходитъ черезъ все многообразіе, повидимому, не связанныхъ между собой явленій, и затѣмъ поставить это общее въ *причинную* связь съ основными условіями экономической жизни.

Важное принципіальное значеніе и глубокій жизненный интересъ затронутыхъ Гобсономъ проблемъ достаточно ясны сами по себѣ, и вполнѣ понятно, что всякій, ощущающій потребность разобраться въ «проклятыхъ» вопросахъ современности, съ интересомъ и пользою прочтетъ эту книгу, написанную въ строго научномъ духѣ.

Что касается перевода, то онъ сдѣланъ вполнѣ хорошо. Въ приложеніи помѣщенъ очеркъ г. *П. Струве*, «Къ вопросу о безработицѣ», уже ранѣе появлявшійся въ печати въ видѣ журнальной статьи. Авторъ «Критическихъ замѣтокъ» резюмируетъ въ немъ то впечатлѣніе, какое онъ вынесъ, по вопросу о безработицѣ, изъ знакомства съ «Синими книгами».

І. Давыдовъ.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

«Книга взрослыхъ». Томы I и II.

«Книга взрослыхъ». Составлена учительницами воскресныхъ школъ при ближайшемъ участіи Х. Д. Алчевской. I. Первый годъ обученія. Съ 51 рисункомъ. Стр. 166. Москва 1899 г. Цѣна 30 коп. II. Второй годъ обученія. Съ 216 рисунками. Стр. 571. Москва 1900 г. Цѣна 80 коп. «Есть вопросы, настолько назрѣвшіе, что трудно рѣшить, кто первый заговорилъ о нихъ»,— такъ начинаютъ свое предисловіе составительницы «Книги взрослыхъ», книги для чтенія взрослыми учениками воскресныхъ школъ. Вопросъ о составленіи подобной книги несомнѣнно давно назрѣлъ, но только лишь теперь сдѣланы первые шаги къ разрѣшенію его, притомъ одновременно въ Харьковѣ и Москвѣ (книга Владиміра Львова «Народная школа»). Въ самомъ дѣлѣ, всякому преподававшему въ воскресной школѣ хорошо знакомо то мучительное чувство неловкости, съ какой приходится давать въ руки взрослаго человѣка какую-нибудь дѣтскую сказочку или побасенку. Рядомъ съ дѣтскимъ уровнемъ техники знанія, у такого взрослаго ученика стоятъ обыкновенно серьезные широкіе запросы и часто поразительная жажда знанія. Чтобы удовлетворить этимъ запросамъ, чтобы утолить эту жажду воскресная школа должна дать массу всевозможнаго матеріала по разнымъ отраслямъ науки и притомъ въ простой понятной формѣ. При ограниченности программы воскресныхъ школъ и при маломъ числѣ уроковъ, приходящихся на долю каждаго ученика въ теченіе одного учебнаго года, книга для класснаго чтенія взрослыхъ должна представлять цѣлую энциклопедію. Благодаря всему сказанному, составленіе подобной книги представляетъ не мало трудностей, и потому тѣмъ болѣе важно, что за выполненіе этой задачи взялись лица, практически знакомыя съ пре-

подаваніемъ въ воскресныхъ школахъ, при сотрудничествѣ лицъ, обладающихъ достаточнымъ научнымъ авторитетомъ.

Какъ мы узнаемъ изъ предисловія, работа велась коллективнымъ порядкомъ, который, конечно, больше обезпечиваетъ отъ всякихъ промаховъ, чѣмъ трудъ единоличный. Зато этотъ порядокъ значительно замедлялъ ходъ работъ, и на созданіе книги потребовалось цѣлыхъ шесть лѣтъ. Свои задачи составители опредѣляли такъ: «Въ короткое время,—говорятъ они,—мы безсильны сообщить рядъ основательныхъ и полныхъ знаній, но мы обязаны отвѣтить, по мѣрѣ возможности, на тѣ вопросы любознательности, которые естественно возникаютъ въ учащемся и приводятъ его въ школу; мы должны развить эту любознательность; мы должны, такъ сказать, приподнять завѣсу знанія и заставить его, съ помощью книги, идти впередъ по пути самообразованія». «Общею цѣлью книги должно быть подготовленіе учащихся къ самостоятельному чтенію по оставленіи школы; поэтому книга должна ввести ученика въ кругъ понятій, необходимыхъ для пониманія книгъ, по возможности, всѣхъ отраслей знанія; подобная книга не можетъ заключать въ себѣ систематическаго курса ни одного изъ учебныхъ предметовъ, но она необходимо должна дать руководящія статьи, въ которыхъ были бы изложены основныя понятія о предметѣ, указана суть того, что надо знать начинающему читателю; статьи эти должны возбудить интересъ къ предмету и любознательность учащихся. Другою цѣлью книги является нравственное развитіе учащихся». Посмотримъ же, насколько составителямъ «Книги взрослыхъ» удалось осуществить эти почтенныя задачи.

По словамъ предисловія, «въ построеніи первой книги и двухъ послѣдующихъ есть существенная разница: въ то время, какъ вторая и третья книги, касаясь главнѣйшихъ отраслей знанія, даютъ хотя и самыя элементарныя свѣдѣнія по нимъ, но, распредѣляя ихъ по отдѣламъ и нѣсколько систематизируя, въ книгѣ перваго года вы видите просто рядъ статеекъ поперемѣнно то беллетристическихъ, то дѣловыхъ, расположенныхъ безъ какой бы то ни было строгой системы».

Книга первая предназначается для учениковъ, только что освоившихся съ механизмомъ чтенія, составляющихъ такъ называемую слабограмотную группу. Поэтому матеріалъ для чтенія здѣсь предложенъ въ видѣ небольшихъ и несложныхъ статеекъ на занимательныя темы. Послѣ ряда короткихъ и очень простыхъ разсказовъ изъ жизни Іисуса Христа слѣдуетъ рядъ разсказовъ, сначала очень короткихъ, но постепенно все удлиняющихся, въ перемежку съ стихотвореніями, баснями и пословицами. Бо́льшая часть разсказовъ въ началѣ первой книги взята изъ «Русскихъ книгъ для чтенія» Л. Толстого, что уже само по себѣ служитъ рекомендаціей ихъ со стороны классической простоты языка, ясности и занимательности. Наряду съ этимъ мы встрѣчаемъ нѣсколько прекрасно выбранныхъ «стихотвореній въ прозѣ» Тургенева, отрывки изъ Достоевскаго, Пушкина и др. и нѣсколько измѣненную заключительную сцену изъ «Сигнала» Гаршина.

Стихотворенія первой книги даютъ недурные образцы поэзіи нашихъ лучшихъ поэтовъ (Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Никитина, Майкова, Плещеева и др.), причемъ въ выборѣ этихъ образцовъ можно отмѣтить нѣкоторое предпочтеніе печальнымъ мотивамъ со стороны составителей «Книги взрослыхъ». Дѣловой матеріалъ первой книги состоитъ изъ серіи небольшихъ статеекъ, знакомящихъ читателя съ чуждымъ ему міромъ холодныхъ и жаркихъ странъ, съ ихъ обитателями, съ бытомъ жителей горныхъ и приморскихъ мѣстностей, съ незнакомыми у насъ полезными растеніями и нѣкоторыми явленіями природы. Наконецъ, въ пяти статьяхъ разсказывается о каменныхъ орудіяхъ, объ одеждѣ и жилищахъ первобытныхъ людей, объ употребленіи огня, первоначальныхъ спосо-

бахъ приготовленія пищи, о началѣ земледѣлія и скотоводства, обработкѣ металловъ и о торговыхъ сношеніяхъ въ до-историческія времена. Статьи эти, въ общемъ, удачно составленныя, сообщаютъ читателю дѣльныя и интересныя свѣдѣнія и могутъ послужить введеніемъ къ дальнѣйшему самостоятельному чтенію по исторіи человѣческой культуры.

Какъ бы продолженіемъ этого очерка служатъ 4 статьи, сообщающія о нѣкоторыхъ культурныхъ успѣхахъ человѣка: какъ люди ѣздятъ по землѣ, какъ люди научились ѣздить по водѣ, какъ летаютъ по воздуху, какъ научились люди писать. Сюда же, пожалуй, можно отнести и біографію Гуттенберга Въ концѣ книги помѣщено нѣсколько біографій людей, по мѣрѣ силъ своихъ приносившихъ пользу ближнимъ. Такимъ образомъ, «Книга взрослыхъ» на первый годъ обученія по своему содержанію расширяетъ кругозоръ читателя, затрагивая цѣлый рядъ интересныхъ для взрослаго читателя вопросовъ, даетъ извѣстное удовлетвореніе его любознательности и служитъ удачнымъ введеніемъ къ дальнѣйшему курсу воскресной школы.

Томъ II «Книги взрослыхъ» начинается, какъ и первый, съ отдѣла религіозно-нравственнаго. Въ немъ излагается ученіе Христа въ Его проповѣдяхъ, притчахъ и чудесахъ.

Затѣмъ слѣдуютъ отдѣлы *ботаническій и зоологическій*. Ботаническій въ 6-ти статьяхъ знакомитъ читателя съ строеніемъ и жизнью растеній вообще (сѣмя, корень, листья, стебель, цвѣты и плоды). Зоологическій отдѣлъ даетъ читателю понятіе о животномъ мірѣ въ его типичныхъ представителяхъ, начиная отъ организмовъ наиболѣе совершенныхъ, какъ обезьяны и т. п., и кончая міромъ самыхъ простыхъ микроскопическихъ существъ, какъ инфузоріи, бактеріи и т. п. При этомъ изъ числа представителей какого-нибудь класса подробно описывается обыкновенно видъ, наименѣе знакомый читателю, что совершенно справедливо, такъ какъ описаніе верблюда или льва болѣе заинтересуетъ русскаго читателя, чѣмъ описаніе коровы и кошки. Отдѣлъ заключается статьей «Общій обзоръ животнаго царства» и біографіей скромнаго труженика науки Томаса Эдуарда. Зоологическій отдѣлъ второго тома «Книги взрослыхъ» даетъ читателю довольно большой запасъ свѣдѣній и съ помощью преподавателя можетъ служить вполнѣ хорошимъ пособіемъ для систематическаго курса зоологіи, поскольку онъ возможенъ въ рамкахъ преподаванія воскресной школы. *Существеннымъ пропускомъ* отдѣла является отсутствіе статьи о вымершихъ животныхъ видахъ; нѣсколько словъ на стр. 75—76 и 107-й слишкомъ недостаточны для такой интересной и поучительной темы, кромѣ того, въ заключительной статьѣ нужно было бы сказать вообще объ измѣненіи видовъ подъ вліяніемъ подбора и борьбы за существованіе.

Отдѣлъ географическій во второмъ томѣ распадается на двѣ части: физической и математической географіи и географіи Россіи. Первая часть служитъ какъ бы введеніемъ къ послѣдующимъ: въ небольшихъ и очень понятныхъ статьяхъ читатель знакомится съ планомъ и картой, съ опредѣленіемъ странъ свѣта, затѣмъ узнаетъ о томъ, что такое материки, острова, моря, океаны, воды, суши, горы и горныя страны, вулканы, землетрясенія и т. п. Работѣ воды, происхожденію почвы, описанію формы земли и глобуса, движенію земли и опредѣленію климата посвящены отдѣльныя статьи, такъ же, какъ характеристикѣ странъ полярныхъ, тропическихъ и умѣренныхъ поясовъ. Описаніе солнечной системы заканчиваетъ первую часть географическаго отдѣла. Вторая часть отдѣла, какъ уже было сказано, состоитъ изъ ряда статей по географіи Россіи. Въ отдѣльныхъ статьяхъ описаны разнообразныя мѣстности Россіи, бытъ и занятія ея обитателей. Мы видимъ тутъ описанія Финляндіи, Сѣвернаго и Западнаго края, Полѣсья, внутреннихъ губерній и Волги, Малороссіи, Степного края, Крыма, Кавказа и Закавказья, Урала, Сибири (въ 3-хъ

статьяхъ) и Туркестанскаго края. Изъ городовъ болѣе подробно описаны въ отдѣльныхъ статьяхъ С.-Петербургъ, Москва и Кіевъ. Къ описанію мѣстностей весьма кстати прибавлены описанія производства, наиболѣе тамъ распространеннаго: такъ, послѣ статьи о Сѣверномъ краѣ помѣщена статья о деревѣ и подѣлкахъ изъ него, послѣ статьи о Москвѣ и внутреннихъ губерніяхъ—статья о прядильномъ и ткацкомъ производствахъ; статья о сахарѣ сопровождаетъ статью о Кіевѣ и Малороссіи, о каменномъ углѣ—статью Степной край; послѣ статьи о Закавказьѣ слѣдуетъ статья о нефти, послѣ Урала—о желѣзѣ, послѣ Сибири—о золотѣ и т. п. Нѣкоторыя описанія иллюстрируются еще и поэтическими отрывками изъ Пушкина, Гоголя, Тургенева и др., въ прозѣ и стихахъ. Въ общемъ этотъ отдѣлъ составленъ весьма внимательно и при нѣкоторыхъ дополненіяхъ со стороны преподавателя можетъ послужить къ достаточно основательному и разностороннему знакомству учениковъ воскресной школы съ роднымъ краемъ. Но дополненія эти существенно необходимы, потому что во всемъ отдѣлѣ совершенно игнорируется статистическій матеріалъ, тогда какъ цифры даютъ иногда очень интересныя и поучительныя картины, особенно при изученіи отечественной географіи. Только въ статьѣ о нефти приведены цифровыя данныя ежегоднаго производства и потребленія керосина, но это *единственное* мѣсто во всемъ отдѣлѣ. Другая особенность отдѣла географіи Россіи—это невниманіе, съ которымъ составители относятся къ нѣкоторымъ сторонамъ современнаго культурнаго состоянія Россіи. Такъ, распространяясь очень подробно о состояніи и бытѣ всевозможныхъ полудикихъ инородцевъ нашихъ окраинъ, описывая также достаточно подробно разныя ручныя производства русскихъ крестьянъ, составители обходятъ почти совершеннымъ молчаніемъ такія явленія, какъ колоссальный ростъ желѣзныхъ дорогъ, чрезвычайное развитіе нѣкоторыхъ отраслей крупнаго производства и т. п. Во всемъ отдѣлѣ читатель не встрѣтитъ ни одного описанія крупной фабрики или завода, устроенныхъ на европейскій ладъ, а между тѣмъ это явленіе очень характерно для промышленныхъ районовъ Москвы, Петербурга, Екатеринослава и др. и знакомство съ нимъ было бы не безъинтересно для учениковъ воскресной школы, особенно въ провинціи. Точно также, разсказывая о степномъ краѣ, составители обошли молчаніемъ ту высокую степень сельскохозяйственной культуры, какая наблюдается въ крупныхъ хозяйствахъ Новороссіи, съ обширнымъ примѣненіемъ усовершенствованныхъ сельскохозяйственныхъ машинъ и т. п. Въ статьѣ о Финляндіи не упомянуто объ огромномъ распространеніи телеграфовъ и телефоновъ, а также о крестьянскихъ университетахъ, такъ отличающихъ деревенскій бытъ этого маленькаго культурнаго уголка отъ остальной Россіи. Въ статьяхъ о Сибири, о постройкѣ Великой Сибирской дороги упоминается мелькомъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Подводя итоги всему сказанному, едва ли можно счесть это умолчаніе случайнымъ недосмотромъ, и во всякомъ случаѣ оно требуетъ серьезнаго вниманія со стороны преподавателя, желающаго доставить ученикамъ дѣйствительно разностороннее и полное знакомство съ географіей Россіи.

Историческій отдѣлъ. Въ предисловіи «отъ составительницъ» мы читаемъ, что составители программы отдѣла стремились привести излагаемыя событія въ извѣстную послѣдовательность и избѣгать отрывочности; при выборѣ темъ руководились: «во-первыхъ, безотносительной научной важностью событій или лицъ, а во-вторыхъ, тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое разсказъ о нихъ могъ произвести на учащихся. Заключая въ себѣ какъ культурный, такъ и политическій элементы, статьи должны объяснять смыслъ событія или дѣятельности извѣстнаго лица, причины ихъ, связь съ предъидущимъ, значеніе для настоящаго, но въ то же время должны быть безусловно лишены всякой тенденціозности. На такихъ основаніяхъ выбрано 17 темъ, обнимающихъ время

Рюриковичей, для второй книги, и 18 изъ времени Романовыхъ—для третьей книги».

Разсматривая историческій отдѣлъ второго тома, т. е. время Рюриковичей, мы видимъ, прежде всего, что въ немъ сравнительно очень много вниманія удѣлено исторіи русской церкви; такъ, кромѣ статей о языческой вѣрѣ славянъ и крещеніи Руси, довольно обширная статья посвящена основанію Кіево-Печерской лавры и слѣдующая за ней—житію княжны Евфросиніи Полоцкой; затѣмъ, нѣсколько дальше, статья о святомъ Сергіи и основаніи Троице-Сергіевской лавры. Относительно подробно разсказывается также и о татарахъ, татарской неволѣ и сверженіи татарскаго ига. Между тѣмъ, внутренняя исторія т.-е. именно содержащая въ себѣ не только культурный, но и политическій элементы, о которыхъ говорятъ составители программы, почти совершенно отсутствуетъ въ отдѣлѣ русской исторіи временъ Рюриковичей. Отдѣльныя жизнеописанія князей остаются не связанными между собою и такія существенныя явленія, какъ вѣчевой строй Кіевской Руси и Новгорода, паденіе удѣловъ и возвышеніе власти московскихъ государей, боярство и внутреннее управленіе Московскаго княжества, служилое дворянство и постепенно закрѣпощаемое крестьянство—все это игнорируется совершенно или оставляется въ тѣни за описаніемъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Смутное время и казачество безъ предварительнаго знакомства съ положеніемъ крестьянства и другихъ сословій, конечно, представляются какимъ-то случайнымъ эпизодомъ. А между тѣмъ, въ этомъ отдѣлѣ встрѣчаются статьи, безъ которыхъ безусловно легко можно было бы обойтись. Кромѣ нѣкоторыхъ изъ названныхъ уже, мы видимъ въ концѣ отдѣла, послѣ статьи о завоеваніи Сибири Ермакомъ, еще большую статью о заселеніи Сибири, до извѣстной степени повторяющую то, что уже было сказано въ географическомъ отдѣлѣ. Резюмируя все сказанное, мы видимъ, что программа составителей историческаго отдѣла въ первой его части оказалась далеко не выполненной; мало того: при всей шаблонности въ выборѣ матеріала для статей, въ отдѣлѣ этомъ упущено даже то, что можно встрѣтить въ другихъ хрестоматіяхъ. Хорошее же изложеніе по существу мало мѣняетъ дѣло.

Литературный отдѣлъ второго тома состоитъ изъ литературныхъ отрывковъ и отдѣльныхъ разсказовъ, басенъ и стихотвореній нашихъ лучшихъ поэтовъ и семи біографическихъ очерковъ. Большая часть этихъ отрывковъ и разсказовъ не встрѣчается въ обычныхъ хрестоматіяхъ: мы видимъ тутъ и нѣсколько разсказовъ Андерсена, и отрывки изъ произведеній Достоевскаго и Гаршина, и два разсказа Чехова. Выборъ стихотвореній удаченъ. Среди литературныхъ образцовъ помѣщены біографіи двухъ писателей, вышедшихъ изъ народной среды — Кольцова и Ломоносова, недурной очеркъ жизни и ученія Сократа и затѣмъ біографіи людей, такъ или иначе стремившихся на помощь угнетеннымъ и страждущимъ братьямъ (Флоренса Найтингель, Петръ Куперъ, пасторъ Оберлейнъ и докторъ Гаазъ).

Къ третьему тому «Книги взрослыхъ» мы обратимся въ ближайшей книгѣ нашего журнала. *М. Б.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го марта по 15-е апрѣля 1900 года).

Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Начальное народное образованіе въ Россіи. Изд. Импер. вольно-эконом. Общества. Т. I. Ц. 6 руб.

Э. Лабулэ. Волшебныя сказки. Изд. Куклина. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 75 к.

Отчетъ семейно-педагогическаго кружка въ г. Казани за 1899 г. Казань. 1900 г.

Л. Василевскій. Современная Галиція. Изд. Дароватовскаго и Чарушникова. Спб. 1900 г. Ц. 80 к.

Танъ. Стихотворенія. Изд. Дароватовскаго и Чарушникова. Спб. 1900 г. Ц. 80 к.

А. Ф. Масловскій. Русская общеобразовательная школа. Спб. 1900 г. Ц. 2 руб.

Ѳ. Ѳ. Тютчевъ. На границѣ. Повѣсти и разсказы. Москва. 1900 г. Ц. 1 руб.

А. Вербицкая. Первыя ласточки. Повѣсть. 1900 г. Ц. 80 к.

Отчетъ о дѣятельности консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при московскомъ мировомъ съѣздѣ за 1899 г. Москва. 1900 г.

Очерки о дѣятельности Покровскаго приходскаго попечительства на Алтаѣ въ 1899 г. Г. Бійскъ. 1900 г.

Я. Н. Ждановъ. Краткій обзоръ дѣятельности обществъ взаимопомощи учащимъ и учившимъ.

Отчетъ Общества взаимнаго вспомоществованія учащимся и учившимъ въ заведеніяхъ Смол. губ. Смоленскъ. 1900 г.

А. Е. Гороховъ. Пора исключить букву ять изъ русскаго алфавита. Орелъ. 1900 г. Ц. 10 коп.

А. Поспѣловъ. Жидкій воздухъ. Популярно-научный очеркъ. Варшава. 1900 г. Ц. 20 к.

А. А. Малининъ. Старое и новое въ исторической наукѣ. Москва. 1900 г.

Сениговъ. Народныя сказки и пѣсни о Новгородѣ Великомъ. Спб. 1900 г. Ц. 15 к.

Павелъ Гарно. Рѣчь и пѣніе. Перев. съ франц. М. Л. Мазуркевичъ. Изд. книжнаго муз. магаз. Селиверстова. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к

Т. Спрудиной. Русскія женщины нашего времени. Одесса. 1900 г. Ц. 50 коп.

Краткій очеркъ пятнадцатилѣтней дѣятельности Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнаулѣ. Барнаулъ. 1900 г.

Л. Ю. Шепелевичъ. Наши современники. Историко-литературные очерки. 1900 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ф. Касторскій. Одно изъ средствъ къ поднятію общаго профессіональнаго образованія фабричныхъ рабочихъ. Москва.

А. Прейсъ. Путь къ трезвости. М. Ц. 30 к.

Н. А. Демчинскій. Возможность точнаго предсказанія погоды. Спб. 1900 г.

М. Ротшильдъ. Коммерческая энциклопедія. Подъ ред. С. С. Григорьева. Вып. X и XX. Изд. В. Э. Форсселлеса. Спб. 1900 г.

Отчетъ Московскаго Общества распространенія коммерческаго образованія за 1899 г. М. 1900 г.

П. Д. Боборыкинъ. Европейскій романъ Спб. 1900 г. Ц. 3 руб.

Вл. Фармаковскій. Начальная школа Министерства Народнаго Просвѣщенія. Изд. журнала «Русская школа». Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.

П. И. Ковалевскій. Психологія преступника въ русской литературѣ о каторгѣ. Изд. «Русскаго Медиц. Вѣстника». Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Е. Войничъ. Оводъ. Романъ. Перев. съ англ. З. А. Венгеровой. Изд. М. В. Теренть-ева. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Д. Шлоссъ. Формы заработной платы. Пер. М. Е. Ландау. Изд. М. И. Водовозовой. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ф. Паульсенъ. Образованіе. Перев. съ нѣм. Москва. Изд. М. и С. Собашниковыхъ. 1900 г. Ц. 15 коп.

Проф. Гикманъ и Марксъ. Всеобщій географ. и статистическій атласъ. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. 2 руб.

П. Шмидтъ и Палибинъ. Естественно-историческій атласъ. Изд. О. Н. Поповой. Вып. IV.

Настольный энциклопедическій словарь. Т. I-й. Изд. Т-ва Гранатъ и К°, бывш. А. Гарбель и К°. Москва. 1900 г.

Изъ жизни муравьевъ. Москва. Изд. А. И. Мамонтова. Ц. 6 коп.

Элизы Ожешко. Въ зимній вечеръ. Разсказъ. Перев. съ польскаго М. Траповской. Изд. «Посредника». Ц. 6 коп.

Маріи Конопницкой. Разсказъ Кристя. Изд. «Посредника». Москва. 1899 г. Ц. 3 к.

Поль Бэръ. Божій міръ. Начальные уроки міровѣдѣнія. Перев. съ франц. Е. И. Чижовымъ. Т. I и II-й. Изд. «Посредника». Москва. 1899 г. Ц. 40 коп.

Отчетъ 1-й безплатной Виленской читальни-библіотеки 1898—1899 г. Вильно. 1900 г.

О. Н. Поповой. Заря новой жизни. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900 г. Ц. 10 к.

М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы. Изд. О. И. Поповой. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 25 к.

В. Овчининская. Какъ живутъ японцы. М. 1899 г. Изд. «Посредника».

Восточная мудрость. Собрала Т. Т. Изд. «Посредника». Москва. 1899 г.

Л. Авиловой. Сынъ. Разсказъ. Изд. «Посредника». М. 1899 г. Ц. 1½ коп.

И. Бѣлоусовъ. Стихотворенія. На Волгѣ. Изд. «Посредника». М. 1899 г. Ц. 1½ коп.

В. Н. и В. В. Половцовы. Ботаническія весенніе прогулки. Изд. Т-ва «Общественная Польза». Спб. Ц. 50 коп.

П. М. Шестаковъ. Рабочіе на мануфактурѣ Т-ва «Эмиль Циндель» въ Москвѣ. Москва. 1900 г. Ц. 1 руб.

М. Гуленко. Среди болотъ и лѣсовъ. Разсказъ. Изд. «Посредника». Москва. 1898 г.

И. Горбуновъ-Посадовъ. Золотыя колосья. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Изд. «Посредника». Москва. 1900 г. Ц. 80 к. Учащимъ и учащимся 50 коп.

Его же. Сборникъ для юношества. Спасенный и другія разсказы. Изд. «Посредника». М. 1899 г. Ц. 1 руб.

Я. В. Абрамовъ. Наши воскресныя школы. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ попечителя лѣчебницъ Россійскаго Об-ва попечительства животныхъ за 1899 г. Спб. 1900 г.

Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки за 1899 г. Одесса. 1900 г.

Гр. Джаншіевъ. Перлъ Кавказа. М. 1900 г. Ц. 50 коп.

Элизы Ожешко. Подкидышъ (Юліанка). Повѣсть. Изд. «Посредника». М. 1900 г. Ц. 10 коп.

Лонгфелло. Разлученные или Евангелина. Повѣсть съ англ. Е. Б. Изд. «Посредника». М. 1900 г. Ц. 6 коп.

С. Д. Дрожжинъ. Стихотворенія. Годъ крестьянина. Изд. «Посредника». М. 1899 г. Ц. 5 коп.

На рѣкѣ. Разсказъ М. К. Изд. «Посредника». М. 1899 г. Ц. 1½ к.

В. Фирсовъ. Хлѣбопашество и скотоводство въ Финляндіи. Изд. «Посредника». М. 1899 г.

Проф. Ю. Вагнеръ. Разсказы о землѣ. Изд. «Посредника». М. 1900 г. Ц. 15 коп.

Д-ръ Е. М. Брусиловскій. Хроническій сочленовый ревматизмъ. Одесса. 1900 г.

А. У. Степовичъ. Пушкинъ и славянство. Кіевъ. 1900 г.

Д-ръ С. М. Цыпкинъ. Женскій вопросъ. М. 1900 г. Ц. 50 коп.

Dreissigster Jahresbericht des Academischen Lesevereins in Zürich. Zürich. 1900 j.

Д. Горностаевъ. Приготовленіе извести. Изд. «Посредника». М. 1899 г.

Врачъ В. В. Рудинъ. Заразныя болѣзни. Изд. «Посредника». М. 1895 г.

Д. Горностаевъ и Н. Шклуевъ. Кирпичное производство. Изд. «Посредника». М. 1899 г.

Д. Т. Лэддъ. Очеркъ элементарной психологіи. Перев. съ англ. Н. Спиридонова, подъ ред. Б. А. Кистяковскаго. Спб. 1900 г. Ц. 80 к.

В. Величкиной. Другъ дѣтей. Разсказъ. Изд. «Посредника». М. 1899 г. Ц. 8 коп.

М. Бекетовъ. Что за земля Голландія. М. 1899 г. Ц. 10 коп.

Вольтеръ. Шесть лекцій Давида-Фридриха Штрауса. Перев. съ нѣм. Изд. книжн. маг. «Книжное дѣло». М. 1900 г. Ц. 80 к.

П. Ярцевъ. Бракъ. Комед. въ 4-хъ дѣйств. Изд. журн. «Театръ и Искусство». Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.

По Франсуа Коппе. Отецъ. Повѣсть съ франц. Изложеніе Н. А. Макшеевой. Изд. «Посредника». М. 1898 г. Ц. 20 к.

С. Стаховичъ. Сиротка. Разсказъ. Изд. «Посредника». М. 1899 г

Н. Телешова. Домой! Разсказъ. Изд. «Посредника». М. 1899 г.

Пьера Лоти. Горе стараго каторжника и другіе разсказы. Изд. «Посредника». М. 1899 г.

К. Хрѣновъ. Женское горе. Сборникъ стихотвореній. Изд. «Посредника». М. 1898 г. Ц. 15 коп.

Русскія пословицы. Изд. «Посредника». М. 1900 г. Ц. 1½ коп.

Генрихъ Сенкевичъ. Бартекъ-побѣдитель. Разсказъ. Перев. съ польск. В. Батуринца. Изд. «Посредника». М. 1900 г. Ц. 6 коп.

Крестьянскія работы и деревенская жизнь по мѣсяцамъ года. Изд. «Посредника». М. 1900 г.

С. Т. Семеновъ. Три разсказа. Изд. «Посредника». М. 1900 г. Ц. 6 коп.

Д-ръ М. Шляпошниковъ. 3-й всемірно-еврейскій конгрессъ сіонистовъ въ г. Базелѣ.

Изд. книгоизд. «Улей». Харьковъ. 1900 г. Ц. 15 коп.

А. А. Зубрилинъ. Какую пользу приноситъ травосѣяніе. Изд. «Посредника». Москва. 1900 г. Ц. 4 коп.

М. Конопницкой. Разсказъ. Покинутые (Мараська). Съ польск. Л. Дашкевичъ. Изд. «Посредника». М. 1898 г. Ц. 1½ коп.

К. Хрѣновъ Съ предисловіемъ И. Горбунова-Посадова. Пѣвцы народной жизни. Изд. «Посредника». М. 1899 г. Ц. 15 к.

С. Семенова. Разсказъ. Алексѣй-заводчикъ. Изд. «Посредника». М. 1899 г. Ц. 6 коп.

Левъ Дексергофъ. Передъ новой жизнью. М. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. И. Герасимова. Лунный свѣтъ. Перев. съ санскр. д-ръ Р. Гарбе. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Гр. Кондръ. Судъ Божій надъ боярином Оршей. Екатеринославъ. 1900 г. Ц. 15 к.

Даніила Коломійцева. Стихотворенія. Симферополь. 1899 г. Ц. 1 р. 15 коп.

Н. Н. П. Отвѣтственность предпринимателей. Изд. Н. Березина и М. Семенова. Спб. 1899 г. Ц. 40 коп.

Е. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Предѣльность земскихъ раскладокъ и обложенія. Спб. 1900 г.

Адольфъ Вагнеръ. О научномъ мышленіи. Перев. съ нѣмецк. Э. К. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1900 г. Ц. 25 коп.

Д-ръ Э. Вандервельде. Городъ и деревня въ Бельгіи. Пер. съ нѣмецк. И. Линскаго Изд. Звонарева. Спб. 1900 г. Ц. 25 к.

Рабочая кабала въ Англіи. Перев. съ англ. А. Яновскаго, подъ ред. М. И. Туганъ. Барановскаго. Изд. Б. Звонарева. Спб. 1900 г. Ц. 25 коп.

Е. Лозинскій. Основы воспитанія. М. 1900 г.

А. Гурьевъ. Записка о промышленныхъ банкахъ. Спб. 1900 г.

Артуръ Шопенгауэръ. Полное собраніе сочиненій. Въ переводѣ и подъ редакц. Ю. И. Айхенвальда. Вып. I. Изд. магаз. «Книжное дѣло». М. 1900 г.

Артура Джемса Бальфура. Основанія вѣры. Перев. съ англ. подъ ред. Влад. Соловьева. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

М. Н. Салтыковой. Хроника воскресныхъ школъ. Подъ ред. Х. Д. Алчевской. М. 1900 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Histoire de l'économie sociale jusqu'à la fin du seizième siècle*» (*Antiquité—Moyen-âge—Renaissance—Réforme*) *par E. de Girard, prof. à l'université de Génève.* (*Giard et Brière*). *Prix: 5 fr.* (*Исторія соціальной экономіи до конца XVI вѣка*). Большинство французскихъ и иностранныхъ сочиненій, относящихся къ исторіи экономическихъ доктринъ, касается главнымъ образомъ современной эпохи, съ момента образованія меркантильной системы. Но объ исторіи экономическихъ принциповъ до XVI вѣка во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ упоминается лишь вскользь и получается впечатлѣніе, что до сихъ поръ научное изслѣдованіе не коснулось этой области. Книга профессора Жирара имѣетъ цѣлью пополнить этотъ пробѣлъ и онъ справедливо называетъ свой трудъ исторіей политической экономіи въ ея образовательномъ періодѣ. Не останавливаясь слишкомъ долго на греческихъ и римскихъ цивилизаціяхъ, Жираръ отыскиваетъ въ нихъ главнымъ образомъ точки соприкосновенія съ теоріями, высказанными со времени христіанской эры; онъ отыскиваетъ корни современныхъ экономическихъ идей въ гуманизмѣ эпохи возрожденія и устанавливаетъ преемственную связь между различными эпохами.

(Journal des Débats).

«*Houses for the Working Classes in Urban Districts*» *by Sidney White Cranfield. London.* (*Дома для рабочихъ классовъ въ городскихъ округахъ*). Вопросъ о жилищахъ для рабочихъ занимаетъ въ настоящее время выдающееся мѣсто въ Англіи и въ лондонской печати давно уже печатаются статьи, посвященныя этому вопросу. Названная книга явилась результатомъ изслѣдованій въ этой области и подробно разбираетъ всѣ предложенныя схемы постройки домовъ для рабочихъ. Къ книгѣ приложены объяснительныя таблицы и планы домовъ.

(Daily News).

«*L'Evolution du droit et la conscience sociale par L. Tanon.* (*Félix Alcan*). (*Эволюція права и соціальнаго сознанія*). Идея эволюціи, давно уже получившая право гражданства въ естественныхъ наукахъ и исторіи, впервые была приложена къ праву лишь въ началѣ этого вѣка историческою школой юрисконсультовъ, основателемъ которой былъ Савиньи. Въ первой части своей книги авторъ подвергаетъ критическому разбору эту школу, а во второй, гораздо болѣе значительной, излагаетъ теорію историческаго развитія права путемъ эволюціи правилъ и юридическихъ учрежденій. Далѣе онъ изслѣдуетъ вліяніе этой эволюціи на матеріальные и нравственные факторы, къ числу которыхъ принадлежатъ коллективныя чувства и вѣрованія, установившіяся въ соціальномъ сознаніи. Авторъ энергично возстаетъ противъ воззрѣнія, господствующаго въ одной школѣ, что борьба за существованіе составляетъ главное орудіе прогресса; онъ доказываетъ, наоборотъ, что законъ человѣческаго прогресса заключается не въ борьбѣ, а въ коопераціи. Прогрессъ, по мнѣнію автора, заключается въ наиболѣе широкомъ и свободномъ развитіи коллективной и индивидуальной жизни.

(Temps).

«*Black Jamaica; a study in Evolution*» *by W. P. Livingstone. London.* (*Sampson Low. Marston and C°*). (*Черная Ямайка; эволюціонный очеркъ*). Исторія африканскихъ негровъ въ Ямайкѣ наводитъ на мысль о высшей степени важныхъ и наиболѣе трудныхъ проблемахъ европейскаго владычества въ тропикахъ. Авторъ именно касается этихъ проблемъ въ своей книгѣ. Онъ указываетъ на то, что цивилизація бѣлыхъ принесла мало пользы ямайскимъ неграмъ и изслѣдуетъ причины такого неуспѣха. По мнѣнію автора, негръ заключаетъ въ себѣ всѣ необходимые элементы для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ гражданиномъ и если онъ не сдѣлался таковымъ, то вина въ этомъ всецѣло ложится на его цивилизаторовъ. Очень интересны свѣдѣнія, которыя сообщаетъ авторъ относительно исторіи Ямайки и освобожденія рабовъ, а также указанія, которыя онъ дѣлаетъ по поводу европейской колонизаціи тропиковъ и обращенія съ аборигенами страны.

(Daily News).

«*Historie Parallels to l'Affaire Dreyfus*» *by Edgar Sanderson. London.* (*Hutchinson and C°*). (*Историческія параллели къ дѣлу Дрейфуса*). Интересная книга, въ которой авторъ приводитъ историческія справки относительно судебныхъ дѣлъ, представляющихъ сходство съ знаменитымъ дѣломъ Дрейфуса и въ основѣ которыхъ заложены религіозные предразсудки и расовая ненависть. (Manchester Guardian).

«*La France au point de vue moral*» *par Alfred Fouillée. Bibliothèque de la Philosophie Contemporaine. Prix: 7 fr. 50 c.* (*Франція съ нравственной точки зрѣнія*). Въ своемъ предшествующемъ трудѣ Фулье изучилъ психологію французскаго народа; теперь же онъ разсматриваетъ Францію съ нравственной и религіозной точки зрѣнія. Франція переживаетъ въ настоящее время нравственный кризисъ; все пошатнулось — идеи, вѣрованія и нравы. Если присмотрѣться ближе, то оказывается, что подобная же распатанность существуетъ вездѣ. но въ другихъ странахъ политическія и религіозныя учрежденія болѣе прочно поставленныя, скрываютъ это отъ глазъ и поэтому многіе думаютъ, что нравственный кризисъ, переживаемый Франціей, представляетъ единичное явленіе и зависитъ отъ ея національнаго характера и его возрожденія. Фулье старается разобраться въ этомъ вопросѣ и приходитъ къ заключенію, что въ основѣ кризиса заложены интеллектуальныя и соціальныя причины. Онъ опредѣляетъ роль литературы, печати и общественнаго мнѣнія въ этомъ явленіи и доказываетъ, что печать, при абсолютной свободѣ. должна нести на себѣ отвѣтственность. Очень подробно авторъ разбираетъ вопросъ о преступности, ея соотношенія съ экономическимъ и интеллектуальнымъ состояніемъ общества и тщательно изучаетъ причины прискорбнаго увеличенія дѣтской преступности, а также средства борьбы съ этимъ зломъ. Въ послѣдней части онъ разбираетъ вопросъ о нравственномъ воспитаніи во Франціи въ школѣ и внѣ ея и излагаетъ программу нравственныхъ, соціальныхъ и политическихъ реформъ. (Temps).

«*Welt und Lebensanschauungen im XIX Jahrhundert*» *Rudolf Steiner. Berlin.* (*Siegfried Cronbach*). (*Міровоззрѣнія XIX вѣка*). Авторъ рисуетъ философскую картину истекшаго столѣтія, отражающуюся въ господствующихъ міровоззрѣніяхъ, начиная отъ Гёте и Канта до Дарвина и Гекеля. Книга написана популярнымъ языкомъ и поэтому доступна большому кругу читателей. (Frankfurter Zeitung).

«*Die religiöse Bewegung im XIX Jahrhundert*» *Eduard Löwenthal. Berlin.* (*Siegfried Cronbach*). (*Религіозное движеніе въ XIX вѣкѣ*). Очень интересная книга, заключающая въ себѣ подробный разборъ религіозныхъ воззрѣній XIX вѣка и связанное съ ними религіозное движеніе, выразившееся въ образованіи старокатолической партіи, протестантскихъ союзовъ и реформаторскаго движенія. (Frankfurter Zeitung).

«*Wahre und falsche Heilkunde*» *von d-r Karl Alexander* (*Reineer*). *Berlin.* (*Истинная и ложная медицина*). Эта небольшая книжка спеціально предназначена для того, чтобы познакомить несвѣдующихъ людей съ опасностями, которыя представляетъ самозванная медицина, и указать имъ на вредъ, который она приноситъ. Такая книга очень полезна для народныхъ библіотекъ. (Frankfurter Zeitung).

«*Women and economics; a study of the economic relation between men and Women as a factor in Social evolution*» *by Charlotte Perkins Stetson.* (*Женщина и экономика; изслѣдованіе экономическихъ отношеній между мужчинами и женщинами съ точки зрѣнія фактора соціальной эволюціи*). Очень интересное и подробное изслѣдованіе экономическаго положенія женщины и вліянія этого положенія на ходъ соціальной эволюціи. Авторъ находитъ, что существующій порядокъ вещей ненормаленъ, такъ какъ устраняетъ цѣлую половину человѣческаго рода отъ участія въ процессѣ производства и вслѣдствіе этого мѣшаетъ женщинамъ развивать свою энергію и способности надлежащимъ образомъ и ставитъ ее въ положеніе только потребителя, всегда и вездѣ «берущаго», но ничего «не дающаго» взамѣнъ. кромѣ своей «женственности». Когда въ обществѣ зародилось сознаніе такого ненормальнаго положенія вещей, то началось женское движеніе, которое теперь все возрастаетъ, несмотря на препятствія, воздвигаемыя ему вѣковыми традиціями. Но женщина стремится неуклонно, хотя и медленно, къ достиженію новой экономической независимости и равенства. Далѣе авторъ изслѣдуетъ развитіе женской самостоятельности въ Соединенныхъ Штатахъ и указываетъ условія, благопріятствовавшія этому. Очень интересны взгляды автора на отношенія женщины къ другому полу и на ту роль, которую предстоитъ сыграть экономической независимости женщины въ области соціальной эволюціи и брачныхъ отношеній, такъ какъ существующій экономическій характеръ браковъ, конечно, долженъ будетъ измѣниться совершенно. (Manchester Guardian).

«*Beiträge zur amerikanischen Literatur und Kulturgeschichte, von C. P. Evans* (*Cotta*). *Stuttgart.* (*Очерки американской исторіи литературы и культуры*). Заслуга автора этой книги заключается въ томъ, что онъ обращаетъ вниманіе читателя на особенности американской культуры и литературы. Онъ знакомитъ читателя съ тою умственною средой, въ которой воспитывались

выдающіеся люди Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, мужчины и женщины. Американская культура до сихъ поръ еще не вполнѣ извѣстна европейцамъ, доказательствомъ чего служитъ, между прочимъ, мнѣніе Доудена, извѣстнаго знатока англійской литературы, который видитъ въ американцахъ лишь «выродившихся англичанъ».

(Frankfurter Zeitung).

«*The Romance of Australian Exploring*» *by G. Firth Scott.* (*Sampson Low, Marston and C°*). (*Романъ австралійскихъ изслѣдованій*). Авторъ очень живо и интересно разсказываетъ исторію изслѣдованія Австраліи, описываетъ приключенія и драматическую судьбу первыхъ путешественниковъ и піонеровъ Австраліи. Онъ приводитъ, кромѣ того, наиболѣе интересныя извлеченія изъ дневника нѣкоторыхъ изслѣдователей и путешественниковъ. Къ сожалѣнію, онъ не упоминаетъ объ открытіяхъ послѣднихъ тридцати лѣтъ. Книга снабжена картами и иллюстраціями.

(Literary World).

«*True Tales of Travel and Adventure*» *by Harryde Windt.* (*Правдивые разсказы о путешествіяхъ и приключеніяхъ*). Это очень занимательная маленькая книжка, авторъ которой посѣтилъ многія малоизвѣстныя страны, лежащія въ сторонѣ отъ обычнаго пути туристовъ. Его описанія того, что онъ видѣлъ и пережилъ во время своихъ путешествій, приковываютъ вниманіе читателя и во многихъ мѣстахъ исполнены драматическаго интереса.

(Daily News).

«*Elements of the Science of Religion*» *by prof. Tiele* (*Blackwood Sons*). (*Элементы науки религіи*). Въ этой книгѣ изложена исторія и философія религіи. Въ первой части авторъ говоритъ о развитіи религій, которыя онъ подраздѣляетъ на «религію природы» (nature religions) и на этическія религіи. Онъ указываетъ, какимъ образомъ анимизмъ, спиритизмъ и фетишизмъ перешли въ организованную миѳологію и затѣмъ переходитъ къ спиритуалистическимъ системамъ, преобладающимъ въ настоящее время въ цивизированномъ мірѣ. Профессоръ Тиле, строгій послѣдователь доктрины, признающей существованіе законовъ развитія, которые могутъ быть примѣнены къ религіи и представляютъ лишь спеціальныя формы и условія законовъ, вообще примѣняемыхъ къ человѣческому уму. Главная цѣль его изслѣдованія заключается въ томъ, чтобы доказать, что между истинною наукой и истинной религіей должна существовать полная гармонія.

(The Athaeneum).

«*A Short History of Freethought, ancient and Modern*» *by John M. Robertson* (*Sonnenschein C°*). (*Краткая исторія свободомыслія, начиная отъ древнихъ временъ до современной эпохи*). Авторъ опредѣляетъ сначала, что слѣдуетъ понимать подъ свободомысліемъ и чрезвычайно живо и мастерски рисуетъ различныя проявленія критической работы мысли въ различныя эпохи исторіи человѣчества.

(Athaeneum).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый Государь,
Викторъ Петровичъ!

Позвольте просить васъ сообщить подписчикамъ вашего уважаемаго журнала, что съ текущаго апрѣля я болѣе не принимаю ближайшаго участія въ редакціи «Міра Божія», продолжая въ то же время оставаться его сотрудникомъ.

Примите увѣреніе и пр.

П. Милюковъ.

напряженнаго интереса, которое онъ возбуждалъ, и все вокругъ нея казалось ей и пусто, и скучно.

Въ тотъ же день, передъ обѣдомъ, миссисъ Бергойнъ и мистеръ Мэнистей заперлись въ библіотекѣ. Люси, сидѣвшая въ гостиной, слышала, какъ Мэнистей ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и своимъ низкимъ голосомъ что-то диктовалъ.

Прошло нѣсколько времени, послѣ чего миссисъ Бергойнъ вошла въ гостиную и, не замѣтивъ сидѣвшую за большимъ цвѣтущимъ растеніемъ Люси, съ видомъ сильнѣйшей усталости бросилась на диванъ. Молодая дѣвушка изъ своего угла отлично видѣла ея блѣдное лицо съ закрытыми глазами, лежавшее на подушкѣ. Въ выраженіи ея лица, съ которымъ она бросилась на диванъ, было столько грусти, а въ позѣ ея столько безпомощности, что на нее больно было смотрѣть.

Люси почувствовала къ ней сильную жалость. Она потихоньку вышла изъ своего угла, взяла шелковый пледъ, лежавшій на стулѣ, и подошла къ миссисъ Бергойнъ.

— Позвольте мнѣ на васъ накинуть этотъ пледъ,—сказала она.—Быть можетъ, вы желаете поспать до обѣда? Я затворю лучше окно. Становится что-то холодно.

Миссисъ Бергойнъ въ изумленіи открыла глаза и пробормотала нѣсколько словъ благодарности.

Люси покрыла ее, затворила окно и собиралась незамѣтно уйти, но въ эту минуту миссисъ Бергойнъ взяла ее за руку и сказала:

— Съ вашей стороны очень любезно, что вы заботитесь обо мнѣ.

Она притянула къ себѣ молодую дѣвушку, взяла ея руку въ обѣ свои крѣпко пожала ее и затѣмъ выпустила. Люси тихо вышла изъ комнаты.

До обѣда было еще довольно времени и Люси сѣла и принялась читать Новый Завѣтъ, съ грустью вспоминая, что нынѣшній день воскресенье, въ маленькой деревнѣ Новой Англіи звонятъ теперь колокола, призывая на вечернюю службу. Она закрыла глаза и ей показалось, что она слышитъ запахъ цвѣтовъ, растущихъ по бокамъ аллеи, ведущей къ церкви, и слышитъ церковное пѣніе. Ей казалось, что она слышитъ, какъ проповѣдуются евангельскія истины, слышитъ, какъ проповѣдникъ произноситъ такія серьезныя слова, какъ «грѣхъ», «спасеніе души», «благочестивая жизнь», и она почувствовала какой-то сердечный трепетъ.

Она встала и начала переодѣваться къ обѣду. При этомъ она посмотрѣла въ окно и увидѣла Кампанью, освѣщенную заходившимъ солнцемъ, а посреди ея горѣвшій пурпуромъ соборъ. Увидѣвъ соборъ, она вспомнила о Мэнистеѣ, и о кардиналѣ, и о разговорѣ, который они вели въ этотъ день.

Впродолженіи трехъ дней, проведенныхъ ею въ этомъ домѣ, ей нѣсколько разъ казалось, что она не можетъ разобраться въ своихъ мысляхъ.

Въ домѣ ея дяди, въ томъ уединенномъ уголкѣ Новой Англіи, гдѣ она воспитывалась, была отведена небольшая комната спеціально для книгъ ея покойнаго дѣда, профессора богословія. Коллекція этихъ книгъ была не очень велика, но всѣ были полны одними грозными обличеніями Рима. Протестантъ-фанатикъ, старый профессоръ доходилъ до изступленія въ своихъ нападкахъ на преступленія и жестокія преслѣдованія Рима. Люси отлично помнила эти книги, стоявшія въ библіотекѣ ея покойнаго дѣда, съ ихъ страшными заглавіями, полиняlыми сѣрыми и коричневыми переплетами и такими же корешками. Большинство этихъ книгъ ей было запрещено читать. Когда она брала какую-нибудь книгу, она съ смутнымъ страхомъ оглядывалась на ту полку, гдѣ стояли запрещенныя сочиненія. Настоящія и прошлыя преступленія Рима были такъ ужасны, что чистая женщина не должна была даже слышать о нихъ. Съ какимъ благоговѣніемъ Люси смотрѣла на портретъ своего дѣда, висѣвшій надъ книжными полками, какъ глубоко она уважала этого честнаго кальвиниста съ его строгимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ красивымъ лицомъ, высокимъ

лбомъ и широкимъ бѣлымъ галстухомъ, подвязаннымъ подъ острымъ подбородкомъ; какъ она любила его за то, что онъ въ своихъ сочиненіяхъ бранилъ безсердечныхъ тирановъ и держалъ сторону обиженныхъ.

Между тѣмъ пока она росла, выросла и ея родина. Пуританизмъ въ Новой Англіи сильно измѣнился, въ страну проникъ католицизмъ. Но въ семьѣ дяди Бэна и въ его настроеніи произошло мало перемѣнъ. Только ненависть незамѣтно смѣнилась жалостью.

Но не смотря на это, слова «католическая обѣдня» или «католическій священникъ» остались для нея символами всего, чѣмъ человѣкъ запятналъ и извратилъ чистоту христіанской церкви.

Съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнила, съ самаго ранняго дѣтства, она только и слышала о томъ, что надо хранить въ чистотѣ религію. Мать ея была мистикъ. Въ своей семьѣ она была смирна, какъ голубь, и необыкновенно ласкова въ обращеніи, но когда дѣло касалось религіи и она находила, что къ ней относились не такъ, какъ должно, она приходила въ сильнѣйшее негодованіе и даже въ ярость. Она сзывала съ улицы работниковъ и крестьянъ и устраивала въ сараяхъ и въ житницахъ своего рода митинги. Она говорила проповѣди и вразумляла народъ, какъ онъ долженъ вѣровать. Эти проповѣди, отнимавшія у нея массу энергіи и силы, были отчасти причиной ея ранней смерти. Люси до сихъ поръ не могла забыть лица ея матери; въ то время, когда она проповѣдывала глаза ея сверкали, губы дрожали, а на красивомъ лбу дѣлались сердитыя морщины. Съ самаго ранняго дѣтства такія отвлеченныя понятія, какъ «промыслъ» и «духъ», являлись для нея реальными силами, руководящими и въ дѣлахъ вѣры и даже въ такихъ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ, какъ писаніе письма, поѣздка или приглашеніе гостя. Душа была открыта передъ Богомъ, она не нуждалась ни въ какой матеріальной помощи, ея не развлекали никакіе внѣшніе обряды; она ревностно охраняла свою свободу, какъ божественный даръ. Эти пуританскіе взгляды вкоренились въ нее съ дѣтства и, несмотря на легкія измѣненія, оставались руководящими началами въ ея жизни.

Здѣсь въ этой калифорнской странѣ, все шло въ разрѣзъ съ ея понятіями. Она очутилась между двумя людьми, для которыхъ католицизмъ былъ даже настоящей религіей, а чѣмъ то достойнымъ восторга и поклоненія, какъ какое-нибудь искусство, музыка или поэзія; такое отношеніе особенно глубоко возмущало ее. Они ни во что не вѣрили, а исписывали страницы за страницами во славу папы и католической мессы и въ оправданіе всевозможныхъ притѣсненій, когда они служили папѣ и «церкви».

Она смотрѣла на закатъ солнца и перебирала въ умѣ весь разговоръ, который слышала въ этотъ день на террасѣ, обсуждая и критикуя всѣ высокія сентенціи, которыя слышала изъ устъ Мэнистея.

И она чувствовала, какъ при мысли о немъ какое-то непреодолимое волненіе овладѣвало ею. Она сама не знала почему, но человѣкъ этотъ уже не былъ для нея совершенно чужимъ. Была какая-то сила въ немъ самомъ, такъ какъ нѣкоторыя его мысли и чувства глубоко трогали ее въ его книгѣ, было въ немъ какое-то волшебное предвидѣніе, какая-то кротость...

Что объ этомъ думать! Вѣроятнѣе всего, она не понимала, ни его книги, ни его самого Ее тяготила мысль о собственномъ невѣжествѣ, невѣжествѣ именно въ томъ, что нужно знать. Неужели же на свѣтѣ нѣтъ ничего истиннаго, ничего вѣрнаго?

Такъ простая и сильная душа дѣвушки начинала эту старую и неизбѣжную борьбу. Сложивъ руки, съ разгорѣвшимися отъ волненія щеками стояла она у окна, чувствуя всякимъ біеніемъ сердца, какъ на нее со всѣхъ сторонъ плывутъ новыя идеи, новыя сравненія. Она, словно корабль, вышедшій въ первый разъ изъ тихой, спокойной гавани и очутившійся въ открытомъ морѣ, почувствовала удары бушевавшихъ волнъ. O, interfusa nitentes... aequora Cyclades.

И среди всего этого волненія, этого хаоса мыслей и чувствъ передъ ней вставалъ одинъ символъ, одинъ образъ—образъ Эдуарда Мэнистея.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сдѣлавшись, такимъ образомъ, самъ того не зная, источникомъ столькихъ новыхъ привлекающихъ и отталкивающихъ впечатлѣній для своей гостьи, Мэнистей—послѣ того какъ первой порывъ досады, вызванный ея пріѣздомъ, прошелъ—почти забылъ о ея существованіи. Всѣ его мысли были заняты его книгой; онъ работалъ надъ ней съ утра до ночи, иногда радостно, даже съ энтузіазмомъ, но въ общемъ чаще имѣлъ угнетенный и недовольный видъ.

Элеонора Бергойнъ работала съ нимъ, или вѣрнѣе для него по нѣсколько часовъ каждый день. Ея блѣдное лицо стало еще болѣе прозрачнымъ. Ѣла она мало и м-съ Мэнистей была увѣрена, что она спитъ еще того меньше. Старушка начала безпокоиться и протестовать, по временамъ осмѣливалась дѣлать выговоры самому Мэнистею, даже грозила написать «генералу». Но улыбающееся упорство Элеонары покоряло всѣ препятствія. На нападки тетки Мэнистей отвѣчалъ удивленными взглядами и небрежными возраженіями, но скоро возвращался въ свою колею зависимости отъ кузины и неумѣнія работать безъ нея. Люси Фостеръ находила его эгоистомъ и невнимательнымъ, что было для нея лишнимъ поводомъ для недовольства имъ.

Зато съ м-съ Бергойнъ онѣ постепенно все больше сближались. Чѣмъ больше выяснялось, что Мэнистей не замѣчаетъ Люси Фостеръ и рѣшительно отказывается взять на себя заботу развлекать ее, тѣмъ больше старалась Элеонора сдѣлать жизнь пріятной для молоденькой американки. Она всегда была ласкова, но теперь стала болѣе естественной и веселой. Казалось, она рѣшила про себя какой-то важный вопросъ и рѣшила его безусловно въ пользу Люси Фостеръ.

Да, впрочемъ, немногое можно было и сдѣлать для гостьи въ смыслѣ развлеченія, пока весь домъ находился подъ гнетомъ работы Мэнистея. Раза два тетя Пэтти, набравшись храбрости, вытаскивала путеводитель и возила дѣвушку въ Римъ смотрѣть достопримѣчательности, но послѣ этихъ поѣздокъ старушка возвращалась домой такая усталая, что Люси не находила покоя отъ угрызеній совѣсти и могла только просить ее на будущее время не утруждать себя. Почему не предоставить ее, Люси, самой себѣ? Развѣ мало ей сада, озеръ, лѣсныхъ тропинокъ, ведущихъ къ Bocca di Papa и дороги въ Альбано?

Съ тѣхъ поръ она каждый день по нѣсколько часовъ проводила одна на террасахъ сада, расположеннаго на склонахъ холма. У ногъ его разстилалась золотая Кампанья. Юному воображенію дѣвушки этотъ садъ представлялся воплощеніемъ и символомъ Италіи. Всѣ составные элементы Италіи, всѣ чары были здѣсь налицо. По краю верхней террасы шла длинная полуразрушенная стѣна, уходившая фундаментомъ въ почву холма, остролистникъ, росшій вдоль этой стѣны, перевѣшивался по другую сторону и образовывалъ какъ бы длинную крышу надъ бѣжавшей внизу тропинкой, совершенно закрывая ее отъ свѣта. Въ толщѣ стѣны—въ тѣ дни, когда въ Римѣ было еще много старожиловъ, помнящихъ лицо и голосъ Павла Тарсянина—Домиціанъ понадѣлалъ нишъ и фонтановъ; надъ террасой, теперь полутемной отъ нависшихъ надъ нею вѣтвей остролистника, онъ раскинулъ длинный портикъ съ капителями и колоннами блестящаго мрамора. Въ нишахъ, вокругъ свѣтлыхъ фонтановъ, онъ поставилъ прекрасныя статуи дивной работы, до сихъ поръ поражающія знатоковъ; повсюду онъ щедрой рукой разбросалъ этотъ мраморъ, розовый, бѣлый и жел-

тый, а подъ ногами разостлалъ мозаиковый полъ на блестящемъ фонѣ котораго такъ красиво выдѣлялась игра тѣней отъ листьевъ и брызгъ фонтана въ ярко отраженномъ свѣтѣ, лившемся изъ сада и лежавшей за нимъ Кампаньи. Мѣстами въ самомъ гребнѣ холма были прорыты прохладные ходы, вродѣ туннелей, черезъ которые изъ сада видно было синее озеро, сверкавшее вдали.

Теперь всѣ эти ниши и уютные уголки, и сама высокая стѣна, тянувшаяся по краю холма, былы полуразрушены, потрескались, обвалились, показывая коегдѣ шахматную кладку кирпичей, нѣкогда выстланныхъ мраморомъ, а теперь перемѣшанныхъ съ могучими корнями росшихъ возлѣ деревьевъ, которыя мѣстами поддерживали ихъ, а мѣстами довершали дѣло разрушенія. Туннели тоже обвалились и теперь даже сквозь ихъ прохладную тьму не синѣли вдали воды озера. А на рыхлой осыпающейся поверхности стѣны виднѣлись втиснутыя туда грубыми руками обломки статуй богинь и цезарей, нѣкогда царивших здѣсь—варварски перемѣшанныя съ ярко-бѣлыми кусками отъ большого карниза портика—съ акантами отъ давно погребенныхъ въ землѣ капителей; или осиротѣвшими дельфинами, лишенными Афродиты.

Эти развалины были красивы—какъ всѣ развалины въ Италіи, предоставленныя въ полную власть природѣ. То, что въ нихъ было некрасиваго, маскировалось тѣнью нависшихъ надъ ними деревьевъ или пряталось за фестонами обвивающаго ихъ плюща; ихъ красили разбросанные тамъ и сямъ кусты дрока и ракитника, выросшихъ изъ разсѣлинъ кирпичной кладки и отливавшихъ золотомъ въ темнотѣ. У подножія стѣны во всю ея длину еще тянулся неглубокій мраморный каналъ, въ которомъ, какъ въ старину бѣжала чистая прозрачная вода. Возлѣ него ландыши, радуясь тѣни, струили свой ароматъ; по другую сторону тропинки, въ саду трава была мѣстами вся пурпуровая отъ фіалокъ на длинныхъ стебляхъ, а мѣстами розовая отъ острыхъ головокъ цикгсамена. Подальше изъ той же самой травы подымались красивой безпорядочной группой нѣсколько камелій въ цвѣту, сгибавшихъ вѣтви подъ тяжестью своей ноши, усыпая землю внизу бѣлыми и красными цвѣтами. А надъ камеліями высоко возносили свои вершины знаменитые кипарисы—гордость и краса виллы, глядя на равнину и на море, на Римъ и Соракту.

Такъ старо все это было,—а между тѣмъ такъ вѣяло, такъ дышало весной! По утрамъ по крайней-мѣрѣ весна брала перевѣсъ, и жалобы оскорбленной красоты, которыми, казалось, былъ полонъ самый воздухъ вокругъ, смолкали, затихали подъ наплывомъ молодой жизни и пѣсенъ. Вода, цвѣты и соловьи, тѣнь и солнечный свѣтъ — все здѣсъ было одинаково живуче и сильно, здѣсь была Италія въ ея настоящемъ безыскусственномъ видѣ. Только по вечерамъ Люси избѣгала этой тропинки. Тогда изъ сада внизу и со стѣны наверху выползали наружу старыя силы грусти и яда, которыя солнце днемъ держало въ тѣни, и сердце дѣвушки билось слабѣе, и уныніе овладѣвало ею, когда она сидѣла или гуляла здѣсь. Эта мѣстность не малярійная, но въ Италіи, въ такихъ старинныхъ помѣстьяхъ, съ приближеніемъ ночи на землю, вмѣстѣ съ тѣнями, всегда спускается что-то, грозящее опасностью человѣческой жизни. Какіе-то призраки подымаются изъ земли и ревнивымъ взоромъ слѣдятъ за тѣми, кто еще проникнутъ теплотою земного дня.

Зато по вечерамъ жаркая центральная часть сада была очаровательна со своими розами и сиренями, съ пѣніемъ птицъ и изумрудною травой, гдѣ шмыгали блестящія ящерицы, гдѣ въ каждомъ цвѣткѣ искрились алмазныя капли росы, и каждый цвѣтокъ дышалъ ароматомъ, со старой террасой вдали, обнесенной балюстрадой, выходящей на Кампанью,—террасой, съ которой видны были и равнина, и море, и небо, и пышный закатъ. Каждый вечеръ Люси приходила на эту террасу и, опершись на каменныя перила, въ вечерней тишинѣ, когда зной смѣнялся теплomъ, то старалась, съ помощью той или другой книги, представить себѣ жизнь древняго Рима.

то раздумывала о томъ, что, можетъ быть,—или, какъ увѣряютъ археологи, даже навѣрное — погребено въ землѣ у нея подъ ногами—она думала о зарытыхъ тамъ мраморныхъ членахъ и головахъ и разныхъ остаткахъ старинныхъ вещей, грубыхъ или прекрасныхъ, обо всемъ, что лежало глубоко въ общей могилѣ подъ шумящими оливами и еще безлистными виноградниками. Иногда же она совсѣмъ ни о чемъ не думала и только пассивно наслаждалась прохладою вѣтерка и зрѣлищемъ медленно гаснувшаго заката солнца, слыша вокругъ себя только стрекотаніе кузнечиковъ да громкую пѣснь соловья, да полетъ удода, подобно сказочной птицѣ, перепархивавшаго изъ одного тѣнистаго уголка въ другой.

Но садъ не всегда предоставленъ былъ исключительно ей и птицамъ. Крестьяне изъ Альбано, или изъ оливковыхъ плантацій, лежащихъ между Альбано и виллой, иногда, для сокращенія пути, шли прямикомъ черезъ садъ, направляясь въ Маринату; темнолицые садовники, въ синихъ холщевыхъ штанахъ и курткахъ, проходя мимо, снимали свои остроконечныя шапки, кланяясь иностранкѣ. Иногда садъ неожиданно наводняли ученики сосѣдней семинаріи, румяные и блѣднолицые подростки въ черныхъ рясахъ, затѣвавшіе безобидныя дѣвичьи игры; наполняя воздухъ нескончаемой болтовней и смѣхомъ, они бѣгали на перегонки такъ быстро, какъ только позволяли ихъ черныя юбки, повѣсивъ свои длинные плащи и красные шарфы на обвѣтренный, старый, безносый бюстъ Домиціана въ концѣ длинной дубовой аллеи, служившій мишенью для всѣхъ запускаемыхъ ими камешковъ и стрѣлъ—эмблема жалкаго безпомощнаго государства, забитаго и ослѣпленнаго церковью!

Люси пряталась отъ нашествія семинаристовъ въ кусты сирени и сквозь сѣтку листвы слѣдила за стройными мальчиками въ некрасивомъ, стѣснительномъ женскомъ нарядѣ, негодуя на нихъ, зачѣмъ они находятся въ такой зависимости и подъ надзоромъ, и въ то же время жалѣя объ ихъ участи.

Иногда потревоженный шумомъ, выходилъ самъ Мэнистей, блѣдный и хмурый. Но, при видѣ семинаристовъ и предводительствовавшаго ими стараго священника, сердитое выраженіе лица его смягчалось. Нерѣдко онъ подолгу смѣялся и шутилъ съ мальчиками, стоя среди ихъ съ непокрытой головой, и вѣтеръ откидывалъ назадъ его черныя кудри съ высокаго, изборожденнаго морщинами лба. Подъ конецъ Люси, выглядывая изъ своей засады, видѣла, какъ онъ шагалъ взадъ и впередъ по аллеѣ, рядомъ съ патеромъ, оживленно говоря и жестикулируя, какъ старикъ съ ласковымъ изумленіемъ взглядывалъ на него поверхъ очковъ, по временамъ вставляя одобрительныя замѣчанія, иногда небрежныя, иногда дышущія энтузіазмомъ.

— Онъ говоритъ о книгѣ,—думала Люси, и въ ней подымалось негодованіе.

Однажды, простившись съ мальчиками, Мэнистей неожиданно прошелъ мимо уголка, гдѣ она пряталась, и остановился при видѣ ея.

— Вамъ мѣшаютъ мальчики?—спросилъ онъ, глядя на ея книгу и говоря со свойственной ему неловкой грубоватостью, которая у него нерѣдко мгновенно смѣняла веселый и непринужденный тонъ.

— О нѣтъ... ничуть...

Онъ переминался на мѣстѣ и обрывалъ листья съ дерева, подъ которымъ она сидѣла.

— Этотъ старый священникъ, который ходитъ съ ними,—премилый человѣкъ...

Она поборола свою застѣнчивость и отвѣтила:

— Въ самомъ дѣлѣ? Онъ смотритъ за ними, какъ старая нянька. А они такія дѣти—эти большіе мальчики!

Взоръ его сталъ ласковѣе.

— А вамъ бы хотѣлось, чтобы они были независимѣе—грубѣе? Вы предпочитаете игры въ ножной мячъ, послѣ которыхъ на аренѣ борьбы остаются убитые и раненые?

Она засмѣялась, въ первый разъ осмѣливаясь высказать свое мнѣніе.

— Нѣтъ. Я не люблю крови... но есть середина. Впрочемъ...

Она колебалась. Онъ смотрѣлъ на нее сверху внизъ не то сердито, не то улыбаясь.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Пожалуй, независимость не пошла бы имъ въ прокъ. Какъ вы думаете?

— Принимая во вниманіе, что скоро имъ придется сдѣлаться рабами на всю жизнь—вы это хотите сказать?

Она подняла на него свои ясные голубые глаза. Въ ея взглядѣ было что-то холодное, критическое, и онъ тотчасъ это почувствовалъ.

Возможно, что онъ замѣчалъ его и ранѣе и потому именно избѣгалъ ея. Онъ переживалъ кризисъ мысли и творчества и инстиктивно боялся всего, что вносило въ его душу противорѣчіе или сомнѣніе. Онъ самъ достаточно сомнѣвался въ себѣ. Онъ какъ бы носилъ въ себѣ раны, къ которымъ могли прикасаться только нѣжныя руки Элеоноры. А въ этой американкѣ, съ ея смѣсью прозрачной искренности и сдержанности, въ этой истой протестанткѣ, не признающей ничего, что шло въ разрѣзъ съ ея убѣжденіями, онъ въ первый же вечеръ легко угадалъ по отношенію къ себѣ элементы антогонизма.

На его вопросъ она отвѣчала вопросомъ же, но также относящимся къ семинаристамъ.

— Не для того ли священники такъ рано берутъ ихъ на свое попеченіе, чтобы совершенно овладѣть ихъ волей?

— Но развѣ ужъ такъ худо отрѣшиться отъ своей воли ради идеи,—ради дѣла?

Люси застѣнчиво разсмѣялась, и этотъ тихій, музыкальный смѣхъ какъ бы показалъ ее ему въ совершенно новомъ свѣтѣ.

— Это вы стараго-то священника называете идеей?

Передъ умственнымъ взоромъ обоихъ одновременно предсталъ одинъ и тотъ же образъ: породная, вполнѣ вещественная фигура священника.

Мэнистей невольно улыбнулся.

— Старый священникъ только символъ.

Она упрямо покачала головой.

— Они ничего другого и не желаютъ. Онъ приказываетъ, они повинуются. Потомъ придетъ очередь кого-нибудь другого давать имъ приказанія.

— Пока не настанетъ время, когда они будутъ сами приказывать? Что же тутъ дурнаго? — Мэнистей внимательно смотрѣлъ на нее. — Что же по вашему лучше?

Она покраснѣла.

— Мнѣ кажется, развѣ не лучше, если мы будемъ иногда—сами себѣ приказывать?—выговорила она тихо.

Мэнистей разсмѣялся.

— Короче говоря—если намъ предоставлять свободу глупить. Еще бы! Это вѣдь и есть современная великая панацея. — Онъ помолчалъ, безсознательно глядя на нее блестящими, разсѣянными глазами, потомъ снова заговорилъ:—Ну хорошо, вы презираетъ моихъ маленькихъ патеровъ. Но скажите мнѣ, задумывались ли вы когда-нибудь надъ вопросомъ, что лучше, пригоднѣе для жизни ихъ міровоззрѣніе, прослужившее какъ ни какъ 1900 лѣтъ, не утративъ ни силы своей, ни вліянія на людей, или же то, которое стараются выработать ихъ враги? Вспомните только исторію абиссинской войны—тутъ ужъ каждому было предоставлено право глупить, сколько душѣ угодно, и въ Римѣ, и въ Африкѣ, и каждый воспользовался имъ въ совершенствѣ. Что это было! Свое мнѣніе, свои цѣли у всякаго, начиная съ Криспи и кончая послѣднимъ подпорудчикомъ. Въ результатѣ: общій крахъ, смятеніе, тысячи жизней загублены; нація покрыта позоромъ. А теперь, посмотрите, что происходитъ вокругъ васъ, на этихъ холмахъ. Теперь Страстная недѣля, всѣ постятся. всѣ ходятъ въ церковь—крестьяне, наша прислуга, веселый маленькій патеръ. Завтра Великій Четвергъ. Начиная съ сегодняшняго дня и до Субботы никто здѣсь не позволитъ себѣ съѣсть что-нибудь, кромѣ кусочка хлѣба и нѣсколькихъ оливокъ. Съ завтрашняго дня перестанутъ звонить въ колокола. Если бы между завтрашней и субботней мессами надъ этими полями роздался звонъ хоть самаго маленькаго церковнаго колокола въ Римѣ, вся Италія, цѣлая нація была бы оскорблена и огорчена, зато, въ Субботу—уди-

зительный символъ! Прислушайтесь къ звону колоколовъ. Всѣ они зазвучатъ одновременно по всей Италіи, какъ только запоютъ *Sanctus*. А въ воскресенье обратите вниманіе на церкви. Развѣ это не одна общая волна мысли и любви, подымающая все человѣчество, какъ говоритъ Матью Арнольдъ? По моему, это именно то, чѣмъ держится человѣческое общество, что пускаетъ въ ходъ машину. Сравните одно съ другимъ—дѣло стоитъ того. Мои простоватые попики, съ ихъ глупымъ послушаніемъ не такъ ужъ много проиграютъ при этомъ.

Онъ безсознательно опустился на скамью подлѣ нея и смотрѣлъ на нее проницательнымъ, властнымъ взглядомъ. Она смутно догадывалась, что онъ обращается не къ ней, а къ несравненно болѣе обширной аудиторіи, что онъ, въ сущности, весь полонъ своей «книгой». Но уже то, что онъ заговорилъ съ ней и высказалъ ей такъ много послѣ цѣлаго ряда дней полнаго невниманія и равнодушія, глубоко взволновало ее; она, чувствовала, что пульсъ ея бьется быстрѣе обыкновеннаго, но это не заставило ее потерять самообладанія,—напротивъ, придало ей мужества.

— Если это единственный способъ поддерживать ходъ машины, — я говорю о католицизмѣ, — слова срывались съ ея устъ торопливо и прерывисто,—какъ же мы существуемъ?

— Вы? Американцы?

Она кивнула головой.

— Да развѣ вы существуете въ томъ смыслѣ, въ какомъ стоитъ существовать?

Онъ сказалъ это смѣясь, но его тонъ задѣлъ Люси. Она закинула назадъ голову и выговорила очень серьезно.

— Мы знаемъ, что вы насъ не любите.

Онъ немного смутился.

— Откуда вы это знаете?

— О, мы читали, что вы о насъ говорите.

— Мои слова были невѣрно переданы,—возразилъ онъ съ улыбкой.

— Нѣтъ, вѣрно. Но вы во многомъ ошибаетесь—очень очень ошибаетесь; вы слишкомъ поторопились судить.

Онъ всталъ; на губахъ его играла улыбка; ея противорѣчіе забавляло его, хотя онъ и старался это скрыть. Это была снисходительность политика и дѣлового человѣка къ дѣвочкѣ, выросшей гдѣ-то въ глуши лѣсовъ Америки.

— Это надо выяснить, — сказалъ онъ.—Я вижу мнѣ придется защищаться. Но теперь я боюсь, что м—ссъ Бергойнъ ждетъ меня.

И, поклонившись ей съ изысканной и величавой учтивостью, которая у него, при малѣйшемъ противорѣчіи, иногда мгновенно смѣнялась рѣзкостью или невниманіемъ, онъ отошелъ. Люси Фостеръ покраснѣла. Она слѣдила за нимъ глазами, пока онъ не скрылся въ тѣни аллеи, ведущей къ дому; тогда она порывистымъ движеніемъ схватила лежавшую возлѣ нея на скамейкѣ книгу и углубилась въ чтеніе. Она читала съ какимъ-то особеннымъ интересомъ, почти со страстью. Это была біографія одного изъ героевъ Гарибальдійскаго движенія 1860—61 г.

Въ послѣднее время она окружила себя, при помощи одной библіотеки въ Римѣ, гдѣ были абонированы Мэнистеи, исключительно книгами объ итальян. *Risordimento*, этомъ великомъ движеніи, этомъ героическомъ созиданіи націи, которымъ нѣкогда такъ живо интересовались наши отцы; теперь этотъ интересъ потускнѣлъ и остылъ не только у представителей молодой Англіи, но и у молодаго поколѣнія Италіи. Но для Люси, читавшей его исторію, имѣя передъ глазами равнину римской Кампаньи и соборъ Св. Петра, при возбуждающемъ вліяніи разговоровъ Мэнистея съ м—ссъ Бергойнъ или случайными посѣтителями, всѣ эти поразительныя фигуры—Кавура, Гарибальди, Мадзини, всѣ главные моменты великой эпопеи: слѣпые, безумные, безнадежные взрывы народнаго негодованія въ 1848 г.; висѣлицы, разстрѣливанія и безпредѣльное отчаяніе въ 1849 г.; угрюмое спокойствіе выжидательнаго періода между 1849 и 1858 г. восторги, вызванные сраженіями при Маджентѣ и Сольферино, и яростное разочарованіе послѣ битвы при Виллафранка; золотые дни Сициліи въ 1860 г.; судьба Венеціи, оторванной подобно зрѣлому пло-

ду въ 1868 г. и разрывъ съ Римомъ—въ 1870—весь этотъ бредъ свободы, мести, объединенія, эти безсмертныя имена, страсти и подвиги заставляли трепетать юную душу Люси, будили въ ней поэтическое чувство, овладѣли всѣми ея симпатіями.

Неужели правда, что Италія «сшита на живую нитку?» Неужели эта великая борьба, эти исклѣченныя жизни пропали задаромъ и, какъ запруженный потокъ, привели только къ смерти и разрушенію? И если даже это такъ,—кто же въ этомъ виноватъ какъ не духовенство? Эта черная банда интригановъ, предателей, съ папой во главѣ. которая, за исключеніемъ одного краткаго момента въ сороковыхъ годахъ, всегда поддерживала тиранію и топила въ крови свободу, помогала австрійцамъ и Бурбонамъ и теперь снова пытается разорвать въ клочки ту Италію, за единство которой положили жизнь столько добрыхъ и храбрыхъ.

Духовенство! церковь! Читая исторію Карла Альберта, Меттерниха и неаполитанскихъ Бурбоновъ, Люси дивилась, какъ можетъ Италія позволять этой невѣжественной человѣконенавистнической бандѣ жить и благоденствовать въ своей средѣ! Особенно удивляло ее, что іезуиты могутъ еще и въ наше время свободно расхаживать по улицамъ Италіи, что нація могла забыть и простить такія преступленія, такія надругательства надъ Святая Святыхъ ея жизни, какія совершались іезуитами. Часто дѣвушка стояла на краю террасы, заложивъ руки за спину, и смотрѣла на далекій соборъ, виднѣвшійся сквозь чащу пиній. Книга ея начиналась съ описанія школьной жизни неаполитанскаго мальчика, учившагося въ школѣ въ Неаполѣ въ эпоху господства духовенства, въ двадцатыхъ годахъ, когда австрійскіе штыки послѣ возстанія 1821 вернули власть Бурбонамъ и іезуитамъ, задушивъ молодую, рвущуюся на просторъ свободу 1821 года, какъ жестокій мальчикъ давитъ и душитъ бьющуюся въ рукахъ его птичку. «Чему научила насъ», восклицалъ авторъ книги, «монастырская школа, изуродовавшая наши умы и тѣла? Какъ часто случалось мнѣ впослѣдствіе видѣть людей, которые оплакивали свое невѣжество и проклинали семинаріи и коллегіи, гдѣ они безплодно потратили столько лѣтъ, ничему не научившись!»

«Монастырская школа, изуродовавшая наши умы и тѣла»... Мысленно Люси повторяла эти слова посылая ихъ, словно вызовъ, этому сіявшему въ лучахъ солнца куполу — символу церкви. Тамъ теперь этотъ старикъ, окруженный кардиналами... Мысль о немъ подымала въ ея душѣ молодое негодованіе и отвращеніе, но въ то же время волновала ея воображенія.

Скоро—скоро, черезъ нѣсколько дней, на Пасху, она увидитъ его и тогда сама можетъ судить.

Между тѣмъ, посѣтители одинъ за другимъ исчезали; ихъ перестали принимать. Вилла погрузилась въ монастырскую тишину; до окончанія книги оставалось дней 8—10. Чѣмъ ближе подходила рѣшительная минута, тѣмъ зорче слѣдила миссъ Мэнистей за м-ссъ Бергойнъ. Она жила въ постоянномъ страхѣ, что эта хрупкая женщина свалится съ ногъ и заболѣетъ, и когда сидѣніе въ библіотекѣ затягивалось, она, набравшись храбрости, проникала туда, извлекала музу Мэнистея изъ этого склепа и уводила ее въ садъ!

Подъ вечеръ, когда тѣни въ саду начинали уже удлиняться, Люси слышала легкіе, хотя и медлительные, шаги, и блѣдное нѣжное лицо съ улыбкой наклонялось надъ нею.

— О, какъ вы, должно быть, устали!—говорила Люси, вскакивая съ мѣста.—Садитесь вотъ сюда, подъ этимъ деревомъ,—отдохните!

— Нѣтъ, нѣтъ; лучше походимъ. Я устала сидѣть.

И онѣ долго ходили взадъ и впередъ по террасѣ и по оливковому саду внизу. Опираясь на руку Люси, м-ссъ Бергойнъ болтала и смѣялась, видимо наслаждаясь отдыхомъ отъ напряженія ума и нервовъ, за которымъ скрывалась глубокая умственная и физическая усталость. Люси не могла надивиться, видя, какой изящной и прелестной выходила Элеонора изъ этой борьбы съ тяжелымъ трудомъ. Ея всегда свѣжія бѣлыя или свѣт-

лыя платья, нѣсколько драгоцѣнныхъ вещицъ, наполовину прикрытыхъ кружевами на рукахъ и у ворота, масса золотистыхъ волосъ, то разсыпающихся локонами, то собранныхъ въ узелъ—все это казалось Люси верхомъ совершенства. Никогда Элеонора не казалась болѣе свѣтской женщиной и аристократкой, какъ послѣ этой напряженной утренней работы, которая оставила бы слѣды и на сильномъ мужчинѣ; въ такіе моменты ея глаза сіяли, какъ звѣзды подъ возбуждающимъ вліяніемъ «идей», о которыхъ съ ней говорилось такъ хорошо и легко. Но зато какъ спѣшила она сбросить съ себя этотъ гнетъ, какъ охотно и радостно отдавалась вся заботамъ и очарованію Люси.

Все, что сначала отодвигало ихъ другъ отъ друга, исчезло: кое-какія смутныя мысли и страхи разсѣялись, и она не могла отказать себѣ въ наслажденіи привлечь сердце кроткой дѣвушки, очаровать ее, какъ она очаровывала всѣхъ: собакъ, прислугу, деревенскихъ ребятишекъ. Въ ея душу заложена была неутолимая жажда любви, проявлявшаяся въ тысячѣ мелочей. Къ каждому новому человѣку она словно протягивала незримыя щупальцы, и ея старанія рѣдко оставались напрасными.

Относительно Люси Фостеръ ея тонкій тактъ сразу подсказалъ ей, что ласки будутъ здѣсь неумѣстны. Она была отъ природы ласкова и раза два, гуляя съ Люси, не удержалась, чтобъ не обнять ее за талію и не подѣловать въ розовую щечку, но Люси отнеслась къ этимъ этимъ ласкамъ какъ-то странно. Ей было неловко. Когда ее цѣловали, она краснѣла и оставалась пассивной, сама она держалась немного чопорно. Однако, на каждое изъ такихъ проявленій нѣжности со стороны м-ссъ Бергойнъ она отвѣчала особеннымъ вниманіемъ, какой-нибудь маленькой услугой, вродѣ приготовленнаго стула, или принесенной накидки,—или же просто особенной теплотою взгляда. Элеонорѣ и въ голову не приходило сердиться на молодую дѣвушку за то, что та не отвѣчала на ея ласки; напротивъ, она даже находила въ этомъ своеобразную прелесть. Большинетво американокъ, проживавшихъ въ Римѣ въ ту зиму, были слишкомъ ужъ экспансивны.

Въ сравненіи съ ними Люси Фостеръ производила впечатлѣніе чего-то свѣжаго и бодрящаго.

— Зато если она поцѣлуетъ, такъ ужъ отъ всей души. Это сразу видно! —говорила себѣ Элеонора.

Иногда м-ссъ Бергойнъ обращала вниманіе на книги, которыми окружила себя Люси. Она брала ихъ, перелистывала, читала заглавія, и глаза ея свѣтились добродушнымъ лукавствомъ: она угадывала, какъ неодобрительно относится ея молоденькая пріятельница къ хозяину здѣшняго дома и его воззрѣніямъ. Но она никогда не спорила съ Люси и не старалась убѣдить ее, слишкомъ она устала отъ этихъ серьезныхъ вопросовъ, слишкомъ рада была отдохнуть въ разговорѣ о птицахъ, пейзажахъ, о людяхъ и тряпкахъ.—А можетъ быть она была слишкомъ счастлива.

Въ эти послѣдніе дни передъ Пасхой она жила не на землѣ, а въ небесахъ. Книга подвигалась успѣшно; Мэнистей былъ доволенъ собой больше прежняго и въ обращеніи съ домашними былъ такъ милъ, какъ только можетъ быть милъ человѣкъ въ ожиданіи удачи. Глава о «Немійскомъ жрецѣ» была выкинута изъ текста, который представлялъ теперь стройное цѣлое и былъ съ начала до конца выдержаннымъ и краснорѣчивымъ соціально-политическимъ трактатомъ. Но эту главу рѣшено было сброшюровать и переплести отдѣльно, спеціально для Элеоноры, вмѣстѣ съ видами озера и храма ранней весной, нарисованными ею самой. А день окончанія книги—недѣли черезъ двѣ, или около того—предполагалось отпраздновать поѣздкой въ Неми—божественный, благословенный уголокъ.

А потому она не чувствовала усталости и всегда была готова поболтать съ Люси о женскихъ пустячкахъ. Красота дѣвушки производила на нее съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сильное впечатлѣніе, и ей очень хотѣлось поскорѣе осуществить планы преобразованія ея костюма и прически, шляпъ и

обуви, давно задуманные Элеонорой, сообща съ миссъ Мэнистей.

Но Люси дичилась и не поддавалась. На виллѣ бывало такъ мало гостей, меньше, чѣмъ она ожидала. Даже обѣщанное приглашеніе изъ посольства не явилось, такъ какъ дочь посланника уѣхала во Флоренцію. А для тихой домашней жизни для прогулокъ въ саду и ея платья были, какъ ей казалось, достаточно хороши. Чувство неловкости, вызванное элегантными костюмами ея флорентинскихъ знакомыхъ, мало-помалу, разсѣялось, и ей казалось дурнымъ и страннымъ тратить деньги на прихоти. Она совершенно перестала думать о своемъ туалетѣ, и ея клѣтчатое платье, бѣлое съ синимъ, къ величайшему огорченію Элеоноры, снова получило права гражданства. Люси жалѣла только, что написала тогда изъ Флоренціи письмо дядѣ Бену—письмо, въ которомъ сквозила тревога и огорченіе по поводу недостатковъ ея туалета. Дядя, пожалуй, еще не такъ поймет ее и натворитъ глупостей.

Такъ оно, повидимому, и вышло. На другой день послѣ нашествія семинаристовъ, изъ Бостона пришло письмо, сильно взволновавшее Люси и послѣ продолжительныхъ колебаній и угрызеній совѣсти дѣвушка поневолѣ вынуждена была довѣрить его содержаніе миссъ Мэнистей. Старушка, улыбаясь и съ видимымъ удовольствіемъ, позвала на помощь м-рсъ Бергойнъ; Элеонора, въ свою очередь, позвала свою горничную, и дѣло закипѣло.

Раннимъ утромъ въ субботу въ комнатѣ Элеоноры царили безпорядокъ и суета, восхитительныя для всѣхъ, кромѣ Люси. Мэнистей уѣхалъ на цѣлый день въ Римъ, и Элеонора была свободна. Никогда еще она не казалась болѣе хрупкой — румянецъ ея щекъ былъ нѣжнѣе цвѣта розовыхъ лепестковъ — и болѣе въ своей сферѣ: въ дѣлѣ выбора модныхъ фасоновъ она была такою же хорошею совѣтчицей, какъ и въ области идей.

— Мари,—она взяла за плечи свою горничную и шутливо подтолкнула ее къ двери.—Будьте ангеломъ, сбѣгайте, позовите Бенсонъ. Намъ нужно собрать какъ можно больше народу на совѣтъ. Если мы не добьемся, чтобы корсажъ сидѣлъ, какъ слѣдуетъ, онъ не будетъ къ лицу миссъ Фостеръ. Мари выбѣжала изъ комнаты.

Люси, между тѣмъ, стояла передъ большимъ зеркаломъ, вся красная и взволнованная, въ одномъ изъ парижскихъ платьевъ м-рсъ Бергойнъ. Элеонора дѣйствовала съ большимъ тактомъ, и теперь дѣвушка была въ ея власти.

— Это—критическій моментъ, душа моя,—шепнула послѣ завтрака на ушко Элеонорѣ миссъ Мэнистей, весело подмигнувъ ей своими добрыми глазками.—Вопросъ въ томъ, удастся намъ, или не удастся превратить ее въ красавицу. Вы вѣдь все можете!

Какъ бы тамъ ни было, Элеонора сдѣлала для этого все, что могла. Она вытащила всѣ свои самыя модныя платья, и Люси покорно надѣвала ихъ одно за другимъ. Элеонора искала прежде всего общей идеи. Гдѣ настоящій стиль Люси? Что для нея можно сдѣлать?

— Надо сначала, чтобы цвѣтъ и фасонъ, въ общихъ чертахъ, опредѣлились у меня въ головѣ,— выговорила она задумчиво, — а затѣмъ позовемъ горничныхъ. Вы могли бы, конечно, заказать платье въ Римѣ, но разъ у насъ есть модели, а нашимъ обѣимъ горничнымъ нечего дѣлать, почему намъ не доставить себѣ удовольствія сдѣлать все дома, подъ нашимъ руководствомъ?

Удовольствіе? Люси широко раскрыла глаза. Но передъ ней лежалъ нелѣпый чекъ, присланный дядей Беномъ, вмѣстѣ съ строгимъ наказомъ пріобрѣсти все, все, что есть у другихъ дѣвушекъ. Чего же ради она копила и экономничала передъ отъѣздомъ? — спрашивалъ дядя Бенъ.—Глупости и непослушаніе! Ему все разсказали о ея нелѣпой бережливости, о томъ, какъ она дрожала надъ каждымъ грошемъ,—онъ все разузналъ. Вотъ и наказала себя,—и подѣломъ! Пускай же она хоть теперь экипируется съ ногъ до головы, и не медля, — не то онъ не посмотритъ на свою старость и прикатитъ самъ при-

глядѣть за тѣмъ, чтобы все было какъ слѣдуетъ.

Люси была вообще не изъ покорныхъ,—о, нѣтъ!—но письмо дяди Бена такъ растрогало ее, что она стала вдругъ необыкновенно кротка, и ей все время хотѣлось плакать.

Подумалъ ли дядя Бенъ, справедливо ли тратить на себя такъ много денегъ, такъ много заботиться о себѣ? Ихъ совмѣстная жизнь была такъ скромна, что вопросъ о туалетѣ никогда не возникалъ между ними. Понятно, она старалась одѣваться чисто, прилично и соотвѣтственно его вкусу, но...

Въ результатѣ, всѣ эти душевныя колебанія и волненія только придали особую прелесть личику Люси, смягчивъ его выраженіе и скрасивъ обыкновенно слишкомъ спокойныя и строгія черты. Дѣвушка молча стояла передъ большимъ зеркаломъ, пока м-рсъ Бергойнъ и горничныя судили и рядили, примѣряли и прикладывали. Когда ее просили пройтись, она доходила до конца комнаты и возвращалась обратно, когда ее спрашивали, что ей больше нравится, она добросовѣстно выбирала и высказывала свое мнѣніе; а такъ какъ на нее надѣвали платья, одно восхитительнѣе другого, она мало-по-малу становилась все чувствительнѣе къ красотѣ этихъ мягкихъ тканей, нѣжности красокъ, изобрѣтательности и богатству фантазіи, проявлявшейся въ томъ, какъ онѣ были комбинированы. Подъ конецъ м-рсъ Бергойнъ случайно напала на бѣлое креповое платье съ свѣтло-зеленою вставкою и когда высокая фигура Люси предстала въ этомъ нарядѣ, всѣ три суетившіяся вокругъ нея женщины одновременно вскрикнули отъ восторга.

— Прелесть!—воскликнула м-рсъ Бергойнъ, вздохнувъ съ облегченіемъ.—Вотъ видите, Мари, я вамъ говорила. Это именно то, что нужно. И посмотрите, какъ это просто, и какъ красиво падаютъ эти складки! Да, ужъ если Матильда постарается, у нея выходитъ божественно. Теперь вамъ остается только скопировать это платье. За матеріей остановки не будетъ. Съѣздите на Корсо, и черезъ полчаса вы будете имѣть все, что нужно.

— Можно снять?—спросила Люси.

— Конечно, можно, — нерѣшительно сказала м-рсъ Бергойнъ,—только жаль. Ну-съ, теперь перейдемъ къ жакету и юбкѣ. Что касается дневного и вечерняго туалетовъ, тутъ я, кажется, уже знаю.

— Не довольно ли для одного утра?—спросила Люси, полушутя, полуумоляющимъ тономъ.

— Да, — разсѣянно отвѣтила м-рсъ Бергойнъ: ея голова была полна новыхъ соображеній и комбинацій.

Платья были собраны и горничная тети Пэтти отправлена за покупками. Люси, накинувъ на себя бѣлый бумажный капотикъ, уже собиралась уйти въ свою комнату, но м-рсъ Бергойнъ удержала ее за руку.

— Помните,—спросила она,— какъ я жестоко поступила съ вами тогда вечеромъ, когда вы къ намъ только-что пріѣхали—взяла и перечесала васъ по-своему? Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ хотѣлось бы сдѣлать это еще разъ и причесать васъ какъ слѣдуетъ! Вы знаете, у меня будетъ-таки не мало хлопотъ съ вашими платьями. Положимъ, я это люблю, но все же вы должны вознаградить меня за труды. Позвольте мнѣ, въ видѣ награды, сдѣлать маленькій опытъ? Мнѣ такъ хочется распустить ваши волосы и уложить ихъ иначе. Вы не знаете, какая я мастерица причесывать. Позвольте мнѣ попробовать!

И прежде чѣмъ сконфуженная дѣвушка успѣла отвѣтить хоть слово, ее мягко усадили въ кресло передъ туалетнымъ столикомъ и двѣ искусныя ручки принялись за дѣло.

— По вашему лицу не видно, чтобъ это доставляло вамъ удовольствіе, — сказала м-рсъ Бергойнъ, когда роскошные шелковистые волосы дѣвушки упали ей на плечи и закрыли ее всю, точно плащемъ.—Или вы считаете, что это дурно—причесываться красиво?

Люси смущенно разсмѣялась.

— Меня не пріучили думать много о такихъ вещахъ. У мамы были очень строгіе взгляды.

— А! —почтительнымъ тономъ сказала

мистрисъ Бергойнъ. — Но, знаете ли, живя въ Римѣ, право, удобнѣе поступать такъ, какъ всѣ. Быть непохожимъ на другихъ, идти въ разрѣзъ съ ними— это развиваетъ самомнѣніе. Ваша мать не предвидѣла этого.

Молчаніе. Только быстрые бѣлые пальцы приглаживаютъ, укладываютъ и начинаютъ прическу.

— Они сами прелестно ложатся, нужно только, чтобы они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были немножко *ondulés*. Одна секунда. Скорѣй, Мари, принесите мнѣ лампочку и щипцы—и двѣ, три самыя тонкія шпильки.

Горничная бросилась совсѣхъ ногъ, зараженная «энтузіазмомъ» своей госпожи, и соединенными усиліями онѣ добились того, что, когда онѣ наконецъ отпустили свою жертву, ея темная головка превратилась въ изящную головку свѣтской красавицы, причесанной по послѣдней модѣ. Чудные волосы, поднятые высоко надъ бѣлымъ лбомъ, ложились мелкими шелковистыми волнами. Изящные завитки на вискахъ красиво обрамляли тонкій овалъ лица, а сзади черная масса волосъ, зачесанная вверхъ и укрѣпленная на темени жемчужнымъ гребешкомъ м-рсъ Бергойнъ, образовала корону, которая и Артемидѣ придала бы еще болѣе царственный видъ.

— Неужели мнѣ такъ и оставаться? воскликнула Люси, глядя на себя въ зеркало.

— Разумѣется! — И м-рсъ Бергойнъ инстинктивно схватила ее за руки, оберегая свое произведеніе отъ грозившей ему опасности.—И сегодя вечеромъ вы должны надѣть свое старое бѣлое платье,— не клѣтчатое, а то хорошенькое, которое выстирали, съ розовымъ кушакомъ. Боже, какъ время летитъ! Мэзонъ, сбѣгайте къ миссъ Мэнистей, попросите ее не дожидаться меня,—я нагоню ее въ деревнѣ.

Горничная ушла. Люси смотрѣла на своего тирана.

— Вы очень добры ко мнѣ, — сказала она.—Губы ея дрожали; въ голубыхъ глазахъ свѣтилось чувство, которое она не умѣла выразить. Эта неспособность высказаться, отражавшаяся на лицѣ Люси, напоминала шотландскую дѣвушку у Вордсворта, усиливающуюся говорить по-англійски. Чувствовалось, что она «гребетъ противъ вѣтра», что она попала въ теченіе, но борется съ нимъ. Или, лучше, употребимъ другое сравненіе: ея натура казалась твердой и вмѣстѣ богатой, подобно тяжелымъ церковнымъ тканямъ, затканнымъ золотомъ.

— О, въ этомъ вѣдь моя главная сила!—смѣясьсказала, м-рсъ Бергойнъ.— Если у меня есть какія-нибудь дарованія, то именно въ области тряпокъ!

— Если у васъ есть дарованіе? — повторила съ удивленіемъ Люси.—Какъ вы можете говорить это, когда вы такъ много помогаете мистеру Мэнистею?

Элеонора пожала плечами.

— Полноте! Ему нуженъ былъ секретарь, и я случайно оказалась подъ рукой, — только и всего, — выговорила она нѣсколько принужденно.

— Миссъ Мэнистей разсказывала мнѣ, какъ вы помогали ему зимой. Она и м-ръ Бруклинъ... разсказывали мнѣ и о другомъ... Люси густо покраснѣла, умолкла и остановила робкій взглядъ на фотографіяхъ, разставленнымъ на столѣ м-рсъ Бергойнъ.

Элеонора поняла.

— Ахъ, они разсказали вамъ это?— Она вдругъ поблѣднѣла.—И вы удивляетесь, не правда-ли? что я могу послѣ этого разговаривать о тряпкахъ и новыхъ прическахъ?

Она отошла; обычная чарующая нѣжность выраженія ея лица смѣнилась холоднымъ достоинствомъ.

Люси побѣжала за ней и схватила ее за руку.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Напротивъ! Я хотѣла сказать, какъ это хорошо съ вашей стороны, какъ мужественно... Не смотря на это вы способны принять участіе... Заинтересоваться...

— Кто вамъ сказалъ, что это меня интересуетъ?—Надменно спросила Элеонора.

Люси умолкла. Минуту спустя, Элеонора оглядѣлась вокругъ, спокойно взяла со стола портретъ ребенка и протянула его Люси.

— Ему было ровно два года. За четыре дня до того, какъ это случилось, мы праздновали день его рожденія. Я особенно люблю эту карточку: именно такимъ я видѣла его въ послѣдній разъ въ ночной рубашенкѣ. Я была очень больна въ ту ночь; мнѣ не позволили остаться возлѣ мужа; я пошла къ ребенку, покачала его, потомъ приподняла его и прижалась къ нему лицомъ. Онъ былъ всегда во снѣ такой хорошенькій, тепленькій... Его прикосновеніе... запахъ его тѣльца... его дорогое дыханіе... его кудряшки... влажныя ручки... иногда онѣ просто опьяняли меня,—возбуждали, какъ... какъ вино. Мнѣ стало такъ легко возлѣ него въ ту ночь...

Ея голосъ не дрогнулъ. Слезы тихо текли по лицу Люси. Она внезапно нагнулась и прильнула нѣжнымъ, долгимъ поцѣлуемъ къ рукѣ м-рсъ Бергойнъ. Элеонора улыбнулась, потомъ наклонилась къ молодой дѣвушкѣ и слегка коснулась губами ея щеки.

— О, я недостойна была имѣть его— и потерять его!—сказала она съ горечью.

Наступила короткая пауза.

— Однако, намъ давно пора пойти къ тетѣ Поэтти!—рѣшительно выговорила Элеонора.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

— А, вотъ вы гдѣ! Не усердствуйте такъ: времени впереди еще много, много! Прислушайтесь, вотъ начинаютъ звонить. Восемь часовъ—теперь открываютъ двери. Боже! Посмотрите, что за толпа! И какъ ловко эти маленькіе солдатики справляются съ высокими, величественными патерами. Молодцы, право!

Люси немного убавила шагу—до этого она почти бѣжала—и мистеръ Рэджи взялъ ее подъ свое покровительство; Элеонора исчезла съ Мэнистеемъ, а тетя Поэтти досталась на долю нѣкоему Ванборо Нилю, худощавому пожилому господину высокаго роста, необыкновенно элегантному, который присоединился къ нимъ на Піацца и былъ, повидимому, старымъ другомъ мистера Мэнистея.

Великій день наступилъ, и они, а съ ними и весь Римъ, готовились присутствовать раннимъ апрѣльскимъ утромъ на богослуженіи, которое долженъ былъ отправлять въ 8 часовъ самъ папа въ соборѣ св. Петра. Мэнистей и его спутники провели предшествующую ночь въ Римѣ, чтобы во-время быть на мѣстѣ. Люси съ удивленіемъ осматривалась кругомъ. До перваго удара колокола, возвѣстившаго начало службы, вся площадь передъ соборомъ св. Петра была усѣяна свободно двигавшимися группами, не спѣша поднимавшимися одна за другой по ступенямъ крыльца собора. Но какъ только начался звонъ, на площадь, невѣдомо откуда, хлынула цѣлая толпа, главнымъ образомъ молодыхъ священниковъ и семинаристовъ, въ развѣвающихся черныхъ одеждахъ, и устремилась къ ступенямъ храма.

— Это мнѣ ужасно напоминаетъ,— со смѣхомъ сказалъ Режди, повернувшись назадъ къ шедшему вслѣдъ за нимъ пріятелю,—нашихъ школьниковъ въ Гарроу, когда они брали штурмомъ знамя—видѣлъ ты это? Помнишь того мальчугана, который спасъ все дѣло? Однако, они прорвали линію, гдѣ-нибудь выйдетъ страшная давка!

Дѣйствительно, хлынувшая на площадь толпа духовенства прорвала на минуту цѣпь итальянскихъ солдатъ, добродушно охранявшихъ и направлявшихъ папскихъ гостей отъ входа на площадь до самыхъ дверей собора. Но маленькіе, словно игрушечные солдатики,—такими, по крайней мѣрѣ, они показались Люси,— въ одно мгновеніе снова оправились, рѣшительно накинулись на черную фалангу, оттѣснили ее назадъ, здѣсь насильно вдвинули въ линію нѣсколькихъ выскочившихъ впередъ смѣльчаковъ, тамъ составили новую цѣпь,—словомъ, бѣгали и суетились, совершенно какъ овчарки около овецъ, пока все не пришло снова

въ сносный порядокъ и не устранена была опасность массоваго натиска на центральную дверь.

Люси, между тѣмъ, торопливо пробиралась вмѣстѣ съ толпой привилегированныхъ, направлявшихся къ трибунамъ, къ ризничной двери, съ южной стороны храма.

— Надо разыскать мистриссъ Бергойнъ,—сказалъ молодой человѣкъ, тревожно озираясь вокругъ.—Мэнистей не годится въ проводники—онъ начнетъ фантазировать и забудетъ про нее. Посмотрите на зданіе и на небо позади него. Поразительно!

Поспѣшно двигаясь впередъ, они скользили бѣглымъ взглядомъ по великолѣпнымъ стѣнамъ, карнизамъ и аркамъ южной стороны храма, выдѣлявшимся на голубомъ фонѣ неба, словно сдѣланныя изъ воску или слоновой кости. Голуби описывали надъ ихъ головами широкіе круги; апрѣльскій вѣтеръ дулъ Люси въ лицо и игралъ ея черной накидкой. Всѣ волненія улеглись. Послѣ долгаго затворничества въ саду виллы, дѣвушка со страстью отдавалась новымъ впечатлѣніямъ и чарамъ великаго Рима; подъ ея скромной и нѣсколько строгой внѣшностью юное сердце билось и радостно трепетало отъ неизвѣданнаго наслажденія.

— Удивительно, какъ черное кружево къ лицу всѣмъ вамъ, женщинамъ!— сказалъ Реджи Бруклинъ, съ видомъ знатока, одобрительно оглядывая ее и свою кузину Элеонору, когда они, наконецъ, встрѣтились и остановились посреди толпы, сплотившейся у двери въ ризницу. И Люси, вмѣсто того, чтобы посмѣяться надъ самоувѣреннымъ тономъ юноши, только покраснѣла немного и нашла даже пріятнымъ, что въ это прелестное апрѣльское утро молодой человѣкъ залюбовался ею,—хотя она была такъ же мало расположена влюбиться въ Реджи Бруклина, какъ и въ мэнистееву собачку, оставленную на виллѣ сторожить домъ.

У двери молодой человѣкъ спокойно завладѣлъ мистриссъ Бергойнъ; Мэнистей остался позади и невольно вздохнулъ съ облегченіемъ.

— А вы, миссъ Фостеръ, держитесь поближе, мой сюртукъ къ вашимъ услугамъ; не безпокойтесь, онъ выдержитъ! Смотрите, чтобы васъ не оттѣснили, м-рсъ Бергойнъ я ужъ беру на себя.

Они двинулись впередъ, по коридорамъ и переходамъ, несомые живымъ потокомъ, посреди смѣющейся, болтающейся, толкающейся толпы, соединившей въ себѣ всѣ разнообразные человѣческіе типы, встрѣчающіеся на улицахъ Рима: англійскихъ и американскихъ туристовъ, ирландскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ священниковъ, монаховъ бѣлыхъ и коричневыхъ, статныхъ дѣвушекъ въ черныхъ покрывалахъ, видимо бывшихъ въ восторгѣ отъ этого непривычнаго наряда который такъ шелъ къ ихъ бѣлокурымъ волосамъ и ослѣпительному цвѣту лица, и рядомъ съ ними — пожилыхъ женщинъ, которымъ ихъ нарядъ, напротивъ, придавалъ необычный для нихъ видъ спокойствія и умиротворенія, какъ будто онѣ позволили себѣ наконецъ быть самими собой и отказаться отъ борьбы съ лѣтами.

Реджи Бруклинъ все время оживленно болталъ, и все больше о Мэнистеѣ. Элеонора сначала смѣялась его выходкамъ, потомъ, когда общее движеніе на минуту остановилось, слегка повернула голову и внимательнымъ взглядомъ окинула толпу, тѣснившуюся позади ихъ. Люси прослѣдила глазами направленію ея взгляда и увидѣла вдали Мэнистея. Погруженный въ раздумье, онъ безсознательно подвигался впередъ, вмѣстѣ съ толпой, не замѣчая, что по временамъ, приподнятый живымъ потокомъ онъ терялъ почву подъ ногами. Тонкое выразительное лицо было нѣсколько приподнято, глаза полны мысли, онъ казался въ эту минуту одновременно рабомъ толпы и ея господиномъ. Лицо Элеоноры на мигъ освѣтилось выраженіемъ глубокой нѣжности и гордости. Она знала и понимала его—она одна!

Наконецъ они миновали двери и очутились въ обширномъ разгороженномъ пространствѣ, наполненномъ уже говоромъ и шумомъ шаговъ тысячъ людей;

надъ головами ихъ виднѣлась надпись: «*Tu es Petrus*». Реджи Бруклинъ торопилъ ихъ присоединиться къ толпѣ, направляющейся къ трибунамъ, но м-рсъ Бергойнъ удержала его.

— Нѣтъ намъ не слѣдуетъ разъединяться,—сказала она мягко, но рѣшительно. И въ теченіи нѣсколькихъ минутъ мистеру Бруклину пришлось съ грустью, стоя на одномъ мѣстѣ, смотрѣть, какъ опередившая ихъ толпа занимала первыя мѣста на трибунѣ D. Наконецъ, появился и Мэнистей; онъ съ удивленіемъ поднялъ брови, замѣтивъ нетерпѣніе молодого человѣка, и вся компанія двинулась впередъ.

Наконецъ-то! они попали въ третій рядъ трибуны D, около самаго прохода, по которому долженъ прослѣдовать папа, и вблизи эстрады, съ которой онъ даетъ толпѣ апостольское благословеніе. Ненасытный Реджи, ворчитъ, говоря, что они могли бы сѣсть въ первомъ ряду, еслибъ не отстали, но Элеонора и тетя Пэтти вполнѣ довольны. Онѣ окружены знакомыми. Вѣера и языки въ полномъ ходу. Многіе уже стоятъ на стульяхъ, разглядывая быстро наполняющійся храмъ. Тѣсною толпой двигаются тысячи менѣе привиллегированныхъ, входящихъ со стороны площади, черезъ Атріумъ и восточную дверь—цѣлое море человѣческихъ жизней, разлившееся въ необъятномъ храмѣ между двумя рядами швейцарцевъ и папскихъ гвардейцевъ, быстрыми, непрерывными волнами, ослѣпляющими и дивящими глазъ.

Незамѣтно пролетѣли для Люси три часа ожиданія. Проходящіе то и дѣло мимо блестящіе сановники въ костюмахъ временъ Тюдоровъ или Валуа, великія имена: «Колонна», «Барберини», «Савелли», Боргезе», называемыя знающей всѣхъ, хотя бы только по имени м-рсъ Бергойнъ, въ разговорѣ съ своимъ сосѣдомъ м-ромъ Нилемъ; постоянное появленіе новыхъ процессій—канониковъ, прелатовъ въ мѣховыхъ и кружевныхъ пелеринахъ, красныхъ кардиналовъ съ блестящей свитой; вступленіе въ соборъ великолѣпной гвардіи нобилей въ крылатыхъ ахиллесовскихъ шлемахъ, и мундирахъ *Empire* — полугрековъ, полуфранцузовъ, полубоговъ, полущеголей—самой нелѣпой и дорогой игрушки, какой только можетъ похвастаться дворъ; наконецъ, внезапный трепетъ и говоръ, возвѣщающій приближеніе великаго момента, который однако все-таки еще заставляетъ себя ждать—все это такъ поглощаетъ васъ, что вы совершенно не замѣчаете времени, и часы летятъ, какъ минуты.

По временамъ даже Люси, строгая, выдержанная Люси, невольно заражаясь общимъ настроеніемъ, вскакиваетъ на стулъ, вытягиваетъ свою бѣлую шейку и напрягаетъ зрѣніе. Но вотъ приближается благообразный камерарій, протягиваетъ руку съ жестомъ кроткаго протеста, восклицая: «*De grâce, mesdames! mesdames, de grâce?*» или же слышится сердитый ропотъ тѣхъ немногихъ, кому недостаетъ мужества или ловкости, чтобы влѣзть на стулъ: «*Giù! giù!—Descendez, mesdames! qu'est ce que c'est donc que ces manières!*»— и Люси, сконфуженная и красная, поспѣшно слѣзаетъ. Но позади ея стоитъ ирландскій священникъ; онъ ласково поощряетъ ее, улыбаясь: «Ничего! Не обращайте на нихъ вниманія! Кому вы тутъ мѣшаете?» И въ своемъ возбужденіи она охотно повинуется ему — кому же и знать, если не священнику?

Съ этой опасной высоты она по временамъ съ удивленіемъ поглядываетъ на Мэнистея, дивясь, гдѣ же волненіе, гдѣ сочувствіе, которое это зрѣлище должно вызывать въ немъ. Ни слѣда ничего подобнаго! Изъ всей ихъ компаніи онъ одинъ видимо удрученъ долгимъ ожиданіемъ. Онъ откинулся на спинку стула, скрестилъ на груди руки и, позѣвывая, разглядываетъ потолокъ, затѣмъ вынимаетъ изъ кармана какую-то греческую книжечку и углубляется въ чтеніе. Разъ только, когда мимо проходили представители низшаго духовенства, онъ внимательно посмотрѣлъ на нихъ и, повернувшись къ м-рсъ Бергойнъ, съ неудовольствіемъ замѣтилъ:

— Противныя физіономіи, не правда ли? и у всѣхъ почти одинаковыя!

Однако и здѣсь, среди этой толкотни и шума, онъ былъ величиной, о немъ

помнили, его отыскивали въ толпѣ. Сановники подходили поговорить съ нимъ; дипломаты останавливались поздороваться съ нимъ, проходя на царскія мѣста позади исповѣдальни. Въ его обращеніи съ ними не замѣтно было особенной сердечности, скорѣе нѣкоторая вялость, даже холодность. Люси была поражена разницей между его сегодняшнимъ настроеніемъ и горячимъ, радушнымъ пріемомъ, оказаннымъ имъ старому кардиналу въ саду виллы. Что за перемѣнчивый, странный человѣкъ. Холодный, недоступный, задумчивый; можно подумать, что онъ относится совершенно равнодушно или даже враждебно ко всему этому параду и къ тому, что думаютъ о немъ кардиналы.

Разъ только Люси подмѣтила въ немъ какъ будто проблескъ оживленія. Сѣдой старикъ священникъ, полный достоинства и кротости, остановился на минуту передъ барьеромъ ихъ трибуны, поджидая друга. Мэнистей потянулся впередъ и дотронулся до его плеча. Старецъ обернулся. Лицо его напоминало пергаментъ, щеки ввалились, но голубые глаза были совсѣмъ еще молодые и свѣтились необычайной чистотой души.

Мэнистей улыбнулся ему и выговорилъ съ какой-то особенной, почти дѣтской почтительностью:

— Вы присоединитесь къ намъ по томъ, за завтракомъ?

— Да, да.

Старикъ привѣтливо улыбнулся и кивнулъ головой. Въ это время подошелъ его другъ и обоихъ увело теченіемъ.

— Четверть одиннадцатаго,—сказалъ Мэнистей, зѣвая и глядя на часы.—А! слушайте!

Онъ вскочилъ на ноги. Въ одно мгновеніе половина занимавшихъ трибуну D, уже стояла на стульяхъ, въ томъ числѣ Элеонора и Люси. По собору пронесся гулъ, страстный, неописуемый. Люси затаила дыханіе.

Вотъ онъ наконецъ. великій старикъ! Онъ движется въ полосѣ яркаго солнечнаго свѣта, прорѣзавшаго весь соборъ съ юга на сѣверъ и коснувшагося часовни Святыхъ Даровъ, откуда выносятъ папу. Его бѣлая фигура, возвышающаяся надъ толпой, наклоняется во всѣ стороны; поднятая рука благословляетъ собравшихся. Онъ такъ хрупокъ, что кажется не человѣкомъ, а какимъ-то безтѣлеснымъ видѣніемъ; солнечный свѣтъ дѣлаетъ это видѣніе еще болѣе тонкимъ, легкимъ, духовнымъ. Онъ, какъ греза, паритъ надъ массами; не можетъ быть, чтобы это былъ живой человѣкъ!— это мысль, исторія, вѣра, принявшая человѣческій образъ,—образъ, въ которомъ «открылись помышленія многихъ сердецъ». Гулъ и говоръ волнами несутся по церкви, достигаютъ трибунъ. «Слышите?» съ улыбкой спрашиваетъ Мэнистей Элеонору въ то время, какъ нѣсколько папистовъ кричатъ «*Viva il Papa Re!*» Элеонора обращаетъ къ нему свое прелестное лицо, и тонкія черты мгновенно озаряются отвѣтнымъ энтузіазмомъ. Но она уже видѣла все это раньше. Ея глаза инстинктивно слѣдятъ за *его* взглядомъ и отражаютъ смѣну *его* настроеній.

Бѣдная Элеонора! ее мало занимаетъ само зрѣлище—одно біеніе сердца, одна улыбка человѣка, сидящаго возлѣ нея, важнѣе для нея всего остальнаго. А онъ, пробужденный наконецъ отъ своей апатіи, соколинымъ взоромъ обозрѣваетъ толпу, отмѣчая каждое движеніе старца, то и дѣло мысленно возвращаясь къ той или другой страницѣ своей книги, повторяя нѣкоторыя фразы, подчеркивая однѣ, исправляя другія.

Одна только Люси—пуританка, всѣмъ чужая здѣсь Люси, всецѣло отдается впечатлѣнію. Она ничѣмъ не выдаетъ себя, кромѣ трепетанія полураскрытыхъ губъ и чернаго кружева на ея груди; но внутренно она чувствуетъ, что все ея существо какъ бы растворяется, сливаясь съ этой охваченной энтузіазмомъ толпой. Это первое столкновеніе съ главными устоями католицизма, первое знакомство съ пышными зрѣлищами, которыхъ Европа была и зрительницей, и участницей еще со временъ Карла Великаго.

Люси глядитъ—и роскошная декорація вдругъ исчезаетъ, и передъ умственнымъ взоромъ ея встаетъ другая картина: крыльцо простенькаго, крытаго

гонтомъ дома; на крыльцѣ сидитъ дядя съ трубкой въ зубахъ и газетой на колѣняхъ, и грѣется въ лучахъ апрѣльскаго солнышка. Люси проходитъ мимо него въ чопорную гостиную, пропитанную запахомъ травъ, видитъ на стѣнѣ, въ рамкѣ, декларацію независимости, видитъ зеленыя вѣтки въ каминѣ, библію на столѣ, передъ каминомъ потертый коврикъ. Она вновь дышитъ атмосферой этого дома,—атмосферой независимости и строгой простоты, презрѣнія къ благамъ земнымъ и самоотреченія и вытекающей отсюда прочной свободы тѣла и души, гдѣ единственный властелинъ—совѣсть, намѣстникъ Бога въ храмѣ, созданномъ Имъ для себя на землѣ. А вдали — вѣки Люси опустились на мгновеніе и скрыли отъ нея происходящую передъ ней церемонію—слышатся совершенно явственно голоса ея земляковъ, молодые, звучные, сильные, и звукъ этихъ голосовъ будитъ отвѣтный трепетъ въ ея сердцѣ, жаждущемъ борьбы и самоотверженія, хотя наряду съ этимъ она видитъ и все низкое и уродливое, связанное съ нарожденіемъ новыхъ элементовъ, съ ростомъ и броженіемъ. Затѣмъ, съ гордой застѣнчивостью,—какъ человѣкъ, чувствующій себя чужимъ и только терпимымъ—она вновь возвращается къ несравненной сценѣ, разыгрывающейся у нея на глазахъ. Вѣдь этого не увидишь въ другой разъ; вѣдь это соборъ св. Петра, куполъ работы Микель-Анджело, а впереди между красными мантіями кардиналовъ и рядами гвардейцевъ, бряцающихъ оружіемъ, глядя какъ будто на нее одну, поднимая два блѣдныхъ, какъ воскъ, пальца для нея одной, въ бѣлой одеждѣ, съ тройной короной на головѣ, къ ней приближается папа.

Люси впивалась взоромъ въ его лицо, стараясь проникнуть дальше, разгадать его душу, но внутренній смыслъ видѣнія ускользалъ отъ нея. Она не хотѣла покориться; въ ней жила сила сопротивленія; ей хотѣлось крикнуть этому старику:—Я тебѣ чужая, я тебѣ врагъ! Но видѣніе царственно — величавое и спокойное все приближалось. Вотъ оно уже совсѣмъ, совсѣмъ близко! Всѣ опять сидятъ на мѣстахъ; головы клонятся, что колосья подъ вѣтромъ. Люси то же наклонила голову. Тронъ папы, несомый на плечахъ гвардейцами, отъ нея всего на разстояніи нѣсколькихъ футовъ. Она смутно дивится, какимъ образомъ, держась одною слабою рукой за ручку кресла и постоянно поднимая другую для благословленія, старецъ не теряетъ равновѣсія. Она схватываетъ взглядъ и выраженіе его глазъ, длинную тонкую линію закрытаго, беззубаго рта. Духъ и призракъ; воплощеніе прошлаго и носитель ключа къ будущему!

— Глаза сыщика jeux de police,—сказалъ со смѣхомъ Реджи Бруклинъ, обращаясь къ м-ссъ Бергойнъ, когда процессія миновала ихъ;—вы знаете, такъ про него всѣ говорятъ.

Мэнистей наклонился впередъ. На лицѣ его еще горѣлъ румянецъ возбужденія, но замѣчаніе Бруклина показалось ему забавнымъ, и онъ шутливо кивнулъ головой юношѣ.

Люси глубоко вздохнула и чары разсѣялись. Больше онѣ уже и не овладѣвали ею съ такою силой. Папа и его кортежъ исчезали за исповѣдальней, за главнымъ престоломъ, но и теперь вытянувъ шею и повернувъ голову направо, Люси могла видѣть вдали, какъ бы въ туманѣ, около самаго свода, подъ кресломъ св. Петра, кресло Льва XIII и бѣлую тѣнь, неподвижную прямую, окруженную свитой изъ кардиналовъ и дипломатовъ. Въ продолженіе послѣдовавшей за тѣмъ обѣдни, Люси испытывала то приливы, то отливы любопытства и сочувствія; въ мессѣ были моменты дивной красоты, но были и другіе, приносившіе съ собой разочарованіе и скуку. Съ рѣшетчатыхъ хоръ неслось пѣніе безъ аккомпанимента — тихое, нѣжное, выразительное—казалось, то одинъ мощный голосъ свободно звучалъ подъ сводами обширнаго храма; а въ главномъ алтарѣ кардиналы и епископы, въ клубахъ кадильнаго дыма, входили и выходили, преклоняли колѣна и вставали, снимали и опять надѣвали митры; пѣніе смѣнялось продолжительными паузами или короткими репликами; потомъ снова пѣлъ хоръ, и волны звуковъ рас-

носили по церкви звуки «*gloria*» или «*sanctus*».

Наконецъ, возношеніе даровъ! Зазвонилъ колокольчикъ, — и двойной рядъ солдатъ, отъ папскаго престола у западныхъ вратъ и до восточной двери, наполняя весь храмъ бряцаніемъ оружія, разомъ опускается на колѣни. Затѣмъ, опять звонъ, и они такъ же мгновенно поднимаются—гвардія нобилей въ туго натянутыхъ бѣлыхъ штанахъ и каскахъ съ орлами; швейцарцы—красные съ желтымъ, папская гвардія—красная съ голубымъ — и снова стоятъ недвижимо, какъ прежде. Это было похоже на дѣйствіе механизма какой-то гигантской игрушки. Но отчего же никто не обратилъ на нихъ вниманіе? Люси съ удивленіемъ осмотрѣлась вокругъ. Даже ирландскій священникъ позади нея — и тотъ едва наклонилъ голову. Никто не преклоняетъ колѣнъ. Большинство разговариваютъ между собою. А Элеонора Бергойнъ закрыла лицо своими длинными тонкими пальцами. Мэнистей сидитъ, откинувшись на спинку стула. При звонѣ оружія онъ на мигъ поднялъ голову и опять углубился въ чтеніе своей книги. Только у Люси замираетъ и бьется сердце. Между канделябрами главнаго алтаря мелькаютъ фигуры священниковъ. Лицо кардинала, правящаго обѣдню, на время исчезло и появилось снова. Согласно ученію католической церкви, въ тотъ моментъ, когда его не было видно свершилось великое—хлѣбъ и вино превратились въ кровь и тѣло Господне,—Богъ сошелъ на землю, принявъ образъ смертнаго. И никто не обратилъ на это вниманія! Люси озиралась вокругъ, но видѣла передъ собой лишь добродушно индифферентную, суетную любопытную огромную толпу, наполнявшую средній придѣлъ, и душа ея проникалась протестующимъ изумленіемъ.

Былъ, впрочемъ, еще одинъ «моментъ», совсѣмъ не похожій на великій моментъ появленія папы, но тѣмъ не менѣе прекрасный. Месса окончилась; между исповѣдальней и главнымъ придѣломъ воздвигли временную эстраду и внесли на нее папу, чтобъ онъ пропѣлъ апостольское благословеніе.

Эстрада всего въ какихъ-нибудь десяти шагахъ отъ Мэнистея, который сидитъ ближе всѣхъ къ барьеру. Красный кардиналъ съ требникомъ въ рукахъ; группы гвардейцевъ, духовенство и высшіе сановники; каждая деталь въ пышномъ одѣяніи папы, даже болѣе — каждая черточка изрытаго морщинами лица и костлявыхъ рукъ—все это Люси видитъ совершенно ясно. Среди внезапно водворившагося молчанія раздается дрожащій голосъ, и пятьдесятъ тысячъ человѣкъ внимаютъ ему, затаивъ дыханіе и напрягая слухъ.

Ахъ, какъ слабъ этотъ голосъ! Усиліе слишкомъ велико для такого истощеннаго, такого дряхлаго организма. Какъ можно требовать отъ него такихъ усилій, какъ можно допускать ихъ! Люси съ тревогой ждетъ, что вотъ-вотъ голосъ сорвется. Но нѣтъ! Папа испускаетъ глубокій вздохъ—вздохъ слабости («Ah! poveretto!—въ порывѣ состраданія восклицаетъ женщина, сидящая рядомъ съ Люси), потомъ опять начинаетъ пѣть, снова вздыхаетъ и снова поетъ. Лицо Люси пылаетъ, краска выступила на ея щекахъ, глаза полны слезъ. Что можетъ быть трогательнѣе этой слабости, этой настойчивости, которая торжествуетъ, побѣдивъ слабость. Лицо старика въ папской тіарѣ хрупко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непреклонно. На глазахъ пятидесяти тысячъ человѣкъ папа вздыхаетъ, потому что онъ старъ и слабъ и бремя служенія его велико; но и вздыхая, онъ сохраняетъ полную простоту, достоинство, мужество. Ни слѣда стоическаго скрыванія своихъ ощущеній, но и ни слѣда колебаній. Онъ поетъ, и весь соборъ внимаетъ въ благоговѣйной тишинѣ.

Затѣмъ наступаетъ моментъ прострацiи. Длинныя, тонкія губы смыкаются, верхняя челюсть выпячивается впередъ, вѣки закрываются сами собой, все тѣло въ изнеможеніи опускается ..

Но въ это время гвардейцы поднимаютъ тронъ и папа мгновенно преодолѣваетъ себя. Онъ открылъ глаза и собираетъ силы для послѣдняго усилія. Бѣлѣе своей пышной бѣлой мантіи, онъ поднимается, держась за ручку трона, поднимаетъ кверху тонкія, какъ у ске-

лета, пальцы на половину обтянутой перчаткой правой руки и испытующимъ взоромъ окидываетъ толпу. Люси съ рыданіемъ падаетъ на колѣни.

Когда папу пронесли мимо, какая-то невѣдомая сила заставила дѣвушку поднять голову и глаза ея встрѣтились съ глазами Мэнистея. Она мгновенно отвела свои глаза, но успѣла подмѣтить въ его взглядѣ смѣсь насмѣшки и торжества и щеки ея вспыхнули яркимъ румянцемъ.

На площади, когда она спѣшила къ своему экипажу, пробиваясь сквозь толпу, Мэнистей догналъ ее.

— Однако, на васъ это произвело сильное впечатлѣніе, — сказалъ онъ, пытливо вглядываясь въ ея лицо.

Дѣвушка была слегка задѣта его тономъ.

— Да, но тутъ дѣло не въ папѣ, а въ томъ, что онъ такой старецъ, — быстро возразила она.

— Надѣюсь, что это не такъ; иначе вы, значитъ, не постигли смысла всего происходившаго.

— Почему? Развѣ нельзя находить трогательнымъ и...

— Нѣтъ, никакъ нельзя. Причемъ тутъ самъ человѣкъ или его возрастъ? Эти церемоніи оттого производятъ такое потрясающее впечатлѣніе, что между этимъ человѣкомъ и святымъ Петромъ существуетъ непрерывная преемственная связь; что подъ ногами его, смѣшанныя съ землей, лежатъ кости, если не самого Петра, то, во всякомъ случаѣ, людей, которые знали его; что половина цивилизованнаго міра признаетъ его намѣстникомъ св. Петра на землѣ; что черезъ 500, можетъ быть, черезъ 1000 лѣтъ— въ этомъ соборѣ, по всей вѣроятности, будетъ служить другой папа, который будетъ поддерживать тѣ же традиціи и предъявлять тѣ же требованія.

— Но если вы не признаете этихъ традицій и требованій, неужели же нельзя испытывать просто человѣческій интересъ?

— Конечно, если вамъ угодно стать на вульгарную, мѣщанскую точку зрѣнія, — на точку зрѣнія грошоваго интервьюера... Что же! Это ваше дѣло.

И онъ съ насмѣшкой, почти грубо пожалъ плечами. Глаза дѣвушки сверкнули. Когда ему хотѣлось разбить и опровергнуть чье-нибудь мнѣніе, не пришедшееся ему по вкусу, въ немъ всегда проявлялся избалованный, взрослый ребенокъ. Ей хотѣлось бы пойти домой пѣшкомъ и поспорить съ нимъ; церемонія, взволновала ее и теперь ей было бы легче говорить, но въ эту минуту послышался голосъ м-рсъ Бергойнъ:

— О, радость! вотъ нашъ экипажъ! А Реджи другой. Эдуардъ, посадите тетю Пэтти,—мы ужъ сами позаботимся о себѣ.

Вскорѣ вся компанія, разсѣвшись въ небольшихъ римскихъ колясочкахъ, катила по улицамъ Рима. Они проѣхали мимо Капитолія, обогнули подножіе Палатинскаго холма и направились къ Авентинскому, гдѣ ихъ ждалъ завтракъ на открытомъ воздухѣ въ *тратторіи*, рекомендованной м-ромъ Бруклиномъ.

М-ссъ Бэргойнъ, Люси и м-ръ Ванборо Ниль ѣхали вмѣстѣ. М-ссъ Бэргойнъ съ м-ромъ Нилемъ говорили о церемоніи; Люси попыталась было въ застѣнчивыхъ выраженіяхъ высказать свое удовольствіе и признательность, но потомъ смолкла и только слушала. Скоро она замѣтила, что м-ссъ Бэргойнъ совсѣмъ не интересуется предметомъ разговора. Подъ чернымъ вуалемъ ея тонкая фигура казалась еще болѣе хрупкой и сама она блѣднѣе обыкновеннаго; глаза ея потемнѣли и Люси казалось, что это не отъ усталости а отъ чего-то другого, не имѣвшаго никакого отношенія къ церемоніи. Она неожиданно наклонилась впередъ и, понизивъ голосъ, спросила м-ра Ниля:

— Вы прочли?

Онъ тоже наклонился къ ней, улыбаясь не безъ смущенія.

— Да, прочелъ. Придется сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Вы не обидитесь?

Она умоляющее подняла руки.

— Развѣ это необходимо?

— Я думаю, да—для пользы самой же книги. Очень можетъ быть, что я ошибаюсь, что я кругомъ не правъ, я вѣдь только голосъ изъ публики. Но я думаю, что ему,—что вамъ обоимъ именно это нужно, такъ вѣдь?

Она согласилась, потомъ отвернулась и не сказала больше ни слова до конца пути.

Но лицо ея сразу вытянулось и будто постарѣло. Линіи, проведенныя на немъ годы назадъ болѣзнью и горемъ, неожиданно выступили съ поражающей ясностью.

Человѣкъ, сидѣвшій, напротивъ нея по изяществу внѣшности почти не уступалъ Элеонорѣ. У него было длинное лицо съ высокимъ лбомъ, обрамленнымъ сѣдѣющими кудрями, съ утонченными линіями рта и подбородка. Подбородокъ былъ немножко коротокъ, что съ перваго взгляда производило впечатлѣніе слабости, но впечатлѣніе это скоро разсѣивалось: линіи рта, да и вообще всѣ черты лица были тонки, но энергичны. Люси знала о немъ только, что онъ профессоръ кембриджскаго университета, большой знатокъ классической археологіи, старой другъ и учитель Мэнистея. Имя его не разъ упоминалось на виллѣ въ присутствіи Люси и всегда съ какой-то особенной почтительностью, выдѣлявшей его изъ ряда другихъ именъ. По разнымъ признакамъ, она догадалась, что прежде, чѣмъ сдать въ печать свое произведеніе, м-ръ Мэнистей хотѣлъ воспользоваться пріѣздомъ стараго друга въ Римъ, чтобы узнать его мнѣніе.

Какъ хорошъ былъ этотъ апрѣльскій день на Авентинской террасѣ! Стоя у низенькаго парапета, обвитаго побѣгами ползучихъ розъ, образовавшихъ бѣлый шатеръ надъ ресторанными столиками, Люси и миссъ Мэнистей любовались крутыми склонами и царственными развалинами Палатина, чудными группами церквей на Целеонѣ и низкими, усѣянными виллами кряжами направо, постепенно переходившими въ Кампанью. Вдали высились голубыя Сабинскія горы—«насквозь пронизанныя солнцемъ», одинаково ласково взирающія и на убѣжище Горація, и на часовню св. Венедикта. Какъ отчетливо выдѣлялись на этомъ перламутровомъ небѣ очертанія стѣнъ и деревьевъ! Какъ роскошно цвѣли цвѣты въ сосѣднихъ садахъ! Сколько развалинъ было кругомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сколько жизни!

На нижней террасѣ прохаживались Мэнистей съ м-ромъ Нилемъ.

— Онъ такой умница, — вздохнула, глядя на нихъ тетя Пэтти.—Я надѣюсь только, что онъ не станетъ обезкураживать Эдуарда.

Говоря это, она смотрѣла не на Мэнистея, а на Элеонору, которая сидѣла тутъ же и дѣлала видъ, что разговариваетъ съ Реджи Бруклиномъ, но на самомъ дѣлѣ слѣдила за тѣмъ что происходило внизу. Пріѣхали другіе гости и, между прочимъ, высокій священникъ съ красивымъ лицомъ, разговаривавшій съ Мэнистеемъ въ соборѣ. Онъ вошелъ съ робкимъ видомъ, замѣтно конфузясь. Элеонора пошла ему на встрѣчу усадила его возлѣ себя и старалась занять его до прихода Мэнистея, но онъ видимо чувствовалъ себя неловко въ обществѣ дамъ. Онъ пряталъ руки въ рукава сутаны и отвѣчалъ по большей части, односложными: «да» или «нѣтъ».

— Скоро изъ за него поднимется страшный шумъ,—шепнула тетя Пэтти на ухо Люси.—Онъ написалъ книгу,—не знаю о чемъ, но только она будетъ запрещена. Эдуардъ говоритъ, что онъ совершенно правъ, но и тѣ будутъ правы, если запретятъ ее. Не правда ли, какъ это странно?

Когда Мэнистея и м-ра Нила позвали къ завтраку, послѣдній поднялся по ступенькамъ съ нѣсколько сконфуженнымъ видомъ человѣка, который исполнилъ свой долгъ и въ награду за труды чувствуетъ, что онъ вмѣшался не въ свое дѣло. Завтракъ прошелъ не весело. Мэнистей или угрюмо молчалъ, или спорилъ съ иностраннымъ священникомъ, отцомъ Бенеке, по поводу нѣкоторыхъ инцидентовъ въ одномъ изъ южно-германскихъ университетовъ, взволновавшихъ въ послѣднее время католическій міръ. Съ дамами онъ почти не разговаривалъ и меньше всѣхъ съ Элеонорой Бергойнъ. Ей и тетѣ Пэтти поневолѣ пришлось взять на себя весь трудъ занимать гостей, приглашенныхъ Мэнистеемъ — извѣстнаго французскаго журналиста, члена англійскаго парламента съ дочерью и итальянца сенатора съ женой англичанкой. Тетя Пэтти

нервничала и болтала безъ умолку, словно боясь, какъ бы вдругъ не наступило молчаніе; Элеонора шутила съ Реджи Бруклиномъ и была мила съ остальными гостями.

Тѣмъ не менѣе, когда гости начали расходиться, Реджи, все время тревожно посматривающій въ сторону Элеоноры, подошелъ къ Люси и шепнулъ, сердито крутя усы:

— М-ссъ Бергойнъ совсѣмъ измучена. Вы бы присмотрѣли за нею.

Люси нѣсколько волновалась, чувствуя на себѣ такую отвѣтственность, но, тѣмъ не менѣе, сдѣлала все, что могла.

Она убѣдила тетю Пэтти не ѣздить съ визитами и пораньше вернуться на Маринату, за что удостоилась милостиваго одобренія м-ра Реджи. Усадивъ дамъ въ вагонъ, онъ соскочилъ на платформу, приподнялъ шляпу, потомъ поклонился ей отдѣльно и улыбнулся. Мэнистей и м-ръ Ниль должны были пріѣхать позднѣе. Лишь только поѣздъ понесся по равнинѣ Кампаньи, Элеонора откинулась въ уголокъ съ невольнымъ вздохомъ облегченья.

— Милочка моя, вы страшно устали!—воскликнула миссъ Мэнистей.

— Нѣтъ.

М-ссъ Бергойнъ сняла шляпу, которой она, по выходѣ изъ церкви, замѣнила свой черный вуаль, и закрыла глаза. Ея поза, полная грустной покорности, глубоко тронула Люси. Дѣвушка была убѣждена, что Элеонора испытываетъ не только физическую усталость, но глубокое разочарованіе и уныніе. О причинахъ Люси могла только догадываться, но чувствовала, что онѣ несомнѣнно имѣютъ отношеніе къ м-ру Мэнистею и его книгѣ. И опять, какъ уже было разъ, въ душѣ ея, не вѣдомо почему, поднялось негодованіе. Она чувствовала, что передъ нею беззавѣтная преданность, очень плохо вознагражденная, дружба, которую тираннически эксплоатируетъ болѣе сильный мужчина. Съ какой стати онъ ведетъ себя такъ, какъ будто м-ссъ Бергойнъ виновата въ томъ, что его книга вышла неудачной? Взять все ея время и силы, заморить ее на работѣ и потомъ, если что-нибудь неладно, молча взвалить отвѣтственность на нее! Какъ это похоже на него! Безсовѣстный эгоистъ! И какъ это не вмѣшается миссъ Мэнистей!

На виллѣ потянулись дни унылые.

Повидимому, м-ръ Ниль остался недоволенъ цѣлымъ отдѣломъ книги; его критика была рѣзка, но Мэнистей не находилъ доводовъ, чтобы опровергнуть ее. Друзья цѣлыми часами ходили по аллеямъ сада и спорили; м-ръ Ниль говорилъ кроткимъ примирительнымъ тономъ, но оставался непоколебимъ; Мэнистей возмущался, негодовалъ, но, въ концѣ концовъ, всегда покорялся. Случалось, что онъ цѣлый день упорно отстаивалъ свою точку зрѣнія, даже обижался, что его мнѣнія не раздѣляютъ, и вдругъ совершенно неожиданно уступалъ. Люси не безъ удивленія убѣдилась, что подъ его эгоистической внѣшностью кроется человѣкъ, до странности дорожащій мнѣніемъ двухъ-трехъ людей, однимъ изъ которыхъ былъ, повидимому, м-ръ Ниль. Его зависимость отъ нихъ доходила до крайности. Онъ настаивалъ, доказывалъ, спорилъ, но въ сущности былъ убѣжденъ, что долженъ писать такъ, чтобы это нравилось его друзьямъ и той публикѣ, мнѣніемъ которой онъ интересовался. Въ сущности онъ былъ прирожденный ораторъ, только не говорящій, а пишущій для публики, рабъ похвалъ, страстно гоняющійся за славой; и тѣмъ болѣе страннымъ казалось его полное равнодушіе къ мнѣніямъ другихъ о его поступкахъ. Онъ жилъ для собственнаго удовольствія, но писалъ, чтобы его читали, и въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ основаніе довѣрять инстинкту нѣкоторыхъ друзей и въ томъ числѣ м-ра Ниля.

Надо, однако, отдать ему справедливость, онъ придавалъ такую большую цѣну мнѣнію м-ра Ниля еще и потому, что былъ чрезвычайно привязанъ къ своему другу. М-ръ Ниль былъ, повидимому, ревностнымъ членомъ англиканской церкви, очень религіознымъ и набожнымъ. Въ общемъ, онъ соглашался съ тезисами Мэнистея, но между ними было то глубокое различіе, какое бываетъ между двумя людьми,

изъ которыхъ для одного все, что касается религіи, представляетъ глубокій, личный интересъ, для другого же имѣетъ не больше значенія, чѣмъ марки въ игрѣ. Для Мэнистея, напримѣръ, католицизмъ и ученіе англиканской церкви было только великими политическими силами, долженствующими, по его любимому выраженію, «создать соціальную солидарность», служить гарантіей порядка и законности и поддерживать въ націяхъ этическій идеалъ, который быстро глохнетъ подъ вліяніемъ цивилизаціи.

На эту тему онъ готовъ былъ говорить безъ конца, дѣйствуя на собесѣдника то краснорѣчіемъ, то сарказмомъ, упиваясь собственными фразами и остроуміемъ доводовъ; въ то время, какъ Ванборо Ниль, съ своими сѣдыми кудрями и прелестными свѣтло-голубыми глазами, сидѣлъ передъ нимъ, высокій и худой, немного чопорный, несмотря на свою изысканную любезность и всегда готовый подчеркнуть острымъ, мѣткимъ словомъ всякое преувеличеніе или неискренность, при чемъ Мэнистей моментально краснѣлъ и терялся. О многихъ вещахъ онъ явно избѣгалъ говорить, отдѣлываясь умалчиваніями или насмѣшкой, подъ которой скрывалось глубокое и потому стыдливое чувство; и эта сдержанность яснѣе словъ показывала, какая бездна лежитъ между литературнымъ и практическимъ христіанствомъ.

Тѣмъ не менѣе оба любили другъ друга. Это сказывалось во всемъ. У Ванборо Ниля также были свои слабости—слабости человѣка, который долго жилъ одинъ и принужденъ, какъ старая дѣвушка, заботиться о своемъ здоровьѣ и нервахъ, потому что организмъ его очень хрупокъ. У него были причуды, иногда весьма странныя и проявлявшіяся весьма неожиданно. Сегодня онъ не могъ ходить, завтра не могъ ѣсть, ѣзда для него не существовала, а солнца онъ избѣгалъ, какъ чумы. А то вдругъ онъ убѣждался, что ему необходимо движеніе, холодныя ванны, дальнія прогулки. Но все это у него выходило такъ мило, что и причуды его были пріятнѣе, чѣмъ у иного здравыя сужденія и поступки. Казалось бы однако, что такія причуды въ пріятелѣ должны были скоро наскучить такому человѣку, какъ Мэнистей. Ничуть не бывало! Въ такихъ случаяхъ его добродушіе и терпѣливость не знали границъ.

Однажды, когда Мэнистей уже расположилъ извѣстнымъ образомъ весь свой день и потомъ принужденъ былъ все передѣлывать изъ-за фантазіи м-ра Ниля, тотъ сказалъ м-ссъ Бергойнъ въ присутствіи Люси: «Ну, развѣ онъ не *bon enfant*?» И въ голосѣ его прозвучала такая нѣжность, что молодая дѣвушка была даже удивлена.

— Онъ научился баловать *васъ*,— сказала Элеонора съ мимолетной улыбкой и тотчасъ же перемѣнила разговоръ.

Люси взглянула на нее, и у нея сжалось сердце.

Ничто не могло быть удивительнѣе перемѣны, происшедшей въ обращеніи Мэнистея съ его вѣрнымъ товарищемъ и секретаремъ. Онъ пересталъ систематически работать надъ своей книгой, теперь онъ уже заводилъ рѣчь о томъ, чтобы отложить окончаніе ея на неопредѣленное время и казалось, что съ перемѣной его намѣреній, м-ссъ Бергойнъ, какъ бы перестала для него существовать. Онъ уже не спрашивалъ ея мнѣнія; онъ совѣтовался съ м-ромъ Нилемъ. Нерѣдко м-ръ Ниль, движимый рыцарскимъ чувствомъ, настаивалъ на томъ, чтобы Элеонора принимала участіе въ ихъ совѣщаніяхъ, но Мэнистея это стѣсняло—онъ сразу становился неподатливъ и молчаливъ. Все это было очень характерно и говорило краснорѣчивѣе словъ, что въ душѣ его живетъ по отношенію къ ней затаенная враждебность, обида, которой онъ однако же не умѣлъ ни формулировать для самого себя, ни высказать ей.

Съ другой стороны—и это было, пожалуй, неизбѣжно—онъ началъ обращать гораздо больше вниманія на Люси Фостеръ и въ разговорѣ съ нею искать выхода изъ своего затруднительнаго положенія. Онъ находилъ забавнымъ дразнить ее, а поводовъ къ этому было достаточно. Теперь она стала не такъ робка, а ея скрытое неодобреніе его по-

ступковъ развязало ей языкъ. Его нападки и ея удачныя реплики были теперь обычной злобой дня. Миссъ Мэнистей и м-ръ Ниль прислушивались къ ихъ спорамъ съ полускрытой улыбкой, наслаждаясь нѣсколько рѣзкой искренностью дѣвушки и комическою жилкой, нерѣдко обнаруживавшейся въ ней теперь, когда она стала чувствовать себя болѣе «дома».

— Какъ она измѣнилась! Всѣ американки такія—удивительно переимчивыя, думала про себя миссъ Мэнистей, наблюдая по вечерамъ, какъ ея племянникъ дразнилъ, разсуждалъ или препирался съ Люси Фостеръ. Она казалась такъ очаровательно молода и свѣжа; граціозныя линіи новой прически, навязанной ей Элеонорой, такъ гармонировали съ чистымъ оваломъ ея лица съ большими глазами и гладкимъ бѣлымъ лбомъ. Она любила сидѣть, сложивъ руки на колѣняхъ; длинные тонкіе ея пальцы обыкновенно играли съ цвѣткомъ, вынутымъ изъ за пояса. Вся ея стройная дѣвичья фигура дышала силой и достоинствомъ. Она казалась олицетвореніемъ молодой Америки, мыслящей, изслѣдующей и рѣшающей сама за себя—не позволяющей старой Европѣ запугать себя или держать себя въ черномъ тѣлѣ.

Элеонора между тѣмъ продолжала быть неизмѣнно любезной какъ съ Люси, такъ и со всѣми домашними, хотя въ ея любезности сквозила иногда нотка неприступности, отодвигавшая ея собесѣдника на почтительное разстояніе, и говорила она чуть-чуть свысока, какъ умѣютъ говорить свѣтскія женщины. Она такъ же внимательно,—даже внимательнѣе прежняго, слѣдила за туалетами Люси. Для молодой дѣвушки это было постояннымъ источникомъ сокрушенія и стыда. Кто она такая, чтобы м-ссъ Бергойнъ такая умная, такая изящная тратила на нее столько времени и такъ заботилась о ней? Но иногда она не могла не замѣчать, что м-ссъ Бергойнъ рада и этому занятію. До сихъ поръ ея дни были полны черезъ край;—теперь они были пусты. Она ничего не говорила, читала новыя книги, разговаривала съ домашними, учила служанокъ, но Люси угадывала въ ней затаенное страданіе.

Однажды вечеромъ, приблизительно черезъ недѣлю послѣ пріѣзда м-ра Ниля, Мэнистей былъ угнетенъ болѣе обыкновеннаго. Онъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ измѣнить свою книгу, но остался недоволенъ, собой. Послѣ обѣда въ гостинной, разсказывая о нихъ м-ру Нилю, онъ не могъ удержаться, чтобы не выразить досады на то, что зимой у него пропало столько времени даромъ. Комната была большая, друзья сидѣли въ уголкѣ и Мэнистей говорилъ вполголоса, но голосъ его былъ звученъ и невольно врѣзывался въ память, какъ и вся его личность.

Элеонора Бергойнъ неожиданно встала и неслышной поступью приблизилась къ миссъ Мэнистей.

— Милая тетя Пэтти, не вставайте, пожалуйста,— сказала она, наклоняясь надъ старушкой.—Я устала, пойду спать.

Мэнистей обернулся, когда она встала и подошелъ къ ней.

— Элеонера, мы, кажется, зашли сегодня слишкомъ далеко?

Она улыбнулась, но не отвѣтила. Онъ собралъ ея вещи и зажегъ для нея свѣчу, стоявшую на боковомъ столикѣ.

Когда она проходила мимо него къ двери, онъ украдкой поглядѣлъ на нее и понурилъ голову. Потомъ пожалъ ея руку и сказалъ такъ, что только она могла слышать:

— Мнѣ слѣдовало бы оставить свои сожалѣнія про себя.

Она покачала головой и слабо усмѣхнулась:

— Это было бы въ первый разъ.

Рука ея опустилась, и она вышла изъ комнаты. Мэнистей вернулся на свое мѣсто разстроенный. Совѣсть упрекала его въ томъ, что онъ обходился съ ней тиранически и вымещалъ на ней свое дурное расположеніе духа. Ему было досадно на себя, и онъ хотѣлъ сказать это ей. Но какъ-то выходило такъ, что самая ея кротость и деликатность, не позволяющая ей жаловаться, только развивала въ немъ придирчивость и мелкій эгоизмъ.

———

Ночью лилъ дождь и дулъ сирокко. Въ эту ночь Элеонора писала въ своемъ дневникѣ:

«Кончитъ ли онъ когда-нибудь свою книгу? Очень можетъ быть, что все это была ошибка. Однако же, когда онъ начиналъ ее, онъ былъ страшно удрученъ. Теперь—нѣтъ. Что бы ни случилось потомъ, книга была для него спасеніемъ.

«Да, я думаю, онъ кончитъ. Онъ не захочетъ отказаться отъ успѣха, въ которомъ онъ почти увѣренъ. Но онъ будетъ кончать ее съ нетерпѣніемъ и отвращеніемъ; онъ разлюбилъ свое произведеніе и все, что съ нимъ связано. Сегодня онъ говорилъ какъ разъ о томъ, въ чемъ я больше всего принимала участія, о тѣхъ главахъ, которыя всего тѣснѣе сближали насъ. Какъ мы были счастливы, когда писали ихъ! А теперь—какая разница!

«Странно, какъ онъ теперь оживляется, когда говоритъ съ Люси Фостеръ. А она даже не понимаетъ, какая честь для нея быть его собесѣдницей, пользоваться его вниманіемъ! Сколько женщинъ позавидовали бы ей! Ея застѣнчивость исчезла, она не волнуется, она держитъ себя съ нимъ, какъ съ равнымъ. Не будь это такъ смѣшно, я, пожалуй, сердилась бы.

«Онъ ей не нравится, она постоянно критикуетъ его; а онъ и подавно не можетъ ни понимать ее, ни симпатизировать ей; но для него она выходъ изъ затруднительнаго положенія. Какъ онъ гордъ и презрителенъ съ женщинами! Притомъ золъ и своенравенъ. Я часто желала, чтобы онъ былъ добрѣе и великодушнѣе...

«...Черезъ три недѣли будетъ опять годовщина—девятая. Зачѣмъ я еще живу? Какъ часто я задавала себѣ этотъ вопросъ! Гдѣ мое мѣсто? Кому я нужна? Мое дитя, если оно еще существуетъ, одиноко—*тамъ*. А я все еще здѣсь. Отчего я не нахожу въ себѣ мужества соединиться съ нимъ? Доктора обманули меня. Они меня увѣрили, что это не протянется долго. А теперь мнѣ лучше, гораздо лучше. Будь я счастлива, я была бы совсѣмъ здорова.

«Какъ утомительна эта итальянская весна—вѣчный вѣтеръ, горячія облака, набѣгающія съ Кампаньи! *Que vivre est difficile ô mon coeur fatigué*!»

---

*) «Какъ тяжело жить, о мое усталое сердце!»

кое изслѣдованіе вліянія всей природы на живой міръ должно исходить изъ того *основною положенія*, что *всѣ живыя существа* суть *продукты физическихъ вліяній*, еще и теперь существующихъ и измѣнившихся только въ силѣ и направленіи». Этимъ, по выраженію самого Тревирануса, рѣшается основная проблема біологіи» и, прибавимъ мы къ этому, рѣшается въ строго монистическомъ или механическомъ смыслѣ.

Обыкновенно, славу выдающагося нѣмецкаго натурфилософа воздаютъ не Тревиранусу и не Гёте, а Лоренцу Окену; послѣдній съ своей позвоночной теоріей черепа выступилъ соперникомъ Гёте, къ которому не особенно дружелюбно былъ настроенъ. При совершенно различной натурѣ обоихъ великихъ людей, жившихъ нѣкоторое время въ близкомъ сосѣдствѣ, разумѣется, они не могли сойтись. Учебникъ натурфилософіи Окена, выдающееся произведеніе нѣмецкой натурфилософской школы того времени, появился въ томъ же году (1809), когда было издано фундаментальное произведеніе Ламарка, «Философія зоологіи». Окенъ уже въ 1802 году опубликовалъ свои «Основные очерки натурфилософіи». Какъ уже раньше было указано, у Окена въ массѣ ошибочныхъ, частью странныхъ и фантастическихъ представленій есть нѣсколько цѣнныхъ и глубокихъ мыслей. Нѣкоторыя изъ нихъ только въ послѣднее время, много лѣтъ спустя послѣ опубликованія ихъ постепенно проникли въ науку. Здѣсь будутъ упомянуты только двѣ изъ нихъ, частью пророчески высказанныя мысли, тѣснѣйшимъ образомъ связанныя съ теоріей развитія.

Важнѣйшая изъ теорій Окена, столь обезславленная въ то время и столь страстно оспариваемая такъ называемыми точными эмпириками, содержала въ себѣ идею, что всѣ жизненныя явленія всѣхъ организмовъ исходятъ изъ одного общаго химическаго вещества, въ нѣкоторомъ смыслѣ, общей простой жизненной матеріи, названной Океномъ «первичной слизью». Подъ этимъ словомъ онъ подразумѣвалъ, какъ показываетъ самое имя, слизистое вещество, бѣлковое соединеніе, находящееся въ полужидкомъ состояніи и обладающее способностью путемъ приспособленія къ различнымъ условіямъ внѣшняго міра и при посредствѣ взаимодѣйствія съ матеріей послѣдняго давать всевозможныя формы. Стоило только замѣнить слово первичная слизь словомъ *протоплазма* или *клѣточное вещество*, чтобы получить величайшее научное достояніе, обязанное своимъ появленіемъ позже примѣненнымъ микроскопическимъ изслѣдованіямъ особенно Макса Шульце. Этими изслѣдованіями доказано, что во всѣхъ безъ исключенія живыхъ тѣлахъ содержится нѣкоторое количество слизистой, бѣлкообразной матеріи въ полужидкомъ состояніи, и что это углеродистое соединеніе, содержащее также азотъ, исключительно является первоначальнымъ носителемъ и возбудителемъ всѣхъ жизненныхъ явленій и образованія всѣхъ органическихъ формъ. Всѣ другія вещества, находящіяся еще, кромѣ того, въ организмѣ, образованы этимъ активнымъ жизненнымъ веществомъ или восприняты снаружи. Органическое яйцо, первоначальная клѣтка, изъ которой первоначально развивается всякое животное и всякое растеніе, состоитъ главнымъ образомъ изъ круглаго комка такой бѣлкообразной матеріи. Желтокъ также представляетъ бѣлокъ, смѣшанный съ жировыми зернышками. Такимъ образомъ, Окенъ дѣйствительно былъ правъ, высказавъ, скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, слѣдующее положеніе: «все органическое образовано изъ слизи, представляетъ не что иное, какъ различнымъ образомъ видоизмѣненную слизь. Эта

первичная слизь возникла въ морѣ изъ неорганической матеріи вслѣдствіе планетнаго развитія.»

Къ теоріи первичной слизи Окена, въ существенныхъ чертахъ совпадающей съ твердо обоснованной новѣйшей *теоріей протоплазмы*, тѣсно примыкаетъ другая, столь же величественная идея того же натурфилософа. Уже въ 1809 году Окенъ утверждалъ, что происходящая въ морѣ путемъ первичнаго зарожденія первичная слизь тотчасъ принимаетъ форму маленькихъ микроскопическихъ пузырьковъ, которые онъ назвалъ *инфузоріями*. «Органическій міръ въ своемъ основаніи имѣетъ безконечное множество такихъ пузырьковъ». Пузырьки происходятъ изъ первоначальныхъ полужидкихъ шариковъ первичной слизи путемъ сильнаго сгущенія периферическаго слоя послѣднихъ. Простѣйшіе организмы суть простые такіе пузырьки или инфузоріи. Каждый высшій организмъ, каждое животное и каждое растеніе болѣе совершеннаго вида не что иное, какъ скопленіе (синтезъ) такихъ инфузоріальныхъ пузырьковъ, которые, благодаря различнымъ комбинаціямъ, принимаютъ различныя формы и выростаютъ въ высшіе организмы. И здѣсь достаточно только замѣнить слово пузырекъ или инфузорію словомъ *клѣтка*, чтобы получить одну изъ величайшихъ біологическихъ теорій нашего столѣтія, *клѣточную теорію*. Шлейденъ и Шваннъ впервые въ 1838 году доставили эмпирическія доказательства, того что всѣ организмы суть или простыя клѣтки, или скопленіе (синтезы) такихъ клѣтокъ, и позднѣйшая теорія протоплазмы показала, что существенная (и до сихъ поръ единственная!) составная часть настоящей клѣтки—протоплазма (первичная слизь). Тѣ свойства, которыми Окенъ надѣляетъ своихъ инфузорій, точно также суть свойства элементарныхъ индивидовъ, изъ скопленія, соединенія и разнообразнаго развитія которыхъ возникаютъ высшіе организмы.

Объ эти чрезвычайно плодотворныя мысли Окена вслѣдствіе абсурдной формы изложенія ихъ очень мало были признаны или даже совсѣмъ не были признаны, и только значительно болѣе позднему времени суждено было обосновать ихъ опытнымъ путемъ. Въ тѣснѣйшей связи съ этими представленіями стоятъ также другія основныя положенія его ученія развитія. О происхожденіи человѣческаго рода онъ такъ выразился: «человѣкъ не созданъ, а развитъ». Какъ ни велики въ натурфилософіи Окена произвольныя утвержденія и неумѣренный полетъ фантазіи, однако они не могутъ помѣшать намъ воздать должное удивленіе великимъ и далеко опередившимъ то время идеямъ его. Насколько видно изъ приведенныхъ утвержденій Гёте и Окена и выяснится при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи взглядовъ Ламарка и Жофруа, въ первыя десятилѣтія нашего столѣтія никто не стоялъ такъ близко къ основанной Дарвиномъ естественной теоріи развитія, какъ столь осмѣянная натурфилософія.

ПЯТАЯ ЛЕКЦІЯ.

Теорія развитія Канта и Ламарка.

Заслуги Канта въ теоріи развитія.—Его монистическая космологія и дуалистическая біологія.—Противорѣчіе механическаго и телеологическаго міровоззрѣнія.—Сравненіе генеалогической біологіи съ сравнительнымъ языковнаніемъ. — Взгляды въ смыслѣ теоріи измѣняемости видовъ. Леопольда Буха, Бера, Шлендена, Унгера, Шаффгаузена, Виктора Каруса, Бюхнера.—Французская натурфилософія.—Философія зоологіи Ламарка. — Монистическая (механическая) система природы Ламарка. — Его взгляды на взаимодѣйствіе обѣихъ органическихъ образовательныхъ силъ, наслѣдственности и приспособленія. — Взгляды Ламарка на развитіе человѣческаго рода изъ обезьяноподобныхъ млекопитающихъ.—Защита Жофруа С. Илеромъ, Ходиномъ, Лекокомъ теоріи измѣняемости видовъ.—Англійская натурфилософія.—Взгляды въ пользу теоріи измѣняемости видовъ Эразма Дарвина, В. Герберта, Гранта, Фреке, Герберта Спенсера, Гукера, Гексли.—Двойная заслуга Чарльза Дарвина.

Телеологическое міровоззрѣніе, объясняющее явленіе органической природы цѣлесообразной дѣятельностью личнаго создателя или разумной конечной причины, приводитъ, въ концѣ концовъ, къ непримиримымъ противорѣчіямъ. Это двойственное, дуалистическое міропониманіе кореннымъ образомъ противорѣчитъ всюду замѣчаемому единству и простотѣ высшихъ законовъ. Философы, преданные этой телеологіи, необходимо должны принимать двѣ глубоко-различныхъ природы: *неорганическую природу*, объясняемую *механическимъ* дѣйствіемъ причинъ (causae efficientes), и органическую природу, объясняемую въ противоположность первой *цѣлесообразнымъ* дѣйствіемъ причинъ (causae finales).

Этотъ дуализмъ особенно бросается въ глаза при разсмотрѣніи представленій о происхожденіи видовъ въ міросозерцаніи одного изъ величайшихъ нѣмецкихъ философовъ Канта. Ближайшее разсмотрѣніе этихъ представленій является весьма умѣстнымъ уже потому, что въ лицѣ Иммануила Канта мы чтимъ одного изъ немногихъ философовъ, соединяющихъ въ себѣ основательную естественнонаучную эрудицію съ чрезвычайной ясностью и глубиной умозрѣнія. Кенигсбергскій философъ пріобрѣлъ не только величайшую славу основателя критической философіи, но и блестящее имя естествоиспытателя за свою механическую космогонію. Уже въ 1755 году въ своей «Общей естественной исторіи и теоріи неба» онъ предпринялъ смѣлую попытку «изложить устройство и механическое происхожденіе всего мірозданія согласно съ основными законами Ньютона», и механически объяснить, исключивъ всѣ чудеса изъ естественной исторіи развитія матеріи. Эта кантовская космогонія, которую ниже (въ 15 лекціи) мы коротко изложимъ, позже подробнѣе была проведена французскимъ математикомъ Лапласомъ и англійскимъ астрономомъ Гершелемъ; она и до сихъ поръ пользуется почти общимъ признаніемъ. Уже за одно это произведеніе, соединяющее въ себѣ точное физическое знаніе съ глубокой спекуляціей, Кантъ заслуживаетъ почетнаго имени *натурфилософа* въ самомъ лучшемъ и истинномъ смыслѣ этого слова.

Но, кромѣ того, въ различныхъ сочиненіяхъ въ болѣе молодые годы Иммануила Канта (отъ 1755 до 1775) разсѣяны столь важныя идеи, что мы въ правѣ поставить Канта рядомъ съ Ламаркомъ и Гете, какъ перваго и выдающагося предшественника Дарвина. Профессору Фрицу Шульце въ Дрезденѣ принадлежитъ великая заслуга собранія и критическаго изложенія этихъ разбросанныхъ и мало извѣстныхъ мѣстъ.

въ произведеніяхъ великаго кенигсбергскаго философа. (Fritz Schulze, «Kant und Darwin, ein Beitrag zur Geschichte der Entwikelungs-lehre» Iena, 1875). Изъ этого сочиненія видно, что Кантъ съ полной ясностью обнялъ великую мысль о *единствѣ природы* ст. 32, 46 и о всеобъемлющемъ *единомъ развитіи*. Вслѣдствіе этого, онъ не только доказывалъ происхожденіе различныхъ организмовъ изъ общихъ родоначальныхъ формъ («Теорія измѣняемости видовъ!»)—«вырожденіе первообраза основного рода благодаря естественнымъ переселеніямъ» («Теорія переселеній, стр. 65); но и принималъ также, «что первоначальная человѣческая раса обладала четырьмя ногами, что двуногіе люди только постепенно развились, и человѣкъ только мало-по-малу столь гордо возвысилъ свою голову надъ своими старыми товарищами, животными» (стр. 47—50). Кромѣ того, Кантъ былъ также первымъ защитникомъ принципа «борьбы за существованіе» и «теоріи естественнаго подбора», какъ это мы впослѣдствіи увидимъ (ст. 25, 56, 57, 61, 140 и т. д.).

Въ виду этого мы безусловно должны были бы отвести первое мѣсто въ исторіи ученія о развитіи нашему могучему кенигсбергскому философу, еслибъ только, къ сожалѣнію, эти достойныя удивленія монистическія идеи юнаго Канта не были позже вытѣснены болѣе сильнымъ давленіемъ дуалистическаго міровоззрѣнія. На мѣсто ихъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Канта выступили частью не выдерживающія критики дуалистическія представленія, частью неясное колебаніе между первымъ и послѣднимъ. Читая кантовскую критику телеологической способности сужденія, знаменитое его біологическое произведеніе, вы замѣтите, что при разсмотрѣніи органической природы онъ все время стоялъ въ сущности, на телеологической или дуалистической точкѣ зрѣнія, между тѣмъ какъ для неорганической природы онъ безусловно и безповоротно признавалъ монистическій методъ объясненія. Онъ утверждалъ, что всѣ явленія неорганической природы можно объяснить механическими причинами, движущими силами матеріи; наоборотъ, въ области органической природы нельзя принять такое объясненіе. Въ соединенной области анорганологіи (въ геологіи и минералогіи, въ метеорологіи и астрономіи, въ физикѣ и химіи неорганическихъ естественныхъ тѣлъ) всѣ явленія должны быть объяснены исключительно *механизмомъ* (causa efficiens) безъ посредства чего-либо цѣлесообразнаго; напротивъ, во всей біологіи, въ ботаникѣ, зоологіи и антропологіи этотъ механизмъ оказывается недостаточнымъ для объясненій всѣхъ явленій, и даже болѣе, для объясненія послѣднихъ мы должны призвать цѣлесообразное дѣйствіе *конечной причины*. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ Кантъ выразительно заявляетъ, что, исходя изъ строго естественнонаучной и философской точки зрѣнія, надо объяснить всѣ, безъ исключенія, явленія механическимъ образомъ, и что единственно *только механизмъ содержитъ въ себѣ дѣйствительное объясненіе*. Но въ то же время онъ думалъ, что наша познавательная способность ограничена въ пониманіи живыхъ тѣлъ, животныхъ и растеній и весьма недостаточна для постиженія собственныхъ причинъ органическихъ явленій, особенно же происхожденія органическихъ формъ. Предѣлы полномочія человѣческаго разсудка въ механическомъ объясненіи *всѣхъ* явленій, поэтому, ограничены, но его способность ограничена такимъ образомъ, что можно только телеологически созерцать органическую природу.

Отступая отъ этой дуалистической точки зрѣнія, Кантъ снова доказывалъ въ другихъ мѣстахъ необходимость генеалогическаго пониманія органической системы, если вообще мы стремимся къ научному

объясненію ея. Важнѣйшее и наиболѣе замѣчательное мѣсто содержится въ «ученіи о методахъ телеологическаго *сужденія*» (§ 79), которое появилось въ 1790 г. въ «Критикѣ способности сужденія». Чрезвычайный интересъ этого мѣста какъ для пониманія кантовской философіи, такъ и для исторіи теоріи измѣняемости видовъ позволяетъ мнѣ дословно привести его.

«Весьма похвально пройти, вооружившись сравнительной анатоміей, черезъ все великое зданіе организованной природы и усмотрѣть что-либо подобное системѣ въ смыслѣ *принципа происхожденія*, не имѣя необходимости довольствоваться однимъ лишь принципомъ сужденія, не допускающимъ никакого объясненія этому происхожденію, малодушно оставивъ всякую надежду на постройку *міровоззрѣнія* въ этой области. Сведеніе столь многихъ животныхъ родовъ въ общую схему, основанную не только на строеніи скелета, но и на расположеніи прочихъ частей, показало бы какъ крайняя простота основныхъ очертаній вслѣдствіе удлиненія или укорачиванія однѣхъ частей, вслѣдствіе развитія или недоразвитія другихъ можетъ привести къ столь огромному многообразію видовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ мы получили бы, правда, слабый лучъ надежды кое-что въ этой области согласовать съ принципомъ *механизма природы*, безъ котораго вообще не можетъ быть естествознанія. Эта аналогія формъ, поскольку она касается при всемъ ихъ разнообразіи общаго происхожденія отъ одной общей родоначальной формы, подтверждаетъ предположеніе *о дѣйствительномъ родствѣ* ихъ, о происхожденіи отъ общей родоначальной формы, благодаря послѣдовательному приближенію одного рода къ другому, тѣхъ родовъ, въ которыхъ, *повидимому*, принципъ *цѣли* наиболѣе полно осуществился, именно, *человѣка*, къ *полипу* и даже къ мхамъ и лишаямъ и, наконецъ, къ самой низшей ощутимой нами ступени природы, къ *грубой матеріи*: изъ этой матеріи и силъ, свойственныхъ ей, повидимому, произошло согласно съ *механическими законами* (подобными тѣмъ, которые дѣйствуютъ при *образованіи кристалловъ*) все сооруженіе природы, столь непонятное для насъ въ организованныхъ существахъ, что мы принуждены для этого представить себѣ другой принципъ. Здѣсь открывается поле для дѣятельности *археологовъ*—природы, на основаніи оставшихся слѣдовъ древнѣйшихъ революцій ея, на основаніи ему извѣстнаго или *предполагаемаго механизма* ихъ возстановить великое *семейство созданій* (его необходимо себѣ представить, если только имѣетъ какое-либо основаніе указанное объединяющее родство ихъ)».

Надо удивляться тому, какъ глубоко и ясно призналъ здѣсь великій мыслитель внутреннюю необходимость ученія о происхожденіи, считая его единственно возможнымъ путемъ къ объясненію органической природы механическими законами, т.-е. къ истинно научному познанію. Разсматривая это мѣсто въ связи съ остальнымъ ходомъ его мыслей въ «критикѣ разсудочной силы» и сравнивая его съ діаметрально противоположными мѣстами, мы ясно увидимъ, что Кантъ въ этомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ положеніяхъ самъ себѣ измѣнялъ, оставляя свою телеологическую точку зрѣнія, принятую имъ въ біологіи. Непосредственно за этимъ дословно приведеннымъ замѣчательнымъ отрывкомъ слѣдуетъ прибавленіе, въ значительной степени уродующее его. Послѣ столь вѣрныхъ утвержденій его о «происхожденіи органическихъ формъ изъ грубой матеріи по механическимъ законамъ (подобно законамъ кристаллизаціи)» и о послѣдовательномъ развитіи различныхъ видовъ, происходящихъ отъ одного общаго родоначальника, онъ прибавляетъ:

«но онъ (археологъ природы, т.-е. палеонтологъ) долженъ признать хотя бы въ концѣ развитія этого общаго родоначальнаго, разумную организацію, созданную для всѣхъ существъ, иначе нельзя представить себѣ цѣлесообразность продуктовъ животнаго и растительнаго царства». Очевидно, эта прибавка перевѣсила ту важнѣйшую основную мысль предыдущаго отрывка, что теорія измѣняемости видовъ можетъ сдѣлаться чисто механическимъ объясненіемъ органической природы. А что это телеологическое созерцаніе органической природы у Канта преобладало, показываетъ уже заголовокъ замѣчательнаго § 79, содержащій въ себѣ оба эти противорѣчивыя положенія: «*О необходимомъ подчиненіи принципа механизма телеологическому принципу* объясненія какого-либо предмета, какъ цѣли природы».

Наиболѣе же рѣзко Кантъ высказывается противъ механическаго объясненія органической природы въ слѣдующемъ мѣстѣ: «хорошо извѣстно, что мы никогда не знакомимся съ организованными существами и ихъ внутренней возможностью по исключительно механическимъ принципамъ природы, и тѣмъ менѣе можемъ понимать ихъ такимъ образомъ; поэтому, можно рѣшительно утверждать: для человѣка было бы нелѣпостью думать или надѣяться, что современемъ можетъ явиться новый Ньютонъ, который сдѣлаетъ для насъ понятнымъ также безцѣльное происхожденіе какого-либо стебелька травы согласно съ законами природы, эту мысль надо рѣшительно изгнать изъ человѣческаго ума». Но вотъ семьдесятъ лѣтъ спустя этотъ невозможный Ньютонъ дѣйствительно явился въ лицѣ Дарвина, и его теорія естественнаго подбора на самомъ дѣлѣ разрѣшила задачу, которую Кантъ считалъ неразрѣшимой.

Послѣ Канта и тѣхъ нѣмецкихъ натурфилософовъ, теорію развитія которыхъ мы разсматривали въ предыдущей лекціи, будетъ кстати въ немногихъ словахъ упомянуть о нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ естествоиспытателяхъ и философахъ нашего столѣтія, которые болѣе или менѣе опредѣленно выступали противъ господствовавшихъ тогда телеологическихъ представленій и тѣмъ облегчили побѣду механическихъ положеній ученія о происхожденія. То болѣе общія философскія соображенія, то болѣе эмпирическія свѣдѣнія приводили этихъ мыслящихъ людей къ заключенію, что отдѣльные органическіе виды должны происходить отъ общихъ основныхъ формъ. Среди нихъ я прежде всего обращусь къ великому нѣмецкому геологу Леопольду Буху. Важныя наблюденія его надъ географическимъ распространеніемъ растеній привели его въ превосходномъ «физическомъ описаніи Канарскихъ острововъ» къ слѣдующему замѣчательному изреченію:

«Индивиды отдѣльныхъ родовъ распространяются на континентахъ, далеко расходятся и, благодаря различію мѣстности, питанія и почвы, образуютъ разновидности; эти послѣднія, никогда не скрещиваясь вслѣдствіе своей отдаленности съ другими разновидностями и не возвращаясь въ силу этого къ основному типу, становятся наконецъ постоянными и приводятъ къ новому виду. Затѣмъ, быть можетъ другимъ путемъ получаются новыя видоизмѣненія прежнихъ разновидностей, причемъ, обѣ эти разновидности, рѣзко отличаясь другъ отъ друга, не смѣшиваются между собой. Совсѣмъ не то на островахъ. Изгнанные обыкновенно въ тѣсныя долины или въ предѣлы узкихъ зонъ, они могутъ встрѣчаться другъ съ другомъ и снова уничтожать пріобрѣтаемыя особенности. Это происходитъ приблизительно такъ, какъ странности и недостатки рѣчи, переходя и распространяясь отъ главы се-

мейства и затѣмъ отъ размножившагося потомства на цѣлый участокъ, становятся мѣстными; въ случаѣ же, если этотъ участокъ отдѣленъ и изолированъ, и нѣтъ постояннаго сообщенія, возвращающаго его къ первоначальной чистотѣ языка, получается изъ этого отступленія діалектъ. Наконецъ, если естественныя препятствія—лѣса, общественное устройство и управленіе, еще тѣснѣе связываютъ жителей отдѣльнаго участка, то этотъ діалектъ фиксируется и переходитъ въ совершенно различный языкъ». («Обзоръ флоры Канарскихъ острововъ», стр. 133).

Вы видите, что Бухъ былъ приведенъ къ основнымъ положеніямъ ученія о происхожденіи явленіями географическаго распространенія растеній, той біологической областью, которая дѣйствительно доставляетъ массу доказательствъ въ пользу этого ученія. Дарвинъ подробно разобралъ эти доказательства въ двухъ особыхъ главахъ важнѣйшаго изъ своихъ произведеній (одинадцатой и двѣнадцатой). Замѣчаніе же Буха представляетъ выдающійся интересъ еще и потому, что оно наводитъ насъ на крайне поучительное сравненіе различныхъ отраслей языка и органическихъ видовъ,—сравненіе, имѣющее одинаковую важность какъ для сравнительнаго языкознанія, такъ и для сравнительнаго ученія о животныхъ и растеніяхъ. Такъ, напр., подобно тому, какъ различные діалекты и нарѣчія нѣмецкаго, славянскаго, греческо-латинскаго и ирано-индійскаго основного языка происходятъ отъ одного естественнаго общаго индогерманскаго первоначальнаго языка, и подобно тому, какъ *различія* ихъ объясняются *приспособленіемъ*, а общій *основной характеръ*—наслѣдственностью, такъ и различные виды, роды, семейства, порядки и классы позвоночныхъ происходятъ отъ одной общей позвоночной формы; и здѣсь приспособленіе—причина различій, наслѣдственность—причина общаго основного характера. Этотъ интересный параллелизмъ въ расходящемся развитіи формъ языка и органическихъ формъ послужилъ предметомъ блестящаго изслѣдованія выдающагося сравнительнаго языковѣда, геніальнаго Августа Шлейхера; весьма остроумнымъ способомъ онъ филологически развилъ родословное дерево индогерманскихъ языковъ.

Среди другихъ выдающихся нѣмецкихъ естествоиспытателей, болѣе или менѣе опредѣленно высказавшихся въ пользу теоріи измѣняемости видовъ и пришедшихъ къ ней совершенно различными путями, я прежде всего назову Карла Эрнста Бера, великаго основателя исторіи развитія животныхъ. Въ докладѣ 1834 года, озаглавленномъ «Наиболѣе общій законъ природы во всякомъ развитіи» онъ превосходно выясняетъ, что только младенческое міросозерцаніе можетъ разсматривать органическіе виды, какъ постоянные и неизмѣнные типы, и что они могутъ быть разсматриваемы, напротивъ, только какъ преходящіе ряды поколѣній, развившихся изъ общей основной формы путемъ преобразованія. Этотъ взглядъ Беръ обосновалъ позже законами географическаго распространенія организмовъ.

І. М. Шлейденъ, создавшій, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ Іенѣ своимъ строго эмпирико-философскимъ и истинно-научнымъ методомъ новую эпоху въ ботаникѣ, разъяснилъ въ своихъ основахъ научной ботаники философское значеніе понятія органическаго вида: онъ принималъ, что этотъ послѣдній въ своемъ субъективномъ происхожденіи составляетъ только частный примѣръ общаго *закона обособленія* (specification). Различные растительные виды суть обособленные (специфицированные) продукты растительнаго стремленія къ развитію, воз-

никающія вслѣдствіе различныхъ комбинацій основныхъ силъ органической матеріи.

Выдающійся вѣнскій ботаникъ Францъ Унгеръ былъ приведенъ своими фундаментальными обобщающими изслѣдованіями вымершихъ растительныхъ видовъ къ палеонтологической исторіи развитія растительнаго царства, ясно выражающей основныя мысли ученія о происхожденіи. Въ своемъ «Опытѣ исторіи растительнаго царства» (1852) онъ доказываетъ общее происхожденіе различныхъ растительныхъ видовъ отъ нѣкоторыхъ немногихъ первоначальныхъ формъ и, быть можетъ, даже отъ одного единственнаго первичнаго растенія, простѣйшей растительной клѣтки. Онъ показалъ, что такое воззрѣніе на генетическую связь всѣхъ растительныхъ формъ не только физіологически необходимо, но и эмпирически обосновано.

Въ введеніи появившейся въ 1853 году «Системы животной морфологіи» Виктора Каруса находимъ слѣдующее замѣчаніе: «Погребенные въ древнѣйшихъ геологическихъ пластахъ организмы должны быть разсматриваемы, какъ древнѣйшіе предки, изъ которыхъ, благодаря безпрерывному воспроизведенію и приспособленію къ весьма различнымъ жизненнымъ условіямъ, возникло все богатство теперешнихъ формъ».

Въ томъ же году (1853) боннскій астрономъ Шаффгаузенъ въ своемъ очеркѣ «О постоянствѣ и превращеніи видовъ» рѣшительно высказался въ пользу теоріи измѣняемости видовъ. Живущіе растительные и животные виды, по его мнѣнію, суть преобразованные потомки вымершихъ видовъ, изъ которыхъ они возникли путемъ постепеннаго измѣненія. Взаимное расхожденіе (дивергированіе) близко родственныхъ видовъ происходитъ благодаря уничтоженію соединяющихъ промежуточныхъ ступеней. Въ томъ же смыслѣ высказался (1857) Шаффгаузенъ и о животномъ происхожденіи человѣческаго рода и о постепенномъ развитіи его изъ обезьянообразныхъ животныхъ,—важнѣйшемъ слѣдствіи ученія о происхожденіи.

Наконецъ слѣдуетъ указать въ числѣ нѣмецкихъ натурфилософовъ особенно Луи Бюхнера; въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «Сила и матерія» онъ самостоятельно развиваетъ тѣ же основныя черты теоріи измѣняемости видовъ и преимущественно на почвѣ неопровержимыхъ эмпирическихъ свидѣтельствъ, которыя доставляетъ намъ палеонтологическая и индивидуальная исторія развитія организмовъ, а также сравнительная анатомія и параллелизмъ этого двоякаго развитія. Бюхнеръ блестяще показалъ, что уже отсюда необходимо слѣдуетъ развитіе различныхъ органическихъ видовъ изъ общихъ родоначальныхъ формъ, и что происхожденіе этихъ первоначальныхъ формъ можно представить себѣ только при посредствѣ первичнаго зарожденія.

Во главѣ французской натурфилософіи стоитъ Жанъ Ламаркъ, занимающій въ исторіи ученія о происхожденіи первое мѣсто рядомъ съ Дарвиномъ и Гёте. За нимъ останется безсмертная слава перваго основателя ученія объ измѣняемости видовъ, какъ самостоятельной научной теоріи первостепенной важности и какъ натурфилософскаго фундамента для всей біологіи. Хотя Ламаркъ родился въ 1744 году, однако онъ приступилъ къ обнародованію своей теоріи только въ началѣ нашего столѣтія, въ 1801 году, а подробнѣе обосновалъ ее только въ 1809 году, въ своей классической «Философіи зоологіи». Это достойное удивленія произведеніе представляетъ первое связное и строго доведенное до всѣхъ слѣдствій изложеніе ученія о происхожденіи. Чисто механическій способъ

созерцанія органической природы и строго философское обоснованіе необходимости его ставитъ произведеніе Ламарка далеко выше господствовавшихъ тогда дуалистическихъ воззрѣній. До появленія черезъ полстолѣтія произведенія Дарвина мы не находимъ ни одного сочиненія, заслуживающаго въ этомъ отношеніи стать рядомъ съ философіей зоологіи. Насколько послѣдняя опередила свое время, всего лучше видно изъ того, что она была совершенно не понята большинствомъ и оставалась въ состояніи мертваго замалчиванія въ теченіе шестидесяти лѣтъ. Величайшій противникъ Ламарка Кювье ни единымъ словомъ не упоминаетъ объ этомъ сдѣлавшемъ эпоху произведеніи въ своемъ обзорѣ успѣховъ естествознанія, хотя въ послѣднемъ находили мѣсто ничтожныя анатомическія изслѣдованія. Также Гёте, столь живо интересовавшійся французской натурфилософіей, «мыслями родственныхъ умовъ по ту сторону Рейна», нигдѣ не упоминаетъ о Ламаркѣ и, повидимому, совершенно не зналъ о философіи зоологіи. Великую славу естествоиспытателя Ламаркъ пріобрѣлъ не за свой чрезвычайно важный трудъ, а за отдѣльныя многочисленныя работы о низшихъ животныхъ, особенно моллюскахъ, а также за свою превосходную естественную исторію безпозвоночныхъ животныхъ, появившуюся въ семи томахъ въ 1815—1822 гг. Первый томъ этого знаменитаго сочиненія (1815 г.) также содержитъ въ общемъ вступленіи подробное изложеніе ученія о происхожденіи. Быть можетъ, наилучшее представленіе о необычайномъ значеніи философіи зоологіи я дамъ вамъ, дословно приведя изъ нея нѣкоторыя важнѣйшія положенія:

«Систематическія подраздѣленія, классы, порядки, семейства, роды и виды, равно какъ и ихъ наименованія—произвольныя произведенія человѣческаго ума. Виды или species организмовъ не одинаковаго возраста развились одинъ послѣ другого и проявляютъ только относительное, временное постоянство; изъ разновидностей возникаютъ виды. Различіе въ условіяхъ жизни дѣйствуетъ измѣняющимъ образомъ на организацію, общую форму и отдѣльныя части животныхъ, точно такъ же, какъ употребленіе или неупотребленіе органовъ. Первонально возникли только простѣйшія и самыя низшія животныя и растенія, и только впослѣдствіи получили крайне сложную организацію. Ходъ развитія земли точно совпадалъ съ развитіемъ органическаго населенія ея, не прерываясь при этомъ насильственными революціями. Жизнь есть только физическій феноменъ. Всѣ жизненныя явленія основаны на механическихъ, физическихъ и химическихъ причинахъ, лежащихъ въ свойствахъ самой органической матеріи. Простѣйшія животныя и простѣйшія растенія, стоящія на самой низкой ступени организаціи, произошли и теперь еще происходятъ путемъ зарожденія (generatio spontanea). Всѣ живыя естественныя тѣла или организмы подчинены тѣмъ же законамъ природы, какъ и мертвыя естественныя тѣла или анорганы. Идеи и дѣятельность ума—явленія движенія центральной нервной системы. Воля въ дѣйствительности никогда не бываетъ свободна. Разсудокъ есть только высшая степень развитія и соединенія сужденій».

Эти поразительно смѣлые, величественные, широко охватывающіе взгляды Ламаркъ высказалъ въ этихъ замѣчаніяхъ уже въ 1809 году, въ то время, когда количество фактовъ было еще недостаточно велико для полнаго обоснованія ихъ. Вы видите, что произведеніе Ламарка собственно представляетъ полную, строго монистическую (или «механическую») систему природы, что всѣ важныя общія положенія монистической біологіи уже защищались имъ: единство дѣйствующихъ причинъ

въ органической и неорганической природѣ, послѣдній источникъ этихъ причинъ въ химическихъ и физическихъ свойствахъ матеріи, недостатокъ особенной жизненной силы или органической конечной причины; происхожденіе всѣхъ организмовъ отъ нѣкоторыхъ немногихъ, крайне простыхъ основныхъ формъ или первичныхъ существъ; связный ходъ всей исторіи земли, надостатокъ насильственныхъ и повсемѣстныхъ земныхъ революцій и вообще невозможность всякаго чуда, всякаго сверхъестественнаго вмѣшательства въ естественный ходъ вселенной.

То обстоятельство, что этотъ колоссальный умственный подвигъ Ламарка не нашелъ себѣ признанія, объясняется частью неизмѣримой величиной исполинскаго шага, перенесшаго его на полстолѣтіе впередъ, частью недостаткомъ эмпирическихъ доказательствъ или односторонностью ихъ. Въ качествѣ ближайшихъ механическихъ причинъ, вызывающихъ безпрерывное развитіе органическихъ формъ, Ламаркъ совершенно правильно призналъ *приспособленіе*, между тѣмъ какъ подобіе формъ различныхъ видовъ, родовъ, семействъ и т. д. онъ съ полнымъ правомъ отнесъ къ кровному родству и, поэтому, къ *наслѣдственности*. Приспособленіе, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, что постоянное медленное измѣненіе внѣшняго міра обусловливаетъ соотвѣтственное измѣненіе дѣятельности и формы организмовъ. Величайшую важность онъ придаетъ дѣйствію *привычки*, употребленію или неупотребленію органа. Безъ сомнѣнія, послѣднее имѣетъ, какъ это вы позже увидите, важное значеніе въ преобразованіи органическихъ формъ. Однако, объясненіе разнообразія формъ исключительно или преимущественно этой причиной въ большинствѣ случаевъ невозможно. Такъ, онъ говоритъ, напр., что длинная шея жирафа произошла отъ постояннаго вытягиванія ея ради срыванія листьевъ высокихъ деревъ; такъ какъ жирафы преимущественно живутъ въ сухихъ мѣстностяхъ, гдѣ пищей для нихъ можетъ служить только листва деревьевъ, то такая дѣятельность становится для нихъ необходимой. Такъ же точно длинные язычки дятла, колибри и муравьѣда возникли, какъ результатъ привычки доставать себѣ пищу изъ узкихъ, тѣсныхъ и глубокихъ щелей и каналовъ. Плавательныя перепонки между пальцевъ плавающихъ животныхъ, лягушекъ и другихъ водяныхъ обитателей произошли исключительно, благодаря безпрерывному стремленію къ плаванію, благодаря отталкивательнымъ и плавательнымъ движеніямъ ногъ. Эти привычки подхватываются наслѣдственностью и передаются слѣдующимъ поколѣніямъ, дальнѣйшее развитіе которыхъ приводитъ, наконецъ, къ образованію новыхъ органовъ. Исходя изъ этой въ общемъ правильной мысли, Ламаркъ придавалъ слишкомъ исключительное значеніе привычкѣ (употребленію или неупотребленію органа), одному изъ важнѣйшихъ, но вовсе не единственному фактору въ измѣненіи формъ. Это, однако, не мѣшаетъ намъ признавать, что Ламаркъ совершенно правильно понималъ взаимодѣйствіе обѣихъ органическихъ силъ, приспособленія и наслѣдственности. Ему недоставало только крайне важнаго принципа «естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе», который спустя 50 лѣтъ былъ установленъ Дарвиномъ.

Особенной заслугой Ламарка является попытка его изложить развитіе *человѣческаго рода* изъ низшихъ, прежде всего обезьяноподобныхъ млекопитающихъ. И здѣсь у него на первомъ планѣ привычка, которой онъ приписывалъ преобразующее и обрагораживающее вліяніе. Онъ принималъ, такимъ образомъ, что самые низшіе первоначальные люди произошли отъ человѣкообразныхъ обезьянъ, благодаря привычкѣ послѣд-

ихъ къ прямой походкѣ. Стоячее положеніе туловища, постоянное стремленіе прямо держаться привело прежде всего къ преобразованію конечностей, къ болѣе сильному дифференцированію или обособленію переднихъ и заднихъ конечностей, которое справедливо считается однимъ изъ существенныхъ отличій человѣка отъ обезьяны. Сзади развились икры и плоскія подошвы, спереди хватательныя конечности, рука и ея кисть. Прямая походка вызвала прежде всего болѣе свободный взоръ на окружающіе предметы и тѣмъ значительно содѣйствовала успѣхамъ духовнаго развитія. Такія человѣкообразныя обезьяны скоро достигли, благодаря этому, великаго преимущества передъ остальными обезьянами и затѣмъ вообще передъ окружающими организмами. Чтобы упрочить свое господство надъ ними, они сомкнулись въ общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивалась потребность общенія въ стремленіяхъ и мысляхъ. Такъ возникла потребность въ языкѣ, грубые нерасчлененные первоначальные звуки котораго мало-по-малу приводились въ связь, развивались и расчленялись. Развитіе членораздѣльной рѣчи, въ свою очередь послужило сильнѣйшимъ рычагомъ къ дальнѣйшему прогрессивному развитію организма и прежде всего мозга; такимъ образомъ, человѣкообразные обезьяны медленно и постепенно превратились въ истинныхъ людей. Такимъ образомъ, Ламаркъ энергически отстаивалъ рядомъ важныхъ доводовъ дѣйствительное происхожденіе самыхъ низшихъ и грубѣйшихъ первобытныхъ людей отъ высокоразвитыхъобезьянъ.

Наиболѣе выдающимся французскимъ натурфилософомъ обыкновенно считаютъ не Ламарка, а Этьена Жофруа Сентъ-Илера (старшаго, род. 1771 г.), того самаго, которымъ особенно интересовался Гете и съ которымъ мы выше познакомились, какъ съ упорнѣйшимъ противникомъ Кювье. Онъ развивалъ свои идеи о превращеніи органическихъ видовъ уже въ концѣ прошлаго вѣка, но опубликовалъ ихъ только въ 1828 г., въ слѣдующіе годы послѣ этого онъ защищалъ ихъ, особенно настойчиво въ 1830 г. Жофруа С.-Илеръ въ сущности принималъ теорію измѣняемости видовъ Ламарка, только преобразованіе животныхъ и растительныхъ видовъ онъ объяснялъ не столько особою дѣятельностью организма, привычкой, упражненіемъ, употребленіемъ или неупотребленіемъ органа, сколько вліяніемъ «monde ambiant», т. е. непрестанными измѣненіями внѣшняго міра, особенно атмосферы. Онъ придавалъ организму въ сравненіи съ условіями жизни, болѣе пассивную, страдательную роль, Ламаркъ, напротивъ, болѣе активную, дѣятельную. Жофруа думалъ, напр., что одно только уменьшеніе углекислоты въ воздухѣ обусловило развитіе птицъ изъ ящерообразныхъ рептилій, вызывая, благодаря большему содержанію кислорода, болѣе живые и энергическіе дыхательные процессы. При этомъ возникла болѣе высокая температура крови, повышенная нервная и мышечная дѣятельность, изъ чешуй ящерицъ произошли перья птицы и т. д. И въ основаніи этого представленія лежитъ вѣрная мысль. Хотя измѣненіе атмосферы, такъ же, какъ и всякаго другого внѣшняго условія существованія, на самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ измѣняющимъ образомъ на организмъ, однако эта единственная причина сама по себѣ слишкомъ ничтожна для того чтобы ей приписать такое дѣйствіе. Она даже менѣе значительна, чѣмъ односторонне оттѣненная Ламаркомъ привычка и упражненіе. Главная заслуга Жофруа состоитъ въ томъ, что наперекоръ тяжеловѣсному авторитету Кювье, онъ провелъ единое міросозерцаніе, единство образованія органическихъ формъ и глубокую генеалогическую связь ихъ. Знаменитые споры между обоими великими противниками

въ парижской академіи, особенно же два конфликта 22-го февраля и 19-го іюля 1830 г., встрѣтившихъ со стороны Гете живое участіе, я изложилъ уже въ предыдущей лекціи. Въ то время Кювье былъ признанъ побѣдителемъ, и съ тѣхъ поръ во Франціи ничего существенно-важнаго не произошло въ дальнѣйшемъ развитіи ученія о происхожденіи и въ дальнѣйшей разработкѣ монистической теоріи развитія. Очевидно, это надо главнымъ образомъ приписать задерживательному вліянію мощнаго авторитета Кювье. Ни въ одной научно-образованной странѣ Европы ученіе Дарвина не имѣло столь мало послѣдствій и не было столь недостаточно понято, какъ во Франціи. Академія наукъ не разъ даже отвергала предложеніе избрать Дарвина своимъ членомъ, пока, наконецъ, сама не сдѣлалась достойной этой высокой чести. Въ числѣ болѣе позднихъ (до Дарвина) французскихъ натуралистовъ выдаются только два почтенныхъ ботаника, Нодинъ (1852 г.) и Лекокъ (1854 г.), рѣшившіеся высказаться въ пользу измѣняемости и превращенія видовъ.

Изложивъ болѣе раннія заслуги нѣмецкой и французской натурфилософіи въ обоснованіи ученія о происхожденіи, обратимся къ Англіи, сдѣлавшейся съ 1859 г., такъ сказать, исходнымъ очагомъ дальнѣйшей разработки и окончательнаго подтвержденія теоріи развитія. Въ началѣ нашего столѣтія англичане принимали мало участія въ натурфилософіи на континентѣ и важнѣйшемъ успѣхѣ ея, теоріи измѣняемости видовъ. Одинъ только болѣе древній англійскій естествоиспытатель можетъ быть здѣсь упомянутъ, Эразмъ Дарвинъ, дѣдъ реформатора теоріи измѣняемости видовъ. Онъ опубликовалъ въ 1794 г. подъ заглавіемъ «Zoonomia» натурфилософское произведеніе, въ которомъ онъ высказываетъ взгляды, подобные Гете и Ламарку, ничего однако тогда не зная о нихъ. Теорія измѣняемости видовъ, такъ сказать, въ воздухѣ висѣла тогда. И Эразмъ Дарвинъ также переноситъ центръ тяжести на преобразованіе животныхъ и растительныхъ видовъ ихъ собственной жизненной дѣятельностью, привычкой къ измѣняющимся условіямъ существованія и т. д. Тогда уже, въ 1822 г., В. Гербертъ высказалъ мысль, что виды или species животныхъ и растеній не что иное, какъ постоянно возникающія разновидности. Также Грантъ въ Эдинбургѣ объяснялъ происхожденіе новыхъ видовъ только безпрерывнымъ преобразованіемъ остающихся видовъ. Въ 1841 г. Фреке утверждалъ, что всѣ органическія существа должны происходить отъ одной единственной первичной формы. Гербертъ Спенсеръ болѣе подробное и въ весьма ясной философской формѣ доказалъ необходимость ученія о происхожденіи и ближе обосновать его въ своихъ превосходныхъ «Essays» и въ позже опубликованныхъ «Principles of Biology». Въ то же время ему принадлежитъ великая заслуга внесенія принципа развитія въ область психологіи,—принципа, доказывающаго, что и душевная дѣятельность и умственныя силы могли быть постепенно пріобрѣтены и развиты. Наконецъ, еще остается замѣтить, что въ 1859 г. первый изъ англійскихъ зоологовъ, Гекели, обозначилъ теорію измѣняемости видовъ, какъ единственную, согласуемую съ научной физіологіей, гипотезу созданія. Въ томъ же году появилось «Введеніе въ тасманійскую флору», гдѣ знаменитый англійскій ботаникъ Гукеръ принимаетъ теорію измѣняемости видовъ, подкрѣпляя ее собственными важными наблюденіями.

Всѣ тѣ натуралисты и философы, съ которыми вы познакомились въ этомъ краткомъ историческомъ обзорѣ, какъ съ послѣдователями

теоріи развитія, въ лучшемъ случаѣ доходили до того воззрѣнія, что всѣ различные животные и растительные виды, когда-либо жившіе на землѣ или еще теперь живущіе, суть постепенно измѣненные и преобразованные потомки одной или нѣсколькихъ немногихъ, первоначальныхъ, крайне простыхъ формъ, и что послѣднія нѣкогда возникли изъ неорганической матеріи путемъ первичнаго зарожденія (generatio spontanea). Но ни одинъ изъ этихъ натурфилософовъ не достигъ того, чтобы причинно обосновать эту основную мысль ученія о происхожденіи и объяснить преобразованіе органическихъ видовъ истиннымъ указаніемъ механическихъ причинъ. Только Дарвинъ въ состояніи былъ рѣшить эту труднѣйшую задачу и въ этомъ лежитъ огромная пропасть, отдѣляющая его отъ его предшественниковъ.

Чрезвычайная заслуга Дарвина, на мой взглядъ, двоякая: во-первыхъ, ученіе о происхожденіи, основныя мысли котораго ясно высказали уже Гёте и Ламаркъ, онъ гораздо шире развилъ, гораздо подробнѣе прослѣдилъ и гораздо строже привелъ въ связь, чѣмъ всѣ его предшественники; и, во-вторыхъ, онъ установилъ новую теорію, раскрывшую передъ нами естественныя причины образованія органическихъ формъ, измѣненія и преобразованія животныхъ и растительныхъ видовъ. Это—теорія естественнаго подбора (selectio naturalis).

Для правильной оцѣнки значенія этой двойной заслуги надо вспомнить, что почти вся біологія до Дарвина проникнута была противоположными воззрѣніями, и почти у всѣхъ зоологовъ и ботаниковъ полнѣйшая самостоятельность органическихъ видовъ считалась самоочевидной предпосылкой при всякомъ разсмотрѣніи формъ. Ложная догма о постоянствѣ и независимости созданія отдѣльныхъ видовъ пріобрѣла столь высокій авторитетъ, столь общее значеніе и такъ убѣдительно подтверждалась обманчивой внѣшностью при поверхностномъ разсмотрѣніи, что нужно было, въ самомъ дѣлѣ, не малая степень мужества, силы и ума, чтобы выступить реформаторомъ въ этой области и искусной рукой разрушить это научное зданіе. Но, кромѣ того, Дарвинъ принесъ еще намъ чрезвычайно важную мысль о «естественномъ подборѣ».

Эти два пункта слѣдуетъ рѣзко различать,—что, конечно, бываетъ весьма рѣдко,—слѣдуетъ отличать, во-первыхъ, ученіе о происхожденіи или *теорію измѣняемости видовъ* Ламарка, которая утверждаетъ только, что всѣ животные и растительные виды происходятъ отъ общихъ простѣйшихъ, произвольно возникшихъ первичныхъ формъ и, во-вторыхъ, ученіе или *теорія естественнаго подбора* Дарвина, которая показываетъ, какъ происходитъ это прогрессивное преобразованіе органическихъ формъ, какія физіологическія, механически дѣйствующія причины обусловливаютъ это безпрерывное новообразованіе и все возрастающее разнообразіе животныхъ и растеній.

Безсмертная заслуга Дарвина найдетъ себѣ полную и справедливую оцѣнку только впослѣдствіи, когда теорія развитія, преодолѣвъ всѣ противоположныя воззрѣнія, будетъ признана наивысшимъ принципомъ въ объясненіи вопросовъ антропологіи и въ силу этого также всѣхъ другихъ наукъ. Въ настоящее время, когда въ страстной борьбѣ за истину одно имя Дарвина служитъ защитникамъ теоріи развитія, рѣшеніемъ вопроса, въ противоположномъ лагерѣ его заслуга часто совсѣмъ не признается. Одни въ такой же мѣрѣ преувеличиваютъ ее, въ какой другіе умаляютъ.

Заслуга Дарвина преувеличивается, когда его считаютъ основателемъ

теоріи измѣняемости видовъ или даже всего ученія о развитіи. Какъ это вы видѣли уже въ историческомъ изложеніи этой и другихъ лекцій, теорія развитія, какъ таковая, не нова; всѣ натурфилософы, не желавшіе связывать себя слѣпой вѣрой въ догму сверхъестественнаго созданія, должны были принимать естественное развитіе. Но и теорія измѣняемости видовъ въ качествѣ обширной біологической части универсальнаго ученія о развитіи уже Ламаркомъ была столь ясно высказана и доведена до столь важныхъ слѣдствій, что мы должны чтить его, какъ истиннаго основателя ея. Поэтому, теорію измѣняемости видовъ нельзя отожествлять съ *дарвинизмомъ*,—послѣдній содержитъ въ себѣ только ученіе о подборѣ.

Заслуга Дарвина умаляется, разумѣется, всѣми его противниками. Конечно, мы не говоримъ о научныхъ противникахъ его, *основательное біологическое образованіе* которыхъ даетъ имъ право на это сужденіе. Среди всѣхъ опубликованныхъ сочиненій противъ Дарвина и теоріи измѣняемости видовъ, за исключеніемъ только сочиненій Агассиза, ни одно не повышало голоса въ требованіи къ себѣ уваженія, ожидая только молчаливаго опроверженія; столь очевидно всѣ они блещутъ или недостаткомъ основательныхъ знаній біологическихъ фактовъ, или отсутствіемъ яснаго философскаго пониманія ихъ. Нападки же теологовъ и другихъ некомпетентныхъ людей, ничего вообще не знающихъ о природѣ, не вызываютъ особенной тревоги со стороны натуралистовъ.

Знаменитѣйшимъ и упорнымъ научнымъ противникомъ Дарвина былъ Луи Агассизъ. Онъ отвергнулъ вообще всю теорію развитія. Его принципіальная оппозиція заслуживаетъ уваженіе, хотя и въ смыслѣ только философскаго курьеза. Въ появившемся въ Парижѣ въ 1869 году французскомъ переводѣ его выше разобраннаго нами «Essay on classification» Агассизъ облекаетъ въ рѣшительную форму много разъ прежде высказанныя имъ мысли противъ «дарвинизма». Въ этомъ переводѣ онъ прибавилъ особый очеркъ въ 16 стр. подъ заглавіемъ: «Дарвинизмъ. Классификація Геккеля». Въ этой отдѣльной главѣ находятся удивительнѣйшія вещи, какъ, напр.: «дарвиновская идея есть понятіе a priori. Дарвинизмъ — это искаженіе фактовъ. Дарвинизмъ исключаетъ цѣлую массу пріобрѣтенныхъ знаній, чтобы ассимилировать только тѣ изъ нихъ, которыя могутъ служить въ его пользу!»

Это уже называется представить дѣло совсѣмъ навыворотъ! Всякій знакомый съ біологіей можетъ только удивиться той смѣлости, съ которой Агассизъ высказываетъ положенія, не имѣющія ни малѣйшей тѣни справедливости и не заслуживающія вѣры даже въ его собственныхъ глазахъ! Непоколебимая сила теоріи измѣняемости видовъ, напротивъ, заключается въ томъ, что единственно только она объясняетъ всѣ біологическіе факты, не оставляя никакихъ непостижимыхъ чудесъ. Всѣ наши «пріобрѣтенныя знанія» въ сравнительной анатоміи и физіологіи, въ эмбріологіи и палеонтологіи, въ ученіи о географическомъ и топографическомъ распространеніи организмовъ и т. д., всѣ они являются неопровержимыми свидѣтельствами справедливости теоріи измѣняемости видовъ.

Съ Луи Агассизомъ, въ декабрѣ 1873 года, сошелъ въ могилу послѣдній, вообще заслуживающій научнаго уваженія, противникъ дарвинизма. Послѣднее сочиненіе его (только послѣ смерти появившееся въ «Atlantic Monthly» въ январѣ 1874 года) разсматриваетъ «развитіе и постоянство типа»; оно прямо направлено противъ дарвиновскихъ идей и моихъ филогенетическихъ теорій. Но собственно сущность дѣла

въ немъ нисколько не затронута. Чрезвычайная слабость этой послѣдней попытки наиболѣе убѣдительно доказываетъ, что арсеналъ нашихъ противниковъ совершенно истощился.

Въ своей общей морфологіи и особенно въ шестой книгѣ ея (въ общей филогеніи) я подробно во всѣхъ существенныхъ пунктахъ разобралъ и опровергнулъ этотъ «Essay on classification» Агассиза. 24-ю же главу я посвятилъ подробному научному разбору той части этого сочиненія (о групповыхъ ступеняхъ или категоріяхъ системы), которую онъ считаетъ наиболѣе важной; надѣюсь, мнѣ удалось показать, что вся эта часть есть не болѣе, какъ чистѣйшій воздушный замокъ, лишенный всякаго слѣда реальнаго обоснованія. Но Агассизъ, конечно, остерегся отъ возраженій, не будучи въ состояніи противопоставить ни одного вѣскаго аргумента. Онъ боролся, вооружаясь не аргументами, а фразами. А подобная борьба не только не замедлитъ полную побѣду теоріи развитія, а наоборотъ, ускоритъ ее!

Въ числѣ знаменитыхъ натуралистовъ настоящаго времени пользуется извѣстностью въ широкихъ кругахъ еще одинъ могущественный противникъ дарвинизма и особенно важнѣйшаго заключительнаго вывода его «обезьяннаго происхожденія человѣка»; это пользующійся большимъ вліяніемъ берлинскій патологъ, Рудольфъ Вирховъ. Однако, его рѣчи, ежегодно произносимые имъ въ теченіе 20 лѣтъ противъ современнаго ученія о развитіи, ограничиваются только выраженіемъ общаго протеста; ни разу онъ не сдѣлалъ попытки тщательно опровергнуть его и поставить на его мѣсто что-либо лучшее. Быстро идущая впередъ наука проходитъ мимо этихъ пустыхъ протестовъ, считая ихъ заурядъ-нымъ явленіемъ.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦІЯ

Теорія развитія Ляйеля и Дарвина.

Основы геологіи Чарльза Ляйеля.—Его естественная исторія развитія земли.—Происхожденіе величайшихъ дѣйствій суммированіемъ мельчайшихъ причинъ.—Безпредѣльная продолжительность геологическихъ періодовъ.—Опроверженіе Ляйелемъ исторіи созданія Кювье.—Обоснованіе неразрывности безпрерывнаго хода историческаго развитія Ляйелемъ и Дарвиномъ.—Біографическія замѣчанія о Чарльзѣ Дарвинѣ.—Научныя произведенія его.—Его теорія коралловыхъ рифовъ.—Развитіе ученія о подборѣ.—Письмо Дарвина.—Одновременное опубликованіе теоріи подбора Чарльза Дарвина и Альфреда Уоллеса.—Изученіе Дарвиномъ домашнихъ животныхъ и культурныхъ растеній,—Взглядъ Вагнера на особенное происхожденіе культурныхъ организмовъ на пользу человѣка.—Древо познанія въ раю.—Сравненіе дикихъ и культурныхъ организмовъ.—Изученіе Дарвиномъ домашнихъ голубей.—Значеніе подбора голубей.—Общее происхожденіе всѣхъ голубиныхъ породъ.

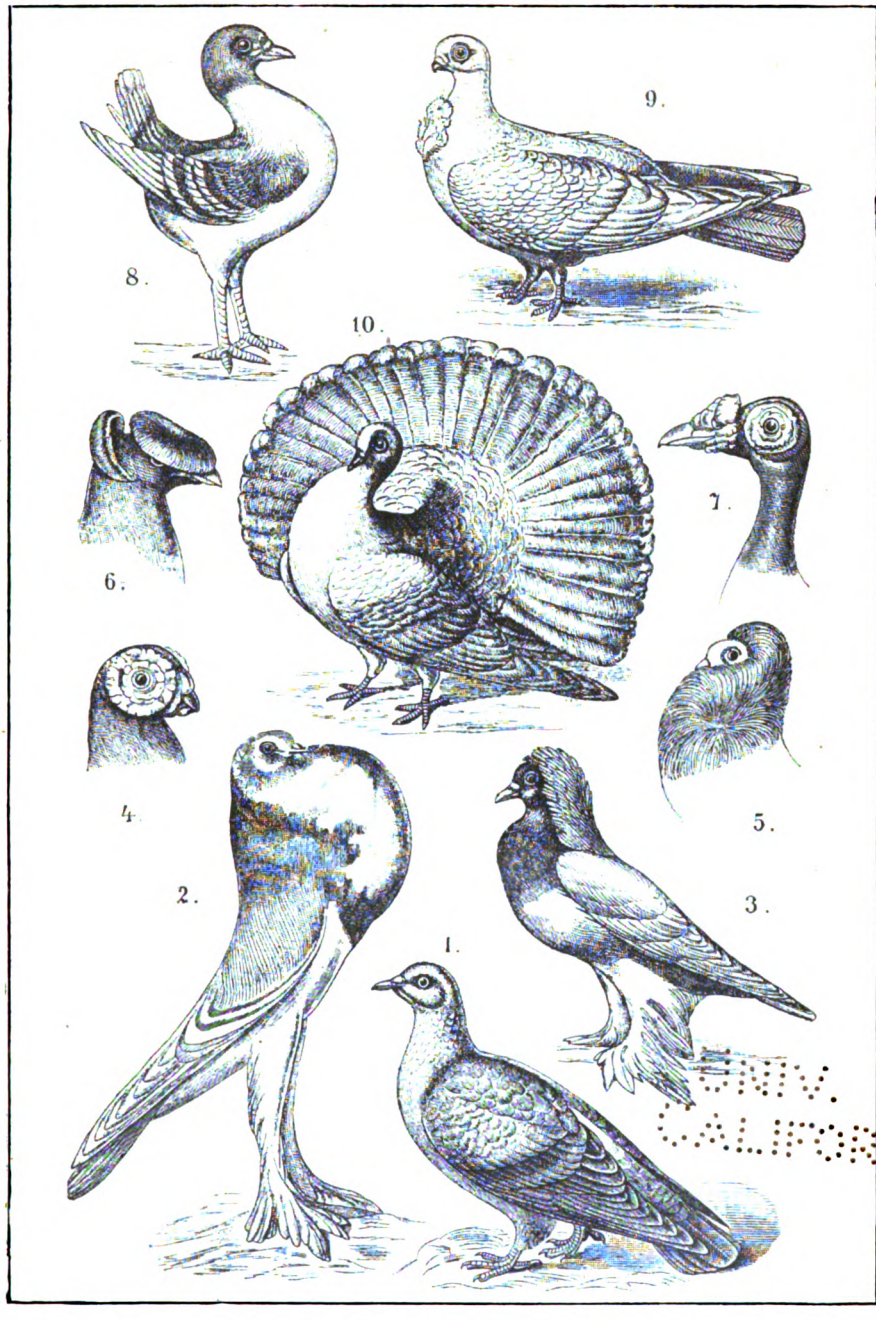
Въ тридцатилѣтіе, предшествовавшее появленію произведенія Дарвина, отъ 1830 до 1859 г., въ области органическаго естествознанія всецѣло господствовали воззрѣнія Кювье на происхожденіе видовъ. Въ это время придерживались ненаучнаго допущенія, состоящаго въ томъ, что на протяженіи исторіи земли рядъ необъяснимыхъ земныхъ революцій періодически уничтожалъ весь растительный и животный міръ, и въ началѣ каждаго новаго періода появлялось новое дополненное и исправленное изданіе всего органическаго населенія. Конечно, эти творческія изданія весьма спорны и въ дѣйствительности не доказаны; многочисленные же успѣхи въ это время во всѣхъ областяхъ зоологіи и

ботаники все болѣе и болѣе настойчиво указывали на несостоятельность безпочвенной гипотезы Кювье и справедливость естественной теоріи развитія Ламарка; однако, несмотря на это, гипотеза Кювье пользовалась почти общимъ признаніемъ со стороны біологовъ. Это прежде всего слѣдуетъ приписать высокому авторитету Кювье; здѣсь мы имѣемъ новый убѣдительный примѣръ,—подобный тому, который представляетъ теперь намъ Вирховъ,—примѣръ вреднаго вліянія на всю жизнь и развитіе человѣка вѣры въ непогрѣшимый авторитетъ,—тотъ авторитетъ, о которомъ Гете однажды превосходно выразился въ слѣдующихъ словахъ: онъ увѣковѣчиваетъ въ единицахъ то, что проходитъ черезъ массу ихъ, онъ отталкиваетъ и пропускаетъ то, что должно быть удержано, въ немъ главная вина, если человѣчество останавливается въ своемъ движеніи.

Кромѣ полновѣснаго авторитета Кювье такой задерживательной силой послужила еще человѣческая инертность, несмѣло рѣшающаяся выйти изъ протоптанной широкой дороги повседневныхъ представленій и вступить на новый еще, не столь удобный и объѣзженный путь; только этимъ можно объяснить тотъ фактъ, что теорія измѣняемости видовъ Ламарка была признана только въ 1859 году, послѣ того, какъ Дарвинъ возвелъ уже новое основаніе для нея. Это признаніе въ значительной степени было облегчено прежними, особыми заслугами другого англійскаго естествоиспытателя, умершаго въ 1875 году, Чарльза Ляйеля; въ виду громаднаго значенія его для «естественной исторіи созданія» необходимо сказать здѣсь нѣсколько словъ о немъ.

Чарльзъ Ляйель въ 1830 году опубликовалъ подъ заглавіемъ «*Основы геологіи*» (Principles of geology) классическій трудъ, въ корнѣ преобразовавшій исторію развитія земли; онъ реформировалъ ее такимъ образомъ, какъ тридцать лѣтъ послѣ этого Дарвинъ біологію. Эта сдѣлавшая эпоху книга, цѣликомъ разрушившая гипотезу созданія Кювье, появилась въ томъ же году, когда Кювье праздновалъ свой великій тріумфъ побѣды надъ натурфилософіей и утвердилъ свое первенство въ морфологической области въ теченіе трехъ десятилѣтій. Кювье своей искусственной гипотезой созданія и связанной съ ней теоріи катастрофъ преградилъ всякій путь и прервалъ нить естественнаго объясненія. Ляйель снова проложилъ послѣднему путь и привелъ блестящее геологическое доказательство того, что эти дуалистическія представленія Кювье въ такой же мѣрѣ плохо обоснованы, въ какой мало пригодны. Совершающіяся еще и теперь передъ нашими глазами измѣненія земной поверхности, по мнѣнію Ляйеля, вполнѣ удовлетворительно объясняютъ все, что намъ извѣстно о развитіи земной коры; поэтому, совсѣмъ излишне искать для него необъяснимыхъ причинъ въ загадочныхъ революціяхъ. Нѣтъ нужды принимать что-нибудь еще, кромѣ чрезвычайно продолжительныхъ промежутковъ времени, чтобы наипростѣйшимъ естественнымъ образомъ объяснить происхожденіе извѣстнаго строенія земной коры на основаніи дѣйствующихъ еще и сейчасъ причинъ. Какъ показалъ недавно Іоганъ Вальтеръ въ своемъ превосходномъ «Введеніи въ геологію», уже за восемь лѣтъ до Ляйеля одинъ нѣмецкій натуралистъ примѣнилъ тотъ же «онтологическій методъ» или принципъ *актуализма*, именно Карлъ фонъ-Гоффъ въ своей оригинальной «Исторіи извѣстныхъ намъ по преданію естественныхъ измѣненій земной поверхности» (1822). Но только Ляйель въ состояніи былъ привести эти воззрѣнія Гоффа къ полному признанію.

Прежде полагали, что высочайшія горныя цѣпи земли обязаны



UNIV. OF CALIFORNIA

Таб. I. Породы домашняго голубя.

Эта таблица объясняетъ на нѣсколькихъ примѣрахъ чрезвычайное разнообразіе формы тѣла многочисленныхъ голубиныхъ породъ, что имѣетъ весьма важное значеніе для *трансформизма*. Какъ изображенныя здѣсь 10 породъ, такъ и прочія разновидности *домашняго голубя* (Columba domestica), воспитываемаго человѣкомъ въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, происходятъ отъ одной и той же дикой, исходной формы, сизаго *дикаго голубя* (Columba livia). Фиг. 1. Обыкновенный дикій, какъ общая основная форма всѣхъ породъ домашняго голубя.—Фиг. 2. Англійскій дутышъ.—Фиг. 3. Монахиня. Фиг. 4.—Голова индѣйскаго или польскаго голубя.—Фиг. 5. Голова якобинскаго голубя.—Фиг. 6. Голова трубача.—Фиг. 7. Голова англійскаго почтоваго голубя. — Фиг. 8. Испанскій или римскій голубь. — Фиг. 9. Африканскій совиный голубь.—Фиг. 10. Трубастый голубь (Pfauentaube).

UNIV. OF
CALIFORNIA

своимъ происхожденіемъ огромнымъ, преобразовавшимъ значительную часть земной поверхности революціямъ и особенно колоссальнымъ вулканическимъ изверженіямъ. Такія горныя цѣпи, какъ Альпы или Кордильеры, должны были когда-нибудь выступить изъ огненно-жидкой внутренности земли черезъ громадную трещину лопнувшей земной коры. Ляйель, напротивъ, показалъ, что возможно объяснить себѣ происхожденіе такихъ огромныхъ горныхъ цѣпей естественнымъ путемъ, какъ результатъ медленныхъ незамѣтныхъ поднятій и опусканій земной поверхности, которыя еще и теперь происходятъ и причины которыхъ нисколько не поражаютъ насъ. Если эти поднятія и опусканія въ теченіе, быть можетъ, столѣтія достигаютъ только двухъ дюймовъ, или, въ крайнемъ случаѣ, нѣсколькихъ футовъ, то при продолжительности нѣсколькихъ милліоновъ лѣтъ они совершенно достаточны, чтобы выдвинуть высочайшія горныя цѣпи. Также метеорологическая дѣятельность атмосферы, дѣйствіе дождя и снѣга, прибой волнъ на прибрежьяхъ—силы, сами по себѣ, повидимому, незначительныя—при условіи же достаточно большой продолжительности времени вызываютъ величайшія измѣненія. *Суммированіе мельчайшихъ причинъ приводитъ къ величайшимъ дѣйствіямъ.* Капля воды долбитъ камень.

Впослѣдствіи намъ не разъ придется возвратиться къ необходимой здѣсь огромной продолжительности геологическихъ *промежутковъ времени*; допущеніе безконечно-громадной продолжительности времени безусловно необходимо какъ для дарвиновской теоріи, такъ и для Ляйеля. Если земля и ея организмы дѣйствительно развились естественнымъ путемъ, то это медленное и постепенное развитіе требовало такого промежутка-времени, представленіе о которомъ выходитъ изъ предѣловъ нашего пониманія. Такъ какъ многіе видятъ въ этомъ главное затрудненіе къ принятію теоріи развитія, то я напередъ замѣчу, что на самомъ дѣлѣ мы не имѣемъ ни малѣйшаго разумнаго основанія представлять себѣ необходимый для этого промежутокъ времени чѣмъ-нибудь ограниченнымъ. Намъ уже давно извѣстно на основаніи строенія и толщины наслоеній земной коры, что происхожденіе ея, выходъ нептуническихъ породъ изъ-подъ воды, по меньшей мѣрѣ, длился нѣсколько милліоновъ лѣтъ. Что же касается того, десять ли милліоновъ или десять тысячъ билліоновъ лѣтъ мы должны гипотетически принять для этого процесса, то съ точки зрѣнія критической натурфилософіи это рѣшительно безразлично. Передъ нами и позади насъ лежитъ вѣчность. Если же у многихъ допущеніе столь огромныхъ промежутковъ времени идетъ наперекоръ чувству, то это результатъ ложныхъ, внѣдренныхъ въ насъ еще въ ранней юности представленій о якобы короткой исторіи земли, обнимающей только немного тысячелѣтій. Какъ убѣдительно доказываетъ Альбертъ Ланге въ своей превосходной исторіи матеріализма, съ строго критической точки зрѣнія гораздо болѣе позволительно принимать во всякой естественно научной гипотезѣ слишкомъ большіе промежутки времени, чѣмъ слишкомъ малые. Всякій процессъ развитія тѣмъ скорѣе поддается пониманію, чѣмъ дольше онъ продолжается; короткій и ограниченный промежутокъ времени для этого является, такимъ образомъ, невѣроятнымъ.

Мы не имѣемъ времени ближе входить въ это превосходное произведеніе Ляйеля, и поэтому отмѣтимъ только тотъ важный результатъ его, что онъ съ основанія опровергнулъ исторію созданія Кювье съ ея миѳическими революціями; на ихъ мѣсто выдвинулъ единственно только постепенное преобразованіе земной коры, благодаря продолжительной

дѣятельности еще и теперь дѣйствующихъ на земной поверхности силъ, дѣятельности воды и вулканическихъ силъ. Ляйель такимъ образомъ доказалъ неразрывность послѣдовательнаго хода всей исторіи земли, и доказалъ это столь неопровержимо, столь ярко нарисовалъ господство «existing causes», еще и нынѣ дѣйствующихъ причинъ въ преобразованіи земной коры, что гипотеза Кювье, въ скоромъ времени совершенно исчезла изъ области геологіи.

Но замѣчательно то обстоятельство, что палеонтологія, наука объ окаменѣлостяхъ, поскольку она оставалась въ рукахъ ботаниковъ и зоологовъ, повидимому, не коснулась этого великаго успѣха геологіи. Біологія все еще продолжала принимать это повторяемое сызнова твореніе всего животнаго и растительнаго населенія въ началѣ каждаго новаго періода земной исторіи, несмотря на то, что гипотеза объ отдѣльныхъ, по частямъ производимыхъ твореніяхъ безъ допущенія революцій, обратилась въ явную нелѣпость и не выдерживала ни малѣйшей критики. Очевидная несообразность скрывалась въ подведеніи новаго творенія всего животнаго и растительнаго міра къ опредѣленному промежутку времени безъ какого-либо значительнаго общаго преобразованія самой земной коры. Несмотря на тѣснѣйшую связь такого представленія съ теоріей катастрофъ Кювье, оно продолжало даже послѣ паденія послѣдней сохранять свое господство.

Вполнѣ устранить это несогласіе удалось только великому англійскому естествоиспытателю Чарльзу Дарвину; онъ ясно доказалъ, что и животный міръ земли имѣетъ такую же неразрывно-связную исторію, какъ и земная кора, что животныя и растенія такъ постепенно произошли другъ отъ друга путемъ преобразованія или трансформаціи, какъ и мѣняющіяся формы земной коры — континенты и омывающія и раздѣляющія ихъ моря—произошли отъ прежнихъ, совершенно отличныхъ отъ нихъ формъ. Въ этомъ смыслѣ мы, разумѣется, могли бы сказать, что Дарвинъ, въ области зоологіи и ботаники, достигъ такого же успѣха, какъ Ляйель, его великій соотечественникъ, въ области геологіи. Оба они доказали безпрерывный связный ходъ историческаго развитія и показали постепенную смѣну различныхъ другъ за другомъ слѣдующихъ состояній.

Особенная заслуга Дарвина, какъ я уже замѣтилъ въ прошлой лекціи, двоякаго рода. Во-первыхъ, теорію измѣняемости видовъ Ламарка и Гёте онъ гораздо болѣе ясно изложилъ и привелъ въ болѣе связное цѣлое, чѣмъ это удалось остальнымъ его предшественникамъ. Во-вторыхъ, своимъ собственнымъ ученіемъ о естественномъ подборѣ онъ положилъ твердый причинный фундаментъ этому ученію о происхожденіи, т. е. онъ указалъ дѣйствующія *причины* тѣхъ *измѣненій*, которыя ученіе о происхожденіи разсматриваетъ, какъ *фактъ*. Теорія измѣняемости видовъ, введенная въ біологію Ламаркомъ 1809 г., утверждаетъ, что всѣ различные животные и растительные виды, происходятъ отъ одной или нѣсколькихъ немногихъ крайне простыхъ, произвольно возникшихъ первичныхъ формъ. Основанная же Дарвиномъ теорія естественнаго подбора показываетъ намъ, *почему* это должно было наступить, она указываетъ намъ дѣйствующія причины, какъ это Кантъ могъ только пожелать; Дарвинъ, на самомъ дѣлѣ явился въ этой области органическаго естествознанія новымъ Ньютономъ, появленіе котораго Кантъ находилъ возможнымъ пророчески отрицать.

Приступая къ теоріи Дарвина, предпошлемъ нѣсколько словъ о личности этого великаго естествоиспытателя, о его жизни и о томъ пути,

которымъ онъ пришелъ къ своему ученію. Подробная біографія его издана (въ трехъ томахъ) въ 1887 году однимъ изъ его сыновей, Франсисомъ Дарвиномъ. Чарльзъ Робертъ Дарвинъ родился 12 февраля 1809 года, въ Шрюсбери, на рѣкѣ Севернъ, и умеръ 19 апрѣля 1882 года, въ своемъ имѣніи Даунъ, въ Кентѣ, 73 лѣтъ отъ роду. Семнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ эдинбургскій университетъ, а черезъ два года въ кембриджскій коллежъ Христа. 22 лѣтъ онъ былъ приглашенъ къ участію въ естественнонаучной экспедиціи, снаряженной англичанами главнымъ образомъ для болѣе точнаго изслѣдованія южной оконечности южной Америки и различныхъ мѣстъ южнаго океана. Эта экспедиція, подобно многимъ другимъ знаменитымъ научнымъ путешествіямъ, преслѣдовала какъ научныя, такъ и практическія, важныя для судоходства цѣли. Этотъ корабль, управляемый капитаномъ Фицроемъ, носилъ мѣстное символическое названіе «Бигль», или ищейная собака. Продолжавшееся пять лѣтъ путешествіе на Биглѣ, имѣло для всего развитія Дарвина громадное значеніе: уже въ первый годъ, когда онъ впервые ступилъ на почву южной Америки, въ немъ зародилась та мысль ученія о происхожденіи, которую позже онъ привелъ къ необыкновенно полному расцвѣту. Это путешествіе, столь увлекательно изложенное самимъ Дарвиномъ, бросаетъ яркій свѣтъ на многосторонность талантовъ юнаго естествоиспытателя. Въ этомъ описаніи путешествія вы не только познакомитесь съ обаятельной личностью Дарвина, но и многократно будете видѣть слѣды пути, приведшаго къ его открытіямъ. Результатомъ этого путешествія, явилось прежде всего великое научное произведеніе, въ зоологическомъ и геологическомъ отдѣлѣ котораго Дарвинъ принималъ значительное участіе, затѣмъ, превосходная работа его объ образованіи коралловыхъ рифовъ, научныхъ достоинствъ которой было бы совершенно достаточно для того, чтобы покрыть имя его неувядаемою славой. Какъ извѣстно, острова южнаго океана или состоятъ изъ коралловыхъ рифовъ или окружены ими. Замѣчательное разнообразіе ихъ формы и отношеніе ихъ къ островамъ, состоящимъ не изъ коралловъ, раньше не могло быть удовлетворительно объяснено. Только Дарвину удалось разрѣшить эту трудную задачу,— кромѣ строительной дѣятельности коралловыхъ животныхъ, онъ принялъ еще геологическія поднятія и опусканія морского дна для происхожденія различныхъ рифовыхъ формъ. Дарвиновская теорія о происхожденіи коралловыхъ рифовъ, такъ же, какъ его болѣе поздняя теорія происхожденія органическихъ видовъ, является теоріей, блестяще объясняющей явленія исключительно простѣйшими естественными причинами безъ гипотетическаго допущенія какихъ-либо неизвѣстныхъ процессовъ. Среди остальныхъ его болѣе раннихъ работъ, слѣдуетъ еще указать на превосходную монографію усоногихъ, замѣчательнаго класса морскихъ животныхъ, сходныхъ по своему наружному виду съ раковинами, и на самомъ дѣлѣ Кювье ихъ принялъ за двустворчатыхъ моллюсковъ, въ то время, какъ въ дѣйствительности они принадлежатъ къ ракообразнымъ животнымъ (crustacea).

По возвращеніи изъ продолжительнаго путешествія Дарвинъ провелъ шесть лѣтъ (отъ 1836—1842 г.) частью въ Лондонѣ, частью въ Кэмбриджѣ. Зимой 1839 года онъ женился на своей двоюродной сестрѣ, Еммѣ Уидгьюдъ. Чрезвычайныя трудности пятилѣтняго путешествія на «Биглѣ» такъ разстроили его здоровье, что вскорѣ онъ долженъ былъ удалиться отъ шумной жизни Лондона. Онъ купилъ осенью 1842 года имѣніе въ небольшой деревнѣ Даунъ, недалеко отъ Бромлея въ Кентѣ

(едва одинъ часъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Лондона). Здѣсь онъ провелъ въ спокойномъ уединеніи сорокъ лѣтъ, не переставая до конца жизни настойчиво заниматься научными работами. Спокойная жизнь вдали отъ шумнаго движенія великаго мірового центра, общеніе съ уединенной природой и счастливая жизнь среди своей семьи сберегли ему силу и бодрость въ работѣ несмотря на его слабое здоровье.

Оставаясь вдали отъ различныхъ занятій, раздваивавшихъ его силы въ Лондонѣ, онъ могъ сосредоточить всю свою дѣятельность на изученіи великой проблемы, намѣченной имъ во время его путешествія. Чтобы вамъ показать, какія наблюденія во время кругосвѣтнаго плаванія особенно натолкнули его на основную мысль о естественномъ подборѣ, и какъ онъ подвергнулъ ее дальнѣйшему развитію, позвольте мнѣ привести вамъ одно мѣсто изъ его письма ко мнѣ 8 октября 1864 года.

«Въ Южной Америкѣ предо мной особенно живо стояло *три класса явленій*: *во-первыхъ*, способъ вытѣсненія и замѣщенія близко родственныхъ видовъ при переходѣ съ сѣвера къ югу; *во-вторыхъ*, близкое родство видовъ, населяющихъ острова, прилегающіе къ Южной Америкѣ и видовъ, свойственныхъ континенту, это явленіе приводило меня въ сильное изумленіе, особенно же родство видовъ, населяющихся недалеко расположенный архипелагъ Галапагосъ; *въ-третьихъ*, близкое отношеніе живущихъ неполнозубыхъ млекопитающихъ (edentata) и грызуновъ (rodentia) къ вымершимъ видамъ. Никогда не забуду своего удивленія, когда я выкопалъ исполинскій кусокъ панцыря, подобный панцырю броненосца. Когда я задумался надъ этими фактами и сравнилъ съ ними нѣкоторыя сходныя явленія, то мнѣ показалась вѣроятной возможность общаго происхожденія близко родственныхъ видовъ отъ одной основной формы. Но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я не могъ понять, какъ могла каждая форма такъ превосходно приспособиться къ особеннымъ условіямъ жизни. Съ этою цѣлью я началъ систематически изучать домашнихъ животныхъ и садовыя растенія, и чрезъ нѣкоторое время ясно увидѣлъ, что важнѣйшая пребразовательная сила лежитъ въ возможномъ для человѣка искусственномъ подборѣ въ пользованіи отборными индивидами для приплода. Благодаря тому, что я многократно изучалъ образъ жизни и нравъ животныхъ, я былъ приготовленъ къ вѣрной оцѣнкѣ борьбы за существованіе; а мои геологическія работы дали мнѣ представленіе о громадной продолжительности истекшихъ періодовъ времени. Когда я по счастливой случайности прочелъ книгу Мальтуса «о народонаселеніи», во мнѣ родилась мысль о естественномъ подборѣ. Среди всѣхъ соподчиненныхъ ему положеній послѣднимъ, какое я научился вѣрно цѣнить, было—значеніе и причины принципа расхожденія».

Послѣ возвращенія изъ путешествія Дарвинъ въ спокойномъ уединіи занимался, какъ видимъ изъ этого сообщенія, преимущественно изученіемъ организмовъ въ культурномъ состояніи, домашнихъ животныхъ и садовыхъ растеній. Несомнѣнно, это былъ ближайшій и вѣрнѣйшій путь къ теоріи естественнаго подбора. Какъ во всѣхъ своихъ работахъ, Дарвинъ и здѣсь былъ крайне точенъ и тщателенъ. Съ осторожностью, достойной удивленія, и, такъ сказать, съ самоотрицаніемъ онъ въ теченіе 21 года, отъ 1837 до 1858 года, ничего не опубликовалъ объ этомъ открытіи, даже не опубликовалъ предварительнаго очерка своей теоріи, сдѣланнаго имъ уже въ 1844 году. Онъ хотѣлъ собрать все болѣе и болѣе твердо обоснованныя эмпирическія доказательства, чтобы имѣть возможность предложить свою теорію, поставленную такимъ обра-

зомъ на наивозможно болѣе широкое эмпирическое основаніе. Это стремленіе къ наивозможно высшему совершенству скрывало въ себѣ опасность для этой теоріи, рисковавшей такимъ образомъ никогда вообще не увидѣть свѣта. Но, къ счастью, сдержанность Дарвина была нарушена письмомъ одного соотечественника его, самостоятельно придумавшаго и построившаго теорію естественнаго подбора; онъ послалъ Дарвину въ 1858 году основныя черты ея съ просьбой передать ее Ляйелю для опубликованія въ одномъ англійскомъ журналѣ. Этотъ англичанинъ былъ Альфредъ Уоллесъ, одинъ изъ отважныхъ и почтенныхъ естествонаучныхъ путешественниковъ послѣдняго времени. Много лѣтъ провелъ Уоллесъ въ одиночествѣ, бродя въ пустыняхъ Южной Америки и въ дѣвственныхъ лѣсахъ Индійскаго архипелага; при этомъ непосредственномъ и обширномъ изученіи богатѣйшей и интереснѣйшей природы съ чрезвычайно разнообразнымъ животнымъ и растительнымъ міромъ онъ пришелъ къ совершенно тѣмъ же самымъ воззрѣніямъ на происхожденіе органическихъ видовъ, какъ и Дарвинъ. Ляйель и Гукеръ, давно уже оба знавшіе работу Дарвина, предложили ему напечатать короткое извлеченіе изъ его рукописей одновременно съ посланнымъ Уоллесомъ манускриптомъ, что и случилось въ августѣ 1858 года въ «Journal of the Linnean Society».

Въ ноябрѣ 1859 года появилось затѣмъ сдѣлавшее эпоху произведеніе Дарвина «О происхожденіи видовъ», въ которомъ теорія подбора подробно обоснована. Однако, самъ Дарвинъ считалъ эту книгу только предварительнымъ извлеченіемъ изъ гораздо болѣе обширнаго и подробнаго произведенія, долженствовавшаго охватить на почвѣ эмпирическихъ доказательствъ массу фактовъ въ пользу его теоріи. Первая часть задуманнаго имъ главнаго произведенія появилась въ 1868 году подъ заглавіемъ «Варіаціи животныхъ и растеній въ прирученномъ состояніи». Оно содержитъ громадную массу превосходныхъ доказательствъ поразительнаго измѣненія органическихъ формъ, достигаемаго человѣкомъ, благодаря культурѣ и искусственному подбору. Какъ ни глубоко мы обязаны Дарвину за это обиліе фактическихъ доказательствъ, однако мы далеко не раздѣляемъ того мнѣнія нѣкоторыхъ натуралистовъ, что будто бы только эти дальнѣйшія подробности доказательствъ могутъ прочно утвердить теорію естественнаго подбора. По нашему мнѣнію, уже первое произведеніе Дарвина, появившееся въ 1859 году, содержитъ въ себѣ въ достаточно полномъ объемѣ доказательства въ пользу этой теоріи. Непостижимая сила его теоріи лежитъ не въ безконечной безднѣ отдѣльныхъ фактовъ, какіе онъ могъ привести въ доказательство, а въ гармоническомъ единеніи великаго и обширнаго ряда явленій органической природы; всѣ они согласно свидѣтельствуютъ о справедливости теоріи естественнаго подбора.

Само собой понятно, убѣдившись въ справедливости теоріи измѣняемости видовъ, Дарвинъ долженъ былъ сдѣлать важнѣйшій заключительный выводъ о происхожденіи человѣческаго рода отъ другихъ млекопитающихъ. Однако, въ главномъ своемъ произведеніи онъ намѣренно не коснулся его. И только послѣ того, какъ этотъ важнѣйшій выводъ другими естествоиспытателями былъ рѣшительно провозглашенъ, какъ необходимое слѣдствіе ученія о происхожденіи, Дарвинъ открыто призналъ его и тѣмъ завершилъ «увѣнчаніе своего зданія». Это случилось въ чрезвычайно интересномъ, появившемся въ 1871 году, произведеніи о «происхожденіи человѣка и половомъ подборѣ». Въ качествѣ прибавленія къ этой книгѣ является глубокое произведеніе, опублико-

(едва одинъ часъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Лондона). Здѣсь онъ провелъ въ спокойномъ уединеніи сорокъ лѣтъ, не переставая до конца жизни настойчиво заниматься научными работами. Спокойная жизнь вдали отъ шумнаго движенія великаго мірового центра, общеніе съ уединенной природой и счастливая жизнь среди своей семьи сберегли ему силу и бодрость въ работѣ несмотря на его слабое здоровье.

Оставаясь вдали отъ различныхъ занятій, раздваивавшихъ его силы въ Лондонѣ, онъ могъ сосредоточить всю свою дѣятельность на изученіи великой проблемы, намѣченной имъ во время его путешествія. Чтобы вамъ показать, какія наблюденія во время кругосвѣтнаго плаванія особенно натолкнули его на основную мысль о естественномъ подборѣ, и какъ онъ подвергнулъ ее дальнѣйшему развитію, позвольте мнѣ привести вамъ одно мѣсто изъ его письма ко мнѣ 8 октября 1864 года.

«Въ Южной Америкѣ предо мной особенно живо стояло *три класса явленій*: *во-первыхъ*, способъ вытѣсненія и замѣщенія близко родственныхъ видовъ при переходѣ съ сѣвера къ югу; *во-вторыхъ*, близкое родство видовъ, населяющихъ острова, прилегающіе къ Южной Америкѣ и видовъ, свойственныхъ континенту, это явленіе приводило меня въ сильное изумленіе, особенно же родство видовъ, населяющихся недалеко расположенный архипелагъ Галапагосъ; *въ-третьихъ*, близкое отношеніе живущихъ неполнозубыхъ млекопитающихъ (edentata) и грызуновъ (rodentia) къ вымершимъ видамъ. Никогда не забуду своего удивленія, когда я выкопалъ исполинскій кусокъ панцыря, подобный панцырю броненосца. Когда я задумался надъ этими фактами и сравнилъ съ ними нѣкоторыя сходныя явленія, то мнѣ показалась вѣроятной возможность общаго происхожденія близко родственныхъ видовъ отъ одной основной формы. Но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я не могъ понять, какъ могла каждая форма такъ превосходно приспособиться къ особеннымъ условіямъ жизни. Съ этою цѣлью я началъ систематически изучать домашнихъ животныхъ и садовыя растенія, и чрезъ нѣкоторое время ясно увидѣлъ, что важнѣйшая пребразовательная сила лежитъ въ возможномъ для человѣка искусственномъ подборѣ въ пользованіи отборными индивидами для приплода. Благодаря тому, что я многократно изучалъ образъ жизни и нравъ животныхъ, я былъ приготовленъ къ вѣрной оцѣнкѣ борьбы за существованіе; а мои геологическія работы дали мнѣ представленіе о громадной продолжительности истекшихъ періодовъ времени. Когда я по счастливой случайности прочелъ книгу Мальтуса «о народонаселеніи», во мнѣ родилась мысль о естественномъ подборѣ. Среди всѣхъ соподчиненныхъ ему положеній послѣднимъ, какое я научился вѣрно цѣнить, было—значеніе и причины принципа расхожденія».

Послѣ возвращенія изъ путешествія Дарвинъ въ спокойномъ уединіи занимался, какъ видимъ изъ этого сообщенія, преимущественно изученіемъ организмовъ въ культурномъ состояніи, домашнихъ животныхъ и садовыхъ растеній. Несомнѣнно, это былъ ближайшій и вѣрнѣйшій путь къ теоріи естественнаго подбора. Какъ во всѣхъ своихъ работахъ, Дарвинъ и здѣсь былъ крайне точенъ и тщателенъ. Съ осторожностью, достойной удивленія, и, такъ сказать, съ самоотрицаніемъ онъ въ теченіе 21 года, отъ 1837 до 1858 года, ничего не опубликовалъ объ этомъ открытіи, даже не опубликовалъ предварительнаго очерка своей теоріи, сдѣланнаго имъ уже въ 1844 году. Онъ хотѣлъ собрать все болѣе и болѣе твердо обоснованныя эмпирическія доказательства, чтобы имѣть возможность предложить свою теорію, поставленную такимъ обра-

зомъ на наивозможно болѣе широкое эмпирическое основаніе. Это стремленіе къ наивозможно высшему совершенству скрывало въ себѣ опасность для этой теоріи, рисковавшей такимъ образомъ никогда вообще не увидѣть свѣта. Но, къ счастью, сдержанность Дарвина была нарушена письмомъ одного соотечественника его, самостоятельно придумавшаго и построившаго теорію естественнаго подбора; онъ послалъ Дарвину въ 1858 году основныя черты ея съ просьбой передать ее Ляйелю для опубликованія въ одномъ англійскомъ журналѣ. Этотъ англичанинъ былъ Альфредъ Уоллесъ, одинъ изъ отважныхъ и почтенныхъ естествонаучныхъ путешественниковъ послѣдняго времени. Много лѣтъ провелъ Уоллесъ въ одиночествѣ, бродя въ пустыняхъ Южной Америки и въ дѣвственныхъ лѣсахъ Индійскаго архипелага; при этомъ непосредственномъ и обширномъ изученіи богатѣйшей и интереснѣйшей природы съ чрезвычайно разнообразнымъ животнымъ и растительнымъ міромъ онъ пришелъ къ совершенно тѣмъ же самымъ воззрѣніямъ на происхожденіе органическихъ видовъ, какъ и Дарвинъ. Ляйель и Гукеръ, давно уже оба знавшіе работу Дарвина, предложили ему напечатать короткое извлеченіе изъ его рукописей одновременно съ посланнымъ Уоллесомъ манускриптомъ, что и случилось въ августѣ 1858 года въ «Journal of the Linnean Society».

Въ ноябрѣ 1859 года появилось затѣмъ сдѣлавшее эпоху произведеніе Дарвина «О происхожденіи видовъ», въ которомъ теорія подбора подробно обоснована. Однако, самъ Дарвинъ считалъ эту книгу только предварительнымъ извлеченіемъ изъ гораздо болѣе обширнаго и подробнаго произведенія, долженствовавшаго охватить на почвѣ эмпирическихъ доказательствъ массу фактовъ въ пользу его теоріи. Первая часть задуманнаго имъ главнаго произведенія появилась въ 1868 году подъ заглавіемъ «Варіаціи животныхъ и растеній въ прирученномъ состояніи». Оно содержитъ громадную массу превосходныхъ доказательствъ поразительнаго измѣненія органическихъ формъ, достигаемаго человѣкомъ, благодаря культурѣ и искусственному подбору. Какъ ни глубоко мы обязаны Дарвину за это обиліе фактическихъ доказательствъ, однако мы далеко не раздѣляемъ того мнѣнія нѣкоторыхъ натуралистовъ, что будто бы только эти дальнѣйшія подробности доказательствъ могутъ прочно утвердить теорію естественнаго подбора. По нашему мнѣнію, уже первое произведеніе Дарвина, появившееся въ 1859 году, содержитъ въ себѣ въ достаточно полномъ объемѣ доказательства въ пользу этой теоріи. Непостижимая сила его теоріи лежитъ не въ безконечной безднѣ отдѣльныхъ фактовъ, какіе онъ могъ привести въ доказательство, а въ гармоническомъ единеніи великаго и обширнаго ряда явленій органической природы; всѣ они согласно свидѣтельствуютъ о справедливости теоріи естественнаго подбора.

Само собой понятно, убѣдившись въ справедливости теоріи измѣняемости видовъ, Дарвинъ долженъ былъ сдѣлать важнѣйшій заключительный выводъ о происхожденіи человѣческаго рода отъ другихъ млекопитающихъ. Однако, въ главномъ своемъ произведеніи онъ намѣренно не коснулся его. И только послѣ того, какъ этотъ важнѣйшій выводъ другими естествоиспытателями былъ рѣшительно провозглашенъ, какъ необходимое слѣдствіе ученія о происхожденіи, Дарвинъ открыто призналъ его и тѣмъ завершилъ «увѣнчаніе своего зданія». Это случилось въ чрезвычайно интересномъ, появившемся въ 1871 году, произведеніи о «происхожденіи человѣка и половомъ подборѣ». Въ качествѣ прибавленія къ этой книгѣ является глубокое произведеніе, опубліко-

ванное Дарвиномъ въ 1872 году, «о выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ».

Величайшее значеніе для обоснованія теоріи естественнаго подбора имѣло его подробное изученіе *домашнихъ животныхъ* и *культурныхъ растеній*. Безконечно-разнообразныя измѣненія, произведенныя человѣкомъ въ прирученныхъ организмахъ искусственнымъ половымъ подборомъ, представляютъ величайшее значеніе для правильнаго пониманія животныхъ и растительныхъ формъ; и тѣмъ не менѣе изученіе ихъ невѣроятнымъ образомъ игнорируется въ послѣднее время зоологами и ботаниками. Не только толстые томы, но и цѣлыя библіотеки наполнены описаніемъ отдѣльныхъ видовъ или species и притомъ вмѣстѣ съ крайне ребяческими спорами о томъ, хорошіе или довольно хорошіе, худые или довольно худые эти виды, не касаясь однако самаго понятія о видѣ. Такимъ образомъ, важнѣйшій передовой вопросъ о томъ, что же такое species, при этомъ обходится ими. А если бы эти натуралисты, вмѣсто того, чтобы тратить время на безплодныя забавы, обратились къ изученію культурныхъ организмовъ и взглянули не только на мертвыя формы, но и на превращеніе живыхъ организмовъ, то они далеко не такъ долго оставались бы въ оковахъ догмы Кювье. Но такъ какъ эти культурные организмы въ догматическомъ пониманіи неподвижности вида, постоянства species представляются весьма неудобными, то они по большей части намѣренно замалчиваются ими; неоднократно, даже со стороны знаменитыхъ натуралистовъ, высказывалась мысль, что эти культурные организмы, домашнія животныя и садовыя растенія, суть искусственные продукты человѣка; образованіе и превращеніе ихъ не можетъ прояснить вопроса о сущности вида и о происхожденіи формъ въ дикомъ природномъ состояніи.

Это превратное пониманіе зашло столь далеко, что, напр., мюнхенскій зоологъ Андрей Вагнеръ съ совершенно серьезнымъ видомъ выставилъ такое смѣхотворное утвержденіе: животныя и растенія въ дикомъ состояніи сотворены создателемъ, какъ опредѣленнымъ образомъ различающіеся и неизмѣнные виды; а для домашнихъ животныхъ и культурныхъ растеній это не является необходимымъ, такъ какъ онъ, разумѣется, опредѣлилъ ихъ на пользу человѣка. Создатель, такимъ образомъ, сотворилъ человѣка изъ земляной глыбы, вдунулъ ему въ носъ живое дыханіе и создалъ для него различныхъ полезныхъ домашнихъ животныхъ и садовыя растенія, избавивъ себя отъ излишняго труда видового различенія ихъ. Представляетъ ли *древо познанія* въ райскомъ саду «хорошій» дикій *species* или культурное растеніе, вообще «*совсѣмъ не species*», къ сожалѣнію, мы не находимъ у Андрея Вагнера. Такъ какъ древо познанія стояло посреди сада, то прежде думали, что оно наилучшее культурное растеніе и потому не представляетъ вообще никакого вида. Но такъ какъ, съ другой стороны, плоды древа познанія запрещены для человѣка, и многіе люди, какъ показываетъ собственный примѣръ Вагнера, никогда не вкушали этихъ плодовъ, то оно, очевидно, создано не для пользованія человѣкамъ, и, поэтому, представляетъ, вѣроятно, дѣйствительный *species*. Какъ жаль, что Вагнеръ не научилъ насъ разбираться въ этомъ важномъ и трудномъ вопросѣ!

Какъ ни смѣшенъ этотъ взглядъ, однако онъ составляетъ только послѣдовательный выводъ изъ ложнаго, въ дѣйствительности широко распространеннаго взгляда на особенную сущность культурныхъ организмовъ, и вы нерѣдко услышите отъ весьма почтенныхъ натуралистовъ

подобныя возраженія. Противъ такого ложнаго въ основаніи воззрѣнія, разумѣется, я долженъ рѣшительно возстать; оно въ такой же степени превратно, какъ и взглядъ нѣкоторыхъ врачей, утверждающихъ, что болѣзни—искусственные продукты культуры, не естественныя явленія. Потребовалось много труда, чтобы опровергнуть этотъ предразсудокъ; только въ недавнее время получилъ общее признаніе тотъ взглядъ, что болѣзни не что иное, какъ естественныя измѣненія организма, дѣйствительно естественныя жизненныя явленія, вызванныя измѣненными ненормальными условіями существованія. Болѣзнь не есть, какъ нерѣдко выражались древніе врачи, жизнь внѣ природы (vita praeter naturam), но естественная жизнь среди опредѣленныхъ вредныхъ условій, угрожающихъ опасностью нашему тѣлу. Подобнымъ образомъ и культурные организмы не искусственные продукты человѣка, но естественные продукты природы, возникшіе при особенныхъ условіяхъ жизни. Человѣкъ никогда не могъ своей культурой создать новую органическую форму, но онъ можетъ воспитать организмы среди новыхъ жизненныхъ условій, дѣйствующихъ на нихъ преобразующимъ образомъ. Всѣ домашнія животныя и всѣ садовыя растенія происходятъ первоначально отъ дикихъ видовъ, которые культурой только постепенно преобразованы.

Тщательное сравненіе культурныхъ формъ (породъ и мелкихъ разновидностей) съ дикими, не измѣненными культурой организмами (видами и разновидностями) представляетъ для теоріи естественнаго подбора величайшую важность. Что прежде всего особенно насъ поражаетъ, такъ это краткость времени, въ теченіе котораго человѣкъ въ состояніи достигнуть новой формы, и то изумительное различіе формы которое отдѣляетъ эти полученныя человѣкомъ формы отъ первоначальныхъ основныхъ формъ. Дикія животныя и растенія появляются предъ глазами зоолога и ботаника изъ года-въ-годъ приблизительно въ одной и той же формѣ, такъ что отсюда можетъ получиться ложная догма о постоянствѣ вида. Напротивъ, домашнія животныя и садовыя растенія обнаруживаютъ въ теченіе немногихъ лѣтъ величайшія измѣненія. Совершенство, достигаемое садовниками и сельскими хозяевами, благодаря искусственной разводкѣ, позволяетъ теперь въ весьма короткое время, въ теченіе немногихъ лѣтъ, произвольно создать совершенно новую животную и растительную форму. Для этой цѣли надо только держать и разводить организмы подъ дѣйствіемъ особенныхъ условій, способныхъ вызвать новое образованіе; и уже черезъ нѣсколько поколѣній можно имѣть новые виды, отступленія которыхъ отъ первоначальной формы достигаютъ гораздо высшей степени, чѣмъ отличія другъ отъ друга такъ называемыхъ хорошихъ видовъ въ дикомъ состояніи. Этотъ фактъ крайне важенъ и не можетъ быть достаточно полно оцѣненъ. Еще часто утверждаютъ, что культурныя формы, происходящія отъ одной и той же основной формы, не такъ сильно различаются между собой, какъ дикія животныя и растительные виды. Но это невѣрно. Производя безъ предвзятой мысли сравненіе, легко убѣдиться въ противоположномъ. Множество породъ и подвидовъ, полученныхъ нами въ короткій періодъ времени отъ одной культурной формы, представляетъ гораздо большія отличія другъ отъ друга, чѣмъ такъ называемые хорошіе виды («bonae species») или различные роды семействъ въ дикомъ состояніи.

Для того, чтобы наивозможно болѣе обосновать этотъ крайне важный фактъ, Дарвинъ рѣшилъ подробно изучить одну группу домаш-

нихъ животныхъ во всемъ объемѣ многообразія ихъ формъ. Онъ избралъ для этого домашнихъ голубей, такъ какъ они во многихъ отношеніяхъ представляютъ для этого особенныя удобства. Онъ держалъ въ теченіе долгаго времени въ своемъ имѣніи всѣ возможныя породы и мелкія разновидности голубя, какія только онъ могъ получить, и которыя ему щедро присылали изъ всѣхъ странъ міра. Кромѣ того, онъ записался въ члены двухъ лондонскихъ голубиныхъ клубовъ, которые были заняты разведеніемъ всевозможныхъ голубиныхъ формъ съ истинно-художественною виртуозностью и съ неугасаемою страстью. Наконецъ, онъ вступилъ въ союзъ съ нѣкоторыми знаменитыми любителями голубей. Такимъ образомъ, оказался въ его распоряженіи богатѣйшій эмпирическій матеріалъ.

Искусство и страсть къ разведенію голубей издревле извѣстны. Уже болѣе, чѣмъ за 3.000 лѣтъ до Р. Х. этимъ искусствомъ занимались египтяне. Римляне въ періодъ имперіи выдавали огромныя суммы за это и вели точный родословный регистръ происхожденія ихъ, совершенно такъ, какъ весьма тщательный генеалогическій регистръ вели арабы для своихъ лошадей, а мекленбургскіе дворяне для своихъ предковъ. Также въ Азіи разведеніе голубей издавна составляло страсть богатыхъ князей, и двору Акберъ Кана принадлежало около 1600 года болѣе 20.000 голубей. Такъ развивалось въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, съ помощью разнохарактерныхъ методовъ разведенія и въ различныхъ странахъ міра изъ одной единственной, первоначально прирученной формы такое огромное множество разнородныхъ породъ и разновидностей; ихъ крайнія формы чрезвычайно различны.

Одною изъ поразительныхъ голубиныхъ породъ является извѣстный трубачъ, у котораго хвостъ развивается, какъ у индюка, и несетъ 30—40 лучеобразно расположенныхъ перьевъ; между тѣмъ какъ у другихъ голубей гораздо меньшее число перьевъ въ хвостѣ, почти всегда 12. При этомъ не мѣшаетъ упомянуть, что число хвостовыхъ (рулевыхъ) перьевъ у птицъ многими систематиками высоко оцѣнивается, какъ систематическій признакъ, такъ что цѣлыя породы можно различать по числу ихъ. Такъ, напр., пѣвчія птицы имѣютъ почти исключительно 12 перьевъ, кричащія птицы (strisores) 10 и т. д. Далѣе, нѣкоторыя породы голубя особенно отличаются перьями на затылкѣ, образующими нѣчто вродѣ капюшона; другія — замѣчательнымъ преобразованіемъ клюва и ногъ, поразительными цвѣтными украшеніями кожи, развивающимися на головѣ, большимъ зобомъ, вызывающимъ вздутіе пищевой трубки у шеи и т. д. Замѣчательны также удивительныя привычки, пріобрѣтенныя многими голубями, напр., пересмѣшники и трубачи съ ихъ музыкальными звуками, почтовые голуби съ ихъ топографическими инстинктами. Турманы обладаютъ удивительной привычкой, высоко поднявшись въ большой кучѣ, падать внизъ подобно мертвымъ, кувыркаясь притомъ въ воздухѣ. Нравъ и привычки этихъ безконечно различныхъ голубиныхъ породъ, форма, величина и окраска отдѣльныхъ частей тѣла и отношенія ихъ между собой въ высокой степени несходны, въ гораздо высшей степени, чѣмъ у такъ называемыхъ хорошихъ видовъ или даже различныхъ родовъ дикаго голубя. И, что особенно важно, эти различія простираются не только на образованіе внѣшней формы, но и на важнѣйшія внутреннія части; происходятъ даже значительныя измѣненія скелета и мускулатуры. Такъ, напр., появляются громадныя различія въ числѣ позвонковъ и реберъ, въ величинѣ и формѣ отверстій грудной кости, въ

формѣ и величинѣ дужки, нижней челюсти, лицевыхъ костей и т. д. Короче, костный скелетъ, принимаемый морфологами за весьма постоянную часть тѣла, подверженъ столь сильнымъ измѣненіямъ, что многія породы можно было бы разсматривать, какъ отдѣльные роды. Это, безъ сомнѣнія, и было бы, если бы всѣ эти различныя формы раздѣльно встрѣчались въ природѣ въ дикомъ состояніи.

Насколько велико разнообразіе голубиныхъ породъ, лучше всего показываетъ то обстоятельство, что почти всѣ любители голубей единодушно придерживаются того взгляда, что всякая своеобразная или особенно замѣчательная порода должна была происходить отъ отдѣльнаго дикаго вида. И тѣмъ не менѣе, Дарвинъ съ убѣдительнымъ остроуміемъ привелъ вѣское доказательство, что всѣ онѣ безъ исключенія должны происходить отъ одной единственной дикой формы, сизаго дикаго голубя (Columba livia). См. Т. I.—Подобнымъ образомъ можно доказать для большинства остальныхъ домашнихъ животныхъ и культурныхъ растеній, что всѣ эти различныя породы суть потомки одного единственнаго первоначальнаго дикаго вида, приведеннаго человѣкомъ въ культурное состояніе.

Такой же примѣръ, какъ и домашній голубь, представляетъ намъ среди млекопитающихъ нашъ ручной *кроликъ*. Всѣ, безъ исключенія, зоологи издавна уже считали доказаннымъ, что всѣ породы и подпороды его происходятъ отъ обыкновеннаго дикаго кролика, поэтому отъ одного единственнаго первоначальнаго вида. И однако жъ крайнія формы этихъ породъ въ поразительной степени различны между собой; всякій зоологъ, встрѣчавшій ихъ въ дикомъ состояніи, не задумавшись, принялъ бы ихъ не только за совершенно различные «хорошіе виды», но и за виды, принадлежащіе къ совершенно различнымъ родамъ семейства зайцевъ. Не только окраска, длина волоса и другія свойства мѣха у различныхъ породъ домашняго кролика чрезвычайно многообразны и въ крайнихъ формахъ весьма несходны, но, что всего важнѣе, весьма не сходна типическая форма скелета и отдѣльныхъ частей его, особенно форма черепа и столь важная для систематики челюсть, далѣе относительная длина ушей, ногъ и т. д. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ породы домашняго кролика, безспорно, отличаются гораздо сильнѣе, чѣмъ всѣ различныя формы дикихъ кроликовъ и зайцевъ, которые въ качествѣ «хорошихъ видовъ» рода lepus разсѣяны по всей землѣ. И тѣмъ не менѣе, вопреки столь яркимъ фактамъ, противники теоріи развитія утверждаютъ, что дикіе виды не могутъ происходить отъ общей основной формы, между тѣмъ какъ для домашнихъ породъ они безъ разговоровъ допускаютъ это. Конечно, нѣтъ нужды спорить съ тѣми противниками, которые намѣренно закрываютъ глаза передъ яркимъ свѣтомъ истины.

Въ то время, какъ для домашняго голубя, ручного кролика, лошади, несмотря на замѣчательное разнообразіе ихъ породъ, общее происхожденіе ихъ отъ одного единственнаго дикаго вида является доказаннымъ, для другихъ домашнихъ животныхъ, именно собаки, свиньи и рогатаго скота, во всякомъ случнѣ вѣроятнѣе производить разнообразныя породы ихъ отъ нѣсколькихъ дикихъ первоначальныхъ видовъ, смѣшивающихся притомъ между собой въ культурномъ состояніи. Число же первоначальныхъ дикихъ видовъ всегда незначительно и гораздо меньше, чѣмъ число культурныхъ формъ, происшедшихъ отъ нихъ путемъ смѣшиванія и разведенія. Само собою разумѣется, всѣ эти дикіе виды также происходятъ отъ одной только общей исходной формы цѣлаго

рода. Но ни въ какомъ случаѣ не происходитъ каждая отдѣльная куль турная порода отъ отдѣльнаго даннаго вида.

Въ противоположность этому, большинство сельскихъ хозяевъ и са доводовъ съ крайнею опредѣленностью утверждаетъ, что каждая от дѣльная воспитанная ими порода должна происходить отъ отдѣльнаг дикаго вида; хорошо понимая различіе породъ и высоко оцѣнивая на слѣдственность ихъ свойствъ, они совсѣмъ не подозрѣваютъ, что по слѣднія возникли путемъ продолжительнаго накопленія мелкихъ едва замѣтныхъ измѣненій. И въ этомъ отношеніи сравненіе культурныхъ породъ съ дикими видами крайне поучительно.

Со многихъ сторонъ, и именно, со стороны противниковъ теоріи развитія, прилагается величайшій трудъ къ тому, чтобы найти какой-нибудь морфологическій или физіологическій признакъ, какое-нибудь характерное свойство, на основаніи котораго можно было бы рѣзко и опредѣленно отдѣлять искусственно полученныя, культивированныя «расы» отъ естественно возникшихъ, дикихъ «видовъ». Всѣ эти по-пытки были совершенно неудачны и приводили только съ тѣмъ боль-шей опредѣленностью къ противоположнымъ результатамъ. Онѣ ясно по-казали, что такое раздѣленіе невозможно. Я подробно это разобралъ и пояснилъ примѣромъ въ своей критикѣ понятія о видѣ («Gen. Morph.», II, 323—364).

Здѣсь же будетъ затронута только одна сторона этого вопроса, такъ какъ она не только противниками, но даже и нѣкоторыми выдающимися приверженцами дарвинизма разсматривается, какъ одна изъ слабѣйшихъ сторонъ его, именно *полученіе помѣсей или гибридизмъ*. Между культивированными породами и дикими видами должно суще-ствовать то различіе, что первыя должны быть способны къ произве-денію плодоносныхъ помѣсей, вторые—нѣтъ. Каждыя двѣ различныя культивированныя породы или дикія разновидности *одного вида* должны во всѣхъ случаяхъ обладать способностью производить другъ съ дру-гомъ помѣси, которыя могли бы смѣшиваться между собой или съ род-ственной имъ формой и давать плодовитое потомство. Наоборотъ, *два дѣйствительно различныхъ вида*, два культивированныхъ или дикихъ вида одного рода никогда не обладаютъ способностью давать помѣси которыя могли бы плодоносно скрещиваться между собой или съ род-ственными видами.

Что касается перваго утвержденія, то оно просто опровергается тѣмъ фактомъ, что существуютъ организмы, не смѣшивающіеся съ своими доказанными предками и не способные поэтому давать плодо-носное потомство. Такъ, напр., наша культивированная морская свинка не спаривается со своимъ дикимъ бразиліанскимъ родоначальникомъ. Наоборотъ, домашняя кошка Парагвая, происходящая отъ нашей евро-пейской кошки, совсѣмъ не скрещивается съ послѣдней. Между раз-личными породами нашей домашней собаки, напр., между громаднымъ ньюфаундлендомъ и крошечной постельной собаченкой спариваніе не возможно по чисто механическимъ причинамъ. Но особенно интересный примѣръ представляетъ кроликъ Порто-Санта (lepus Huxleyi). На ма-ленькомъ островѣ Порто-Санто близъ Мадейры было высажено въ 1419 году нѣсколько кроликовъ, родившихся на баржѣ корабля отъ ручного испанскаго кролика. Благодаря тому, что тамъ не было нака-кихъ хищныхъ, эти звѣрьки въ короткое время такъ расплодились, что сдѣлались мѣстнымъ бичемъ и заставили даже переселиться тамошнюю колонію. Еще и въ настоящее время они во множествѣ населяютъ

стр.

ходскихъ школъ. — Земскіе начальники и крестьянское самоуправленіе. — Спичечныя фабрики. — Саратовское общество книгопечатниковъ. 13

15. БЕЛЬГІЙСКІЙ РАБОЧІЙ ВЪ РОССІИ. А. Новино. 25

16. Изъ русскихъ журналовъ. «Русское Богатство». — «Русская Мысль».—«Вѣстникъ Европы» 41

17. За границей. Событія французской жизни.—Пьеса Альфонса Додэ въ американскомъ судѣ. — Изъ области женскаго движенія.—Лондонскій союзъ помощи работницамъ.—Голодъ въ Индіи.—Эпизодъ изъ современной исторіи Германіи.—Брюссельскій научный клубъ.—Народныя школы у буровъ. . . . 48

18. Изъ иностранныхъ журналовъ. «The Humanitarian». — «Nineteenth Century»,—«Revue pédagogique».—«National Review». 59

19. КАРЛЪ КАУТСКІЙ ОБЪ АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНѢ. М. Рафаилова. 64

20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Физіологія. О нормальномъ присутствіи и значеніи мышьяка въ организмѣ человѣка и животныхъ.—Ботаника. О нѣкоторыхъ необычныхъ случаяхъ передачи наслѣдственныхъ свойствъ.—Медицина: 1) О вредѣ, причиняемомъ озогеновыми лампочками; 2) о солнечномъ ударѣ. Д. Н.—Геологія. Къ вопросу о происхожденіи нефти.—Техника: 1) Новое пластическое вещество целлюлитъ; 2) большой каналъ въ Чикаго. — Статистика. Къ парижской выставкѣ 1900 г.—Географія и путешествія. Восхожденія на Монъ-Бланъ прежде и теперь. Н. М. — Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго. 69

21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія литературы.—Исторія всеобщая. — Политическая экономія.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 84

22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 116

23. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ЭЛЕОНОРА. Романъ миссисъ Гомфри Уордъ. Перев. съ англ. 47

25. ТРАНСФОРМИЗМЪ И ДАРВИНИЗМЪ Эрнста Геккеля. Переводъ съ девятаго нѣмецкаго изданія В. Вихерскаго 53

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) ***Рукописи,*** присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) ***Лица,*** адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.
This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

ICLF (N)

JUN 4 1976 0
REC. CIR. DEC 17 '75

LD 21A–45m-9,'67
(H5067s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

YD 13664

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C042636835